

М 135

ЛѢТОПИСИ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

И
ДРЕВНОСТИ,

НЕ КОПИРОВАТЬ

ИЗДАВАЕМЫЯ

НИКОЛАЕМЪ ТИХОНРАВОВЫМЪ.

ТОМЪ II.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ГРАЧЕВА И КОМП.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Москва, декабря 31 дня 1859 года.

Ценсоръ *А. Драшусовъ.*

2007237166

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАРАМЗИНА, КАКЪ ПРАКТИЧЕСКАГО ФИЛОСОФА.

Еще далеко не опредѣлено значеніе, которое имѣлъ для насъ Карамзинъ своею мыслью, какъ литераторъ, какъ ученый и какъ гражданинъ. Скажемъ болѣе: изданныхъ матеріаловъ для подробной его оцѣнки еще такъ мало, что нѣтъ и возможности произнести о немъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ окончательнаго сужденія. Извѣстно нѣсколько весьма важныхъ его статей, еще ненапечатанныхъ безъ пропусковъ: сколько же, быть можетъ, сохранилось о немъ интересныхъ данныхъ, о существованіи которыхъ мы и не подозреваемъ? Такъ еще недавно удалось мнѣ первому ознакомиться съ его Альбомомъ, который вслѣдъ за тѣмъ былъ напечатанъ во второй книжкѣ «Лѣтописей русской литературы и древности.»

Альбомъ этотъ даетъ возможность объяснить себѣ подробнѣе философскіе взгляды Карамзина, отъ которыхъ конечно не могли не быть въ тѣсной зависимости всѣ отрасли его дѣятельности. Отрывочность отдѣльныхъ статей Альбома, не мѣшающая впрочемъ замѣтить главной идеи, которую руководился Карамзинъ при ихъ выборѣ, и отсутствіе прямого указанія на эту идею — наводятъ на мысль, что послѣднее было сдѣлано въ разговорѣ, при чемъ конечно и уяснилось многое, недосказанное на бумагѣ. Уже поэтому, мы считаемъ не лишнимъ представить нѣкоторые данныя для разбора Альбома, въ надеждѣ, что другіе опредѣлятъ точнѣе все его значеніе. Въ то же время, мы постараемся сообщить

нѣсколько указаній на отношеніе образа мыслей, выраженнаго въ немъ, къ нѣкоторымъ явленіямъ въ ученой дѣятельности нашего историографа.

Нельзя не остановить вниманія на сходствѣ убѣжденій Карамзина, высказанныхъ словами Руссо и другихъ писателей, со взглядами Канта относительно добродѣтели, дружбы, монархическаго правленія. «Способность и рѣшимость сопротивляться сильному, но несправедливому врагу, пишетъ Кантъ, и называется мужествомъ, а относительно врага въ насъ самихъ — добродѣтелью, которая есть нравственная сила въ исполненіи обязанностей¹⁾». «Имя добродѣтели», читаемъ въ Альбомѣ, «и происходитъ отъ силы: человѣкъ добродѣтельный находится постоянно въ военномъ положеніи и долженъ безпрестанно вступать въ бой съ самимъ собою». Вслѣдъ за статью о добродѣтели, Карамзинъ помѣщаетъ статьи о супружествѣ и дружбѣ. Въ основаніе супружества Карамзинъ кладетъ добродѣтель и дружбу. «Я когда то думалъ», пишетъ онъ, «что любовь необходима для того, чтобы быть счастливымъ въ супружествѣ; но это ошибка: достаточно благородства (l'honnêteté), добродѣтели, извѣстныхъ приличій.... Молодые супруги! вамъ грозитъ опасность, если вы другъ для друга ничто другое, какъ любовники: заключите заранѣе между собою дружбу, чтобы сохранить ее навсегда. Довѣріе, которое важнѣе любви, замѣнить ее». — «Заключаютъ супружескій союзъ», сказано тамъ же не для того, чтобы любить другъ друга, а чтобы взаимно нести обязанности». И такъ супружество, а равно и дружба, по Карамзину есть обязанность, которую беретъ на себя человѣкъ и самая добродѣтель возлагаетъ ее на насъ. Что я не ошибаюсь, толкуя такъ связь мыслей Карамзина о добродѣтели, супружествѣ и дружбѣ, свидѣтельствуемъ также самая послѣдовательность статей Альбома.

Весьма сходныя съ этимъ убѣжденія встрѣчаемъ мы относительно дружбы у Канта. О ней есть цѣлый отдѣлъ въ его Tugendlehre, гдѣ она причисляется къ обязанностямъ человѣ-

¹⁾ См. Канта, Tugendlehre, Einleitung. I. Kants Werke. Leipzig. 1838. Fünfter Band, S. 203.

ка¹⁾). Наконецъ самыя идеи Канта объ апатіи или отсутствіи аффектовъ, какъ условіи добродѣтельнаго образа дѣйствій, мы встрѣчаемъ въ Альбомѣ, гдѣ высшими добродѣтелями считаются добродѣтели отрицательныя (*vertus négatives*). Совершивъ переворотъ въ философіи, Кантъ самъ не могъ не впасть въ крайность. Вотъ почему, возставъ на эмпиризмъ въ наукѣ о добродѣтели, онъ дошелъ до убѣжденія, что во имя homo пошменон мы должны жертвовать homo phaenomenon²⁾. Человѣкъ, по Канту, существо, созданное для осуществленія отвлеченныхъ идей добродѣтели и долга. вмѣсто добродѣтельнаго образа дѣйствій, при которомъ цѣль — самое дѣйствіе, жизнь, а добродѣтель — качество, человѣку предписывается какое то самозакланіе во имя ея. Но послѣдуемъ за Кантомъ. «Осуществлять идеи правды и добродѣтели, пишетъ онъ, не въ состояніи тотъ, кто не достигъ свободы духовной или автономіи. Государство основали люди для того, чтобы устранить для каждаго индивидуума препятствія къ пріобрѣтенію этой автономіи. Послѣднія заключаются въ безпорядкахъ и дикой необузданности общества; и потому правительство создано для уничтоженія тѣхъ и другой»³⁾. И такъ чѣмъ правительство успѣшнѣе дѣйствуетъ, имѣя въ виду эту цѣль, или чѣмъ оно сильнѣе, тѣмъ оно лучше. Самое же малосложное

1) Nach Freundschaft, als einem Maximum der guten Gesinnung gegen einander, zu streben... ist eine Pflicht. Ethische Elementarlehre. II. B. II. Hstck. § 46, B. V, S. 309.

2) Стр. 246: Der Mensch betrachtet sich im Bewusstsein seiner Pflicht gegen sich selbst, als Subject derselben, in zwiefacher Qualität: erstlich als Sinnenwesen (homo phaenomenon), dann aber auch als Vernunftwesen (homo noumenon) u. s. w. Всѣ обязанности человѣка относительно homo phaenomenon ограничиваются у Канта самохраненіемъ. Развитіе же въ самомъ тѣлѣ силы и красоты, которое нельзя не считать обязанностію, онъ совершенно упускаетъ изъ виду. Въ этомъ отношеніи въ Альбомѣ мы можемъ указать на весьма удачное дополненіе идей Канта, на выписку изъ Мильтона.

3) Das Staatsrecht, § 44. Man muss aus dem Naturzustande, in welchem jeder seinem eigenen Kopfe folgt, herausgehen, um sich einem öffentlich gesetzlichen, äusseren Zwange zu unterwerfen. Въ Rechtslehre, § D, Einleitung, Кантъ пишетъ: wenn ein gewisser Gebrauch der Freiheit selbst ein Hinderniss der Freiheit nach allgemeinen Gesetzen (d. i. unrecht) ist, so ist der Zwang, der diesem entgegengesetzt wird, recht и потому Кантъ говоритъ дальше: das strikte Recht kann auch als die Möglichkeit eines mit Jedermanns Freiheit nach allgemeinen Gesetzen zusammenstimmenden wechselseitigen Zwanges vorgestellt werden.

и сильное есть автократическое и потому оно лучшее; такъ же называемая ограниченная форма правленія прикрываетъ только видомъ законности поступки, основанные на своекорыстїи и ведетъ къ непрерывнымъ междоусобїямъ. Конечно «автократїя легко переходитъ въ деспотизмъ; но какъ скоро она учредилась въ какой либо странѣ, то монархъ не можетъ самовольно замѣнить ее другою формою правленія, а долженъ лишь стремиться къ тому, чтобы древняя эмпирическая форма правленія, служившая для того, чтобы создать подданныхъ, перешла въ примитивную или рациональную».

Итакъ есть два лучшихъ образа правленія: одинъ по простотѣ и малосложности, другой по примитивности. Первый называется самодержавнымъ, второй чистою республикою ¹⁾ Нельзя не замѣтить, какъ много сходства во всемъ этомъ съ убѣжденїями Карамзина. Записка о древней и новой Россїи написана съ цѣлю доказать, что установившіяся у насъ государственныя формы коренятся въ исторїи и потому насильственное ихъ измѣненіе даже со стороны самой власти ничѣмъ бы не оправдывалось; въ Альбомѣ выставляются преимущества самодержавїя передъ конституціоннымъ правленїемъ и въ то же время первому противопоставляется недостижимая впрочемъ форма правленія, въ которой бы законъ стоялъ выше человѣка. Итакъ Кантъ и Карамзинъ требовали отъ правительства во первыхъ уваженія къ тому, что развилось исторически и во вторыхъ рѣшимости ограничить кругъ своей дѣятельности строгою бдительностью за тѣмъ, чтобы насиліе и самовластіе, съ чьей бы стороны ни было, не препятствовали частнымъ лицамъ совершенствоваться нравственно.

Понятенъ этотъ образъ мыслей обоихъ, если припомнить, что передовые люди 19-го вѣка къ тому лишь одному и стремились, чтобы въ основанїи государства легла идея справедливости. Сочувствуя свободному развитію народа, при бди-

¹⁾ Staatsrecht, § 51, 52. Die Staatsformen mögen also bleiben, so lange sie durch alte und lange Gewohnheit (гражданскіе навыки у Карамзина) für notwendig gehalten werden... Aber die constituirende Gewalt hat die Verbindlichkeit die Regierungsart allmählig und continuirlich dahin zu verändern, dass sie mit der einzig rechtmässigen Verfassung, nämlich der einer reinen Republik ihrer Wirkung nach zusammenfalle u. s. w.

тельномъ лишь правительствѣ, Карамзинъ не скрывалъ своего удивленія къ Екатеринѣ и нѣкотораго нерасположенія къ Петру. Впрочемъ ошибся бы тотъ, кто бы подумалъ, что Карамзинъ обрекалъ правителей на какую то пассивность. Нѣтъ, онъ возлагалъ на нихъ обязанность: не плѣняться ни блескомъ силы военной, ни однимъ матеріальнымъ развитіемъ націи, а любить ее. — Какъ же понималъ Карамзинъ послѣднее, объ этомъ дадутъ понятіе слѣдующія слова Канта: «любовь, какъ долгъ относительно человѣчества — не есть эстетическое чувство, заставляющее насъ радоваться при видѣ совершенства другихъ людей: она есть максима доброжелательности, влекущая за собою добрыя дѣла»¹⁾

Не стану распространяться далѣе о сходствѣ идей Карамзина съ идеями Канта; замѣчу только, что оно убѣждаетъ насъ въ томъ, что Карамзинъ слѣдилъ за современнымъ ему развитіемъ философіи на западѣ и издавна знакомый съ сочиненіями Руссо, онъ не могъ не остановить вниманія на ученіи мыслителя, значеніе котораго, какъ практическаго философа, заключается именно въ томъ, что онъ формулировалъ идеи Руссо, конечно отчасти видоизмѣнивъ ихъ. Впрочемъ вліяніе мыслей Руссо не ограничилось Кантомъ и Карамзинымъ, а распространилось и на другихъ замѣчательныхъ мыслителей послѣдней четверти 18-го и первой 19-го столѣтія. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ Фихте, окончательное развитіе практической философіи котораго вертится около того же года, въ которомъ написанъ Альбомъ Карамзина²⁾.

Фихте, заслуги котораго такъ велики, вмѣстѣ съ Карамзинымъ гордился тѣмъ, что воспитался на Руссо и прекрасно опредѣлилъ значеніе послѣдняго въ исторіи развитія человѣчества. «Пробужденный Руссо, духъ человѣческой совершилъ великій подвигъ: онъ измѣрилъ самъ себя» пишетъ Фихте, и далѣе: «молодые люди, полные силъ, почувявъ на себѣ вліяніе

¹⁾ Die Liebe wird hier nicht als Gefühl (ästhetisch) d. i. als Lust an der Vollkommenheit anderer Menschen... genommen, sondern muss als Maxime des Wohlwollens (praktisch) gedacht werden, welches das Wohlthun zur Folge hat.

²⁾ Das System der Rechtslehre in Vorlesungen 1812; das System der Sittenlehre 1812. Die Staatslehre oder über das Verhältniss des Urstaates zum Vernunftreiche 1813. Politische Fragmente 1807.

духа Руссо, произведутъ въ мышленіи переворотъ, который будетъ находится въ связи съ этимъ подвигомъ ¹⁾

Къ числу молодыхъ людей, о которыхъ говоритъ Фихте, слѣдовало бы причислить и Карамзина: духъ Руссо подѣйствовалъ также на него и онъ приступилъ къ изученію русской исторіи, благоговѣя передъ мыслью лучшихъ современныхъ ему философовъ. Впрочемъ Карамзинъ не былъ слѣпымъ послѣдователемъ ни Руссо, ни Канта. Такъ первый нигдѣ не восхваляетъ самодержавія, приверженцемъ котораго является Карамзинъ, сходствуя въ этомъ съ Кантомъ; такъ мы не встрѣчаемъ у послѣдняго убѣжденія, что правительство, чувствующее свою силу, не уподобится Неронамъ и Тиверіямъ, а мысль эта, какъ намъ кажется, вѣрна, если только, какъ часто бываетъ, не смѣшивать съ сознаниемъ силы величавую трусость.

Чтобы объяснить, какъ вѣрны приведенныя выше слова Руссо и что литературною дѣятельностью послѣдняго обозначена грань между двумя эпохами мышленія, замѣтимъ, что и въ Англіи, въ послѣдней четверти 18-го столѣтія произошелъ переворотъ въ изученіи философіи. Виновникомъ его былъ Ридъ, идеи котораго представляютъ много сходства съ идеями Канта. Ридъ менѣе заимствовалъ у Руссо, но послѣдній самъ былъ тѣсно связанъ съ предшественниками Рида въ Англіи, теорія котораго была вызвана въ видѣ противодѣйствія трудами ихъ.

«Люди, обладающіе хоть малою долею таланта», сказано въ Альбомѣ, «читаютъ только два рода книгъ: такія, которыя заставляютъ думать и такія, которыя содержатъ факты». Спрашивается: углубившись въ лѣтописи, пересталъ-ли Карамзинъ читать книги перваго рода, забылъ ли онъ, приступивъ, къ собранію данныхъ для описанія прошедшаго Россіи, то, что почерпалъ въ Руссо и другихъ сочинителяхъ? Альбомъ свидѣтельствуетъ, что нѣтъ; притомъ не подвержено сомнѣ-

¹⁾ Durch Rousseau geweckt, hat der menschliche Geist ein Werk vollendet... er hat sich selbst ausgemessen (Фихте подразумеваетъ трансцендентальную философію Канта) и даже: durch jenen Geist geweckt werden junge kraftvolle Männer die gänzliche, neue Schöpfung der menschlichen Denkungsart, die dieses Werk bewirken muss, hervorbringen.

нію, что, приступивъ къ своему послѣдному и главному труду, Карамзинъ не намѣревался пожертвовать дѣятельности въ чисто ученой сферѣ даже своимъ литературнымъ вліяніемъ на современниковъ. Разсказывая исторію Россіи, онъ постоянно имѣлъ въ виду настоящее и потому трудно предположить, чтобы его философскія идеи, выработывавшіяся въ то время, когда онъ трудился надъ собираніемъ фактовъ для исторіи Россіи, не отразились на послѣдней. Не имѣя времени подвергнуть ее обстоятельному разбору съ цѣлью опредѣлить подробно, гдѣ и какъ проявляется въ Исторіи Государства Россійскаго мысль Карамзина, какъ практическаго философа, ограничусь на время указаніемъ того вліянія, которое оказали не него идеи Руссо, при составленіи имъ Записки о древней и новой Россіи. Читая ее, нельзя не замѣтить, что отвлеченныя понятія, которыя руководили имъ, когда онъ писалъ ее, заставили его утратить нѣсколько смѣслъ къ пониманію дѣйствительности, такъ что многое въ ней освѣщено не вѣрно, согласно съ буквою, но не съ духомъ лѣтописцевъ. Такъ, говоря о норманнскомъ періодѣ, Карамзинъ пишетъ, что князей тогда оживляла пылкая романтическая страсть къ завоеваніямъ; монархи казались народу полубогами; въ счастливомъ отдохновеніи мира государь пировалъ съ вельможами и народомъ, какъ отецъ среди своего семейства многочисленнаго. Невольно припоминаешь при чтеніи этихъ строкъ возгласы Руссо о доблестяхъ людей, неиспорченныхъ ложнымъ образованіемъ, его сочувствіе Катонамъ и всему древнему міру, когда законодатели облекались въ глазахъ народа *божескимъ* авторитетомъ. Согласно съ послѣднимъ, Карамзинъ отозвался и о Екатеринѣ: «она ласкала такъ называемыхъ философвъ, но хотѣла повелѣвать, какъ земной *Богъ* и повелѣвала. Сравнивая всѣ извѣстныя намъ времена Россіи, всякій изъ насъ скажетъ, что время Екатерины было одно изъ счастливейшихъ для Россіи, едва ли не каждый изъ насъ пожелалъ бы жить тогда». Самое мнѣніе Карамзина о Петрѣ вполне согласовалось со взглядами Руссо на этого монарха. Признавая въ Петрѣ замѣчательнаго воина и геніальнаго правителя, Карамзинъ ставитъ ему въ вину цѣль его, которая состояла въ присвоеніи *обычаевъ европейскиихъ* и жестокія мѣры, къ

которымъ не нужно было прибѣгать Екатерину, «ибо она не требовала отъ Россіянъ ничего противнаго ихъ совѣсти и гражданскимъ навыкамъ». Какъ сказано выше, совершенно того же мнѣнія былъ о Петрѣ Руссо. Приведемъ слова послѣдняго: «*Pierre avait le génie imitatif... Il a d'abord voulu faire des Allemands, des Anglois, quand il fallait commencer par faire des Russes.*»¹⁾ Иногда въ Запискѣ о древней и новой Россіи буквально приводятся слова, которыя встрѣчаются и въ Альбомѣ; такъ въ первой приведены, также съ цѣлью доказать ихъ ошибочность, слова: «надобно только поставить законъ еще выше государя». Въ Альбомѣ Карамзинъ ставитъ Катона, какъ идеаль патриота, выше космополита Сократа; въ Запискѣ намъ ставится въ вину, что послѣ Петра мы съ пріобрѣтеніемъ добродѣтелей человѣческихъ утратили много гражданскихъ. Останавливая вниманіе на нѣкоторыхъ частностяхъ въ статьѣ о древней и новой Россіи, я надѣялся доказать, что даже въ немъ замѣтно вліяніе Руссо. Гораздо конечно важнѣе то, что самыя главныя идеи въ этой статьѣ тѣже, которыя мы встрѣчаемъ въ Альбомѣ. Вѣра, любовь къ отечеству и самодержавіе вотъ главныя начала, о которыхъ говоритъ Карамзинъ въ статьяхъ послѣдняго, писанныхъ передъ самымъ нашествіемъ Наполеона. Въ то же время говорилъ онъ въ Запискѣ о древней и новой Россіи: «вѣра, любовь къ своимъ обычаямъ и ненависть къ чужеземной власти повели въ 1612 году къ освобожденію Москвы» и далѣе: «вслѣдъ за тѣмъ граждане и аристократы, воспламененные любовью къ отечеству, зывали: Богъ и Государь».

Мы старались доказать выше, что въ идеяхъ Карамзина, выраженныхъ въ Альбомѣ, много сходства съ идеями Канта. Записка о древней и новой Россіи вся основана на мысли, въ то время развитой послѣднимъ съ рѣдкою ясностью. «Монархъ», пишетъ Кантъ, «обязанъ стремиться не устранять существующій порядокъ, а измѣнять его постепенно, смягчая его и содѣйствуя тому, чтобы древнія эмпирическія формы постепенно перешли въ рациональныя». Главное дѣло Екате-

¹⁾ Contrat Social; du peuple, livre II, chap. VIII.

рины II, по Карамзину, заключалось въ томъ, что ея смягчилось самодержавіе, не утративъ силы своей. Съ рѣдкою опредѣлительностью, согласно Канту, объявляетъ себя Карамзинъ противъ двудержавія и олигархіи, которая помышляетъ лишь о себѣ.

Быть можетъ, спросять: велико ли достоинство идей Карамзина, вѣрно-ли судилъ онъ о современныхъ нуждахъ, не былъ ли взглядъ его отсталымъ? Стоитъ прочесть сочиненія Канта, Фихте и другихъ лучшихъ писателей того времени, чтобы убѣдиться, какъ современенъ былъ взглядъ Карамзина. Усиленіе олигарховъ, которое могло приходиться въ голову своекорыстнымъ или нѣкоторымъ незрѣлымъ людямъ, замедлило бы безъ сомнѣнія ходъ развитія государства. Рядъ статей, недавно напечатанныхъ въ Русскомъ Вѣстникѣ, которыя прочтены конечно всѣми и выходки людей высшей породы убѣждаютъ насъ, что и теперь еще взглядъ Карамзина во многомъ не утратилъ своего значенія. Вообще Записка и Альбомъ, по духу, въ которомъ онѣ написаны, вѣчно будутъ свидѣтельствовать о ясности ума Карамзина и о благородномъ, смѣломъ его сочувствіи всему полезному для Россіи. —

Лучшимъ доказательствомъ тому, что Карамзинъ не приписывалъ себѣ одному истинъ, которыя высказалъ въ Запискѣ о др. и н. Р. служатъ его же слова:» Какое имѣю право судить о настоящемъ? Любовь къ Отечеству, Монарху, нѣкоторыя, можетъ быть, данныя мнѣ Богомъ способности, нѣкоторыя знанія, пріобрѣтенныя мною въ лѣтописяхъ міра и *въ бесѣдахъ съ мужами великими*, т. е. въ ихъ твореніяхъ.» — Альбомъ былъ составленъ имъ вѣроятно съ цѣлью представить философскія доказательства въ пользу началъ, которыя въ Запискѣ онъ выводилъ изъ наблюденія давно прошедшихъ и недавно минувшихъ судебъ Россіи. Опредѣливъ съ точностью, какого рода были эти начала, мы поймемъ доносы людей высшей породы, подобные тому, который недавно напечатанъ въ одной изъ книжекъ «Чтеній московскаго Общества исторіи и древностей».

Чтобы судить объ отношеніи, въ которомъ находился Карамзинъ къ Руссо при составленіи Альбома, надо уяснить себѣ, какъ онъ составленъ. Часто одна статья состоитъ изъ

нѣсколькихъ отрывковъ, почерпнутыхъ въ совершенно различныхъ сочиненіяхъ Руссо и отрывки эти расположены такъ, что въ связи представляютъ нѣчто цѣлое. Иногда у Руссо они въ связи съ предшествующимъ и послѣдующимъ ведутъ къ совершенно другимъ результатамъ, чѣмъ тѣ, для которыхъ воспользовался ими Карамзинъ. Иногда важно знать, что именно выпустилъ онъ. Съ цѣлью облегчить трудъ при сличеніи Альбома Карамзина съ сочиненіями, изъ которыхъ почерпнуты заключающіяся въ немъ выписки, укажу на страницы, гдѣ стоятъ главнѣйшія изъ нихъ или значительнѣйшія по величинѣ ¹⁾). При ссылкахъ относительно отрывковъ, почерпнутыхъ изъ Руссо, я пользовался изданіемъ Петитена, которое важно уже по нѣкоторымъ комментаріямъ и историческимъ заключеніямъ. Такъ, мнѣ кажется, не лишено интереса то обстоятельство, что, выставя преимущества монархическаго образа правленія, Руссо отчасти имѣлъ въ виду правленіе Шуазеля. Взгляды Руссо зависѣли часто отъ внѣшнихъ условій; знаніе послѣднихъ опредѣляетъ иногда большее или меньшее достоинство первыхъ и тѣмъ даетъ возможность судить отчасти и о вѣрности самыхъ убѣжденій Карамзина.

Н. ЛЫЖИНЪ.

¹⁾ Сообщаемъ смыслы, о которыхъ упомянули:

Христіанская политика, 2 отрывка изъ *Discours sur l'histoire universelle de Bossuet. Troisième partie, chapitre huitième. Oeuvres etc. Liège, chez les Libraires Associés Tome IX* p. 363 и 365. О любви къ отечеству изъ Руссо III отрывка: а) *Economie Politique, Tome premier* p. 233 б и с) *Emile* p. 581. Стихотворецъ философъ изъ *Popes Essay on Man*. О Богѣ изъ Руссо, 7 отрывковъ: 2 изъ *Emile* p. 329; 4 *ibidem* p. 321—324; одинъ изъ *Lettre à M. de Beaufort T. III* p. 677. Монархія и Самодержавіе, 9 отрывковъ: 4 первыхъ изъ *Contrat Social* p. 351 366, 368, взятый изъ *Gouvernement de Pologne* p. 429. О добродѣтели 6 отрывковъ изъ Руссо: два первыхъ изъ *Emile, livre V* p. 542 и 543. О Супружествѣ изъ Руссо, 3 отрывка: первый изъ *Nouvelle Heloise lettre XX*.

СМОЛЕНСКАЯ ЛЕГЕНДА О СВ. МЕРКУРИИ.

Смоленская легенда о св. Меркурии принадлежит къ важнѣйшимъ произведеніямъ древне-русской литературы. Какъ народныя пѣсни заставляють князя Владиміра воевать съ Татарами, такъ и эта легенда соединяетъ въ одно поэтическое цѣлое древнѣйшія преданія народнаго эпоса съ характеристикою нравственнаго и религіознаго движенія русской жизни во времена татарщины. Это произведеніе принадлежитъ столько же письменной литературѣ, какъ и безыскусственной народной поэзіи, и хотя дошло до насъ по преданію письменному, но во всей ясности обнаруживаетъ свое древнѣйшее чисто народное происхожденіе. Если собственно историческія, точныя свѣдѣнія въ житіяхъ русскихъ святыхъ и въ другихъ духовныхъ повѣствованіяхъ предлагаютъ историку Россіи драгоцѣнныя данныя для разработки народнаго быта; то *легенды*, то есть, такія повѣствованія, въ которыхъ историческая истина, проходя черезъ таинственную область творческой фантазіи, возводится до поэтическихъ идеаловъ, — даютъ самое богатое и самое существенное содержаніе исторіи нашей литературы.

Предлагая читателямъ опытъ литературнаго изученія смоленской легенды, почитаю обязанностію предварительно упомянуть, что она уже введена г. Шевыревымъ въ 3-ю часть его «Исторіи русской словесности». Въ изложеніи XIII вѣка,

подъ рубрикою: *Герои отечества* (стр. 57 и слѣд.), авторъ говорить слѣдующее: «Первое мѣсто между святыхъ мужей XIII столѣтія занимаютъ герои, дѣйствовавшіе противъ Татаръ мечемъ и мученическимъ терпѣніемъ. Первымъ является Меркурій, смоленскій витязь и чудотворецъ; онъ родомъ былъ Римлянинъ, но православнаго исповѣданія; Богоматерь отъ иконы своей позвала его на подвигъ противъ Татаръ. На Долгомъ Мосту, передъ Смоленскомъ, сражался онъ съ ними; сначала онъ поразилъ какого-то исполина татарскаго, а потомъ и цѣлое полчище враговъ. Ему помогали святые молніеносные мужи и сама Богоматерь солнцеобразная. Эту воздушную рать видѣли Татары. Но по совершеніи побѣды, судъ божій, т. е. смерть постигла и Меркурія. Онъ, утомленный, преклонилъ сномъ голову, и сынъ исполина, имъ убитаго, ему отсѣкъ ее. Меркурій взялъ голову и принесъ ее въ городъ. Исповѣдавъ событіе передъ изумленнымъ народомъ, онъ возлегъ въ Смоленскѣ, и особеннымъ явленіемъ приказалъ, чтобы оружіе его было повѣшено надъ его гробомъ». (стр. 57–58).

Очевидно, что г. Шевыревъ имѣлъ въ виду *не самое сказаніе, а только предметъ его*, то есть, героя, въ сказаніи прославленнаго. Потому, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, почтенный авторъ хронологію своего историческаго изложенія ведетъ по лицамъ, когда они жили и дѣйствовали, а не по сказаніямъ, когда составились они о тѣхъ лицахъ, хотя бы между дѣйствующимъ лицомъ или событіемъ и между сказаніемъ о томъ и другомъ прошло сто, двѣсти и болѣе лѣтъ. Несомнѣнно и давно признано, что Меркурій смоленскій, Евфросинія суздальская, Петръ и Февронія муромскіе, Петръ Царевичъ ординскій и друг., относятся къ XIII вѣку; но не только сомнительно, принадлежатъ ли той же эпохѣ сказанія объ этихъ лицахъ, но даже достовѣрно извѣстно, что большая часть сказаній, составились въ XV, даже въ XVI вѣкѣ, а нѣкоторыя и въ XVII. Г. Шевыревъ зналъ это очень хорошо, но допустилъ въ свою исторію литературы анахронизмы по слѣдующему соображенію: «Многія изъ житій—говоритъ онъ—сложены въ томъ же столѣтіи (т. е. въ XIII) и внесены въ лѣтопись; многія появились въ XIV, XV и даже XVI столѣтіяхъ, уже въ подробнѣйшемъ изложеніи. Но мы рѣшили, при изуче-

нїи этихъ многообильныхъ памятниковъ нашей древней словесности, слѣдовать не времени, когда житїя писаны, а времени тѣхъ святыхъ мужей, которыхъ жизнь послужила для нихъ претомомъ. На это двѣ причины: первая та, что устные преданїя, служившія для составленїя житїй, раждались современно святому мужу, котораго касались; вторая, что подробности, извлекаемыя изъ житїй, раскрывая намъ внутреннюю сторону народной жизни, въ порядкѣ времени, особенно любопытны на своемъ мѣстѣ, живѣе обрисовываютъ каждый вѣкъ и тѣмъ восполняютъ недостатки лѣтописей, которыя этой стороны, по большей части, чуждаются». (часть 3-я, стр. 57.)

Эти основанїя изложены г. Шевыревымъ передъ характеристикою *Героевъ отечества и святыхъ по жизни XIII вѣка*. Посмотримъ, какъ теорїя приложена авторомъ къ дѣлу.

Сначала первая причина, то есть: «устныя преданїя, служившія для составленїя житїй, раждались современно святому мужу, котораго касались». Извѣстны баснословныя народныя преданїя о Петрѣ и Февронїи муромскихъ, не вошедшія въ Прологъ и изъятыя критикою изъ исторїи русской церкви¹⁾. Самъ г. Шевыревъ говоритъ о нихъ слѣдующее: «Житїе муромскаго князя Петра и супруги его Февронїи, носитъ на себѣ слѣды устныхъ преданїй народныхъ, которыя собраны неизвѣстно кѣмъ и когда». (3, стр. 63.) По теорїи г. Шевырева, слѣдовало бы полагать, что эти преданїя современны житію Петра и Февронїи; но весь сказочный составъ повѣтствованїя объ этихъ муромскихъ святыхъ, убѣждаетъ всякаго, что устные о нихъ преданїя не имѣютъ ничего общаго съ историческою истиною; и народный идеалъ вѣщей ткачихи и пряжи, загадывающей загадки и своею сказочною хитростью, побѣждающей князя — есть созданіе народной фантазїи, котораго составленїе принадлежитъ глубокой миѣической древности, а примѣненїе къ личности муромской княгини стало возможно только спустя много лѣтъ послѣ кончины ея. Предложенное мною сближенїе муромской легенды съ преданїями нѣмецкаго и русскаго эпоса, и особенно съ сербскимъ сказанїемъ, достаточно убѣждаетъ всякаго, занимающагося лите-

¹⁾ Смотр. Введенїе къ Исторїи русской церкви Макарія, стр. XVI.

ратурою, какъ опасно вести хронологію на основаніи устныхъ преданій¹⁾. Смоленская легенда о св. Меркуріи, какъ показано будетъ ниже, содержитъ въ себѣ нѣсколько грубѣйшихъ историческихъ несообразностей, каковы, напримѣръ, смѣшеніе имени Татаръ съ Печенѣгами, сказка о смерти Батыя, встрѣча обезглавленнаго Меркурія съ дѣвицею, шедшею по воду и проч. Всѣ эти несообразности обязаны своимъ происхожденіемъ устнымъ, народнымъ преданіямъ, которыя, по критикѣ г. Шевырева, слѣдовало бы отнести къ эпохѣ, ближайшей и даже современной смоленскому герою; но онѣ устранены уже изъ позднѣйшей, литературной редакціи сказанія, которою пользовался авторъ Истории русской словесности.

Теперь вторая причина принятой г. Шевыревымъ системы изложенія: «подробности извлекаемыя изъ житій, раскрывая намъ внутреннюю сторону народной жизни, въ порядкѣ времени, особенно любопытны на своемъ мѣстѣ, живѣе обрисовываютъ каждый вѣкъ.» Совершенно справедливо, что эти подробности, раскрывающія внутренній бытъ народа, особенно любопытны *въ порядкѣ времени и на своемъ мѣстѣ*, т. е. въ ту эпоху, когда эти подробности взяты изъ народнаго быта, и вмѣстѣ съ тѣмъ, *когда и какъ* онѣ были записаны авторомъ сказанія. Всякій авторъ изображаетъ событія и лица, сообразно понятіямъ и воззрѣніямъ своего вѣка, а часто и сообразно своимъ личнымъ убѣжденіямъ. Потому позднѣйшіе составители житій святыхъ эпохи древнѣйшей придаютъ многимъ подробностямъ новѣйшую характеристику и тѣмъ самымъ нарушаютъ историческое правдоподобіе. Любопытный примѣръ такого анахронизма можно видѣть на 59 стр. 3-й части Истории русской словесности, въ характеристикѣ Евфросиніи суздальской. Житіе было составлено уже въ половинѣ XVI вѣка, довольно образованнымъ по тогдашнему времени монахомъ. Современникъ Іоанна Грознаго по понятіямъ и литературнымъ пособіямъ своего времени судилъ и о XIII вѣкѣ, приписавъ благочестивой княжнѣ начитанность и обширныя познанія въ риторикѣ, философій, даже въ ариѳметикѣ и ге-

¹⁾ Смотр. мои Лекціи о пѣсняхъ древней Эдды и о муромской легендѣ въ Атенѣ за 1858 г.

ометрии. И въ XVI вѣкѣ такое обширное образованіе для дѣвицы могло быть только желаннымъ, вознесеннымъ до того святаго идеала, который предлагался авторомъ житія въ личности Евфросиніи суздальской. Самъ г. Шевыревъ на стр. 60 говоритъ, что житіе этой княжны составлено уже въ XVI вѣкѣ, а на стр. 59, предлагая характеристику благочестивой дѣвицы XIII вѣка, пользуется для того чертами позднѣйшей эпохи: «Рано обрешши себя Богу — говоритъ онъ — она (т. е. Евфросинія) не пренебрегла и земными науками, какъ говорится объ ней въ житіи: изучала грамматику, риторику, философію, науку числа и мѣры». Вѣроятно, самъ г. Шевыревъ чувствовалъ здѣсь нѣкоторую неловкость потому и прибавилъ: *какъ говорится объ ней въ житіи*. Потому же, вѣроятно, онъ оставилъ эту характеристику русскаго образованія въ XIII в. неполною, умолчавъ о томъ, что благочестивая княжна, по сказанію того же позднѣйшаго жизнеописателя, имѣла себѣ ученымъ наставникомъ во всѣхъ этихъ предметахъ, извѣстнаго боярина Θεодора, пострадавшаго въ Ордѣ вмѣстѣ съ Михаиломъ, княземъ черниговскимъ.

Умѣлъ ли по крайней мѣрѣ г. Шевыревъ воспользоваться подробностями въ житіяхъ святыхъ, раскрывающими внутреннюю сторону народнаго быта и живо обрисовывающими вѣкъ, хотя бы и не тотъ, къ которому онъ отнесены въ Исторіи русской словесности? Это лучше всего можетъ видѣть читатель изъ сличенія сказаннаго г. Шевыревымъ о царевичѣ Петрѣ съ тѣми подробностями, которыя предложимъ мы по самому житію.

На стр. 64 и 65 того же 3-го тома, и тоже въ характеристикѣ XIII вѣка, у г. Шевырева сказано: «Житіе Петра, царевича ординскаго, по прозванію Берки, свидѣтельствуетъ, что силою христовой вѣры мы въ XIII вѣкѣ уже дѣйствовали на своихъ поработителей, Татаръ. Въ Ордѣ, когда епископъ ростовскій Кирилль рассказывалъ хану Беркаю о томъ, какъ Леонтій крестилъ ростовскую землю, — тогда слушалъ его племянникъ хана, плѣнился христіанствомъ, оставилъ все богатство отца своего и вмѣстѣ съ епископомъ ушелъ изъ Орды въ Ростовъ. Богослуженіе храма Пресвятой Богородицы, гдѣ на лѣвомъ клиросѣ пѣли тогда по гречески, а на правомъ

по русски, поразило татарскаго царевича. Онъ молилъ Кирилла крестить его. Имъ основаны были въ послѣдствіи храмъ во имя Петра и Павла на томъ мѣстѣ, гдѣ явились ему сами первоверховные апостолы, и монастырь на берегу озера. Петръ былъ женатъ на русской, одаренъ землею отъ князя — и по кончинѣ супруги, постригшись въ монахи, скончался въ глубокой старости, въ 1253 году. Потомки Петра спасали Ростовъ отъ грозы татарскихъ хановъ, напоминая имъ о родствѣ своемъ».

Не зная житія въ подлинникѣ, можетъ ли читатель догадаться, по этимъ словамъ г. Шевырева, ⁴ что ростовское сказаніе о царевичѣ Петрѣ въ высокой степени важно своими характеристическими подробностями, не только для исторіи литературы и церкви, но и вообще внутренняго быта древней Руси, и въ особенности юридическаго? Г. Шевыревъ, будто нарочно, именно тамъ остановился, гдѣ сказаніе предлагаетъ любопытнѣйшія, драгоценныя для историка подробности о татарщинѣ въ Ростовѣ и объ установленіи и опредѣленіи юридическихъ понятій о владѣніи землею и водою.

Вотъ эти подробности, по рукописямъ графа Уварова, № 884 (Царск. № 743) и № 517 (Царск. № 378).

«По прибытіи царевича Петра изъ Орды въ Ростовъ, епископъ Кириллъ померъ въ 1262 г. Ему наследовалъ владыка Игнатій, при князѣ Борисѣ Васильевичѣ ростовскомъ. Не оставяя своихъ царскихъ потѣхъ, однажды царевичъ Петръ охотился ловчими птицами, вдоль ростовскаго озера, и, утомившись охотою, къ вечеру заснулъ на берегу его. Тогда явились ему два свѣтлыхъ мужа. Когда царевичъ въ ужасѣ палъ передъ ними, они, взявъ его за руку, говорили ему: «друже Петре! не бойся! мы посланы къ тебѣ отъ Бога, въ котораго ты увѣровалъ и крестился, и посланы для того, чтобъ укрѣпить родъ твой и племя, и внуковъ твоихъ до скончанія міра». Потомъ дали они царевичу два мѣшка, въ одномъ золото, а въ другомъ серебро, и велѣли вымѣнить ему въ городѣ три иконы, одну Св. Богородицы съ младенцемъ, другую Св. Димитрія и третью Николая Чудотворца. Царевичъ сначала подумалъ, что эти чудесные мужи *въ Татаряхъ пле-*

мя ему укрепляют¹⁾), но, узнавъ, что они апостолы Петръ и Павель, уразумѣлъ истину. Потомъ велѣли они царевичу, съ вымѣненными иконами, явиться къ епископу и сказать отъ имени первоверховныхъ апостоловъ, чтобъ онъ соорудилъ имъ церковь при озерѣ, гдѣ царевичъ спалъ. Въ ту же ночь являлись они и самому епископу, съ тѣмъ же повелѣніемъ о сооруженіи церкви; и когда на другой день епископъ Игнатій, бесѣдовалъ о томъ съ княземъ ростовскимъ, приходитъ къ нимъ царевичъ съ вымѣненными иконами, которыя сіяли, какъ солнце, и повѣдалъ имъ о своемъ видѣніи. Князь и епископъ, поклонившись иконамъ, много удивлялись, какъ могъ царевичъ вымѣнить такія на торгу, потому что въ городѣ не было иконописцевъ; видѣли также, что царевичъ былъ молодъ и *отъ иновѣрныхъ*²⁾). Но когда Петръ разрѣшилъ ихъ недоумѣніе, епископъ пѣлъ иконамъ молебны, и, отправившись на указанное мѣсто при озерѣ, заложилъ храмъ апостоламъ Петру и Павлу. Когда храмъ былъ готовъ, и царевичъ Петръ поставилъ въ немъ вымѣненныя три иконы, тогда князь ростовскій, вмѣстѣ съ нимъ возвращаясь отъ храма и садясь на коня, глумясь сказалъ царевичу: «владыка тебѣ церковь устроилъ, а я мѣста не дамъ: чтò тогда будешь дѣлать?» Петръ отвѣчалъ: «Княже! повелѣніемъ святыхъ апостоловъ, я куплю у тебя, сколько благодать твоя отлучить отъ земли этой». Князь же, видѣвъ мѣшки Петровы въ епископѣ, помолчалъ немного, потомъ сказалъ: «Петре! вопрошу тебя: дашь ли за мою землю столько, сколько ты далъ за иконы? дашь ли девять литръ серебра, а десятую золота?» Петръ сказалъ: «святые апостолы говорили мнѣ: чтò владыка Игнатій повелитъ, то и сотвори; потому спрошу его самаго». Тогда владыка на вопросъ царевича, благословилъ его и сказалъ: «Господь изрекъ своими святыми устами: просящему у тебя дай; и ты, чадо, *не пощади родителей имънія*³⁾), дай князю, сколько онъ хочетъ». Петръ, вѣруя словамъ владыки, покло-

1) Въ подлин. «мнѣвъ во снопривидѣніе, аки въ татарехъ племя ему укреплетя».

2) Въ подлин. «не вѣдахуть, откуда суть писца, во градѣ ихъ не бысть. Петра же зряху юна суща отъ иновѣрныхъ».

3) Это точныя слова подлинника.

нился ему до земли; пошелъ къ князю и сказалъ ему: «да будетъ, княже, воля святыхъ апостоловъ и твоя!» Тогда князь велѣлъ извлечь *вервь* отъ воды и до воротъ, и отъ воротъ до угла, а отъ угла возлѣ озера: мѣсто это велико. Послѣ того Петръ сказалъ: «повели, княже, ровъ копать, *какъ въ Орду бываесть*, чтобъ не погибло то мѣсто». Такъ и сдѣлали: выкопали ровъ, который видѣнъ и донынѣ; а Петръ началъ отъ воды класть деньги по одиначкѣ, вынимая изъ мѣшковъ, девять литръ серебра и десятую золота; и наполнили возы петровыми *кунами* и тѣ колесницы, на которыхъ клѣтъ ¹⁾, возили такъ что кони едва тронули съ мѣста. Князь же и владыка, видѣвши множество выложеннаго серебра и золота, а мѣшки все такъ же полны, дивились великому чуду.

Спустя нѣкоторое время однажды князь и владыка говорили между собою о царевичѣ Петрѣ: «если этотъ мужъ царскаго племени уйдетъ въ Орду, будетъ не ладно ²⁾ нашему городу»; — а Петръ былъ ростомъ великъ и лицомъ красивъ. И потомъ оба они говорили ему: «Петре? хочешь ли мы выдадимъ за тебя невѣсту?» Петръ же прослезился и отвѣчалъ князю и владыкѣ: «я возлюбилъ вашу вѣру и пришелъ къ вамъ: да будетъ воля господня да ваша! — Князь взялъ ему отъ великихъ вельможъ невѣсту, *потому что были тогда въ Ростовѣ ординскіе вельможи*; а владыка вѣнчалъ Петра и устроилъ ему церковь и освятилъ ее по заповѣди святыхъ апостоловъ.

Князь всегда бралъ Петра на царскую утѣху около озера; ястребами, кречетами и прочими утѣхами тѣшилъ его, *дабы въ нашей вѣрѣ утвердился*. ³⁾ Однажды, во время охоты, сказалъ ему князь: «велю благодать обрѣлъ ты предъ Богомъ и граду нашему. Писано есть: что воздамъ Господеву о всѣхъ, яже воздасть намъ; — пріими же, господине Петре, малую эту землю отъ нашей отчины и воды отъ этого озера: я тебѣ напишу грамоты.» И отвѣчалъ ему царевичъ: «Я, княже, отъ отца и матери не умѣю землю владѣть: а грамоты эти

1) Въ № 517 (Царск. 378) *клѣтъ*, а въ № 884 (Царск. 743) *храмину*.

2) Въ подлин. *будетъ спона*.

3) Тѣми же словами и въ подлинникѣ.

для чего?» — «Все это я тебѣ сдѣлаю — говорилъ князь: а грамоты для того, чтобъ послѣ насъ мои дѣти, внуки и правнуки не отняли тѣхъ земель у твоихъ дѣтей и внучатъ.» Петръ принялъ предложеніе, а князь велѣлъ передъ владыкою писать грамоты: множество земель, отъ озера воды и лѣса, которые и донынѣ, были уряжены Петру.

Орда была тогда тиха много лѣтъ, и князь такъ любилъ Петра, что и хлѣба безъ него не ѣлъ, и при владыкѣ побратался съ нимъ въ церкви. И прозвался Петръ братомъ князю; и родились у него сыновья; и спустя малое время померъ владыка Игнатій, померъ и князь ростовскій, а дѣти его звали Петра дядею и до старости. И много лѣтъ въ благоденствіи пожилъ царевичъ Петръ и преставился въ глубокой старости, въ монашескомъ чинѣ. И положили его у Св. Петра и Павла, у его усыпальница; и отъ того времени установился тамъ монастырь.

Внуки же стараго ростовскаго князя, забывъ Петра и добродѣтель его, начали отнимать луга и украины земли у петровыхъ дѣтей. Тогда сынъ петровъ пошелъ въ Орду, сказался внукомъ брата царева; и возрадовались дядья его, почтили его многими дарами и испросили ему у царя посла. Царевъ посолъ пришелъ въ Ростовъ и разсмотрѣлъ грамоты Петра и стараго князя; и положены были тогда рубежи землямъ по грамотамъ стараго князя, а петрова сына посолъ оправилъ и грамоту ему далъ съ золотою печатью.

Когда посолъ воротился въ Орду, молодые князя ростовскіе стали говорить между собою и съ боярами: «слышали мы, что родители наши звали Петра дядею, и что дѣдъ нашъ много у него серебра взялъ и братался съ нимъ въ церкви; а вѣдь это *родъ татарскій, а кость не наша: что это намъ за племя?* Серебра же намъ не оставили, ни дѣдъ, ни родители наши!» Такъ говорили они, а не искали чудотвореній святыхъ апостоловъ и забыли любовь своихъ родителей; жили такъ много лѣтъ, зазирая петровымъ дѣтямъ, *за то, что въ Орду выше ихъ честь принимали.*

И родились у сына петрова, у Лазаря, сыновья и дочери. Одинъ изъ внуковъ петровыхъ, именемъ Юрій, навывши отъ родителей своихъ честь творить святой Госпожѣ Богоро-

дицѣ въ Ростовѣ, возлагалъ на нее гривны златыя, и учреждалъ пированья владыкамъ и всему клиросу и собору, въ праздникъ апостоловъ Петра и Павла, творя ежегодно память по родителейхъ.

И ловили рыбы ловцы петровы гораздо больше, чѣмъ ловцы городскіе. Петровы ловцы въ шутку закинутъ сѣти и вытащатъ множество рыбы, городскіе же, сколько ни трудятся, все понапрасну. И стали эти послѣдніе говорить князю: «господине княже! если петровы ловцы не перестанутъ ловить, то все озеро наше опустѣеть: всю рыбу повыловятъ». Тогда-то правнуки стараго князя ростовскаго стали говорить Юрію: «Слышали мы, что дѣдъ вашъ грамоты у прародителей нашихъ на мѣсто монастыря вашего взялъ, и рубежи земли его, а озеро наше: на него грамоты не было взято: потому запрещаемъ вашимъ ловцамъ ловить въ этомъ озерѣ». Слышавъ то, внукъ петровъ Юрій, пошелъ въ Орду и сказался правнукомъ брата царева. Дяди же многими почестями его почтили и дарами многими, и посла у царя испросили ему. И пришелъ посоль татарскій въ Ростовъ и сѣлъ при озерѣ у святыхъ апостоловъ Петра и Павла. И былъ страхъ ростовскимъ князьямъ отъ царева посла. И сталъ онъ ихъ судить со внуками петровыми. Юрій положилъ передъ нимъ грамоты; и посоль, воззрѣвъ на грамоты, сказалъ: «положены ли грамоты на эту куплю ¹⁾? ваша ли вода? есть ли подъ нею земля? и можете ли снять воду отъ земли той?» И отвѣчали ростовскіе князья: «Такъ, господине! положены эти грамоты, а земля подъ водою есть, а вода, господине, наша отчина, а снять ее съ земли не можемъ». Тогда сказалъ имъ посоль царевъ: «если не можете снять воду отъ земли, то по что своею называете? а сотвореніе есть вышняго Бога на службу и на пищу всѣмъ человекамъ и скотамъ». И присудилъ царевъ посоль *по земль и воду* внукамъ петровымъ: *какъ есть купля землямъ, такъ и водамъ*; далъ Юрію грамоту съ золотою печатью и ушелъ въ Орду; князья же ростовскіе перестали Юрію творить зло и утишились на многія лѣта.

¹⁾ Въ № 884 сказано: «положены суть грамоты сія купля сія». А въ № 517: «не ложъ ли суть грамоты сія купли».

И возросъ правнукъ петровъ, у Юрья сынъ, Игнатій. При немъ случилось слѣдующее: Пришелъ Ахмыль царь на русскую землю и пожогъ городъ Ярославль; оттуда направился со всею своею силою на Ростовъ. Устрашилась вся земля, а князья ростовскіе бѣжали; бѣжалъ¹⁾ и владыка Прохоръ. Но Игнатій, съ обнаженнымъ мечемъ погнавшись за владыкою, сказалъ ему: «если не пойдешь со мною противъ Ахмыла, то убью тебя! Это наше племя и сродники!» И послушалъ его владыка: со всѣмъ клиросомъ, въ ризахъ, съ крестами и хорургиями, пошелъ противъ Ахмыла, а Игнатій съ гражданами передъ крестами. Взялъ онъ *тѣшь царскую* — соколовъ и кречетовъ, и дорогія шубы, и цвѣтныя портища, и питья различныя, и будучи край поля и озера, сталъ на колына передъ Ахмыломъ и сказалъ ему древняго брата царевымъ племенемъ: «а это — говорилъ онъ — село царево и твое, господине! а купля прадѣда нашего, гдѣ чудеса творились, господине!» И страшно было видѣть рать Ахмылову вооруженну. Тогда Ахмыль сказалъ: «ты *тѣшь* подаешь; а это кто въ бѣлыхъ ризахъ, и чтò это за хорургии? или биться съ нами хотятъ?» Игнатій отвѣчалъ: «это богомольцы царицы и твои, да благословятъ тебя, а носятъ они *божницу* по закону нашему, господине!»

Въ то самое время у города Ярославля былъ въ тяжкомъ недугѣ сынъ ахмыловъ, и возили его на возилахъ. Ахмыль велѣлъ привести его, да благословятъ его. Владыка Прохоръ со всѣмъ клиросомъ, моляся Богу, пѣлъ чудотворцамъ молебны, и, освятивъ воду, далъ испить больному царевичу и благословилъ его крестомъ, — и тотчасъ же сталъ здоровъ сынъ ахмыловъ. Самъ же Ахмыль возрадовался, сошелъ съ коня передъ крестами, и, воздѣвъ руки на небо, сказалъ: «благословенъ вышній Господь, вложившій мнѣ въ сердце придти сюда! Праведенъ еси ты, господине епископе Прохоре! ибо молитва твоя воскресила сына моего. Благословенъ и ты, Игнатіе! ты уберегъ людей своихъ и спасъ этотъ городъ; ты, —

---

¹⁾ Это мѣсто объ Ахмылѣ у г. Шевырева помѣщено въ 83 примѣч. къ II-й лекціи; но вмѣсто: «Владыка Прохоръ *бѣжа*» — какъ значитъ въ лучшихъ рукописяхъ, г. Шевыревъ прочелъ: «Владыка *жъ бѣ* Прохоръ».

наше племя, царева кость! И если будетъ тебѣ здѣсь обида, не лѣнись дойти до насъ!» Сказавъ это, далъ онъ 40 литръ серебра владыкѣ и 30 его клиросу; а самъ взялъ отъ Игнатія царскую *тѣшь*, цѣловалъ его, и, поклонившись владыкѣ, сѣлъ на коня и поѣхалъ въ Орду во свояси. Игнатій же, проводивъ Ахмыла съ честью, возвратился вмѣстѣ со владыкою и съ гражданами въ великой радости; и, пѣвши молебны, прославили они Бога и всѣхъ святыхъ чудотворцевъ».

Это превосходное ростовское сказаніе оканчивается слѣдующимъ заключеніемъ, изъ котораго ясно видно, что предметомъ его было не одно житіе царевича Петра, но историческое повѣствованіе обо всемъ родѣ его, который Татары величали *своимъ племенемъ* и *царевою костью*.

Вотъ это наивное заключеніе: «Дай же, Господи, утѣху почитающимъ и пишушимъ древнихъ родителей дѣянія, здѣ и въ будущемъ вѣцѣ покой! А петрову бы сему роду соблюденіе и умноженіе живота и неоскудѣніе до старости, и безпечаліе, и вѣчная ихъ память до скончанія міра, о Христвѣ Исусѣ Господѣ нашемъ, ему же слава во вѣки аминь!»

Этотъ любопытный эпизодъ изъ ростовскихъ сказаній я внесъ съ двоякою цѣлью: во первыхъ, для того, чтобъ яснѣе опредѣлить критическій взглядъ г. Шевырева и достовѣрность его «Исторіи русской словесности»; и во вторыхъ, для того, чтобы сличеніемъ двухъ легендъ изъ эпохи татарской, то есть, легенды ростовской и смоленской, яснѣе опредѣлить литературное значеніе послѣдней.

На этотъ разъ мы ограничиваемся вышеупомянутымъ отдѣломъ «Исторіи» г. Шевырева, именно, только характеристикою героевъ и святыхъ XIII вѣка. Изъ подробнаго и внимательнаго разсмотрѣнія этого отдѣла оказывается слѣдующее:

1. Г. Шевыревъ смѣшиваетъ эпоху, когда жили лица и происходили событія, съ эпохою, когда были тѣ и другія описываемы. Мы уже видѣли на его характеристикѣ Евфросиніи суждальской, къ какимъ грубымъ анахронизмамъ довелъ автора принятый имъ некритическій методъ.

2. Сосредоточивая вниманіе на священныхъ лицахъ, а не на рассказахъ о нихъ, г. Шевыревъ переходитъ изъ области исторіи литературы въ чуждую ему сферу церковной исторіи.

Но такъ какъ для этого послѣдняго предмета еще необходимѣ историческая и филологическая критика; то и въ этомъ отношеніи книга г. Шевырева столько же погрѣшительна, какъ и въ отношеніи исторіи литературы.

Вотъ примѣръ. Г. Шевыревъ, какъ мы уже видѣли, относитъ кончину Петра царевича къ 1253 году, слѣдуя «Словарю святыхъ». Но изъ самаго житія мы уже знаемъ, что владыка Игнатій, при которомъ этотъ царевичъ жилъ и подвизался въ Ростовѣ, былъ возведенъ на епископскій престолъ въ 1262 году. Сверхъ того, о хронологіи этого житія г. Шевыревъ долженъ бы принять слѣдующія очень важныя соображенія Преосвященнаго Филарета, въ его Исторіи русской церкви: «Св. Игнатій былъ преемникомъ Кириллу съ 1261 г.¹⁾ (Лѣтоп. у *Карамз.* 4. пр. 113). Ханъ *Берте* или *Бергай* былъ преемникомъ брату своему Батюю съ 1257 г., и умеръ въ 1266 г. Такимъ образомъ прибытіе царевича въ Россію послѣдовало едва ли прежде 1257 г. Св. Петръ послѣ крещенія вступилъ въ бракъ, имѣлъ дѣтей, овдовѣлъ, пережилъ св. Игнатія, скончавшагося 1288 г., и слѣд. скончался около 1290 г. Въ Словарѣ святыхъ самая смерть Царевича отнесена къ 1253 г. Это уже нелѣпость». (Изд. 3-е. 1857. ч. 2, стр. 23). Рѣшительно нельзя понять, почему г. Шевыревъ безо всякихъ съ своей стороны доводовъ, рѣшился принять мнѣніе, признанное за нелѣпость.

3. Желая сосредоточить характеристику духовнаго развитія Руси XIII вѣка на священныхъ личностяхъ, какъ на *историческихъ данныхъ*, г. Шевыревъ не обращаетъ уже надлежащаго вниманія на литературные источники, откуда извлекаются свѣдѣнія объ этихъ данныхъ. Извѣстно, что житія, какъ и другія древне-русскія произведенія, различаются по редакціямъ. Въ исторіи церкви необходимо означить, какая редакція принята въ основу изложенія и чѣмъ отличается она отъ другихъ. Это должно быть исходною точкою въ разработкѣ нашей древней письменности. Но г. Шевыревъ ограничивается слѣдующими указаніями: о житіи царевича Петра въ примѣч. 83-мъ указано: «Опис. Рум. Муз. CLX. л. 83. —

¹⁾ Наше разногласіе въ одномъ годѣ нисколько не мѣшаетъ хронологіи ростовскаго сказанія.

Катал. рук. Царск. № 135, л. 485; № 190, л. 135, № 378, л. 270; № 614, л. 258; № 728, л. 334 об.; № 743, л. 267 об. — Библ. В. М. Унд. № 358». — О Меркуріѣ смоленскомъ въ примѣч. 72-мъ: «Русскій Времянникъ. Печат. въ Моск. Синод. Типографіи 1790 г. стран. 114. — Второе Прибавленіе къ описанію славяно-росс. рукоп. графа *Θ. А. Толстаго*. Отдѣл. II, № 455, л. 43.—Каталогъ рукоп. *И. Н. Царскаго*. № 380, л. 381». Этотъ рядъ цифръ можетъ озадачить неопытнаго и внушить ему великое уваженіе къ полнотѣ или по крайней мѣрѣ громадѣ источниковъ, которыми пользовался авторъ Исторіи русской словесности. Но въ сущности это не болѣе, какъ рѣшительно бесполезный наборъ цифръ. Изъ этихъ указаній г. Шевырева неизвѣстно, помѣщены ли оба эти житія въ Макарьевской Миней, и если помѣщены, то въ какомъ видѣ, въ краткомъ или распространенномъ, въ первоначальномъ или передѣланномъ? Между тѣмъ какъ и то и другое, дѣйствительно, вошло въ этотъ литературный сборникъ половины XVI в., и г. Шевыревъ на первомъ планѣ своихъ ссылокъ на источники долженъ бы упомянуть Четы-Миней, по крайней мѣрѣ по изданному г. Ундольскимъ перечню, если не случилось автору пользоваться самымъ источникомъ. Потомъ: вошли ли эти житія въ прологи, разумѣется въ позднѣйшіе, старопечатные? Далѣе: какія претерпѣли они измѣненія и въ какихъ редакціяхъ дошли до насъ? Нѣтъ ли какихъ особенностей въ различныхъ редакціяхъ одного и того же житія или сказанія? — Изъ нашего изслѣдованія о смоленской легендѣ читатели увидятъ, что она дошла до насъ въ четырехъ различныхъ редакціяхъ, между тѣмъ какъ г. Шевыревъ пользовался одною, и то не означилъ, что это редакція Макарьевской Миней.

4. При такомъ отсутствіи критическихъ основаній всѣ указанія г. Шевырева на авторовъ житій и сказаній не заслуживаютъ вѣроятія; потому что неизвѣстно, какая именно редакція была сочинена или сложена тѣмъ авторомъ, котораго г. Шевыревъ называетъ. Такъ напр. объ авторѣ житія Петра и Февроніи муромскихъ г. Шевыревъ говоритъ: «житіе муромскаго князя Петра и супруги его Февроніи носитъ на себѣ слѣды устныхъ преданій народныхъ, которыя

собраны неизвѣстно кѣмъ и когда. Въ одномъ сборникѣ сочинитель названъ монахомъ Эразмомъ». Ч. 3. стр. 63. Этимъ послѣднимъ извѣстіемъ мы обязаны г. Ундольскому, какъ это видно изъ слѣд. словъ г. Шевырева въ 82-мъ примѣч. къ 11-й лекціи: «Владѣлецъ бібліотеки (т. е. г. Ундольскій) замѣчаетъ, что по Сборнику академическому за № 224, это есть сочиненіе монаха Эразма». Извѣстіе любопытно и важно, какъ и все то, что ни сообщитъ г. Ундольскій; но г. Шевыревъ не умѣлъ воспользоваться этимъ извѣстіемъ, потому что не справился, какая именно редакція житія приписана Эразму, простая или витіеватая? Потому что и эта легенда, какъ и многія другія, подверглась риторической порчѣ. Витіеватую редакцію мнѣ случилось видѣть въ Сборникѣ гр. Уварова за № 425 (Царск. № 129), л. 77. Если академическая рукопись приписываетъ Эразму именно эту редакцію, то все авторство наивнаго монаха ограничилось неумѣстной напыщенностью.

5. Хотя и думаетъ г. Шевыревъ удержать историческій фактъ во всей его чистотѣ, независимо отъ вымысловъ и личныхъ соображеній авторовъ того или другаго сказанія; но, не руководясь основательною критикою, часто за историческій фактъ выдаетъ выдуманную повѣсть. Напримѣръ, никакъ нельзя понять, какимъ это страннымъ случаемъ, въ обзорѣ духовнаго религіознаго характера нашихъ предковъ, подъ чисто-историческою рубрикою: *святые по жизни* помѣщены у г. Шевырева сказочныя подробности о загадкахъ вѣщей дѣвы, миѳической образъ которой въ преданіяхъ народныхъ слился съ памятью объ исторической личности муромской княгини? — Само собою разумѣется, что легенда о Петрѣ и Февроніи, какъ одинъ изъ лучшихъ поэтическихъ памятниковъ русской старины, заслуживаетъ полнаго вниманія историка русской словесности; но пользоваться имъ, съ какою-то исключительно религіозною цѣлью, только для характеристики *святыхъ по жизни*, какъ это дѣлаетъ г. Шевыревъ, значитъ — оказать такую же плохую услугу исторіи русской церкви, какъ и исторіи народной поэзіи, то есть — отнять у послѣдней собственное ея содержаніе и насильственно навязать его первой, или иначе сказать: принять поэтическій вымыслъ за истину и

рядомъ съ дѣйствительно-историческими фактами постановить народную повѣсть, восходящую своими основами къ мифическимъ преданіямъ и согласную съ извѣстною сербскою сказкою, какъ это объяснено мною въ другомъ мѣстѣ ¹⁾. Такимъ образомъ, неправильный и слишкомъ ограниченный взглядъ г. Шевырева на муромскую легенду лишилъ его возможности оцѣнить по достоинству этотъ драгоценный памятникъ древне-русской поэзіи.

6. По той же самой причинѣ г. Шевыревъ не умѣлъ воспользоваться множествомъ замѣчательнѣйшихъ подробностей, которыя въ духовныхъ повѣствованіяхъ предлагаются не только вообще для исторіи внутренняго быта, но и въ особенности для исторіи литературы. Примѣромъ этому служить приведенное мною ростовское сказаніе о Петрѣ царевичѣ. Г. Шевыревъ, какъ мы видѣли, пользовался этимъ сказаніемъ только для доказательства обще-извѣстной мысли, что уже въ XIII в. нѣкоторые изъ Татаръ принимали христіанскую вѣру. Для того и все сказаніе приурочилъ онъ къ XIII-му же вѣку, хотя въ примѣч. 83-мъ и говоритъ: «Когда написано это житіе, неизвѣстно; но должно думать, что оно написано еще во времена татарскаго нашествія. Въ заключеніи рассказываетъ, какъ Игнатій, правнукъ Петра, освободилъ Ростовъ отъ нашествія Ахмыла, татарскаго хана, въ силу своего родства съ нимъ по предкамъ». Преосвященный Филаретъ въ своемъ Обзорѣ русской духовн. литературы (статья 94-я) относитъ сочиненіе сказанія къ XV вѣку, присовокупляя: «Въ описаніи говорится о внукѣ Петра, и описаніе оканчивается такъ: «дай же Господи Петрову сему роду соблюденіе и умноженіе»; *слѣдовательно это писано еще при потомкахъ св. Петра*». Послѣдній выводъ въ высшей степени важенъ для исторіи литературы. Именно имъ, по моему мнѣнію, опредѣляется не только эпоха, когда это сказаніе составилось, но и весь литературный характеръ его. Послѣ царевича Петра уже третье поколѣніе, то есть, его правнукъ — внесено въ легенду. Слѣдовательно она могла составиться не ранѣе ста лѣтъ послѣ

¹⁾ См. мои Лекціи о пѣсняхъ древн. Эды и о муромск. легендѣ въ Атенѣ за 1858 г.

ордынскаго царевича, то есть, не ранѣ послѣдней четверти XIV столѣтія; литературную же отдѣлку могла получить въ первой половинѣ XV-го. Основная мысль сказанія — удержать за монастыремъ Петра и Павла не только земли, но и озеро, пріобрѣтенныя ордынскимъ царевичемъ въ церковное владѣніе. Царевичъ пріѣхалъ изъ Орды въ Ростовъ, вѣроятно, не съ пустыми руками; но все же пріобрѣлъ онъ эти владѣнія не на татарскія деньги, а на данныя ему чудесно отъ самихъ первопрестольныхъ апостоловъ. Этимъ самымъ уже опредѣлялась святость и неприкосновенность церковнаго владѣнія; впрочемъ, въ сказаніи есть замѣчательный намекъ на то, что земли могли быть куплены и на суммы, вывезенныя царевичемъ изъ Орды: «Чадо! не пощади родителей имѣнія» — говоритъ ему владыка Игнатій. Подробности отмежеванія земли въ высшей степени любопытны. Ростовскій князь, по *древне-русскому обычаю* отмѣриваетъ землю *вервю*, по обычаю, согласному съ юридическимъ значеніемъ *верви* Русской Правды. Но татарскій выходецъ этимъ не довольствуется, и, *по обычаю татарскому*, отдѣляетъ купленныя имъ земли *ва́ломъ*. Уже при жизни царевича Петра замѣтно со стороны ростовскаго князя противодѣйствіе татарскому элементу, пускавшему свои корни въ Ростовъ. Князь сначала не даетъ Петру земли, а потомъ продаетъ ее за самую дорогую цѣну, и только тогда перестаетъ питать къ нему подозрѣніе, когда женилъ его, и такимъ образомъ сдѣлалъ его осѣдлымъ въ Ростовѣ; наконецъ подружился съ нимъ, и дружба ихъ обоихъ была освящена *обрядомъ побратимства*. Но тотъ часъ же по смерти того и другаго потомки обоихъ стали враждовать между собою. Князья ростовскіе гнушались потомками ордынскаго царевича, называя ихъ татарскимъ племенемъ и *татарскою костью*, а также и завидовали, что они *въ Ордь выше ихъ, князей русскихъ, честь принимаютъ*. Неудовольствія усилились корыстью, и возникла тяжба о владѣніи озеромъ. Надобно было пріѣхать къ высшей власти въ Ордь, и татарскій посолъ, въ качествѣ юриста, рѣшаетъ дѣло въ пользу потомковъ царевича Петра, а вмѣстѣ и въ пользу церкви противъ свято-татственныхъ покушеній князей русскихъ. Любопытное сказаніе о татарскомъ адвокатѣ за православіе противъ хрис-

тіянскихъ князей! Во всякомъ случаѣ это сказаніе заслуживаетъ того, чтобъ было введено въ исторію русскаго права. Изъ него явствуетъ, что въ XIV вѣкѣ юридическія понятія о владѣніи водою еще не были опредѣлены во всей ясности: что подавало поводъ къ тяжбамъ. *По земль присудити и воду и какъ есть купля землямъ, такъ и водамъ* — вотъ результаты, добытые русскими юристами XIV вѣка. Татарскій посоль предлагаетъ наивное и наглядное доказательство истины этихъ результатовъ. Наивный доводъ — чтобъ мнимый владѣлецъ взялъ свое озеро съ чужой земли — есть какъ бы отдѣльный юридическій анекдотъ, вставленный въ сказаніе. Наконецъ самое заключеніе его чисто эпическое: это — описаніе царской *тѣши*, сопутствуемой крестнымъ ходомъ, для отвращенія немилости татарскаго хана, который, оставивъ свои враждебные замыслы, воздастъ хвалы и православной вѣрѣ, и епископу, и правнуку петрову, называя его татарскимъ племенемъ и татарскою костью.

Изъ предложенныхъ мною замѣчаній о критической методѣ г. Шевырева читатели могли усмотрѣть, почему его исторія русской литературы не даетъ понятія о самой жизни русскаго человѣка, которой наша древняя и народная литература служила вѣрнымъ выраженіемъ. И тѣмъ чувствительнѣе этотъ недостатокъ въ книгѣ такого автора, какъ г. Шевыревъ, который, казалось бы, до того проникнуть мыслию о русской жизни, что готовъ всѣми собственно литературными интересами жертвовать этой основной и любимой его мысли. Причина этого недостатка, какъ мы видѣли, неумѣніе отдѣлить историческій фактъ жизни дѣйствительной отъ народнаго преданія о фактѣ и отъ литературной отдѣлки преданія; то есть, неумѣніе отдѣлить истину историческую отъ субъективныхъ представленій и воззрѣній, въ которыхъ она передается литературными источниками.

Руководясь такимъ мнѣніемъ объ «Исторіи русской словесности» г. Шевырева, мы пришли къ тому убѣжденію, что, вмѣсто полной критической оцѣнки всего этого сочиненія, гораздо полезнѣе будетъ для науки это сочиненіе передѣлать, давъ ему болѣе прочныя историко-филологическія основы. А чтобъ показать путь, которому, по нашему мнѣнію, должно слѣдовать для достиженія результатовъ болѣе вѣрныхъ и для

науки полезныхъ, мы выбрали на первый разъ для опыта *смоленскую легенду о св. Меркурии*. По незрѣлости вообще всѣхъ изслѣдованій по нашей старинѣ и народности, безъ сомнѣнiя, и этотъ опытъ не изыять отъ нѣкоторыхъ погрѣшностей; по крайней мѣрѣ, позволяемъ себѣ думать, что читатели убѣдятся въ необходимости другихъ болѣе основательныхъ началъ и воззрѣнiй, для составленiя исторiи русской литературы, нежели тѣ, которыя усвоилъ себѣ г. Шевыревъ.

Въ изученiи духовныхъ повѣствованiй надобно отличать три важнѣйшiя эпохи: во первыхъ, эпоху самаго событiя или лица, послужившихъ предметомъ повѣствованiя; во вторыхъ время, когда составились народныя преданiя объ этомъ предметѣ, и наконецъ эпоху литературной обработки и потомъ переработки преданiя. Если самый предметъ вымышленъ, то разумѣется первой эпохи для него не существуетъ. Если повѣствованiе обязано своимъ происхожденiемъ искусству книжника, то изъемяется изъ изслѣдованiя и вторая эпоха. Впрочемъ, большая часть повѣствованiй проходятъ, по крайней мѣрѣ, черезъ объ послѣднiя эпохи, удерживая отъ первой хотя бы самыя скудныя и краткiя данныя, иногда только одно собственное имя или намекъ на извѣстную мѣстность или на какое либо историческое событiе. Легенда смоленская проходитъ черезъ всѣ три эпохи. Въ основѣ легенды фактъ, принятый нашею церковью; потомъ этотъ фактъ послужилъ предметомъ разнообразныхъ народныхъ преданiй, и наконецъ преданiя эти получили литературную обработку.

Самый фактъ не составляетъ предмета исторiи литературы. Она имѣетъ дѣло только съ двумя послѣдними эпохами повѣствованiя. Помощiю историко-филологической и эстетической критики довольно легко и почти безошибочно можно отдѣлить народныя преданiя и безыскусственные рассказы отъ витиеватыхъ передѣлокъ, вставокъ и всякаго многословія нашихъ старинныхъ книжниковъ. Само собою разумѣется, что народный элементъ сказанiя или легенды не только несравненно важнѣе всякихъ риторическихъ передѣлокъ, но и по-

преимуществу онъ одинъ составляетъ то существенное достоинство литературы, въ которомъ выражается жизнь народа. Книжная передѣлка витиеватаго свойства даетъ понятіе только о степени развитія грамотнаго просвѣщенія въ извѣстную эпоху, о личныхъ взглядахъ и пристрастіяхъ автора; между тѣмъ какъ народное сказаніе или, по крайней мѣрѣ, народныя преданія, вошедшія въ книжныя передѣлки, ставятъ изслѣдователя лицомъ къ лицу въ прямыя отношенія съ вѣрованіями, убѣжденіями и воззрѣніями всего народа. Эти преданія и сказанія, хотя бы и не во всемъ основанныя на дѣйствительно происходившемъ историческомъ событіи, все же должны быть разсматриваемы, какъ историческій фактъ, потому что служатъ они выраженіемъ духовной жизни народа въ извѣстную эпоху и въ извѣстной мѣстности.

Въ исторіи нашей литературы обыкновенно принято опредѣлять время составленія житія или какого другаго духовнаго повѣствованія тою эпохою, когда эти произведенія получили литературную обработку трудами извѣстнаго, поименованнаго автора. Конечно, это хронологическое указаніе очень важно для опредѣленія послѣдней изъ трехъ принятыхъ нами эпохъ. Но гораздо труднѣе опредѣлить хронологію второй эпохи, то есть, времени, когда составились народныя преданія, вошедшія въ повѣствованіе. Иныя преданія многими вѣками могли предшествовать историческому существованію самаго предмета народныхъ сказаній. Таковъ именно мифическій элементъ многихъ преданій. Другія сказанія, по своему очевидно вымышленному, фантастическому характеру, могли составиться только спустя много лѣтъ, даже спустя цѣлое столѣтіе послѣ дѣйствительнаго существованія того лица, котораго они касаются. Другія же, хотя и баснословныя, могли произойти одновременно съ историческою эпохою лицъ и событій, о которыхъ повѣствуется; какъ на примѣръ и въ наше время въ народѣ возникаютъ различныя басни и эпическіе рассказы о текущихъ событіяхъ. Такимъ образомъ, народныя преданія вошедшія въ легенды, точно также составлялись въ теченіе многихъ лѣтъ, даже цѣлыхъ столѣтій, какъ и народныя пѣсни или вообще эпизоды народнаго эпоса.

Изъ сказаннаго явствуетъ, что интересъ устныхъ преданій

гораздо шире охватывает народную жизнь, нежели ихъ книжныя передѣлки. Устное преданіе живетъ въ народѣ свободно и привольно, не стѣсняемое никакимъ исключительнымъ примѣненіемъ къ извѣстной цѣли. Напротивъ того, грамотный передѣльватель его, обыкновенно благочестивый монахъ или вообще человекъ набожный, предназначаетъ свой риторическій трудъ для поученія и душевнаго спасенія. Важнѣйшимъ переходнымъ пунктомъ между народнымъ преданіемъ и его литературною передѣлкою служитъ составленіе похвалы святому и пѣснопѣній въ честь его. И похвала, и эти стихи обыкновенно отличаются тѣмъ же риторическимъ характеромъ, какой замѣчается и въ литературной редакціи сказанія.

Со времени составленія пѣснопѣній сказаніе получаетъ въ глазахъ народа высшее значеніе, освящается авторитетомъ церкви, и изъ области народнаго эпоса переходитъ къ духовной лирикѣ, сопровождаемой церковною музыкою или пѣньемъ. Такимъ образомъ за *эпическимъ* періодомъ народнаго преданія наступаетъ новый періодъ, *лирический*, въ пѣснопѣніяхъ или стихахъ, и *прозаическій* въ литературной отдѣлкѣ преданія. Конецъ XV вѣка и первая половина XIV, то есть, время Пахомія Логовита, Геннадія и Макарія, есть самая замѣтная эпоха этого важнаго литературнаго перехода отъ *эпической простоты* къ *искусственной лирикѣ* и *прозѣ*. Сентиментальность Юанна Грознаго много способствовала развитію этого новаго направленія духовныхъ повѣствованій. Впрочемъ должно замѣтить здѣсь, что вслѣдствіе тугаго и довольно неправильнаго развитія литературныхъ формъ древней Руси, и въ XVI, даже въ XVII вѣкѣ, еще составлялись народныя легенды эпическаго характера.

Само собою разумѣется, что главное вниманіе историка русской литературы должно быть обращено на народныя преданія и сказанія, составляющія основу всѣхъ лучшихъ духовныхъ повѣствованій. Несмотря на разнообразіе интересовъ, не только церковныхъ, но и свѣтскихъ, несмотря на примѣсь вымысла и даже мифологій, эти народныя сказанія дышатъ неподдѣльнымъ чувствомъ искренняго вѣрованія. Можно даже сказать, что въ нихъ больше чистоты убѣжденій и искренности, нежели во многихъ витіеватыхъ передѣлкахъ, раз-

бавленныхъ пустымъ многословіемъ. Сверхъ того, не нужно думать, чтобъ эти духовныя повѣствованія составлялись въ народѣ съ исключительно религіозною, поучительною цѣлю. Это была особенная *художественная форма*, соответственная благочестивому духу времени, для выраженія всего разнообразія нравственныхъ интересовъ народа. Муромская легенда о Петрѣ и Февроніи, между прочимъ, забавляла остроумными загадками и хитростями вѣщей ткачихи, ставшей потомъ княгинею. Сверхъ того, въ этомъ сказаніи явственно выраженъ протестъ со стороны личныхъ достоинствъ противъ боярской спѣси и аристократическихъ предрасудковъ. Ростовская легенда, возникшая въ городѣ, проникнутомъ татарщиною, очевидно, держится татарскаго направленія противъ своекорыстія и маловѣрія ростовскихъ князей. Легенда смоленская, какъ увидимъ впоследствии, въ противоположность ростовской, возстановляетъ чистую идею христіанства противъ татарскаго варварства.

Какъ въ настоящее время господствующею формою литературы — повѣсть и романъ, такъ въ древней Руси — духовное повѣствованіе и легенда. Въ формѣ житія или легенды излагалось самое разнообразное содержаніе: и подвиги святыхъ, и крупныя историческія событія, и семейныя *памяти*, или мемуары, и различныя любопытныя похожденія. Это было не только поучительное чтеніе, но и благородная забава или утѣшеніе: потому составитель ростовскаго сказанія и говоритъ въ заключеніи: «дай же, Господи, *утѣху* почитающимъ и пишущимъ» — то есть, тѣмъ, которые будутъ читать это сказаніе или переписывать.

Послѣ этихъ общихъ соображеній, обращаясь собственно къ смоленской легендѣ, мы должны прежде всего рассмотреть различныя редакціи, въ которыхъ она дошла до насъ.

Эти редакціи слѣдующія: во первыхъ, *народная*, существенно отличающаяся бѣльшею свободою фантазіи; во вторыхъ, *лирическая*, въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ и стихахъ, служащая переходомъ къ книжной передѣлкѣ; въ третьихъ, *литературная*, вошедшая въ Макарьевскія Четьи-Миней, и наконецъ, въ четвертыхъ, *самая краткая*, вѣроятно, народнаго происхож-

денія, но записанная уже въ позднѣйшую эпоху въ «Книгѣ, глаголемой о російскихъ святыхъ.»

Для предупрежденія всякихъ недоразумѣній, предварительно должно сказать, что и народная редакція, будучи записана книжникомъ, содержитъ въ себѣ нѣкоторую литературную порчу; а также, наоборотъ, и литературная редакція будучи составлена на основаніи устныхъ разсказовъ, содержитъ въ себѣ любопытныя данныя для исторіи народныхъ преданій. Но мы отличаемъ здѣсь народную редакцію отъ литературной по степени участія въ той и другой элементовъ народныхъ и книжныхъ. Строгое отдѣленіе тѣхъ и другихъ элементовъ въ обѣихъ редакціяхъ должно быть предметомъ историко-филологической и эстетической критики, опытъ которой предлагаемъ здѣсь читателямъ Лѣтописей русской литературы.

Итакъ, во первыхъ, народная редакція, по Синодальному Цвѣтнику Жюлева 1665 г. (№ 908, лист. 218 об. и слѣд.) отличается слѣдующими подробностями.

Въ городѣ Смоленскѣ жилъ нѣкто молодой человекъ, по имени Меркурій; былъ онъ благочестивъ, въ заповѣдяхъ господнихъ поучался день и ночь, процвѣталъ преподобнымъ житіемъ, постомъ и молитвою, и сіялъ, какъ звѣзда богоявленная, посреди всего міра. Былъ умиленъ душою и слезенъ, часто приходилъ къ кресту господню молиться за міръ, *зовомый Петровскаго Ста*. А въ то время злочестивый царь Батый плѣнилъ русскую землю и мучилъ христіанъ, проливая безвинную кровь, какъ сильную воду. И пришелъ тотъ царь съ великою ратью на богоспасаемый градъ Смоленскъ, и сталъ отъ него за 30 поприщъ; много святыхъ церквей пожегъ и христіанъ побилъ, и твердо вооружался на тотъ городъ. Люди же были въ великой скорби, неисходно пребывали въ соборной церкви Пречистой Богородицы, и умильно вопіяли съ великимъ плачемъ и со многими слезами ко Всемогущему Богу и ко Пречистой его Богоматери и ко всѣмъ святымъ, о сохраненіи града того отъ всякаго зла.

И было нѣкое смотрѣніе божіе къ гражданамъ. Недалеко отъ города за Днѣпръ-рѣкою въ Печерскомъ монастырѣ преславно явилась Пречистая Богородица понамарю и сказала: «о человекъ божій! скоро изъиди ко оному кресту, гдѣ молится угодникъ

мой Меркурій, и рцы ему: зоветь тебя Божія Матерь!» Понамарь отправился и нашель молящимся у креста, и назвалъ его по имени: «Меркуріе!» — А тотъ отвѣтствовалъ: «что ти есть, господине мой?» — И сказалъ ему понамарь: «иди скоро, брате! тебя зоветь Божія Матерь въ Печерскую церковь!» — И пошоль богомудрый Меркурій во святую церковь, и увидель тамъ Пречистую Богородицу на золотомъ престолѣ съ Христомъ въ нѣдрахъ своихъ, окруженную ангельскимъ воинствомъ. И палъ онъ предъ ногами ея съ великимъ умиленіемъ и ужасомъ. Божія Матерь возставила его отъ земли и сказала ему: «Чадо Меркуріе, избранниче мой! Посылаю тебя! иди скоро, сотвори отмщеніе крови христіанской; ступай, побѣди злочестиваго царя Батыя и все войско его! Потомъ придетъ къ тебѣ человекъ, прекрасный лицомъ: отдай ему въ руки все оружіе свое, и онъ отсѣчетъ тебѣ голову; ты же возьми ее въ руку свою и ступай въ свой городъ; тамъ примешь кончину, и положено будетъ твое тѣло въ моей церкви.» Меркурій сильно востужилъ о томъ и восплакалъ, и говорилъ: «О Пречистая Госпожа Богородица, мать Христа Бога нашего! Какъ же я, окаянный и худой, непотребный рабъ твой могу быть силенъ на такое дѣло! Развѣ недостаю Тебѣ небесныхъ силъ, о Владычица, побѣдить злочестиваго царя?» Потомъ взялъ онъ отъ нея благословеніе, и весь вооруженъ былъ и отпущенъ, и, поклонившись до земли, вышелъ изъ церкви. И нашолъ тамъ прехрабраго коня; сѣлъ на него и выѣхалъ изъ города. Достигши полковъ злочестиваго царя, божіею помощію и Пречистой Богородицы, побивалъ онъ враговъ, собирая плѣнныхъ христіанъ и отпущая ихъ въ свой городъ; и скакалъ по полкамъ, какъ орель летаетъ по воздуху. Злочестивый же царь, видя побѣду надъ людьми своими, одержимъ былъ страхомъ и ужасомъ, и скоро бѣжалъ отъ города того безъ успѣха, съ малою дружиной. И ушелъ онъ въ Угры, и тамъ былъ убитъ царемъ Стефаномъ.

Тогда предсталъ Меркурію прекрасный воинъ. Меркурій поклонился ему и отдалъ все свое оружіе; потомъ преклонилъ свою голову и былъ усѣченъ. И такъ, блаженный, взявъ голову свою въ одну руку, а другою ведя коня своего подъ устцы, пришелъ въ свой городъ, безглавенъ. Люди же, смотря на него, удивлялись божію устроенію. И такъ дошелъ онъ до Мологин-

скихъ воротъ. Нѣкоторая дѣвица, вышедши по воду, увидѣла, какъ святой идетъ безъ головы, и начала его нелѣпо бранить. Онъ же въ тѣхъ воротахъ легъ и честно предалъ душу свою Господу, а конь его сталъ невидимъ.

И пришелъ архіепископъ того города съ крестами и со множествомъ народа, дабы взять честное тѣло святаго. И не вдался имъ святой. Великій плачь былъ тогда въ людяхъ и рыданіе, что не восхотѣлъ святой подняться; архіепископъ же былъ въ великомъ недоумѣніи, моляся о томъ Господу. И былъ къ нему гласъ, глаголавшій: «О слуга господень! не скорби о семъ! Кто послалъ его на побѣду, тотъ и погребетъ.» И три дня лежалъ святой непогребенъ. Архіепископъ всю ночь безъ сна пребывалъ, моляся Богу, да явитъ ему эту тайну. И смотря въ оконце свое, прямо къ соборной церкви, видитъ онъ: ясно, въ великой свѣтлости, какъ въ солнечной зарѣ, вышла изъ церкви Пречистая Богородица съ Архистратигами господними, съ Михаиломъ и Гаврииломъ, и, дошедши до того мѣста, гдѣ лежало тѣло святаго, взяла оное Пречистая Богородица въ полу свою, и принесла въ свою соборную церковь, и положила на его мѣсто, гдѣ и донинѣ, видимъ всѣми, творить чудеса во славу Христу Богу нашему, благоухая, какъ кипарисъ. Архіепископъ же, вшедши въ церковь къ заутренѣ, увидѣлъ преславное чудо: святой уже лежалъ на своемъ мѣстѣ, почивая. Сошелся народъ, и, видя то чудо, прославилъ Господа Бога.

Такова народная редакція. Главнѣйшіе пункты, на которые слѣдуетъ въ ней обратить вниманіе, суть слѣдующіе:

1) Меркурій представляется героемъ народнымъ, русскимъ. По крайней мѣрѣ, въ народномъ сказаніи нѣтъ и слѣда о римскомъ или нѣмецкомъ его происхожденіи.

2) Вся обстановка героя идеальная. Конь, дожидавшійся его у выхода изъ церкви, былъ необычайный. Обезглавленный Меркурій привелъ его съ битвы въ городъ, гдѣ онъ чудесно исчезъ, сталъ невидимъ. Это чудесное животное напоминаетъ намъ до-христіанское чествованіе коней, отразившееся въ миѳѣ о Слейпнирѣ Одина, о конѣ Свѣтовита балтійскихъ Славянъ, о виловитомъ или вѣщемъ конѣ Момчилы въ сербскомъ эпосѣ, о *Сивкль-Буркль-Въщей-Коуркль* нашихъ сказокъ и проч. Какъ

бы то ни было, только чудесный конь смоленской легенды прямо указываетъ на живую связь ея съ народнымъ эпосомъ.

3) По этой редакціи святой герой сражается не съ татарскимъ великаномъ, а со всемъ Батыевымъ войскомъ, и, что особенно важно — убиваетъ Меркурія не сынъ великана, въ отмщеніе за убіеніе отца, а нѣкто *человѣкъ красенъ лицомъ*, или, какъ сказано въ другомъ мѣстѣ, *прекрасенъ воинъ*. Меркурій долженъ былъ, по повелѣнію Богородицы, покорно отдать ему свое оружіе и для усѣченія преклонить передъ нимъ голову. Ясно, что не отъ татарина, даже не отъ человѣка обыкновеннаго приключилась ему смерть, но отъ какого-то существа прекраснаго, отъ прекраснаго воина, какими представляются въ нашей древней литературѣ ангелы. Совершивъ велѣніе Богоматери, исполнивъ свое назначеніе въ мірѣ, Меркурій долженъ былъ, во цвѣтѣ лѣтъ лишиться жизни. Смерть должна была набросить свой таинственный, непроницаемый покровъ на невѣдомыя, столь же таинственныя сношенія героя съ міромъ чудеснаго, неземнаго. Но народной фантазіи жаль было представить храбраго героя жертвою татарина. Онъ заслуживалъ лучшей участи, и, если уже не суждено было ему жить, то пусть же лучше самовольно и тихо отдастъ онъ свою душу въ руки неземнаго, свѣтлаго существа. Впрочемъ вмѣстѣ съ произвольнымъ движеніемъ, оставлена была ему жизнь до тѣхъ поръ, пока онъ не дошелъ до своего города. Для исторіи народной поэзіи — какъ кажется — не надобно упускать изъ виду того обстоятельства, что *прекрасный воинъ*, усѣкнувшій Меркурія, въ сказаніи не названъ ангеломъ. Слѣдовательно, это сверхъестественное существо, можетъ быть, не что иное, какъ слабый отсвѣтъ древнѣйшаго, до-историческаго вѣрованья въ какое нибудь свѣтлое божество.

4) Мѣстныя черты сказанія видны въ томъ, что Меркурій до совершенія своего подвига «часто приходилъ ко кресту Господню молиться за міръ, зовомый *Петровскаго Ста*», и что, воротившись съ битвы, обезглавленный «дошелъ вратъ *Мологинскихъ*», — былъ встрѣченъ въ этихъ воротахъ дѣвицею, шедшею по воду: «ту же вышла по воду нѣкая дѣвица, и зря святаго безъ главы идуща, и начатъ святаго нелѣпно бранити:» — странная и наивная подробность, очевидно народнаго и мѣстнаго происхожденія.

Наконецъ 5) все сказаніе по народной редакціи отличается простотою, малосложностью и краткостью, въ отличіе отъ усложненной и витіеватой редакціи искусственной.

Впрочемъ, какъ увидимъ далѣе, и эта послѣдняя редакція даетъ намъ возможность усмотрѣть нѣкоторыя новыя народныя основы, которыя частію вошли въ ея содержаніе. Но чтобы яснѣе былъ для насъ составъ ея, сначала необходимо познакомить-ся съ нѣкоторыми чертами смоленскаго сказанія изъ стиховъ, или похвальныхъ молитвословіи подъ 24 числомъ Ноября, по рукописи графа Уварова, № 681 (Царск. 563), лист. 404—420. Похвалы эти и славословіе состоятъ изъ двухъ частей, вторая начинается на л. 414, подъ заглавіемъ: «Второе твореніе Меркурію смоленскому же». Въ этой второй половинѣ, на л. 416, находится между молитвами, слѣдующая вставка, важная въ библиографическомъ отношеніи: «Канонъ святому Меркурію. Повелѣніемъ и благословеніемъ (sic) святаго его рукоположенія. бываеъ исписана блаженнѣйшаго епископа. того же Смоленска Киръ Варсанофія. И мы краегранесіе сицево. велехвално поемъ война тверда. святаго добляго Меркурія» и проч.

Эти похвалы, существенно отличаеъ своимъ содержаніемъ отъ народной редакціи, во всѣхъ главнѣйшихъ пунктахъ представляють такое замѣчательное сходство съ редакціею литературною, что прямо говорятъ объ очевидномъ вліяніи одного литературнаго произведенія на другое. Я позволяю себѣ думать, что не литературная редакція вошла въ основу похвалъ и раздробилась на части, а на оборотъ — составитель этой редакціи пользовался похвалами, приведя въ систему все то, что было разсѣяно въ похвалахъ и молитвословіяхъ со многими повтореніями и распространеніями.

Въ пользу этого предположенія говоритъ одна характеристическая подробность въ похвалахъ, уже устраненная изъ литературной редакціи сказанія, какъ анахронизъ или непонятная странность. Хотя кое гдѣ и говорится, что Меркуріи сражался съ Агарянами, съ Татарами, напр. на л. 409 обор. «ту побѣдилъ много вой татарскихъ»: но гораздо чаще врагами Меркурія, Смоленска, и всей Руси называются не Татары, а *Печель-зи*: напр. на обор. 404 л. восхваляется Меркурій: «како злаго богоборца царя Батыя набѣгъ низложилъ и исполина побѣдилъ

и злотворныхъ Печенѣгъ много множество побилъ» — «противу злочестивыхъ Печенѣгъ крѣпко пострада» 405 об. — «Меркуріе прекрасне, преудобренне воевода! како удивишася ангельская воинства, видяще твое крѣпкое страданіе противу злыхъ Печенѣгъ» 412 и обор. — «егда злый богоборецъ царь Батый видѣ яко исполина убита, и множество много Печенѣгъ побитыхъ, и не смѣя граду належанія сотворити, и побѣже посрамленъ отъ Госпожи и Богородици, дивнѣйшія заступницы нашей» 413 и об.

Это странное смѣшеніе Татаръ съ Печенѣгами устранено въ литературной редакціи сказанія, которая, впрочемъ, во всѣхъ остальныхъ подробностяхъ представляетъ самое полное сходство съ историческими мѣстами пѣснопѣній. Отсюда ясно, что въ сказаніи исправлена уже неточность первоначальныхъ его источниковъ, открываемыхъ въ этихъ похвалахъ.

Конечно, во многихъ случаяхъ не слѣдуетъ обращать серьезнаго вниманія на анахронизмы и смѣшеніе историческихъ фактовъ въ старинныхъ письменныхъ памятникахъ, такъ же какъ и въ народной поэзіи. Но здѣсь, какъ мнѣ кажется, память о Печенѣгахъ имѣетъ немаловажное значеніе. Уже неоднократное внесеніе этого имени, и притомъ, въ похвальные пѣснопѣнія, устраняетъ всякое предположеніе о случайной ошибкѣ или опискѣ писца. Безъ сомнѣнія, дѣйствительно такъ, а не иначе воспѣвалось въ похвалахъ Меркурію смоленскому и Пречистой Богородицѣ, заступницѣ города Смоленска отъ безбожнаго Батыя. Если бы это смѣшеніе Татаръ съ другимъ народомъ не имѣло никакого основанія, то, конечно, не съ Печенѣгами бы, а скорѣе съ Половцами надобно было ожидать этого случайнаго, бессмысленнаго смѣшенія. Память о Половцахъ была еще свѣжа, когда составлялись сказанія о Татарахъ, между тѣмъ какъ Печенѣги давно уже сошли со сцены историческихъ преданій. Откуда жѣ могло взяться въ похвалахъ Меркурію это настойчивое, неоднократное возвращеніе къ народу, казалось бы, давно уже забытому? Зачѣмъ сражается Меркурій съ исполиномъ, не татарскимъ, а именно съ печенѣжскимъ? Въ памяти народной не могла ли быть сближаема эта побѣда, одержанная Меркурі-

емъ надъ исполиномъ, при помощи Богородицы, съ другою подобною же побѣдою, тоже надъ исполиномъ, и тоже при чудесномъ пособіи Богоматери? — Исторія народной литературы предлагаетъ намъ множество сближеній различныхъ событій и эпохъ, по сходству идеи или даже нѣкоторыхъ подробностей въ двухъ или нѣсколькихъ преданіяхъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга вѣками.

Дѣйствительно, нѣкогда одержана была блистательная побѣда Мстислава тмутороканскаго надъ касожскимъ исполиномъ Редедю, при чудесномъ заступничествѣ Богоматери. Побѣда эта была такъ знаменита, что еще въ концѣ XII в. воспоминалась авторомъ Слова о полку игоревѣ, какъ событіе, воспѣтое Бояномъ, то есть, какъ одинъ изъ сюжетовъ историческаго народнаго эпоса. И именно въ *печеньжскомъ* исполинѣ смоленской легенды я позволяю себѣ видѣть естественный переходъ отъ древнѣйшаго, полуисторическаго преданія о борьбѣ русскихъ витязей съ восточными исполинами, Касогами, Печеньгами или съ какимъ другимъ племенемъ, — къ позднѣйшимъ чисто историческимъ сказаніямъ о Татарахъ. Меркурій отражаетъ отъ Смоленска уже Батыя, но борется еще съ Печеньгами и побѣждаетъ печеньжскаго исполина, какъ Мстиславъ, «иже зарѣза Редедю передъ плѣкы касожскими». Такова, по нашему мнѣнію, эпическая связь Смоленской легенды съ Словомъ о полку игоревѣ и съ *замышленіями* Бояна, соловья стараго времени. Во всякомъ случаѣ, въ Печеньгахъ смоленской легенды сохранился слѣдъ древнѣйшаго преданія, только не историческаго, а поэтическаго. Древнѣйшія сношенія Руси съ Печеньгами, передаваемые изъ устъ въ уста въ народныхъ сказаніяхъ, оставили по себѣ еще нѣкоторую память, когда слагалась легенда о пораженіи Батыя Меркуріемъ. Такимъ образомъ, въ этой смоленской легендѣ, сквозь позднѣйшую обстановку, доносится до насъ голосъ народнаго сказанія изъ той ранней эпохи, къ которой принадлежатъ многія баснословные рассказы Нестора о борьбѣ Руси съ Печеньгами.

Другая подробность впрочемъ внесенная уже вмѣстѣ съ другими въ литературную редакцію сказанія, вѣроятно, также принадлежитъ къ древнѣйшимъ эпическимъ преданіямъ народ-

нымъ. Это, нѣкоторымъ образомъ, символическое сопоставленіе земли, какъ лица одушевленнаго, съ самою Богородицею. Какъ бы то ни было, только поэтической плачь *матери земли*, и начинается, и оканчивается обращеніемъ молитвословія къ *Богородице*. Это мѣсто въ похвалахъ Меркурію заслуживаетъ особеннаго вниманія для исторіи поэзіи въ связи съ народными вѣрованіями. Вотъ оно:

«Мати Царя и Господа славы, мати Бога Еммануила, мати, рождшія всея твари Творца, мати, порождшія избавителя и спасителя душамъ нашимъ, тебе истинную Богородицу вси роди величаемъ». Вслѣдъ за этимъ обращеніемъ, идетъ пѣснь 6-я слѣдующаго содержанія: «Како быша злыхъ Измаилтенъ великое плѣненіе, тогда земля восплакася, яко нѣкая чядолюбивая мати; мы же тогда возрадовалися, и возвеселилися, видяще божіе милосердіе и пречистые Богородици защищеніе, и страда-нія воина христова благочестно хвалимъ. Како быша отъ невѣрныхъ православнымъ стонаніе, веліе сѣтованіе и вопль къ Господу Богу, тогда наша мати земля жерломъ (*т. е. жорломъ, голосомъ*) возстоняше, вопіючи: Чаде мои, чаде мои! прогнѣваваше Господа своего, а моего Творца и Бога! Мы же тогда къ Господу Богу и къ Пречистѣй Богородицы умилно возопили, глаголюще: заступница наша Госпожа Богородица! избави насъ варварскаго нахождения и злаго плѣненія. Тогда земля зря и възрыдала, како отъ пазухи ея православніи отторгаемы и безмилостивно посякаемы; тогда мы рущѣ въздѣюще и съ въздыханіемъ слезы испущающе, молящеся Христу Богу и пречистѣй его Матери, вопіюще и глаголюще: Слава Тебѣ, Иисусе, сыне Божій! Слава Тебѣ, святая Богородица! избави насъ отъ агарянскаго насилванія и горкаго томленія! Како намъ даровала стократное и милостивое заступленіе, Госпожа и Богородица, тогда възопили къ Богородицы съ усердіемъ молящеся, слезы отъ очію точаще и глаголюще: Пресвятая Госпожа и Богородица! Ты избавила родъ христіанскій отъ адова мучительства, и нынѣ насъ избави поганыхъ нахождения, и злаго и нечестиваго плѣненія и посяченія! Мы же тебя, Богородицу, пѣснено славимъ и величаемъ и поклоняемся пречистому Твоему образу.» л. 410 и обор.

Прежде нежели опредѣлимъ литературное значеніе этого

мѣста, необходимо, въ предупрежденіе недоразумѣній, упомянуть, что художественная форма олицетворенія земли, хотя и согласуется съ народнымъ мнѣическимъ представленіемъ о *матери сырой земли*, однако въ нашу духовную литературу вошла безъ сомнѣнія, изъ Византіи, такъ какъ и всѣ другія художественныя формы искусственнаго развитія древне-русской образованности. Еще въ изображеніяхъ страшнаго суда, особенно имѣвшихъ сильное вліяніе на умы, предки наши могли видѣть олицетвореніе земли и моря въ видѣ двухъ женщинъ, отдающихъ или возвращающихъ отъ себя тѣлеса умершихъ.¹⁾ Это живописное вліяніе могло находить себѣ сильную поддержку въ чтеніи. *Златоструй*, одинъ изъ самыхъ раннихъ памятниковъ переводной славянской литературы, въ 135 словъ, о второмъ пришествіи Христовъ, предлагаетъ олицетвореніе земли и моря, готовящихся къ встрѣчѣ своего Творца, и вступающихъ между собою въ споръ. *Пря земли съ моремъ*, напечатанная въ приложеніи къ моей рѣчи о народной поэзи, есть не что иное, какъ передѣлка на русскія національныя воззрѣнія художественнаго мотива древне-христіанскаго.

Но вотъ самое мѣсто изъ Златоструя, по сборнику графа Уварова № 542 (Царск. 408): «*Глаголетъ земля къ твари: Приидите все рожденіе мое, соберетеса и видите на небеси и на земли славимаго! Приидѣте, видите и возрадуйтеса на руку женску носима, иже на херувимехъ вышнихъ сѣдитъ; приидите и видите млекою кормима, дающаго млеко женамъ. Грядите, видите во чрево дѣвья вмѣстившася в небеса не вмѣстимаго. Приидѣте, видите отъ матери пищу приемлюща, иже всю вселенную питаеть. Грядите, видите учителемъ предаема, иже всѣмъ учителемъ ремества даеть», и проч. въ томъ же родѣ; воззваніе земли окачивается такъ: «Приидите, маліи с великими, нищъ з богатыми, раби съ господами, грѣшныи с праведными, пресмыкающися с четыроногами и птицами, и видите всѣмъ животъ дающаго; и лѣта времени, зимами паче естества плодъ принесете тамо обѣщавшему намъ плоды вся твари божество (sic), и своя принесете уханія, яко да о всѣхъ ихъ призритъ на плоды*

¹⁾ Didron, Manuel d'iconographie chrétienne. 1845. Стр. 266 — 267. Смотри также мою статью о страшномъ судѣ въ Современникъ за 1857 г.

земныя. Си вси срѣсташася, якоже речено бысть: и пустая мѣста прозябоша и многоплодіе прія, да пророчество исаино збудется, глаголющее: да возвеселится пустыни, и да процвѣтетъ, яко кринь, и да велми ублажится пустыни іорданова. — *Притя моря съ землю*: сим же сице содѣваемымъ, тогда же и море восхотѣ пріяти благая, и начатъ само ся обличати, и земли сопротивляшеся, глаголя: и мнѣ уже Господа подаждь, еда бо твой единъ владыка есть, яко всю отъ него благодать прія; или (?) ¹⁾ его пріити ко мнѣ. Аще бо не пріидетъ ко мнѣ, и покрюю ти лице; аще бо не быхъ его разумѣль и срамлялся печатлѣвшаго мя и связавша мя нерѣшимыми узами, то паки быхъ покрюль ти лице. Или не вѣси, яко прежни тебе есмь, и преже роженія твоего стояхъ? Преже бо явленія твоего азъ во глубинахъ ликоввахъ. Отдаждь ми владыку моего, яко же рече пророкъ: яко того есть море, и той сотвори е; по семъ же рече: и сушу руцъ его создастѣ. Понеже послѣ создана еси, перстная мати, и пара несытая, окровавленіе лстивыхъ и гробе мертвыхъ, и грѣхомъ доме! Что мучиши старѣйшаго себе, и едина пріемше держиши Господина? Пусти его ко мнѣ, да избудется реченое: в мори путіе твои и стезя твоя в водахъ многихъ. Отдаждь ми прісного Творца, да и моя нѣдра исполнитъ радости. — *Притя земля с моремъ*: И тако нудима отъ моря земля, того волею пряхшеся, глаголющи: Егда горши тебе есмь, воздвигяло естество, расслабленое и нестоящее, горко шумящее, пагубное и славное пиво, и непотребное житію, нетлачный пути, вѣтрови содруженный, посинѣлое бурю! аще еси, яко же рече, честнѣйше мене; то къ тебѣ бы преже пришелъ Господь. Нынѣ же отъ сего являшися самъ, яко содержащи тя есмь; яко во мнѣ преже луча испусти божества. Толице тебе прежни есмь, яко бо мати есмь челоуѣкомъ, а ты пресмыкаемымъ гадомъ. Азъ Святыя Дѣвы мати есмь, яже прозябе Владыку; ты же — лукавому змію, иже ругается животнымъ. Азъ мати есмь пророкомъ и апостоломъ и святымъ мужемъ; ты же дивимъ и пресмыкаемымъ мати, и водоплавающимъ тѣлесамъ ²⁾. Азъ есмь рай плодящи и имущи цвѣтца и ароматы; ты же — вѣтры нестройныя. Аще бы во мнѣ

¹⁾ Въ рукоп. *Ули*.

²⁾ Въ рукоп. *тѣлеса*.

да быхъ азъ держала Господа, то не быхъ дала ему не приближиться къ тебѣ». Л. 20—23.

Итакъ, поэтическое олицетвореніе земли въ глазахъ нашихъ благочестивыхъ предковъ не только не имѣло въ себѣ ничего мифологическаго, но даже напоминало священныя изображенія византійскаго искусства и литературы. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, народныя, своеземныя вѣрованья нашли себѣ оправданіе въ искусственной иностранной литературѣ, съ давнихъ поръ внесенной къ намъ въ переводахъ. Каковы бы ни были воззрѣнія при олицетвореніи земли въ смоленской легендѣ, русскія или византійскія, во всякомъ случаѣ мѣстное и историческое примѣненіе этихъ воззрѣній даетъ олицетворенію чисто народный, русскій характеръ. Подъ землею разумѣется уже земля *только русская*. Она жалуется на погромы татарскіе, какъ на бѣдствіе, причиняемое будто бы жителями *не земли*, а какой-то другой, богопротивной области, какъ бы того жилища враждебныхъ силъ, которымъ, по сѣверной мифологій, окруженъ *Мидгардъ*, или *серединное жилище* свѣтлыхъ Асовъ и Вановъ. Такое нелогическое сокращеніе понятія о землѣ, такое низведеніе этого понятія до извѣстной страны есть самый обыкновенный приемъ эпическаго воззрѣнія. Настоящая земля — только та, на которой живетъ народъ русскій, это земля русская; все остальное, все окружающее этотъ *Мидгардъ* древнерусскаго челоѣка — наполнено враждебными, проклятыми силами, чуждыми спасенія и обреченными на вѣчную гибель. Этотъ *Мидгардъ* — есть земля *свѣто-русская* или *свято-русская*, то есть, не только *свѣтлая*, но и *святая*. Таково, по нашему мнѣнію, эпическое значеніе страннаго, нехристіанскаго выраженія: *святая Русь*, которое въ народной поэзіи употребляется въ самомъ обыкновенномъ, общемъ смыслѣ *русской земли*, безъ всякаго присоединенія къ тому, какаго бы то ни было намека на святость извѣстныхъ лицъ или урочищъ и предметовъ.

Итакъ, олицетвореніе въ смоленской легендѣ, съ понятіемъ о землѣ соединяетъ частное представленіе земли русской. Она — чадолюбивая мать всѣхъ православныхъ — видя, какъ *отъ пазухи* ея православные отторгаемы посякаются, возстала и вопіяла: «О чада мои! прогнѣвали вы Господа своего, а моего Творца и Бога!» Но когда сѣтовала такъ земля, — и православные

обращались съ благодарственною молитвою къ Богородицѣ и ея угоднику Меркурію о спасеніи града Смоленска и всей земли русской. Эти совокупныя восклицовенія и земли и православныхъ заключаются торжественнымъ обращеніемъ къ Богородицѣ, какъ главной заступницѣ, ниспославшей Меркурія для побѣды надъ Батыемъ; и въ этомъ восторженномъ лиризмѣ пѣснонѣнія живо чувствуется, какъ *мать—сыра—земля*, эта земная мать всѣхъ людей, смиренно передаетъ свое заступничество Матери Небесной, взявшей подъ свой надежный покровъ всѣхъ православныхъ христіанъ.

Плачь и томленіе земли отъ погромовъ Батыя, искренностью и свѣжестью лиризма, заставляютъ предполагать, что историческія основы смоленской легенды составились въ эпоху татарскую, точно такъ же, какъ лирическіе, скорбные стихи, тамъ и сямъ разбѣянные въ народныхъ стихахъ о татарщинѣ.

Если народная редакція смоленской легенды переноситъ насъ къ доисторической эпохѣ народнаго эпоса, и если Печенѣги, упоминаемые въ похвалахъ, указываютъ на слѣды древнѣйшихъ поэтическихъ преданій; то плачь русской земли о гибели православныхъ есть одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ русской поэзіи темныхъ временъ татарщины.

Теперь обратимся къ другимъ подробностямъ въ похвалѣ Меркурію. Всѣ онѣ, какъ замѣчено выше, вошли въ литературную редакцію легенды, за исключеніемъ двухъ, о которыхъ будетъ упомянуто въ своемъ мѣстѣ.

Народная редакція ничего не знаетъ о происхожденіи героя, или по крайней мѣрѣ — не упоминая объ этомъ обстоятельстве, почитаетъ Меркурія русскимъ. Но въ похвалахъ онъ называется уже Римляниномъ: «Римъ оставь к намъ пришелъ еси; богатство римское оставь и пріять богатство на небесѣхъ, и нынѣ со ангелы водворяешися. Римское княженіе и славу суетную ни во что же вмѣнивъ, оставь княженіе, и пріять царство небесное и нынѣ живеша съ лики ангельскими. Римскихъ родителей своихъ небрегъ, едино вождель еси, за вѣру Христову кровь свою проліати и за православныхъ, вѣрующихъ въ Господа, и сего ради веселишися въ селехъ небесныхъ». Л. 406.— «Римское богатство оставь, и пріять богатство отъ Господа вѣнецъ, пріимъ в рудѣ копіе, крѣпко пострада, зловѣрнаго ца-

ря Батыя ужасилъ, и самохвальнаго исполина побѣдилъ, и вси внуци агарянскыя проженулъ, страсотерпче Меркуріе, моли Христа Бога спастися душамъ нашимъ». Л. 411. — «Римлянинъ родомъ сый, но вѣрою благовѣрною огражденъ, а не полувѣріемъ боляй; но угодникъ Богу бысть и того Рожешой; лъстиваго ратника посрами, исполина съ сыномъ порази, и вѣнчникъ христовъ явися и славы радостныя причастися: сего ради священную его память празднуемъ нынѣ». Л. 417.

Въ похвалахъ упоминается и о возрастѣ героя: «младъ убо тѣломъ, душею святъ, вѣрою благочестивъ, по благочестіи поборникъ, за православіе страдалецъ». Л. 406 об.

Подробности самой легенды передаются слѣдующимъ образомъ: «Начнемъ касатися духовнѣй бесѣдъ, страданія воспоминаемъ угодника и мученика христова Меркурія, како злочестивый и богопротивный царь Батый наиде на градъ нашъ со многимъ множествомъ варваръ, хотя градъ нашъ пусть сотворити, а насъ погубити; но Богомъ и Пресвятою его Матерію и страданіемъ угодника воина христова, спасетъ градъ и люди. По благовѣщенію Святыя Богородица, приде святой въ церковь Богородичну, и обрѣтоша свѣщу горящу предъ самою иконою Госпожи Богородицы, отъ нея же изыде гласъ пономарю, и падше святой предъ образомъ чудотворнымъ, нача молитися: Госпоже Богородица! буди помощнице на супротивныхъ сихъ. И тако гласъ бысть отъ иконы пресвятыя Богородицы и явленіе святому, безбожныхъ находженіе, и посла побѣдити ихъ силою Христовою. Отъ чудотворныя иконы пречистыя Богородица бысть гласъ глаголюще: рабе мой Меркуріе! иди злотворнаго Батыя и измаилтескы люди огрози; плѣнны свободы дарованіемъ Христовымъ; домъ мой и градъ и люди безбѣдны ¹⁾ сотвори. Отъ пречистаго и чудотворнаго образа Пресвятыя Богородица бысть гласъ предоброму воину христову: Рабе мой Меркуріе! иди, убій силнаго исполина, а злочестиваго царя Батыя и поганыхъ Агарянъ прожени; божіею благодатію люди и градъ отъ нихъ спасутся. Пречистая Госпожа и Богородица! некосная наша заступнице! крѣпкая держава, непобѣдимый воевода града нашего, имущи во своемъ градѣ таковаго воина и угодника своего Меркурія, и

¹⁾ Въ рукоп. *безбѣдны*.

такъ святаго воспосылаше огрозити и побѣдити зловѣрныхъ, и прогонити отъ лица нашего». Л. 407 об. и 408. — «Какъ придетъ святой градныя врата и стѣны бещука ¹⁾, и дошедъ злоименитаго царя Батыя ужаси, и немощію обложена силнаго исполина побѣдилъ, а инѣхъ измаилтескихъ людей мечю предалъ, и оставшии на бѣгъ себѣ вдаша; и възвратился святой къ свѣтлу вѣнцу радуясь». Л. 409. — «Приде святой на мѣсто, идѣже повелѣ святая Богородица, и ту побѣдилъ много вой татарскихъ, и оставшия варвари разъярахуся сердцы и распыкахуся суемыслеными душами на богохранимъ градъ Смоленскъ. И бѣ виде жену превелику и пресвѣтлу солнцеобразну съ множествомъ вой небесныхъ, и ужасошася, въскорѣ отбѣжа отъ насъ. Шаташася безумни въ мольвѣ горкаго своего злаго невѣрія, яко провидѣли Госпожу Богородицу, паче солнца сіяющую и помогающую своему угоднику; и тако расыпашася мысли ихъ, и бысть яко прахъ, и побѣгоша въскорѣ, и на бѣгъ себе вдаша. Приде святой въ богопокровенный градъ, и ту блаженная глава, яко доброплодная маслина, процвѣте». Л. 409 об. и 410. — Выше было уже приведено мѣсто о томъ, какъ Меркурій «исполина съ сыномъ порази». Л. 417. — О убіеніи святаго въ одномъ мѣстѣ сказано глухо: «Егда зли Агаряне отсѣкоша главу святому Меркурію, и въспріать ю самъ святой и принесе въ градъ, предъ всѣми людьми, глаголюще и поюще глава, како бысть побѣда и каково отъ Госпожи и Богородици заступленіе и святому отъ нея поможенія». Л. 413 об. — Но въ другомъ мѣстѣ опредѣлительнѣе: «Скончася, святе, отъ исполина, Меркуріе, мечемъ усѣченъ въ главу ти, и оттуду получилъ еси желаемаго тобою вѣнца». Л. 419. — «Красно мѣсто и свято, на немъ же твои всечестіи нозѣ стоясть, идѣже своя святая глава усѣчена, и ту бѣ воинъ Христовъ свыше отъ Бога, яко царскую діадиму приать, сія въ лицѣ святыхъ мученикъ, яко есолнце посрѣдѣ звѣздъ осіявая градъ и люди». Л. 412 об. и 413. — О принесеніи главы еще въ другомъ мѣстѣ: «Ангели бо удивишася и мученицы ²⁾ ужасошася, видящи како твои руцѣ пречестную твою главу принесоша во градъ». Л. 412 об.

¹⁾ Чит. безъ щука.

²⁾ Въ рукоп. ученицы.

Итакъ изъ пѣснословій явствуетъ, что въ эпоху составленія ихъ еще не опредѣлилось сказаніе объ убіеніи Меркурія сыномъ того исполина, котораго поразилъ святой. Это обстоятельство также, можетъ быть, говорить въ пользу древности пѣснопѣній, которыя, въ этомъ случаѣ, стоятъ на срединѣ между народною редакціею и литературною.

О послѣдующей судьбѣ Меркурія воспѣвается такъ: «По преставленіи явился святой тому же пономарю, яко живъ, въ воинскомъ подобіи, и рекъ старцу: повѣждь гражданамъ, да устроятъ щитъ и копіе мое надъ гробомъ моимъ, и когда будетъ гражданиномъ притуженіе отъ злыхъ находеній, тогда износятъ мое оружіе, прославляюще Господа славы и того рождшую Богоматерь, и мене смиреннаго раба божія Меркурія поминающе, да подасть Господь вѣрнымъ на супротивныхъ крѣпость и одолѣніе». Л. 413. — «Спомочника имѣяху вси граждане, страсто-терпче христовъ доблественый! копіе и щитъ твой выну пособию имущи, ты величаютъ, Христа Бога славяще, вѣнчавшаго тя!» Л. 419 об.

Эта любопытная подробность даетъ намъ разумѣть, что древній обычай ставить копье и щитъ на могилѣ воина имѣлъ не только эпическое, но и религіозное значеніе. Почившій герой для новыхъ воинскихъ подвиговъ возставалъ изъ своей могилы и вооружался оставленнымъ на ней оружіемъ. Это вѣрванье идетъ отъ той отдаленной эпохи, когда воина зарывали въ могилу вмѣстѣ съ оружіемъ и съ конемъ.

Оружіе Меркурія, хранимое на гробѣ его, было для гражданъ Смоленска знаменіемъ побѣды и избавленія отъ вражескихъ нашествій. Какъ однажды этимъ оружіемъ отражены были Татары, такъ и всегда впредь будетъ оно символомъ божественнаго могущества противъ враговъ православія.

О судьбѣ Батыя воспѣвается: «Восточную страну плѣнилъ и на запади изратова, и тамо пріялъ, яко Каниъ, мечь отъ Бога, мечное усѣченіе отъ угорскаго самодержца Владислава, и той злый кровопійца животъ свой злъ предалъ со всѣми вой своими». Л. 414. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить о разногласіи съ народ-

ною редакціею въ имени угорскаго короля, и о полномъ отсутствіи этой подробности въ литературной редакціи ¹⁾.

Уже изъ вышеприведенныхъ цитатъ явствуетъ, что пѣснопѣнія эти были составлены въ Смоленскѣ, который потому и называется постоянно: *градъ нашъ*. Что же касается до эпохи, когда составились эти похвалы въ ихъ окончательномъ видѣ; то, судя по слѣдующимъ мѣстамъ, надобно опредѣлить ее временемъ самодержавія московскихъ царей, и конечно не позже первой половины XVI вѣка, когда на основѣ этихъ похвальныхъ пѣснопѣній была составлена литературная редакція смоленскаго сказанія, вошедшая въ Макарьевскія Четьи—Минеи. Вотъ эти мѣста: «Кими благодарными пѣснями воспоимъ страсотерпца и мученика... въсточнѣй странѣ бысть великое радованіе *всѣа ро- сійстѣй земли самодржзцу государю нашему благочестивому царю* великому князю, къ Богу тепла предстателя». Л. 404. — «И нынѣ, святе, испроси *царю и государю нашему* великому князю здравіе и на супостаты одолѣнія». Л. 406. — «Святая Богородице! даруй крѣпость и одолѣніе правовѣрнымъ; послѣ побѣду на злочестивыхъ православному *царю и государю нашему* великому князю скипетры утверди, градъ нашъ и вся грады и люди соблюди отъ всякихъ находящихся бѣдъ». Л. 408 об.

Ставши предметомъ церковныхъ пѣснопѣній, смоленское сказаніе было сближено съ подобными же о другихъ священныхъ лицахъ. Защита города отъ враговъ при участіи божественныхъ силъ и битва съ исполиномъ — вотъ главные черты, подавшія поводъ къ сближенію. Сближенія эти иногда такъ наивно предлагаются въ духовныхъ повѣствованіяхъ, что иногда невольно наводятъ на мысль о литературномъ подражаніи.

Въ похвалахъ Меркурію смоленскому воспѣвается слѣдующее: «Какъ царь Давидъ божіею помощію убилъ превеликаго и силнаго Голіаѳа, такоже и сій святой мученикъ Меркурій повелѣніемъ пресвятыя Богородици уби силнаго исполина... Како посылаетъ святая Богородица угодника своего древняго Меркурія, соблюдающа градъ Кесарійскій, и вѣрныя люди въ немъ спасающа, да убьетъ злаго мучителя законопреступнаго царя Уль-

¹⁾ Сказки о Батыѣ въ житіяхъ святыхъ смотр. у преосв. Филарета въ Обзорѣ русск. дух. литер. статья 133, стр. 146.

яна; также и сего блаженнаго Меркурія послала пресвятая Богородица, храня градъ и люди, царя Батыя ужасити и исполина убити, варваръ побѣдити, инѣхъ прогонити». Л. 411 об. — «Другаго ты поемъ, имящего побореніе по духу, христовъ Меркуріе, яко непобѣдимаго воина. Внегда бо по вельнїю, угодниче божій и Богородицы, изшелъ еси на стрѣтеніе поганыхъ силъ, и исполина съ сыномъ крѣпкаго побѣдилъ еси пособіемъ Богородицы, подобіемъ якоже святой мученикъ Несторъ ярость прекротивъ злосверѣпаго мучителя Люя богоборца, побѣдивъ христовымъ именемъ и силою, или тезоименитому ти святому мученику Меркурію, яко во Александріи онъ побѣдивъ, прободъ сердце мучителя и законопреступника, ревнуя по благочестіи». Л. 414 и об. Сверхъ того, принесеніе своей собственной головы могло напоминать общеизвѣстное сказаніе о Діонисіи Ареопагитѣ.

Послѣ этого подробнаго разбора пѣснопѣній намъ будетъ уже очевидно все сходное съ ними въ литературной редакціи, которую предлагаю здѣсь по двумъ спискамъ: по одному въ Маркарьевской Четьи-Минеи, за ноябрь (по Синодальн. рукописи, № 176, л. 2273 и слѣд.), и по другому, согласному съ этою Минеею, въ Синодальн. сборникъ XVII в. (подъ № 850, л. 820 и слѣд.). Систематическою литературною отдѣлкою, нѣкоторымъ искусственнымъ порядкомъ и очень замѣтною витіеватостью редакція эта явственно указываетъ на свой позднѣйшій составъ и существенно отличается отъ простой и малосложной редакціи народной. Не смотря на сокращенія излишняго многословія, которыя я позволяю себѣ въ изложеніи смоленскаго сказанія по редакціи Минеи, все же достаточно познакомятъ читатели съ ея витіеватостью и искусственностью.

Великое чудо предлагается нынѣ въ повѣсти, которая долгое время предана была забвенію и нераднїю. О господа и братья, богатые и маломощные, вельможи и властители! оставя всякую гордость, и все народное множество людей города нашего, воспомянемъ дивное чудо сіе, какъ дивнѣйшая заступница и милостивая помощница наша, Госпожа Богородица невидимую божественною силою своею и святымъ своимъ амофоромъ осѣняетъ и покрываетъ городъ нашъ отъ всякаго искушенія и язвы, отъ тайно находящихъ бѣдъ и золь. Воспоминается въ этомъ чудѣ

о пособіи нашему городу отъ непорочной Дѣвы черезъ святаго Меркурія, и о твердой побѣдѣ города нашего. Вы же съ чистымъ сердцемъ послушайте, и бодро молитвою къ Богоматери прильпимся, да и нынѣ поможетъ она своимъ угодникомъ чудодѣйствовать, да вручитъ граду нашему пособіе веліе и спасетъ его отъ бѣды.

Во времена оны было то лютейшее находеніе злыхъ варваръ на всѣ страны христіанскихъ предѣловъ, попущеніемъ божимъ, великимъ прещеніемъ и праведнымъ божимъ гнѣвомъ; потому что умножились беззаконія великія, и лютые грѣхи, и мерзкая нечистота блудная. И за то всетворческая десница божія послала на насъ великую бѣду и запустѣніе городовъ; и было великое лютое плѣненіе не на одинъ городъ Кіевъ, но и на всѣ страны и предѣлы православныхъ христіанъ. Была тогда такая великая бѣда, что и великія церкви оскудѣли и опустѣли, даже дикіе звѣри въ нихъ плодились; потому что оскудѣли люди и разорены были честные монастыри; городамъ же и деревнямъ великое было и тяжкое запустѣніе, а священникамъ и всѣмъ сановникамъ тяжкія узы на хребтахъ, честнѣйшимъ инокамъ и инокинямъ лютейшее и немилостивное посѣченіе, и всѣмъ православнымъ людямъ тяжкое иго и ярмо поганское на шеяхъ.

И восплакалась тогда земля, какъ чадолюбивая мать, видя ту бѣду, бывшую на всѣхъ странахъ христіанскихъ. Лютые тѣ варвары не щадили и грудныхъ младенцевъ, отторгая ихъ отъ нѣдръ матернихъ и ударяя о землю. Иныхъ оружіемъ прободали; оскверняли чистоту дѣвства, растлѣвая юныхъ дѣвъ, разлучали брачныхъ женъ отъ мужей, и самыхъ инокинь, честнѣйшихъ невѣстъ христовыхъ, оскверняли блудомъ. И многіе отъ православныхъ сами себя зарѣзывали и отъ себя смерть принимали, дабы не оскверниться отъ поганыхъ. Лютое плѣненіе было тогда на православныхъ, и безчеловѣчно показывали себя немилостивые враги, связывали плѣнныхъ другъ съ другомъ волосами собственныхъ ихъ головъ, и гнали ихъ, какъ скотъ, тыкая острыми рожнами.

И видя все то, общая наша мать земля вопіяла своимъ голосомъ и стонала: О сыны русскіе! Какъ же мнѣ оставить васъ, о любимые мои дѣти, прогнѣвавшіе Господа своего, и моего Творца Христа Бога! Вижу васъ отторгнутыхъ отъ моей пазу-

хи, и, судомъ божіимъ, въ поганскія руки немилостивно впадшихъ и рабское иго имущихъ на своихъ плечахъ. И стала я бѣдная вдова: о комъ же прежде буду я сѣтовать, о мужѣ или о любимыхъ чадахъ? Вдовство мое — запустѣніе монастырямъ и святымъ церквамъ и многимъ городамъ. Не терпя лютой бѣды, возопію къ Творцу общему Господу Богу: Боже сотворивый вся и содѣтелю всѣхъ! презри беззаконіе людей своихъ, и милосердно помилуй и утоли праведный гнѣвъ свой, и возврати ихъ, да вторицею наслѣдятъ меня, твоимъ повелѣніемъ, Господи, яко ты еси единъ Богъ, милуй грѣшныхъ!

Слышите ли, какъ земля, не терпя той бѣды, возопила гласомъ своимъ, моляся Творцу. Кольми паче стократное молитвенное показалось на насъ дивное заступленіе Госпожи Богородицы. Если бы не она, святая, умолила сына своего Христа Бога нашего и праведный его гнѣвъ съ прещеніемъ утолила, кто бы избавилъ насъ отъ такой бѣды и злаго мучительства? Увѣдайте же нынѣ истину отъ чудесъ ея.

Было великое нахожденіе на православныя страны и плѣненіе отъ безбожнаго и злочестиваго царя Батыя, *варварина* злаго, отъ котораго пострадалъ за Христа великій мученикъ христовъ, православный и благовѣрный великій князь черниговскій, блаженноименный Михаилъ и бояринъ его Феодоръ. Въ лѣто 6745 (т. е. 1237 отъ Р. Х.) было нахожденіе злобнаго того варвара. Пришелъ онъ къ Кіеву и преодолѣлъ его, а оттуда проходилъ многіе города, полоня ихъ, даже и до самой Москвы, и тамъ поплѣнилъ и преодолѣлъ. Нельзя подробно разсказать о всемъ его зломъ мучительствѣ, о плѣненіи и разореніи; потому что великою жалостію утроба наполняется, оцепенѣваетъ языкъ и гортань пресыхаетъ. Мы же воспомянемъ только о подвигѣ и о великомъ побѣжденіи святаго Меркурія; потому что чудеса эти были въ тогдашнія лѣта, во время того злаго плѣненія. И умыслилъ злой мучитель Батый тайное нашествіе на богоспасаемый градъ Смоленскъ; съ нимъ былъ и исполнилъ съ сыномъ своимъ.

Смотрите же, православные, скорое и милостивное городу тому поможеніе отъ заступницы нашей Госпожи и Богородицы подвигомъ угодника ея святаго Меркурія! Въ ту ночь во святой своей церкви явилась она сама отъ святой своей иконы по-

номарю, то есть, церковному сторожу, и сказала: «иди, человекъ, къ рабу моему Меркурію, на Подолие на такое то мѣсто» — и дворъ назвала пономарю — «и скажи ему: «Госпожа зоветъ тебя»»; а шедши туда, не просто ко двору приходи и не стучи въ ворота, но кого найдешь среди двора, того и зови, говоря ему тихо: «Меркуріе! иди скорѣй! Госпожа зоветъ тебя во всемъ твоёмъ воинскомъ подобіи»». Тотчасъ же отправился пономарь на показанное мѣсто и нашель святаго Меркурія, который въ то время стояль среди двора, опоясанъ и вооруженъ во всемъ воинскомъ подобіи, и съ воздѣтыми къ небу руками молился Господу Богу и пречистой его Богоматери; потому что было уже ему явлено выше о посланіи и побѣдѣ. И было глубоко въ ночи пришествіе пономарево. Пономарь, ставъ передъ воротами, сказалъ, какъ былъ наученъ самою Богородицею: «Святой Меркуріе! иди скорѣй! Госпожа зоветъ тебя!» Меркурій, отворивъ ворота, вышелъ и вмѣстѣ съ пономаремъ отправился на гору; и пришли они въ церковь Богородичную, и увидѣли свѣчу горящую передъ самою тою иконою, отъ которой былъ голосъ пономарю. Меркурій палъ на землю и молился съ великимъ слезнымъ плачемъ. Тогда икона Богородицы провѣщала: «Угодниче мой Меркуріе! азъ посылаю тя огрозити домъ мой! азъ бо ты на сіе призвахъ, раба моего».

Былъ же святой Меркурій *отъ римскихъ пазухъ*, отъ славнаго рода, княжескаго, изъ земли римской, а заѣхаль въ Смоленскъ еще въ юномъ возрастѣ на службу къ самодержцу того города Смоленска, или же, справедливнѣе сказать, воззваніемъ отъ Госпожи Богородицы и посланіемъ на чудотвореніе и на великую помощь своему городу и превеликой своей церкви. Какъ мы сказали, родомъ былъ онъ Римлянинъ, вѣрою же благочестивъ, святой вѣры греческой, и по благочестіи великій поборникъ и ревнитель истинный, соблюдалъ себя въ дѣвствѣ, да будетъ святъ чистотою тѣлесною.

И говорила ему сама святая Богородица: «Вотъ идетъ безбожный мучитель въ тайнѣ; въ эту ночь хочетъ напасть на мой городъ своею ратію; съ исполномъ и сыномъ его хотятъ опустошить городъ мой. Возненавидѣла я велерѣчіе того мучителя, какъ онъ, возносяся суетно, охуждаетъ православіе; потому умолила Сына моего, да не предастъ мой городъ въ плѣнъ и

рабство злымъ варварамъ. [Того ради повелѣваю тебѣ выйти на встрѣчу злomu тому мучителю, но такъ, чтобъ граждане того не вѣдали, ни старѣйшины градскіе, ни самъ святитель превеликой той церкви; но все бы оставались въ ту ночь въ городѣ, ничего не вѣдая, гдѣ тотъ злой ратникъ. Ты же выдь и ступай на мѣсто, называемое Долгій Мостъ, потому что тамъ злой боготорецъ уготовилъ рати на мой городъ. Возвѣщаю тебѣ: тамъ побѣдишь ты исполина, помощію и силою Христа Бога. И я сама буду тамъ съ тобою, помогая тебѣ на враговъ. Потому возвращу тебя назадъ, опять на это мѣсто, передъ городомъ, гдѣ ты увѣнчаешься своею кровію, и побѣды вѣнецъ отъ Христа примешь» — тамъ, гдѣ и нынѣ мѣсто то знаемо есть *на крови* его, на полѣ, внѣ передъ городомъ ¹⁾).

О дивнѣйшее заступленіе на насъ отъ славной заступницы святымъ тезоименитымъ оному древнему Меркурію, бывшему въ кесарійскомъ градѣ! Охраняя градъ Кесарійскій, и тогда сама Госпожа Богородица посылала своего угодника, того Меркурія, да убьетъ внезапно злаго мучителя, законопреступнаго царя Юліана — и избавленъ былъ городъ тотъ. Такъ и нынѣ другаго мученика, новаго Меркурія она же посылаетъ избавить городъ нашъ отъ иноплеменниковъ.

Услышавъ все то отъ иконы Богородичной, святой Меркурій радостію исполнился, и, поклонившись иконѣ той до земли, вышелъ и отправился на показанное мѣсто. Прошелъ онъ ворота, незамѣченный городскимъ сторожемъ, и прибылъ на Долгій Мостъ. Ознаменовавъ себя крестнымъ знаменіемъ и призывая въ молитвѣ Богоматерь, взявъ онъ свой мечъ, и, вшедши въ полкъ злобныхъ варваровъ, убилъ того сильнаго исполина и посѣкъ мечемъ многое множество другихъ изъ вражескаго полка. На зарѣ проснулись ратные, и, къ удивленію своему,

---

¹⁾ Вотъ въ подлинникъ это замѣчательное мѣсто, по Синод. Сборн. № 850, л. 825 об.: «Да и в сихъ явѣ ти есть. яко тебѣ раба моего самого возвращу вспять. паки на сие мѣсто ово предъ градъ, якоже ту вѣнчаешься своею кровію, и побѣды вѣнецъ отъ Христа примешь, идѣже и нынѣ мѣсто то знаемо есть на крови его на послѣ внѣ предъ градомъ». — Такъ же и въ Макарьевск. Четьи-Минеѣ, за исключеніемъ самаго конца, который по Минеѣ, послѣ слова *примешь*, читается такъ: «Яко идѣже ти память. но на крови его нынѣ есть на поля внѣ предъ градомъ мѣсто то». Л. 2277.

увидѣли, что сильный исполинъ ихъ убить, и около множество мертвыхъ тѣлъ. Не смотря на то, не оставили они своего злаго намѣренія и пошли къ городу. Тогда святой Меркурій отошелъ на то мѣсто, гдѣ принялъ непобѣдимый вѣнецъ, и, стоя тамъ, молился онъ Богородицѣ о побѣдѣ и о своей смерти, говоря въ своей молитвѣ: «Царица и Владычица всей твари, Госпожа и Богородица, приснодѣва Марія! Милостію своею покрой городъ и церковь свою навѣки невредимо отъ ратныхъ; обо мнѣ же, о рабе твоемъ, умоли сына своего Христа Бога нашего, да покоитъ меня мирно отъ временныхъ сихъ, и да учинитъ меня съ ликами святыхъ мучениковъ; ибо я хочу пострадать за Христа и кровь свою пролить за святую твою церковь». И тотчасъ же послѣ его молитвы былъ ему голосъ: «Рабе мой! дерзай, и будеть тебѣ, что просилъ ты: городъ свой соблюду я невредимъ до конца вѣка; тебя же самага положены будутъ мощи въ моей церкви, въ этомъ же городѣ».

Итакъ, враги подступили къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ святой Меркурій; и онъ побѣдилъ ихъ всѣхъ, другіе же со срамомъ предались бѣгству, восклицая: «О горе намъ, братія! Молніеносные мужи побораютъ насъ и немилостиво посякаютъ; а еще видѣли мы и больше того: стояла тамъ нѣкая прекрасная жена, превеликая и солнцеобразная: она и мертвыхъ на помощь воскрешала и посылала противъ насъ!»

Видите ли, какое дивное было заступленіе городу нашему!

Святой же Меркурій подклонилъ свою голову, по суду божию: по содѣявшейся отъ него побѣдѣ, пришелъ одинъ лютый *варваринъ*, или сынъ того исполина, и убилъ святаго Меркурія мечемъ своимъ, и тутъ блаженный кончину пріялъ о Господѣ ¹⁾. Самъ же варваръ устремился и побѣжалъ назадъ отъ великаго страху; а злобный царь Батый, видя убитымъ исполина со

¹⁾ Это одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ легенды. Въ подлинникѣ, по Сборн. № 850, читается оно такъ: «Святыи же Меркурий подклони главу свою по суду божию по содѣявшейся отъ него побѣдѣ, пришедь единъ варваринъ лють. сынъ того исполина, и уби святаго Меркурия мечемъ своимъ, и ту блаженни кончину пріять о Господѣ». Л. 827 об. Такъ же и въ Макар. Миней, за исключеніемъ того важнѣйшаго варианта, что между: *варваринъ лютъ* — и между: *сынъ того исполина*—стоятъ частица *им.* Л. 2279. Въ нашемъ переложеніи принято чтеніе Миней.

множествомъ другихъ, не смѣлъ приблизиться къ городу и побѣжалъ отъ Долгаго Мосту назадъ, будучи посрамленъ отъ небесной царицы, отъ Госпожи Богородицы.

Когда же отсѣкли голову святому Меркурію, тогда онъ самъ свою отсѣченную голову своими руками принялъ и къ городу принесъ передъ всѣми. И провѣщаль святой своею головою, повѣдая о побѣдѣ и заступленіи Госпожи Богородицы. И всѣ граждане стеклись на это чудо, и слышали о дивномъ заступленіи Богородицы; честное же тѣло преславнаго Меркурія съ великою честію, съ псалмами и пѣснями взяли и положили въ церкви пречистой Богородицы, передъ лѣвымъ крылосомъ, на одной сторонѣ отъ Красныхъ вратъ.

Не забудемъ сказать и того, что вскорѣ послѣ явился Меркурій тому же пономарю, какъ живой, на конѣ, во всемъ воинскомъ подобіи, и сказалъ: «Повѣдай гражданамъ, да повѣсятъ оружіе мое, копье и щитъ надъ моимъ гробомъ, и когда будетъ какая бѣда городу, да изнесутъ мое оружіе, прославляя Господа Бога и рождшую его Богоматерь, а меня смиреннаго раба божія поминая, да подастъ Господь Богъ побѣду отъ моего оружія, и да посрамитъ враговъ города». И такъ граждане, по заповѣди святаго, повѣсили оружіе надъ гробомъ, какъ и до нынѣ всѣми нами видимо есть ¹⁾.

Такова литературная редакція по своимъ подробностямъ и господствующему въ ней тону. Отъ похвальныхъ стиховъ она отличается не столько по содержанію, которое обще обоимъ произведеніямъ, сколько по порядку изложенія и по литературной отдѣлкѣ.

Въ отношеніи содержанія, какъ уже замѣчено было выше, эта редакція отличается отъ похвальныхъ стиховъ въ трехъ пунктахъ:

- 1) опущено преданіе о Печеньгахъ;
- 2) опущена также замѣтка о судьбѣ Батыя въ Уграхъ, и
- 3) прибавлено объ убіеніи Меркурія отъ сына поверженнаго имъ исполина.

Впрочемъ, послѣдній пунктъ, не вошедшій ни въ народ-

¹⁾ По Макар. Миней: «и нынѣ же и доднесъ всѣми видимо есть». Л. 2279.
По Сборн. № 830: «даже и доднесъ всѣми нами то зримо есть». Л. 828.

ную редакцію, ни въ стихи, какъ кажется, не твердо еще былъ установленъ, когда смоленское сказаніе было внесено въ Макарьевскую Четвы-Минею: потому объ убійцѣ Меркурія въ ней сказано глухо: «варваринъ лють, или сынъ того исполина». Но потомъ эта неопредѣленность была замѣчена и устранена; и по списку XVII в., въ Синод. Сборникѣ, раздѣлительный союзъ *или* опущенъ, и убіеніе приписано *лтому варвару, сыну исполина*. Отдѣленіе побѣдоносныхъ подвиговъ Меркурія отъ принятія вѣнца и отъ убіенія его отъ руки варвара кажется въ литературной редакціи какою-то намѣренной натяжкой, которой отлично избѣжала редакція народная внесеніемъ чудесной личности прекраснаго воина, передъ которымъ Меркурій преклонилъ свою голову, вручивъ ему прежде все свое оружіе.

Не будемъ говорить о витіеватомъ тонѣ литературной редакціи, который мы старались удержать въ нашемъ переложеніи. Но порядокъ и способъ изложенія заслуживаютъ нашего полного вниманія.

Сначала ставится на видъ заступничество Богородицы, въ похвалу которой предлагается и самое сказаніе о Меркуріи. Потомъ говорится о нашествіи Татаръ и о бѣдствіяхъ, причиняемыхъ ими русской землѣ. Затѣмъ, какъ естественное вступленіе въ разсказъ, плачь земли, отъ котораго дѣлается прямой переходъ къ заступленію Богородицы: «Слышасте ли, како ону бѣду видѣши земля и не стерпѣ и возопи жерломъ ко творцу моляся. Колми паче и стократное и милостивное на насъ показася, дивное заступленіе Госпожи и Богородицы». По Сборн. № 850, л. 822 об. Въ этомъ переходѣ очевиднѣе и несомнѣннѣе то символическое сопоставленіе матери земли — Богородицѣ, Дѣвѣ Матери, на которое только намеки встрѣтили мы въ пѣснопѣніяхъ.

За этимъ вступленіемъ слѣдуетъ самая исторія о нашествіи Батыя на Смоленскъ. Явленіе Богородицы пономарю. Тайнственное пришествіе Меркурія къ иконѣ Богородицы. Здѣсь помѣщена, очевидно, вставка о римскомъ происхожденіи Меркурія. Далѣе голосъ Богородицы, посылающей Меркурія на подвигъ. Здѣсь опять вставка, но уже необходимая въ литературномъ, искусственномъ произведеніи: это сравненіе смо-

ленскаго героя съ древнимъ Меркуриемъ. И уже затѣмъ идетъ описаніе самаго подвига. Сначала Меркурій ночью, тайно отъ гражданъ Смоленска, поражаетъ Татаръ, убивъ ихъ исполина; потомъ обращается къ Богородицѣ съ молитвою о вѣнцѣ мученическомъ, и, отшедши на показанное мѣсто, лишается головы отъ меча варварина или сына того исполина. Наконецъ возвращается въ городъ, неся въ рукахъ свою голову. Повѣствованіе оканчивается разсказомъ о положеніи тѣла Меркуріева въ церкви и о вооруженіи его гробницы копьемъ и щитомъ и прочимъ оружіемъ святаго.

Такимъ образомъ, литературная редакція представляетъ намъ одно обдуманное цѣлое, выведенное изъ главной идеи о спасеніи города Смоленска, заступленіемъ Богородицы и подвигомъ ея угодника Меркурія. Картина бѣдствій русской земли отъ татарскаго нашествія даетъ естественную обстановку величавой фигурѣ матери земли, оплакивающей чадъ своихъ. Мифологическій образъ получаетъ здѣсь символическій смыслъ въ быстромъ переходѣ отъ земли къ Небесной заступницѣ города Смоленска и всей земли русской. Великая, солнцеобразная жена является въ битвѣ поборницею за Меркурія; но въ самомъ описаніи битвы о ней не говорится, а только, какъ чудесное видѣніе, представляется она въ уstraшенномъ изображеніи Татаръ, обратившихся въ бѣгство: поэтическая черта, достойная даже болѣе развитаго художника, нежели каковъ былъ составитель нашего сказанія. Безплотныя существа духовнаго міра сообщаются съ міромъ земнымъ или посредствомъ своихъ чудодѣйственныхъ силъ, или же черезъ видимый символъ, черезъ свое изображеніе. Потому не сама Богоматерь является Меркурію, но только черезъ свою икону входитъ съ нимъ въ таинственное сообщеніе, не проникаемое для постороннихъ свидѣтелей, и самому Меркурію доступное только въ благодатныя минуты его слезныхъ моленій.

Согласно съ этимъ характеромъ чудеснаго, весь подвигъ Меркурія совершается въ таинственной обстановкѣ. Въ глубокую полночь пономарь находитъ Меркурія на показанномъ мѣстѣ, и оба они тихо и таинственно идутъ къ церкви Богоматери. Безъ вѣдома жителей Смоленска, Меркурій ночью же побѣждаетъ Татаръ и убиваетъ исполина. Даже сами враги

узнали о своемъ бѣдствіи только по утру, когда, пробудившись отъ сна, увидѣли мертвыя тѣла. Наконецъ, также таинственно и ни для кого не видимо, Меркурій получаетъ вѣнецъ мученической и только принесенная имъ самимъ голова его чудесно повѣдала о великомъ подвигѣ и о милостивомъ заступленіи Господи Богородицы.

Не смотря на малосложность событій и дѣйствій, характеръ Меркурія обрисованъ живыми чертами; герой своею симпатическою личностью возбуждаетъ участіе. Онъ молодъ и храбръ. Пріѣхалъ изъ далекихъ странъ; живетъ въ Смоленскѣ безъ рода и племени. Будучи иностраннаго происхожденія, онъ всѣмъ чужой на Руси, и только вѣрующею душою своею умѣлъ онъ найти родной для себя пріютъ подъ милостивымъ покровомъ общей всѣмъ заступницы рода человѣческаго. Римлянинъ, то есть, католикъ по происхожденію, изъ княжеской породы, но вѣроу благочестивъ, то есть, православный, прибылъ онъ въ Смоленскъ на службу къ тамошнему князю; но единственною для себя владычицею и госпожею избралъ чудесную заступницу города Смоленска. «Изыди отсюда скоро! Госпожа зоветъ тя!» — вотъ слова, которыми Богоматерь велѣла пономарю позвать къ себѣ Меркурія, и герой тотчасъ же уразумѣлъ, кто такая госпожа его.

Если уже самое происхожденіе героя изъ чужой, далекой стороны, придавало его характеру нѣкоторую таинственность и идеальность, согласно со всею таинственною, чрезвычайною обстановкою рассказа; то душевное расположеніе и образъ дѣйствій героя, идущаго на побѣду, просящаго себѣ мученическаго вѣнца и добровольно принимающаго смерть, въ юномъ, цвѣтущемъ возрастѣ—отличаются трогательнымъ драматизмомъ. Это уже не только герой эпическаго произведенія, но и симпатическая личность трогательнаго, сентиментальнаго произведенія. Это великодушный рыцарь, посвятившій всю свою жизнь служенію Небесной Царицы.

Таково, по нашему мнѣнію, высокое литературное значеніе этой искусственной редакціи. Она составилась очевидно подъ вліяніемъ кроткихъ, человѣколюбивыхъ идей, распространявшихся вмѣстѣ съ размноженіемъ легендъ и сказаній о высочайшемъ идеалѣ женскаго существа въ кроткомъ образѣ

Дѣвы Маріи. Если эта литературная редакція составилаь, какъ замѣчено было выше, уже на основѣ разобранныхъ нами стиховъ и пѣснопѣній, то, безъ сомнѣнія, принадлежитъ она къ эпохѣ довольно поздней, къ концу XV вѣка или къ началу XVI-го. Воспоминаніе о мученической кончинѣ Михаила, князя черниговскаго и боярина его Θεодора, можетъ быть, внесено въ эту редакцію подъ влияніемъ житія этого князя, которое во второй половинѣ XV вѣка было составлено Пахоміемъ Логоетомъ.

Теперь остается намъ рассмотретьъ свѣдѣніе, сообщенное о Меркуріи смоленскомъ въ *Книжъ глаголемой о російскихъ святыхъ, идъ и въ коемъ градъ, или области, или въ монастырь, или въ пустыни поживе, и чюдеса сотвори, всякаго чина святыхъ*. Книга эта составлена не ранѣе конца XVII в. ¹⁾, но, безъ сомнѣнія, вошли въ нее многія древнѣйшія извѣстія, какъ изъ литературныхъ, такъ и устныхъ преданій. По рукописи графа Уварова, въ 4-ку, № 223, между святыми кievскими упомянуто: «Святый великомученикъ Меркурій воинъ, смоленскій чудотворецъ, въ лѣто 6747 (1239) ноемврія въ 14 день во гробъ въ Кіевъ приплы». Стр. 20.

Извѣстіе это прибавляетъ новую, неожиданную черту къ нашей легендѣ. Приплытіе новорожденнаго младенца въ ладѣ и спусканіе умершаго челоуѣка на воду тоже въ ладѣ, которая потомъ въ сказаніяхъ замѣняется гробомъ — предметъ древнѣйшихъ народныхъ вѣрованій, возникшихъ въ связи съ господствовавшими нѣкогда обрядами похоронъ, какъ уже говорено было объ этомъ въ другомъ мѣстѣ ²⁾. По извѣстіи въ Книжъ, глаголемой о російскихъ святыхъ, черезъ два года послѣ совершеннаго Меркуріемъ подвига, Смоленскъ лишился своего символическаго знаменія побѣды и одолѣнія на враговъ. Днѣпръ, по которому нѣкогда сносились дружины Кіева и Смоленска, и теперь послужилъ путемъ новаго соединенія этихъ городовъ, доставившимъ изъ Смоленска знаменіе его побѣды въ разоренный Татарами Кіевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что оба пре-

1) Смотр. Филарета, Обзоръ русской духовной литературы, статья 245-я.

2) Смотр. мою статью о Православномъ Соборѣ въ № 1 Лѣтописей русской литературы и древности.

данія, и смоленское о вѣковѣчномъ храненіи оружія св. Меркурія надъ его гробомъ, и кіевское о приплытіи святаго къ Кіеву въ гробу—составились независимо другъ отъ друга. Драгоценная святыня, въ которой видѣлся залогъ будущаго избавленія отъ враговъ, равно желанна была и для Кіева, и для Смоленска: и это благочестивое желаніе нашло себѣ выраженіе въ двухъ различныхъ легендахъ, соответствующихъ самымъ мѣстамъ ихъ происхожденія. Смоленское преданіе ведетъ вѣрующаго по горячимъ слѣдамъ чудеснаго подвига и показываетъ, на драгоценныхъ останкахъ, спасительное оружіе, которымъ былъ совершенъ великій подвигъ. Напротивъ того, преданіе кіевское указываетъ на таинственную даль, откуда чудеснымъ вѣстникомъ о событіи является плывущій по Днѣпру гробъ. Оба преданія равно національны, равно составляютъ драгоценный матеріалъ для исторіи русскаго народнаго эпоса. Какъ смоленское преданіе освящало въ воображеніи народа древній обычай поставленія оружія на гробъ героя; такъ кіевское напоминало о древнѣйшихъ похоронныхъ обрядахъ на водѣ.

Разсмотрѣвъ главнѣйшія видоизмѣненія смоленской легенды о Меркуріи, въ заключеніе приведемъ ихъ къ общимъ результатамъ.

1. Въ основѣ смоленской легенды сохранились древнѣйшія преданія народнаго эпоса о борьбѣ русскихъ богатырей съ великанами и существами сверхъестественными. Въ литературной редакціи говорится объ исполинѣ съ его сыномъ, какъ о лицахъ извѣстныхъ: они дѣйствительно давно уже извѣстны были народной фантазіи. Меркурія убиваетъ, или сынъ исполина, то есть, такой же исполинъ, или прекрасный воинъ, сверхъестественное, свѣтлое существо, подобное тѣмъ ангеламъ, съ которыми вступали въ бой русскіе богатыри, послѣ того превратившіеся въ камни. Во всякомъ случаѣ, Меркурію пришла смерть *по суду божію*, согласно съ выраженіемъ литературной редакціи.

2. Другой, древнѣйшій элементъ, вошедшій въ легенду, взятъ изъ народныхъ обычаевъ и обрядовъ, сопровождавшихъ

похороны. Мы уже видѣли, какъ Смоленскъ и Кіевъ раздѣлили между собою преданія объ этомъ предметѣ. Какъ воспоминаніе старины, легенда составила уже на гробѣ святаго воина; потому преданіе о похоронныхъ обрядахъ могло дать первые мотивы для составленія всего сказанія.

3. Что въ борьбѣ смоленскаго героя съ врагами сначала не имѣлись въ виду Татары, явствуетъ изъ того, что въ похвальныхъ стихахъ этотъ народъ смѣшивается съ Печенѣгами, которые, такимъ образомъ, служатъ среднимъ звеномъ, соединяющимъ баснословныхъ исполиновъ съ историческими полчищами Батыя.

4. Вымышленные рассказы о Батыѣ и поэтической составъ повѣствованія даютъ разумѣть о томъ, что легенда составила по прошествіи очень многихъ лѣтъ, послѣ погромовъ батыевыхъ.

5. Тѣмъ не менѣе вся легенда, какъ она есть, принадлежитъ эпохѣ татарской. Меркурій есть побѣдоносный герой этой эпохи. Его оружіе — знаменіе побѣды надъ нечестивыми басурманами. Если многія другія легенды наши составлены въ духъ потворства и сближенія съ Татарами; то легенда смоленская, какъ бы предвѣщая мамаево побоище, проникнута фанатическою враждою къ невѣрнымъ и геройскимъ сознаниемъ о возможности побѣды надъ ними. Многія лирическія мѣста легенды, проникнутыя искреннею скорбію о бѣдствіяхъ угнетаемой и терзаемой Руси, свидѣтельствуютъ о томъ, что донесли они отъ этой тяжелой татарской эпохи, и внесены въ легенду, хотя и переработанную уже въ позднѣйшее время.

6. Эпоха татарская много способствовала къ развитію сознанія о народности, въ противоположность чужеземному, какъ неправославному, нехристіанскому. Понятіе о своемъ родномъ, то есть, о русскомъ, освященное идеею христіанства, было вознесено надъ чужеземнымъ, которое такимъ образомъ низведено было до варварскаго. Татара — варвары въ противоположность угнетенному русскому православію. Это сознаніе могло выработаться изъ лирическихъ воплей бѣдствовавшей Руси только тогда, когда народъ пересталъ уже трепе-

тать передъ сокрушительною силою Татаръ, когда уже онъ началъ увѣряться въ возможности сломить дотолѣ представлявшаяся неодолимымъ ихъ страшное могущество, когда наконецъ печальное раболѣпіе передъ татаринѣмъ уступило благородному сознанию національной независимости. Въ Меркуріи смоленскомъ былъ выраженъ идеалъ этого благороднаго національнаго сознанія. Народная фантазія такъ высоко превознесла героизмъ святаго витязя, что даже убіеніе его приписала не сыну татарскаго исполина, а свѣтлому воину, существу сверхъестественному. Символь побѣды надъ врагами, по народной редакціи легенды не долженъ былъ носить на себѣ никакихъ слѣдовъ ослабленія своего могущества, не долженъ былъ дѣлать никакихъ уступокъ вражеской силѣ. Даже литературная редакція допускаетъ смерть Меркурія отъ меча татарскаго только по соизволенію и по молитвѣ самого героя. Такимъ образомъ, побѣдоносный тонъ легенды говоритъ въ пользу того предположенія, что она окончательно сложилась въ ту эпоху, когда, вмѣстѣ съ ослабленіемъ татарскаго ига, стало возникать отрадное сознаніе національной самостоятельности. Сама церковь способствовала уже развитію этого сознанія, какъ это могли мы видѣть изъ похвальныхъ стихословій Меркурію.

7. Происхожденіе героя заслуживаетъ не меньшаго вниманія. Легенда въ этомъ отношеніи колеблется. Въ народной редакціи ничего не говорится объ иностранномъ происхожденіи героя, слѣдовательно въ народѣ Меркурій могъ слыхать за русскаго; но литературная редакція, слѣдуя стихамъ, называетъ смоленскаго героя иностранцемъ, Римляниномъ, то есть, католикомъ. Въ этомъ преданіи очевидны слѣды сношеній Смоленска съ Ригею, Готскимъ берегомъ и вообще съ Нѣмцами. Меркурій хотя и принялъ православіе и сталъ смоленскимъ гражданиномъ, однако сохранилъ въ себѣ благородный духъ геройской независимости, искони свойственный нѣмецкимъ племенамъ. Сочувствіе свое къ Нѣмцамъ и уваженіе къ ихъ благороднымъ качествамъ Смольняне ничѣмъ лучше не могли засвидѣтельствовать, какъ признаніемъ нѣмецкаго происхожденія въ своемъ великомъ героѣ и защитникѣ. Если Ростовъ, грустно примиряясь съ татарщиной, составлялъ легенду о татарскомъ

царевичъ Петръ; то Смоленскъ, съ надеждою обращающій взоры на западъ Европы, превознесъ въ своемъ героѣ плоды западнаго просвѣщенія и противопоставилъ его восточному насилию и варварству. Потому весь характеръ смоленскаго героя проникнуть *рыцарствомъ*: это *крестоносецъ*, совершающій чудеса храбрости, это *Божій дворянинъ*, поборающій за христіанство противъ поганныхъ мусульманъ, это паладинъ изъ полчищъ Карла Великаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ благочестивый рыцарь, посвятившій себя на служеніе Мадоннѣ.

8. Легенда жила и въ устахъ народа и въ преданіяхъ русской церкви. Она дала новую пищу народной фантазіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ перелилась въ звуки молитвенныхъ пѣснопѣній. Такимъ образомъ великія событія народной жизни находили себѣ сочувственный отголосокъ и въ свѣтской народной поэзіи, и въ духовномъ, церковномъ стихѣ. Изъ сліянія того и другаго образуется великій народный эпосъ духовнаго, религіознаго содержанія. Смоленская легенда есть одинъ изъ лучшихъ эпизодовъ этого великаго эпоса. Проводникомъ между народомъ и церковью здѣсь, какъ и во многихъ другихъ эпизодахъ, было лицо посредствующее, по своему общественному положенію стоявшее между простолюдемъ и священствомъ. Это былъ пономарь. Таинственный участникъ въ подвигъ Меркурія, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и искуснымъ рапсодомъ, повѣдавшимъ міру о событіи. Если просвирни, по свидѣтельству Стоглава ¹⁾ имѣли святотатственное притязанія на совершеніе какихъ-то церковныхъ обрядовъ и тѣмъ самымъ способствовали распространенію невѣжественныхъ суевѣрій; то съ другой стороны, церковные сторожа и прислужники благотворно дѣйствовали на развитіе народнаго религіознаго эпоса. Во всякомъ случаѣ, и тѣ и другіе, и просвирни и пономари заслуживаютъ почетное мѣсто въ исторіи народной поэзіи; и какъ Пушкинъ указывалъ на чистоту русской рѣчи въ устахъ московскихъ просвиренъ, такъ историкъ литературы съ неменьшимъ уваженіемъ долженъ отозваться о поэтическихъ разсказахъ древне-русскихъ пономарей.

---

¹⁾ Смотр. мою рѣчь о народн. поэзіи.

Изъ всего сказаннаго нами, безъ сомнѣнiя, читатель уже ясно видитъ, что смоленская легенда, какъ литературный памятникъ эпохи татарской, не только не уступитъ другимъ сказанiямъ о татарщинѣ, но даже далеко оставляетъ за собою и самое знаменитое изъ нихъ, извѣстное въ народѣ подъ именемъ Мамаева Побоища.

Ө. БУСЛАЕВЪ.

II.
МАТЕРІЯЛЫ.

СКАЗАНИЕ О СОЗДАНИИ ЦЕРКВИ СВ. СОФІИ.

Предисловіе.

Развитіе поэтического элемента въ легендахъ состояло въ тѣсной связи съ элементомъ художественнымъ вообще. Даже самая проза въ книгахъ чисто-церковнаго содержанія, у народовъ христіанскихъ, съ точки зрѣнія развитія литературныхъ идей, должна быть изучаема въ связи съ исторіею христіанскаго искусства и преимущественно храмоваго зодчества и иконописи. Такъ по мѣрѣ сооруженія древнѣйшихъ христіанскихъ храмовъ по священному обычаю на мощахъ мучениковъ, полагаемыхъ въ основу храма подъ алтаремъ, приводились въ извѣстность самыя житія тѣхъ мучениковъ и составлялись о нихъ книги подъ именемъ *матирологіевъ*. Сооруженіе и украшеніе каждаго древнѣйшаго храма окружено таинственнымъ обаяніемъ чудеснаго и сверхъестественнаго. Сооруженіе древнихъ храмовъ во имя св. Софіи, Премудрости Божіей, въ Кіевѣ и Новгородѣ говоритъ о томъ художественно-религіозномъ влі-

яніи, какое Византія своимъ знаменитымъ Софійскимъ храмомъ оказала на новообращенную Русь въ XI вѣкѣ. Даже къ X в. легенда относитъ это вліяніе на чувство и воображеніе Владиміровыхъ пословъ, которые, изслѣдуя на мѣстѣ различныя вѣроисповѣданія, такъ рассказывали, возвратившись домой, о цареградскомъ Софійскомъ храмѣ: «придохомъ же въ Греки, и ведоша ны, идѣже служатъ Богу своему и не свѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земли: нѣсть бо на земли такого вида, ли красоты такая, и недоумѣемъ бо сказати; токмо то вѣмы, яко онѣдѣ Богъ съ челоувѣки пребываетъ, и есть служба ихъ паче всѣхъ странъ. Мы убо не можемъ забыть красоты тоя; всякъ бо челоувѣкъ, аще укусить сладка, послѣди горести не пріимаетъ, тако и мы не имамы сдѣ быти»¹⁾.

Въ этой легендѣ во всей наивности высказывается непритворный восторгъ, возбужденный въ вѣрующихъ сердцахъ великолѣпіемъ цареградскаго храма. Чувство эстетическое такъ тѣсно связано тутъ съ религіознымъ умиленіемъ, какъ это можетъ быть въ самую раннюю эпоху христіанскаго просвѣщенія. Не одно подражаніе, но и внутренняя художественно-религіозная потребность была причиною сооруженія на Руси храмовъ во имя Софіи Премудрости. Если отвлеченная высокая идея о *божественной Премудрости*, которой посвященъ византійскій храмъ не вполне ясна была простодушной Руси XI вѣка, по крайней мѣрѣ безотчетное эстетическое и религіозное чувство удовлетворялось подобіемъ или подражаніемъ тому высшему храмовому идеалу, который по легендѣ впервые возбудилъ, въ некрещеной еще Руси, высокую мысль о пребываніи самого Бога съ людьми во время молитвы.

Какъ бы то ни было, но надобно полагать, что сказанія о сооруженіи цареградской Софіи уже въ раннее время были внесены въ нашу литературу въ переводахъ съ греческаго, и въ подробномъ, и въ краткихъ извлеченіяхъ въ хронографахъ.

Самое интересное для нашихъ благочестивыхъ предковъ въ

¹⁾ Полн. собр. рус. лѣтописей 1, 46.

этомъ сказаніи¹⁾ было повѣтствованіе о чудесахъ, при которыхъ храмъ былъ созидаемъ. Особенное вниманіе заслуживали три чуда, внесенныя и въ хронографъ: 1) о золотѣ, 2) о трехъ оконцахъ, 3) о именованіи церкви отъ ангела божія. Изъ нихъ второе интересно для исторіи архитектуры алтарныхъ оконъ, а третье свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что въ Византіи былъ обычай употреблять въ клятвахъ священное имя Софіи, Премудрости Божіей.

Для исторіи художественныхъ преданій древней Руси особенно важно въ сказаніи о цареградской Софіи свидѣтельство, что въ этомъ храмѣ было 365 придѣловъ т. е. по придѣлу на каждый день въ году и каждый придѣлъ во имя того святаго, котораго память празднуется въ тотъ день. Такимъ образомъ, придѣлы св. Софіи всѣ вмѣстѣ взятые, составляли какъ бы архитектурный и живописный мѣсяцословъ и вполнѣ соответствовали любимому чтенію, которое древне-русскіе христіане находили въ прологахъ, расположенныхъ по мѣсяцамъ и по днямъ и содержащихъ въ себѣ житія святыхъ, поученія и назидательныя повѣсти.

Такимъ образомъ, св. Софія, какъ Слово Божіе, т. е. какъ священное и церковное писаніе, обнимала въ своихъ стѣнахъ всю церковную святыню и всѣ христіанскія преданія, приведенныя въ систему мѣсяцослова. Въ послѣдствіи, когда у насъ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка, стали появляться иконописныя руководства подъ именемъ подлинниковъ, свидѣтельство о 365 придѣлахъ цареградской Софіи было положено въ основу подлинника, расположеннаго тоже по мѣсяцослову.

Отъ сказанія о св. Софіи перейдемъ къ самому храму.

Церковь св. Софіи въ Константинополѣ, въ теченіи тысячелѣтія составлявшая гордость восточныхъ христіанъ, есть

¹⁾ Мы печатаемъ его по списку Синодальной Библіотеки, XVI в., N 792.

величайшее изъ произведеній византійскаго искусства. Первое основаніе ея приписываютъ императору Константину Великому: говорятъ, что въ двадцатомъ году своего правленія (въ 326 г. по Р. Х.) онъ въ новоизбранной столицѣ своей Имперіи основалъ базилику и посвятилъ ее Божественной Премудрости — τῆ ἀγία σοφία. Вслѣдствіе неизвѣстныхъ причинъ, (по однимъ землетрясенія, по другимъ, вслѣдствіе малой величины церкви, несоотвѣтствовавшей болѣе возраставшему народонаселенію Византіи), сынъ Константина Великаго, императоръ Констанцій, увеличилъ и частью снова выстроилъ ее и въ 360 году съ большою торжественностью освятилъ свою великолѣпную постройку. Но и въ этомъ новомъ видѣ церковь св. Софіи вскорѣ подверглась новымъ бѣдствіямъ: въ 404 году, въ возстаніи, происшедшемъ по случаю ссылки патріарха св. Іоанна Златоуста при императорѣ Аркадіѣ, восточная часть церкви сильно потерпѣла отъ пожара, произведеннаго аріанами. Во времена малолѣтства императора Θεодосія Младшаго она, по видимому, снова горѣла, потому что въ 415 году Θεодосій реставрировалъ ее. Въ этомъ видѣ существовала она до губительнаго пожара происшедшаго въ январѣ 532 года, во время борьбы партій цирка, въ которой погибли тридцать пять тысячъ человѣкъ, сгорѣло полъ-города и вмѣстѣ съ нимъ и Константиномъ основанный храмъ св. Софіи.

Это древнѣйшее зданіе, судя по извѣстіямъ писателей, была базилика, имѣвшая продолговатый планъ, крытая деревянною крышею, что и объясняетъ частые пожары, постигавшіе это зданіе. Поэтому, когда, тотчасъ послѣ послѣдняго бѣдствія, императоръ Юстиніанъ вознамѣрился въ наискорѣйшій срокъ на мѣстѣ древней базилики создать новый *«великолѣпнѣйшій изъ всѣхъ памятниковъ, построенныхъ со временъ сотворенія міра»*, онъ предложилъ архитекторамъ, чтобы новое зданіе, наивозможнѣйшимъ образомъ было обезопасено отъ огня. Консеквентно проведенная имъ система куполовъ предохранила ихъ произведеніе до нынѣшняго дня отъ пожаровъ, столь еще частыхъ и гибельныхъ и нынѣ въ Константинополь.

Юстиніанъ былъ человѣкъ, умѣвшій не только задумать великое предпріятіе, но и найти средства для его осуществленія. Еще до построенія новой церкви св. Софіи, онъ призвалъ къ себѣ на службу величайшаго изъ современныхъ архитекторовъ Антемія, уроженца города Траллесь (въ Малой Азіи); ему-то поручилъ онъ сочинить планъ новой церкви и спустя 40 дней послѣ пожара, 23 февраля, былъ заложенъ первый камень этого зданія.

Что Антеміи былъ не только геніальный, но и свѣдующій въ математическихъ наукахъ человѣкъ, это доказываетъ необыкновенная смѣлость его постройки. Ему приписывали различныя изобрѣтенія, и византійскіе историки рассказываютъ разные анекдоты, доказывающіе его глубокія, по тогдашнему времени, познанія въ механикѣ и физикѣ. Не менѣе славенъ былъ его сотрудникъ Исидоръ изъ Милета. Замѣчательно, что оба строителя св. Софіи были уроженцы Малой Азіи, страны, издревле славившейся своими колоссальными постройками. Самъ императоръ принималъ найдѣвательнѣйшее участіе въ сооруженіи храма. Начальники провинцій византійской имперіи получили повелѣніе вездѣ тщательно отыскивать драгоценныя мраморы, колонны и различнаго рода скульптуру, которая могла быть пригодна для новаго зданія. Тогда были обобраны древніе языческіе храмы Малой Азіи и Греціи и со всѣхъ сторонъ стекались матеріалы, украшавшіе нѣкогда античныя портики и термы. Одна римская знатная дама, Марція, послала на плотяхъ Юстиніану восемь колоннъ, украшавшихъ храмъ Солнца въ Баальбекѣ, построенный Авреліаномъ. Константинъ, преторъ города Эфеса, въ Малой Азіи, послалъ къ нему восемь другихъ колоннъ изъ зеленого мрамора, съ черными пятнами, которые, вѣроятно, были взяты отъ знаменитаго храма Діаны Эфесской. Доходы обширнаго государства, какими Юстиніанъ могъ произвольно располагать, были обращены на построеніе св. Софіи; сверхъ того наложены были новыя подати для покрытія огромныхъ издержекъ на построеніе. Юстиніанъ, для этой постройки, приказалъ расплавить даже свинцовыя трубы городскихъ фонтановъ и замѣ-

нить ихъ глиняными. Со всѣхъ сторонъ стекались рабочіе; впрочемъ число ихъ позднѣйшіе византійскіе писатели сильно преувеличиваютъ: они говорятъ, что подъ начальствомъ каждаго архитектора находилось сто мастеровъ каменщиковъ, и каждый изъ послѣднихъ начальствовалъ надъ сотнею рабочихъ. Такимъ образомъ работали на правой сторонѣ церкви пять тысячъ человѣкъ и столько же на лѣвой.

Но и лично принималъ Юстиніанъ самое дѣятельное участіе въ построеніи св. Софіи. Чтобы придать рабочимъ энергію и похвалою или порицаніямъ споспѣшествовать успѣшному ходу работъ, онъ почти ежедневно посѣщалъ постройку: такъ какъ церковь св. Софіи находилась недалеко отъ императорскаго дворца, то Юстиніанъ приказалъ соединить его съ строящеюся церковью посредствомъ галлерей, позволявшей ему, во всякое, хотя бы ненастное время, появляться невидимо отъ народа, на постройкѣ и наблюдать за производствомъ работъ. Взирая на построеніе церкви св. Софіи, какъ на дѣло предпринятое браннымъ человѣкомъ для прославленія Всемогущаго, онъ, исполненный смиренія, являлся на постройкахъ въ худой и простой льняной туникѣ съ покрытою главою и съ посохомъ въ рукахъ. Лично награждалъ онъ самыхъ ревностныхъ. Позднѣйшія легенды приписываютъ ему даже часть славы въ сооруженіи этой церкви: рассказывали, будто ангель, низлетавшій съ неба, открылъ ему многія изъ архитектурныхъ формъ, употребленныхъ при построеніи храма, будто во время сна нисходило на него рѣшеніе проблеммъ, тщетно искомымъ строителями.

Юстиніанъ лично, съ большою торжественностію, положилъ первый камень, и патріархъ константинопольскій возсылалъ къ небу молитвы, дабы Господь излилъ свое благословеніе на этотъ огромный трудъ. Зданіе заложено было необыкновенно прочно. Стѣны его были возведены изъ кирпича, а массивныя столбы, на которыхъ долженъ былъ покоиться гигантскій куполь, изъ огромныхъ известковыхъ бло-

ковъ. Когда слѣдовало приступить къ построению купола, Юстиніанъ послалъ на Родосъ троихъ изъ преданныхъ ему лицъ — Троила, Василя и Колоквинта для наблюденія надъ изготовленіемъ кирпичей, назначенныхъ для купола.

Внутреннее изукрашеніе церкви св. Софіи отличалось необыкновеннымъ великолѣпіемъ: стѣны ея были покрыты драгоценными мраморами, живописью и мозаикою на золотомъ полѣ; капители и карнизы вызолочены, куполь горѣлъ въ золотѣ. Священные сосуды, канделябры, числомъ болѣе шести тысячъ, и кресты были болшею частію всѣ изъ массивнаго золота; двадцать-четыре большія евангелія блистали драгоценными украшениями; не меньшимъ же богатствомъ матеріала отличались трапеза, амвонъ, весьма обширный и сѣдалища для духовенства. Благодаря неутомимой энергіи Юстиніана, по истеченіи 5 лѣтъ, 11 мѣсяцевъ и 10 дней со времени большаго пожара великолѣпное зданіе, со всѣмъ внутреннимъ своимъ убранствомъ, было приведено къ окончанію. Торжественное освященіе св. Софіи послѣдовало 26 Декабря 537 года: императоръ, на колесницѣ, запряженной четырьмя конями, отправился сперва на ипподромъ, гдѣ были убиты 1000 быковъ, 10,000 овецъ, 600 оленей, 1000 свиней, 10,000 куръ и 10,000 цыплятъ; и все это вмѣстѣ съ 30,000 мѣръ хлѣба было роздано народу. Потомъ, въ сопровожденіи патриарха, Юстиніанъ направилъ стопы свои къ храму св. Софіи. Когда двери отверзлись, онъ взошелъ на амвонъ и, исполненный удивленія къ собственному произведенію, воскликнулъ: Слава Всемогущему, который счелъ меня достойнымъ совершить это великое дѣло! Я побѣдилъ тебя, Соломонъ! ¹⁾ (*νεβκηχα σε, Ζαλομῶν*). Церковь была освящена и послѣ церемоніи освященія одинъ изъ военачальниковъ разсыпалъ по

---

¹⁾ Т. е. какъ строителя знаменитаго іерусалимскаго храма.

полу три центнера золота, которые подобраны были народомъ. Молитвы, общественныя торжества и раздача денегъ продолжались двѣ недѣли.

Но Юстиніанъ, желавшій предупредить возможность разрушенія церкви св. Софіи посредствомъ огня, введеніемъ новой архитектурной формы въ новыхъ размѣрахъ, не предчувствовалъ, что другое бѣдствіе, столь частое въ южной Европѣ, еще при его жизни будетъ весьма гибельнымъ для великолѣпнаго его созданія. Двадцать два года послѣ освященія церкви, вслѣдствіе сильнаго и продолжительнаго землетрясенія, восточная часть купола рушилась и въ паденіи своемъ раздробила трапезу съ балдахиномъ и амвонъ. Юстиніанъ тотчасъ приступилъ къ реставраціи церкви: нѣкоторыя части зданія были укрѣплены, куполь поднятъ на 25 ф. выше, возобновлено внутреннее великолѣпіе храма и пять лѣтъ спустя послѣ этого несчастнаго событія церковь св. Софіи была снова освящена 24 Декабря 563 года.

Съ тѣхъ поръ, несмотря на частыя землетрясенія и другія бѣдствія, постигавшія Константинополь, церковь св. Софіи мало измѣняла свой видъ, данный ей въ послѣдній разъ императоромъ Юстиніаномъ, хотя она и подвергалась разнымъ реставраціямъ въ IX, X и XIV столѣтіяхъ. Большею части своего внутренняго великолѣпнаго убранства лишилась она въ 1204 году, вслѣдствіе грабежа при взятіи Константинополя латинскими крестоносцами. Но величайшее бѣдствіе постигло церковь св. Софіи въ 1453 году: 29 мая Турки окончательно овладѣли столицею византійской имперіи. Магометъ II (такъ разсказываетъ историкъ Оттоманской имперіи Гаммеръ) въ полдень получивъ извѣстіе, что весь городъ находится во власти побѣдителей, въ сопровожденіи визирей и гвардіи въѣхалъ въ Константинополь и направился прямо къ церкви св. Софіи. Онъ сошелъ съ лошади и пѣшкомъ вступилъ въ церковь. Съ удивленіемъ взиралъ онъ на ея великолѣпныя колонны и чѣмъ выше

къ куполу подымались его взоры, тѣмъ болѣе росло его удивленіе. Потомъ онъ повелѣлъ одному изъ муеззиновъ призвать право-вѣрныхъ къ молитвѣ и самъ совершилъ ее близъ святой трапезы. Этимъ поступкомъ церковь св. Софіи была осквернена для христіанъ и освящена для послѣдователей Магомета и съ той поры раздается въ ней монотонный призывъ муеззина: Аллахъ иншъ Аллахъ!

Это трагическое событіе было историками въ послѣдствіи украшено разными прибавленіями. Они рассказывали, что Магометъ въ церковь св. Софіи вѣхалъ верхомъ на конѣ и даже съ лошадыю вскочилъ на трапезу. Гораздо трогательнѣе слѣдующая легенда: когда Магометъ вѣхалъ въ св. Софію, то искавшіе здѣсь убѣжище христіане молились и священникъ, окруженный дьяконами и другими священно-служителями, служилъ обѣдню. Толпа, пораженная ужасомъ, съ шумомъ разбѣжалась во всѣ стороны: священникъ покинулъ алтарь и бѣжалъ изъ церкви въ дверь, находившуюся въ одной изъ галлерей. Но едва вышелъ служитель Божій, какъ дверь вдругъ скрылась подъ каменною стѣною. Когда христіане снова овладѣютъ Константинополемъ, говоритъ легенда, то эта дверь сама собою отворится и священникъ выйдетъ изъ нея и окончитъ литургію.

Впрочемъ Турки сдѣлали мало измѣненій въ церкви св. Софіи и эти измѣненія касаются преимущественно ея внѣшности, которая пристройкою минаретовъ, уничтоженіемъ или передѣлкою разныхъ побочныхъ зданій и прибавленіемъ неуклюжихъ и безобразно-массивныхъ контрфорсовъ получила совершенно иной видъ, который не находится ни въ какомъ отношеніи съ красотою внутренности этого зданія. Во внутренности были совершенно удалены бема, солея и амвонъ со всѣми ихъ богатыми украшениями; мозаики забѣлены и на мѣстѣ ихъ написаны изрѣченія изъ корана. Магометанскій культъ потребовалъ только устройства ниши, именуемой миробъ, въ которой сохраняется коранъ, минбара (кафедры), макриля (не высокій тер-

расы) и особой ложи для султана. Въ обширныхъ пространствахъ св. Софіи не трудно было найти мѣсто для этихъ потребностей мусульманской мечети. Само собою разумѣется, что церковь св. Софіи лишилась всѣхъ своихъ сокровищъ и украшеній: огромныя ковры покрываютъ ея прекрасный мраморный полъ и даже кусочки отпадающихъ мозаикъ продаются мусульманами любопытнымъ европейскимъ путешественникамъ.

Неудивительно, если этотъ храмъ, столь важный для византійской исторіи, (потому что въ немъ происходили главнѣйшіе акты государственной жизни византійской имперіи, какъ напр. коронованіе, бракосочетаніе и другія торжества императоровъ) со времени основанія своего обратилъ на себя вниманіе различныхъ писателей, изъ которыхъ многіе передали намъ весьма любопытныя подробности объ исторіи его построения, а другіе описали его въ малѣйшихъ подробностяхъ. Между византійскими писателями преимущественно трое, какъ современники построения св. Софіи при Юстиніанѣ, заслуживаютъ довѣрія: это — Прокопій, Павель Силентіарій и Агатиасъ (Agathias). Прокопій, посвятившій постройкамъ Юстиніана цѣлое сочиненіе, въ которомъ по обычной лести того времени онъ приписываетъ этому императору множество зданій, построенныхъ только въ его время, а не имъ самимъ, въ описаніи св. Софіи кратокъ и кромѣ того тяжелъ и напыщенъ. Вѣроятно это древнѣйшее ея описаніе, изданное до 558 года, было уже извѣстно второму описателю этого храма, Павлу Силентіарію, одному изъ важнѣйшихъ сановниковъ при дворѣ, знаменитому и родомъ и богатствомъ своимъ, который въ то же время былъ одинъ изъ ученѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей, занимался древнею греческою литературою и самъ въ стихахъ подражалъ древнимъ писателямъ. Онъ оставилъ намъ стихотворное описаніе св. Софіи и амвона, въ ней находившагося, читанное имъ въ присутствіи самаго Юстиніана и его двора въ императорскомъ дворцѣ. Цѣль этого стихотворенія есть прославленіе какъ самаго зданія, такъ и его строителя и вмѣстѣ реставратора. Въ этой

поэмъ есть много интересныхъ подробностей, преимущественно о внутреннемъ изукрашеніи церкви, теперь уже не существующемъ.

Историкъ Агатіасъ сообщаетъ только нѣкоторыя свѣдѣнія о реставраціи купола, произведенной Юстиніаномъ и объ удивительныхъ познаніяхъ архитектора Антемія. Позднѣйшіе византійскіе писатели, и именно анонимъ, изданный Бандури, сообщаетъ о событіяхъ, происшедшихъ до ихъ времени, столько важныхъ свѣдѣній, что фантастическимъ рассказамъ ихъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они разнствуютъ съ рассказами вышеназванныхъ писателей, никакъ не слѣдуетъ довѣрять.

Весьма любопытное описаніе св. Софіи въ послѣднія времена Византійской имперіи находится въ дневникѣ путешествія Исландца Рюи Гонзалеса де Клавихо, посланнаго Генрихомъ III, королемъ Кастиліи и Леона съ посольствомъ къ Тамерлану. Клавихо былъ въ Константинополѣ въ 1403 году. О состояніи церкви св. Софіи во времена турецкаго владычества говорятъ два путешественника—Гилліусъ и Грело, видѣвшіе ее въ XVII вѣкѣ. Одно изъ важнѣйшихъ вспомогательныхъ пособій для изученія исторіи этой церкви есть отдѣлъ, посвященный ей въ описаніи Константинополя, изданномъ въ 1680 необыкновенно ученымъ и трудолюбивымъ французскимъ писателемъ Дюканжемъ. Этотъ ученый, обладавшій огромною начитанностію въ византійской литературѣ, которую въ настоящее время едва ли гдѣ бы то ни было встрѣтишь въ ученomъ мѣрѣ, собралъ въ третьей книгѣ Описанія Константинополя изъ византійскихъ писателей всѣ мѣста, относящіяся къ этому храму и подвергъ ихъ критической оцѣнкѣ.

Въ новѣйшее время церковь св. Софіи много пострадала отъ небрежнаго надзора лицъ, которымъ былъ порученъ этотъ храмъ. Софты до того мало заботились о сохранности драгоцѣннѣйшаго памятника византійскаго искусства,

что даже неопытные предвидѣли быстрое его разрушеніе, если не будутъ предприняты сильныя мѣры для энергической реставраціи. Въслѣдствіе повелѣнія султана Абдуль-Медшида эта реставрація поручена была въ 1847 году итальянскому архитектору Фоссати, который исполнилъ возложенное на него порученіе съ большимъ знаніемъ дѣла. Въмѣстѣ съ тѣмъ реставрація церкви св. Софіи представляла весьма удобный случай для всесторонняго изученія этого памятника и этимъ-то случаемъ рѣшился воспользоваться нынѣшній прусскій король, просвѣщенный любитель древне-христіанскаго искусства. По его повелѣнію это изслѣдованіе было поручено архитектору В. Зальценбергу: помосты, наполнявшіе и окружавшіе все зданіе, позволяли ему изслѣдовать его во всѣхъ частяхъ найточнѣйшимъ образомъ и такъ какъ въ это же самое время перестраивались въ Константинополѣ двѣ другія византійскія церкви, превращенныя въ мечети, то Зальценбергъ воспользовался этимъ счастливымъ обстоятельствомъ для изученія и другихъ нынѣ еще существующихъ остатковъ древне-христіанской архитектуры въ бывшей столицѣ Восточной имперіи. Результатъ его изслѣдованія появился въ свѣтъ въ великолѣпномъ изданіи, вышедшемъ подъ заглавіемъ: *Altchristliche Baudenkmale von Constantinopel vom V bis XII Jahrhundert. Von W. Salzenberg. Berlin 1854 in fol.* Впервые въ текстѣ этого изданія, кромѣ историческихъ свѣдѣній, мы встрѣчаемъ сдѣланное отличномъ и ученымъ специалистомъ подробное описаніе св. Софіи и художественную характеристику этого зданія. Весьма любопытное приложеніе къ тексту составляетъ переводъ на нѣмецкій языкъ стихотворнаго произведенія Павла Силентіарія, которое даетъ намъ полное понятіе о богатомъ внутреннемъ изукрашеніи этого храма. Въ велико-

лѣпномъ атласѣ этого изданія, состоящемъ изъ 39 рисунковъ, превосходно или гравированныхъ или литохромированныхъ, рисунки VI—XXXII посвящены церкви св. Софіи: всѣ архитектурные чертежи сдѣланы по точнымъ измѣреніямъ и изображаютъ это зданіе какъ въ планѣ, такъ во всѣхъ разрѣзахъ и деталяхъ. Впервые получаемъ мы въ нихъ самое полное и достовѣрное представленіе объ архитектурной композиціи этого зданія и отчасти и о системѣ его изукрашенія. Въ особенности драгоцѣнны весьма точные снимки съ мозаичныхъ картинъ, нынѣ, послѣ реставраціи ихъ, вслѣдствіе мусульманскихъ законовъ, снова скрытыхъ отъ любопытныхъ взоровъ христіанъ. Впрочемъ должно замѣтить, что многія изъ важнѣйшихъ картинъ, во время прибытія Зальценберга въ Константинополь, были реставраторами уже снова забѣлены, такъ что ему не удалось ихъ издать въ своемъ сочиненіи. Тѣмъ не менѣе намъ положительно извѣстно, что всѣ мозаики св. Софіи во времена реставраціи, произведенной г. Фоссати, были фотографированы и срисованы другими художниками и нынѣ гравировуются въ Дармштадтѣ, такъ что можно надѣяться на скорое изданіе этихъ важнѣйшихъ матеріаловъ для исторіи византійской живописи.

Самъ реставраторъ церкви св. Софіи архитекторъ Фоссати издалъ въ 1852 г. прекрасный альбомъ подъ заглавіемъ: *Aya Sophia Constantinople, as recently restored by order of H. M. the Sultan Abdul Medjid. From the original drawings by Chevalier Gaspard Fossati, lithographed by Lovis Haghe. London.* Это есть собраніе живописныхъ видовъ внѣшности и внутренности св. Софіи, дающее весьма живую идею о живописномъ впечатлѣніи, производимомъ этимъ храмомъ и въ этомъ от-

ношеніи оно составляетъ пріятное дополненіе къ серьезному труду Зальценберга. Самобытнаго же научнаго достоинства оно не имѣетъ.

К. Герцъ. О. Буслаевъ.

Оказаніе ѿ возаніи великіа вѣниа цркви стѣи
 софѣи. ꙗко есть в константине градѣ. ю созда.
 влговѣрныи црѣ. иоустіанъ. в лѣтѣ *5. нѣ. ота на
 црѣство и въ все црѣва е .лѣтѣ .ла.

Есть созданіе в константинѣ градѣ, стѣи вѣиа великіа цркви,
 зовемыя стѣи софѣи. прѣвее возвиже ю великіи црѣ константинъ похолоуно
 подобно ¹⁾ стѣго агадонна ²⁾, и ꙗкочавъ погѣави. и иные многіе цркви,
 до лѣта мѣодосіа велика. Бы вторыи съборъ в константинѣ градѣ. в
 лѣтѣ *ѣ. ѿ. пг. возустивше бо ариане. попалиша покровѣ стѣи софѣи не-
 ктарей патриархъ. сѣдаше бо стѣи ирнѣи вѣтсеи, ³⁾ ю създа констан-
 тинъ црѣ. минуста два лѣта стоаше непокровенна; Црѣ же мѣодосіи
 повелѣ роумлянѣ магистроу да покрѣтъ ю мраморѣ; по лѣтѣ лѣтѣ
 мѣодосіа црѣи. и по константине црѣи за .г. лѣтѣ. и по извѣнѣи на
 подрѣмѣи. *а. и. х. ⁴⁾ моу. И вдухноу вѣ в оу. влговѣрномуу црѣю. иоу-
 стіану создати цркви стѣи, такова нѣ въ софѣианна ѿ адама;
 Црѣ же иоустіанъ напѣ стратиго свои, и началнико и соудѣиамъ. на
 всѣ страны. дани събирати по оуроко, ѿ всакѣи страны. восточныа,
 и западныа, и полунощныа, и полунощныа. събрѣше дани послаша къ
 црѣи. ѿ всѣх ѿстроѣи. и, въ дани, вѣгѣство велѣе. ꙗко въ злата. х
 кентарей. а сребра. *б. кентарей. а едина ⁵⁾ има рѣ. литрѣ. Повелѣ црѣ
 испытати всюдоу. да како шѣрацоуѣ цркѣныа столпы. и постоапѣ на-
 стоапѣже ⁶⁾. и преграды дѣверныа, и аспиды и мраморы, и прочѣ ⁷⁾ досто-

и чѣзъ цркви и вса повелѣнная ѿ црѣ ѡбретѡша, ѿ ветхѣхъ и дослѣхъ цркви. и ѿ ветхѣхъ бань и домоу. и се нѣкаѧ жена имене маркѣла. ⁸⁾ да дары .и. столпъ к зеленымъ досточюдны, ѿ рима сзданны ѿ абвргѣана црѣ. и писца ѡустѣана, и лочтѣ. и ноутарѣ, привезѡша столпы к цркви иныхъ же столпо .и. чюдны привези зелены ѿ едеса. константинѣ стражи, и здѣланы вса равны. ⁹⁾ и к мѣстоу. прочѣ столпы ѡвы ѿ кизика. ѡвы ѿ трѡады. и иныѣ ѿ островъ ѡкроужны. црѣ и кнзи пришлаша. тако и проча оугрѣа же подовна цркви, и прѡдѣ вещи вса си събраша, кз з. мѣ. вѣ. бѣ. мѣ оустѣанова цртѣла. пренаренноу цркви ѿ великаго црѣ константина зданноу ѿ основы разорн. и вещи ¹⁾ еѧ прѣо положи, и ¹¹⁾ потрекы имѣаше ѧ. зане многу и вещьяноу вещь оустройти емоу, изрднѣе, и чѣзъ искоуповати дома блн тоу соущаѣ; **Коупленіе. првое.** Перкое оубо вдовица нѣкаѧ имене, анна. домъ еѧ ищыннз вѣ. на. тп. литрз злата. и посылаше к ней црѣ велможн скоѧ, моѧ ѿ домоу еѧ. и ничтѡ ѡспѣвахсѣ. но и сѧ црѣ шѣ моли ю. ѿ цѣнѣ домъ еѧ, ѡна глѧ ко црѣ. не хошу цѣны приѧти на домоу своемъ. но и хощешн задати цркви вжѣю да погрѣвннѣ коуду блн домоу мѣе, да имамъ и ѧ мѡу кз днѣ соудны. и ѡбѣщѧ црѣ еѧ погрѣстѣю тоу и по совершенн цркви поминати ю. естѣ же мѣсто домоу еѧ. коудохранилищица вса.

Коупленіе. вѣ. е. Нѣкто, ѧстерѣн каженикз, и тоу чтѡ вѣаше до его. и скорѣашоу ѧстерѣю сѣло. не хоташе продати домоу своего. црѣ вѣаше прѣнз не хоташе прѣвѣдѣти никого. и скорѣаше црѣ печлаоу ѿ домоу чтѡ сзтворити, стражи же магистрз црѣ имѣнѧ хрлнителз. ѡбѣщѧ црѣ оустройти се нѣкою козньо. ѧстерѣн любилъ сѣ подроумію. конному оуристанію ѿ срѣа, магистрз затворѣ и, ѧстерѣа в темници. Быстѣ днѣ оуристанѣ коннаго. на ѧстерѣн каженикз звати к темници глѧ, и звѣте мѧ да кижоу оуристанѣ конное. и створю волю црѣоу, и иже доша ѧстерѣа ис темници на мѣсто сѣдалишоу. и дѣже поклоняхоусѣ црѣи. и тѣз створи проданѣ домоу своему, на .лн. литрз злата, естѣ же мѣсто домоу его ѡлтаръ весь, и мѣсто амбоное до грѣдн

цркви. ѿ въз ѡлтаре кладѣ стѣнѣ еже есть ѳра. ѿ написаши тоу, къ ѳстероу¹²⁾, ѿ всѣ соуиклигѣ. прѣ искоушеніа конь оуставъ же въ вѣхѣнѣ. бнигда искоужаше црѣ на сѣдланце, ѡвѣ чечахоу сноузніи коніи. ѿиже тогда празновахоу на проповѣданіи кажинка ѿ до се днѣи, чихо иско-
дѣтъ сноузніи колесници конь.

Коупленіе. трее. Деснаѣ стрѣна женскаѣ. до стѣла стѣго баснѣ въ же нѣхѣго. дженѣтѣ. хитрѣ члѣкѣ. ѿ хотѣ прода до свои. проги оу црѣ¹³⁾ токио цѣны на домоу своемъ. но да¹⁴⁾ бывающе конне суринганіе почтѣ воудѣ ѿ покланѣ воудѣ ѿ четирыхъ сноузныхъ чѣдокъ¹⁵⁾. Црѣи же повелѣ-
шоу на смѣ быти семоу, ѿ въз днѣ настѣлаго суринганіа коннаго снѣбти емоу средѣ прѣградѣ. ѿ покланитиса задоу его на смѣ. прѣ воухоженіа ѿ¹⁶⁾ на колесницы. се въ до црѣ вѣгочѣбаго вѣграноронаго се во к то мѣсцо покланити тоу створи, чѣтныа ѿконы бѣки хѣ бѣ ншего. ѿ рождышоу его чѣноу бгѣмѣре, ѿ стѣго прѣрка ѿ прѣчю ѿбана. ѿвладашѣа долѣ. тако покланѣ бываа ко ѡбрѣ кажинка. в рѣ-
зоу белоу ѿстѣканноу ѿчервѣленоу, ѿ кнѣ прѣйсподнихѣ нарицашѣ. ѿ напи-
саша до его.

Коупленіе .дѣ. Дѣваѣ стрѣна ѡвыше до стѣла стѣго кѣнѣ вѣбаше до харитѣна кажинка. тезѣименитна, гоуѣи продающе, ѿ продаше до свои съ вѣгодареніе. на .дѣ. лихѣрѣ златѣ. ѿ написаша домоу его.

Коупленіе. пѣтоѣ. Долнаѣ чѣстѣ цркви .дѣ. прѣтворы. ѿ бѣна, ѿ крѣтѣ ѿхѣ, тоу вѣаше до дамианокѣ¹⁷⁾ плѣтрикѣ селевкѣйскаго. ѿ проданѣ въ до его на .дѣ. десѣ лихѣрѣ златѣ, ѿ примѣ ценоу его съ многоу радостію да цркви. ѡлтараже. ѿ долнаѣ стрѣны¹⁸⁾ ѡснова тоу, ѡколо ѡгноканіе¹⁹⁾ великаго вѣтѣха. ѿ комарѣ ѿ до гнѣбзна прѣтворѣ, ѿ напи-
саша до его. Прѣ ѡснованіа црквнаго ѿноу цркви малоу сѣтвори прѣкр-
сноу кроуглоу златѣ покровенноу ко ѿма стѣго ѡшѣнна крѣла. нари-
цашѣ²⁰⁾ крѣнѣ, ѿ постави вѣи вѣвшнаго²¹⁾ члѣбника нарицаемое крѣнѣ. ѿко превываачи емоу²²⁾ з водѣры своїми многѣды. ѿ ѡвѣбачи тоу црѣи.
ѿ ѡбложенои стѣлѣ софѣа. Црѣ же ѿустѣланѣ размѣривѣз мѣсто. ѿ ѡ-

брете во ѡсновѣ вечныи камень, ѿ ѡлтаря да и до долныи страны. **Ѿ**
сзданіи; Наченже црь зданіе цркѣное ²⁵) ѡсновы творити. и призва ебти-
 хіа патрїарха. с съворѣ свои. и вси быша в ризѣ, и сзтвори патрї-
 архъ млтвѣю на ѡснованіе цркѣн, по скончанїи млтвы црь іоустанъ,
 прїа дѣло своима роукама и конецъ ²⁴) скѣдеію. и извѣсть возрѣ на на (sic)
 нѣбо благодарїи бѣ глѣ, призри гн на храмъ сей. и сзтвори в нѣ ѡвнѣ-
 лице себе и оуслыши в нѣ млтвѣю рабъ свои, и вложи во ѡснованіе
 прѣвѣе всѣхъ. а наро ²⁵) стоахоу ѡкрѣтѣ и по цри начаша вси дѣлатели
 дѣла тогда и восходъ сзда ѿ полаты до стѣи соуба. ѡко преходити
 емоу чѣсто и неви моу быти ни ѿ кого. башѣ хитрыи мастерѣ. р.
 илѣиѡиї наймитѣ. р. ѡко бысть всѣхъ .х.а. башѣ же прѣвыи зижитѣ ми-
 хило. ²⁶) вторыи игнатей, и бы нослицу камень .х.а. начаша дѣлати востѣоу
 страну .х.е. моу, а западноу .х.е. моу. полуденноу страну ²⁷) .х.е. моу. за
 немногы тѣшаніе дѣло творяхоу. Англѣ же гнѣ во гнѣ показа црѣи какова
 боудеть цркѣв. в котлѣхъ же варяхоу ѡчень с водою. и метяхоу полуношную
 страну .х.е. моу извѣсть и скѣдель в воды мѣсто, нѣ извѣсть та клѣбача.
 и ѿ древа глѣма вербїе, оусекахоу влѣтающе в в котлы. и варяхоу сз аленѣ и
 творяхоутъ корыта, на .д. оуглы.и моуца по .и. лакѣ, в широтѣ. а в долго-
 тоу .и. лакотѣ. Бы ѡснованіе стѣны ²⁸) .и. лакѣ в тоаістотѣ, а в дол-
 готѣ стѣны .р. сажнѣ. ѡпрѣчѣ ѡлтаря. и притворѣ, ²⁹) а с четырма
 притворы .р.а. прѣмирнїе, а ширѣ тако. и бы видѣти тога акн
 желѣзо дряжаща, и воздѣша ³⁰) стѣны на ѡснованіе .е. локти, издано ³¹)
 бы злата. тнѣ, нектарей. Оѣ бѣдаше здаѣ и писаше магистрѣ. црѣа
 илѣнїа хранитель сребренныи приношахоу ѿ полаты. и полагахоу в кошници. ³²)
 и ктѣ вознесаше ³³) камѣ на стѣноу. и ѿ єдинаго камѣнѣ прїмахоу по
 сребреникоу. Црѣ же не белаше нї єдинаго иухъ приѡвидѣти, и се тако
 быбаше єдинъ ѿ нослицу хъ похули црѣ, и воздоху и негова. і абїѣ
 падъ на земли и скроушиса і оумре, стѣнаи же превѣвшайишиса и великы
 столпѣ рымскы ставши зелены, и мраморнымъ. и вѣлѣмъ столпомъ во цркѣн.
 оуже по верхъ. и по комары, ³⁴) столпъ .и. кромѣ зада. а дверей бы по всеи

цркви .тѣѣ. и менитѣ цркви. Црь же подвизася ш грца кз боу. к ползднѣ бо не спаше но много тѣцаніе и прилежаніе имѣаше ш свѣтѣи цркви. ꙗко приходити емоу многажды и видѣти секоущаа каменз, и древодѣныа и вса дѣлающаа строителѣ. и бы и .тѣ. и сѣ зрѣ црь многотѣцаніемь.⁵⁵⁾ вса имѣти повелѣваше, тѣ оубо и шпрочѣ мзы дааше⁵⁶⁾ имз: в коюдо во нлю единою, или два по зланикоу, или болѣ дааше и. шблачашежеса црь и са в тоикоу и вѣлоу поневоу. и оуброу тѣменз имѣаше на глѣвѣ свои, и в роуцѣ свои имѣаше жезлз. козѣнже комары възточныа и западныа и сѣверныа и южныа. и сѣа покры ꙗко повалныа⁵⁷⁾ комарами, въззвже стѣноу⁵⁸⁾ .ѣ. сажень. и не бы сребреникз принести ш полаты. Въ днь соуботный въз, чл г. повелѣ страти дѣлателѣ всѣ, и хитреце, ити ко црю на швѣ, шшеже преренныи игнатѣи. прьвы зижителѣ на стѣнѣ, шстави сѣа своего ісаѣа. .ѣ. лѣ соуща стрѣци зижителныа сзсоуды, идѣже зижаше на деснѣи странѣ.

Юдо первое о злеленіи глѣа англѣа. Седашоу штрокоу на стѣнѣ, авн емоу штрокз кажникз ко свѣтлоу шдежоу шдѣанз, красенз взоро. ꙗко ш црвы полаты поущенз. И глѣ кажникз. ісаи сноу игнлѣвоу, что ра не скончяють дѣла вѣтѣа зижоущей. но штаблѣше дѣло шндоша швѣдаты ко црю, и глѣ емоу штрокз ꙗко господіе мой скоро прїдоу, и глѣ кажникз. ни, но ше рці имз. тѣшѣ бо ко исполненію дѣла, штрокоу глѣшоу противз ꙗко не имамз штавити сзсоу. да не погнѣне что ш ни, и ре емоу кажнѣ. иди скоро и рці имз, да прїдоу скорѣе. и а тѣако кляноучися, тѣако ми сѣыа содѣа, еже есть слово вѣтѣе, ннѣ зижемыа цркві и не шндоу шнодоу. дондеже возвратитиш сѣ мо, здѣ бо повелѣно ми е прѣвѣвати и храничи ш славы вѣтѣа. Сѣаже слышавз штрокз. иде ко шцоу своемоу, и к прочи дѣлателѣ,⁵⁹⁾ штавнѣз тоу англѣ глѣа хранѣща зданїа, и повѣда шцоу своемоу. и всѣ прочи, и възста шцѣ и веде и ко црю оугтіаноу. И слышавз се црь ш штрока и сззва вса книжницы,⁴⁰⁾ и штрокы своа. и показа емоу вса по единомуу глѣа, егда есть ли се или нѣ. и ре штро. ни единже есть ш сѣ кажниковз

подоуенъ есть ѿномуу кажникоу, ꙗко бы к вѣлѣ ризѣ. и ѿ ѡбличенїа его ꙗко ѡгну исходити. и разоумѣ црѣ ꙗко англѣ вжїи вѣ, и прослави бѣ. и радскаше радостїю неизреченною, ꙗко блгоизволи бѣ на дѣло его. и паче ꙗко оубеда црѣвноѣ нареченїе, ꙗко есть стѣнѣ содѣнѣ слово бжїе. поне во не имѣ прѣвѣ нарѣнїа цркви. и троу вѣ ёмоу и печаль ѿ црковны нареченїи. Црѣ вѣ⁴¹⁾ іоустїанъ в себѣ помысли, ⁴²⁾ ꙗко к томуу не вобратити ѡтрока на зданїе, ꙗко да храни црквь англѣ гнѣ и до сквчанїа всего мира по клатвѣ его еже сътвори.

Уюдо .к. ѿ недоставше златъ. Бысть на десней странѣ, идѣ инѣ чѣна икона бѣлаго бѣ и спса ишего іс хл, оутверди поѣтиши зижоуши, на горней части стѣны и поставльши имъ керушнѣ столпы, и нанши задати комары и покрывши около. и бы црѣ прискорбенъ за ѡскоудѣнїе златѣ. зане ⁴³⁾ имѣти съвршенїа зданїю. бысть вх соубоный днѣ. столцоу црѣ горѣ на зданїи стѣнѣ, ⁴⁴⁾ и хотѣши всъзбнгоути верхъ .вз. д. чѣ днѣи акѣ црѣ моу кажникъ в вѣлѣ ризѣ, и гла ёмоу что скорбнши ꙗко. и гла ёмоу црѣ. ꙗко неманїа съвршенїа зданїю. ⁴⁵⁾ и рѣ кажникъ заоутра скоро побели прїичи ко мнѣ кѣлможѣ скон. и да ти златѣ ёнко хощеши. заоураже прише кажникъ рѣ црѣ, до комоу ⁴⁶⁾ повелнши воспрїати злато. црѣ посла к нимъ магистра, и василїи да строителѣ, ⁴⁷⁾ и мѣодога патрїкїа, тезоименнїа чыковника. и с ними прочїи слоугъ и съ к. мскїи и ісла ⁴⁸⁾ поимъ кажникъ. ѡнде ѿ златы братъ и пришедши имъ на мѣсто трїоуліе, ѡвнша полаты новы зданы. и кнѣдоша с кажникомъ в полаты, кажникъ же ѡверзе имъ полаточу ёдиноу. и бысть полна златѣ и ёдва ѡверзоша двери. и насыпаша кїнжо по ѡблосѣ, ⁴⁹⁾ и прїимше злато и привезоша ко црѣ. кажникъже ѡстага в полатѣ, прїимѣ црѣ злато испыта и, и бы златѣ .ргї. ⁵⁰⁾ і оуднбнѣ и рѣ имъ на коемъ мѣсте бы. ѡнѣ возвестиша ёмѣ быкше. и ше црѣ с прикѣшннн злато. на мѣсто трїоуліе и не ѡбретоша ни ёдиноа полатыни храмыны. и разоумѣ црѣ ꙗко англѣ вжїи вѣ, и се даръ его и прослави бѣ.

Уюдо третье ѿ трѣ ѡко́нцѣ. Вгда хотѣше съвршннн стѣнѣ ѡл-

тарь. и помышляше црь, ш просвещеніи шконець, шбогда оубо ко единаю комароу просвещенію быти велаше. шко и в прочіи часте цркви, и да неозможна сзтворити, шбогда двема побелбаше быти. в здинш ш днєи бысть в з днє соубонны, в з .є. ча днїи. Англз гнє швнса перкоє зижителю, в з шбрази црѣ и глѣ емоу. сзтвори шкоца три пресвѣтлаа, в з имѣ шца и сна и сгго дха, коупно сз слово, и сн глѣв шнде к полатѣ, прѣбыи зижитель не могы вѣсѣдокати к немуу за не скоро шнде ш него. шеже в з полатоу ко црю и ре, ты црю слова не имаша, шбогда ре велши шконцѣ сзтворити, шбогда два ииѣ же трии велши. во имѣ шца и сна и сгго дха. и ре црь н. исхудилз есмь сего днїи ис полаты, мастерѣ покеда црю шавлше емоу вндѣнїе шко вндѣ англа во шбрази црѣ. и ре црь во истинноу, се англз вѣти ⁵¹⁾ шко ти заповѣда. тако и створи. дѣланїе же црковное сздѣланно бысть. коуптроудоу и вноудоу, и стѣлпы и стѣны желѣзными ключами стажени соу дроу ко дроуоу и соутѣ недвижимы по вѣмз стѣна ⁵²⁾ мешаюуѣ извѣстѣ сз ачменѣ и скоуделїю и з дравныи маслѣмз дѣлахоу. Послаже црь ко шстро цѣбѣтныи, василнда строитѣла скоего и мѣодора епарха и сздѣлаша троу керемиды равныи к мѣроу и равныи к долготоу, великии назнамenny и. сга вго посредѣ еа ⁵³⁾ и не подѣитса поможѣ еи в з оутро за оутра. и чтоуции количество посыласу же ко цркви ко уклицѣ, в долготоу и в ширноу, г. локѣ, и мерилѣ естѣ .бї. керемидоу .н. саженз, и сздаша чѣмн керемидами и чоу извѣстїю .д. комары великїа. егда начаша задати вѣрхз по к. каремндз задати ⁵⁴⁾ творяхоу; Отлїи ш сзданїи црковномз, в не ⁵⁵⁾ мѣтхоу творяхоу, и пакн полагахоу зижоушїи дроугаа .бї. радоу. и пакы бываше мѣтѣа и полагахоу чтитѣли на вѣ .кї радѣ моци стыхз тако творяхоу и до скончанїа цркви. сзтвориша юношескїи прѣдстоаше. посе сзтвориша прѣдобрїа, и дивныа и простыа мраморы, позлатїи сзстабы мраморо и гївы столпѣ и прѣклады марныа ⁵⁶⁾ двокровныа и трикровныа тоацаже позлащенїа вѣ шко единаго полупрѣста, покровѣ

всѣ вторыи и третии с первыми. и сторонныи и шкратъ .д. при творы⁵⁷⁾ всѣ позлати покровы мосты црковны оукраси, рличными многообразными мраморы. шкратныа оукраси бѣлыми и великими многоцѣнными мраморы. Отъиже шлтарь въ и столпы всѣ и преграды, и дворы⁵⁸⁾ всѣ ш сребра чта. соущаа въ шлтарѣ .д. трапезы .и. з. степени чистителскы коупно стльскими, и съ многоцѣнными престолми съ .д. ми столпы теремецкими. и теремцы иже на престоло и иные многѣ вещи сътвори ш сребра чта позлащенна в толшоу многоу теремець же различныи знженіемъ оукраси. верхоу же его постакы аблоко все злато. имоущи мѣроу ис кентаріи и кри зла. и мѣши мѣроу .з. кентаріи. и верхоу его кртъ златъ. имоуще мѣроу .д. литръ и оукраіи и каменіемъ драгимъ.

Ш СТЬИ ТРАПЕЗЪ. Отъоуже трапезоу рчтнѣ сътвори. и чтнѣшоу ш всего злата и сребра. и каменіа многоцѣннаго. помысли таково помышленіе сътворити. съкоупи бсакѣ вещь земноую, ш златаже и сребра, и каменіа многоцѣнна. и висеріа, мѣдиже и проуда шоба и желѣза. и ш всѣ вещи земны и вложи в горнило рѣженно. и сматѣ а⁵⁹⁾ и егда смѣшиша подобно шбое, и зана трапезоу бо шра. егда истыдѣ⁶⁰⁾ стѣче ю и постави ю недомысленноу. и неподобноу коего шкон зракъ швершахоучѣ,⁶¹⁾ немощ бо оу члчъ разоумѣти или разомотрити доброты еа. занеже шбогда злата авльшесѣ видѣши ю, шбогда сребрана или каменна. шбогда мѣдана или желѣзна,⁶²⁾ ноги. на ни же стон стла трапеза. и степени и есть около. и сътвориже ш злата чтна и сребра и дивитисѣ доброты еа, всѣ видѣши ю, и сътвори двери, троа прежнаа ш сребра и ш злата чта, и ныи двери, шбы оубо мѣданыи елкетеръ,⁶³⁾ шбы сионовы⁶⁴⁾ позлащенны же шко быти всемоу чнслоу црковныи дверей .тѣе. всеразличны. Помысли црѣ въ црковныи испо⁶⁵⁾ сътворити сребренъ. и оутоленъ въ ш алнин, и ш звѣздочтець. и ш ромѣа все советнаго,⁶⁶⁾ и звѣсто тако бо емоу,⁶⁷⁾ шко в погляданыи днѣи, придоу црѣва чтемна и возмоу гра сен. Црѣ же шстоупи ш такобаго помы-

шленіа вѣса⁶⁸⁾ на всакъ днѣ сребренни, и ѡбретахоуть ж. се износаще, и вса тѣшахоу к возношенію его. Цркъвь сззданна бы хѣ. моу. ренше тѣмоу. ѡко прѣ реченно высть. во .сі. мѣ, и .д. мѣцѣ. **О АМЪБОНѢ.** Имъ бонже ѡ камѣни сзтворн. имоу имъ, сардоникын. в настоипн мѣстѣ.⁶⁹⁾ столпницн⁷⁰⁾ сзтвори всн златы и сз аспинн каменіе. и с хрѡустанн, и с самъдирѡ. тако и верху амбоннын сзтвори злѣ з бисерѡ. и с свѣтлыми измарагды. верхоу его сзтвори крѣтѣ злѣ. и моушѣ р. литрѣ и моуше⁷¹⁾ бисеры великиа, в настоипна мѣсто постави златы⁷²⁾. Оустѣе кладаза стго принесено высть из самаріа. того рѣди именуѣтсѣ тѣакъ.⁷³⁾ занѣ гдѣ ншѣ с хѣ к самаряныни вестѣдовѣ, и четыре трубы ѡ ернхона принесенны выша, ѣ есть во ѡбрѣ трубуѣ, ѣ дрзжахоу того англі. игдѣ падоша стѣны ернхону. Чтнны крѣтѣ, иже стой ннѣ в сосоудохранителици. ѣ есть мѣбра возраста га нашего іс хѣ, ѡко и звѣсто измѣренѣ бы ѡ вѣрны члѣкѣ и во іерлѣмѣ. и сего ра ѡбложи сребро чты и златѡ, и каменіемъ мнѡцѣнны. то бо крѣтѣ и до днѣшнѣ днѣ. недоугы различнѣ исцѣлѣе, и вѣсы ѡ члѣкѣ прогонѣть. Црѣ же и оустннѣнѣ во всакѡ столпѣ долѣ и горѣ честыныа моци стѣи вложи, сотвори и сзсоуды .б. прасникѣ златын⁷⁴⁾, сѣнными многоразличными ѡбрѣзы. и пакн ѡ еваліи. ещѣнныа роуксмаѡ, и горлицы⁷⁵⁾ комѣкалицѣ, блюда вса златѣ, с каменіемъ драгы. и с жемчугѡ число, .д. инднтѣ⁷⁶⁾ златѣ с каменіемъ драгы. .т. венець р. да воудѣ в кнѣжо правникѣ различнѣ. сзтвориже платы комѣ каннныа .д. вса златѣ с жемчугѡ, и с каменіе многоцѣнны. еваліи .т. по двѣма кентарима златѣ. и кадьялицы .лс. вса златѣ с каменіемъ, по единой кентаріи и свѣчялицы .т. и моуше, вса по .л. литрѣ грезно, и паниканди амбонны и ѡлтарни (sic) сз двѣма жемѣкнма. .с. и сз притворы. Оустѣи притѣженіе .тѣе. ѡ египтѣ. и ѡ киндіа,⁷⁷⁾ и ѡ востока⁷⁸⁾, и запада. и сіа сзбра потревоу цркви. чѣкобы празникѣ оустѣи взимати масаа древаного. .д. корѣгѣ. внна. тѣ. корѣгѣ. хлѣво. .д. постави клирикѣ. .д. единою ѡ чтитель до послѣднѣ пѣбець. р. раздѣлающн на .б. нѣи, дасть же клиросѣ школьнаа кѣлѣта по чиноу нхѣ.

и пѣбцѣ храмины постои́ныя ⁷⁹⁾. Сотвори́ и крѣты великіи златы. ѿ всакого каменіа́ и́моуща́ цѣноу .н. кентарен. и светили двѣ белицы ѿ стекла чѣга, и́моуща златыа́ ноги вса, кентаріи́ единаго. и верхоу постави на ни́ съещи двѣ велицѣ. позлащенныи с каменіемъ драгы, к цѣноу единаго кентаріи. сътвориже и́ ины́ свѣтилах .н. пребеликы, ѿ сребра чѣга, и́ ины́ же свѣтилах сътворилах .т. в высоту́ моужеви́ единому́ достойтѣ ⁸⁰⁾ во ѿлтаріи. И́мбонже токуоудоу ⁸¹⁾ всего́ злата, дождеже ⁸²⁾ взимаше ѿ египта. тѣже, кентаріи́ взимаше. Великіи оубо констаннынѣ ѿ саворіа црѣ перкаго. и ѿ ины́ многы. оустави прѣбѣ оубо црѣви, кромѣ сѣнны согоудѣ ⁸³⁾. и селѣ ѿ приходѣши́ тоу, но ѿ ксакіа вѣци црѣви .ѣ. и .т. кентаріи́ злата. Іоустани́ црѣ едина́ нача, едина́ и сверши стгоу́ солабю. чюдѡ ѡбдержаше видѣши́ таковою́ црѣвь, како ѡблещаша ⁸⁴⁾ свѣто, выстѣ во вса свѣтла ѿ злата и сребра. и жемчюга. ѿ ксакіаго прѣчаго оукрашеніа. подобно́ не мало оудивленіе баше видѣши. мраморо́ различіе аки море видомо баше, аки рекою́ прѣотекоющюу .д. во црѣкеныа, четыре́ ре́кы наре, и́сходящамъ изъ раа. и положи законѣ да когдо ⁸⁵⁾ по грѣхѡ́ свои́, ѡмѣчаша стаи́ на ни. сътвориже и́ во крѣтилицы, ѡколо кладаза и́ прѣтворѣ, лбы каменныи́ и́зногѣца водоу ѿ сугтѣ свои́ на оумоленіе ⁸⁶⁾ просты́ людеи. На деи́нѣи́ странѣ сътвори море пади единойъ ѡбышено іако восходити водѣ. лѣственцоу́ единоюу́ постави на възхоженіе чѣтителе. прѣмо лицоу́ прѣемлющемоу́ водоу́ и́ сздѣла .в. лба, сернѣ; ѡрелѣ́ и́ заць телець, ⁸⁷⁾ и́ вранѣ .в. сътвори и́ вода и́ и́схожаше изъ оустѣ и́, на оумоленіе чѣтителе́ лѣсто́ и́рече лбове, и́дѣ́ бозви́же храминѣ́ позлащеноу́ да хотѣше ⁸⁸⁾ емоу́ въ црѣви спати вней. красотоу́ іа́ прѣ рекоу́, и́ прѣкеличесство доброты́ таковы́ црѣви ктѡ́ исповѣ́. Великіи́ црѣ́ іоустани́ сътвори стгоу́ солабю, съ всѣми сѣнныи́ согоуды́ еа. мѣа. се. кс. днѣ. и́шиже и́и полаты́ и́ прѣиде въ двери́ авгоустіа́ и́ сѣдѣ на четверсогунѣи́ колесницы. и́ закла воловѣ. .ѣ. а́ ѡвѣць .ѣс, еленен. .х. .т. ⁸⁹⁾ пшеницы. (е). и́ т. сподсѣвѣ, и́ да́ сїа оубогимъ. в тыи́ днѣ до трѣаго

ча, пришедшоу ѿмоу ко красны дкере. с патріархоу ѿтихѣ. и вторгнѣса ѿ патріархоу роукоу и тѣ до амбона. И воздвиже роуце на нѣо и ре слава сподобльшему ма таковоу дѣло свершити. шдольти соломонѣ. ѿко не оуготоуах ѿн таковыя красоты к домоу гни въ стѣла стѣи, ѿко азъ оустрои. во входѣже дати люде злата г. кентаріи стратигоу магистроу сіа просыпашоу на землю. Злоугра сътвори шверзенте волша прѣвы, заклавъ жрѣтвы до стѣи вѣожаклїи. до іе. днїи пиръ твораше и роужаше и благодарѣ ба. и та скончѣ желаніе дѣла сего, и радокаше в себѣ до сконанїа своѣ живота. Блговѣрный великїи црь іоустїанъ, пожнѣ по сзданїи стѣи соамба іе. лѣ. до преставленїа своѣ црь же великїи блгородный оустїанъ, преда чрпръ цркен, да посѣтса, ѿмоу єсть начало, єдиночадый гнѣ. слово вжїе, при то анчїоуїи вжїи гра, нарицати начатъ. попантїа, рекше оустрѣтенїе. прїагъ начало пранобатїи, є єсть причтенъ ко гдѣскы празнїко. и вжтвенный злоуустъ глѣть в шесты днїи сотвори вѣз дѣла своа вса, ѿко єсть писанно, в седмыйже днѣ почїи. чѣмъ в послѣднѣм днїи вжїе слово ѿволи, взыскати и спїти погнѣшам, и възплощѣ тѣ шѣрѣзо по числоу днѣ, сего миротворенїа празнїка предагть на своѣго смотренїа первый єсть днѣ коренъ празнїко, хѣво конлошенїе по зачатїи ѿ стѣи дѣца мрїа. второе роженїе. просвѣщенїе. г. ѿ стгртїи ѿшѣенны днѣ д. преславное възкрїнїе. внѣ во исподни выкз спсз ншъ, възкрїи : совою прѣвны и вѣроакшн .є. еже на нѣо вознесенїе ѿко в четвѣртокз седѣланого днїи. бы .с. 90) чаемое кѣб мертвы възкрїнїе, велии прїимны днѣ. 91) тогда празнїество истинно, сз многою радостїю и веселїе, хотажїи насладїе нхже оухо не слыша и шко не видѣ. ни на срце члкоу не взыде, ю оуготова бѣ любажїи єго ѿ си тако вѣсѣдоуечъ чтнны злоуустъ. По си же при црѣтїи, того оустїана, ѿше море ѿ предѣлз скон, за три поприца, въ страны аракїискїа, и вси многы и села погочѣи и члвы многы потопи. и пакы вобратїи и воста наро глѣмъ зеленосени нежного 92) неподовны. възшїенїе і оувїнїство. и злжнїе во градѣ сзтворшїи, и на-

нѣтъ црѣ ипѣтѣ на подружїи. многыже стѣкшимъ людѣ, наполюшо подружїю людѣи. повелѣ, іоустѣанъ людѣи свѣи. і боѣ шкы свѣше и нїи, нїже. снїзѣ сѣдалнїцы. стрѣблюще ⁹⁵) ізвѣша .л. в нїхѣ ипѣтѣ моу оубѣи іако цркіи венець на сѣ возложи.

Стї стѣи софѣа прѣрости бжїа. Цркви бжїа софѣа, прѣчла дѣа вѣа. (т) Сирѣчь вжтѣвнны дша, нїзгланнаго дѣбствка чѣотга, смнренны мрости истинна; **стї.** Імѣе на главою х.а. (т). Глава во ⁹⁴) мростѣ ⁹⁵) тнх и слово бжїе. **стї.** Простѣрчѣ нѣа прѣвыспрѣ гд.а. (т) Преклѣн во нѣа, и снї вѣ дѣоу чѣоу. іако во и любѣ дѣбство подовѣтѣа вѣи. сїа во рѣ снѣ и слово бжїе. га іѣ х.а любѣши во дѣбство, рѣжѣ сло-веса дѣтѣлаа. рѣше неразумныа наоучаютѣ, **стї.** Оіо же козлюбн прѣчла и крѣль, крѣти гд.а: (т). Оустѣав дѣбства. показавѣ жестокѣе швѣѣ житїе. **стї.** Імаже дѣбство лїце дѣше шгнено. (т) Огнь во ѣ вжтѣво, поалаа штрасти тлѣбныа просѣщаа дшоу чѣоу; **стї.** Імѣа на оушнїа тѣорнї ⁹⁶), ѣ и аγγлї імоу (т). Житїе во чѣо сѣ аγγлї равно ѣ тѣорнї оуѣтѣ покойше сѣго дх.а. **стї.** На главѣ еа венець цркіи. (т) Смирена во мростѣ ⁹⁷) црѣвоуѣ стѣрѣе. **стї.** Оанѣ прѣпожсанїа ш чре-слѣѣ (т). Обра стѣрѣшнїны стѣа и стѣльства ⁹⁸). **стї.** В роуцѣ дрѣжаше скипетрѣ. (т) Дрѣскїи санѣ. **стї.** Імѣа крилѣ шгненѣ шран. (т) Вско-парнїновоѣ црѣство ⁹⁹). и разоу скорѣ шѣлаѣть. шло ко зрачна сїа пѣнїца, любѣши во мростѣ. ігда во вїдї ловца вѣше козлѣтѣлѣтѣ тѣако во лю-бѣши дѣбство. неоудовѣ оублѣнїи вѣваюѣтѣ ш ловца дѣвола. **стї.** В шоуїцѣ імѣа свѣтѣкѣ напїсанѣ. (т) В немѣ соу на пїсанѣ недѣвѣ-домыа шкрѣбнїныа тѣаннѣ. рѣше прѣданнѣа пїсаннѣа вїдѣтн, непо-стїжна ко оуѣтѣ вжтѣвннѣа дѣбства, нї аγγлѣ, нї чѣко. **стї.** О дѣ-лїе же свѣта прѣчлѣ, на немѣ снїдї. (т) Оного ¹⁰⁰) боудоушѣаго свѣта по-койше шѣлаѣть. **стї.** Оутѣврѣнна седнїю стѣпѣ. (т) Седлїю дх.а даро-баннї. чѣо во нсаннѣ прѣчѣтѣѣ пїсаннѣо. **стї.** Нѣстѣ імѣа на камнї. (т) На сѣ во рѣ камнї сознѣоу црѣкѣ моу, и пакы рѣ на камнї ма вѣбры оутѣврѣдн.

Софѣа прѣрѣость бжїа. толкованїе стѣи соборнѣи. и аплѣстѣи

ЦРКВН. Дѣство шѣра вѣїи, ш дѣы во родиса гдѣ. дѣство поште, ёліко бо бесплочеиъ. и вѣтелеиенъ гдѣ, толико что тѣ и бѣистлѣнїю плоти нашеа радоуѣтса. Дѣство наполажеть горною тварь и мѣсто, и истоциша шпашїи анги. Ёліко бо анги выше члѣк смртны. толико дѣственичество, женишихса чтнѣе. Іко по шѣразоу вѣїю мѣпо ны есть жити хѣи, почести дѣствѣ плоти тлѣнїа и кала оубѣгающе ¹⁰¹), и днко нечлѣнноу быти члѣкоу ¹⁰²) вѣ тлѣ. что тоу хѣи воплощенїемъ нечлѣнно ш дѣы. Прикедоутса рѣ црю дѣы по неї. сїрѣ дѣственикѣ дша. тѣмъ скор- вите ¹⁰³) самъ бо ны шѣща глѣ идѣ а боудоу тоу и слоуга мон боудѣ.

Софѣа прѣрость бѣїа. токованїе стѣи софїи. ¹⁰⁴) и аплѣстен

ЦРКВН. Цркъвѣ есть нѣо зѣмноѣ, и хрѣ вѣїи слава во в неї ба аже ¹⁰⁵) на нѣи. Верхъ ѣ црковны ¹⁰⁶) глава гнѣ, и шлѣтарѣ ѣ прѣлѣ вѣїи ¹⁰⁷). и трапѣза перси гнѣ, индїтіа ¹⁰⁸) есть нѣдра дѣы; индїтїиъ есть написан- ныи тителѣ на крѣтѣ, Или пла иже закрыша очи ёмоу вїюще. прѣрцы хѣ, кто ѣ оударивши тлѣ, и вѣтсѣмъ же, на тѣмни, іерѣвы ¹⁰⁹) лежалше плацъ злѣ, на нѣмъ написанъ прѣ вѣїи шѣлаи иже вѣїе, азъ есмь смїи. Антонъ есть плащаница, ёїо шѣви іосїфъ хѣ. лї пакы антонъ есть. Ёгда посла пїлатъ мечника по іѣга зѣа на соуше. съ оушѣз свои съ глѣы прѣстрѣ по зѣмлю ¹¹⁰). гдѣне содоу стоупаи и прїидѣ на соуше, егда прїидѣ к пїлатоу іс. шѣа полы его вахоу ¹¹¹) скипетри. и поклонишася ски- петрї исеїи, недвижими никїмъ. то ради вхо с рїндїама творѣт. Днко есть и потирѣ очи гнїи. И пакы потирѣ ѣ изва копейнам. иже да вкоуцѣ вси вѣштѣа. Оѣнь есть ревра гнѣ. и соударѣ ¹¹²) къ оувероуга мѣсто иже вѣ на главѣ его. Іаеръ есть шѣлакъ нѣныи. иже на стѣнїю прѣваго за- кона. и лїжца есть стѣа вѣа, прїмшии нѣныи хлѣ хѣ вѣ тѣвѣ; и дора хѣ. и клѣнница есть, члѣвѣство. и шгнѣ вѣтѣво. и аннїа дѣх стѣи. и свѣтїаннїкъ прѣтчѣ. илї строгоушеї копїе оу породы. Шлѣтарѣ малѣа шѣа полы, разлѣченїа ра прѣны и грѣвины. и толпцѣ ¹¹³) шлѣтарїи соуцѣ колѣна гнѣ. Дѣври нѣныи чинъ, англѣскїи. и шбонъ есть гора рѣвнам. по прѣкоу, рѣ во на горѣ рѣвне вознестї знаменїе. Знаменїе стѣе еуѣліе.

Свѣтила шѣа помы соуть. англа сидѣвши оу главы. и оу ногоу бо гробѣ гнѣи. Или паки, амбо есть, шваленый камень ш гроб, Діаконъ на амбонѣ англѣ е сидѣем на гробѣ и взкрѣиѣ проповѣда. Паникадила соуть взнѣи и стрелюще гроба. Привожникъ е, по первому закону столухоу во вси бнѣ до сажениа іерѣека, ¹¹⁴⁾ и излазахоу. Главоу црксвеную дръжитъ хс. а шю, апли. а пазоуси ¹¹⁵⁾, еуалити. а поасъ праздницы, а двери шитрю швра спсовъ.

П Р И Л О Ж Е Н И Я.

I. Выписка изъ Хронографа по рукописи первой половины XVI вѣка, въ листъ; принадл. профессору О. И. Буслаеву.

(л. 290 — 291).

Глава 137. Сеи сзда цркъв хрѣма вѣа мсго. нѣо нижене емоу мню и серамѣи дивѣшеа чудотса. Ище бо изболить вѣз жити в рѣкотворенны. в се всачски превываетъ. и гдѣ бо индѣ. і егда помысли такобаа творити црѣ. аггло показа емоу вѣз бо снѣ зданіе цркъвсѣ. и положено въ основаніе цркъвныа стѣны толзстога .к. лакѣ. а вдоль сто саженъ шпрѣч притворовъ. а четырьми притворы. рѣ. саженъ. а придѣловъ рѣкше цркъви оу неа .тѣе. коліко днѣ в годѣ. на бѣжъ днѣ цркъв. в коегожо стго имѣ. Озвравже на таковоѣ дѣло данъ во ксѣ црѣви на .н. шстровѣ. хс. кентинарей злата. а сребра. жб. кентинарей. і едѣнъ кентинарь имать сто и .н. литръ. а литра поторы грикейки а золотниковъ .сб. в литре. И толіко оубо црѣ тцаніе имѣ на таковоѣ бжтвенсѣ дѣло. не тчюю надо шнованіе. по егда сздавахъ два надева радобъ. тогда патрїархъ сз епкпы и сз шѣнники мѣтвѣ тбоу рахов. и моци сты (мѣнъ) полагахов по стѣнѣ. снѣ сотѣри и до вѣрхъ. **О златѣ е дастъ емоу злато аггль.** Недошавшоу златов. но все оубже цркъвсѣ имѣнїе истощи и скорѣаше црѣ. швѣса емоу аггль бжтн

КЪ ОБРАЗѢ КАЖЕННИКА. И ГЛА ЕМОУ ПОСЛА І А ТВѢ ДА ЗЛАТА ЕЛИКО
 ТРѢБЪШИ. ЦРЬ ЖЕ ПОСЛА НА ДВАДЕСАТЕ ВОЗѢ. И ПРИДОША НА МѢСТО КА-
 ЖЕННИКО ГЛЕМОЕ ТРИОУГЛЕНОЕ. И ОБРѢТОШАСА ПОЛАТЫ НОВОЗДАНЫ. ШВЕРЗѢ
 КАЖНИКЪ ЕДИНЪ И БѢ ПОЛНА ЗЛАТА. И НАСЫПВШЕ ВОЗЫ СВОА ПРИДОША КЪ
 ЦРЮ. ЦРЬ ЖЕ ПРЕВЕСИ. И БЫ РП. КЕНТИНАРЕН. ПОЧТОМЖЕ ПОСЛ ЦРЬ ВИДѢТИ ПО-
 ЛАТЫ НА ТѢ МѢСТО И НЕ ОБРѢТОША НИЧТО. И РАЗОУМѢША ЕМО АГГЛЪ ВѢ
 БЖІИ І. ПРОСЛАВЕНША БГА. **О ТРѢ ОКОНЦЕХЪ.** И ПОМЫШЛЯШЕ ЦРЬ СОТВО-
 РИТИ КЪ ОЛТАРИ ДВА ОКОНЦА ШВОГДА ТРИ. И ШВИСА АГГЛЪ ВО ОБРАЗѢ
 ЦРЬ НАЧАЛОМЕТРЕЦЮ, И ПОКАЛѢ ТРИ ОКОНЦА СЪТВОРИТИ КЪ ОБРА РЕЧѢ ЦОЦА
 И СНА И СГГО ДХА. **О ИМЕНОВАНИИ ЦРКВИ ОАГГЛА.** И ПАКИ КЪ МНО-
 ЗѢ РАЗМЫШЛЕНІИ ЦРЬ К КО ИМА НАРЕШИ ЦРЬВЬ. И ЕГДА ШТОИДОША ХИ-
 ТРЕЦЫ НА ШВѢДЪ КЪ ЦРЮ. ПОСТАВИША ШТРОЧА СТРЕЩИ СРЪДІЕ. И ШВИСА АГ-
 ГЛЪ ГНЬ КЪ ОБРАЗѢ КАЖЕННИКА, И ПОСЛА ШТРОЧА РЕКЪ ИДИ И РЦЫ ДѢЛА-
 ТЛЕМЪ, ДА НЕ КСНА ТЛАМО СТРЕСИЖЕ НЕ ХУСТАШЕ ШТАВНИТИ ШРЪДІА И ПО-
 БУИ. КАЖЕННИКЪ РЕЧѢ А КЛЕНЪТИСА КО ИМА СФІА ПРЕМРССТИ СЖІА СЛОВА
 КО ЕГСЖЕ ИМА ЦРЬВЬ СІА СЖЕТЕСА. ЕМО А СТРАЖЬ ПРИСТАВЛЕ ЕМО ЦРЬВІ
 СВА. ШТРОСА ШЕ СКАЗА ЦРЮ. СНА ПРИШЕ НИКОГО ШВРѢТЕ. И РАЗОУМѢ ЕМО
 АГГЛЪ БЖІИ ЕФѢ И ПРОСЛАВИ БГА. И ВЪЗДРАВАСА ЗѢЛО ЕМО ШВИ ЕМО БГЪ
 ЕМО ХУЦЕ НАРЕШИ ЦРЬВЬ. ТОЛИКО ПОШАНИЕ ПОЛОЖИ ЦРЬ. ЕМО ПРЕЖЕ КСѢ
 СЛМЪ НАЧА ЗДАНИЕ ВРЕНІЕ И КЛЕНІЕМЪ. И ПОЧТО БОЛАРЕ ЕГО И ВСИ ХИ-
 ТРЕЦЫ. ПРИГЛЪ ЖЕ ЦРЬВНЫИ СИЦЕ СЪТВОРИ. СЪВРАВЪ ЕДИНО ЗЛАТО И СРЕВРО
 И ВИСЕРІЕ. И КЛЕНІЕ МНОГОЦѢВНО И МЪДЬ И ОЛОВО. И ЖЕЛѢЗО И Ш ВСѢ
 ВЕЩЕИ, И КЛОЖИ В ГОРНИАХ. І ЕГДА СМѢШИШАСА СОЛІА ТРАПЕ(СОУ) КЛѢСТО
 ЕА. И БЫ КРАСОТА ТРАПЕЗЫ СИРѢ ПРЕГОЛА НЕИЗРЕЧЕННА. И НЕДОМЫСЛЕНА
 ОУМЪ ЧЛКЧИ. ЗАНЕ ОУБЕ СЪСГДА ЗЛАТА ШКЛАШЕСА. ШВОГДА СРЕВРЕНА. ШКО-
 ГДА ЕМО КЛЕНЬ ДРАГИИ. И ШВОГДА ИНАКЕ. АМЕСНЪ ЖЕ ЗЛАТО И СРЕВРОМЪ
 И КЛЕНІЕ ДРАГИ ОУКРАСИ ТАКО И ДВЕРИ. ЕГО НЕ МОЖЕ ОУМЪ ЧЛЪ ПО-
 СТИГНѢТИ. И ПОКРОВЪ ЦРКОВНЫИ ТАКО ЗЛАТО ОУКРАСИ. ВОСУХОТѢЖЕ И МОГЪ
 ЦРКОВНЫИ ЗЕВЪ СРЕВРЕНЪ СОТВОРИТИ. И ВЪЗВРАЩЕНЪ БЫ Ш ЗВѢЗДОЧЕТЪ;
 ЕМО В ПОСЛѢДНИИ ДНИ БѢДѢ ГЛХУОУ ЦРѢБО ЧѢМНОЕ И ВЪЗМЪ ГРАДЪ. ЕГДА

гоберши заданіе ѿ свѣдѣнъ всѣхъ добротами. со многою радостію
 молаше ѿ црѣ въ цркви глѣ. оупремондрова чѣ солемонѣ ѿ прѣд. со-
 твѣри прѣзъ всѣхъ гражаномъ ѿ пришелицѣ на многи днѣ, ѿже превосходѣ
 бѣлаго числа.

II. *Варианты по рукописи Синодальной Библиотеки
 XVII вѣка, № 818.*

1) Повнѣ.	22) Прибавлено за этимъ :
2) ѿ сѣго акакиѣ.	чѣтѣ.
3) ѿринѣ ветсѣи.	23) Этого слова нѣтъ.
4) на дрѣмѣхъ хѣхъ мѣжъ.	24) ѿ ковицѣ.
5) Послѣ этого слова при- бавлено: кѣтарь.	25) нарѣ.
6) ѿ постоламыѣ настѣпниже.	26) мнѣханикъ.
7) ѿ прочаѣхъ ѿже достѣи цркви.	27) мешахѣ.
8) макиѣ.	28) Этого слова нѣтъ.
9) равны въ широтѣхъ ѿ раны въ доготѣхъ. равны въ мѣрѣхъ.	29) прѣтворѣ.
10) вещь.	30) воздѣлаша.
11) ни.	31) издаѣнна.
12) ѣстерѣѣ.	32) въ часницѣ.
13) не.	33) вознесоша.
14) Находятся пропущенныя за этимъ слова: ѿ на.	34) ѿ великимъ столпомъ римскимъ ставшимъ зеленыѣ ѿ мраморомъ ѿ всѣмъ поставленнымъ. въ цркви ѿже по верѣ ѿ по комары.
15) ѿздовѣ.	35) много чѣщаніе имѣѣ.
16) Этого слова нѣтъ.	36) бѣгодаѣше.
17) домениѣновѣ.	37) повалными.
18) комары.	38) возве ша же стѣнѣ.
19) ѿснованійѣ.	39) вижителѣмъ.
20) нарицаѣ.	40) кажинки.
21) вѣчнаго.	41) же.

- 42) совѣтъ въ совѣтъ псмысли.
- 43) Послѣ этого слова сго-
ить пропущенное въ на-
печатанномъ спискѣ: не.
- 44) горѣ зданію зданіи.
- 45) гла црѣь зданна ра^а нко не
има^а совершениа зданію.
- 46) да повелѣши.
- 47) стратига магистра и вассала
стройтель.
- 48) и сиа.
- 49) по шѣлагомъ.
- 50) рп.
- 51) Находится пропущенное
за этимъ въ напечатан-
номъ спискѣ слово: вѣ.
- 52) и гдѣ недвѣжимъ вѣмъ стѣ-
намъ.
- 53) велии назнана ны тако бгъ.
посре^а еа.
- 54) зданна.
- 55) ш созданн прѣковнѣ мѣтѣ трѣ-
рауѣ.
- 56) комары.
- 57) с первыми и сторонными ш-
крѣтъ д притворы вѣмъ покровы
позлати.
- 58) двери.
- 59) и сматеса.
- 60) егдаже оустѣдѣ.
- 61) кождо бо и шѣонъ зракъ
совершаю.
- 62) обогдаже ѡлована или прѣдана
или желѣзна.
- 63) и електоръ.
- 64) слоновы.
- 65) стрѣ.
- 66) всевѣтнато.
- 67) извѣстиста бо ема.
- 68) мѣсѣже.
- 69) в на столпѣ мѣсто.
- 70) столпцие.
- 71) и прѣймѣще.
- 72) постави златавстѣ.
- 73) Послѣ этого слова сто-
ить пропущенное въ на-
печатанномъ спискѣ: зл-
неже на немъ.
- 74) златошнными и многорѣч-
ными.
- 75) иголице.
- 76) индѣ златы.
- 77) прѣтажаніе..... ш индѣ.
- 78) Послѣ этого слова при-
бавлено: и асиа.
- 79) шѣовныа.
- 80) до столѣтъ.
- 81) токмоздѣ.
- 82) данже.
- 83) Это испорченное мѣсто
читается: великии шѣо ко-
стѣнтинъ ш сарѣамъ црѣ пер-
ѣкаго и ш ины многи шѣтави
прѣимати. сеже ш ѣднинаго егип-
та има укнѣбниѣ таковаа

- цркви кромѣ цѣнны сосѣ.
 84) како влещашеся.
 85) кожо.
 86) шмокеннѣ.
 87) Это слово пропущено.
 88) да ходяще емѣ въ цркви и спачивнѣ.
 89) Послѣ этого: вепревъ ꙗко
 котковъ и кокошѣ ꙗко.
 90) Послѣ этого пропущено:
 сѣго дѣла пришествнѣ, ѿ чаломе
 вѣмъ мртвѣмъ бокрнѣ.
 91) вельми непрелѣннѣ днѣ.
 92) многѣхъ подосныхъ.
 93) овѣ же свѣше ѿниже снзѣ
 сѣдалици стрѣляюще,
 94) галака.
 95) мдрости.
 96) тороцы.
 97) смиреннѣ во мдростѣ
 98) Этого слова нѣтъ.
 99) высокопаривоѣ пррчество.
 100) иного.
 101) збѣляюще.
 102) ѡко.
 103) не скореннѣ.
 104) Эта очевидная описка
 не повторяется въ списокъ
 № 818: говорно.
 105) ѡко.
 106) Врѣ цркннѣ естъ...
 107) Послѣ этого прибавлено:
 или пакн ѡлчарѣ естъ грѣвѣ
 гнѣ.
 108) индѣтъѡ.
 109) еврееке.
 110) Послѣ этого слова при-
 бавлено: ѿ рѣ.
 111) вилѣѣ.
 112) нсѣларѣ.
 113) столпци.
 114) послания некрѣбл.
 115) пазѣѣ.

РУССКІЕ ИНТЕРЛЮДИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВѢКА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Съ давняго времени въ духовной драмѣ среднихъ вѣковъ смѣшались трагическій и комическій элементы. Съ тѣхъ поръ, какъ наравнѣ съ духовными лицами въ представленіи мистерій приняли участіе міряне и гистріоны по профессіи, съ тѣхъ поръ, какъ мистерія начала постепенно оставлять свою первоначальную сухость и простоту, отступая болѣе и болѣе отъ библейскаго текста: комическій элементъ разрастается въ ней въ ущербъ ея исконной задачѣ — быть простымъ и нагляднымъ объясненіемъ Св. Писанія. Самое расширеніе объема мистерій не могло пройти безъ вліянія на ихъ характеръ. Часто нужно было нѣсколько дней, даже нѣсколько недѣль для представленія мистерій: и публика и дѣйствующія лица не могли не утомиться, не могли не почувствовать потребности освѣжить чѣмъ-нибудь однообразіе всѣмъ извѣстнаго сюжета. И вотъ среди разговоровъ библейскихъ мужей и святыхъ является шутъ съ своими остротами и насмѣшками, и торжественно-важный ходъ мистеріи смѣняется самою несдержанною веселостью. Мало по малу юмористическія выходки, вносившіяся въ мистерію и часто доходившія до полнаго профанированія главнаго содержанія піесы¹⁾,

¹⁾ Любопытные примѣры этого представляетъ «Histoire du théâtre français depuis son origine jusqu'à présent». Paris. 1745 (par les frères Parfait). I, p. 297; II, p. 5, 70.

разрастаются въ цѣлыя сцены, интерлюдіи. Въ Англіи вмѣстѣ съ *moralities* образовались такія *вставочныя сцены*, *interludes*, которыя получили особенное распространеніе въ XVI вѣкѣ и могутъ быть разсматриваемы, какъ зачатки комедіи. Любимецъ Генриха VIII Джонъ Гейвудъ († 1565) приобрѣлъ особенную извѣстность интерлюдіями, которыхъ онъ оставилъ семь ¹⁾. Въ нашей литературѣ, не особенно богатой и мистеріями, интерлюдій (особенно въ первое время) не могъ получить большаго распространенія, потому что мистерію старались держать въ строгой вѣрности библейскому тексту. Древнѣйшій образецъ у насъ интерлюдія представляетъ, сколько мнѣ извѣстно, драма объ Алексѣѣ, Божіемъ чловѣкѣ, цѣликомъ перенесенная къ намъ изъ Польши въ XVII вѣкѣ. Тѣмъ драгоценнѣе предлагаемые интерлюдіи первой половины XVIII вѣка.

Отлагая до другаго времени разборъ ихъ, теперь необходимымъ считаю только прибавить, что они напечатаны съ рукописи Императорской Публичной бібліотеки, второй половины прошлаго столѣтія (XIV Q, 19) л. 98 и слѣд. Ею пользовался г. Пекарскій, составляя статью свою «Мистеріи и старинной театръ въ Россіи»; но въ приводимыхъ имъ отрывкахъ многое произвольно передѣлано и до такой степени искажено, что во многихъ мѣстахъ нѣтъ смысла.

Н. Тихонравовъ.

¹⁾ Flögel, Geschichte der komischen Literatur, 1787, IV, 206 sqq.

Интерлюдіи или междувброшенная забавная игралица.

1. *)

Какъ то нынѣ люди увязли глубоко!

Какъ то жить въ мірѣ несносно и жестоко!

Послѣднія бо времена, видимъ, что приспѣли:

Бо и нѣкоторые отъ нашихъ старцовъ антихриста
зрѣли.

Подобаше ему пріити на землю, когда нашу старую вѣру
попнали

Никонщики проклятые, свою же нѣкую нову, незна-
ему откуду, взяли;

И не токмо вѣру нашу стару, святу и Богомъ устроенну,
Стоглавьемъ Макарьевскимъ крѣпко утвержденну

Попнали, но и платье долгое ужъ премѣнили,

Еже апостоли святыя и пророки носили:

Русскіе нынѣ ходять въ короткомъ платьѣ, якъ кургузы,
На главахъ же своихъ носятъ круглыя картузы.

И тое они откуду взяли, ей недоумѣваемъ,

И сказать о томъ истинно не знаемъ.

Что законъ и правила святыхъ отецъ возбраняють:
Свои брады наголо желѣзомъ обривають.

Человѣцы ходять якъ облезяны:

Вмѣсто главныхъ волосовъ носятъ паруки, будто Нѣмцы
поганы.

Куды убѣгнемъ отъ строящихъ раздоры

Нашей вѣры старой? въ воду и въ горы?

Не вѣмы: уже бо и въ Брынскомъ лѣсу

Не можемъ укрытиса, идѣже и бѣсу

Не можно найти было; новыя же вѣры люди

И тамъ насъ нашли, на погибель ищущи всюды.

Извлекши же насъ изъ Брынскихъ лѣсовъ, понужда-
ють итти своею,

*) Въ рукописи пропущено, что этотъ монологъ принадлежитъ раскольнику.

Новыя вѣры своей Латинской стезею.

Какъ Соловки отъ народу много удаленны!

Но и отгуду мы бѣдные совсѣмъ изверженны,
Скитаемся гонимы, не имѣя гдѣ (главы?) поклонити,

Или бы ученіе старой вѣры распространити!

Наипаче насъ разоряютъ тѣ Латинскія школы,

За коими намъ простой по улицамъ учить народъ
нѣтъ воли.

Нѣсть спасенія во градѣ! Спасеніе живетъ въ пустыняхъ:

Погибнетъ всякъ, кто не пребываетъ въ ясенихъ!

У насъ въ пустыняхъ толки и скиты различны,

Всякое у насъ богатство и всѣ жены личны:

Зачимъ здѣ во градѣ для размноженія свой плодъ оставляю,

А самъ къ своей паствы въ пустыню ступаю.

2.

Отходитъ раскольникъ и прибѣгаетъ цыганъ.

Цыг. Чхабей! чхабей! чхабей! ха! ха! се жъ и я панове до васъ
завѣтавъ,

Ходивъ-бродивъ а тутъ таки на начлегъ заставъ.

Бидна моя головонка! якая то моя хорошая урода!

Якъ то мнѣ было отъ юшенка панованіе и выгода!

Якъ же то було насъ и не шаковати?

Наше то дѣло дѣти: замки ковати, людей ошукovati.

Та и жаданчата мой не последнее ремесло мають:

Бо куры красти, дѣтей манити, добръ же узнають,

А якъ бы солонину, аль бо поросятину, хоть бы подъ
небесамъ знали,

И выттуль бы якъ колвекъ ужъ бокрасти себе догадали!

А коли поворожить о щастіи и приходѣ, — то нехай поидеть
до моей Слохи:

Обголитъ его добръ, хочъ не поможетъ ни крохи.

Бачится, и заданчата и Солоха и я доброе маемъ ремесло,

Но побачили бъ вы и сами, панове! толко не добръ
ихъ занесло.

Сподѣваюся, что за промысломъ вси разошлися,

А чѣмъ бы на сало, альбо калбасу чи не добылися:

Бо ужъ бѣдные жаданчата третій день не ѣли

Трохи, з голоду совсѣмъ не отѣли;

Я бы и самъ натрепался хоть собачины,

Коли не ма поросятину альбо солонины.

Convertitur ad aviculas.

Что се за птица? Чи не изъ Египетскаго ли края заятъла?
Якій хорошій нусь! А гдѣ твои крыла?

Cigano loquente, exit Litvanus.

- Лит. Агу, агу! пойдзіомъ пчолки выдирать,
Боловыхъ кошокъ бить и медокъ поѣдать.
- Цыг. (*Тихо*) Ось ежъ чортъ несетъ Литвина!
- Лит. Охъ какой хорошенкій! какъ моя дзѣпина!
Здоровъ будзъ, веселись. Цыг. Не жартуй, Литвине!
Бо всего сер.... скарбую, негодны сыне.
- Лит. Не ворцы ты; еще мнѣ старику поклонись!
Да, якъ на свѣтѣ жиць, отъ мене науцысь:
Я ця научу кійлы наводзиць и всіого знахарства.
- Цыг. Цортъ ты зъ знахарствомъ бери! Лутцѣ не будетъ отъ
моего коварства.
- Лит. Чтось ты всіо суда заглядаешъ?
- Цыг. Пойди, собако! птахъ мнѣ злякаешъ.
- Лит. Не бось, не злякаю: когда намъ около тово змолоду водилосъ,
То ето всіо лихо узъ добрѣ имѣлошь.
Та знаешъли, что это за тпица?
- Цыг. Угадай; я же самъ бачу, что перепелица,
Отъ только, что безъ криль. Литв. Не такъ,
Ето заморскій дзиковиннъ птахъ.
- Цыг. Може, птахъ и заморскій а ось, яки уши велики:
Чи не соколъ якій, albo чи не пивекъ дики.
- Лит. Не знаешъ, что говорись. А ето соколъ маць,
Ночница, толькоже грѣхъ ее выдзираць.
- Цыг. Ось я толко поглязу; се бачу: и яйца подъ ней зъ болтунами,
Чи не чортовъ выродокъ? Л. Не самъ забирай: дѣли съ
нами.
- Цыг. Забирай; поглядимъ тылко другое.
- Лит. Какъ первое, и этожъ такое.
- Цыг. Поглядимъ болше, се такеежъ.
- Лит. И это такеежъ. Ц. Все, бачу, одного роду.
- Цыг. Чи не твоего собачяго Литвинскаго породу?
- Лит. Храни мене Богъ, чтобъ у мене якее дупились дзѣци.
Смотри не порви, проклятой колдунъ, сѣци.
- Цыг. Може, ктось и нашовся охотникъ купити
Такую пташку, чтобъ у себя расплодитъ?

Якъ бы въ Корелевцѣ, albo въ Ротнѣ съ охотою купили!

Еще бѣ и колбасою нашему брату доплатили,

А за одинъ кусокъ сала ни слова:

Тобѣ нашъ братъ навѣся, якъ брюшна попова.

Лит. Що мно думать? на ярманокъ побѣзіомъ

И за эту диковинку много дзенежокъ набериомъ.

Цыг. Тебѣ приходится запрещатись, бо не ма кобылы:

Одна кобыла была и ту вчера волки задавили.

Лит. Ещо я потягну, то болше мнѣ даси платы.

Цыг. Да добро! только впрягайся, а я умѣю погоняти:

Плеча добрѣ вытягай и горбъ выворачай.

А куды сергой пожегъ швитка не пускучай.

И такъ погоняетъ.

Proludium secundum.

Цыганъ голодный во снѣ видитъ колбасу, а проснувшись и не нашовши, опять лягивится спать и паки видитъ и по многихъ видѣніяхъ муситъ и, аки голодный. Послѣ выходитъ лѣкаръ нѣмецъ, которому показываетъ цыганъ ротъ и лѣкаръ зубы ему вырываетъ.

Цыг. Коли люди чули, чтобъ цыганы съ голоду пропадали?

А мы уже такихъ вѣковъ, бѣдныя, дождали,

Хоть добрѣ шалберовать умѣемъ,

Хоть лучшихъ надъ цыгановъ и незлодѣевъ.

Однакъ же теперъ приходитъ съ голоду пропасти:

Робити не хочется и негдѣ чего украсти.

Коликій день не бывало во ртѣ куска хлѣба!

Гибну, умираю, якъ на сухомъ песку рыба.

Спробую другаго еще шастія: голодъ чи не переспится,

Албо что доброе во снѣ приснится?

Ложится спать, которому показывается калбаса: онъ зубами ловитъ и, не поймавши, прохватывается.

Цыг. Чтось было и хорошенкое теперъ мнѣ приснилось:

Бачится, что около губъ калбаса да сало билось;

А якъ бѣдный цыганъ до калбасы проснулся,

Якъ бачу, на сало нездобулся!

Еще ляжу, еще шастія спробую.

Колибъ тылко побачить калбасу тую!

Уже сей никто не вырветъ и клещами:

Такъ ей хвачу голодными зубами.

Лягивится опять и паки показывается калбаса.

Цыг. Ну еще! ну еще! ну еще! (*бѣжитъ за калбасою и не здогнавъ оную назадъ ворочается*). О бѣдна моя головонка! не могла ю наздогнати.

Выходитъ лъкаръ.

Лѣк. Dolezsz forsan? itane?

Цыг. Мы есмь бѣдные цыгане,
Коликій день хлѣба не ѣли,
Отъ чего вси почти и животы помѣли.

Лѣк. *Varia sunt mi medicamenta ad manus.*

Цыг. То правда, що не одного человѣка уже ты обманувъ;
Толко, якъ бачу, и обманивать мало чого помогаетъ,
Коли, якъ собака, бѣдный цыганъ пропадаетъ.
Колибъ то мнѣ попала калбаса, albo кусокъ сала:

Вся бъ тая въ животѣ мнѣ бѣда перестала!

Лѣк. *Scio: fluvium ventristae fegoforni fel aliquot cruti.*

Цыг. Нехай тебѣ, собаце, самому лихо въ груди!

Лѣк. *O quam pulsus est gravis!*

Цыг. Коли хочешь, самъ ты удавись.

Ось якій дуракъ! щупаетъ да сплюуетъ слину,
А не знаетъ, что ѣсти хочется цыганину.

Лѣк. *Nic medicamenta или штеру атеріанъ андрамахи.*

Цыг. То уже бъ излиха наѣвса и соломахи!

Лъкаръ раскладываетъ свои лъкарства и вычисляетъ ихъ именно.

Цыг. Тѣшишь, да якъ бачу, да ничего нейдетъ въ губы.

Человѣкъ. Сказуетъ, что болятъ у его зубы.

Лѣк. *Dolor uri? Слуга. Не то е: болятъ у его денте.*

Лѣк. *Uri gene instrumento utente.*

Слуга. Сядько, братецъ! благо ужъ готово.

Цыг. Доброе сіе мнѣ и любимое слово

Топерь то есть мнѣ добръ: бо выголодавса, якъ собака.

Нашовся, слава Богу! такой человѣкъ, что наготуетъ
мене, неборака,

А буду добръ трепати, чтобъ ты всѣ дни отъѣсти,

Тутъ то нашему брату припадаетъ сѣсти,

Такова пошакovanja ни самому гетману!

Слуг. Скорѣя, господинъ лъкаръ! принимайся, а я держать стану.

Цыг. Не держите мене, стулъ тылко подставьте,

А на стулъ пороса печеное поставьте:

Сами побачите, якъ добръ буду трепати,

Почуете, якъ пороса будять на зубахъ хрустати.

Слуг. Не смыслишь, что баешь. Цыг. Се мене хочете изнуздати.

ЛѢк. *Quam dentes sunt lati!*

Цыг. Ой! ой! ой! ЛѢк. *Esse habes.*

Цыганъ вырывается и съ плачемъ жалуется.

Цыг. Чорта нашовъ, а не добродія! Я сказалъ, что наготуешь,
А вишь вырвалъ мнѣ зубъ. Сл. Слышь ты, цыганъ! отходи,
больше ти зубовъ сопсуеть.

Цыг. Лучше бачу утѣкати.

Бери васъ съ вашимъ добромъ чортова мати!

ЛѢк. Деньги гдѣ? нащо упустѣ пациента?

Въ щоку хлопалъ. Сл. Мене ей такъ

Началъ ты бити? нуткосъ со мною поруски,

У меня вѣдь и чорту, нежели тебѣ, не бываетъ спуску.

Зъ бедра о землю ударить Пльмца.

ЛѢк. Heu Jesu, heu, heu! Сл. Всѣ тѣ ей! вотъ тѣ, плутишко,
Некрещонный лобъ, вшивой паручишко.

Prologium tertium.

Выходитъ маркитантъ и продаетъ пироги, вельми ихъ похваляя.

Марк. Кто тутъ спрашивалъ подовыхъ, господа честные?

Вотъ у меня куды хорошіе какіе!

То здѣсь пироги горячи,

Ѣдятъ голодны подъячи.

Вотъ у меня съ лучкомъ, съ перцомъ,

Съ свѣжимъ говяжимъ сердцомъ;

Масло чрезъ край льется,

И подлить еще довольно найдется,

Теперь только испечены,

Куды какъ воложно начинены!

То пироги здобны, то скляны:

Покушайте, господа дворяны!

Вотъ теперъ только изъ печи взяты,

Ну убирайте, бурлаче! ухваты.

Небось, брюхо не будетъ ворчать:

Изволите за то хоть даромъ взять.

Хоть денегъ поубавять,

Да животь приуправять!

Приходитъ дячокъ.

Нутко съ легкой руки на почивѣ,

Кто купитъ, удалые молодчины?

Что ста, бачка! не изволишь ли подовыхъ? что усы ты
разчищаешь?

Никакъ право ты озябъ, что руками тѣ посыпаешь?
Коли озябъ, то натко, изволь покушать горяченькихъ
срану.

Ставл. Поди, братъ! прочь: нѣтъ денегъ. Марк. Пошарько около
кармана,

Не сыщется ли; смотри: вѣдь то пироги, само почти масло
течетъ. Став. Покажи:

Что тамъ у тя за пироги, что такъ похваляешь

Гораздо, и, хваля ихъ, меня розманяешь?

Марк. Вотъ будто обманываютъ! вѣдь не стану лгать напрасно,

Развѣ ты слѣпъ? то прочисть глаза тѣ ясно.

Став. Мужикъ, с...ъ сынъ! я не слѣпъ, что ты бредишь?

Марк. Да что ужъ и ты будто не видишь?

Ты такихъ не вдалъ у своей пономарицы.

Став. Я не пономарь, — дьячокъ. М. Ну инъ, у дьячицы

Она хантява не токмо такихъ не пекала,

Но и во свѣ, право, никогда не видала.

Натко во здравіе пережогъ скушай,

Вотъ тѣ тарелка и ножичекъ: рушай!

Разсмакуй только хорошенько,

А то будешь поѣдать частенько.

Мошен. 1. Хлѣбъ да соль отцу святому!
Благослови и мнѣ сѣсть, мужичку простому.

Став. Вотъ тѣ мѣсто: изволь, пожалуй, садиться.

Марк. Что тамъ еще за груда людей валится?

Мошен. 1. Это товарищи мои: ходили со мною

Вмѣстѣ по рынку, да нынѣ зимою

Гораздо холодно, то идутъ погрѣться.

Став. Посмотри побольши горячихъ тыхъ не найдется.

Марк. Чово у меня нѣтъ? Ты не успѣлъ сказать слово,

А у меня, — вотъ изволь кушать, — все готово.

Мош. 1. Что, бачка! не поставь мнѣ въ гнѣвъ, простому мужичинѣ,

Что я хочу говорить твоей святынѣ

И что такъ по мужицки поступаю?

Став. Говори, что хошь: я не запрещаю.

Мош. 1. Право это не смѣю въ тя вклепаться.

Мош. 2. Что ты, дуракъ! сидя говоришь? не хошь и на ноги
подняться?

Мош. 1. Что вамъ, дураки! до меня дѣла?

- Мош. 2. Скачи, чортъ, с...нъ сынъ! пока твоя борода цѣла.
- Мош. 3. Да что и въ правду разсѣлся, какъ Галицкой воевода?
- Став. Пушай, братцы, сидить: здѣсь не разбираютъ, кто какова вида.
- Мош. 4. А, бачка! что изволите говорить ста: чинъ чина почитаетъ?
- А кто не почитаетъ, нехай с...нъ сынъ знаетъ,
А то сѣдигъ какъ болванъ неотесанный, несмысленна скотина!
- За это надобно таскать, якъ собаку, с...на сына.
- Мош. 1. Ахти братцы! и въ правду какой я
Недогадливый! на сапожки тѣ его разглядѣлся,
Да и глаза всѣ тѣ продалъ! якъ зѣвака было позабылся!
Прости, пожалуй, отецъ святой! не погнѣвися,
Что я такъ дурачески сдѣлалъ и что, — прошу, не сердися, —
Видалъ я вашу честность, а не знаю гдѣ то.
- Став. Да развѣ не тогдажь, какъ я былъ здѣсь въ прошлое лѣто?
- Мош. 1. Можетъ быть. А какъ ста ты издалеча?
- Став. Куда даль какая! Иванъ Предтеча
Есть церковь: у той меня по указу дьячкомъ опредѣлили,
А нынѣ опять прихожана приговорили,
Чтобъ мнѣ итти въ попи какъ нибудь добиваться.
- Мош. 1. Куды ста право (въ) даль какую изволилъ подняться!
Да взялъ ли ты денежокъ хоть сколько нибудь съ собою?
- Став. Небольшое число на дорогу взялъ со мною.
- Мош. 1. Какжо ты идешь ставиться съ простыми руками?
Вѣдь и къ секретарямъ надобно итти съ дарами.
- Став. Ты пожалуй въ томъ не зоблись: они всѣ меня знаютъ.
- Мош. 2. Они такихъ знакомыхъ тѣхъ пуще одуваютъ.
- Мош. 3. Еще прежде отъ секретарей не мало претерпишь муки,
Какъ попадешь къ подъячимъ въ руки.
- Мош. 4. Да и канцеляристамъ надобно сахару снести полдесятокъ головокъ.
- Став. Нѣтъ, братъ! нѣчево имъ у меня вырвать, я на это ловокъ:
Самъ на обухи рожь молочу, а зерно не уроню;
Пустяки у меня возьмутъ подъячи.
- Марк. Ну кутейникъ! разбалакался, ѣшь пока пироги ты горячи:
Вѣдь мнѣ недосугъ съ тобою забавляться,
Надобно еще въ другое, и въ третіе мѣсто поспѣшаться.
- Став. Молчи, мужичокъ! не здорь! лучше право безъ крику:
Вѣдь нѣкакую тебѣ убыль сдѣлаемъ велику.

- Мош. 4. Э робята! то плѣшь, посмотрите ка,
Куды кака пропасть, какъ право велика!
- Мош. 1. Поди, дуракъ, прочь! что ты надъ нимъ шутишь?
Вѣдь онъ не твой братъ: что выше мѣры кутишь?
- Мош. 4. Нѣтъ, безъ шутокъ! куды пропасть какая! право диво:
Мощно, небось, на такой про домашной обиходъ
варить пиво.
- Став. Что ты, братецъ! надо мной играешь?
Али я дуракъ, что мнѣ ужъ и поѣсть мѣшаешь?
- Мош. 4. Тѣфу кутья толоконна, плѣшь! еще разболтался!
Вотъ разсѣлся, какъ курица на яйцахъ, расклялся:
Будто тебя не видали, шолудивой полишко!
- Марк. Не мѣшай ему поѣсть: что ты распустилъ пропасть, му-
жичишко?
- Мош. 1. Да что и онъ, какъ просвирня, развалилъ брюхо коровье?
- Марк. Вотъ какой чортъ болванъ! да на что тебѣ нужда? пушай
кушать на здоровье.
- Став. Что ты, братъ! шумишь? вѣдь я немного мѣста засяду.
- Мош. 4. О! еще много вякать сталъ! натко тѣ четыре брата да
пятого дядю!
Еще сталъ много разговаривать со мною:
Такъ тресну, что перевернешься трою,
То ты впредь станешь съ нами лучше знаться.
- Став. Нѣтъ! хоть ос...ся да не поддаться.
Смотрите, братцы! за что онъ бѣетъ напрасно?
- Мош. 1. Какъ ты каналья такъ дерзнулъ битъ безопасно?
За что отца святова бьешь безвинно,
Да еще и выбранилъ, якъ скотину, безчинно?
- Став. Право какой безчинникъ! чуть не сломилъ зашейка:
Шумить въ головѣ и теперь; знать еще старинныхъ
людей копѣйка
Гдѣ нибудь въ сорѣ заваялась,
А теперь мнѣ въ загривокъ попалась.
- Мош. 1. Вѣдь ста онъ спроста; видишь: дѣтина малой.
- Став. Да нѣтъ ловко жъ для того по затылку попало:
Хоть бы тамъ чортъ былъ какой охлюста,
То такъ бы не накостилялъ шеи, какъ онъ теперь
заѣхалъ спроста.
- Мош. 1. Полно ста, святой отецъ! пожалуй покинь: вотъ и ему
попадетъ смачка.

О с...нъ сынъ! такъ вотъ тебѣ самому старорус-
ская врачка!

Для чего ты такъ безчинно святаго отца ругаешь?

Куды онъ готовится, развѣ ты не знаешь?

Вѣдь онъ идетъ ставиться во іереи:

За что ты его такъ смазаль по шей?

Знаешь что ты: за это вашему брату шею накостиляють?

Чего не надобно говорить, пушай много не бол-
тають.

Что же всѣ стоите, какъ пѣсты? развѣ у васъ спины

Не гнутся, собачьи сыны?

Но скоро предъ нимъ прошенія просите,

Да пониже, подъ самыя вы ножки, подпадите:

Пожалуйста, бачко! прости въ томъ, что онъ вашу святыню

Обругаль и обезчестиль, какъ скотину.

Право-ста, сглупа это сдѣлаль съ своею простотою,

Что въ твою священную плѣшь заѣхаль грѣшною
рукою.

Что съ нимъ, с...номъ сыномъ, сдѣлать стало?

Знать ста, уже по твоимъ сказкамъ это тѣ попало,

Вѣдь ста не стать ему сдирать кожи,

А и тебѣ не вырвать, что ужъ попало по рожи.

Ужъ ста впредь не будетъ такъ кутить.

Став. Добро! что сдѣлать? ставай: Богъ тя простить;

Впредь, братъ! не учись такъ широко растворять глотку.

Мош. Право, батюшка, не буду, прости, дайже поцаловать
въ бородку.

Став. Да что подынуце было поближе къ лукошку?

Марк. А что? не изволишь ли скушать пирожка на дорожку?

Став. Да не худо, братъ! дайко, коли есть еще подовой.

Марк. Есть, натко-ста ѣшь. Мош. Оставайся, бачка! здорово,

Прощай, пожалуй: вотъ теперъ единъ, какъ хошь, растягайся

Да и впредки съ намъ добрымъ людямъ знайся,

Теперь зѣ насъ будетъ; вотъ зачѣмъ приходили:

Схватись ко бачко, путно ты охолодили.

Марк. Што-ста ещели пѣроговъ изволишь, или ужъ полно?

Став. Нѣтъ ужъ, братъ! спасибо: накормилъ ты меня довольно.

Пора ужъ мнѣ и къ подворью помаленьку двигаться.

Марк. Изволько — ста, бачко, за пѣроги нынѣ разплачаться.

Став. Да много ли, братецъ! за нихъ просишь?

Марк. Сколько пожелаешь, по своей милости бросишь.

Вѣдь что много хлопотать съ тобою?

Воля твоя и со мною.

Не какую тутъ надобно денегъ тѣ грудь:

Копѣекъ полдесятокъ, то я и тѣмъ благодаренъ буду.

Став. Охъ, братъ! какая бѣда да еще и причина.

Марк. Что тамъ, бачко! тебѣ за кручина?

Став. У братецъ не кручина? кручина еще и не мала.

Марк. Да не мошня ли съ деньгами пропала?

Став. То то вѣдь и горе то: кто то добрый человекъ поддѣлъ
мыло.

Марк. Да гдѣ тамъ у ты положено было?

Став. Вотъ здѣ въ сапоги за голѣнникомъ.

Марк. Да дайко ста, хорошенько поищемъ,

Либо не засунулъ ли гдѣ нибудь въ карманъ.

Став. Что ужъ искать напрасно? никакъ давѣшныя ты оханы

Покорыставались, что теперь здѣ сидѣли;

Подлѣнно они, братъ! утащили.

Какъ будто добрые люди подпустили на меня балы!

Марк. Прямой ты кутейникъ; тебѣ было отъ нихъ итти далѣ,

А то ты съ нимъ началъ точить деревенскія балясы,

Моли Бога, что не сдули съ тебя рясы:

Тутъ не такіе, какъ ты, простаки-то бывають;

Да и тѣхъ изъ сапоговъ въ лапти обувають.

Право дураки еще воры тѣ, что боковъ еще не на-
водтили.

Став. Какъ, братецъ! видишь: вѣдь всю плѣшь расколотили.

Марк. Ну кутя! вѣдь мнѣ недосугъ долго стоять съ тобою:

Бери, гдѣ хочешь; только раздѣлывайся со мною.

Став. Пожди, братъ! до завтрѣя: я тебѣ заплачу хотъ вдвое.

Марк. Не рассказывай балъ тыхъ; не надобно ни втрое,

Хошь роди, да давай: мнѣ тебя не дожидаться,

Есть у мене мѣсть: надобно въ любое бѣжати.

Став. Да пожалуй, дай мнѣ дойти до подворья,

Я тебѣ хотъ вдесятеро заплачу за сее.

Марк. Что мнѣ нужда дожидаться? вѣдь я тебя не билъ по шеи.

Ѣсть такъ добръ было, а теперь не хошь и рас-
платиться,

Даромъ мнѣ, что ты идешь въ попы становиться.

Став. Дай, братецъ! сроку на минуту на другую.

Марк. Что еще долго околиваться? лучше шапочку сдую.

Став. Отдай, братецъ, пожалуй! вѣтъ нынѣ и уши приморозить.

- Марк. Да мнѣ нужды нѣтъ, хоть плѣшь у ся приморозишь,
Захошъ бачко булавокъ,
Будешъ у нашихъ лавокъ:
У вашей братьи вѣдь что захватишь.
- Став. Да скажи, братецъ! пожалуй, хоть неложно,
Гдѣ мнѣ тебя сыскать будетъ можно?
- Марк. Нашу братью ищи тамъ около приказу.
А коли захошь шапки, то сыщешъ и безъ показу.

Proludium quartum.

Выходитъ дьячокъ со своими дѣтьми.

- Дьяч. О мои дѣтушки бажоные!
О мои кормильчики рожоные!
Нутетко начните играть,
Повеселите меня, старичка, да и мать.
- Сыны. Да у тебя ужъ севодни виномъ налита брюшина,
А у насъ еще кроха въ горлѣ не бывала едина.
- Д. Настасья, аль имъ севодни закуска не варилась?
- Наст. Да вѣдь и мука вся скончилась.
- Подьяч. Что ты, кутейникъ! возишься какъ ребенокъ малый?
Вѣдаешъ ли, зачимъ мы къ тебѣ присланы?
- Д. Для чего мнѣ не потѣшаться? у меня столько увеселья,
что эти робята.
- Подьяч. 1. Куда, право, выглажены: какъ добрые поросята.
Дѣ приходить на нихъ бѣда велика.
- Д. Нѣтъ, братъ! не вырвешъ у меня ни г...наго лыка:
Знаю я вашу братью: выжъ вѣдь ребята просты,
А ужъ кого одуть, огладить путные охлюсты.
- Под. 1. Что мнѣ съ тобой много балакать?
Будешъ еще о нихъ и плакать:
Только какъ этотъ указъ прочитаешъ,
То въ тотъ часъ познаешъ.
- Дьяч. Лучше мнѣ теперъ умереть,
Нежели на это смотрѣть,
Какъ моихъ дѣтей отнимаютъ
И въ серимарію на муку обираютъ.
Пожалуй, батюшко! умилосердись надъ нами:
Напиши пожалуй, что они еще негодны лѣтами.
- Под. Догадался, какъ проигрался; схватился Малахъ,
Какъ нѣтъ ничего въ головахъ!

Предъ намъ давѣчь и шапки такъ ты снять не хотѣль,
Да не токмо шапки снять, еще и слова не хотѣль
сказать.

Ну давай скоро, дьячишко! могилня муха!

Смотри, чтобъ я тебѣ не скроилъ треуха.

Д. Возьми съ меня, пожалуй, хоть рублишковъ полдесятокъ.
Под. Добро я съ тобою сдѣлаюся, если къ тѣмъ прибавишь
десятокъ.

Д. Ну я ужъ тебѣ прибавлю.

Под. Такъ я дѣтей твоихъ отъ семинаріи избавлю.

Д. Въ правдѣ ты только дѣтей моихъ избавишь?

Под. Конечно избавлю, ежели посулено исправишь.

Д. Какъ же намъ это дѣло то сдѣлать и секретаря об-
манить?

Под. Небось, давай деньги смѣло:

Мы ужъ знаемъ, какъ обманывать: то наше дѣло.

Да сверхъ того они съ вашей братьи

Одуваютъ деньги и платѣе.

А какъ тебѣ дѣлать надобно, я тя научу,

И какъ сказать предъ секретаремъ, тогда подъ ухо
пошепчу:

Этому скажи пять лѣтъ какъ родился....

Под. 2. Я чалъ, что ты ужъ задавился.

Ты еще здѣсь съ дьячкомъ тымъ изволишь балакать,

А намъ право тамъ лишь плакать.

Ужъ третюю промеморію изъ семинаріи прислали,

Чтобъ вы скорѣя ихъ сыскали.

Под. 1. Ну братъ! какъ нибудь свободи его дѣтей.

Под. 2. Нѣтъ я боюсь: за это вѣдь (вѣ) приказъ схватишь
плѣтей.

Ну, дьячокъ! давай ихъ скоряя,

Ни мало не отлагая.

Д. Всѣ мои знакомцы и вся моя родня! сберитесь сюда,

Посмотрите, какая на меня пришла бѣда:

Дѣтей моихъ отъ меня отнимаютъ

И въ проклятую серимарію на муку обираютъ.

О мои дѣтушки сердечные!

Не на ученье васъ берутъ, но на мученье безконечное.

Лучше вамъ не родиться на сей свѣтъ, а хотя и
родиться,

Тогожь часа кисліомъ задавиться и въ водѣ утопиться.

О мои милые дѣтушки

И бѣлые лебедушки!

Лучше бѣ васъ своими руками въ землю закопаль,

Нежели въ серимарію на муку отдаль.

Прощайте, мои дѣтушки! ужь мнѣ васъ не видать,

И съ вами ужь никогда не живать!

Под. 1. О у тя, какъ вижу, плачу конца не дожждаться,

Пора ужь намъ и къ городу подвигаться.

Ну, дьячокъ, прощай, добрый человѣкъ!

Дай тѣ Богъ множество лѣтъ,

А впредь, пожалуй, знайся съ нами,

Съ подъячими, приказными строками.

Дьяч. Прямя, что не вдурово добрые люди говорятъ,

Что подъячи — ты люди

Ажно люди они, да и не худы:

Вотъ теперъ денежки тѣ съ меня охолодили,

А дѣтей тыхъ отъ семинаріи таки не свободили!

Впредь же я ихъ теперъ буду знать,

А, когда случай прійдетъ, не такъ буду поступать.

Proludium quintum.

Выходитъ Грекъ съ товарищами и барышникъ цыгановъ приводитъ съ коньми и торгуется.

Моя купца богата: на сери города була

И много ширвонца на кишения здобула;

Добра вина три ока пила на Молдава,

Турецка кафе и шапса трава,

Серифа каша, лимона и оливка,

Вся день була изюмъ, винна ягода и шорносливка,

Тюбукъ добрый, шубуки и много товары,

Форта полипка вина папуцѣ два пары,

А дѣтка на matka пали въ теперъ несчастія велика:

Выбѣжала съ куца два волка дика,

Заразъ на киня добра турецка напала,

Моя злякалась и, что робить, сама не знала;

А проклята звѣря на моя румака начала давити,

Янчарка кебуха моя бѣ убити,

Вышли много сира волка велика,

Не ѣхала тогда ни едина прика

И всяка. . . . . ¹⁾ другаго раздавила,

¹⁾ Не разобрано.

- Не оставили сала на турецка мыла;
 Одна хвоста остался и грива,
 Мой съ роду не видалъ на такое диво.
 Лучше была сидѣла наша на Стамбула,
 Таку бѣду отъ волка видѣла не була.
- Бар. Здравствуй, братъ! здравствуй эка чифутка,
 Я думалъ, что ужъ ты чортъ взялъ! Нутка,
 Изопьемъ вмѣстѣ табачку; отвѣдай, каковъ, то узнаешь
 Е твой калось; нѣтъ, братъ! сказуешь, что хорошо
 въ носу.
- Гр. Печаль на моей. Бар. Что баешь?
 Печаль та и грусть тотчасъ перейдетъ,
 Озми только табаку въ ротъ.
- Гр. Е, е, е! проклята моя рота осквернила!
 Бар. О даромъ, братъ! вѣдь не твоя, моя то денежка купила.
 Гр. Шорта бери на твою голову и табака!
 Бар. Не знаешь, чортъ, что хорошо, а старъ, какъ собака.
 Гр. Мой ѣхала теперъ съ велика Стамбулъ.
 Бар. Тѣмъ то, вижу, чортъ такъ и надулъ.
 Гр. А на дорогѣ пропала добра конь турецки.
 Бар. Я тотчасъ лошадь пойду купить, только естли го-
 стинецъ грецкой?
- Гр. Мыла добра, люлка и велика шубука.
 Бар. Сулишь много, и мнѣ это даромъ. Въ карманѣ нутка
 Пошарь, многоль ста денежокъ накопилъ.
- Гр. Вела твоя добра коня толко, моя за разомъ купить.
 Бар. Много только надобно. Скажи: я тотчасъ одну и другую
 Приведу лошадь, да и дешевенько для тебя на-
 торгую.
- У мене есть добрый человекъ знаемецъ,
 А ужъ кого обманить добрый дѣлецъ.
 Погоди жь только здѣсь, я ти приведу съ лошадьми
 Добра, твой, мой была тѣмъ торговала.
- Барышникъ отходитъ, а Грекъ товары перебираетъ въ возу.*
 Шубуки добры, люлка хороша, мыла
 И у меня кто хотѣлъ купила
 И какого добра человека мнѣ знашлась:
 Купить мнѣ коня заразъ бросилась.
 Моя денга многа; а купивъ коня, заразъ на Нижина
 Ёхалъ и тамъ буду ѣлъ добре и пилъ Волоска
 вина.

- Барышникъ приходитъ; за нимъ привязаны два цыгана на коняхъ.*
- Бар. Здравствуй! Въдъ тотчасъ будутъ и добрые кони,
Кладитко деньги здѣсь на ладони.
- Цыг. На хлавдары, на прокураты
Чи тобѣ то треба коня продати?
- Гр. Мой будетъ купить, моей теперь коня треба.
- Цыг. Уже що кони! завезутъ тебя до медвѣжьего неба,
До черта подъ хвистъ: тамъ добръ продавати.
Добра тамъ моя треба на ярманка.
- Гр. Безпечно ужъ заведетъ тебе сія парка.
Грекъ осматриваетъ съ обѣихъ сторонъ.
Видишь, какіе кони изрядные, какъ змѣи добрые?
- Гр. Будетъ мой купить конь бодрый.
- Бар. Много денга а ежели не червонцамъ, знаешь намъ помѣры.
- Гр. Мой дала добра шестьдесятъ хева.
- Бар. Сказали дуракъ слонъ гораздо смыслить ева,
За чирвонца стоитъ что долго болтать?
Изволь намъ и лехами деньги считать,
Право мы возьмемъ. Цыг. На колбасу чи дашь прибавку?
- Бар. Молчи, дуракъ! что тѣ больше найдеть съ нево знатку
Заплатишь хорошо, а не заплатишь, то мы пошли вотъ.
Ну, братъ, съ коньми ступайте: онъ, вижу, не купецъ;
Можетъ быть, съ вишелицы сорвался рост... мать,
плутецъ.
- Гр. Стой! твои бери денга: моя не плутаю.
- Бар. Право, хорошъ ты человекъ: я ужъ давно знаю.
- Деньги барышникъ и цыганъ себѣ дѣлятъ, а Грекъ коней осматриваючи за хвостъ тягаетъ и такъ у одной клячи хвостъ вырываетъ.*
- Цыг. Чтожь ты сдѣлалъ тепереча? обезвѣчилъ клячу собачья
личина,
Всесвѣтнъ шалберъ, Гречине, скурве сыне.
- Бар. Полно болтать! што дуракъ нужда? подаля ступай.
- Цыганъ утекаетъ; осматриваетъ Грековъ барышникъ хвостъ и, взявши хвостъ, греку къ шапкѣ прицѣпляетъ.*
- Гр. Е теперь съ хвостомъ хорошо ходить, только разсуждай.
Пошла твоя! моя пора ѣхала на ярманка,
Бо добра купила коня парка.
- Бар. Прости, братъ! впредь съ тобою рады знаться,
Какъ хорошенько около себя не будешь оберегаться.
- Гр. Коня гдѣ? Бар. Въдъ пошли на пашу.

Гр. Е! мой будетъ ѡла сорачинску кашу.
Съвши псть Грекъ, польши стаеъ.

Гр. Чорта моя, ни коня купила,
 Коня нема, а деньги заплатила,
 Самая моя заразы пошла коня шукати,
 О нашолъ злодѣя отдали накаты.
И отходитъ.

Proludium 6tum.

Выходитъ жидъ съ раскольникомъ спороваться.

Раск. Какіе то были сего міра—свѣта,
 Какіе то были старой нашей вѣры крѣпила!
 Славной поборникъ Аввакумъ протопопъ,
 Да намѣренный наставникъ, Никита попъ,
 Пречестный Лазарь и славный учитель Феодоръ,
 Которые противъ нынѣшнихъ нововѣрцовъ
 Зачали дерзновенно здоръ.

Жидъ. О вей! о вей! тутъ, тутъ наср...,
 Якъ лопатою богато наклакъ
 Полну голову разума, о вей, добръ умѣю
 Горѣлку съ медомъ добръ продавати:
 До мене нехай идетъ, кто хоче хоросово пива.
 О вей! я такова еще николи не бацивъ дива!
 О вей! цорнѣ годъ! цо сей за человекъ?
 Не бацилъ николи такова, а ужъ изжилъ вѣкъ.

Раск. Стой, бачка! этому ты не дивися,
 Пожалуй, только со мной разговорися.
 Да скажи прежде: какой ты вѣры,
 Этое у тебя увѣдать желаю безъ мѣры.

Жидъ. Якой тебѣ треба? ци турецкой,
 То я; а коли хочесь, то и грецкой.

Раск. Нѣтъ! скажи, пожалуй, мнѣ однимъ словомъ.

Жидъ. Цого больше еще тебѣ хочесь? я тебѣ молвилъ.

Раск. Скажи, пожалуй, истину, ужъ водить мене полно.

Жидъ. Я есмь человекъ стараго закона.

Раск. Ахъ! радостію весь растопився.

Жидъ. Се, бачу, старый собако схазився.

Тутъ расколникъ падаетъ, а жидъ около его облааетъ.

Жидъ. Стокъ сему целовѣку стало?

Ци недоброе цо на его напало?

О вей! о вей! цорны годъ! узе посещу къ уху.

Бацу, ницого не помогаетъ! ось ежъ я еще поддамъ духу.

Узе, бацу, отъ духу заворошився.

Сцо тебѣ было стало? отъ цого ты бувъ схазився?

Раск.

Я тепереча былъ въ восторзѣ

И нашолъ тое, чего искалъ надолзѣ.

Почти ужъ всю вселенную избродилъ,

А еще такова мужа не получилъ:

Вѣдь и я старой вѣры смиреннѣ наставникъ,

Нынѣшній убо день будетъ намъ великій праздникъ.

Жидъ.

Говори далѣ; сцо будесь еспо брехаты?

Ну, ну не бався: неколи мнѣ цекати.

Я когда бывалъ на войнахъ, всѣ меня боялись,

Не разъ отъ заеца утикавъ и церевики поспадали.

Ну, ну и ты на войну, старый, прибирайся,

Естли пистолетъ и сполъ, я хоть бы ты на тысяцу.

. . . . . 1) ступай, не злякайся

Ну, ну, ну! наси ну ну на сабли припасайте,

А добръ съ пистолетовъ, какъ и я, стрѣляйте

Пока ужъ попоць ксендзаровати,

Будемъ уже лучше на казаковъ воевати.

Раск.

Престань этово разговаривать со мною,

Я съ тобою радъ поговорить, якъ съ умной головою.

Вѣдь ты старой законъ содержиши,

Что презрядно твориши;

Однаковъ я то прямой старовѣрецъ.

Жидъ.

А се чтожъ у тебе? Раск. Бо какъ безъ перецъ

Птицы невозможно летати,

Такъ безъ этово невозможно пребывати,

Да и пробыть же безъ этого заслонца,

Понежъ безъ него не пропустятъ въ адскіе оконца.

Жидъ.

Цоръ себѣ, цорны годъ! якъ ты хороше убранный!

Еще бы покраще былъ, кабы ус...ный

Якій ты старовѣрецъ? я то стараго закона.

Раск.

Нѣтъ! вѣдь и я не новаго.

Вѣдь этакъ ли ты по старому крестился?

Жидъ.

О вей! чорны годъ! я добръ сказалъ, сцо сей человекъ

сказився.

Раск.

Эдакъ крестилися всѣ пророки.

1) Не разобрано.

- Жидъ. Згинь, по говоришь? пророки не крестилися:
 Что тѣ развѣ пцолы въ головѣ разроилися?
- Раск. Двоперстный крестъ былъ искони:
 Развѣ ты такъ не видалъ молящася Авеля на иконѣ?
 Бывалъ ли ты во Іерусалимѣ?
- Жидъ. Былъ не разъ и еще пойду въ зимѣ.
- Раск. Поповщина, Аввакумовщина, Андрѣевщина, перекреще-
 ванцы и неперекрещеванцы и толки
 Тамъ есть ли уже? здѣсь намъ жить нельзя: какъ
 хищные волки,
 Никонщики надъ насъ сильно ужъ настали,
 Своей новой вѣры силу великую взяли
 И насъ старовѣрцовъ вездѣ утѣсняють,
 Съ Керженца, и съ Поморья, съ Польши немилостивно
 сгоняють.
 Надѣюся, что и ты такъ держишься старой, какъ и я,
 вѣры:
 Съ бороδοю бо мя зря, возрадовался безъ мѣры.
- Жидъ. Ци знась ты Химана, насу добру оборону
 Я тобѣ сказавъ, сто я старога закону.
- Раск. Слышалъ я объ немъ отъ людей довольно,
 Но о семъ нынѣча говорить полно:
 Мнѣ нынѣча сомнѣніе не мало.
- Жидъ. А отчегось тобѣ тое стало?
- Раск. Старовѣрца себя быти объявляешь,
 А двоперстнымъ стариннымъ крестомъ себе
 прекрещашь.
- Жидъ. Севъ ты, бачу, съ разуму ступився;
 Старъ якъ собака, а еще сего не научився!
 Да вѣдъ добрѣ знаешь, что наша вѣра моисейская
 старая.
- Раск. Какъ же ты старую вѣру содержишь, а не крестишься
 Двама престы, какъ Аввакумова велитъ вѣра святая?
- Жидъ. Аввакумъ не крестився, онъ былъ давний пророкъ.
- Раск. Какъ ты не устыдѣвся на него навесьть такій порокъ?
 Это, вижу, ты не прямой старовѣрецъ,
 Знать, что ты Никонщикъ иновѣрецъ.
- Жидъ. Я старой вѣры. Раск. Нѣтъ я старой вѣры хранитель.
- Жидъ. Нѣтъ брешишь ты; я старой вѣры. Раск. Лжешь; я
 старой вѣры учитель,

- Жидъ. Цорны годъ на твою голову! яка твоя вѣра старая?
Моя вѣра старая истинная и прямая.
- Раск. Брешишь ты, якъ собака; я то старовѣръ.
- Жидъ. Нѣтъ! я старой вѣры, въ этомъ ты мнѣ повѣрь.
- Жидъ. А когда хочешь, лучше позвать судю пошукаймо:
Нехай винъ насъ разсудить, хочъ ему и за работу даймо.
- Раск. Изрядно: судья надобно искати
И какъ онъ присудить, будемъ правду знати.
- Жидъ. Хороше, я пойду судью искати.
- Раск. А я здѣсь буду тебя и судью ожидать.
- Жидъ отходитъ, а расколщикъ стула ищетъ и, нашовши, на серединѣ становитъ.*
- Раск. Но почто мнѣ напрасно стоять?
Надобно стула гдѣ нибудь приискать,
Чтобъ было гдѣ господину судьи сѣсти,
А мы будемъ предъ нимъ стояти вмѣсти.
Жидъ приходитъ
- Жидъ. Будеть заразъ судья, а уже вельми разсудный
Аять то и винъ совсѣмъ правдивый.
- Раск. Чтожь онъ Руской ли или иноземець?
Я и судиться не хочу, ежели онъ Нѣмецъ.
- Жидъ. Самъ заразъ побацишь, лучше угадаешь.
Гроси на плату только ци маешь?
- Раск. Намъ здѣ никому не подобаетъ судити.
- Жидъ. Ось побацись нечеты будешь говорити.
Цыманъ выбѣгаетъ.
- Цыг. Чхавей! чхавей! Чи тутъ то шукали судити на росправу?
Раск. Какъ этакой можетъ судить вѣру
Стару, который и самъ бороду брѣеть,
Да еще и парикъ на головѣ имѣеть?
Нѣтъ! какъ хошь, я не хочу предъ нимъ судиться,
Не хочу и его зрѣниемъ скверниться.
- Жидъ. О винъ васѣць не важаеть
И, покой процю, отсюду замышляеть.
А я васець узе гросей на выкладъ отличихъ.
- Цыг. А ты, собака, ничего не положилъ.
- Жидъ. Я осцѣ васѣце придамъ, только добрѣ судите
И сего собаку, якъ треба людей шаковать, научите.
- Цыг. За то ни слова, бери только на барака.

Proludium septimum.

Выходитъ мошльникъ съ кобыльникомъ: мошльникъ копать отцу ямы, а кобыльникъ искать кобылы, да оба глухіе.

Мошльникъ, кобыльникъ.

- Мог. А вой, вой! батюшка ты мой!
Топерь ужъ не дожидаться мнѣ тебя домой,
Какъ ѣздилъ было на добычку, хоть въ полночку,
А прїѣдешь, мнѣ гостинца привезешь, твоему
сыночку.
- А вой, вой! батюшка ты мой! голубчикъ бѣлинькой!
Почто ты меня оставилъ милевькой?
Закатился ты, мое солнышко красное,
Покинулъ ты меня бѣднава напрасно:
Некому уже теперь головушки погладить,
Только всякъ заѣхать по затылку ладить;
Некому за меня сироту теперь заступить,
Только всякъ хочетъ швивицу нагрѣть.
Куды мнѣ бѣдную головку дѣвать?
Стань, да хоть скажи какую тебѣ могилу копать.
- Другой къ нему приходитъ, ища кобылы.*
- Коб. Эй! что, братъ, ты такъ рано свозило въ полночь?
Мог. Спасибо, добрый человекъ! надобно Божья помочь.
Коб. Не видалъ ли ты этта моей кобылы?
Сынъ. Хорошо, голубчикъ, пособико мнѣ копать могилы,
Однако здѣ есть и лопата.
- Коб. Нѣтъ! не гораздо она была собою низковата,
Таки и очень была высока.
- Сынъ. На што? не надобно очень глубока;
Полно, когдабъ выкопать хоть на три локти.
- Коб. Гдѣ? когда еще ей попасть медвѣдю въ когти?
Теперь вотъ недавно со двора сбѣжала.
- Сынъ. Ужъ этая яма да ему будетъ мала?
Куды ему съ ней? хоть кому то будетъ полно.
- Коб. Да какъ тебѣ не знать? вѣдь ты на ней ѣзживалъ
довольно:
Помнишь, какъ тебяхватила зубомъ?
Сынъ. Э братъ нашто? еще подстилать лубомъ!
Таки также ляжетъ и безъ луба.
- Коб. Да то та то и есть, что разсѣчена губа.
Помнишь, какъ я на ней ѣхалъ мостомъ?

- Сынъ. То правда, что ужь великъ то великъ ростомъ,
А въ ночи было ему никто не попадайся на дуло.
- Коб. А ея тогда чортъ носомъ подкнуло.
Да оттово то вотъ и губа та у ей разбита.
- Сынъ. О что до свѣта, то до свѣта!
Часто онъ и одинъ лазилъ по клѣтямъ,
А то еще иногда какъ со мною пойдѣтъ по черквамъ,
Не бось, уже не придетъ съ голыми рукамаъ.
- Коб. Эхъ держать было: вѣдь она и всегда лягатыя ногами!
Ну гдѣ же вотъ теперь его сыщешь?
- Сынъ. Какъ не прыскать? таки гораздо на радостяхъ прыщешь,
Какъ иногда хорошеньбую таки принесешь добычку.
- Коб. А коли у тебя, отдавай же мою кобыличку.
Для чего ты не сказывалъ до сего мѣста?
- Сынъ. Да отчѣво то и умеръ, какъ не отъ солонова тѣста?
Третьева дни пришелъ, какъ волкъ проголодался,
А на то то время въ печки съ тѣстомъ горшокъ
разогрѣвался.
Ну да вотъ на ту-то пору, будто чортъ сунулъ мачку
Выпялить съ печи горшокъ, да подала бачку,
А ояъ съ шальныхъ тѣ, какъ впустилъ туды рыло,
Да ужь дулъ, дулъ, дулъ, дулъ, пока ему брюхо то
какъ гору разворотило.
- Коб. Да! оттого то ему смеріодушка то и припала.
Нѣтъ не пропала она, на люди попала:
- Сынъ. Вѣдь ты самъ давечъ говорилъ, что у тя моя кобыла.
Что ужь дѣлать? пришло копать могила,
Коли ужь ему такая смерть пришла.
- Коб. О, братъ, ты этого не плети; она у тя не ушла.
Какъ хочь отдавай, хоть роди бокомъ.
- Сынъ. Ну братъ правду ты говоришь, что вышло ему воровство
сокомъ,
А всё въ томъ мачка, р..... мать, виновата.
- Коб. Что ты братъ врешь? она была не горбата,
Вѣдь и вашъ сусѣдъ Сверчокъ знаетъ.
- Сынъ. Да то понамарь, то дьячокъ читаетъ,
Вотъ лишь только за салтырь приняться топеря.
- Коб. За что меня бранишь? развѣ ты самъ тетера,
Да и другихъ тетіорама называешь.
- Сынъ. А когда посмотришь бачка то желаешь,
То хотъ завтра ко мнѣ приди ты.

- Коб. Вотъ дуракъ! скажи, да скажи примѣты!
Вѣдь я тобѣ давича говорилъ,
Да ты развѣ тогда безъ ушей былъ?
Попъ въ алтарѣ паки, паки поіють,
А дьячокъ распустилъ горло да вѣчну память
деріють.
- Ты говори чорту аминь,
А чортъ таки чортомъ все глядитъ въ овинь.
Отдавай мнѣ кобылу, полно шалберить.
- Сынъ. Еще да что ужъ тутъ больше мѣрять то?
Будеть, кажется, съ него довольно долины.
- Коб. Да то во лбу у ней двѣ пестрины,
А хребѣтъ такъ почти весь пѣстрой.
- Сынъ. Помяни ево Богъ! то на это былъ вострой:
Таки по частенку ходилъ на Волгу.
- Коб. Да вѣдь я тебѣ толмачилъ, что гриву имѣеть долгу,
А ты по ся поры ажъ не растолкуешь.
- Сынъ. Что же дѣлать братецъ? и не хотя горюешь,
Когда бачка кормилча ужъ не стало,
А при ѣмъ такъ горя никогда не бывало?
А это все такъ сдѣлала мачка, дура.
- Коб. Врешь ты какъ меринъ: моя то кобыла не бура,
Она шерстію вся почти была сѣра.
- Сынъ. Гдѣ у ево вотъ тѣ то и мѣра,
Какъ куды пойдѣтъ, да ловко попадѣтъ,
То лишка не возмѣтъ, только сани нагребѣтъ,
А домой то какъ прикатитъ, такъ любо смотрѣтъ
- Коб. . . . . а вѣдь ужъ тебѣ не избытъ,
Какъ хошь, это твое братецъ дѣло.
- Сынъ. Да вотъ завтрѣ увидишь, что ужъ совсѣмъ почернѣло,
А брюхо то все выше и выше дміотсе.
- Коб. Да тебѣ нужды нѣтъ, что она біотце,
Отдай вѣдь я рос...ю мать всего перекорюню.
- Сынъ. Да то часто бывало, что, какъ возьметъ дубину,
Да еще въ товарищахъ у его были два сына поповы,—
И то правда, что ужъ робята здоровы,—
Какъ когда пойдетъ на большую дорогу съ ними;
То, пожалуй, управится хоть съ десятерыми.
А что на кабакѣ хоть бы маленько что зашумѣли,
Ужъ то давай: подраться, побиться то его дѣло
И нѣчего таки право, за кого примется, напуститъ въ гачи.

- Коб. За что? у меня одна и есть, да и той не отдаешь клячи.
 Сынъ. Право таки безъ шутокъ: хоть бы кто, то уже въ гачи
 напустить,
 Вѣдь онъ, пожалуй, и чорту не спустить.
- Коб. Нѣтъ, братъ! нѣчево гакъ то больше проѣдаться,
 Хоть не хотѣлося было мнѣ ужь драться,
 Да ужь вижу, что съ робою не быть безъ драки.
- Сынъ. У ково? у бачка-га? у ево были три собаки,
 Хоть и самъ онъ былъ не послѣдній воръ,
 Да таки надобно, чтобы стрегли и свой дворъ,
 Для тово, что часто и те бываетъ,
 Что и чортъ на чорта набѣгаетъ.
 Также и бачко: тотъ, хоть и самъ воръ былъ,
 Таки назадъ то оглядывался, чтобъ и самого кто не
 обрилъ.
- Коб. Нѣтъ, братъ, турусу на колѣсахъ везѣшь,
 Пойдемъ-ко въ губерску кончелярiю: тамъ инако
 запоешь,
 А то ты точишь шары да вары.
- Сынъ. Пойдемъ, коли хошь, то увидишь, какіе анбары
 Послѣ бачка пожитковъ тѣхъ стоятъ.
- Коб. Не грози! отдашь небось; пойдемъ ка, братъ!
- Сынъ. Да вотъ и увидишь, что и у боярина столько нѣту.
- Коб. А когда ногу сломилъ, то отдашь и свою за эту.
-

III.

СМѢСЬ И БИБЛІОГРАФІЯ.

ПРИДВОРНЫЯ ПРОПОВѢДИ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

Въ ночь съ 24-го на 25-е ноября 1741 года совершился переворотъ, возведшій на русскій тронъ Елисавету Петровну. Въ манифестѣ, изданномъ черезъ три дня послѣ того, объяснены были права новой императрицы на престолъ и исторія нарушенія этихъ правъ, установленныхъ еще завѣщаніемъ Екатерины I. Лицами, устранившими Елисавету отъ короны, названы Остерманъ, Минихъ и гр. Головкинъ. На нихъ возлагаетъ манифестъ отвѣтственность за управление государствомъ въ короткое царствованіе Іоанна Антоновича. За тѣмъ общано членамъ Брауншвейгской фамилии забвеніе прошедшаго. Успѣхъ переворота, возведшаго императрицу на прародительскій престолъ, приписанъ «наипаче и особливо» преданности лейбъ-гвардіи полковъ¹⁾. За ними скрывались люди, дѣйствовавшіе въ рѣшительныя минуты въ пользу Елисаветы. Но манифестъ могъ бы назвать еще партію, хотя и не принимавшую участія въ переворотѣ, но отозвавшуюся сочувствіемъ новому царствованію, вынесшую изъ временъ господства Бирона много тяжелыхъ воспоминаній: этою партіею было русское духовенство. Прискорбная исторія съ Теофилактомъ Лопатинскимъ, не единственная въ своемъ родѣ; простое, очень естественное чувство ненависти къ инновѣрцамъ, захватившимъ въ свои руки значительную часть управленія, имѣвшимъ вліяніе даже на церковныя дѣла; наконецъ раздраженіе, вызванное полемикой съ католическимъ и лютеранскимъ ученіями: все это не мало содѣйствовало тому, что перемѣна правительствующаго лица, общавашаго положить конецъ прежнему порядку вещей, встрѣчена была расположеніемъ со стороны духовенства. И дѣйствительно, въ большей части проповѣдей, произнесенныхъ въ царствованіе Елисаветы Петровны, не трудно замѣтить подъ торжественнымъ, официальнымъ

1) П. С. З. XI, № 8476.

покровомъ церковнаго краснорѣчія радостное чувство побѣды. Духовные ораторы пользуются каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы высказать это чувство, а нерѣдко и требованія, внушаемыя имъ: проходить пять, шесть, десять лѣтъ послѣ 25 ноября 1741 года, и не смотря на такое разстояніе, въ годину переворота, или въ день коронаванія императрицы, ея именинъ и рожденія, проповѣдникъ считаетъ своею обязанностію возвратиться воспоминаніемъ къ столь счастливому, по его мнѣнію, событію, указать на его общественное значеніе. Съ своей стороны Елисавета Петровна не остается равнодушною слушательницей такихъ панегириковъ: въ ея правленіе мы видимъ цѣлый рядъ указовъ, обнаруживающихъ особенную заботливость и попечительность правительства о церкви, ея служителяхъ, монастыряхъ, о распространеніи православія среди иновѣрцевъ, на востокъ Россіи и въ Сибири. Чрезвычайно любопытно было бы прослѣдить такія отношенія между церковью и государыней во всей ихъ подробности.

Прошло три недѣли послѣ 25 ноября, и въ день рожденія новой императрицы, декабря 18, выступили два оратора: одинъ говорилъ свое слово въ Петербургѣ въ придворной церкви, другой—въ Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ. Первымъ былъ Амвросій, архіепископъ новгородскій; вторымъ—архимандритъ законоспасскаго монастыря Кириллъ Флоринскій. *Амеросій Юшкевичъ*, получившій первоначальное воспитаніе въ польскихъ школахъ, бывшій также и въ кievской академіи, сперва служилъ въ ней учителемъ синтаксисы, былъ потомъ игуменомъ монастыря Святаго Духа, единственной въ то время православной обители въ Вильно ¹⁾, откуда переведенъ архимандритомъ въ Симоновъ монастырь, сдѣланъ членомъ синода, съ 1736 года епископомъ вологодскимъ и наконецъ въ 1740 новгородскимъ, занявъ такимъ образомъ кафедру, оставшуюся свободною по смерти *Феофана Прокоповича* ²⁾. Подобно знаменитому предшественнику своему, такъ громко прославлявшему дѣла Петра Великаго, Амвросій напоминаетъ Елисаветѣ славное царствованіе отца ея: «Рождена Ея В. отъ обоихъ коронованныхъ лицъ, отъ обоихъ законовладѣтельныхъ самодержавныхъ героевъ и монарховъ, которые не только по прерогативамъ своего самодержавія, но и по самымъ своимъ

¹⁾ *А. Киркора*, Хронологическое показаніе достопримѣчательныхъ событий отечественной исторіи въ виленской губерніи до 1852 года, стр. 86.

²⁾ См. Ист. Р. Іер. I. 82, 186, 603; II 363, VI 877. *Аскоченскаго*, Киевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академію I, 314, 316. *Б.-Каменскаго*, Словарь дост. людей (М. 1836) ч. I. стр. 42, 44. *Новикова*, Опытъ истор. словаря о рос. писателяхъ, стр. 12.

наслышаннымъ къ отечеству заслугамъ, имѣли истинный законъ вѣчно, со всѣми своими потомками, престолъ російскій наследствовать. Ибо что надлежитъ допреславныхъ заслугъ ихъ; то я не знаю, есть ли въ свѣтѣ уголокъ такой, есть ли народъ дикой и незнаемой, чтобъ до него не дошелъ слухъ дѣлъ и словъ Петра Великаго, и чтобъ не зналъ онъ, кто и что былъ въ Россіи Петръ Первый, кто и что была Екатерина? Но ежели жъ и забылъ ихъ нынѣ свѣтъ; то не дивно: было по чему забывать ихъ. То дивно, когда и у насъ самихъ, толикими превысочайшими дарами обогащенныхъ, толикими трудами, словами и побѣдами ихъ одолженныхъ, но неблагодарныхъ дѣтей ихъ, начали было они въ крайнее приходить забвеніе.» Императорскій титулъ, котораго не могли достичь тридцать предшественниковъ Петра; искусство, мужество, крѣпость и всему свѣту удивительная и ужасная сила воинства російскаго, которому Петръ, «вмѣсто бердышей посмѣвательныхъ, показалъ толь искусно, толь храбро и скоро дѣйствовать и владѣть огненнымъ оружіемъ», которому Петръ «отверзъ путь морской во всѣ государства новымъ, но всѣмъ стариннымъ не уступающимъ и ужаснымъ флотомъ»; политическое обхожденіе російскаго гражданства, премудрое учрежденіе коллегій и судовъ государственныхъ, преславные и почти съ самыми древнѣйшими иностранными сравниться могущіе заводы, различныя фабрики и художества; переменна грубаго прежнихъ обычаевъ нашихъ варварства и свирѣцтва; самое благосостояніе російскаго духовенства, есть, по мнѣнію Амвросія, заслуги Петра Великаго, отца новой императрицы. «Когда онъ воевалъ, училъ воевать воинство; когда училъ воинство, устраивалъ благополучіе внутренняго гражданства; когда устраивалъ благополучіе гражданства, и о духовномъ своемъ чинѣ промышлять не оставилъ. Видѣлъ онъ совершенно, ово изъ древнихъ исторій, ово же и самъ своимъ уже искусствомъ, какъ народъ російской тогда былъ неславный и посмѣвательный; видѣлъ, какъ былъ во вся темный въ наукахъ и непросвѣщенный: и того ради великою суммою сыскивалъ людей ученыхъ, держалъ ихъ во всякомъ довольствѣ и почтеніи, посылалъ своихъ подданныхъ для науки и всякой экспериенціи въ иностранныя государства, старался вездѣ заводить училища духовныя и политическія, снабждалъ ихъ весьма мудрыми и славными учителями, и, что всего удивительнѣе, самъ своею императорскою персоною почти по всей Европѣ странствовать изволилъ, для единого, чтобъ, разсмотрѣвъ тамошнее состояніе училищъ, воинства, гражданства и мастерства корабельнаго, завести то такимъ же образомъ и въ своемъ государствѣ. Но въ чемъ толь крайнюю силою трудился, и что такъ великимъ прилежаніемъ пріобрѣталъ

Петръ; во всемъ томъ неотступно присутствовала, и все то также прибрѣтала и Екатерина». Несмотря на то, по смерти Петра II, Елисавета не получила родительскаго престола: «жалостно то вспомнать, — говорить ей ораторъ, — но нельзя правды утаить, какъ Богъ, отъ самыхъ блаженныхъ кончины вселюбезнѣйшихъ твоихъ родителей, водилъ тебе чрезъ всю жизнь твою по острому и язвительному терню. Не терніе ли то было, шлюсь я на разсужденіе всякаго, видѣть свой *наслѣдственный* государственный скипетръ чужими руками обладаемый? Не терніе ли то было, въ собственномъ добрѣ, собственными родителями твоими прибрѣтенномъ, почти пепель за хлѣбъ имѣть, а питіе съ плачемъ растворять? Не терніе ли то наконецъ было, терпѣть отъ своихъ подданныхъ рабовъ сущей порфирородной императорской дщери крайнее презрѣніе, и сверхъ того, быть еще во всегдашнемъ опасеніи живота и здравія дражайшаго?» Но, подобно Давиду, послѣ долгаго испытанія и Елисавета достигла желаемой цѣли: «говоритежъ теперь безбожники, неисповѣдающіе Бога и Его промысла, — говорить проповѣдникъ, — что то сдѣлала фортуна, слѣпой случай, а не Богъ всѣми владычествующій: *блгдословите*» . . . «Послалъ ей Господь сердце мужественное, вліялъ духъ петровъ, даровалъ храбрость іудиѣину, которою внутрь возбуждаемая, и Господемъ своимъ аки непреоборимымъ оружіемъ защищаемая, пошла къ надежнымъ своимъ и давно уже того желающимъ, солдатамъ, и объявила имъ свое намѣреніе, и кратко имъ сказать изволила: *Знаете ли, ребята, кто я? и чья дочь?* Родители мои вселюбезнѣйшіе Петръ Великій и Екатерина трудились, заводили регулярство, нажили великое сокровище многими трудами; а нынѣ все то растащено; сверхъ же того, еще и моего живота ищутъ. Но не столько мнѣ себя жаль, какъ вседражайшаго отечества, которое, чужими головами управляемое, напрасно разоряется, и людей столько, невѣдомо за кого, пропадаетъ. Кому жъ вѣрно служить хочете? Мнѣ ли природной государынѣ или другимъ, незаконно мое наслѣдіе похитившимъ? И какъ то они услышали, того жъ часа всѣ единогласно закричали: «тебѣ, всемилостивѣйшая государыня; за тебя послѣднюю каплю крови изліять готовы; мы того давно желаемъ и дождаемся, нынѣ время благополучное, нынѣ день приспѣлъ *россійскаго спасенія*». Сіе сказавши и ко кресту святому приложившись, начали во имя господне исправлять дѣло свое, и сдѣлали то въ одинъ часъ, что иные дѣлали чрезъ многія лѣта и со многимъ кровопролитіемъ». Представивъ слушателямъ въ такомъ видѣ ноябрьскій переворотъ, Амвросій прибавилъ о самой Елисаветѣ: «не имѣя ни командира надъ солдатами, ни офицера присутствующаго, сама была

и полковникъ, сама и офицеръ командующій». По его мнѣнію, «пре-славная побѣдительница избавила Россію отъ враговъ внутреннихъ и сокровенныхъ. Сіе и самый послѣдній вѣдать можетъ, что, какъ болѣзнь внутренняя есть тяжчайшая и опасѣйшая, такъ и врагъ внутренній и сокровенный есть страшѣйшій. Но такіе-то всѣ были враги наши, которые, подъ видомъ будто вѣрности, отечество наше раззоряли, и смотри, какую дьяволъ далъ имъ придумать хитрость. Во первыхъ на благочестіе и вѣру нашу православную наступили; но такимъ образомъ и претекстомъ, будто они не вѣру, но непотребное и весьма вредительное христіанству суевѣріе искореняють. О, коль многое множество подъ такимъ притворомъ людей духовныхъ, — а наипаче ученыхъ, — истребили, монаховъ поразстригали и перемучили! спроси жъ за что? больше отвѣта не услышишь, кромѣ сего: суевѣръ, ханжа, лицемѣръ, ни къ чему годный. Сіе же все дѣлали такую хитростію и умысломъ, чтобъ вовся въ Россіи истребить священство православное и завестъ свою нововымышленную безпоповщину. Разговору большаго у нихъ не было, какъ токмо о людяхъ ученыхъ: о Боже! какъ-то несчастлива въ томъ Россія, что людей ученыхъ не имѣетъ, и ученія завестъ не можетъ! Не знающій человекъ ихъ хитрости и коварства, думалъ, что они то говорятъ отъ любви и ревности къ Россіи; а они для того нарочно, чтобъ, гдѣ-нибудь сыскавъ человека ученаго, погубить его. Былъ ли кто изъ русскихъ искусный, напимѣръ, художникъ, инженеръ, архитектъ, или солдатъ старый, а наипаче, ежели онъ былъ ученикъ Петра Великаго: тутъ они тысячу способовъ придумывали, какъ бы его уловить, къ дѣлу какому нибудь привязать, подъ интересъ подвѣсть, и такимъ образомъ, или голову ему отсѣчь, или послать въ такое мѣсто, гдѣ надобно необходимо и самому умереть отъ глада, за то одно, что онъ инженеръ, что онъ архитектъ, что онъ ученикъ Петра Великаго. Подъ образомъ будто храненія чести, здравія и интереса государства, о! коль безчисленное множество, коль многія тысячи людей благочестивыхъ, вѣрныхъ, добросовѣстныхъ, невинныхъ, Бога и государство весьма любящихъ, въ тайную похищали, въ смрадныхъ узилищахъ и темницахъ заключали, голодомъ морили, пытали, мучили, кровь невинную потоками проливали! Сего ихъ обмана народъ незнающій помышлялъ, что они дѣлають сіе отъ крайняго вѣрности; а они такимъ-то безбожнымъ образомъ и такою-то завѣсою покровенные, людей вѣрныхъ истребляли. Кратко сказать: всѣхъ людей добрыхъ, простосердечныхъ, государству доброжелательныхъ, и отечеству весьма нужныхъ и потребныхъ, подъ разными претекстами губили, раззоряли, и вовся искореняли, а рав-

ныхъ себѣ безбожниковъ, безсовѣстныхъ грабителей, казны государственныхъ похитителей, весьма любили, ублажали, почитали, въ ранги великіе производили, отчинами и денегъ многими тысячами жаловали и награждали. Было то воистинну, что и говорить стыдно; однако то сущая правда: прїѣдетъ какой нибудь челоувѣкъ иностранной незнаемой (не говорю о честныхъ и знатныхъ персонахъ, которыя по заслугамъ своимъ въ Россіи всякія чести достойны, но о тѣхъ, которые еще въ Россіи никогда не бывали, и никакихъ заслугъ ей не показали), такова, говорю я, новаго гостя, ежели они усмотрятъ, что онъ къ ихъ совѣсти угоденъ будетъ, то хотя бы и не зналъ ничего, хотябъ не умѣлъ трехъ перечесть, но за то одно, что онъ иноземецъ, а наипаче, что ихъ совѣсти нравенъ, минувъ достойныхъ и заслуженныхъ людей російскихъ, надобно произвестъ въ президенты, въ совѣтники, въ штапы, и жалованья опредѣлить многія тысячи. И такой-то совѣсти были оныя внутренніе враги наши! Такой-то сатанинской вѣрности! Многимъ казалось, что они вѣрно служатъ, воюютъ за церковь христову, подвизаются за отечество; а они такимъ образомъ приводили Россію въ безсиліе, въ нищету и въ крайнее раззореніе. — Воспомните себѣ только недавно минувшую войну турецкую; сколько они безъ всякой батали и сраженія старыхъ солдатъ голодомъ помѣрили, сколько въ степяхъ жаждою умертвили, да сколько жъ сотъ тысячъ церковниковъ и другихъ рекрутъ перебрали, а всѣ они, почти напрасно, для одной только ихъ добычи и суетной корысти, головы свои положили: но тѣ все то дѣлали притворно подъ образомъ вѣрности. Многократно заслуги свои представляли, похваляя свою къ Россіи вѣрность и доброжелательство, но лгали безсовѣстно на свою душу: ибо ежели бы они были прямые отечеству доброхоты, такъ ли бы нарочно людей нашихъ на явную смерть посылали, такъ ли бы только тѣнью, только тѣломъ здѣсь, а сердцемъ и душою внѣ Россіи пребывали? Такими они сами оказали себя, когда всѣ свои сокровища, всѣ богатства, въ Россіи неправдою нажитыя, вонъ изъ Россіи за море высылали и тамо иные въ банки, иные на проценты многіе милліоны полагали»¹⁾. Такая картина злоупотребленій и общественныхъ грѣховъ, совершившихся во времена, уже ставшія прошедшимъ для всѣхъ слушателей Амвросія, картина не лишенная нѣкоторой исторической достовѣрности, была бы не-

¹⁾ Слово 1741 г. дек. 18; кромѣ того Амвросій Юшкевичъ говорилъ проповѣди: 1742 ноября 8, 1743 апрѣля 25, ноября 25, 1744, іюля 15. Срв. Сопикова М. № 1149 — 1153; Библ. Общ. Истор. отд. II, № 666. 2. Кастерина М. 818, 837.

оцѣненною для насъ, если бѣ эпоха, которой она касалась, имѣла и надъ самымъ ораторомъ, и надъ внимавшими ему все неотразимое вліяніе настоящаго, предъ глазами ихъ проходящаго дня; теперь же она интересна для насъ потому только, что въ ней впервые такъ громко высказался взглядъ на это время людей, въ руки которыхъ досталась неожиданная побѣда надъ дѣятелями 1730-хъ годовъ. Понятно, что взглядъ этотъ могъ ясно отличать въ прошедшемъ лишь тѣ явленія, которыя наиболѣе поражали его, для которыхъ однакожъ новые зрители не могли быть безпристрастными сѣнителями. —

Но если новгородскій архіепископъ остановился только на общей картинѣ той эпохи, о которой говорилъ; то гораздо далѣе пошелъ московскій проповѣдникъ, *Кириллъ Флоринскій*. Онъ также воспитанъ былъ въ кіевской академіи, откуда поступилъ въ только что учрежденный тогда харьковскій коллегіумъ сперва учителемъ, потомъ префектомъ; въ іюль 1736 года назначенъ былъ префектомъ московской академіи, гдѣ читалъ богословіе, и за пять мѣсяцовъ до дня, въ который произнесъ свою проповѣдь, сдѣланъ ректоромъ академіи и вмѣстѣ съ тѣмъ архимандритомъ заиконспаскаго монастыря¹⁾. Уже изъ текста, избраннаго имъ для проповѣди: *сильно на земли будетъ сѣмя его*, можно предугадывать, что содержаніемъ слова будетъ панегирикъ Петру и его дочери. Въ самомъ дѣлѣ, Флоринскій, сочиненія котораго вообще отличались обиліемъ аллегорій, притчъ, сравненій, смѣлостію выраженной, почти въ самомъ началѣ проповѣди своей представляетъ Петра сѣятелемъ, а Россію почвою, принявшею брошенные имъ сѣмена. «Егда спросите мя, говоритъ онъ: да скажу вамъ не притчу, но свѣжую исторію о насѣянныхъ плевелахъ въ Россіи? Тако отвѣщаю: Сѣявый въ насъ доброе сѣмя, есть самъ Петръ Великій, село есть Россія, доброе сѣмя — сынове російскаго отечества вѣрніи, паче же всѣхъ по превосходству и по преимуществу дщерь царска и императорска Елизаветъ, наследница престола Петрова; а плевелы—подъ видомъ токмо сыновъ отечества, вещь же порожденія ехиднина изгрызающіе утробу матери своея Россіи, да чужестранцы пришлецы, Петромъ насѣянныхъ въ Россіи расхитители, правовѣрія ругатели, благочестія вкорененнаго въ Россіи отъ многосотныхъ лѣтъ растлители и ислители, подъ ухищ-

¹⁾ *Аскоченскаю*, Кіевъ и т. д., II, 72. *Смирнова*, Исторія моск. ак., стр. 120, 121, 125, 198. *Ист. Рос. Іер.* I, 556, 641, II, 182, 504, VI, 878. Краткое историч. описаніе Св.-Троиц. Серг. Лавры. М. 1815, стр. 125. *Новикова*, Опытъ истор. словаря о росс. писателяхъ, стр. 232.

ренною политикою всего счастья російскаго губителя;... а жатели, плевелы и плевелосѣятелей враговъ собирающіе, сынове же вѣрныхъ безъ поврежденія, яко пшеницу въ житницахъ въ отечествѣ хранящіе — лейбъ-гвардія и вся воя». При объясненіи правъ Елисаветы Петровны на русскій престолъ, проповѣдникъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на постановленіи Екатерины Первой: не бывать никогда же никому же не греческаго закона, или другую имѣющему корону, монархомъ въ Россіи. Представляя себѣ послѣднюю въ олицетворенномъ видѣ, онъ обращается къ ней съ такимъ вопросомъ: «то намъ страшное чудо, что, тебѣ невѣдущей, возрасте Елизаветъ, зная по сторонамъ негдѣ ты бродила, или, яко конечнѣ доумѣваюся, спала, о Россіе! да еще летаргомъ? Запоматовала, что Петръ воскресилъ тя». . . Потомъ вдругъ переходитъ къ самимъ слушателямъ: «да что я виновну творю едину Россію? Яснѣя сказать, вси мы чрезъ десятилѣтіе и болѣе нечувствєнныя дрєвєса бѣхомъ, не примѣчая, како созрѣвшє сильное сѣмя Петрово; запоматовали были, коимъ образомъ Петръ Великій обрѣте насъ подобныхъ дрєву лѣсному, криву, суковату, дебелу, ожелтѣлу, неотесанну, ни на каково дѣло неудобну, своима рукама коль въ красныя статуи передѣлалъ, да еще и бездушныє. Почто же мы отъ кончины блаженнаго мужа Петра Великаго, Екатерины и Петра Втораго, очи смежа, дремлюще ходихомъ? Почто на петрово сѣмя, еже въ крайнемъ уничтоженіи, озлобленіи и смиреніи бѣше, ни воззрѣхомъ, ни подѣ сѣнію ви-тахомъ? О пречудная вещь! возрасте сѣмя петрово, подобно зерну горущу евангельскому, подѣ его же вѣтвіями намъ, Россіянамъ, отраду и прохладеніе давно надлежало было пріяти; но мы, отягченны всѣми наругательствы, страждуще гоними, гоними и мучими, мучими и вяжеми, вяжеми и уязвєми, отечєства и правовѣрїя лишаєми, дремлюще, благосѣнно-лиственнаго сєго не видѣхомъ дрєва». Нельзя не замѣтить, что такимъ быстрымъ переходомъ отъ одного представленія къ другому, отъ мысли къ мысли, умѣняемъ заинтересовать слушателя живописнымъ выраженіемъ, обронить какъ бы мимоходомъ не совсѣмъ точное слово и потомъ измѣнить его смыслъ неожиданнымъ эпитетомъ (Петръ сдѣлалъ изъ русскихъ, какъ изъ дрєва прекрасныхъ статуй,—и вслѣдъ за тѣмъ объясненіе: да еще и не бездушныхъ): всѣми свойствами этими проповѣдь Флоринскаго выше проповѣди амвросієвой. Но мало того: она и въ разсказѣ о прошедшихъ событіяхъ идетъ дальше, не покидая при этомъ своей обычной рѣзкости въ выраженіяхъ. Флоринскій прямо говоритъ: «Дрєво сє не всяко плотоядныє, по чєловѣкояды птицы, Остерманъ и Минихъ съ своимъ стадіємъ начали было, чрезъ

дванадцатолѣтіе обезпокоивавшіе, сѣщи и терзати; обаче мы дремлюще не видѣхомъ, ниже чувствовахомъ, донелѣже само сіе сильное сѣмя насъ не пригласи спящихъ: доколѣ дремлете? доколѣ страждати имате?....» Проповѣдникъ заставляеть императрицу разсказывать Россіи исторію дѣлъ петровыхъ: «не мой ли отецъ?... не отецъ ли мой?» Такими словами начинается каждое новое исчисленіе заслугъ Петра. «Не и самыхъ ли васъ, о постоянно вѣрные солдаты, изъ боязливыхъ зайцовъ въ небоязненные и нетерпѣливые львы передѣлалъ? Не отецъ ли мой, грубыя прежде и невѣжды—политичныя и вѣжливыя сдѣлалъ?... Не мой ли отецъ, видѣвъ юстицію, или правосудіе, по стогнамъ самаго царствующаго града Москвы, скитающея безъ покрова и защищенія, возгради во обитаніе тому многая судилищная коллегія: яко бергъ, комерцъ, духовное дикастиріонъ, сенатъ, и прочіи коллегіи свидѣтельствуютъ?.... и т. д. Характеръ же участія народнаго въ переворотъ, совершенномъ Елисаветою, проповѣдникъ еще разъ опредѣляетъ съ довольно наивною откровенностью: *«наше токмо нынѣ дѣло торжествовать, о чемъ мы и радуемся, что, хотя дремлюще, спяще и невѣдуще, како возрасла еси, дождами.»* Но съ тѣмъ большимъ ожесточеніемъ нападаетъ онъ на Остермана, Миниха и ихъ друзей. «До селѣ дремахомъ, а нынѣ увидѣхомъ, что Остерманъ и Минихъ съ своимъ сонмищемъ влѣзли въ Россію, яко эмиссаріи дьявольскіе, имъ же, попустившу Богу, богатства, слава и честь желанная приключишася, сія бо имъ обѣтова сатана, да подъ видомъ министерства и вѣрнаго услуженія государству Россійскому, еже первѣйшее и дражайшее всего въ Россіи правовѣріе и благочестіе не точію превратятъ, но и искореня истребятъ..... Что же Остерманъ и Минихъ съ своими снудники таковыи эмиссаріи были, довѣбютъ сія доводы. Первый: яко законной наслѣдницы, правовѣрной благочестія хранительницы Елисаветы, престола отеческаго злодѣйскими тестаментомъ укрывательствы наслѣдовать не допустили. Кто же не вѣсть, что таковой наслѣдницы до отеческаго престола не допускать есть право—вѣріе и благочестіе, отъ апостоловъ первоизваннаго Андрея всѣянное, равноапостоломъ Владиміромъ разсѣянное, православными предками Петра и Екатерины, Петромъ и Екатериною по лицу всея Россіи расположенное, искоренять и въ конецъ истреблять?» «Вторый доводъ: Миниховы въ многобѣдствовавшей отъ него Украинѣ зловѣрія его замышленныя и едва ли не возстановленныя кирхи, да и сего царствующаго града въ зовомомъ Китаи на прельщеніе душъ неповинныхъ христіанскій рогъ, крестъ христовъ, вознесшая армян-

ская церковь, не ихъ ли дѣло являеть?» ¹⁾ Проповѣдникъ призываетъ Іоанна Златоустаго, гремѣвшаго нѣкогда противъ аріанъ и Армянъ, заградить Остерману и Миниху челюсти, пролившія коварнымъ образомъ многую кровь Россіянъ, внушить государынѣ о безчестіи, какое наносить, по его мнѣнію, Москвѣ существованіе въ ней армянской церкви. «Думали Армяне и ласкатели многи, продолжаетъ онъ отъ себя: кои слѣпымъ умомъ Остермана и Миниха обманнымъ рассказамъ удивлятися часто за свое въ вѣрѣ поврежденіе и непостоянство принуждены бывали, — будто бы, какъ въ первенствующей церквѣ, два свѣтила и два новые апостолы возсіяли: одинъ бы отъ нихъ, яко Павелъ, будто насаждалъ, а другой, яко Аполлосъ, напаявалъ; но осуетишася: видимъ бо, что сѣмя, еже Остерманъ насаждалъ, Минихъ напоялъ, Богъ того не токмо не возрастилъ, но и ихъ искореняеть». Мнози, думать надобно, о Остерманѣ и Минихѣ глаголаху: бози, уподобльшеся челоувѣкомъ, снидоша къ намъ, и нарицаху Остермана Діа, Миниха же Ермія; и во правду можно нареци идолами: Остермана Діа, Миниха Ермія, яко же бо Діи и Ерміи въ языцѣхъ, тако Остерманъ и Минихъ были въ Россіи кумиры златыя, имже сосовѣтніи не устыдѣшася, яко болванамъ, и жрети, своя совѣсти воли ихъ закалающе въ жертву; но уже сокрушишася о камень Петровъ..... Гдѣ домъ, жертвенники, образы и Маеанъ жрецъ Вааловъ? истребимъ я!... Домъ Вааловъ? Совѣта нераскаяннаго на сѣмя петрово соборище; жертвенники, образы и жрецы Вааловы Остерманъ, Минихъ и снужники тѣхъ, ихъ же и кромѣ насъ, яко скудельніи идолы, самъ сокрушитъ Господь ²⁾». Въ это самое время надъ Остерманомъ, Минихомъ, Головкинымъ, Левенвольдомъ, Менгденомъ, Темирязовымъ, Яковлевымъ, Стрѣшневимъ, Хрущовымъ и другими торопливо производила судъ особенная комиссія. Вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожались нѣкоторые изъ указовъ, состоявшихся въ предшествовавшее правленіе; отнимались чины, данные тогда; участники ноябрьскаго переворота награждались щедрою рукою. А въ послѣдній день 1741 года объявлена была закрытою страшная доимочная комиссія; въ канцеляріи же конфискацій прибавленъ еще одинъ комиссаръ: тамъ принимали имущество, отписанное у взятыхъ подъ стражу приверженцевъ прошедшаго

¹⁾ При Аннѣ Іоанновнѣ религіозная терпимость распространена была не только на христіанскія исповѣданія, но и на магометанъ, которыхъ запрещено было силою обращать въ православіе: ибо «*Богу то угодно бытъ не можетъ*».

²⁾ Слово 1741 г. дек. 18. Кромѣ то у насъ были подъ руками еще два слова Кирилла Флоринскаго: 1742 г. апр. 11 и іюля 15. Срв. Сопикова №№ 10463, 1174, 1175. Библ. Общ. истор. отд. II № 148.

правления; велѣно было также вынуть изъ обращенія монету съ изображеніями Іоанна Антоновича ¹⁾).

На другой день, перваго января 1742 года, съ кафедры проповѣдника придворной церкви снова слышались неумѣренные панегирики Елисаветѣ, 25-му ноября и рѣзкая оцѣнка прежнихъ царствованій. Ораторомъ былъ *Стефанъ Каминовскій*, воспитанникъ кievской академіи, служившій потомъ въ ней префектомъ, даѣе префектомъ, ректоромъ и, стало быть, преподавателемъ богословія въ московской академіи, а оттуда переведенный въ Александрo-Невскую лавру архимандритомъ и вскорѣ затѣмъ получившій назначеніе быть епископомъ въ Псковѣ и членомъ въ синодѣ ²⁾. Замѣтивъ, что 25 ноября встрѣчено было «съ неописаннымъ всего города веселіемъ, съ непрестающими всенародными восклицаніями, съ друголюбіиѣйшими всѣхъ чиновъ взаимными поздравленіями,» проповѣдникъ перешелъ къ похваламъ Петру и Елисаветѣ, называя послѣднюю, подобно Юшкевичу и Флоринскому, русской Іюдиною, Есенрю и Пульхеріей. Изъ подробностей того образа жизни, какой вела Елисавета Петровна при Аннѣ Іоановнѣ и Аннѣ Леопольдовнѣ, Стефанъ приводитъ только слѣдующія: «еще тогда, какъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти родители ея отъ временнаго сего на вѣчное царство переселилися, многовидныя, несказанныя, нестерпимыя отъ недобросовѣстныхъ подданныхъ своихъ пакости мужественно претерпѣла; еще тогда отъ всезлыхыхъ людей въ монастырь побуждаема была: что ѣсть, что пѣть, что дѣлаетъ, куда ѣздить, съ кѣмъ бесѣдуетъ, приставленными неусыпными шпионами назираема, не унывала, не измогала, не малодушествовала» ³⁾. Любопытно видѣть, что краснорѣчіе проповѣдниковъ достигало своей цѣли. Такъ негодованіе Кирилла Флеринскаго противъ армянскихъ церквей, построенныхъ въ Москвѣ, высказанное съ страстнымъ желаніемъ выпросить у Елисаветы приказъ объ уничтоженіи ихъ, вызвало со стороны синода доношеніе о томъ, подтвержденное именнымъ указомъ

¹⁾ П. С. З., Т. XI. № № 8482, 8483, 8490 — 8494.

²⁾ Ист. Рос. Іер. I, 128, 556, 607; II. 264; VI, 877. *Евгенія* Словарь пис. дух. II. 262. *Смирнова*, Ист. Моск. Акад. 198. *Аскоченскаю*, Кіевъ и пр. II. 53.

³⁾ Слово на новый годъ, генваря 1 дня 1742 г. Кромѣ того Ст. Каминовскій говорилъ еще слова: 1742 янв. 17, февр. 13, ноябр. 25; 1743, іюля 3, сент. 14; 1744 г. апр. 25; 1747 сент. 5; 1749 сент. 5. Срв. Соликова № № 1154-1164, гдѣ нѣкоторыя слова показаны дважды и № № 10464, 10475, 11481; кромѣ того подъ № 1172 слово 1746 г. апр. 25 отнесено къ 1744 году. Библ. общ. ист. № 148. 13. 14. 19. 20. 25. Кастерина № 836.

слѣдующаго содержанія: «церкви армянскія, кромѣ одной каменной въ Астрахани, всѣ какъ здѣсь (т. е. въ Петербургѣ) и въ Москвѣ и въ Астрахани недавно построенныя, упразднить, и впредь позволенія о строеніи оныхъ не давать» ¹⁾.

Между тѣмъ дворъ сталъ готовиться къ отъѣзду въ Москву для коронованія государыни. 28 февраля былъ торжественный въѣздъ ея въ древнюю столицу. Надписи къ триумфальнымъ воротамъ, чрезъ которыя она проѣзжала, были составлены Амвросіемъ Юшкевичемъ и академикомъ Штелинымъ ²⁾ — Въ проповѣди, которую сказалъ въ тотъ день Амвросій въ Успенскомъ соборѣ, между прочими заслугами Елисаветы выставлено было повелѣніе «книгу Камень Вѣры, во тмѣ невѣденія заключенную, на свѣтъ произвестъ и освободить,» которая также необходима была для духовнаго чина, «какъ напримѣръ всякому искусному мастеру инструменты, воину оружіе, плавающему корабленнику на морѣ кормило,» а до тѣхъ поръ «нетокмо учителей, но и ученія и книги ихъ вязыли, ковали и въ темницы затворяли... готовыя во тмѣ заключили, а другія сочинять подъ смертною казнію запретили ³⁾. А 25 марта, воспитанникъ Московской академіи, архимандритъ Свіяжскаго монастыря, первый членъ комиссіи объ обращеніи въ христіанство магометанскихъ и языческихъ народовъ въ нижегородской и казанской губерніяхъ, *Димитрій Сѣченовъ*, говорилъ въ присутствіи Елисаветы проповѣдь на текстъ: *благостьствуи, земле, радость велию*. Никто, ни прежде, ни послѣ, не выражался такъ рѣшительно, какъ Сѣченовъ. Сказавъ нѣсколько словъ о духовномъ торжествѣ того дня, онъ распространился о торжествѣ политическомъ. «Было неблагополучное время, говорилъ онъ, но прошла тая нечестія лютая зима, возсіяло ведро благочестія». Настало время спокойныхъ размышленій, когда можно безъ опасности произнести свой приговоръ общественнымъ дѣламъ, обнаружить свои чувства. Теперь приличнѣе всего, по мнѣнію проповѣдника, обратиться воспоминаемъ ко временамъ Петра Великаго, имѣвшаго не малое попеченіе о томъ, какъ-бы въ духовныхъ сребролюбный нравъ истребить, расколы изпразднить, суевѣрія отгнать, волшебство вывестъ; «того ради самъ духовное собраніе посѣщати не лѣняся, ко исправленію благочестія духовныхъ пастырей поощрять; но сія паче удивительна

¹⁾ П. С. З. т. XI. № 8500

²⁾ Рус. старина, т. IV. стр. 23.

³⁾ Обстоятельное описаніе торжественныхъ порядковъ благополучнаго вшествія въ царствующій градъ Москву и священ. коронованія И. Елисаветы. печ. при И. А. Н. въ Спб. 1744 г. стр. 16 — 17.

о благочестіи ревность, яко въ самой уже тяжкой болѣзни, въ самомъ послѣднемъ издыханіи, не иное что приказывалъ, не о иномъ чемъ вселюбезную свою супругу просилъ, токмо да сохранить благочестіе: Екатерина, соблюди православную вѣру.» Но со смертію Петра и Екатерины I наступили частыя и вредительныя перемѣны: и «видя то, противницы наши добрую дорогу, добрый ко утѣсненію насъ сыскали способъ, показывали себе, аки бы они вѣрныя государству слуги, аки бы они сберегатели здравія государей своихъ, аки бы они все къ пользѣ и исправленію Россіи промышляютъ: а какъ прибрали все отечество наше въ руки, коликій ядъ злобы на вѣрныхъ чадъ російскихъ отрыгнули; коликое гоненіе на церковь христову и на благочестивую вѣру возставши, ихъ была година и область темная: что хотѣли, то и дѣлали. А вопервыхъ тщались благочестіе отнять, безъ котораго бы мы были горшіи Турокъ, Жидовъ и Араповъ. А такъ то они удумали, какъ де благочестіе у нихъ отыметь, тогда де и сами къ намъ вѣру приложить, и сами въ слѣдъ нашъ пойдутъ, и такъ по всей Россіи предтечей антихристовыхъ разослали, вездѣ плевельныя ученія разсѣвали, толико повредили, что мнози малодушніи возлюбиша тьму паче свѣта, возлюбиша паче славу чловѣческую, нежели славу Божію, ищущіи въ нихъ милости. Отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ..... И что бѣдственнѣе: догматы христіанскіе, на которыхъ вѣчное спасеніе зависитъ, въ басни и ни во что поставляли; ходатайцу спасенія нашего неусыпную христіанскую помощницу, покровъ и прибѣжище, на помощь не призывали и заступленія ея не требовали; святыхъ угольниковъ божіихъ не почитали; иконамъ святымъ не кланялись; знаменіемъ креста святаго, егоже бѣси трепещутъ, гнушались; преданія апостольскія и святыхъ отецъ отвергали; добрая дѣла, имже вѣчная мзда снискуется, отметали, въ посты святыя мяса пожирали, а о умерщвленіи плоти и слышать не хотѣли; поминовенію усопшихъ смѣялись; сами суще чада и наслѣдницы геенны, гееннѣ быть не вѣрили..... И симъ лаяніемъ толико любителей міра сего въ безстрашіе и сластолюбіе привели, что мнози и въ епикурская мнѣнія впадали. Яждь, пій, веселися, по смерти никакого де утѣшенія нѣсть: и которые такъ бредили, таковыя-то у враговъ нашихъ и въ милости были, таковыя и въ чины производилися; а которые такихъ прелестниковъ не слушали, коликія имъ руганія, поношенія врази благочестія чинили, мужиками, грубіанами нарипали. Кто посты хранить, называли ханжа. Кто молитвою съ Богомъ бесѣдуетъ—пустосвятъ. Кто иконамъ кланяется—суетвѣръ. Кто азыкъ отъ сует-

словія воздерживаетъ,—глупъ, говорить не умѣть. Кто милостивно неоскудно подаетъ,—простъ, не умѣть, куды имѣнія своего употребить, не къ рукамъ досталось. Кто въ церковь часто ходитъ, въ томъ де пути не будетъ. А наипаче коликое гоненіе на самыхъ благочестія защитителей, на самыхъ священныхъ тайнъ служителей, чинъ духовный: архіереевъ, священниковъ, монаховъ мучили, казнили, разстригали; непрестанныя почты и водою, и сухимъ путемъ—куды? за чѣмъ?—монаховъ, священниковъ, людей благочестивыхъ въ дальные сибирскіе города, въ Охотскъ, въ Камчатку, Оренбургъ отвозятъ; и тѣмъ такъ устрашили, что уже и самые пастыри, самые проповѣдники слова Божія молчали и устъ не смѣли о благочестіи отверзти. И правда, духъ бодръ, а плоть немощна: не всякому—то благодать мученичества посылается.» Въ послѣднихъ словахъ проповѣдника какъ будто таятся сознаніе, что поздняя борьба не есть заслуга, что равнодушіе и боязнь во время опасности (если только непреувеличена эта опасность силою краснорѣчія) не могутъ возбудить въ слушателяхъ особенной симпатіи къ себѣ. Ораторъ, подобно своимъ предшественникамъ, поднялъ Елисавету на недосыгаемую высоту гражданскаго подвига, политическаго и религіознаго мужества. Она одна вступила въ борьбу съ общественнымъ бѣдствіемъ; что же осталось на долю тѣхъ, кто точно такъ же понималъ характеръ этихъ бѣдствій, какъ и самъ проповѣдникъ? Неизбѣжная мысль о собственной слабости. За то Сѣченовъ ищетъ оправданія ей въ нравахъ современнаго общества: «Узнали враги наши, что имъ не трудно священника, или монаха, или простаго человѣка, какъ мушку задавить, принялися они и за великихъ лицъ, а паче которыхъ вѣдали благочестія защитниковъ, многія (?) знатныя фамиліи до конца (?) истребили, многихъ честныхъ, вѣрныхъ слугъ въ тяжкихъ заточеніяхъ, темницахъ поморили, многимъ головы поотрубали, языки порѣзали.» Насилія развратили слабыхъ; «поносимъ праотца нашего, говоритъ проповѣдникъ, что за яблоко душу продалъ, а мы за чарку винца, за ласкательство, за честишку, за малую славицу, въ судъ за гостинецъ, въ торгу за копѣйку, въ постъ святой за курочку душу нашу промѣниваемъ. Поднеси чарку винца, поласкай, пошепчи въ ухо: я тебя не оставляю: возьми и душу готовъ и правду потерять, готовъ и вѣры отступить, готовъ и благочестіе отвергнуть.» Но люди сильные не были довольны только этимъ; они удумали свои хитрый совѣтъ на самую истинную наследницу русскаго престола..... «А теперъ, замѣчаетъ проповѣдникъ, и языкъ закусили,» въ Елисаветѣ слабые духомъ увидали, по его выраженію: «одушевленный инструментъ, чрезъ который изгнаніи

возвратилися, узники свободилися, ограбленные, уничтоженные пер-
вые имѣнія и чести воспріяли» ¹⁾).

25 Апрѣля, въ день коронаванія Елисаветы Петровны, въ мо-
литвѣ предъ началомъ литургіи, Амвросій Юшкевичъ, обращаясь
къ Богу отъ лица всего народа, читалъ: «Видимъ въ душѣ дѣвиче-
ской дивная дѣла Божія, видимъ непобѣдимое мужество, сердце
героическое, премудрость высокую, храбрость неустрашенную, лю-
бовь и милосердіе къ отечеству безприкладное. И кое жъ большее
можетъ быть великодушіе какъ сіе: забыть деликатнаго своего полу,
пойти въ малой компаніи на очевидное здравія своего опасеніе,
не жалѣть за цѣлость вѣры и отечества послѣдней капли крови,
быть вождемъ и кавалеромъ воинства, собирать вѣрное солдатство,
заводить шеренги, идти грудью противъ непріятеля и, сѣдящихъ въ
гнѣздѣ орла російскаго, ношныхъ совъ и нетопырей, мыслящихъ
злое государству, прочь выпужать, коварныхъ разорителей отечества
связать, побѣдить, и наслѣдіе Петра Великаго изъ рукъ чужихъ
вырвать, и сыновъ російскихъ изъ неволи высвободить, и до пер-
ваго привести благополучія, и праотческое онымъ возвратить бла-
гополучіе? Нѣсть ли убо сіе всему свѣту удивительно? Нѣсть ли
потомнымъ вѣкамъ памяти достойная исторія.» Преувеличивая за-
слуги Елисаветы, архіепископъ новгородскій признавалъ отъ лица
того же народа, что всѣ бывшія бѣды и скорби наведены были на
Россію за грѣхи всего населенія ²⁾. А между тѣмъ, въ тотъ же
самый день, какъ въ Москвѣ совершался обрядъ коронаванія, въ
петербургской придворной церкви говорилъ проповѣдь священникъ петро-
павловскаго собора *Петръ Гребневскій*; называя враговъ Елисаветы
гробами повапленными, яблоками содомстими, лисами прехитрыми,
ковчегами позлащенными, квасъ фарисейскій въ себѣ содержащими;
о самой Елисаветѣ проповѣдникъ выражается въ такихъ словахъ:
«она едина аки солнце, которое темными облаками окружаемо бы-
ваетъ, но не помрачается. Она едина, аки корабль, который вол-
нами обуреваемъ бываетъ, но не погружается; но паче отъ всѣхъ
возносится. Она едина, аки кедръ ливанскій, который вѣтромъ не
крушится, но паче крѣпчайшій отъ того бываетъ. Она едина, аки
древо финиково, которое отъ тяжести не ломится, но паче про-

¹⁾ Слово въ день Благовѣщенія... 1742 г. марта 25. У насъ было подъ ру-
ками еще слово 1742 г. іюля 8. Срв. Сопикова № № 1181, 1182, 10466
Библ. Кастерина № 820, Описаніе рукоп. Толстаго IV, 41. Ист. Р. Іер. I,
83, 134, 168, 580, VI, 880; Словарь Евгения I, 138.

²⁾ Обстоятельное описаніе и проч., стр. 60, 64, 65.

цвѣтаеть. Она едина, аки адамантъ претвердый, ни чѣмъ сокрушится могущей ¹⁾.»

Если, на другой день коронаціи, архіепископъ новгородскій, принося поздравленіе Елисаветѣ отъ лица духовенства, просилъ ее принять виноградъ мысленный, т. е. церковь, въ дѣйствительное защищеніе, покровъ и оборону отъ многихъ разорителей; ²⁾ то въ отвѣтъ на его рѣчь послѣдовали указы: объ обращеніи въ православіе калмыковъ, татаръ, мордвы, чувашъ и черемисъ, находившихся въ полкахъ; объ освобожденіи отъ постоя дворовъ тѣхъ священно-служителей, которые находились на службѣ при церквахъ; о соблюденіи приличія во время церковнаго служенія; о томъ, чтобъ судебныя мѣста не брали подъ арестъ духовныхъ лицъ ни по какимъ дѣламъ, кромѣ важныхъ государственныхъ преступленій, безъ сношенія съ архіереями; объ учрежденіи школъ къ казанской губерніи для новокрещенныхъ иновѣрческихъ дѣтей; объ облегченіи участи духовныхъ лицъ, неправильно сказавшихъ за собою слово и дѣло государевы, и т. под. ³⁾.

Такимъ образомъ обычай проповѣди, объясняющей современность, развившійся при Петрѣ, но забытый при его преемникахъ, возникъ съ новою силой съ первыхъ же дней царствованія Елисаветы Петровны. Скоро онъ сдѣлался какъ бы официальною принадлежностью придворной жизни, и каждое воскресенье, каждый праздникъ слышалось во дворцѣ слово какого-нибудь новаго оратора. Такъ намъ извѣстны еще 36 словъ, произнесенныхъ въ присутствіи Елисаветы Петровны въ томъ же 1742 году, и кромѣ того нѣсколько указаній на проповѣди, которыхъ не было у насъ подъ руками ⁴⁾. Мая 16-го говорилъ слово архимандритъ и ректоръ киевобратскаго училищнаго монастыря, *Сильвестръ Кулябка*, родственникъ гетмана Данила Апостола, достигшій въ царствованіе Елисаветы сана петербургскаго архіепископа и извѣстный своимъ ловкимъ комплиментомъ красотѣ императрицы. Когда послѣдняя выразила однажды свое сожалѣніе, что ни одинъ живописецъ не можетъ написать вѣрнаго изображенія ея, и въ доказательство того показала Сильвестру нѣсколько своихъ портретовъ, онъ сказалъ ей:

¹⁾ Слово печатано въ Спб. при И. А. Н., мая 12 дня 1742 года. Стр. 1—15. Срв. Смирдина опись, № 512.

²⁾ Обстоят. описаніе и проч., стр. 99, 100.

³⁾ П. С. З., т. XI, № № 8540, 8546, 8548, 8559, 8566, 8577, 8579, 8583, и др.

⁴⁾ См. Испр. каталогъ библ. П. Гр. Демидова въ Чтеніяхъ Общ. ист. годъ 2.

«Предметъ огорченія вашего величества составляетъ предметъ радости нашей.» Почему? спросила удивленная императрица. «Красота вашего величества неописанная,» отвѣчалъ Кулябка ¹⁾. Впрочемъ всѣ проповѣди его, за весьма немногими исключеніями, почти не касаются современности ²⁾. Мая 21 говорено было слово учителемъ грамматики въ московской академіи, іеродіакономъ *Арсеніемъ Мошлянскимъ*, который былъ потомъ архимандритомъ троицкой лавры, архіепископомъ переяславскимъ и дмитровскимъ, жилъ нѣкоторое время въ новгородъ-сѣверскомъ монастырѣ и потомъ назначенъ въ Кіевъ митрополитомъ ³⁾. Два дня спустя, говорилъ проповѣдь савинскій архимандритъ *Иларіонъ Григоровичъ*, въ послѣдствіи архимандритъ воскресенскаго монастыря, занимавшійся вмѣстѣ съ другими лицами исправленіемъ библейскаго текста на славянскомъ языкѣ, а по окончаніи этого труда назначенный въ епископы на Крутицахъ и членомъ въ синодъ ⁴⁾. Вслѣдъ за нимъ 27 мая, въ день Вознесенія, говорилъ слово въ соборной церкви Коломенскаго дворца экзаминаторъ крутицкой епархіи іеромонахъ *Иосафъ Хотуницевскій*, котораго въ томъ же году послали въ Камчатку во главѣ цѣлой миссіи изъ духовныхъ лицъ, для обращенія въ христіанство инородцевъ, населявшихъ восточный край Сибири ⁵⁾. Проповѣдь, сказанная 30 мая, въ день рожденія Петра

¹⁾ Словарь Бантышъ-Каменскаго V, стр. 42; срв. И. Р. I. ч. I, стр. 95, 204, 492, 505, II, 264; VI, 880. Словарь Евгенія II, 206. Аскоченскаго, Кіевъ II, 63. Записки Нащокина, 78 сл., 269.

²⁾ 1744 г. сент. 5; 1745 г. ноября 25; 1749 г. апр. 25; 1750 г. авг. 30, сент. 5, ноября 25, дек. 8, 15; 1751 г. янв. 1, февр. 8, 20; срв. Сопикова № № 1196—1204. Слово Сильвестра 25 апр. 1749 г. приписано у Сопикова подъ № 1159 Стефану, епископу псковскому и нарвскому, бывшему потомъ архіепископомъ новгородскимъ. Срв. Описаніе библ. общ. истор. № № 148, 24.

³⁾ И. Р. Iер. I, 64, 230, 231; II, 182; VI, 879. Словарь Евгенія I, 341; Аскоченскаго II, 68; Смирнова И. М. Ак. 220, П. С. Р. 3. № 8960; Описаніе Троицкой Лавры, стр. 125, 126. Слова его: 1742 г. іюня 7, декабря 8; 1743 г. февр. 6, марта 13, августа 15, ноября 6; рѣчь въ 1744 г. при встрѣчѣ Елисаветы у воротъ Троицкой Лавры. Срв. Сопикова № № 9989, 10468, 1144, 1147, 10477, 13167; Опись Смирдина № 528.

⁴⁾ И. Рос. Iер. I, 239, 641; II, 353, VI, 879, 893; Аскоченскаго II, 50. Слова его: 1742 г. мая 23; 1747 г. января 4; 1748 сент. 5. Срв. Сопикова № № 1188, 1189 (подъ № 1220 это слово приписано архимандриту Снасо-Преображенскаго монастыря Веніамину Григоровичу; см. Каталогъ библ. Кастерина, № 856.) 10480 и Библ. общ. ист. № 148, 23.

⁵⁾ И. Рос. Iер. I, 86, 557; VI, 812; Смирнова, Ист. М. Ак., 201, 233; Сопикова № 1205; Библ. ист. общ. № 148, 3; Библ. Демидова № 580. Исторія Рус. церкви, періодъ синодальный, стр. 39, 40.

Беликаго, принадлежала архимандриту николаевского бѣлградскаго монастыря, *Аванасію Тапольскому*, бывшему прежде префектомъ и ректоромъ харьковскаго Коллегіума ¹⁾. Воспоминанія дня дали поводъ проповѣднику сказать нѣсколько словъ о заслугахъ Петра, о перемѣнѣ, наступившей съ воцареніемъ Елисаветы, которая удалила отъ престола «чуждыхъ долицъ, которые самую Россію съ кровію выпѣдили.» Между другими проповѣдниками того же года встрѣчаемъ: архимандрита бѣлгородскаго же монастыря *Платона Малиновскаго*, въ послѣдствіи архіепископа московскаго и сѣвскаго ²⁾; *Маркелла Радышевскаго*, епископа корельскаго и ладожскаго, викарія Амвросію Юшкевичу, умершаго въ ноябрѣ того же года ³⁾; іеромонаха и учителя философіи *Іоанна Козловича*, бывшаго потомъ архимандритомъ донскаго и законоспаскаго монастырей, епископомъ южнаго Переяслава ⁴⁾; митрополита ростовскаго и ярославскаго *Арсенія Маулевича*, только что переведеннаго тогда съ сибирской митрополіи, пострадавшаго при Екатеринѣ II за свой протестъ противъ отобранія недвижимыхъ имуществъ у монастырей ⁵⁾; придворнаго проповѣдника, дьякона *Стефана Савицкаго*, о которомъ упоминаетъ Сумароковъ въ своей статьѣ о духовномъ краснорѣчьи ⁶⁾; священника при церкви Успенія Богородицы, что въ Кожевникахъ, *Евстафія Мошлянскаго*, бывшаго послѣ архиман-

¹⁾ И. Рос. Іер. I, 641, 642; Аскоченскаго Кіевъ и проч. стр. 144; Сопикова № № 1192, 1193 (слово 30 авг. 1742 г.)

²⁾ И. Р. I. I, 91, 239, 504, 555, 641; VI, 876, 879, 893. Смирнова И. М. Ак., 208; Аскоченскаго, стр. 65-66. Слова его были произнесены: 1742 г. іюня 20, 1744 г. сент. 5; 1745 декабря 18, 1746 сент. 5, срв. Сопикова № № 1165 (ошибочно показано 20 іюля вм. іюня), 1164, 1166; — третье слово пропущено у Сопикова.

³⁾ И. Р. I. I, 86, 616; VI, 810, 811; Аскоченскаго I. 312; Сопикова № № 1213, слово 22 іюня 1742 года. Діаріушъ Ханенко, въ Чтеніяхъ общ. ист. 1858 г., кн. I, отд. V, стр. 18.

⁴⁾ И. Р. Іер. I, 211, 557; II, 369, 379; VI, 893. Аскоченскаго II, 118, Смирнова И. М. Ак. 121, 200. Слова его: 1742 г. іюня 27, 1749 г. янв. 1. Срв. Сопикова № № 1186, 1187; Библ. общ. ист. № 148, 26.

⁵⁾ И. Р. I. I, 111, 123; VI, 878; Евгенія Словарь I, стр. 56. Филарета Ист. Р. Ц. періодъ синодальный, стр. 16. Слово его было семь: 1742 г. іюня 29, сент. 5, окт. 16; 1744 г. іюня 29; ноября 25; 1749 г. августа 1, декабря 1, срв. Сопикова № № 1137—1142 (пропущено второе слово, вмѣсто котораго помянуто третье съ ошибочнымъ указаніемъ мѣста проповѣди: въ церкви кн. Куракина вм. кн. А. Б. Шереметева). Кастерина № № 822, 835, 838; Библ. общ. ист. № 148, 9, 16, 26.

⁶⁾ Сочиненія Сумарокова, изд. 2, ч. VI, стр. 281. У насъ было подъ руками одно только слово его, 4 іюля 1742 г.

дрита въ нѣжинскомъ, благовѣщенскомъ, кievскомъ и никольскомъ монастыряхъ, подъ именемъ Епифанія ¹⁾); священника *Іоанна Камаровскаго*, воспитанника кievской академіи ²⁾); священника лейбгвардіи коннаго полка *Михаила Красильникова* ³⁾); намѣстника троицкаго сергіевскаго монастыря іеромонаха *Антонія Нарожницкаго*, говорившаго проповѣдь 4 августа во время пребыванія Елисаветы въ лаврѣ, и посвященнаго мѣсяць спустя въ санъ митрополита Сибири ⁴⁾); архимандрита владимірскаго Рождественскаго монастыря *Платона Петрункевича*, бывшаго потомъ епископомъ владимірскимъ ⁵⁾); священниковъ Успенскаго собора *Стефана Левицкаго* и *Іоанна Змилевскаго*, Архангельскаго собора *Антипа Мартеніанова* ⁶⁾); іеромонаха *Порфирія Крайскаго*, 17 лѣтъ служившаго при московской академіи учителемъ, бывшаго наставникомъ Ломоносова по классу реторики, въ послѣдствіи епископомъ въ Суздаль, Коломя, Бѣлградъ ⁷⁾); учителя московской академіи, іеромонаха *Гедеопа Антонскаго*, бывшаго потомъ архимандритомъ харьковскаго Покровскаго монастыря и ректоромъ тамошняго коллегіума ⁸⁾), архимандрита тверскаго отроча монастыря и ректора тверской семинаріи, *Іоанникія Скабовскаго* ⁹⁾); игумена лубенскаго

¹⁾ Краткая исторія построенія Нѣжинскаго Благов. мон., называемаго Богородичнымъ Назаретомъ, стр. 73. Евгенія Словарь I, 164. Аскоченскаго II, 128. Слова его были: 1742 іюля 11, ноября 24; 1743 г. іюля 17; 1744 г. февр. 26, авг. 19, срв. Сопкиова № № 1176—1179 (пропущено третье слово); Кастерина № 840.

²⁾ Аскоченскаго II, 118; слово 18 іюля 1742 г.; Сопкиова № 1215.

³⁾ Слово 25 іюля 1742 года; Сопкиова № 1216.

⁴⁾ Ист. Рос. Іер. I, 112. Слово 4 августа 1742 г., Сопкиова № 1208; Кастерина № 817; Библ. общ. ист. № 148, 5.

⁵⁾ Ист. Рос. Іер. I, 182; II, 534; VI, 878; Аскоченскаго II, 71. Слова его: 1742 г. авг. 6, сент. 19; 1743 іюня 27, 1746 г. генв. 1, ноября 30; срв. Сопкиова № № 1169—1173, 10472; Библ. общ. ист. № 148, 6, 8, 19. У Сопкиова слово 30 ноября 1746 года неправильно отнесено къ 1744 году.

⁶⁾ Слова перваго: 1742 авг. 8, октября 24; втораго: августа 22; третьяго: авг. 16. У Сопкиова № № 1210, 1211, 1194; Библ. общ. ист. № 148, 7.

⁷⁾ Ист. Рос. Іер. I, 172, 182, 248, 556, 557; II, 379; VI, 881, 892, 893; Смирнова, Ист. М. Ак. стр. 92, 122, 123, 199; слова его: 1742 апр. 16 и авг. 26; срв. Сопкиова № № 1183—1185.

⁸⁾ И. Р. I, I, 642; Смирнова И. М. Ак. 126, 219; слова его 1742 окт. 31, 1744 года мая 21; срв. Сопкиова № № 1190, 1191; Библ. общ. ист. № 148, 10, 15.

⁹⁾ Слово 1742 г. ноября 14; срв. Сопкиова № 1217.

Мгарскаго монастыря *Юасафа Горленка* ¹⁾ и діакона петропавловскаго собора *Алексѣя Флорова* ²⁾. Къ этимъ именамъ надо прибавить еще проповѣдниковъ, слѣдовавшихъ за 1742 годомъ: архимандрита Чудова монастыря *Варлама* ³⁾, учителя Петра III, іеромонаха *Симона Тодорскаго*, бывшаго потомъ архимандритомъ ипатьевского монастыря, епископомъ костромскимъ, псковскимъ и нарвскимъ ⁴⁾; іеромонаха троицкой лавры *Панкратія Чернысскаго*, архимандрита ея *Тимофея Щербатскаго*, учителя *Кирилла Ляшевецкаго*, впоследствии епископа воронежскаго и елецкаго, и префекта лаврской же семинаріи, іеромонаха *Аванасія Болховскаго*, бывшаго потомъ епископомъ въ Твери, Ростовѣ и Ярославлѣ ⁵⁾; іеромонаха, проповѣдника въ московской академіи, впоследствии архимандрита нижегородскаго благовѣщенскаго монастыря, *Лавренція Ясинскаго* ⁶⁾; учителя семинаріи троицкой лавры іеродіакона *Иннокентія Паскевича* ⁷⁾; архимандрита Спасскаго въ Казани монастыря *Веніамина Григоровича*, бывшаго потомъ епископомъ въ Твери, Псковѣ, Петербургѣ, Казани, гдѣ едва не пострадалъ по ложному доносу одного изъ

¹⁾ Ист. Р. Іер. I, 172, Аскоченскаго II, 47; слово 1742 ноября 28; Сопикова № 10470; Библ. общ. ист. № 148, 11; первое прибавленіе къ описи Смирдина № 9946.

²⁾ Слово 1742 г. декабря 18, И. Іер. I, 606, Сопикова № 10473; Библ. общ. ист. № 666, 3.

³⁾ 1743 года января 1; Библ. общ. отд. II, № 148, 12.

⁴⁾ Ист. Рос. Іер. I, 128, 204; II, 653; VI, 879. Словарь Евгенія II, 220; Аскоченскаго стр. 142; слова: 1743 г. февр. 10; 1745 г. августа 21; 1746 декабря 18 Сопикова № № 13166, 10477 и 12840. (Одно и то же слово, заглавіе котораго должно быть приведено такъ: Божіе особенное благоволеніе, имже всегда благословилъ Богъ и нынѣ благословляетъ всепресвѣтлѣйшій домъ Петра Великаго. Слово на день бракосочетанія В. Кн. Петра Фодоровича съ В. Кн. Елагериною Алексѣевою, произнесенное вървѣйшимъ ихъ рабомъ и всеусерднѣмъ богомольцемъ Симономъ, епископомъ псковскимъ и нарвскимъ, М. 1742, т. 4) срв. № 148 Слово 1746 года не упомянуто.

⁵⁾ Слово перваго: 1744 г. іюня 5; Сопикова № 10474; рѣчь втораго въ томъ же году. Библ. общ. ист. № 166, в. Слова третьяго 1744 дек. 9, 1749 сент. 25; И. Р. Іер. I, 199, 155; II, 302; Аскоченскаго II, 72; словарь Евгенія I, 336, Сумарокова VI, 281. 282; Сопикова № 1206; Кастерина № 859. Слова четвертаго, называемаго также и Бальховскимъ. 1745 сент. 25, ноября 22, 1749 іюня 29; И. Р. I I, 123, 140, 348, 628, 89; II, 182; VI, 880; Аскоченскаго II, 116, Кастерина № № 843, 848; Сопикова № 1209, 1219.

⁶⁾ Слово 1745 г. дек. 22. Библ. моск. общ., отд. I, № 219, Ист. моск. акад. Смирнова, стр. 213.

⁷⁾ Слова 1742 г. сентяб. 25, 1749 г. дек. 8; Библ. общ. ист. № 148, 21, 27.

участниковъ пугачевского бунта, въ 1774 году ¹⁾); проповѣдника московской академіи, іеромонаха *Іосифа Золотога*, котораго и послѣ назначенія игумною серпуховскаго владычня монастыря, обязали «надлежащія по проповѣдническому званію слова Божія проповѣди сказывать всегда безъ всякихъ отговорокъ», и только 16 декабря 1761 года сдѣлали вологодскимъ епископомъ ²⁾); *Сильвестра Добрыню*, игумна святодухова монастыря въ Вильнѣ ³⁾); архимандрита тверскаго желтикова монастыря *Макарія Петровича* ⁴⁾), и наконецъ *Гедеопа Криновскаго*, псковскаго епископа ⁵⁾). Такимъ образомъ, сверхъ 48 словъ 1741 и 1742 годовъ, намъ удалось просмотрѣть еще 14 словъ, относящихся къ 1743 году, 15 словъ и рѣчей 1744 года ⁶⁾), 8 словъ 1745 года, 6 словъ 1749 г., 4 слова 1747 г., только одно 1748 г., 10 словъ 1749 г., 6 словъ 1750 г., 4 слова 1751 года, по одному на 1752 и 1753 и 1754 года. Проповѣдей, говоренныхъ въ послѣдніе годы царствованія Елисаветы Петровны, мы не имѣли подъ руками и не нашли въ русской библиографіи никакихъ указаній на нихъ. Впрочемъ уже изъ предложеннаго, хотя и не полного перечисленія ихъ, можно видѣть, что обычай, такъ сильно пробудившійся въ первое время послѣ правительственной перемѣны 25 ноября 1741 года, потомъ сталъ мало-по-малу ослабѣвать: число произ-

¹⁾ Ист. Рос. Іер. I, 95, 102, 128, 140, 168, 577, 584; II, 264; VI 880. Аскоченскаго I, 312; Бантыша—Каменскаго словарь т. I, стр. 263, 267; слово 25 мая 1754 года срв. Сопикова № 1220 и Кастерина № 856, Нащокина записки, стр. 140.

²⁾ Ист. Рос. Іер. I, 187. Слово 1749 февр. 26. У Сопикова проповѣдникъ названъ Іоасафомъ см. № 1507. Срв. Ист. м. ак. Смирнова. стр. 123.

³⁾ Слово 1751 г. апр. 5 дня въ великій пятокъ о неблагодарствіи возлюбленнаго Божіаго рода іудейскаго, проповѣданное.... въ Спг. въ придворной Ея Величества большой Срвтенія господня, въ зимнемъ дворцѣ, церкви, игуменомъ и благочестиваго отъ Святаго Духа польской области вел. княж. Литовскаго столянаго города Вильны монастыря старшимъ Сильвестромъ Добрынею. Печ. въ М. тип. 1751 авг. 28 дня; стр. 8. На текстъ: воздаша ми лукавая възблагая. Срв. Сопикова № 1212.

⁴⁾ Ист. мос. акад. 126, 210-211; Аскоченскаго II, 204; Евгенія словарь II, 23.

⁵⁾ Евгенія словарь I, 85; Ист. м. ак. 126, первое изданіе словъ Гедеопа Криновскаго въ двухъ томахъ вышло въ 1755-59 г., второе также въ двухъ томахъ въ 1760.

⁶⁾ Въ каталогъ Кастерина подъ № 844, упоминается еще: слово похвальное св. Николаю, печат. въ М. 1745 года т. 4. Въ царствованіе Елисаветы Петровны были издаваемы также и переводы проповѣдей съ греческаго языка, въ предисловіяхъ къ нимъ высказывались мысли, подобныя приведеннымъ выше см. прибавленіе къ сей статьѣ.

несенныхъ въ придворной церкви проповѣдей уменьшалось съ каждымъ годомъ. Въ началѣ каждая проповѣдь печаталась тотчасъ же послѣ произнесенія ея, но потомъ типографскіе станки стали медленнѣе дѣйствовать, передавая печати церковныя слова, наконецъ и вовсе прекратилось изданіе ихъ въ свѣтъ ¹⁾. Посчастливилось только Гедeonу Криновскому.

Разумѣется, не всѣ изъ перечисленныхъ нами проповѣдей имѣютъ прямое, непосредственное отношеніе къ современной эпохѣ; и потому мы скажемъ здѣсь лишь о тѣхъ, въ которыхъ можно встрѣтить что-нибудь для характеристики русскаго общества въ царствованіе Елисаветы Петровны.

Почти всѣ проповѣдники сходились въ своихъ требованіяхъ мести людямъ, въ рукахъ которыхъ находилось управленіе государствомъ до 25 ноября 1740 года, всѣ предлагали наказать измѣнившихъ прародительскимъ, стариннымъ правамъ и преданіямъ. Такъ Маркелъ Радышевскій обращался къ Елисаветѣ съ совѣтами такого рода: «утоли языки скверные ихъ, гробы ихъ гортани затвори, уста съ языкомъ хульнымъ заключи; а и снять ихъ отъ мѣстъ нехудо», просилъ казни жесточайшей и непослабной иновѣрцамъ, распространяющимъ свое ученіе ²⁾. Гедeonъ Антонскій, Кириллъ Флоринскій, Арсеній Мацѣевичъ, Кириллъ Ляшевецкій и другіе гремѣли въ своихъ проповѣдяхъ противъ «скотоподобныхъ, безбожныхъ атеистовъ, еретиковъ, отступниковъ, раскольниковъ, армянъ», противъ «нрава и ума епикурейскаго и фреймассонскаго» ³⁾. Иннокентій Паскевичъ прямо выразилъ мысль, что «нейтралитета Христось

¹⁾ Всѣ проповѣди печатались или въ Москвѣ въ синодальной типографіи славянскими буквами, или въ Петербургѣ въ типографіи Академіи наукъ, въ Москвѣ въ синодальной, буквами русскими. Послѣ подробнаго заглавія, въ которомъ обыкновенно обозначалось время и мѣсто произнесенія слова, имя автора и лицъ императорской фамиліи, присутствовавшихъ при его произнесеніи, слѣдовало почти всегда указаніе на время напечатанія слова. Такъ напр. слово Аванасія Топольскаго, 1742 года мая 30, было напечатано іюля 2; слово Антонія Нарожницкаго, 1742 г. ав. 4, напечатано 31 авг; слово Иннокентія Паскевича, 1749 г. дек. 8, печатано 1750 г. мая 17 дня; слова Дмитрія Сѣченова большею частію издавались по нѣскольку разъ: слово 1742 марта 25, первымъ изданіемъ вышло 10 мая 1742 г. а вторымъ 22 января 1743 г.; слово 1742 г. іюля 8 первымъ изданіемъ напечатано 12 авг. 1742 г., а третьимъ въ 1747 году. Слова печатаны славянскими буквами, номерованы только на лицевой сторонѣ листовъ, остальные и на оборотахъ листовъ.

²⁾ Слово 22 іюня 1742 года.

³⁾ Слова 18 дек. 1741 г., 31 окт., 21 мая 1744, 5 и 25 сентяб. 1749 г. Авторъ предпоследняго слова старается между прочимъ опровергнуть любимую раскольниками поговорку: «кто раскольникъ, тотъ и богатъ.»

нашъ не любить» ¹⁾. Гедеонъ Антонскій говорилъ: «едва четвертая часть земли, Европа, наипаче плодъ вѣры во Христа принесетъ; обаче и въ сей части едва четверта часть же плодъ истинной вѣры приносить сѣя; яже православной грековосточной вѣры придержится; но увы! еще и въ сей едвали не четвертая часть плоды спасительныя творить.» ²⁾ Кромѣ того придворная проповѣдь отзывалась благодарностию на указы, запрещающіе народные разговоры въ церквахъ во время службы. Такъ Евстафій Могилянскій говорилъ, что «церкви отъ торжниковъ, не голуби, но словесные разговоры продающихъ и покупающихъ указами монаршими очищаются» ³⁾; Стефанъ Савицкій и Дмитрій Сѣченовъ благодарили императрицу за всегдашнее желаніе слышать проповѣдниковъ; ибо примѣръ ея дѣйствуетъ и на другихъ ⁴⁾. Тоже говорили проповѣдники тройцкой лавры о путешествіяхъ въ ихъ монастыри ⁵⁾. Изъ политическихъ событій обращали на себя вниманіе проповѣдей: война и примиреніе съ Швеціей, льготы, данныя Малороссіи, переселеніе въ южную Россію Сербовъ и Хорватовъ: «мироломные Свей, иконоборные супостаты, злобный левъ свейскій» обвиняемы были съ кафедры придворной церкви въ нарушеніи мирныхъ условій; пересчитаны были пріобрѣтенія, которыя сдѣлала Россія вслѣдствіе войны съ ними; потомъ оцѣнены были благопріятныя послѣдствія отъ родственныхъ отношеній наслѣдника русскаго престола съ шведскимъ домомъ. Въ послѣднемъ случаѣ политику Елисаветы Петровны Амвросій Юшкевичъ сравнивалъ съ политикой Карла V, который, не смотря на свою извѣстность всему свѣту побѣдами надъ непріятелями, всегда старался о примиреніи посредствомъ родственниковъ связей съ другими государями: выдалъ сестру Елеонору за короля лузитанскаго Еммануила, другую сестру Изабеллу за датскаго короля Христіерна, третью Марію за паннонскаго и богемскаго короля Людовика, а брата своего Фердинанда женилъ на сестрѣ Людовика, самъ женился на дочери лузитанскаго короля ⁶⁾. Иннокентій Паскевичъ говорилъ: «нынѣ, егда услышали Елисаветъ на престолѣ сѣдѣющую, притекли греки, трансильваны и иніи единомудрствующіи съ нами народы, и ктожъ отъ нихъ тощъ изыде?

¹⁾ Слова 4 и 11 іюля 1749 года.

²⁾ Слово 31 октября 1742 года.

³⁾ Слова 4 и 11 іюля 1742 года.

⁴⁾ Слово 8 іюня тогоже года.

⁵⁾ Слово 5 іюля 1744 г.; 25 сент. 8 декабря 1749 г.

⁶⁾ Слово 15 іюля 1744 года.

Хвалится Трансильванія, не молчитъ Синай и иная съ нимъ мѣста, яко отъ тока щедротъ ея возъмѣша прохладу.» ¹⁾ А Сильвестръ Кулябка прибавлялъ съ своей стороны: «Прошолъ годъ високома-терней милости къ тебѣ, милая Россія, въ который тебе, гладомъ истаявающей, и житницы, и сокровища отверзли монаршія не возбранно.... Насталъ другій: что тебе сдѣлала, народа своего воскресеніе сіе, праведная Елисаветъ? Что тебѣ полезное, чего ты долгимъ временемъ ждала, получить же едва не отчаявалась было: воскресила вождя тебѣ. Твердо знаю, малороссійской народѣ, что ты вѣрностию и мало когда непоколебавшійся, всегда благодарный, и имѣнія и животь за государство сіе, въ такъ крѣпкое свое защищеніе тебе принявшее, положить готовый, не за страхъ но за совѣсть государямъ служащій, государей паче родившихъ тебя любящій, и безъ присяги и безъ клятвы вѣру и вѣрность знающій (то есть, еслибы и клятвы, и присяги не было, да ты однихъ крове твоя за вѣрность не щадящій); твердо знаю что ты, о благочестивый народѣ! дѣтей твоихъ отъ долицъ взимая, прежде, неже азбуки обучать, Елисаветъ знать, Елисаветъ любить, за Елисаветъ и наслѣдство ея душу полагать учить будешь и совершенно учишь; вѣрую несумнѣнно, что преклоняетъ въ себѣ (купно съ жезломъ) колѣна своя предъ Богомъ претружденный лѣтами старецъ въ благодареніе Богу, за толикія милости къ тебѣ, чрезъ всемилостивѣйшую государыню сію; возстанетъ въ позднѣйшая лѣта состарѣвшійся юноша и повѣсть сыномъ, елика слышалъ и видѣлъ.»

Въ томъ же словѣ упоминаетъ Сильвестръ и о желаніи императрицы освятить первые серебряные рудники въ Сибири, назвавъ ихъ колывановоскресенскими, и серебро ихъ употребивъ на гробницу Александра Невскаго ²⁾).

Чрезвычайно замѣчательно по намекамъ на современныя событія длинное слово Кирилла Флоринскаго, произнесенное 15 іюля 1742 года въ день освященія церкви при московской академіи, на текстъ: *не творите дому отца моего дому купленнаго*. Представивъ Россію въ видѣ храма, созданнаго Петромъ Великимъ, упомянувъ о творившихъ куплю въ этомъ храмѣ по смерти Петра, развивъ, по своимъ убѣжденіямъ, идею государства, верховной власти и ея органовъ, сказавши о счастливой перемятѣ царствующаго лица, онъ вдругъ прерываетъ свою рѣчь словами: «какъ же ужасно и

¹⁾ Слово 25 сент. 1747 г.

²⁾ Слово 5 сент. 1750 г.

подумать, яко осмомѣсячію не претекшу, егда провозсіа на престолѣ отчи вѣнценосица Елисаветъ, и уже на ино торжники прелагаются. Странная вѣсть: давно ли вождедѣнная, и уже ненавидима Елисаветъ; давно ли въ сердцахъ и въ устнѣхъ сладка, и уже горька Елисаветъ; давно ли оживотворившая насъ, уже опасна жизнь ей посреди дому; давно ли обрадовавшая насъ, и уже въ слезахъ печалюема посреде дому; давно ли матерь (и еще всемилостивѣйшая, яко и истинно есть), и уже тяжка и немилосердна. О непостоянства злоковарныхъ торжниковъ!... Но аще тыи, злобою воспяцаеми, о благостнѣ ея величества нѣмотствуютъ; то поне, вы прежде расточенніи и заточенніи, нынѣ же всегда бѣдствующимъ состраждущіе матере Елисаветы милостию возвращенніи и уже мнози собранніи отъ Сибири, Иркута, Камчадала, отъ многихъ трудно и именуемыхъ странъ, и отъ подземленныхъ нѣдръ мертвецы прежде живые: поне вы со мною признайте, что не иной ради причины лукавымъ торжникомъ государства Елисаветъ ненавидима, горька, тяжестна кажется и не матерь, яко и благая отеческая расточенная собирая, узаконенная отцемъ возобновляя, и васъ бѣдствовавшихъ возвращая, словомъ: вся отеческая въ первобытное состояніе приводя, не попускаетъ долѣе злодѣямъ, да домъ отеческъ и ея величества наследный содѣлювають домою купли, и вертепомъ разбойническимъ.» Потомъ, обращаясь къ Елисаветѣ, проповѣдникъ говоритъ: «Что же, ваше императорское величество, долготерпите, и на торжницѣхъ государства, сіе есть чудное премудрѣя экономіи вашего величества дѣло, по разуму притчи Христомъ реченныя: оставите купно обоя расти до жатвы, да не како, восторгая плевелы, восторгнете купно съ ними и пшеницу.» Ратуя за успѣхи новаго царствованія, проповѣдники дѣйствовали въ видахъ полного удаленія той эпохи, когда, по выраженію Амвросія Юшкевича, «весь обще чинъ духовный равно съ простымъ народомъ вмѣняли и почитали, ни единого въ немъ посвященія и характеру пастырскаго не признавали, и для того сами собою пастырей и священниковъ безъ суда правильнаго назначали, предающе оныхъ на узы и темницы, на преисподнія заключенія и безвѣстныя ссылки; но еще тѣмъ не довольствовалась лютость оная, бросилась было звѣрски и на убожество монашеское, и мняще неразумно, что въ тыхъ убогихъ келіяхъ великія сберутъ сокровища и богатства, того ради однихъ подъ претекстомъ интересу и тайнаго дѣла безчеловѣчно мучили, другихъ на презрѣніе и вѣчное ругательство вѣры нашея разстригали и въ солдаты отдавали, третіихъ въ далечайшія и безлюдныя ссылки на край свѣта посылали, а новыхъ на ихъ мѣста принимать и постригать на крѣдко

запрещали.» ¹⁾ Это было время, когда, по словамъ Сильвестра Кулябки: «вмѣсто императорства правительство государствовало, взошло на російскій престолъ безгластво, а за нужду тую иновѣрство царствовать стало, хваталось за скипетръ російской младенчество, еще рукъ своихъ отъ персей отнять не могущее; толико великою, толико славною управлять имперією рука младенческая покусилась и къ своему послуженію недовольная; писалъ законы, посылалъ указы, раздавалъ чины возрастъ, самого себе разсудить, самого себе распознать не умѣвшій; въ свѣтлости императорской введенъ тотъ, который самъ едва что вчера солнечную лучу увидѣлъ, а православіе въ Россіи кутовъ искало... руки крѣпкихъ въ желѣзахъ ломились, препоясуемая бедра сильныхъ въ плинеахъ томились» ²⁾; когда, какъ говорилъ третій проповѣдникъ Симонъ Тодорскій: «министры выключали отъ дѣлъ російскихъ первосвященниковъ, дабы ихъ о семъ не вопрошивать, гдѣ рождается праведный наслѣдникъ всеросійскаго престола за пресвѣтлѣйшею Елисаветою слѣдовати имѣвшій? Такъ бо точно указъ гласить печатный при сенатѣ октября 18 дня 1740 года: тогда де долженъ онъ регентъ (Биронъ) для предостереженія постоянна, благополучія Россійской имперіи заблаговременно съ кабинетъ-министрами и сенатомъ, и генералами фелдмаршалами и прочимъ генералитетомъ о установлении наслѣдства крайнее попеченіе имѣть и по общему съ ними согласію во Всеросійскую имперію сукцессора избрать и утвердить; а о присутствіи бѣдныхъ первосвященниковъ не помянено» ³⁾. Но приписывая Елисаветѣ Петровнѣ всевозможныя качества: природное остроуміе, проникательность, разсудительность, умѣнье отличать бѣлое отъ чернаго, прямое отъ криваго, безприкладную (т. е. безпримѣрную) милость, неописанную кротость, непреборимое великодушіе, полезное благочестіе, мудрое правосудіе; говоря, что всѣ обычаи, всѣ обхожденія, всѣ поступки ея сами о себѣ велегласно свидѣтельствуютъ, что они не высокоумія дѣти, что на престолъ въ толь трудныхъ обстоятельствахъ вступила она безъ кровопролитія, непріятельскіе многіе и крѣпкіе города, даже цѣлое великое княжество Финляндское завоевала безъ кровопролитія ⁴⁾, проповѣдники болѣе всего старались выставить, что новая императрица дочь Петра. Дѣла великаго преобразователя постоянно служили предметомъ ихъ краснорѣчія. Стефанъ Левицкій, въ своемъ

¹⁾ Слово 15 іюля 1744 года.

²⁾ Слово 25 ноября 1750.

³⁾ Слово 10 февраля 1743 г.

⁴⁾ Слова 11 апр. 1742 г., 25 ноябр. 1745, 25 ноябр. 1746, 25 апр. 1749 и др.

словѣ 25 ноября 1743 года, назвалъ русскій тронъ трономъ Петра и тотчасъ же возражаетъ тѣмъ, кто бы сталъ удивляться подобному выраженію: «Всякъ, кто такъ мыслить, скажи мнѣ, кто ты таковъ? Ибо, ежели ты русакъ, крайнее свое неблагодарствіе, ежели же и не русакъ, то однакъ крайнее свое невѣжество и не хотя открываешь. Сего ты не вѣдаешь? Воспомани начало Петровыхъ временъ; вспомани, что тогда была Россія; вспомани, какъ некрѣпкая, какъ немудрая, какъ нестройная, какъ у всѣхъ презрѣнная была тогда Россія? Чего же не дѣлалъ Петръ?... Воспомани сія. Развѣ, можетъ-быть, слабая у тебе память, а для чего? что голова болитъ, а чѣмъ? неблагодарствіемъ. Однакъ глаза твои кажутся здоровы: смотри на учрежденныя высокія два правительства, изъ которыхъ одного о временномъ, другаго о вѣчномъ блаженствѣ державы россійскія старатися долгъ есть, а кто учредилъ? Петръ. Смотри на различныя для различныхъ нуждъ уставленныя коллегіи; а кто уставилъ? Петръ. Смотри на заводы желѣзные, мѣдные, серебряные, на фабрики шелковыя, суконныя, полотняныя, бумажныя, на другая прежде въ Россіи не бывавшая преизрядная художества; а кто завелъ? Петръ. Смотри на каменные и деревянные велелѣпные дома, не токмо къ житію, но къ прохладному житію довольныя; а кто образецъ показалъ? Петръ. Смотри на училища и семинаріи воздвигенныя, не токмо для обученія виѣшняго, но и паче для наставленія духовнаго, для лучшаго Бога и Христа его познанія; а кто воздвигнулъ? Петръ. Смотри на воинство—какъ искусное, на дворянство—какъ учтивое, на купечество—какъ промыслное; а кто научилъ? Петръ. Смотри на флотъ, безъ котораго на морѣ была бы Россія, какъ безрукая; а кто устроилъ? Петръ. Смотри на царствующій Санктпетербургъ, котораго еще бы не имѣла Россія, все что и свое изъ рукъ непріятельскихъ вырвала и вновь завладѣла, Богъ вѣсть, какъ бы сохранила; а кто создатель? Петръ. Словомъ, смотри на все, что ни есть честное, что ни есть похвальное, что ни есть достопамятное въ Россіи: все то есть трудовъ Петровыхъ плодъ... Не усумнюся, которая болѣзнь твою притупила память, не помрачила ли и очей твоихъ; ибо есть ока, которыя ничего не видятъ, хотя и бѣльмомъ не заслонены... Какъ же быть? Приклони ухо твое и слыши, что говорятъ о Петрѣ вси тѣи, у которыхъ и память и зрѣніе отъ недуга свободны. Одна всѣхъ повѣсть, что Россія все свое лучшее состояніе Петру должна. Общенародный голосъ, что у насъ тое только не Петрово, что худое. Согласно, *хотя издѣвочныя* у всѣхъ рѣчи, что мы прежде Петра ѣсть и пить, какъ надлежитъ, не умѣли.» Съ подобными же вопросами обращался

Порфирій Крайскій къ самой Россіи: «скажи намъ, молю тя нынѣ, о Россіи! что въ тебе есть знатнѣйшее, не Петра ли Великаго все то есть дѣло. Яви, что въ тебѣ есть похвалы достойное, не все ли трудами и высокимъ разумомъ и премудростію Петра Великаго сіе есть въ тебѣ учрежденное и устроенное? Скажи намъ, о Россіе, слыхала ли ты когда, не вопрошаю—видала ли, до временъ Петра Великаго, что то есть регула воинская, что артикулъ военный, что порядочно устроенная артиллерія, что атакованіе городовъ, что бомбандированіе крѣпостей, что ретированіе отъ непріятели, что устроеніе ретранжаментовъ, когда еще ты съ бердышами, съ саблями, съ луками, съ самопалами ополчающеса на враги своя выходила только подъ Кожуховъ, или на Котлы?... Скажи намъ нынѣ, о Россіе! слышала ли ты до временъ Петра Великаго о искусствѣ мореплаванія, что каково есть устроеніе кораблей, что плоская или круглая новигачія, что всецѣлый флотъ, что флотилія, что эскадра, что галеры, что яхты? Егда еще ты крыющися въ предѣлахъ своихъ не знала далѣ Смородины, которая нынѣ рѣка Москва именуется, не бывала далѣ Оки; а кто уже бывалъ на Волгѣ, или на Волховѣ, той великій прошелецъ, и бывалый збло, и имянить въ тебѣ считался человекъ. Скажи намъ, о Россіе! вѣдала ли ты заподлинно до временъ Петра Великаго, что то суть фабрики, что мануфактуры, каковой оттуда прибытокъ, каковая польза государственная? Не воспоминаю же здѣсь за краткость времени, о размноженныхъ Его Величествомъ наукахъ свободныхъ, о насажденныхъ ученіяхъ душеполезныхъ, о преславныхъ героичныхъ его дѣйствіяхъ, о торжественныхъ побѣдахъ, надъ врагами воспріятыхъ» ¹⁾. Отъ воспоминаній о прошедшей славѣ, отъ похвалъ настоящему порядку вещей естественъ переходъ къ мысли о будущей судьбѣ общества, уже испытавшаго столько переворотовъ; и вотъ придворный учитель, Симонъ Тодорскій, заводитъ рѣчь о своемъ ученикѣ наслѣдникѣ престола въ день его рожденія: «нынѣ воззри, Россіе, говоритъ онъ,—веселымъ лицомъ и обрадованною душею на внука Петрова, сына Анны Петровны, воззри и благодари Бога твоего, наслѣдствіе Петрово въ пользу твою цѣло тебѣ сохранившаго.... Смотри, какъ дивно и коль красно процвѣтаетъ праведный твой монархъ Петръ Первый въ Петрѣ внука своемъ! Прочитываетъ репорты, отъ гвардіи приносимые, прочитываетъ письма, отъ арміи присылаемыя, какъ же изрядно о репортахъ рассуждаетъ, съ какимъ смысленнымъ любопытствомъ о состояніи арміи вопрошаетъ: удивитися потреба. Рассуждаетъ о иностранныхъ

¹⁾ Слово 25 ноября 1749 года.

государствахъ, о математическихъ, физическихъ и прочихъ ученіяхъ таковому лицу приличныхъ, о обученіи военномъ, о штатскомъ поведеніи, съ приличными всякой вещи резонами. Мощно воистинну о Его Высочествѣ сказать: не великъ тѣломъ, да великъ дѣломъ, внуку Петра Великаго весьма приличнымъ.... Егда по должности и званію моему всеподданнѣйше предлагахъ Его Высочеству ученіе о семь, какъ-то надобно монархамъ христіанскимъ правду любить, сиротъ защищати, монаршими руками слезы невинно-страждущимъ отирати, яко за сіе вѣчное пріимуть отъ Бога издвоздааніе. Противнымъ образомъ монархи не милостивіи, обидящїи подданныхъ своихъ, не защищающїи невинно-страждущихъ, не поборающе по истинѣ: что имѣютъ получить отъ Бога? Самъ Его Императорское Высочество изволилъ со умиленіемъ сказать: пекло. Сіе есть, такіе монархи получаютъ пекло, муку вѣчную, огонь неугасаемый. Не Петровъ ли и се цвѣтъ? Не прямое ли сущее христіанское разсужденіе?» Далѣе авторъ свидѣтельствуетъ объ успѣхахъ Петра III въ православной богословіи, о ревности его къ восточной церкви ¹⁾.

Была и другаго рода связь тогдашней проповѣди съ современной ей эпохою. Сюда мы относимъ тѣ случаи, когда проповѣдники, оставляя политическую сторону жизни, говорили объ общественномъ бытѣ, когда слово ихъ облекалось въ форму обличительной рѣчи. Такъ Дмитрій Сѣченовъ говорилъ въ одномъ изъ своихъ словъ. «Осмотримъ же, какъ любимъ Христа. Люблю Христа словомъ: у мене въ различныхъ селахъ каменные палаты, прекрасные покои, бани, поварни изрядно устроены; а церкви христовы въ тѣхъ же селахъ безъ покрова погнили ²⁾. Люблю Христа: у меня запанки, пряжки, табакирки золотыя, чайники и рукомойники серебряные; а въ церкви христовой свинцовые сосуды. Люблю Христа: у меня златотканная завѣсы, одѣяла; а страшныя христовы тайны крашеннымъ покрываются покровомъ. Люблю Христа: самъ шампанскія и венгерскія вина вмѣсто квасу употребляю, а въ церковь никогда

¹⁾ Слово 10 февраля 1743 года. Впослѣдствіи Дмитрій Сѣченовъ, привѣтствовавшій востество на престолъ Петра III великолѣпною рѣчью (См. Neumann's Geschichte des Russischen Staates B. V, S. 241), при Екатеринѣ сказалъ: «Если бы всеильный Богъ не отклонилъ во время того великаго удара, который готовилъ намъ Петръ, то мы лишились бы и праваго и лѣваго уха,—не могли бы слышать рѣчей о нашей вѣрѣ.» См. Филарета, исторія русской Церкви, періодъ пятый, стр. 80.

²⁾ Слово было говорено 8 іюля 1742 года; а 9 октября изданъ указъ о дозволеніи помѣщикамъ строить новыя церкви вмѣсто обветшалыхъ въ томъ лишь случаѣ, когда они обяжутся снабдить оныя всеми потребностями и проч. П. С. З. т. XI № 8625.

и волосенга галенка не посылалъ. Люблю Христа: чести искать, богатства собирать, пиршествовать, суесловить, хвастать, веселиться, забавляться день и ночь легко, нескучно.... иные за кабаками, за торгомъ, за ябедами, за работою церквей не знаютъ. Вся наша любовь въ коварной политикѣ, какъ ласково встрѣтить, довольно угостить, учтиво проводить, пріятныя письма, гладкія словца, низкіе поклонны, частые стаканы, непрестанные репетиціи: здравствуй, здравствуй; а сердцемъ хотя бы и на свѣтъ не было.... Люблю ближняго: а кому честь или правительство вручится, не разсуждаетъ сего, что власти отъ Бога учинены не на иной конецъ, токмо благотворить ближнимъ, помощи бѣднымъ, заступити обидимымъ, защитити правду; сего и не мыслить и говорити съ бѣднымъ не хочетъ, но аки фараонъ гордится, честью тѣшится, славою веселится, радуется, что всѣ его почитаютъ, кланяются, боятся, крутятъ, вертятъ. Правосудіе ли тамъ присмотрится: въ передней избѣ часовъ пять постой, да завтра приди больше не жди; милости ли сыскать,—съ ногъ до головы обдерутъ, не срачицу, но и кожу готовы снять, а когда станешь больше правды искать, то и въ сибирскихъ странахъ мѣста не сыщешь.» Въ словѣ Антипа Мартиніанова встрѣчается подобное же мѣсто: «При толикомъ множествѣ рабъ и рабынь предстоящихъ къ единому ока мгновенію служащихъ ¹⁾.... въ жизни сей благовонными мази, драгоценными порошками, различными спиртами такъ тѣло наше намазуемъ, умащаемъ лица и рупѣ натираемъ, что не токмо близъ, но и далеко стоящій, съ радостію притекаютъ единъ предъ другимъ ускоряютъ, но хотя и притворно, обаче съ желательнѣйшею охотою обоняютъ, благоухаютъ и какъ бы услаждающеса похваляютъ, торжественными словесы возвышаютъ и лстяще удивляются.» Но все-таки главное вниманіе проповѣдниковъ въ продолженіе почти всего царствованія Елисаветы Петровны обращено было на ея собственныя дѣла: ибо, по словамъ Стефана Калиновскаго, «сколько почти поучительныхъ проповѣдей здѣ (въ Петербургѣ), въ Москвѣ и по всей Россійской имперіи съ того времени (25 ноября 1742 г.) говорено, столько природное ея къ коронѣ и престолу російскому право показуемо было; сколько похвальныхъ рѣчей или письменно сложено, или наизустъ произнесено, столько о нравахъ ея, монаршаго престола и короны предостойныхъ, засвидѣтельствовано» ²⁾.

¹⁾ Слово 16 авг. 1742 г. Іоасафъ Хотунцевскій, въ словѣ отъ 26 мая того же года, замѣчаетъ: «перейди вся философская мудрая примѣчанія, прочти всѣ книги, собери всѣ исторіи на память, едали возмозеши избобрѣсти такого господина, который бы за раба своего умеръ; воистину, аще за добраго раба ни единъ господинъ восхощаетъ лишитися живота, а за злаго ниже помыслить.»

²⁾ Слово 25 апр. 1746 г.

Но въ какихъ отношеніяхъ ко всѣмъ этимъ хвалебнымъ и поучительнымъ словамъ стояли современники ихъ? Въ отвѣтъ на такой вопросъ мы не имѣемъ подъ руками иныхъ данныхъ, кромѣ приводимыхъ Сумароковымъ къ его статьѣ «о російскомъ духовномъ краснорѣчїи», гдѣ онъ говоритъ: «Гедеонъ (Кривовскій) есть російскій Флешьеръ; цвѣтности имѣеть онъ еще болѣе, нежели Теофанъ (Прокоповичъ); сожалѣтельно то, что мало было въ немъ силы и огня, и что онъ по недостатку пылкости часто наполнялъ проповѣди свои исторїями и баснями, симъ бѣднымъ запасомъ истиннаго краснорѣчїя. Прїятность, нѣжность, тонкость были ему свойственны, и послѣ Теофана обшустошенной російской Парнассъ или церковь, лишенная риторскїа сладости смертію великаго архіепископа, обрадовала Россію симъ Гедеономъ, мужемъ великаго во краснорѣчїи достоинства. Ибо до него единый бывшій дїаконъ Савицкїй украшалъ только придворную кафедру, и мало почитаемъ или паче гонимъ невѣжами, оставилъ духовенство и проповѣди, и восходя на російскїй Парнассъ возвратился, не коснувшись самыхъ горы сея верху, что многіе не безъ основанія ожидали, и принужденъ, потерявъ охоту ораторствовать, оттолкъ возвратиться. Сказана бѣльцомъ нѣкая проповѣдь въ Троицкой Лаврѣ: я не зналъ лѣтъ десять послѣ прочтенія оныя, кѣмъ она говорена, и прїѣхавъ нѣкогда въ рѣченную лавру, узналъ я нечаянно, что намѣстникъ онаго монастыря есть авторъ тоя прекрасныя проповѣди, бывшій потомъ воронежскимъ епископомъ. Былъ то Кирилль Ляшевецкїй, не вшедшїй никогда во славу¹⁾, ибо его многіе, угождая нѣкому, хулили, думая, что онъ отлично любилъ... но сего почтеннаго человѣка и всѣ духовные любили. Такъ и никого въ архіереи ставить не надлежало, ради угожденія его непрїателямъ, которымъ онъ отъ своей стороны никогда непрїателемъ не былъ. Не нужно было бы это прилѣпить здѣсь: но не должноли было сказать, что воспрепятствовало прославиться автору слова: прилѣпе душа моя по тебѣ? Савицкой изъ моды вышелъ и изъ духовенства; бѣлецъ Ляшевецкїй изъ свѣтскихъ вышелъ, но въ моду не вшелъ²⁾». Объ остальныхъ проповѣдникахъ временъ Елисаветы Сумароковъ не говоритъ. Въ заключеніе предлагаемъ вопросъ, не лишенный нѣкотораго интереса для русской библіографїи: въ цар-

1) Слово Кирилла Ляшевецкаго, о которомъ говоритъ здѣсь Сумароковъ, было произнесено 25 сент 1749 г. въ день преставленія пр. Сергія Радонежскаго, на текстъ: *Горняя мудрствуете, а не земная*; печ. въ М. 1749 г. ноября 11 дня, стр. 16 см. выше стр. 13; о Савицкомъ стр. 29.

2) Собраніе сочин. Сумарокова, изд. 2, ч. VI стр. 281 и 282.

ствование Елисаветы Петровны съ необыкновенною заботливостію уничтожаемы были присяжные листы, указы, манифесты, грамоты, патенты, паспорта, книги, монеты, появившіеся въ короткое правленіе Іоанна Антоновича ¹⁾; велѣно было также отобрать проповѣдь, говоренную на бракосочетаніе принцессы Анны Леопольдовны съ принцомъ Брауншвейгъ-Люнебургскимъ Ульрихомъ, и другія, говоренныя при Іоаннѣ Антоновичѣ ²⁾. Въ недавнее время усиліями русской археологіи отысканы экземпляры не только указовъ, грамотъ, книгъ, монетъ того времени, но даже и портретовъ правительницы ³⁾: можетъ ли сдѣлать русская библіографія тоже самое, относительно сейчасъ названныхъ нами проповѣдей?

Н. Поповъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Изъ проповѣдей, переведенныхъ въ царствованіе Елисаветы Петровны, назовемъ: 1) Слово на Евнуха Евтропія, патрикія императорскаго, съ изъясненіемъ, кто таковъ былъ Евнухъ Евтропій, говоренное святымъ *Іоанномъ Златоустомъ*; перевелъ съ славяно-греческаго (?) *Степанъ Писаревъ*. Спб. 1759, in-4^о См. Сопикова № 10.483. 2) Поученія во святую и великую четыредесятницу, то есть великопостныя недѣли, сочиненныя и проповѣданныя керникскимъ и калавритскимъ, что въ Пелопоннесѣ епископомъ *Ильею Минатиємъ* Кефалонитяниномъ; съ греческаго на російскій языкъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ переводчикомъ *Стефаномъ Писаревымъ* въ 1741 году переведенныя. Томъ I; въ Спб., при сухопутномъ шляхетномъ корпусѣ, 1759.

Переводчикъ обихъ книгъ, достигшій въ 1759 году уже званія секретаря коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ предисловіи ко второй говоритъ между прочимъ слѣдующее: «не сумнѣваюсь, что изъ нихъ (читателей) кто либо и такой, которой къ забавленію себя

¹⁾ П. С. З. № № 8490, 8494, 8496, 8648, 8690, 8712, 8831, 9005, 9093 9133, 9192, 9197. 9213, 9542, 4740, 9394, 9805, 11402.

²⁾ П. С. З. N 8822.

³⁾ Ученыя записки А. Н. по I. и III. отд. т. 1 и 3.

историческо-басенными, называемыми *романы*, и прочими подобными книжками (отъ коихъ единственно только въ совѣсти соблаженіе и къ страстямъ посползновеніе ощущается) всегдашнюю охоту имѣть, не возжелалъ бы хотя единожды въ годъ, а наипаче во время святыхъ четырехдесятницы, когда каждый христіанинъ особливо отъ всѣхъ страстей воздержать себя долженъ, прочитаніемъ сея духовныя книжицы поусладиться.»

Посвященіе этой же книги Елисаветъ Петровнѣ, написанное переводчикомъ еще 16 декабря 1741 года, напоминаетъ собою современныя ему придворныя проповѣди. Вотъ оно:

«Августѣйшая, Державнѣйшая
Императрица!
Матерь и государыня всероссійская!»

«Нѣтъ сумнѣнія, при общей нынѣшней радости нашей, и мнѣ послѣднѣйшему, отъ искреннаго моего усердія, бѣдный сей трудъ мой подъ высокомонаршескія стопы В. И. В. со всеподданнѣйшимъ рабскимъ моимъ благоговѣніемъ положить; когда вижу, что дивныя судьбы Божія, между прочимъ привели его до такого благословеннаго времени, въ которое россійское благополучіе воскресать начало. *Давно уже* онъ по содержащемуся въ немъ свѣту, т. е. истинному православныя церкви ученію, требовалъ и ожидалъ того, чтобъ ему произойти на свѣтъ, въ пользу народа россійскаго, такъ какъ произошло и въ другихъ европейскихъ государствахъ, на пользу христіанъ православныхъ. Но понеже достался было оной въ темныя руки тѣхъ, которыя не распространять, но истреблять благочестіе желали, не содержать, но искоренить до конца вѣру православную старались, и какъ имъ благочестіе и православно-восточной церкви вѣра весьма противна и не мила, такъ и самый тотъ діалектъ, на которомъ оная все основаніе (не упоминая уже о прочихъ всѣхъ высокихъ наукахъ, отъ него происшедшихъ) и силу свою имѣть, ненавидимъ и презираемъ былъ: *чего ради и самый сей трудъ мой во тьмѣ до сихъ поръ погребенъ и има залождено быть хотьло....*» Не смотря однакожь на всѣ надежды переводчика, трудъ его, какъ мы видѣли, изданъ былъ только въ концѣ царствованія Елисаветы Петровны.

ПОВѢСТЬ ГРАДА ІЕРУСАЛИМА.

Эта повѣсть взята изъ замѣчательнѣйшаго сборника повѣстей, за сообщеніе котораго приношу мою благодарность г. Истрину, студенту Московскаго университета. Сборникъ писанъ никакъ не позже первой четверти XVIII в., въ малую 8-ку, на 324 листахъ. Въ началѣ 26 листовъ недостаетъ. Мы надѣемся въ скоромъ времени познакомить читателей «Лѣтописей русской литературы» съ любопытнымъ содержаніемъ этого сборника, въ высшей степени важнымъ для исторіи русской литературы XVII в.; а теперь на первый разъ сообщаемъ «Повѣсть града Іерусалима», которая предлагаетъ намъ *первообразъ извѣстнаго народнаго стиха о Голубиной Книжѣ*. Лист. 276—281.

Занимающимся русскою народною словесностью хорошо извѣстны многіе, ббльшею частію, апокрифическіе источники этого народнаго стиха, между которыми первое мѣсто занимаетъ извѣстная *Бесѣда трехъ святителей*¹⁾; но до сихъ поръ не доставало переходнаго, средняго термина между этими источниками и самымъ стихомъ. «Повѣсть града Іерусалима» составляетъ именно этотъ любопытный переходъ. Она еще не знаетъ князя Владиміра, но уже вводитъ Давыда Іессеевича, и не одного его: при немъ Моисей Моисеевичъ и Елисей Елисеевичъ. Эти три ветхозавѣтныя имени какъ бы варианты трехъ святителей извѣстной «Бесѣды.»

Мѣсто Владиміра заступаетъ лицо чисто мѣщанское, *Волозь Волотовичъ*, новый герой русскаго мѣщанскаго эпоса. Онъ является здѣсь первообразомъ или предшественникомъ героя истори-

¹⁾ Смотр. мою рѣчь о народной поэзіи.

ческому, Владиміру Красну-Солнышку: замѣчательный фактъ въ исторіи русской народной поэзіи, подтверждающей ту правдоподобную догадку, что именемъ князя Владиміра во многихъ богатырскихъ пѣсняхъ была замѣнена и подновлена какая нибудь древнѣйшая героическая, мифическая личность. По крайней мѣрѣ въ стихѣ о Голубиной Книгѣ Владиміру предшествовалъ *Волотъ*. Каково бы ни было филологическое и историческое отношеніе *Волота* къ *Велетамъ*, *Вильцамъ* или *Волкамъ* и къ сѣвернымъ *Вилькинамъ*, прославленнымъ въ *Вилькина-Сати*, но во всякомъ случаѣ слово *Волотъ* и въ древнемъ, и народномъ русскомъ языкѣ означаетъ великана; следовательно, уже по самому значенію своему, Волотъ принимался народомъ въ смыслѣ героя, полубога, существа сверхъестественнаго, какими обыкновенно въ мифологіи разумѣются великаны. Прозванъ онъ *Волотовичемъ*, по той же причинѣ, почему эпические герои очень часто называются по имени своихъ отцовъ; такъ въ польскихъ преданіяхъ у Крака и отецъ назывался Кракомъ. Это самое обыкновенное раздвоеніе эпическаго идеала на двѣ личности. Герою хотятъ вымыслить отца: удобнѣе и легче всего этому послѣднему дать тоже имя, какое имѣетъ и самъ герой. Такъ получилъ свое имя и *Волотъ Волотовичъ*.

Въ извѣстномъ стихѣ о Голубиной Книгѣ видно нѣкоторымъ образомъ примѣненіе къ просвѣщенію Руси книжнымъ, христіанскимъ ученіемъ. Потому на первомъ планѣ является символическая *Голубиная Книга*, о которой въ «повѣсти града Іерусалима» вовсе нѣтъ и помину. Въ народномъ стихѣ, Владиміръ, какъ представитель своихъ новообращенныхъ въ христіанство подданныхъ, поучается у Давида Іессеевича, и только по затѣливости его вопросовъ можно было догадаться, что онъ загадываетъ своему собесѣднику загадки; но полнаго и настоящаго прѣнія или состязанія въ мудрости загадками нѣтъ, потому что Владиміръ только спрашиваетъ, а Давидъ только отвѣчаетъ. Это уже обращеніе въ риторическій, поучительный діалогъ, это уже позднѣйшее риторическое искаженіе древнѣйшаго эпическаго мотива, состоящаго во взаимномъ состязаніи загадками, мотива, который составляетъ существенное отличіе «повѣсти града Іерусалима» отъ стиха о Голубиной Книгѣ. По этой повѣсти, сначала задаетъ загадки Волотъ Волотовичъ Давыду Іессеевичу, предлагая ему объяснить сновидѣніе; потомъ Давыдъ спрашиваетъ Волота о началѣ міра; за тѣмъ опять Волотъ загадываетъ Давыду о первенствѣ различныхъ предметовъ, и наконецъ Давыдъ задаетъ Волоту, по видимому, самый трудный вопросъ, уже не о прошедшемъ и не о настоящемъ, а о будущемъ, именно о страшномъ судѣ. Въ

этомъ чередованіи вопросовъ и отвѣтовъ, въ этомъ взаимномъ со-
стызаніи замѣчается нѣкоторый порядокъ. Сначала предлагается объ-
яснить сновидѣніе, какъ обыкновенно начинаются сновидѣніемъ мно-
гія эпическія произведенія; потомъ говорится о первобытныхъ
судьбахъ міра, какъ бы изъ области народной космогоніи; далѣе о
чудесахъ и великихъ, первенствующихъ предметахъ на всей землѣ,
и наконецъ о послѣднемъ, судномъ днѣ.

Если бы эта повѣсть встрѣтилась между древне-нѣмецкими поэ-
тическими произведеніями, то никто не усумнился бы признать ее
за подновленный въ эпоху христіанскую варіантъ извѣстной пѣсни
древней Эдды о Вафтруднирѣ (Vaftrudnismal): таково поразительное
сходство обѣихъ этихъ произведеній по основнымъ эпическимъ мо-
тивамъ. Состызаніе Одина съ Вафтрудниромъ также сначала касается
космогоніи и устройства всего міра, и потомъ оканчивается наме-
комъ на вѣщія слова Бальдура, идущаго на смерть, съ кото-
рою связана послѣдняя судьба Асовъ въ борьбѣ съ полчищами Сур-
тура. Какъ Вафтрудниръ — великанъ изъ породы Ютовъ, такъ и Во-
лотъ, по самому употребленію этого слова въ языкѣ, — тоже вели-
канъ. Юты сѣверной мѣологіи, какъ представители эпохи, пред-
шествовавшей господству свѣтлыхъ Асовъ и Вановъ, имѣли притя-
заніе на знаніе всего того, чтò совершалось искони, въ началѣ мі-
ровъ. Потому Вафтрудниръ рѣшаетъ вопросы космогоническаго содер-
жанія; самъ же задаетъ Одину вопросы, болѣе касающіеся именъ
различныхъ предметовъ и лицъ сѣверной мѣологіи. Такъ и Волотъ
отвѣчаетъ Давыду о томъ, отъ чего свѣтъ свѣтится, отъ чего солнце и
заря, какъ ходитъ небо и на чемъ основана земля; самъ же онъ
спрашиваетъ Давыда объ именахъ перваго изъ городовъ, звѣрей,
озеръ, о матери травъ, птицъ и т. п.

Само собою разумѣется, что это замѣчательное сходство объ-
ясняется не позднѣйшимъ, литературнымъ вліяніемъ, а первобытнымъ
сродствомъ мѣологическаго эпоса славянскаго съ нѣмецкимъ. Ме-
жду повѣстью града Іерусалима и пѣсней древней Эдды надобно
предполагать древнѣйшее, чисто-русское эпическое произведеніе о
царѣ Волотѣ и его великой премудрости. Даже не смотря на позд-
нѣйшую апокрифическую обстановку, можно уже догадываться, что
Волотъ Волотовичъ есть существо необычайное, первенствующее:
между всѣми сорока двумя царями, съѣхавшимися на Синайскую го-
ру, наибольшимъ былъ Волотъ Волотовичъ. Уже второй по немъ былъ
Моисей Моисеевичъ, третій Елисей Елисеевичъ и четвертый Давыдъ
Іессеевичъ. Какъ наибольшій, онъ же начинаетъ и бесѣду, спрашивая,
кому чтò во снѣ видѣлось, и рассказывая свое сновидѣніе; онъ же

наконецъ и заключаетъ бесѣду отвѣтомъ о страшномъ судѣ. Можетъ быть, со временемъ яснѣе опредѣлится первоначальный видъ древнѣйшей народной пѣсни о Вологѣ; но уже и въ нашей повѣсти изъ всего апокрифическаго хлама довольно рельефно выступаетъ эта замѣчательная мифическая личность русскаго народнаго эпоса.

Состязанія загадками или рунами въ пѣсняхъ древней Эдды обыкновенно имѣютъ характеръ драматическій, состоящій въ томъ, что побѣжденный въ состязаніи проигрываетъ, какъ напримѣръ Вафтрудниръ платится своею головою, или же состязаніе служитъ средствомъ для какой цѣли; какъ на примѣръ, Торъ загадываетъ загадки карлику Всезнайкъ (въ *Alvismal*), для того чтобъ задержать его до восхода солнца, отъ лучей котораго карликъ окаменѣлъ. Южно-русская пѣсня о томъ, какъ русалка загадываетъ загадки дѣвицѣ, также оканчивается гибелью неотгадавшей. Въ старинныхъ сказкахъ объ Акирѣ, о Дмитріѣ Басаргѣ и друг., загадываніе загадокъ тоже имѣетъ какую нибудь цѣль, опредѣляемую ходомъ событій. Надобно полагать, что и древнѣйшій, предполагаемый первообразъ повѣсти града Іерусалима, въ какой нибудь народной пѣснѣ о Вологѣ, имѣлъ характеръ болѣе драматическій, слагавшійся изъ болѣе опредѣленныхъ, извѣстныхъ отношеній между состязающимися въ мудрости. Начало повѣсти даже намекаетъ на эти отношенія, указывая на будущее родство состязающихся, въ слѣдствіе предсказываемаго брака между дѣтьми ихъ; но за тѣмъ слѣдуетъ обыкновенная бесѣда о различныхъ предметахъ, безъ всякаго участія со стороны личныхъ интересовъ собесѣдниковъ.

Сновидѣніе, которымъ открывается бесѣда, отличается отъ прочихъ частей повѣсти именно тѣмъ, что основано на мифѣ объ извѣстномъ отношеніи Волота къ Давыду. Сынъ этого послѣдняго, царь Соломонъ женится на Соломонидѣ Волотовнѣ и будетъ владѣть царствомъ Волота. Этотъ мифъ, очевидно, передѣланъ по извѣстной сказкѣ о царѣ Соломонѣ. На это указываетъ даже сновидѣніе Волота, въ общихъ чертахъ согласное съ загадкой, которую, въ сказкѣ о царѣ Соломонѣ, Давыдъ загадываетъ пріѣзжимъ гостямъ, и которую отгадываетъ сынъ его Соломонъ, вмѣстѣ съ ними прибывшій къ своему отцу инкогнито. Вотъ эта загадка, по той же рукописи г. Истрина: «Поконецъ моего царства стоитъ древо злато, вѣтвіе самоцвѣтныя, каменя на томъ дрѣвѣ драгія, мѣсяцъ сіяетъ; вокругъ древа пшеница бѣлая, а около пшеницы нива ржаная сильна». Отгадка Соломона: «Поконецъ твоего царства стоитъ древо злато — то есть твое государство; вѣтви самоцвѣтны — то есть околнія царства подъ твою державою; камень — то есть твои царевы ближнія пріатели и

многія князи и бояря; а сверхъ того древа мѣсяцъ сіяеть — то ты государь царь; вокругъ того древа пшеница бѣлая — то твое воинство; вокругъ пшеницы нива ржаная сильна — то православныя христіяне». л. 226 и 227. Толкованіе сновидѣнія въ повѣсти града Іерусалима нѣсколько перепутано. Оно должно быть, какъ кажется, въ слѣдующемъ порядкѣ: «Что съ тоя страны восточныя восходитъ лучъ солнца краснаго, освѣтитъ всю землю свѣторусскую, то будетъ на Руси градъ Іерусалимъ начальный; а что съ тое страны полуденныя выросло древо кипарисъ, кореніе сребренное — въ томъ градъ будетъ соборная и апостольская церковь Софіи, премудрости Божія, о семидесять верхахъ, сирѣчь, Святая Святыхъ; а что у древа вѣтвіе золотое, то будетъ паникадилы поставлены; а вѣтвіе бумажное, то свѣщы на паникадилахъ поставлены будутъ. Поверхъ того древа сидитъ птица кречетъ бѣлой — то у меня (у царя Давыда) будетъ сынъ, царь Соломонъ премудрый, и онъ созиждетъ Святая Святыхъ; а что на ногахъ у него колокольчикъ золотой, то у твоей (у Волотовой) царицы родится дочь Соломонида, а моему сыну Соломону у тебя на твоей дочери жениться, и твоимъ царствомъ ему владѣть будетъ.»

Итакъ, по загадкѣ Давыда золотое дерево — его государство, по сновидѣнію Волота, древо кипарисъ — Св. Софія, сирѣчь, Святая Святыхъ, то есть церковь. Символическое представленіе государства, церкви или даже исторіи всего человѣчества подъ видомъ дерева очень обыкновенно въ средніе вѣка. Оно восходитъ даже къ эпохѣ мифологической, какъ напр. въ колоссальномъ образѣ Иггдразила, этого всемірнаго древа сѣверной мифологіи. По одной карпатской колядкѣ, напечатанной г. Костомаровымъ въ его разсужденіи о народной русской поэзіи, до сотворенія міра ничего не было, кромѣ неба и моря: изъ моря выросли только два дуба, на которыхъ сидѣли два голубчика, творившіе міръ.

Особенно важно для исторіи народнаго эпоса родство Волота съ Давыдомъ и Соломономъ. Какъ по нашей повѣсти Волотъ святъ Давыду и тестъ Соломону, такъ по сказкѣ о Китоврасѣ, этотъ оборотень братъ Соломону. Такимъ образомъ народная фантазія окружаетъ сказочнаго Соломона мифическимъ, чудовищнымъ родствомъ. По сказкѣ о Китоврасѣ, чудовище это похищаетъ супругу Соломона и находитъ съ нею въ преступной связи; по нашей повѣсти оказывается, что эта женщина не кто иная, какъ Волотовна, дочь существа сверхъестественнаго. И если допустить то предположеніе, что исполнѣнь Волотъ — представитель мифическихъ оборотней — волковъ, получившихъ историческое бытіе въ племени Велетовъ, Вильцевъ или Волчковъ; то Китоврасъ и Волотъ будутъ существами однородными:

и тотъ и другой чудовищные оборотни, съ которыми вели борьбу какіе-то свѣтлые боги или герои, впоследствии переименованные въ Давыда и Соломона.

Можно догадываться, что эпическая форма разсказа и толкованія сновидѣнія составляла уже существенную часть и того предполагаемаго народнаго эпизода, который потомъ былъ передѣланъ въ апокрифическую повѣсть града Іерусалима. Даже стихъ о Голубиной Книгѣ, не смотря на свой позднѣйшій, искаженный видъ, не забылъ еще этой эпической формы, основанной на вѣрованіи въ сновидѣнія; только даетъ сновидѣнію другое содержаніе, заимствованное изъ изображенія страшнаго суда¹⁾, и помѣщаетъ не въ началъ бесѣды, а на концѣ.

Вообще содержаніе бесѣды Волота Волотовича съ Давыдомъ Іессеовичемъ сходно съ бесѣдою въ стихѣ о Голубиной Книгѣ, и объясняется одними и тѣми же источниками.²⁾ Смѣшеніе географическихъ и историческихъ свѣдѣній, господствующее въ стихѣ, доведено въ нашей повѣсти до послѣдней крайности. На Руси городъ Іерусалимъ, въ немъ церковь Софіи, премудрости Божіей, сооруженная царемъ Соломономъ. Въ соборной церкви Софіи, премудрости Божіей, стоитъ гробъ господень. Ильмень озеро — подъ Кіевомъ, взяло оно въ себя триста рѣкъ.

Послѣдняя странность нѣсколько объясняется лингвистически, потому что слово *Ильмень* въ областномъ языкѣ употребляется въ общемъ значеніи озера, низменности, покрытой водою, высохшаго русла рѣки, съ остатками мелкихъ озеръ.

Нѣкоторыя подробности бесѣды указываютъ на другіе апокрифическіе источники, не вошедшіе въ стихъ о Голубиной книгѣ; а именно: «древо древамъ мать — Кипарисъ, Певга, Кедръ» — взято изъ преданія о крестномъ деревѣ; «Іорданъ течетъ изъ рая Едемскаго» — изъ апокрифическихъ разсказовъ библейскихъ. Любопытенъ намекъ на азбучную пасхалию іерусалимскую, распространившуюся по всей свѣтлорусской землѣ. Этотъ намекъ, можетъ быть, имѣетъ прямое отношеніе къ эпохѣ богословскихъ споровъ о пасхалии. Другія подробности важны для исторіи міеологіи и народнои поэзіи; а именно: *зрелый кладезь*, у котораго живетъ птица Таврунъ; змій при озерѣ, напоминающій польское преданіе о Кракѣ, малорусскую сказку о Кирилѣ кожемякѣ, болгарскую о бояновомъ царствѣ и друг.

¹⁾ Смотри мою статью «О страшномъ судѣ по русскому подлиннику», въ Современникѣ за 1857 годъ.

²⁾ Смотри въ моемъ сочиненіи «О вліяніи христіанства на славянскій языкъ», въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ Архивѣ Калачева, въ рѣчи о народнои поэзіи.

Единорогъ, отъ котораго убѣгаетъ змій, и китъ, предвѣстникъ свѣту представленія, принадлежатъ столько же мифологій и средневѣковой художественной символикѣ, сколько и эпосу о животныхъ (Thierfabel).

Заслуживаютъ вниманія нѣкоторые отдѣльные выраженія; какъ то: «ты гораздъ *сны загадки отгадывать*» — то есть: сновидѣнне представляется загадкою, которую слѣдуетъ отгадать: очевидная связь эпическихъ понятій о сновидѣнн и загадкѣ. «Далече намъ грѣшнымъ *до Рима*» — пословица, распространенная въ среднѣе вѣка на западѣ, и, вѣроятно, рано перешедшая на Русь. Въ выраженіи: «восходитъ луча солнца краснаго» — слово *луча* (вм. *лучь*) древнее и народное.

Касательно внѣшней формы этой повѣсти надобно сказать тоже, что и многихъ другихъ, встрѣчающихся въ старинныхъ сборникахъ. Это — та хаотическая смѣсь стихотворной формы съ прозаическою, отдѣльныхъ стиховъ и прозаическихъ фразъ, которая, съ одной стороны, служитъ естественнымъ переходомъ отъ народной пѣсни къ народному же прозаическому разсказу, а съ другой — предлагаетъ обломки древне-русскаго стиха, драгоценные для исторіи народной поэзій и для теоріи русскаго версификаціи.

Въ заключеніе, почитаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ вообще о національномъ духѣ, которымъ пропитана вся эта повѣсть. Тотъ обнаружилъ бы свое крайнее незнаніе исторіи средневѣковой литературы, не только русскаго, но и всѣхъ западныхъ народовъ, кто по историческимъ и географическимъ чрезвычайностямъ, вошедшимъ въ эту повѣсть, вздумалъ бы судить о дикости и грубости нашихъ предковъ. Подобную же чепуху встрѣчаемъ во многихъ замѣчательнѣйшихъ поэтическихъ произведеніяхъ старинной литературы Германіи, Франціи и другихъ образованныхъ странъ. Но не въ подобныхъ несообразностяхъ и въ грубомъ невѣдѣнн состоитъ сущность такого рода произведеній, а въ высоко художественной поэтической обработкѣ народныхъ убѣжденій и въ наивномъ, національномъ тонѣ. Судя по «повѣсти града Іерусалима», можно догадываться, какъ пріятно было нашимъ предкамъ мечтать, что все святое и великое находится на ихъ свѣторусской землѣ: на ней стоитъ и святой градъ Іерусалимъ, въ ней и святая Софія, сирѣчь, Святая Святыхъ; на святой же Руси жили-были и царь Давыдъ Іессеовичъ, и сынъ его, премудрый Соломонъ, завладѣвшій царствомъ Волота Волотовича, наибольшаго изъ царей, очевидно, земли русскаго.

Повѣсть града Іерусалима.

Бесѣда царя давида иессеевича с царем волотомъ волотовичемъ на синайстѣй горѣ, посторонѣ града иерусалима у дуба маврейскаго у креста ливанидова, у главы адамовы.

В великую было субботу, съездилися к церкви к литургіи 42 царя. Большой у нихъ былъ царь Волотъ Волотовичъ, 2 у нихъ царь Моисей Моисеовичъ, трети у нихъ былъ царь Елисей Елисеовичъ, четверты у нихъ у былъ царь Давыдъ пророкъ Иессеовичъ. І оне те все цари к литургіи приехали і отслуша литургию, рече імъ царь большой Волотъ Волотовичъ: ой вы цари і князи благовѣрныя! скажите вы мнѣ, не утайте: начесь¹⁾ вамъ кому что и каковъ сонъ видѣлся? Не можете вы утайть отъ меня, мнѣ повѣдайте. І все цари молчатъ. И рече царь Волотъ: а мнѣ начесь много видѣлось: і вы про тотъ сонъ скажите і добромъ ево осудите. С тое страны восточныя восходитъ лучя солнца краснаго, осветила всю землю свѣторускую, а в другую сторону полуденную выросло древо кипарисъ, серебряное корение, и вѣтви у древа все золото бумажное; поверхъ того древа сидитъ птица кречетъ бѣлой, на ногахъ у него колоколичкъ. Кто мнѣ про сей сонъ можетъ сказать и его отгадать? І тутъ цари умолчали все. Единъ от нихъ выступалъ царь Давыдъ пророкъ Иессеовичъ, и зговоритъ таково слово: Государь ты нашъ первый царь, Волотъ Волотовичъ! Далече намъ грѣшнымъ до Рима и до Иакова, брата Господня! Тотъ бы сонъ твой отгадалъ. І азъ тебѣ про него съкажу, и тотъ твой сонъ збудетца. Во второмъ надесять году у меня царя Давида родитца сынъ Соломонъ, а у тебя родитца дщерь Соломонида Волотовна, а еще нынѣ во утробѣ нѣтъ. А что с тое страны восточныя восточныя²⁾ восходитъ лучъ сонца краснаго, осветилъ всю землю светорускую, то будетъ на Руси градъ Іерусалимъ начялннй; і в томъ градѣ будетъ соборная и апостолская церковь Софіи Премудрости Божия, о седмидесятъ верхахъ, си рѣчь, Святая Святыхъ. А что у древа вѣтвие золотое, то будетъ паникадилы поставлены, а вѣтвие бумажное, то свѣщы на поникадилахъ поставлены будутъ предчюднымъ (sic) образомъ. А что с тое страны полуденныя выросло древо кипарисъ, корение сребренное, то у меня будетъ сынъ царь Соломонъ премудры, і онъ сожидетъ Святая Святыхъ, то есть кречетъ бѣлы; а что

¹⁾ Г. е. *почесь*.

²⁾ Такъ въ рукоп. повторено.

у кречета колоколчикъ золотой — у твоей царицы родитца дочь Соломонида, а моему сыну Соломону у тебя на твоей дочери женитца і твоимъ царствомъ ему владѣть будетъ. И отвѣща ему царь Вологъ Волотовичъ: исполать тебѣ, Царь Давыдъ, что ты гораздъ сны загадки отгадывать и досушь¹⁾ доброе слово молвити. І рече ему царь Давыдъ: а ты мне болшой царь Вологъ Волотовичъ про то скажи: отчево у насъ свѣтъ свѣтитца, і отчево сонце сіяеть, и отчево заря занимаетца? на чемъ у насъ небо ходитъ, на чемъ земля стоитъ? Отвѣща болши царь Вологъ Волотовичъ царю Давыду: я тебѣ про то скажу: свѣтъ у насъ свѣтитца от господнихъ очей, а сонце сіяеть от святыхъ рызы (sic) ево, а заря занимаетца от сонца краснаго; а небо ходитъ на воздухѣхъ, а земля стоитъ на осмидесятъ китахъ рыбахъ меншихъ, да на трехъ рыбахъ болшихъ. А ты мнѣ царь Давыдъ про то скажи: кой градъ градомъ мать, и коя церковь церквамъ мать, и коя глава главамъ мать? кое древо древомъ мать? коя трава травамъ мать? кой камень камень мать? коя птица птицамъ мать? кой звѣрь звѣрямъ мать? кое езеро езеромъ мать? коя гора горамъ мать? кое море морямъ мать? И рече царь Давыдъ: я тебѣ про то скажу: первы градомъ мать градъ Іерусалимъ: ево пасхалия азбучная во всю землю свѣторускую. А церковь церквамъ мать соборная Союия Премудрости Божия; да в той же церкви стоитъ гробъ господень: потому церковь церквамъ мать. А река рекамъ мать Иорданъ, потому что она течеть изъ рая едемскаго, а в ней крестился Господь нашъ Иисусъ Христосъ: потому рекамъ мать. А глава главамъ мать адамова глава: коли сотворилъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ небо и землю і вся, яже на земли, и начерта на земли по образу своему челоуѣка, и нарече імя ему Адамъ; і вынялъ у него ребро, і сотворилъ ему жену Евву, и от нихъ поидоша цари і князи: потому глава главамъ мать. А древо древомъ мать древо кипарисъ, пѣвга, кедръ: потому что от нихъ идетъ благоухание; от нихъ же родитца ладонъ, идетъ во всю землю свѣторускую: потому древамъ мать. А трава травамъ мать плакунъ трава: какъ жидовѣ Христа распинали, і Богородица на ту траву уканула слезу: потому травамъ мать. А птица птицамъ мать таврунъ птица невелика, с рускую галку; а живетъ она у гремичева кладезя, у теплаго моря. А звѣрь звѣрямъ мать единорохъ. Коли на²⁾ земли была засуха, і в тѣ поры дождя на землю не было; тогда в рекахъ і во езерахъ воды не было, толко во единомъ езере вода была; і

¹⁾ Т. е. досужь.

²⁾ Въ рукоп. на дважды.

лежалъ великой змиі, и не давалъ людямъ воды пить и никакому потокучему звѣрю, ни птицѣ полетучей. А коли побѣжитъ единорогъ воды пить, и змиі люты слышитъ и побѣжитъ отъ звѣря того за три дни, і в ту пору запасаютца водою люди. А озеро озеромъ мать Ільмень озеро, чѣ пот Киевомъ градомъ: потому что взела (sic) в себя триста рѣкъ. А море морямъ мать акиянъ море великое, потому что в немъ стоитъ церковь Климента, папы римскаго. А рыба рыбамъ мать китъ¹⁾ рыба великая: какъ та рыба китъ взыграетца и пойдетъ во глубину морскую; тогда будетъ свѣту преставленія. А гора горамъ мать Фаворская да Сионская. И глагола ему царь Давыдъ: а ты мнѣ царь Волотъ Волотовичъ про то скажи: Кому на второмъ пришестви не быть, и лица божия не видать, и суда божия имъ не будетъ? І отвѣща ему царь Волотъ Волотовичъ: азъ тебѣ про то скажу: всякому челоуѣку на второмъ пришестви быть, и судъ имъ будетъ по дѣломъ ихъ; а еретикамъ и чяродѣмъ, тѣмъ суда божия не видать: безъ суда божия посланы будутъ в мѹку вѣчную. Нынѣ и присно і во вѣки²⁾ вѣковъ аминь. Конецъ.

Ө. БУСЛАЕВЪ.

---

¹⁾ Въ рукоп. вм. *Китъ*, ошибкою стоитъ *Акиянъ*.

²⁾ Въ рукоп. *въ* вм.: *вѣки*.

ZEITSCHRIFT FÜR VÖLKERPSYCHOLOGIE UND SPRACHWISSENSCHAFT.

Herausgegeben von Dr. M. Lazarus und Dr. H. Steinthal.
Band 1. Heft 1.

(Einleitende Gedanken über Völkerpsychologie von M. Lazarus und H. Steinthal.)

Г. Штейнталь, приватъ-доцентъ по кафедрѣ общаго языковѣдѣнія въ берлинскомъ университетѣ, извѣстный въ исторіи современной науки языковѣдѣнія преимущественно трудами въ области ея философскихъ проблеммъ, въ сообществѣ съ докторомъ Лацарусомъ, предпринялъ періодическое изданіе, котораго цѣль и область изслѣдованія опредѣляется во введеніи, предложенномъ въ первой книжкѣ журнала. Современность и наукообразность принятыхъ началъ ручается за успѣхъ предпріятія. Отзывы «Wiener Zeitung» и «Revue Germanique», высказавшіе свое недоумѣніе по поводу новаго явленія и предложившіе редакціи вопросы, убѣдительно разрѣшенные и отклоненные, говорятъ лишь о томъ, что новыя явленія въ частныхъ областяхъ знанія должны оправдать свои начала всею массою предлагаемаго матеріала, прежде нежели они достигнутъ всеобщаго признанія. Знаменательнѣе для оцѣнки явленія въ исторіи науки готовность раздѣлить убѣжденіе со стороны ученыхъ специалистовъ. Редакція предлагаемаго журнала въ этомъ отношеніи имѣетъ право гордиться появленіемъ книжки Ведевера, изслѣдующаго народный характеръ въ языкѣ по началамъ народной психологіи, къ которымъ онъ пришелъ независимо отъ

трудоѡ нашей редакціи ¹⁾). Почитая предложенный планъ изслѣдованій плодотворнымъ и для науки русской народности, передаемъ его содержаніе читателямъ Лѣтописей, останавливаясь на тѣхъ сторонахъ обширнаго плана, которыя наиболее близки къ нашимъ задачамъ.

Явленіе науки «народной психологіи» совершенно ново въ исторіи этнографіи. Если искать ей историческихъ преданій, то должно будетъ ограничиться частной областью сравнительно-историческаго языковѣднія, къ результатамъ котораго впервые приложилъ методъ психологической оцѣнки Вильгельмъ Гумбольдтъ. Одинъ изъ редакторовъ новаго журнала, г. Штейнталь унаслѣдовалъ Гумбольдтовъ методъ: являясь во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ продолжателемъ Гумбольдта, онъ отчасти развивалъ вопросы философіи языка, отчасти прилагалъ добытыя положенія къ частнымъ вопросамъ лингвистическимъ. Въ 1855 году г. Штейнталь издалъ свое главное сочиненіе «Grammatik, Logik und Psychologie»: стирая слѣды устарѣвшаго Беккерова «Организма» энергической полемикой, авторъ въ послѣднемъ отдѣлѣ труда представилъ физиологію звука и установилъ отношенія взаимодѣйствія животнаго и духовнаго элемента въ процессъ его творчества. Выходя изъ частной области языковѣднія въ область обширной науки этнографической, редакція приняла на себя трудную задачу методологическаго опредѣленія границъ изслѣдованія.

Изложеніе начинается съ той общепринятой мысли, что человекъ предназначенъ къ жизни общественной, и что личность уславливается степенью ея участія въ общественной жизни. Духъ личности опредѣляется духомъ того цѣлаго, среди котораго она живетъ. Общественный бытъ разнообразенъ въ своихъ формахъ, преемственно развивающихся и относящихся другъ къ другу различно въ различныя времена; отдѣльныя личности, причастныя къ развитію этихъ формъ, также бесконечно разнообразны, какъ эти формы. Совокупность личностей, связь ихъ содержитъ въ себѣ судьбу личностей,—ибо все духовное ихъ достояніе принадлежитъ цѣлому. Законосообразное движеніе и развитіе внутренней дѣятельности людей есть духъ. Первоначальное, данное исторіей, соединеніе людей есть народъ. Наука народной психологіи изслѣдуетъ законы того движенія и развитія, оставляя частной, *индивидуальной* психологіи человека, какъ душевный субъектъ. Историческая первозданность народа, какъ первоначальнаго соединенія людей, заключающаго въ себѣ всѣ другія, устанавливаетъ отношеніе науки народной психологіи къ наукамъ политическимъ: психологическій матеріалъ, добываемый ею, даетъ живое содержаніе

¹⁾ Указаніе г. Лацаруса во 2 книжкѣ журнала, стр. 180.

формамъ государственнаго быта, какъ порожденіямъ народной жизни. Какъ наука, изслѣдующая законы движенія и развитія народнаго духа, психологія народа выдѣляется изъ того направленія матеріализма естественныхъ наукъ, которое, «познавая животный элементъ органической природы, не признаетъ самобытности духа». «Человѣкъ по природѣ своей выше животнаго». Онъ имѣетъ способность къ развитію: всякое движеніе въ жизни человѣческой природы заключаетъ въ себѣ нѣчто другое относительно предшествовавшаго и зерно для новаго движенія въ будущемъ. Животный же организмъ періодически повторяетъ одинаковыя явленія при одинаковыхъ условіяхъ. Средство человѣческой природы съ животною состоитъ лишь въ законосообразности движенія; самое же движеніе различно. Слѣдовательно, исторія отличаетъ человѣка отъ животнаго. Наукѣ народной психологіи даются матеріалы историческою наукою. Это отношеніе науки народной психологіи къ исторіи уподобляется авторами отношенію физики, химіи и физиологіи къ описательнымъ наукамъ—минералогіи, ботаникѣ и зоологіи. Народъ, какъ такой, являетъ свое самопознаніе въ своей исторіи: явленія, выходящія изъ предѣловъ народности, сводятся къ отдѣльной народности, какъ къ своему источнику; общечеловѣческому же ихъ значенію должно искать объясненіе въ извѣстномъ историческомъ моментѣ. Такъ напримѣръ, единство народностей въ среднихъ вѣкахъ находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что германская народность возобладала своею творческою силою культуры надъ всѣми другими — кельтскою, иберійскою и проч. Какъ скоро германскій элементъ былъ вытѣсненъ изъ земель романскихъ, творческія силы его обособились въ своей народной отдѣльности (*deutsch, thiid*). Ту отдаленную эпоху хаотическаго броженія европейскихъ народностей, въ которой произошло сверхнародное преобладаніе германскаго элемента, объясняютъ послѣдующія эпохи развитія германской народности. Этотъ удачно выбранный авторами примѣръ подтверждается и живою современностью. Сила народнаго самосознанія и доселѣ сказывается въ области науки: въ развитіи философскаго генія Гегеля новыми изслѣдователями открывается сильное участіе его племенныхъ швабскихъ особенностей ¹⁾. Труднѣе опредѣлить сверхнародное существованіе того духовнаго достоянія народности, которое было унаслѣдовано другою народностью уже по завершеніи историческихъ судебъ первоначальнаго ихъ источника. Особенно были бы поучительны для науки народной психологіи наблюденія въ области буддизма. Миссія,

¹⁾ Haym, Hegel und seine Zeit.

какъ живой источникъ обмѣна духовной дѣятельности, исчезла, оставивши по себѣ одинъ канонъ. Отъ насъ, русскихъ, прежде всего слѣдуетъ ожидать сообщенія матеріаловъ и ихъ ученой разработки по относительной легкости сообщенія съ сибирскими послѣдователями буддійскаго вѣроученія. Наша духовная миссія принесла не мало пользы исторіи буддизма. Энергія ея представителей не ослабла и доселѣ: свѣжее явленіе ея мы видимъ въ сочиненіи архіепископа Нила¹⁾, съ которымъ публика уже знакома по извлеченіямъ, напечатаннымъ въ петербургскихъ журналахъ. Представляя любопытный матеріалъ для нашей науки въ главахъ о религіозныхъ обрядахъ и демонологіи, которымъ, по счастью, посвящено много вниманія, авторъ далекъ отъ ихъ исторической оцѣнки, и тѣмъ болѣе — психологической. Въ изложеніи совмѣщаются, силой историческаго безразличія, самые разнородные элементы. Это безразличіе вкрадывается, къ сожалѣнію, въ интереснѣйшую часть сочиненія: обряды гаданій по свѣтиламъ, очевидно шаманскаго происхожденія, сопоставляются съ гаданіями о мистическихъ калпахъ перерожденій, встрѣчающихся такъ часто въ индусскихъ сутрахъ и съ мистическими формулами, напоминающими индусскія dharani. Еще замѣтнѣе отсутствіе критики легендъ: легенда о миссіи Бодисатвы Мандзы предлагается безъ всякихъ указаній на ея источникъ, тогда какъ и ея мотивъ, и ея миеологическое содержаніе приводитъ къ индусскимъ легендамъ. Въ индусской легендѣ о миссіи Vigaya²⁾ вмѣсто Raxasi приводимой легенды Jaxani, что по сродству обоихъ духовъ составляетъ незначительный вариантъ; въ другихъ индусскихъ легендахъ встрѣчаемъ Raxasi, какъ духъ, враждебный дѣлу миссіонеровъ, такъ напримѣръ въ легендѣ о миссіи Sona и Uttara въ Suvarnabhumi, въ буддійской миссіи въ Кашемиръ и Гандара³⁾. Роль Raxasi, какъ врага миссіи не оставляетъ сомнѣній въ тождественности легенды о Мандзѣ съ приведенными индусскими. Еще болѣе твердости нашему выводу даетъ эпитетъ безобразной (raxasi, rik? tanana), который придается Raxasi въ Рамаянѣ⁴⁾: этотъ эпитетъ не только удержанъ и въ монгольской редакціи легенды, но даже перенесенъ и на дѣтей ея⁵⁾. Не можемъ не упрекнуть автора и за то равнодушіе, съ которымъ онъ обращается съ словами происхожденія палійскаго, сопоставленными съ монголь-

1) Буддизмъ, разсматриваемый въ отношеніи къ его послѣдователямъ, обитающимъ въ Сибири. 1858.

2) Lassen, Indische Alterthumskunde. В. 2. pp. 98—99.

3) Ibid., pp. 237, 235.

4) Ramayana, ed. Schlegel, I II, с. LXIX. Somnium Bharatai, p. 197.

5) Сочиненіе Нила, стр. 301.

скими. При отсутствіи критики сочиненіе архіепископа Нила, къ сожалѣнію, не представляетъ никакой вѣрной добычи для науки народной психологіи.

Въ томъ же отношеніи весьма важны судьбы религіознаго канона другой вѣтви арійской народности, судьбы Зендъ-Авесты, Переходъ черезъ пельвійскую редакцію, а посредствомъ ея и черезъ санскритскую редакцію Неріосенга сдѣлалъ необходимымъ толкованіе текста по преданію; запасъ преданія нашелъ себѣ выраженіе въ глоссахъ, которыя обширнѣе текста. Критика Бюрнуфа, Брокгауза, Шпигеля и другихъ оцѣнила эти источники преданія лишь со стороны ихъ филологической цѣнности. Наблюденія надъ отношеніями запаса преданій къ ихъ первоначальному источнику было бы весьма поучительно для нашей науки.

Психологія народа есть синтетическая основа исторіи: она познаетъ законы развитія. Эта синтетическая доктрина предполагаетъ, какъ необходимыя, аналитическія наблюденія въ области отдѣльных народностей. Первая часть называется народно-исторической психологіей; вторая — психическою этнологіей. Совокупность обѣихъ есть наука народной психологіи.

Представивши въ возможной краткости методологическія мысли авторовъ, перейдемъ къ опредѣленію народа и наблюденіямъ въ отдѣльныхъ областяхъ его жизни. Авторы отрицаютъ возможность твердаго опредѣленія понятія народности при исключительномъ руководствѣ какою-либо одной областью его жизни. Вниманіе ихъ остановилось по преимуществу на языкѣ. Можно ли разграничить народности по языку? Авторы отвѣчаютъ на это отрицательно на томъ основаніи, что историческія судьбы единятъ народности, по языку несродныя и, наоборотъ, соплеменные народности и по языку ближайшія другъ къ другу разъединяются исторіей. Помимо этихъ очевидныхъ доказательствъ, современная наука лингвистики не можетъ взять на себя разрѣшеніе вопроса о предѣлахъ народности по самой природѣ своихъ научныхъ задачъ. Она роднитъ народности, отдѣляемыя другъ отъ друга огромными историческими стадіями, ибо въ ея обладаніи до-историческая эпоха народности, ея дѣтскій возрастъ, въ которомъ родство по непосредственности и первобытной простотѣ народныхъ элементовъ чувствуется глубже. Зендъ, позднѣе другихъ, выдѣлившійся изъ первоначальной области имѣетъ потому самому наиболѣе близкое родство съ санскритомъ, и именно съ древнѣйшимъ его нарѣчіемъ, ведійскимъ; миѳологія и литературная форма Зендъ-Авесты, форма гимна еще болѣе роднитъ зендскую народность съ индусской въ ея ведическую эпоху. Лексикографія Ведъ уяснила

много зендскихъ корней, изъ которыхъ нѣкоторыя, находя себя весьма рѣдко аналогію въ греко-италійской группѣ, роднятся съ словами германскаго корня ¹⁾. Частныя измѣненія буквъ въ этомъ отношеніи еще знаменательнѣе: они нерѣдко роднятъ языки различныхъ группъ въ тѣхъ явленіяхъ вокализма, которыя остаются чуждыми другимъ языкамъ тѣхъ же группъ. Такъ напримѣръ общій всѣмъ индо-европейскимъ языкамъ числовой корень *dva* въ Зендѣ отбрасываетъ *d*, а *v* обращаетъ въ *b*, откуда *bi* вм. *dvi* ²⁾. Эту особенность съ Зендомъ раздѣляетъ лишь латинскій языкъ. Представляя драгоценныя матеріалы для науки психологіи народа своими наблюденіями надъ дѣтскимъ возрастомъ народности, лингвистика не отказывается слѣдить за нею и въ даль ея историческаго развитія. Но въ историческую эпоху, по сложности вошедшихъ въ нее элементовъ, лингвистика можетъ быть лишь частнымъ наведеніемъ къ познанію народной жизни. Итакъ, языковѣдніе отрицаетъ возможность дѣленія народовъ по языку. Языкъ, какъ скоро захотятъ придать ему значеніе мѣрила народности, становится въ рукахъ науки какимъ-то объективнымъ средствомъ познанія народной жизни; тогда онъ есть та же готовая категорія, подъ которую когда-то хотѣли подвести жизнь народности.

Это убѣждаетъ въ томъ, что ничто не можетъ глубже и правдивѣе означить предѣлы народности, какъ то субъективное народное самосознаніе, которое является плодомъ всесторонняго развитія народнаго духа. На пути историческаго развитія каждая народность слагаетъ себя возрѣніе на племенное родство, съ своеобразностью, условливаемой ея историческими судьбами. Въ этомъ вопросѣ, по нашему мнѣнію, психологія народности можетъ ожидать большой добычи отъ науки сравнительнаго языковѣднія, дающей объясненіе народныхъ именъ. Народныя имена *агуа*, *аігуа* (почтенный), въ противоположность *апагуа*, *апаігуа*, давно уже уясненныя лингвистикой, получаютъ много освѣщенія отъ сравнительно-историческаго изученія народныхъ именъ. Отыскивая субъективное значеніе понятія народности, психологъ находитъ обильный матеріалъ въ народномъ историческомъ эпосѣ. Психологическія наблюденія надъ народностями, богатыми историческимъ эпосомъ, наиболѣе плодотворны. Между славянскими народностями всего болѣе привлекаетъ вниманіе психолога съ этой стороны племя сербское. Воспѣвая каждого изъ избранныхъ героев народной борьбы

¹⁾ Burnouf, Commentaire sur le Yâçna. Avantpropos, p. XXVIII.

²⁾ *paoirim*,..... *bitim*,..... *thritim yânem gaidhyemi*. Yâçna у Haug «Gathas Zarathustrani», p. 42.

дѣлымъ рядомъ эпопей, народное творчество выражаетъ свои племенные симпатіи не въ однихъ вѣдшихъ дѣлахъ борьбы, — она призываетъ на разрѣшеніе великаго народнаго поединка внутреннія силы народнаго творчества, созданія народной мифологіи, придавая этимъ глубокое значеніе народности племенной вражды: такъ напримѣръ видимъ участіе вилы въ разрѣшеніи борьбы Новака съ Грчицемъ Манойлой ¹⁾. Не разъ встрѣчаемся мы въ сербскомъ историческомъ эпосѣ съ кровавой борьбой съ Греками. Въ одной пѣснѣ Грекъ является нарушителемъ семейнаго покоя; въ другой майсторъ Манойло является нарушителемъ общественнаго благосостоянія. «Нельзя ни жениться, ни выходить замужъ, не приходять къ царю подати, не торгуетъ купецъ своимъ товаромъ, не ходитъ паломникъ на поклоненіе гробу Господню» ²⁾. Такое освѣщеніе даетъ народность сербская своимъ отношеніямъ къ Грекамъ, которыми условливалось ихъ поселеніе въ придунайской области, отъ которыхъ приняли они вѣру. Всѣ преданія забыты ради вражды съ Турками. Не смотря на то, что центръ религіознаго общенія съ Греками, монастыри могли бы живо напомнить Сербамъ ихъ отношенія къ православнымъ Грекамъ, народная фантазія съ одушевленіемъ стремится дѣлиться религіозными интересами съ русскими единоплеменниками: хитростью патріарха царь турецкій отдариваетъ московскихъ пословъ драгоценнѣйшими предметами православной святыни, въ чемъ послѣ объясненія съ пашей онъ раскаялся, но драгоценныхъ даровъ возвратитъ уже не могъ. Одушевленіе, съ которымъ роднится сербскій народъ съ своими русскими единоплеменниками очевидно изъ того, что мотивъ приведенной пѣсни ³⁾ Вукъ Стефановичъ нашелъ и въ позднѣйшемъ его вариантѣ въ связи съ «госпой Елисавкой» ⁴⁾. Приведенные факты говорятъ о томъ, что народная борьба Сербовъ совершалась въ пору живыхъ силъ народности и первоначальнаго племеннаго самосознанія. Племенное сочувствіе русскимъ и забвеніе преданій о связяхъ съ Византіей тѣмъ важнѣе, что въ эпосѣ народной борьбы не замѣтна та страдательная покорность печальной современности, которая бы лишала народность самосознанія въ области историческаго прошедшаго. Пѣснь о дѣвицѣ Маргитѣ и воеводѣ Райкѣ ⁵⁾ убѣждаетъ въ томъ, что народная са-
мобытность погибала въ моментъ историческаго самосознанія народа.

¹⁾ Вукъ, Срп. нар. пјесме. III, № 6.

²⁾ Ibid. № 45, стр. 20—23.

³⁾ Вукъ, III, № 15.

⁴⁾ Ibid., p. 83.

⁵⁾ Ibid., № 10.

На упреки въ безсиліи отстоять родину, Райко отвѣчаетъ пѣлымъ рядомъ историческихъ воспоминаній о народныхъ герояхъ, совокупными усилиями которыхъ Сербія была обезопасена отъ нападеній Турокъ.

Русская вѣтвь восточныхъ Славянъ роднится съ сербскою и по богатству своего эпоса. Не говоря о эпосѣ доисторической формации, не говоря о эпическомъ циклѣ Владиміра, укажемъ на пѣсни, связанныя по своему содержанию съ личностями русскихъ царей, память которыхъ начертана такъ рѣзко въ народномъ самосознаніи. Собраніе г. Якушкина, украшающее страницы второй книжки «Лѣтописей», представляетъ въ №№ VII и VIII пѣснь на свадьбу Грознаго. Кромѣ искренняго народнаго отзыва личности Іоанна Грознаго, мы находимъ въ нихъ указанія на отношенія къ Литвѣ, которыя влагаютъ слова вражды въ уста умирающей русской царевны. Эпитетъ «проклятой», приданный народомъ Литвѣ, оцѣненный со стороны его историческаго значенія въ предисловіи (стр. 24), миеологически освѣщается тѣмъ значеніемъ, которое получила Литва въ демонологіи нашихъ предковъ. Въ житіи Сергія Радонежскаго, повѣствуя о поселеніи угодника въ пустынь Радонежской «вѣси», писатель говоритъ, что бѣсы, раздраженные смѣлостью поселенія Сергія въ грозной пустынь, являлись къ нему въ литовскихъ одѣянιάхъ и шапкахъ островерхихъ ¹⁾. Это представленіе нашей народной демонологіи тѣмъ краснорѣчивѣе, что житіе того же святаго содержитъ въ себѣ строки, наполненыя враждой къ Литвѣ; самъ угодникъ является на стрѣльницѣ охраняющемъ г. Опочки, во время осады его Ляхами и Литвой подъ предводительствомъ «Жигдимонта».

Итакъ, историческій эпосъ, какъ непосредственное выраженіе народнаго самосознанія, есть единственно-возможное, правдивое опредѣленіе предѣловъ народнаго родства.

Запасъ впечатлѣній первобытной эпохи народной жизни находимъ въ лексической сокровищницѣ языка. Корни, общіе народностямъ индо-европейскаго племени, говорятъ о томъ, что они въ первоначальномъ своемъ слитіи дѣлили между собой тотъ запасъ впечатлѣній. Отдалившись другъ отъ друга, пройдя въ своей племенной особности извѣстныя стадіи исторической жизни, они снова встрѣчаются на поприщѣ исторіи. Забывши первоначальное родство, относясь съ равнодушіемъ къ тому первобытному запасу народныхъ представлений, они заимствуютъ другъ у друга слова. Самый фактъ заимствования говоритъ уже о равнодушіи къ основному запасу народныхъ

¹⁾ Житіе Преподобнаго и Богоноснаго Отца нашего Сергія Радонежскаго и всея Россіи чудотворца. 1853 г. Въ литогр. св. Троицкія Сергіевы Лавры. Л. 72.

представлений. Степень этого равнодушія опредѣляется степенью живости и своеобразности заимствованія. Въ этомъ отношеніи весьма поучительно изученіе лексики романскихъ языковъ, которая принимаетъ въ себя слова латинскія, вошедшія въ употребленіе въ послѣднее время съ очень слабой степенью своеобразности, тогда, какъ слова того же корня входили въ нее, какъ первоначальный составной элементъ, подчиняясь совершенно оригинальнымъ измѣненіямъ¹⁾. Способъ заимствованія, слѣдовательно, зависитъ отъ эпохи заимствованія. Въ высокой степени поучительно изслѣдованіе явленій позднѣйшаго взаимодѣйствія путемъ внѣшняго сообщенія между языками, находящимися въ первоначальномъ племенномъ сродствѣ. Таково взаимодѣйствіе языка литовскаго съ славянскимъ. Языкъ литовскихъ пѣсней и сказокъ, записанныхъ въ XIX столѣтіи, стоитъ на такой степени первобытности вокализма, что отношеніе его къ славянскимъ справедливо сравниваются съ отношеніями готскаго языка Ульфилы къ нѣмецкимъ нарѣчіямъ. Для уясненія этого мы считаемъ полезнымъ узнать ту силу самобытности жизни вокализма литовскаго, которая является въ заимствованіяхъ словъ корня специально-славянскаго. Литовское рѣченіе «wėga», не смотря на значительное количество производныхъ словъ, не состоитъ въ первоначальномъ родствѣ съ славянскимъ вѣра. Въ этомъ насъ убѣждаетъ прежде всего неизмѣнность коренной гласной, говорящая о томъ, что литовскій вокализмъ не нашелъ въ себѣ побужденій къ измѣненію слова чуждаго. Кроме того лексическая сторона дѣла приноситъ намъ обиліе доказательствъ. Отвлеченное значеніе слова «wėga», къ вѣрѣ объективной (krikszczo-piszka wėga) въ противоположность вѣры личной, личнаго убѣжденія, которая имѣетъ свое выраженіе въ специально-литовскомъ корнѣ глагола «tikiu» («tikėjimas»), прямо отрицаетъ оригинальность слова «wėga» въ литовскомъ языкѣ. Это получаетъ болѣе яркое освѣщеніе, если оцѣнить миеологическое значеніе литовскаго изрѣченія «neų saulis duktė negal jam itikti» («и солнцева дочь не угодитъ ему»). Древне-прусскій катихизисъ 1561 г., единственный памятникъ исчезнувшей вѣтви литовской народности, выражаетъ понятіе вѣры христіанской словомъ «*druwis*»²⁾, представляющимъ несомнѣнную аналогію съ скр. «*dhriva*» (*certus*), кор. «*dhru*» (*fixum esse*)³⁾. Если «wėga» не есть литовское рѣченіе, то въ этомъ литовскомъ заимствованіи гласная *ė* есть весьма любопытная транскрипція нашего *л*:

¹⁾ См. 1-й томъ Diez, «Grammatik der Romanischen Sprachen».

²⁾ По изд. Нессельмана, 12, 18, 22, 38, 39 и проч.

³⁾ А не «dhr», какъ-то полагаетъ издатель, стр. 96.

нужно предположить весьма тонкое чутье вокализма въ позднѣйшую эпоху литовскаго языка, чтобъ объяснить транскрипцію *ь*, какъ подъятія гласной *и*, литовскою *ė* (у Милке *ei*), имѣющею ту же этимологическую качественность подъятія *и*. Не имѣя этого чутья, литовскій языкъ принялъ бы наше *ь*, какъ *е*. Слѣдовательно, тонкіе отѣнки произношенія, имѣющіе глубокія основы въ исторіи языка литовскаго, удержали свою дѣйственную силу и въ заимствованіяхъ. Въ заимствованныхъ словахъ мы встрѣчаемъ частую смѣну *о* и *а*; такъ наприм. литовское *koznas* не можетъ получить объясненіе въ законахъ литовскаго словообразованія, ибо оно, очевидно, есть заимствование изъ нашего простонароднаго говора — «кажный». Въ согласныхъ, какъ въ матеріальномъ, менѣе живомъ элементѣ языка, находимъ гораздо менѣе живой силы звуковаго творчества заимствованій. Такъ напримѣръ, польское *chomato*, наше *хомутъ* звучитъ въ лит. названіи сбруи «kamantai». Буква *x* сочла наиболѣе легкимъ перейти въ одноорганную *k*, тогда какъ въ древнѣйшихъ образованіяхъ славянскому *x* соответствуетъ лит. свистящая *s*, такъ напримѣръ *musa* — муха, *blusa* — блоха, *sausas* — сухъ и проч. Слѣдовательно сила воспріятія здѣсь не переходитъ границъ органа, къ которому принадлежитъ воспринимаемый элементъ. Относительно же первоначальнаго средства слав. *x* съ лит. *s* имѣемъ замѣтить, что *s* имѣетъ право на большую первобытность, ибо и въ санскритѣ слав. *x* соответствуетъ свистящая: лит. *sausas*, сухъ — скр. *suska*. Но механическое воспріятіе начальной согласной, оправдываемое самою ея природой, не мѣшаетъ языку явить своеобразие съ формальной стороны въ образовательномъ элементѣ слова: *kamantai* — plural. tantum, по аналогіи съ другимъ словомъ, чисто-литовскимъ, имѣющимъ то же значеніе «сбруи», являющимся во всѣхъ своихъ образованіяхъ въ формѣ plural. tantum: «szlajei, szlajos, szlajes, szlajutes», ср. съ русск. «шлѣя». Последнее рѣченіе не есть заимствование, ибо его родство съ кр. глагола «szclęju» (придѣлывать, приспособлять) несомнѣнно, а *ė* есть органическая замѣна дифтонга *ai*, какъ гуны *i*. Еще поучительный примѣръ изъ области согласныхъ. Санскритскому небному придыхательному *s* соответствуетъ въ классическихъ языкахъ группа *sk, sc*¹⁾; тоже отношеніе можно прослѣдить и въ литовской группѣ *sc* относительно славянскаго *ч*, — лит. *skit, skait* — слав. кр. *чим*, лит. *skystas* — слав. чистый. Но на ряду съ рѣченіемъ *skystas* въ лит. находится вполне созвучное «szystas». Самая аналогія отношеній scr. *s* къ группѣ *sc* классиче-

¹⁾ Bopp. Vergl. Gramm. §. 14.

скихъ языковъ съ отношеніями слав. ч къ лит. группѣ *sc* убѣждаетъ въ высокой этимологической качественности и самобытности лит. группы *sc* въ рѣченіи *skystas*. Еще рѣшительнѣе то, что рѣченіе «*skystas*» являетъ во всѣхъ другихъ, весьма многочисленныхъ своихъ образованіяхъ подыатіе коренной гласной—«*skaistas*», тогда какъ рѣченіе «*czystas*» ни въ одномъ изъ своихъ образованій, почти безъ исключенія тождественныхъ образованіямъ рѣченія «*skystas*», не представляетъ подыатія. Это говоритъ за то, что рѣченіе «*czystas*» есть позднѣйшее заимствованіе, не подчинившееся уже законамъ измѣненія гласныхъ. Не можемъ не остановить нашего вниманія и на томъ, что всѣ производныя рѣченія «*skystas*» повторяются въ заимствованномъ «*czystas*», именно: нарѣчіе «*czystai*»—«*skaistai*», «*czysczausas*» — «*skaisczausas*», «*czystybe*» — «*skaistybe*», «*czystummas*» — «*skai-stummas*» и проч. и проч. Языкъ, чувствуя родство *sc* съ *cz*, смѣшивалъ ихъ. Отъ этого смѣшенія удержались, конечно, образованія специально-русскія, какъ-то «*czystata*», «*neczystata*».

Выражая собой отношеніе народа въ историческую эпоху его жизни къ творческимъ силамъ доисторической эпохи, языкъ служитъ лучшимъ выразителемъ и паденія основъ народной жизни. Оно отражается особенно ясно въ томъ, что образовательные элементы языка, соединяющіе матеріалъ народныхъ впечатлѣній въ извѣстныхъ представленіяхъ, неорганически смѣняютъ другъ друга и ищутъ виѣшнихъ знаковъ для выраженія того, что проявлялось внутренними силами языка въ прежнюю эпоху народной жизни. Любопытный предметъ наблюденій въ этой области представляетъ намъ древне-прусскій языкъ въ вышеприведенномъ своемъ памятникѣ 1561 года. Сохранивши такъ много старины въ склоненіяхъ и по преимуществу въ склоненіяхъ мѣстоименій (удержавшихъ корень *sta* въ цѣлости, нетронутой историческимъ временемъ, въ формахъ *stesmu*, *tennesmu*, *maiâsmu*, *poûsmu*, *jousmu*, *kasmu*, *subbsmu*), древне-прусскій языкъ обращается въ упомянутомъ памятникѣ весьма равнодушно съ образовательными элементами своего языка, дышащими первобытною свѣжестью. Это равнодушіе наблюдается въ замѣнѣ суффиксовъ склоненія однимъ винительнымъ падежемъ въ обоихъ числахъ, какъ скоро въ предложеніи отношеніе согласованія и управления, или членъ ясно указываютъ на ту форму, которая неорганически замѣняется винительнымъ падежемъ. Нессельманъ объясняетъ этотъ выборъ винительнаго падежа легкостью его носоваго исхода (*n*, *ns*)¹⁾. Тѣмъ печальнѣе судьба замирающаго организма, чѣмъ болѣе въ немъ силъ народной жизни!

¹⁾ Die Sprache der alten Preussen an ihren Ueberresten erläutert, p. 55.

«Миеологія тѣснѣйшимъ образомъ связана съ языкомъ». Въ эпоху юности народъ относится ко всему миеологически; но такъ какъ миеологія и языкъ раскрываютъ въ себѣ глубокія основы народнаго мышленія, то миеологическая дѣятельность направляется по преимуществу къ идеаламъ народнаго мышленія, содержащимся въ религіи. Миеологія не тождественна съ религіей: не все то миеологично, что религіозно, и не все то религіозно, что миеологично. Народъ смотритъ на все миеологически не по религіознымъ побужденіямъ. Миеологическій образъ возрѣнія объясняется исторической эпохой его творчества: въ юности народъ миеологически творитъ свои религіозные идеалы. Преслѣдуя развитіе духа отдѣльныхъ народностей до эпохи христіанства, наука этнографіи не замѣчаетъ внезапнаго перерыва: миеологическій элементъ религіознаго сознанія не исчезаетъ. «Католицизма не было, да нѣтъ его и теперъ». Нѣмецъ, Итальянецъ, Грекъ во всѣ времена имѣютъ различныя религіи по тому самому, что они суть отдѣльныя народности.

«Поклоненіе (культъ), раскрывающее драматическую силу народнаго сознанія въ символическомъ выраженіи религіозныхъ мыслей въ дѣйствіяхъ, и сказаніе (сага) содержатъ въ себѣ первые элементы народной поэзіи и другихъ искусствъ. Въ нихъ является конкретное сочетаніе тѣхъ элементовъ поэзіи, которые при благопріятныхъ историческихъ условіяхъ развѣтвляются на лирику, эпосъ и драму».

Смѣненіе и слитіе мотивовъ лирики и эпоса весьма ясно наблюдается въ тѣхъ немногихъ литовскихъ пѣсняхъ, которыя и по формѣ и по обилію эпическихъ мотивовъ миеологіи такъ живо напоминаютъ ведическій гимнъ. Переводимъ замѣчательнѣйшія изъ нихъ по изданію Нессельмана ¹⁾). «Солнышко, божья дочь, гдѣ, съ нами разлучившись, такъ долго замѣшкалась? гдѣ такъ долго зажилась? За моремъ, подъ горкой оберегалъ я, обильный дарами, сиротокъ, пригрѣвалъ пастушковъ. Солнышко, божья дочь, кто утромъ да вечеромъ огонекъ разводилъ, кто постельку ²⁾ стлалъ? Утренняя звѣздочка огонь мнѣ разводила, вечерняя постельку стлала, — много у меня родни». Пѣснь, слѣдующая за этою въ собраніи Нессельмана, содержитъ въ себѣ космогоническія представленія въ эпическомъ ихъ изображеніи. «Въ первую весну мѣсяцъ женится на солнцѣ. Солнышко встало рано, мѣсяцъ разлучился съ нимъ. Блуждалъ мѣсяцъ одинокій

¹⁾ Litauische Volkslieder. 1853. № № 1, 2, 3, 5.

²⁾ «patalėli» (постельку) — уменьшительное отъ *patalas*, слож. изъ предлога *pa* и *talas*, состоящаго въ несомнѣнномъ сродствѣ съ сск. «tala», которое имѣютъ между прочимъ значеніе поверхности какой-либо вещи.

и полюбилъ утреннюю звѣздочку. Перкунъ въ сильномъ гнѣвѣ разсѣкъ его мечемъ. Зачѣмъ разлучился ты съ солнцемъ? зачѣмъ блуждалъ одинокій? Зачѣмъ полюбилъ утреннюю звѣздочку? — Сердце полно смущенія».

Впечатлѣніе грусти, навѣянной грознымъ появленіемъ грома — Перкуна («Perkunas musza» — Перкунъ поражаетъ, по народному изреченію) воспринято въ слѣдующей пѣснѣ, которая открывается гимномъ: «Вчера вечерочкомъ пропала овечка моя! Ахъ, кто поможетъ мнѣ отыскать мою овечку? Пошелъ я къ утренней звѣздочкѣ. Утренняя звѣздочка отвѣтила мнѣ, — я должна рано утромъ солнышку огонекъ развести. Пошелъ я къ вечерней звѣздочкѣ; вечерняя звѣздочка отвѣтила, — я должна вечеркомъ солнышку постельку постлатъ. Пошелъ я къ мѣсяцу; мѣсяцъ отвѣтилъ, — я мечемъ разсѣченъ, — печалень мой образъ. Я пошелъ къ солнышку; солнышко мнѣ отвѣтило, — буду искать девять дней и на десятый не оставлю поисковъ»¹⁾.

Въ трехъ приведенныхъ пѣсняхъ являются миеологическія личности, изъ которыхъ каждая имѣетъ опредѣленное участіе въ космогоническомъ эпосѣ литовской народности. Тѣ изъ нихъ, которыя относятся къ миеологическому представленію свѣта, имѣютъ въ своихъ названіяхъ самую близкую аналогію съ названіями соответствующихъ миеологическихъ личностей арійскихъ народностей. «Saule» (солнце) — scr. «surya» (кр. svar), зенд. *hware*; «Menu» (мѣсяцъ) — scr. «mas»; «Auszrine», прилагательное, заставляющее предполагать существительное «zwaigzda» — утренняя звѣзда — scr. «ushas» (заря) — кр. ush (горѣть). Пятая пѣснь Нессельманова собранія даетъ много весьма интересныхъ эпическихъ подробностей.

«Подъ клѣномъ течетъ источникъ²⁾, къ которому приходятъ божьи сынки при мѣсячномъ свѣтѣ плясать съ божьими дочками. Къ источнику пришла я вымыть лице³⁾. Какъ я вымыла до бѣла лице, упало мое колечко въ воду. И пришли божьи сынки и выудили мое колечко изъ глубины воды. И пріѣхалъ добрый молодецъ на ворономъ конѣ, а конь его вороной золотомъ подкованъ. «Поди сюда,

¹⁾ «o deszimta ne leisius». Здѣсь «leidmi» въ будущемъ времени, въ значеніи вспомогательнаго глагола, принимаетъ возвратное мѣстоименіе (s), часто переходящее на неопредѣленное наклоненіе, къ которому относится вспомогательный гл. leidmi (здѣсь jėszkoj пзъ предмд. предл.). Вариантъ «neų nusi leisim» должно было бы перевести — «я не закачусь».

²⁾ Источникъ по литовски «szaltinatis»; слово это одного корня съ нашимъ *жладъ*, что объясняетъ эпитетъ студеной воды, студеной рѣчки. *Szalti* им. знач. мерзну.

³⁾ «burna praustis» — собственно значить: «вымыть ротъ»,

дѣвица! поди сюда, молодая! скажемъ другъ другу словечко, подумаемъ думочку ¹⁾ — гдѣ рѣчка поглубже течетъ, гдѣ любовь любовнѣе» ²⁾. Не могу, молодець, забранить меня матушка, матушка-старушка, если долго не прійду. «Ты скажи, дѣвица! ты скажи: утки прилетѣли, воду замутили, ждала я, поджидала». ««Не правда, дѣвица, — съ молодець ты говорила, сладку думу думала о словахъ любви»». Пляска божьихъ дочекъ при студеной рѣчкѣ напоминаетъ нашихъ русалокъ. Но кто эти божьи дочки? Въ рѣшеніи этого вопроса много помогаетъ весьма важный вариантъ, который замѣняетъ «*dėwo duk-teli*» названіемъ «*saules dukryte*» (дочки солнца). Вариантъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что эти божьи дочки, представленіе которыхъ въ приведенной пѣснѣ такъ тѣсно связано съ представленіемъ воды, родственны нашимъ русалкамъ, сербскимъ виламъ и всѣмъ явленіямъ, раскрывающимъ связь миеологическихъ представленій свѣта съ представленіями воды. Связь эта является въ названіяхъ и эпитетахъ сродныхъ явленій славянской миеологии: «русалка» — ведическое «*rusat*», (*rutilans*) корень котораго въ классическомъ санскритѣ удержалъ значеніе *ferire, occidere*; вилы имѣютъ при себѣ въ сербскихъ пѣсняхъ эпитетъ бѣлыхъ — бѣла вила, *candida*. Не зная личныхъ именъ божьихъ дочекъ, не позволяемъ себѣ идти къ дальнѣйшимъ заключеніямъ о ихъ миеологической природѣ. Замѣтимъ лишь, что эпитетъ «*dėwo duktele*» имѣетъ аналогію съ эпитетомъ Перкуна, приводимымъ Бродовскимъ въ лексиконѣ — «*die(ē)vactis*», божекъ, богъ по преимуществу ³⁾.

Кромѣ миеологическихъ сказаній, народная психологія изслѣдуетъ явленія народнаго духа въ баснѣ, пословицѣ и загадкѣ. Этими произведеніями народнаго остроумія и фантазіи владѣютъ въ обилии всѣ индо-европейскія народности. Индусскія собранія — Хитопадеша и Панчатантра представляютъ непрерывный рядъ басенъ, полныхъ представленій животнаго эпоса. Каждой баснѣ предпосылается пословица, повторяемая и въ концѣ ея. При повтореніи пословицы въ концѣ басни говорится: «*tāho 'ham bravimi*» (отъ того я и говорю); литовской пословицѣ предпосылаются слова того же значенія — «*besko sako*» (потому говорятъ). Слѣдовательно пословица имѣетъ своей внутренней основой басню, и часто даже въ самой пословицѣ замѣтны слѣды представленій животнаго эпоса, содержащагося въ баснѣ.

1) Замѣчательная эпическая тавтологія — «*dumosiwa dumuzate*».

2) Еще тавтологія — «*kur meile meiliausia*».

3) *Lituanica*, Schleicher, p. 19.

Народное остроуміе еще яснѣе выражается въ загадкѣ. О древности ихъ можно судить потому, что они вплетаются въ древнѣйшія эпическія сказанія, уцѣлѣвшія въ произведеніяхъ нашей духовной литературы («Муромская легенда»). Наша апокрифическая литература, проникнутая двоевѣріемъ, восприняла мотивъ загадки и развила его во многихъ изъ своихъ произведеній. «Бесѣда трехъ святителей», содержащая въ себѣ столь древнія народныя сказанія, богата и загадками, которыя, по сличенію, являютъ глубокія основы народности. Такъ напримѣръ ¹⁾: В. «Что есть конь стоитъ иссохъ, а трава подъ нимъ до чрева?—О. Конь есть богатый человѣкъ зря на свое богатство, иссохъ. — В. Что есть конь стоитъ на голѣ гумнѣ а сытъ велми? — О. Конь есть убогій человѣкъ: о богатствѣ не печется ни о чемже». Эту загадку мы встрѣчаемъ въ литовскихъ *rasakas* ²⁾ съ тѣмъ незначительнымъ варіантомъ, что кони замѣнены рогатымъ скотомъ. Рыбакъ, желая жениться на дѣвицѣ, найденной имъ у берега, встрѣтилъ соперника въ своемъ господинѣ. Господинъ обѣщаетъ ему уступить, если онъ принесетъ извѣстіе отъ его умершаго отца о схороненномъ имъ кладѣ. Рыбакъ отправляется на небо съ желаніемъ узнать тайну отъ Бога. На пути онъ даетъ многія обѣщанія: чудовишной рыбѣ обѣщаетъ узнать, какъ долго должна она носить на своемъ хребтѣ пашню, и между прочимъ обѣщаетъ узнать, какъ долго сытыя коровы должны стоять на голомъ мѣстѣ и какъ долго тощія должны стоять на густомъ лугу. Онъ долженъ былъ получить отвѣтъ на всѣ эти вопросы и потомъ уже разрѣшить тайну клада. Передавать отвѣты было опасно, потому что многіе изъ нихъ были неблагопріятны для вопрошающихъ, что заставило рыбака давать ихъ издали, во избѣжаніе мести. Чудовишной рыбѣ онъ передалъ отвѣтъ Бога послѣ того, какъ она переправила его на другой берегъ; съ отдаленной горы онъ сказалъ ей, что казнь постигла ее въ отмщеніе за тѣхъ людей, которыхъ она пожирала. Мотивъ загадки, какъ препятствія къ достиженію извѣстной цѣли, весьма распространенъ въ эпосѣ индо-европейскихъ народностей; мы не считаемъ нужнымъ приводить сличенія, всѣмъ давно извѣстныя. Загадку въ области чисто-христіанскихъ представленій видимъ въ духовномъ стихѣ «о грѣшной матери» ³⁾. Грѣшная мать является во снѣ своему сыну. Онъ, видя ее сидящею на змѣй, мучимую змѣями, крысами, ящерицами, спра-

¹⁾ Рѣчи и отчетъ университета. 1859. Приложение къ рѣчи проф. Буслаева, стр. 6.

²⁾ См. въ Шлейхеровой хрестоматіи сказку, озаглавленную такъ: «*are zweji kurs i dangi ejo*» (о рыбацѣ, который пошелъ въ небо).

³⁾ Собраніе народныхъ русскихъ пѣсень П. Кирвевскаго, № XXIX.

шиваетъ ее о значеніи каждой казни въ отдѣльности. Грѣшная мать, объяснивши каждую муку, какъ наказаніе за извѣстное преступленіе, проситъ молиться о себѣ. Здѣсь мотивъ загадки прилагается къ христіанскимъ представленіямъ и изображеніямъ страшнаго суда. Книга «Зерцало», на которую ссылается нашъ стихъ, содержитъ въ себѣ тоже самое подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «се еже како подобаеъ совершенное исповѣданіе творити и о нѣкоей женѣ страшно осужденнѣй» ¹⁾. Число казней одинаково и въ пѣснѣ и въ «Зерцалѣ» — ихъ 8; но нѣкоторыя разницы есть — такъ напримѣръ въ «Зерцалѣ» — «огонь жупелный изъ устъ», чего не находимъ въ пѣснѣ, деймона пѣсни не находимъ въ «Зерцалѣ». Значительнѣе варианты въ самыхъ обстоятельствахъ видѣнія. Въ «Зерцалѣ» грѣшница не поставлена въ отношеніи матери къ тому, кому она исповѣдуеъ грѣхи. Пришли два инока въ нѣкій городъ проповѣдывать слово божіе. Въ городѣ томъ была нѣкая жена, сотворившая «чужеложество» съ своими сродниками. Когда она каялась предъ однимъ изъ иноковъ, то изъ устъ ея выпали жабы. Въ одномъ грѣхѣ она постыдилась покаяться; и жабы снова возвратились въ нее, какъ это было замѣчено другимъ инокомъ. Иноки продолжали путь. Когда пришлось имъ снова проходить тотъ городъ, то они нашли ту грѣшницу уже мертвою. Они молились о ней. На третій день молитвы ихъ явилась имъ та женщина, сидя на змѣ со всѣми атрибутами адской казни. Страшный змѣй не далъ ей кончить исповѣди предъ иноками: «движеся съ нею и занесе ю во адская мѣста». Последнихъ словъ, хорошо дополняющихъ явленіе грѣшной души изъ ада, не находимъ въ стихѣ: легендой «Зерцала» читатель еще шире вводится въ кругъ представленій нашей демонологіи. Представленія, относящіяся къ страшному суду, надъ которыми такъ много трудилась фантазія нашихъ предковъ, восприняли народный мотивъ загадки. Содержаніемъ иносказанія послужили отдѣльныя представленія суда.

Этимъ мы оканчиваемъ нашъ обзоръ, надѣясь, что многое, на чемъ мы съ намѣреніемъ не остановили нашего вниманія, представится въ болѣе ясныхъ очертаніяхъ съ теченіемъ времени, когда въ разрѣшеніи задачъ народной психологіи примутъ участіе ученые, труды которыхъ, вышедшіе до изданія журнала Штейнталя, могли уже служить частнымъ наведеніемъ къ обширной области новой науки народной психологіи. Главнѣйшія стороны плана и наиболѣе близкія къ задачамъ «Лѣтописей» мы старались изложить съ возможною ясностію, замѣчая въ нашей литературѣ ложныя воззрѣнія на народность, ко-

¹⁾ По рукописи синодальной бібліотеки, № 101, гл. 703, лл. 495, 496.

торыя могутъ повести къ результатамъ весьма неутѣшительнымъ. Г. Г. ¹⁾, «порица» трудъ достопочтеннаго Макарія съ рѣшительностью, прилично лишь ученическому невѣдѣнію, высказываетъ свое воззрѣніе на народность, въ которомъ ясно проглядываетъ полная непосвященность въ начала современной науки этнографіи. Говоря о переводѣ священныхъ книгъ, г. рецензентъ замѣчаетъ: «Народъ не имѣлъ духовныхъ понятій въ языкѣ, чтобы бороться съ понятіями новыми; вѣра, можно сказать, не столько замѣщала у насъ старое, сколько восполняла отсутствующее». Далѣе авторъ дополняетъ, что условія христіанскаго просвѣщенія были такъ благопріятны на Руси, что разрѣшали вопросы, еще не возникавшія. Изъ этихъ словъ мы можемъ заключить, что древняя Русь рѣзко распадалась на 2 части, изъ которыхъ одна просвѣщала (Византія?), другая же оставалась въ страдательномъ бездѣйствіи. Первая разрѣшала вопросы, которыхъ не задавала себѣ вторая. Во имя чего они сосдились? Просвѣщающая сторона въ представленіи г. Г. напоминаетъ собой жерновъ мельницы, который продолжаетъ вращаться и тогда, когда хлѣба нѣтъ. Періодъ русскаго просвѣщенія, въ которомъ совершался этотъ таинственный актъ, г. Г. называетъ періодомъ преобладающаго значенія православія, хотя это и не мѣшаетъ ему сказать на слѣд. страницѣ (стр. 17), что до татарскаго нашествія; христіанство было распространяемо внѣшнимъ образомъ, и что весь этотъ періодъ являетъ постепенное умаленіе язычества. Вся эта историческая неправда, объясняющаяся невѣдѣніемъ автора, тѣмъ печальнѣе, что поводомъ къ ея выраженію послужили труды одного изъ самыхъ почтенныхъ ученыхъ дѣятелей въ области русской старины.

А. Дювернуа.

---

¹⁾ Русская Бесѣда, 1859. III. Критика, стр. 15—17.

СКАЗКА О МИЛОСЕРДОМЪ КУПЦѢ.

Жилъ купецъ и очень онъ нищую братію любилъ и бѣдныхъ: и подаваніе было, и наводилъ ихъ къ себѣ; что самъ пилъ и ѣлъ, то и имъ. «Гости мои дорогіе, говорилъ имъ: дороже васъ нѣтъ». А жена на нищую братію зрить не могла; онъ на это не глядѣлъ. И пришли къ нему разъ два старичка—апостолъ и самъ Іисусъ Христосъ, такіе старенькіе, одѣяніе худое и сумки назади: стоятъ на крыльцѣ, войдти не смѣютъ. Онъ имъ и говоритъ: «любезные пріятели, гости дорогіе! милости просимъ, подите въ горницу». Какъ, говорятъ они, мы пойдемъ? ноги у насъ грязныя, а у тебя полъ вымыть.—«Что вы! говоритъ, развѣ прислугъ у меня нѣту? развѣ не вымоютъ?—пожалуйте».—Взошли. Поставили сейчасъ самоваръ, напились, закусили, поговорили кое-что. «Давайте кушать», покушали.—Ну прощай, говоритъ: пора идите.—«Куда, говоритъ, гости дорогіе, вы теперь пойдете? вы у меня переночуйте, завтра я васъ провожу». Покормилися. «Пойдемте, говоритъ, по саду». Гуляли тамъ до темной зари; пришли домой, онъ ихъ въ спальню свою, на перинѣ положилъ, а самъ возлѣ кое-что наклакъ и легъ; и уснули. Назавтра просыпаются, они ему и говорятъ: «хозяинушка! намъ пора идите»; а онъ имъ: «братцы любезные! чаю напьетеся, пообѣдаете, тогда ужъ и подите и унимать не стану».—Все приготовили, пообѣдали, провожаетъ онъ ихъ за ворота, они ему и говорятъ: «ну чтожъ, приходи къ намъ въ гости; пару лошадей пришлемъ, не ломайся».—«Хорошо, говоритъ, приду», и думаетъ самъ себѣ: «приказываетъ мнѣ нищая братія и эдакой я купецъ пребогатѣющій: и есть ли у нихъ, чѣмъ меня угощать?»

Много ли мало время, присылаетъ Апостола и пару лошадей, что нѣтъ хуже. Онъ посмотрѣлъ, не подумалъ побрезговать, а жена и принялась его бранить: «первый ты купецъ и собираешься на эдакихъ лошадяхъ: всякъ въ заходи будетъ тебѣ смѣяться». Этогъ взялъ и не поѣхалъ. Апостолъ и говоритъ І. Христу: «не поѣхалъ, говоритъ: худыхъ лошадей прислалъ». «Ну погоди», говоритъ І. Христось: я ему такихъ лошадей пришлю, что не можетъ рукой гриву достать и подъ стрѣху не подойдетъ»¹⁾.

Зовутъ; жена опять бранить: «мужъ, мужъ! куда ты ѣдешь? первый ты купецъ и ѣдешь! къ нищей братіи». Теперь онъ не поглядѣлъ на еѣ, съѣлъ и поѣхалъ. Пріѣзжаетъ и наставили ему кушанья всякія, самоваръ, всякіе напитки, всякія ягоды и сроду онъ такого не видалъ. Думаетъ онъ самъ себѣ: «нищая братія меня угощаетъ, а у меня того нѣту». Попили, пообѣдали. «Ну теперь пойдѣмъ въ садъ», говорятъ. Ходили, ходили и стоитъ теремъ: зашли. «Посиди ты тутъ, говорятъ, немножко, а мы немного побудѣмъ, опять придемъ. Будетъ тебѣ скучно, ты вотъ въ эти два окошечка погляди, а въ третье не смотри». Поглядѣлъ въ оба окошечка: въ первомъ садъ дремучій, всякія ягоды, и яблоки, и вишеня, и дѣвушки пречестныя, и вдовушки—дѣтей нянчатъ и яблочки катаютъ на рукахъ. Поглядѣлъ онъ въ другое окошечко: и тутъ и рай и ему мѣсто показано, гдѣ ему быть: «ахъ и тутъ хорошо!» и такія птицы, и вишеня, и сливы разныя. И думаетъ самъ себѣ: «дай погляжу въ третье окошечко, если спросятъ—повинюся». Видитъ: жена его въ адѣ кипитъ, глянулъ, пріужахнулся, а она ему и говоритъ: «другъ ты мой, законъ ты мой великій! схвати меня хоть мизинчикомъ»; а косы—то у нея такъ и поднимаются. И схватилъ онъ ее за косы, правую и оторвалъ, въ карманъ положилъ, думаетъ: «Господи! куда это меня привели? знать не къ простымъ людямъ попалъ».

Приходитъ І. Христось. «Что, братецъ, соскучился?» «Да, говоритъ, долго сижу, соскучилъ маленько». «Ну чтожъ ты глядѣлъ въ окошечки?» «Глядѣлъ», говоритъ. «Во всѣ глядѣлъ?» «Во всѣ глядѣлъ», говоритъ. И въ это глядѣлъ т. е. молъ въ третье—то? Онъ и сказался: «виновать, говоритъ, и въ это глядѣлъ». «Ну, что ты тамъ видѣлъ?» Все, говоритъ, видѣлъ. Ему І. Христось и говоритъ: «ну, вотъ, говоритъ, это мѣсто тебѣ, а это женѣ, когда она, говоритъ, не ужаснется; если будетъ нищую братію принимать, ей Господь проститъ».

Поговорили, спровадили его домой, пріѣзжаетъ: жена ходить, холопочку подвязамши, охаетъ: «охъ голова болитъ, не могу хо-

¹⁾ Застрѣха, повѣтъ, надворотня.

дять». Онъ ей и говоритъ: «ахъ жена, другъ обрученный! покайся; ну сколько ты сердилася на нищую братію? раскайся». Онъ свалилъ съ нея повойникъ, а косы и нѣтъ. «Ахъ, говоритъ, жена, другъ великій! ты въ адѣ кипишь и въ такой адѣ, что не можно глядѣть, спокайся, проси Бога прощенья, вотъ и твоя коса».

Жена стала Богу молиться, просить: «пріукроти мое сердце и дай мнѣ, Господи! до всякаго желанія». И стала она нищую братію любить и умолила царство небесное.

(Затисано въ москов. губерніи.)

СТИХЪ О КНИГѢ ГОЛУБИНОЙ ¹⁾.

—

Во градъ было во Иерусалимѣ,
При царѣ при Давыдѣ Иессеевичѣ,
При его сынѣ, при Соломонѣ,
При старцѣ было при Захаріи
Кабы съ той страны восточной, 5
Съ другой страны съ полуденной
Воздвѣяло чудо дивное:
Восходила туча сильная грозная,
Изъ той тучи изъ сильной грозной
Выходила книга голубиная, 10
Божественная книга евангельская.
Ко той книгѣ ко божественной
Сходились, собиралися
Сорокъ царей все царевичей,
Сорокъ князей все князевичей, 15
Сорокъ поповъ, сорокъ дьяконовъ,
Много народу людей простыхъ,
Христіанъ православныхъ.
Никто ко книгѣ не приступится,
Никто къ божіей не прикоснется. 20
Приходилъ ко книгѣ премудрый царь,
Премудрый царь Давидъ Иессеевичъ,

---

¹⁾ По рукописи графа А. С. Уварова № 636 (Царск. № 490), л. 90—95. Это — сборникъ, составленный въ новѣйшее время по рукописямъ XVII и XVIII вѣка.

До божіей до книгѣ (sic) онъ доступается;
 Предъ нимъ книга разгибается,
 Все божественное писаніе ему объявляется. 25
 Еще приходилъ ко книгѣ Малодуморъ князь,
 Малодуморъ князь Малодуморычь.
 «О ты славный нашъ премудрый царь,
 Премудрый царь Давыдъ Иессеевичъ!
 Прочти, государь, книгу божію, 30
 Объяви, государь, дѣла божія,
 Про наше житіе свѣтовольное:
 Отчего у насъ свѣтъ начался?
 Отчего у насъ солнце красное?
 Отчего у насъ свѣтелъ мѣсяць? 35
 Отчего у насъ звѣзды ясныя?
 Отчего у насъ ночи темныя?
 Отчего у насъ зари утреннія?
 Отчего у насъ вѣтры буйныя?
 Отчего у насъ умъ — разумъ? 40
 Отчего наши помыслы?
 Отчего сей миръ и народъ?
 Отчего кости крѣпкія?
 Отчего тѣлеса наши?
 Отчего кровь руда наша?» 45
 Отвѣтъ держалъ премудрый царь,
 Премудрый царь Давыдъ Иессеевичъ:
 «Эта книга великая:
 Долиной книга сороку сажень,
 Шириной книга тритцати сажень. 50
 Приподнять книгу — не поднять будетъ,
 Прочитать книгу — не прочесть будетъ,
 По строкамъ глядѣть — всю не выгладѣть:
 Я по старой своей по памяти
 Расскажу вамъ, какъ по грамотѣ, 55
 По старому по писанному.
 У насъ бѣлый свѣтъ отъ Господа,
 Самаго Христа, царя небеснаго;
 Солнце красное отъ лица божіяго,
 Самаго Христа, царя небеснаго; 60
 Свѣтелъ мѣсяць отъ грудей божіихъ,
 Самаго Христа, царя небеснаго;
 Звѣзды свѣтлыя отъ ризъ божіихъ,

Самаго Христа, царя небеснаго ; Ночи темныя отъ думъ господнихъ,	65
Самаго Христа, царя небеснаго ; Вѣтры буйныя отъ Святаго Духа, Самаго Бога Вышняго ; Зори утреннія отъ очей господнихъ,	70
Самаго Христа, царя небеснаго ; У насъ умъ и разумъ Самаго Христа, царя небеснаго ; Наши помыслы отъ облакъ небесныхъ ; У насъ мѣръ народъ отъ Адама,	75
Кости крѣпкія отъ камени ; Тѣлеса наши отъ сырой земли, Кровь наша отъ черва моря».	
Какъ проговоритъ Володуморъ князь : «Премудрый ты царь, Давыдъ Іессеевичъ! Скажи ты намъ, повѣдай :	80
Который царь надъ царями царь ? Который городъ городамъ отецъ ? Кая церковь всѣмъ церквамъ мать ? Кая рѣка всѣмъ рѣкамъ мати ? Кая гора всѣмъ горамъ мати ? Кое древо всѣмъ древамъ мати ? Кая трава всѣмъ травамъ мати ? Которая рыба всѣмъ рыбамъ мати ? Которое море всѣмъ морямъ мати ? Который звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ ? Которая птица всѣмъ птицамъ мати» ?	85
Отвѣтъ держалъ премудрый царь, Премудрый царь Давыдъ Іессеевичъ : «Бѣлый царь надъ царями царь, Что онъ принялъ вѣру крещеную, Вѣру крещеную богомольную, Стоитъ за вѣру христіанскую, За домъ пресвятыя Богородицы ; Всѣ орды ему поклонилися, Всѣ языцы ему покорилися :	95
Потому бѣлый царь надъ царями царь. Который городъ всѣмъ городамъ отецъ ? Іеросалимъ градъ всѣмъ городамъ отецъ. Потому Іеросалимъ городамъ отецъ,	100

- Что стоитъ онъ среди земли свѣту блага ¹⁾. 105
 Почему церковь всѣмъ церквамъ мати?
 Потому церковь всѣмъ церквамъ мати,
 Что въ той въ церкви соборной,
 Въ соборной богомольной
 Стоитъ гробница бѣла каменна: 110
 Въ той гробницѣ бѣлокаменной
 Почивало тѣло самаго Христа,
 Самаго Христа, царя небеснаго:
 Потому церковь всѣмъ церквамъ мати.
 Которая рѣка всѣмъ рѣкамъ мати? 115
 Иорданъ рѣка всѣмъ рѣкамъ мати.
 Почему Иорданъ всѣмъ рѣкамъ мати?
 Окрестился Христосъ отъ Іоанна Крестителя
 При всѣхъ силахъ небесныхъ:
 Потому Иорданъ всѣмъ рѣкамъ мати. 120
 Которая гора всѣмъ горамъ мати?
 Фаворъ гора всѣмъ горамъ мати:
 На той горѣ на фаворстѣй
 Преобразился Господь,
 Показалъ ученикамъ славу свою: 125
 Потому Фаворъ всѣмъ горамъ мати.
 Которое древо всѣмъ древамъ мати?
 Кипарисъ древо всѣмъ древамъ мати;
 Потому кипарисъ древамъ мати:
 Жиды Христа распяли 130
 На томъ древѣ кипарисѣ
 Съ Пилатомъ, съ книжниками и фарисеями:
 Потому кипарисъ всѣмъ древамъ мати.
 Плакунъ трава всѣмъ травамъ мати;
 Потому она всѣмъ травамъ мати: 135
 Когда шель Христосъ на распятіе,
 Мать пресвятая Богородица
 На сырой земли стоячи,
 Плакала рыдала,
 Ронила слезы на сырую землю: 140
 Отъ тѣхъ отъ слезъ пречистыхъ
 Зарождалась плакунъ трава:
 Потому плакунъ всѣмъ травамъ мати.

¹⁾ Здѣсь въ рукописи очевидный пропускъ, легко восполняемый текстомъ Кирьевскаго.

- Которая рыба всѣмъ рыбамъ мати?
 Кить рыба всѣмъ рыбамъ мати; 145
 Потому кить всѣмъ рыбамъ мати,
 Что основана земля вся на ней:
 Когда она потронется, то земля всколеблется;
 Потому кить всѣмъ рыбамъ мати.
 Окіянь море всѣмъ морямъ мати; 150
 Потому окіянь всѣмъ морямъ мати:
 Выходила церковь соборная
 Святаго Климента, папы римскаго;
 Въ той въ соборной церкви,
 Въ соборной богомольной 155
 Явилась книга самага Христа,
 Самага Христа, царя небеснаго:
 Потому окіянь всѣмъ морямъ мати.
 Который звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ?
 Индрикъ звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ. 160
 Потому индрикъ всѣмъ звѣрямъ отецъ:
 Ходить онъ по подземелью,
 Пропускаетъ рѣки, кладязи студеные,
 Живетъ онъ во святѣй горѣ
 И дѣтей выводитъ во святѣй горѣ. 165
 Которая птица всѣмъ птицамъ мати?
 Истрофиль птица всѣмъ птицамъ мати:
 Живетъ она на синемъ морѣ,
 Топить она корабли гостинные
 Съ товарами драгоцѣнными: 170
 Потому и всѣмъ птицамъ мать.
 Пьетъ она и встѣ изъ синя моря
 И дѣтей выводитъ на синѣ морѣ».
- Проговорить Володуморъ князь,
 Володуморъ князь Володуморычъ: 175
 «Премудрый ты царь, Давыдъ Иессеевичъ!
 Мнѣ вечеръ много сна видѣлось:
 Будто два звѣря сходилися,
 И бѣлъ заяць, и сѣръ заяць;
 Промежду себя они дралися». 180
 Отвѣтъ держалъ премудрый царь,
 Премудрый царь Давыдъ Иессеевичъ:
 «Не два звѣря сходилися,
 Не бѣлъ заяць и не сѣръ заяць:

Сходилася правда съ кривою;	185
Правда кривду переспорила;	
Кривда оставалась на сырой земли,	
А правда пошла на небо	
Къ самому Христу, царю небесному.	
Кто будетъ кривдой жить,	190
Тотъ отчаянный отъ Бога;	
Та душа не наследуетъ	
Себѣ царства небеснаго;	
А кто будетъ правдой жить,	
Тотъ причастенъ ко Господу;	195
Та душа наследуетъ	
Себѣ царство небесное».	
Старымъ людямъ на послушаніе,	
А молодымъ людямъ для памяти.	
Славу поемъ Давыду Иссеевичу,	200
Во вѣки его слава не минуется.	

ПОВѢСТЬ О ФЕДОРѢ ЖИДОВИНѢ.¹⁾

Во святомъ градѣ Іерусалимѣ жилъ былъ Федоръ жидовинъ. И поѣхалъ Федоръ жидовинъ на трехъ кораблехъ во градъ Іерусалимъ? ко царю хлѣба кушать. И какъ присталъ къ берегу: и на томъ берегу стоитъ иконописецъ, въ рукахъ держитъ три образа: первый образъ пресвятыя Богородицы, да образъ святаго Николая чудотворца, да образъ храбраго страдальца Георгія, побѣдоносца, христова мученика, на дскѣ написано. И рече Федоръ жидовинъ иконописцу: «чему они горазди?» И рече иконописецъ Феодору жидовину: «го-

¹⁾ По рукописи моей библіотеки, конца XVIII вѣка.

разди они избавлять отъ огня и отъ пламя». — «Что тебѣ за нихъ давать». — И рече иконописецъ: «взять мнѣ за нихъ триста златыхъ». Феодоръ жидовинъ рече иконописцу: «внесемъ въ корабль, и возьми триста златыхъ». И пришелъ Феодоръ жидовинъ и рече ко пресвятѣй Богородицѣ: «Жена ты есть моя премудрая и преукрашенная! далъ я за тебя триста златыхъ: стереги моего корабля». И пришелъ Феодоръ жидовинъ ко святому Николаю чудотворцу: «Гой еси ты Николай, премудрый и преукрашенный! далъ есть за тебя триста златыхъ: стереги моего корабля». И пришелъ Феодоръ жидовинъ ко святому Георгію: «Гой еси ты Егорій, премудрый и преукрашенный! далъ есть за тебя триста златыхъ: стереги моего корабля». А самъ пошелъ ко царю хлѣба кушать. И покушалъ хлѣба у царя и пришелъ въ корабль свой, и въ корабль не обрѣте ничего: ни злата, ни товару дорогова. И пришелъ Феодоръ жидовинъ злымъ сердцемъ ко пресвятѣй Богородицѣ: «Жена ты моя премудрая и преукрашенная! Далъ есть за тебя триста златыхъ; зачѣмъ ты не стерегла моего корабля? Хочеши ли ты, да злой ты смерти предамъ?» И бысть гласъ отъ иконы пресвятыя Богородицы и рече Феодору жидовину: «Не страши злой смерти предать ¹⁾: была еси на помощи въ вашемъ градѣ Іерусалимѣ, и вашъ градъ весь огнемъ сожженъ во отняти (?) была, домъ твой сохранила, жену и чадъ твоихъ сберегла отъ огня небеснаго». И рече Феодоръ жидовинъ: «Аще тако будетъ, то и я вѣрую и крещуся». И пришелъ Феодоръ жидовинъ ко святому Николаю: «Гой еси ты Николай, премудрый и преукрашенный! для чего не стерегъ моего корабля? хошешили, ты злой смерти преданъ будещи?» И бысть гласъ отъ иконы Николая Феодору жидовину: «Не страши злой смерти предать ²⁾: былъ на помощи на морѣ на пучинѣ: братъ поѣхалъ ³⁾ на море, да упалъ во море, началъ тонуть, и я избавлялъ его отъ потопа и поставилъ въ семъ градѣ Іерусалимѣ, и вашъ градъ огнемъ весь пожженъ». И рече Феодоръ жидовинъ: «Аще тако будетъ, то я вѣрую и крещуся». И пришелъ Феодоръ жидовинъ ко святому Георгію: «Гой еси ты Егорій, премудрый и преукрашенный! далъ есть за тебя триста златыхъ: за чѣмъ ты моего корабля не стерегъ? хошешили ты злой смерти преданъ будещи?» И бысть гласъ отъ иконы Георгія святаго Феодору жидовину: «Не страши злой смерти предать ⁴⁾: я былъ на помощи, и вашъ градъ весь огнемъ сожженъ». И рече Феодоръ жидовинъ:

¹⁾ Въ рукописи: предана.

²⁾ Въ рукописи: преданъ.

³⁾ Въ рукописи: послалъ.

⁴⁾ Въ рукописи это слово пропущено.

«Аще такъ будетъ, то я вѣрую и крещуся». И сѣлъ Ѳеодоръ жидовинъ въ корабль свой и поѣхалъ во градъ Іерусалимъ и приста ко берегу и прииде Ѳеодоръ жидовинъ къ брату меньшему и рече Ѳеодоръ жидовинъ: «Иди въ корабль». И братъ его взошелъ въ корабль, узрѣ образъ святаго Николая и палъ на колѣни и рече: «Вѣрую и крещуся». И прииде къ Ѳеодору жидовину сынъ меньшей и рече Ѳеодоръ жидовинъ: «Сыне мой жидовине! Гдѣ еси былъ?» И рече сынъ меньшій: «Былъ еси азъ Солону (?) въ большемъ градѣ въ темницѣ заключенъ, и помолился русскимъ богомъ, храброму страдалцу и мученику христову Георгію побѣдоносцу и какъ въ скорости пріѣхалъ младъ челоувѣкъ, и какъ поѣхалъ сѣрой конь, — сію темницу изломалъ, и узы съ меня снялъ и принесъ во градъ Іерусалимъ». И рече Ѳеодоръ жидовинъ: «Иди въ корабль!» И сынъ его взошелъ въ корабль и узрѣлъ образъ храбраго христова побѣдоносца: «Вѣрую и крещуся». И рече ему жена его, Ѳеодора жидовинова ¹⁾... И рече Ѳеодоръ жидовинъ женѣ своей: «Кто тебя избавилъ отъ огня небеснаго?» И рече ему жена его: «Не молился своимъ богомъ, но они не помилуютъ; и была у меня въ дому (жена?) христовой вѣры и велѣла мнѣ молитися русскимъ богомъ и пресвятой Богородицѣ прилежно, прилетала еси жена стокрылатая: ризы на ней багряныя, и стала надъ домомъ моимъ и сохранила домъ мой крылома: кто отъ огня, кто отъ пламя, далече ходилъ». И рече ему жена его: «Хотя на дскѣ написана ея образъ». И рече Ѳеодоръ жидовинъ женѣ своей: «Иди въ корабль». И жена его въ корабль вниде и узрѣ образъ пречистыя Богородицы и такъ рече: «Вѣрую и крещуся во святомъ градѣ Іерусалимѣ, хочу вѣровати во Христа и вѣру христову принять». Ѳеодоръ же жидовинъ имѣнія взялъ, иде во градъ Іерусалимъ и крестися въ вѣру христіанску.

РАЗГОВОРЪ О АДАМОВЫХЪ ДѢТЯХЪ, КАКО ЖИЛИ.¹⁾

Братъ сынъ Феодилактовичъ! благополучно здравствуй! Задалъ ты мнѣ на походѣ своемъ прошеніе нѣкое о написаніи къ тебѣ что-нибудь. Я то помню и думаю, что писать, и пришло мнѣ на мысль помянуть вкратцѣ прадѣда нашего Адама житіе, какъ онъ имѣлъ по изгнаніи изъ рая за свое преступленіе. Диковина не малая подумать, какъ онъ заводъ свой заводилъ — хоромное строеніе и хлѣбную пашню, рыбную ловлю, сѣнные покосы и прочее! Сталъ онъ прежде избу строить, гдѣ бревна смѣчены и не сѣчены. Сѣчь чѣмъ? топоромъ? а топоръ не кованъ, а тупорище не сдѣланъ. Ахъ бѣда! прежде избы надобно кузницу строить, а желѣзо изъ земли не выкопано, а и копать чѣмъ, не умѣеть; уголья не жгѣны, и жечь не знаетъ. Еще лѣсъ стоитъ на корене: что тутъ въ началѣ завезъ желѣзные заводы, аль сѣченіе лѣсовъ? пашню ли копать, аль сохи бороны дѣлать? плотники не рождены, кузнецы не зачаты, прочіе мастера вси еще на свѣтъ не поспѣли и хитрецы не вышли. Ахъ любезный нашъ праотецъ! коликія слезы ты испусти о своемъ несчастіи! колики плачевными гласы воздухъ наполнилъ въ такомъ горькомъ житіи! Чрево пищи просить, а пища не сѣена. Уже божіемъ повелѣніемъ бысть то, что рожь растеть; но еще не жата: рвать ли ея съ коренемъ, того бѣдный не знаетъ! Сорветъ колось, да другой: надобно молотить, а какъ молотить, и не слыхивалъ; обмоловивши, надобно молотъ, а какъ молотъ? и гдѣ жернова? и гдѣ огонь? и гдѣ квашня? и гдѣ мутовка? и печь не складена. Тутъ-то надобно жить, да не тужить. Дождь съ неба пошелъ: надобно укрыться; стужа стала — надобно одѣться: кафтанъ не шить, а шуба не кроена, а ножницы да игла гдѣ? того и не бывало. Безконечное слово о томъ, да пора окончить: видно намъ безъ власти божей ничего не сдѣлать; а Богъ въ семь дней все сотворилъ для насъ.

¹⁾ Рукопись, съ которой напечатанъ предлагаемый разговоръ, относится къ прошлому вѣку, писана крупнымъ уставомъ на большомъ развернутомъ листѣ и имѣетъ заглавіе: *Разговоръ адамовыхъ (sic!) дѣтляхъ, како жили.*

ПОСЛѢДНЕЕ МНѢНІЕ ШАФАРИКА О ГЛАГОЛИЦѢ.

(Ueber den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus.

Von P. J. Safarik. Prag. 1858.)

I.

Изъ современныхъ вопросовъ въ области славянской древности едва ли не самый важный, и вмѣстѣ съ тѣмъ, самый затруднительный — вопросъ о такъ называемомъ глаголическомъ письмѣ, или Глаголицѣ, издавна бывшей въ употребленіи у западныхъ Славянъ римскаго исповѣданія, а теперь доживающей вѣкъ свой на берегахъ и нѣкоторыхъ островахъ адриатическаго моря. И прежде глаголическая письменность возбуждала любознательность ученыхъ и вызвала множество предположеній и догадокъ о своемъ происхожденіи и историческихъ судьбахъ; но тогда все это было скорѣе слѣдствіемъ простаго любопытства, нежели дѣйствительной потребности въ области изслѣдованій о славянской письменности вообще, потому что розысканія о Глаголицѣ не были поставлены въ необходимой связи съ другими вопросами славянской старины и не были признаваемы важными для ихъ рѣшенія. Причина такого явленія скрывалась въ самомъ состояніи вопроса о происхожденіи разсматриваемаго письма: недостатокъ данныхъ препятствовалъ ученымъ прійти въ этомъ отношеніи къ какому либо рѣши-

тельному заключенію, тѣмъ менѣе къ положительнымъ научнымъ выводамъ. Отъ того-то и всѣ мнѣнія о Глаголицѣ, высказанныя учеными до конца прошлаго столѣтія, не выходили изъ ряда такъ называемыхъ гипотезъ, которыя больше свидѣтельствовали объ остроуміи самихъ изслѣдователей, чѣмъ о важности для науки добытыхъ ими результатовъ. Совсѣмъ другое теперь: въ нынѣшнемъ столѣтіи въ области Глаголицы открыто нѣсколько древнихъ памятниковъ, которые неопровержимымъ образомъ доказали важность этой отрасли славянской литературы. Открылось, что Глаголица издревле имѣла вліяніе на письменность кирилловскую и представляетъ не мало данныхъ къ разъясненію многихъ темныхъ въ ней вопросовъ; а при такомъ положеніи дѣла и вопросъ о происхожденіи и судьбахъ загадочнаго письма уже не могъ быть обойденъ наукой. Вотъ почему въ послѣднія два десятилѣтія многіе изслѣдователи славянской старины съ новымъ рвеніемъ посвятили себя изученію глагольской письменности и послѣ нѣкотораго промежутка снова начался рядъ мнѣній, предположеній и догадокъ о ея происхожденіи и отношеніи къ письменности кирилловской. Правда, что мнѣнія эти въ сущности заключали въ себѣ очень не много новаго и были большею частію только повтореніемъ и возобновленіемъ прежнихъ гипотезъ, но теперь онѣ подтверждаемы были положительными фактами, извлеченными изъ вновь открытыхъ памятниковъ. Справедливо также, что ни одно изъ этихъ мнѣній доселѣ еще не успѣло утвердиться въ наукѣ и получить въ ней значеніе несомнѣннаго факта, но всѣ онѣ вмѣстѣ свидѣтельствуютъ о высокой важности самаго вопроса для исторіи славянскаго языка и древности, что теперь и признается всѣми ея изслѣдователями. Но этого мало: въ послѣднее время вопросъ о глаголическомъ письмѣ поставленъ въ такомъ видѣ, что выходитъ изъ ряда вопросовъ спеціальныхъ и получаетъ общій интересъ; теперь онъ не можетъ не затронуть любопытства каждаго образованнаго человѣка, вовсе не посвященнаго въ тайны славянской науки, наконецъ даже тѣхъ, кто вовсе не слыхалъ о существованіи Глаголицы, или имѣетъ о ней только смутное понятіе. Въ самомъ дѣлѣ, привыкши вѣрить какъ въ неопровержимую истину, что греко-славянское письмо изобрѣтено Кирилломъ философомъ въ IX-мъ

вѣкъ, нельзя же остаться равнодушнымъ зрителемъ споровъ о старшинствѣ двухъ славянскихъ азбукъ, когда говорятъ намъ уже не въ видѣ предположенія, а рѣшительно, основываясь на положительныхъ данныхъ, что Кириллица несправедливо носить такое названіе, что Кирилль философъ изобрѣлъ алфавитъ не греко-славянскій, а глаголическій, что къ Глаголицѣ, а не къ Кириллицѣ, какъ доселѣ думали, относятся историческія свидѣтельства, оставленныя намъ древностію, наконецъ, что такъ называемая кирилловская азбука есть позднѣйшее изобрѣтеніе, именно X вѣка, и принадлежитъ не Кириллу, а ученику его Клименту; далѣе, когда защитникомъ сейчасъ высказанныхъ положеній становится первый современный знатокъ славянской древности и глава славянскихъ филологовъ, съ полнымъ истинно-ученымъ самоотверженіемъ отказывающійся отъ прежняго своего совершенно противоположнаго взгляда на разсматриваемый вопросъ, прибавляя при томъ, что это его послѣднее, окончательное мнѣніе. Говоря все это, мы разумѣемъ взглядъ Шафарика на Глаголицу и на отношеніе ея къ Кириллицѣ, развитый имъ въ его сочиненіи, котораго заглавіе мы выше выписали.

Само собою разумѣется, что этотъ взглядъ знаменитаго славяниста образовался не вдругъ и что онъ находится въ неразрывной связи съ предшествующими розысканіями о Глаголицѣ, какъ его собственными, такъ и другихъ ученыхъ, а главное онъ тѣсно связанъ съ тѣми открытіями, которыя были сдѣланы въ глаголической письменности въ послѣднее время. Это заставляетъ насъ, приступая къ изложенію и разсмотрѣнію новаго мнѣнія Шафарика о разсматриваемомъ предметѣ, въ бѣгломъ очеркѣ прослѣдить прежде исторію, какъ упомянутыхъ открытій, такъ и составленныхъ на основаніи ихъ мнѣній. Естественнo, что при этомъ мы будемъ имѣть въ виду преимущественно тѣ мнѣнія, которыя имѣли вліяніе на исторію вопроса, или которыя по своему характеру близки къ мнѣнію Шафарика. И такъ, не восходя далеко, т. е. къ началу XVI столѣтія, когда начались споры о времени и мѣстѣ происхожденія Глаголицы, и не упоминая о преданіи, приписывающемъ ее св. Иерониму, замѣтимъ прежде всего, что первый, назвавшій Глаголицу настоящей Кириллицей былъ Добнеръ, оказав-

шій столько заслугъ для чешской и вообще славянской исторіи. Въ своемъ разсужденіи, изданномъ еще въ 1785 году, онъ доказывалъ, что изобрѣтенная св. Кирилломъ азбука, о которой говорится въ извѣстной буллѣ папы Іоанна VIII (880 г.), была именно Глаголица, а не Кириллица; послѣдняя же составлена въ послѣдствіи православнымъ духовенствомъ для большаго удобства въ письмѣ, и основой ея служила азбука греческая, которая была дополнена Глаголицей, изобрѣтенной Кирилломъ, отъ чего и носить его имя. Мнѣніе Добнера было принято и другими учеными, между прочимъ Лингартомъ и Антономъ и тогда же развито было ими далѣе. Первый утверждалъ, что Глаголица появилась гораздо ранѣе, именно въ V—VI вѣкѣ, въ IX же вѣкѣ св. Кириллъ на основѣ ея и по образцу греческаго алфавита составилъ азбуку новую, т. е. греко-славянскую, которая и вытѣснила собою Глаголицу. Въ доказательство древности ея онъ указываетъ на извѣстіе, что Хорваты въ VII вѣкѣ подписали договоръ свой съ папой, утверждая, что для этого употреблена была ими именно азбука глагольская. Второй относилъ появленіе Глаголицы къ эпохѣ еще до-іеронимовской и въ подтвержденіе такой древности ея, подобно Добнеру, ссылаясь на самую форму глагольскихъ начертаній, которыя безъискусственнѣй и грубѣе начертаній кирилловскихъ, а слѣд. и древнѣе ихъ. Въ то же время, т. е. еще до конца XVIII вѣка, были ученые, которые наоборотъ производили Глаголицу изъ Кириллицы, и согласно съ общепринятымъ мнѣніемъ, приписывая послѣднюю Кириллу, первую признавали позднѣйшимъ изобрѣтеніемъ. Къ нимъ принадлежали Фришъ, Дурихъ, нашъ знаменитый критикъ Нестора и другіе.

Впрочемъ всѣ эти и многія другія мнѣнія какъ въ пользу, такъ и противъ древности Глаголицы передъ Кириллицей, защищаемы и опровергаемы были безъ особенныхъ доказательствъ, что происходило, какъ уже замѣчено было нами выше, отъ недостатка памятниковъ и историческихъ данныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, собственно говоря, въ то время въ распоряженіи защитниковъ и противниковъ Глаголицы была только одна древняя глаголическая рукопись,—это именно такъ называемое Ассеманіево Евангеліе, привезенное въ 1736 г.

знаменитымъ ватиканскимъ библіотекаремъ изъ Іерусалима, и потомъ извѣстіе о глагольской псалтыри Николая Арбскаго, писанной въ 1222 г. Вотъ почему Добровскому, стоявшему во главѣ защитниковъ Кириллицы, такъ легко было опровергнуть мнѣнія своихъ противниковъ, что и сдѣлано было имъ въ 1808 г. въ извѣстномъ сочиненіи его *Glagolitica*. Подвергнувъ строгому разбору мнѣнія Добнера, Лингарта, Альтера и другихъ защитниковъ старшинства Глаголицы, онъ побѣдоносно опровергнулъ ихъ доводы и отдалъ пальму старшинства Кириллицѣ, оставивъ ее за Кирилломъ. Вотъ главные результаты изслѣдованій Добровскаго: Глаголица появилась не ранѣе XIII вѣка, потому что къ началу этого столѣтія относится древнѣйшая глагольская рукопись (точнѣе извѣстіе о рукописи) съ означеніемъ года, это именно Псалтырь, писанная Николаемъ Арбскимъ въ 1222 г., и къ этому же времени относится первое историческое свидѣтельство о Глаголицѣ, употребленіе которой дозволено было западнымъ Славянамъ буллою папы Иннокентія въ 1248 г. Мѣстомъ изобрѣтенія Глаголицы была Далмація, гдѣ прежде совершалось богослуженіе по кирилловскимъ книгамъ; но онѣ все болѣе и болѣе подвергались преслѣдованію со стороны западной церкви, въ слѣдствіе чего тамошнее славянское духовенство, въ видахъ сохраненія славянской литургіи, частію на основаніи алфавита кирилловскаго, частію латинскаго, составило новыя письма, и освятивъ ихъ именемъ св. Іеронима, испросило на употребленіе ихъ дозволеніе римскаго престола ¹⁾).

Мнѣніе Добровскаго было основано на положительныхъ данныхъ и строго-научныхъ розысканіяхъ, а потому оно и принято было почти всѣми изслѣдователями славянской старины и держалось до 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Но съ этого времени въ области Глаголицы послѣдовали важныя открытія. Первое изъ нихъ составлялъ отрывокъ глаголической рукописи графа Клоца, содержащій въ себѣ два слова І. Златоустаго, одно св. Аѳанасія и одно св. Епифанія. Этотъ замѣчательный памятникъ былъ изданъ Копитаромъ въ 1836 г. (*Glagolita Clozianus*. Вѣна) и въ самомъ основаніи поколебаль

¹⁾ Dobrowskys *Glagolitica*. 2 Aufl. Prag. 1845.

выводы Добровскаго. Въ предпосланномъ къ этому изданію изслѣдованіи, основываясь на палеографическихъ и филологическихъ данныхъ, Копитаръ пришелъ къ тому заключенію, что Клоцеева рукопись нисколько не новѣ древнѣйшихъ рукописей кирилловскихъ, не новѣ XI в., а чрезъ это самымъ нагляднымъ образомъ опровергнулъ Добровскаго, относившаго появленіе Глаголицы къ XIII вѣку. Теперь не могло удержаться мнѣніе послѣдняго и о мѣстѣ перваго появленія и употребленія глагольской азбуки. Копитаръ сопоставилъ нѣсколько данныхъ, доказывавшихъ современность употребленія Глаголицы какъ у западныхъ, такъ и у юго-восточныхъ Славянъ, именно у Болгаръ и притомъ у послѣднихъ въ древнѣйшей ея формѣ, откуда естественно слѣдовало, что родиной Глаголицы была не Далмація, а скорѣе Болгарія. Въ доказательство послѣдняго вывода, Копитаръ ссылаясь на древній латинскій кодексъ пражской бібліотеки (XI в.), содержащій въ себѣ глаголическій алфавитъ съ надписью *Abesencarium Vulturicum*, а въ подтвержденіе современности употребленія у Славянъ Глаголицы и Кириллицы и даже старшинства первой передъ послѣднею указывалъ на тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ древнихъ кирилловскихъ рукописяхъ встрѣчаются глаголическія буквы, изъ чего онъ выводилъ заключеніе, что эти рукописи списаны съ глаголическихъ, а слѣд. послѣднее письмо древнѣе кирилловскаго. Впрочемъ положительные выводы Копитара о времени происхожденія той и другой славянской азбуки довольно неопредѣленны и нерѣшительны, и потому—то можетъ быть выражены имъ въ видѣ вопросовъ ¹⁾. Въ иныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій онъ приписываетъ Глаголицу Кириллу и даже Меѳодію, или обоимъ вмѣстѣ, а Кириллицу признаетъ позднѣйшимъ изобрѣтеніемъ; въ другихъ объ азбуки приписываетъ славянскимъ апостоламъ, прибавляя, что изобрѣтенная ими глагольская азбука оказалась неудобною для письма и поэтому замѣнена ими же азбукой греко-славянской съ удержаніемъ нѣсколькихъ начертаній изъ Глаголицы; въ иныхъ наконецъ послѣднюю азбуку Копитаръ признаетъ исконнымъ славянскимъ письмомъ, существовавшимъ

¹⁾ Сл. Glag. Cloz. и Prolegomena къ Рейм. Ев. въ 1-мъ т. Slav. Bibl. Miklosich.

еще до IX вѣка и употреблявшимся въ дѣлахъ гражданскихъ, а Кириллицу приписываетъ Кириллу, составившему названную его именованъ азбуку на основаніи грѣческой и древнеславянской или глаголической для употребленія въ богослуженіи. Наконецъ въ видѣ предположенія Копитаръ приписывалъ Глаголицу даже космографу Этаку, жившему въ V вѣкѣ и слѣд. отдавалъ ей цѣлыхъ 4 вѣка старшинства передъ Кириллицей. Но такъ или иначе, Копитаръ остался вѣренъ основной своей мысли, что глагольское письмо древнѣе кирилловскаго и въ глагольскихъ памятникахъ искалъ первообраза древнѣйшаго глагольскаго языка, высказавъ свои, относящіеся сюда выводы въ самыхъ рѣзкихъ и рѣшительныхъ выраженіяхъ.

Это послѣднее обстоятельство, а равно и то, что въ вышеизложенныхъ положеніяхъ Копитара заключалось очень много произвольнаго, было причиною, что мнѣніе его, поколебавъ выводы Добровскаго, не нашло себѣ однакожь много приверженцевъ, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ оно было высказано. Такъ покойный профессоръ Прейсъ въ своемъ изслѣдованіи о глагольской письменности ¹⁾ во многомъ склонился къ оставленному мнѣнію Добровскаго и очень удачно опровергнулъ большую часть доказательствъ Копитара. Представляемъ здѣсь главные положенія, развитыя въ упомянутомъ, въ высшей степени замѣчательномъ изслѣдованіи по разсматриваемому предмету, не потерявшемъ своего значенія даже въ настоящее время. 1) Современное употребленіе въ Болгаріи двухъ алфавитовъ глагольскаго и кирилловскаго, говоритъ Прейсъ, подвержено сильному сомнѣнію. Еще менѣе имѣемъ причинъ думать, что первый древнѣе послѣдняго. 2) До запрещенія кирилло-славянской литургіи въ Далмаціи не было надобности изобрѣтать новый алфавитъ. Это могло оказаться нужнымъ около 925 г., когда кирилловское письмо было рѣшительно запрещено. 3) По всѣмъ примѣтамъ видно, что родина глагольской азбуки есть приморская Кроація и что по всей справедливости ей принадлежитъ названіе хорватскаго письма. 4) Греко-славянскій алфавитъ Кирилла служилъ образцемъ для составителя глагольскихъ письменъ. Всѣ эти положенія въ изслѣдованіи

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. 1843 г., № 3.

Прейса подтверждены положительными фактами и основаны на историческихъ, палеографическихъ и филологическихъ соображеніяхъ, и очень жаль, что многія изъ этихъ соображеній выпущены изъ виду какъ защитниками, такъ и противниками древности Глаголицы, выступившими послѣ Прейса.

Новую эпоху въ изученіи глаголическаго письма составляло путешествіе проф. Григоровича по славянскимъ землямъ въ 1844—1845 году ¹⁾. Счастливому путешественнику удалось открыть нѣсколько очень важныхъ памятниковъ глагольской письменности, изъ которыхъ иные не уступали по своей древности рукописи графа Клоца, — это именно: 1) Евангеліе зографскаго монастыря на Аѳонѣ, XII вѣка; 2) Четвероевангеліе XI в., найденное почтеннымъ профессоромъ также въ одномъ изъ аѳонскихъ монастырей и находящееся теперь у него самаго въ Казани; 3) Палимпсестъ XII или XIII в., писанный Кириллицей по выскобленной Глаголицѣ; 4) нѣсколько отрывковъ изъ глаголическихъ рукописей XI—XII в. Въ то же время другимъ нашимъ путешественникомъ архимандритомъ Порфиріемъ на Аѳонѣ открытъ очень важный греческій документъ съ глаголическою подписью попа Георгія 982 г. ²⁾. Эта подпись, къ сожалѣнію доселѣ неизвѣстная въ подлинномъ ея видѣ, заключалась въ нѣсколькихъ словахъ, но тѣмъ не менѣе она, казалось, неопровержимымъ образомъ свидѣтельствовала объ употребленіи Глаголицы еще въ X вѣкѣ. Тогда же проф. Григоровичемъ сдѣлано было открытіе, очень важное для розысканій о Глаголицѣ, въ другомъ родѣ: въ Охридѣ имъ найденъ былъ новый списокъ краткаго житія еп. Климента, въ которомъ упоминается, будто бы послѣдній составилъ другіе знаки славянскихъ письменъ, отличные отъ изобрѣтенныхъ Кирилломъ. Заносимъ этотъ фактъ въ исторію открытій по части глаголической письменности потому, что приведенное свидѣтельство краткаго климентова житія играетъ важную роль какъ въ прежнихъ, такъ и въ послѣднемъ изслѣдованіи Шафарика и что, на основаніи его, тогда же нѣкоторыми учеными было сдѣлано предположеніе, объ изобрѣтеніи Климентомъ глаголической аз-

¹⁾ Очеркъ путеш. Григор. по евр. Турціи. Казань. 1848 г.

²⁾ Ж. М. Н. IIр. 1847 г. № 7.]

буки; къ такому заключенію подалъ, можетъ быть, поводъ самъ издатель разсматриваемаго памятника: въ своемъ замѣчаніи къ упомянутому свидѣтельству онъ утверждалъ за несомнѣнное, что оно относится именно къ другой славянской азбукѣ, хоть и не присоединилъ къ этому никакихъ дальнѣйшихъ объясненій ¹⁾).

Изъ послѣдующихъ розысканій сдѣланныхъ учеными, имѣвшими уже въ виду новыя глагольскіе памятники, открытые проф. Григоровичемъ и архимандритомъ Порфиріемъ, самымъ замѣчательнымъ было изслѣдованіе И. И. Срезневскаго подъ заглавіемъ: Древнія письмена славянскія ²⁾). Названное изслѣдованіе дѣлится на двѣ части: изъ нихъ въ первой помѣщенъ текстъ сказанія черноризца Храбра о славянскихъ письменахъ, изданный по нѣсколькимъ прежнимъ и новымъ спискамъ и вмѣстѣ съ этимъ критическій разборъ его. То и другое было тогда какъ нельзя больше ко времени; потому что какъ самый текстъ Храброва сказанія, такъ и объяснительныя примѣчанія къ нему какъ нельзя яснѣе доказывали, что свидѣтельство Храбра относится не къ какому либо другому, а именно къ такъ называемому кирилловскому, греко-славянскому алфавиту и, по видимому, устраняли всякую возможность дѣлать какія либо другія, въ этомъ отношеніи, заключенія.

Во 2-й части указаннаго изслѣдованія предлагаются розысканія объ азбукѣ глагольской. Эти розысканія и сдѣланные на основаніи ихъ выводы отличаются самою строгою умѣренностію, стоятъ совершенно въ уровень съ фактами и чужды тѣхъ крайностей, въ которыя впадали многіе какъ изъ предшествующихъ, такъ и послѣдующихъ изслѣдователей. На основаніи сходства въ формѣ нѣкоторыхъ начертаній обѣихъ славянскихъ алфавитовъ, порядка буквъ, характера правописанія и проч., сообразивши всѣ данныя и мнѣнія о Глаголицѣ, почтенный профессоръ пришелъ къ тому заключенію, что эта азбука есть явленіе IX—X вѣка, послѣдовавшее за изобрѣтеніемъ Кириллицы, составлена по образцу ея и ею дополнена, или измѣнена согласно съ требованіями мѣстнаго

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. 1847 г. № 1.

²⁾ Ж. М. Н. Пр. 1848 г. № 7.

нарѣчія. Еще важнѣе результаты, до которыхъ дошелъ ученый профессоръ, въ разсматриваемой статьѣ, о самомъ мѣстѣ появленія глаголическаго письма. Здѣсь имъ въ первый разъ, хотя въ видѣ догадки, была высказана мысль о болгарскомъ происхожденіи Глаголицы, мысль, которая была принята, хоть и въ измѣненномъ видѣ, всѣми почти послѣдующими изслѣдователями. По мнѣнію автора, Глаголица примѣнена была къ мѣстному нарѣчію первоначально не у Хорватовъ, а у Болгаръ, что доказывается признаками болгарскаго нарѣчія въ древнѣйшихъ глагольскихъ памятникахъ и мѣстомъ ихъ нахожденія.

Совершенно другаго рода были выводы, которые сдѣлалъ самъ виновникъ новыхъ открытій въ глагольской письменности, подвергнувъ разсмотрѣнію найденные имъ и прежніе памятники. Еще въ 1848 г., взявши въ соображеніе извѣстное мѣсто въ паннонскомъ житіи Кирилла, гдѣ говорится о найденномъ будто бы послѣднимъ въ Херсонѣ евангеліи и псалтыри, писанныхъ *Роськи* ¹⁾ письма, которыхъ самъ онъ не могъ читать, — проф. Григоровичъ утверждалъ, что св. Кириллъ нашелъ въ Херсонѣ именно Глаголицу и что слѣд. она древнѣе Кириллицы. Но съ большею подробностію онъ развилъ свое мнѣніе въ своей статьѣ: *О древней письменности Славянъ*, явившейся въ 1852 г. ²⁾. Здѣсь, вопреки мнѣнію Прейса и Срезневскаго, онъ принимаетъ за болѣе достовѣрное, что не Глаголица дополнена Кириллицей, а совершенно наоборотъ, и доказываетъ это названіемъ нѣкоторыхъ кирилловскихъ буквъ (буквы *ѵ*), заимствованныхъ по его мнѣнію изъ глаголическихъ начертаній. Сравнительную же древность и старшинство Глаголицы передъ Кириллицей почтенный профессоръ старается подтвердить сходствомъ въ формѣ глаголическихъ писемъ съ знаками на геммахъ, древностію языка глаголическихъ рукописей, широкимъ (?) распространеніемъ Глаголицы въ древній періодъ славянской пись-

¹⁾ По другимъ спискамъ: Русьскими. Приводимъ это мѣсто по изд. Шафарика: и обрѣтъ же ту евагеліе и псалтирь русьскими писмены писано, и чловѣка обрѣтъ глаголюща тоу бесѣдоу и бесѣдовавъ съ нимъ и силу рѣчи приемъ. — вскорѣ начеть чисти и сказовати.

²⁾ Статьи, кас. древне-слав. языка. Казань. 1852 г.

менности и тѣмъ обстоятельствомъ, что многія (?) кирилловскія рукописи списаны съ глаголическихъ или написаны по выскобленной Глаголицѣ (палимпсесты), но не наоборотъ». Опредѣленіе же свое мнѣніе о времени и мѣстѣ происхожденія обоихъ славянскихъ азбукъ г. Григоровичъ [выражаетъ въ такой формулѣ: «Св. Кириллъ нашель (т. е. въ Херсонѣ) Глаголиту, а Меѳодій вмѣстѣ съ Кирилломъ послѣ обратилъ ее и греческій алфавитъ въ славянскую азбуку—кирилловскую». Первое онъ доказываетъ уже приведеннымъ нами выше свидѣтельствомъ изъ паннонскаго житія Кирилла, второе ссылкой на одно извѣстіе въ апостолахъ XII в. и на древнюю службу св. Меѳодію, гдѣ онъ называется *святѣмъ буквамъ премудрымъ обратникомъ*, и это, — по объясненію профессора — «отъ обращенія греческаго алфавита въ славянскій примѣненіемъ греческихъ буквъ къ извѣстнымъ уже въ славянскомъ языкѣ».

Само собою разумѣется, что такое мнѣніе о происхожденіи славянскихъ алфавитовъ не могло не поразить своею оригинальнію, поэтому оно и не встрѣтило ни въ комъ сочувствія и тогда же было опровергнуто сначала Шафарикомъ, а потомъ О. М. Бодянскимъ въ его сочиненіи *О времени происхожденія славянскихъ письменъ* (1856 г.). Въ этомъ же сочиненіи почтенный профессоръ представилъ обстоятельный разборъ и всѣхъ другихъ мнѣній о происхожденіи Глаголицы, призналъ современность ея появленія съ Кириллицей, но до открытія новыхъ данныхъ удержался отъ болѣе рѣшительныхъ и точныхъ опредѣленій. Взглядъ г. Бодянскаго на время происхожденія Глаголицы не измѣнился и послѣ открытія въ 1855 г. такъ называемыхъ Пражскихъ глагольскихъ отрывковъ. «Теперь, писалъ онъ въ своей статьѣ 1), по поводу открытія этихъ отрывковъ, Глаголица, по самымъ уже памятникамъ, съ прямымъ показаніемъ времени написанія ихъ, помѣстилась въ одинъ вѣкъ съ Кириллицей, именно въ IX, въ который, какъ мы уже знаемъ заподлинно по тѣмъ даннымъ, кои извѣстны нынѣ, послѣдняя составлена; которая изъ сихъ двухъ соперницъ отселѣ перетянетъ другую, не-

1) Рус. Вѣстн. 1856 г., № 3.

извѣстно. Пока обѣ онѣ въ эту пору стоятъ передъ судомъ нашимъ съ равными правами, являются съ равными силами, и было бы слишкомъ неблагоразумно заключать о большей древности одной изъ нихъ передъ другой, т. е. заключать тамъ, гдѣ предѣлъ всякимъ заключеніямъ, предѣлъ, за которыми начинаются мечтанія... слѣд. толки, а тѣмъ болѣе препиранія о старшинствѣ Кириллицы передъ Глаголицей и Глаголицы передъ Кириллицей совершенно неумѣстны, безвременны, пока самое время, лучший въ такомъ случаѣ и рѣшитель человѣческихъ притязаній и недоумѣній, не представитъ намъ для того данныхъ, подобныхъ тѣмъ, по коимъ права обѣихъ соперницъ теперь совершенно уравнились... Въ высшей степени было бы занимательно уяснить себѣ это явленіе, почему почти, или даже рѣшительно въ одну и ту же пору показываются у Славянъ двѣ азбуки, такъ мало похожія своею наружностію одна на другую. Но сознаюсь, при тѣхъ данныхъ, какія теперь у насъ подъ руками, [рѣшеніе этого вопроса — чистая невозможность].

Обращаясь теперь къ изслѣдованіямъ о Глаголицѣ Шафарика, замѣтимъ прежде всего, что знаменитый славянистъ очень долго держалъ себя какъ бы въ сторонѣ отъ указанныхъ нами въ отношеніи къ ней споровъ; тѣмъ меньше можно было его причислить къ числу защитниковъ древности глаголическаго письма и старшинства его передъ кирилловскимъ. Такъ мнѣніе въ этомъ отношеніи Копитара не нашло въ немъ никакого сочувствія, хотя въ настоящее время въ выводахъ обоихъ ученыхъ нельзя не видѣть слишкомъ много общаго. Причины недостатка въ сочувствіи къ мнѣнію Копитара объясняетъ самъ Шафарикъ въ своемъ предисловіи къ послѣднему своему, разсматриваемому нами труду. «Копитаръ, замѣчаетъ онъ, можно сказать, скорѣе угадалъ истину посредствомъ своего изумительнаго остроумія, чѣмъ вывелъ ее правильнымъ логическимъ путемъ и доказалъ съ убѣдительною ясностію. Последнее, при неизвѣстности въ то время многихъ важныхъ памятниковъ и историческихъ данныхъ, было рѣшительно невозможно. Открытіе тѣхъ и другихъ послѣдовало въ ближайшее время послѣ обнародованія Копитарова труда. Притомъ же въ отношеніи къ историческимъ изслѣдованіямъ

я держусь такого мнѣнія, что самостоятельно выработанный взглядъ, хотя бы это путемъ ошибокъ и вслѣдствіе внѣшняго толчка, гораздо плодотворнѣе и достойнѣе свободно-мыслящаго изыскателя, чѣмъ чужое, рабски и безъ внутренняго убѣжденія принятое лишь на вѣру ученіе... По крайней мѣрѣ я вовсе не оставался равнодушнымъ къ открытію истины. Это доказываютъ тѣ тщательныя розысканія, которыя три раза въ 1852-мъ, 1853 и въ 1856-мъ году мною посвящены были почти забытому и оставленному безъ вниманія вопросу. Тоже самое доказываетъ и тотъ способъ и та постепенность, съ какою я мало по малу, въ теченіи указаннаго періода времени, достигалъ познанія истины»... «Теперь, говоритъ Шафарикъ въ другомъ мѣстѣ (р. 3), я рѣшаюсь возвратиться къ Глаголицѣ въ третій и, можетъ быть, въ послѣдній разъ. Новыя открытія и новыя изслѣдованія о ней требуютъ повѣрки цѣлаго. Я предпринялъ это и представляю здѣсь добытые мною результаты. Настоящее свое сочиненіе я назначаю для тѣхъ, кого интересуеетъ вопросъ, что наконецъ я думаю о Глаголицѣ и Кириллицѣ и что считаю въ этомъ отношеніи вѣрнымъ».

Нѣтъ нужды говорить, какъ справедливы и обязательны для насъ замѣчанія Шафарика, высказанныя имъ въ выписанныхъ нами строкахъ и въ какой мѣрѣ должно быть важно для науки окончательное мнѣніе его о столь спорномъ и запутанномъ вопросѣ, каковъ вопросъ о глаголическомъ письмѣ. Одно простое безотчетное вѣрованіе, предчувствіе, догадка такого опытнаго (и пользующагося столь заслуженнымъ авторитетомъ) знатока славянскаго міра, одна случайно высказанная мысль, мелькомъ сдѣланное замѣчаніе можетъ поколебать самыя твердыя убѣжденія, хотя бы пользовавшіяся столѣтнею давностію и авторитетомъ общепринятыхъ доказанныхъ научныхъ положеній. Чтобы указать ближайшій въ этомъ случаѣ примѣръ, припомнимъ одинъ фактъ, очень хорошо извѣстный всѣмъ, знакомымъ съ работами нашихъ ученыхъ по части исторіи древней славянской письменности. По поводу изданія Калайдовичемъ изслѣдованія объ Іоаннѣ Екзархѣ (1824 г.) нѣкоторыми учеными были высказаны сомнѣнія въ древности и подлинности твореній знаменитаго преемника трудовъ славянскихъ апостоловъ и ихъ сотрудниковъ, а впослѣдствіи

однимъ изъ нашихъ знатоковъ древней слав. письменности сочиненія Екзарха, вопреки общепринятому мнѣнiю, положительно отнесены къ памятникамъ XII вѣка ¹⁾, хотъ и не присоединено къ этому никакихъ доказательствъ, и хотъ приговоръ ученаго библиографа выражень былъ категорически и въ нѣсколькихъ строкахъ. Что же? Эти строки досель, если можно такъ выразиться, держатъ какъ бы въ осадѣ всѣхъ изслѣдователей по разсматриваемому вопросу. По этому въ каждомъ изслѣдованiи о немъ, даже въ замѣчанiяхъ, высказанныхъ стороною, непременно имѣются въ виду эти сомнѣнiя и этотъ приговоръ, непременно приискиваются новыя данныя и дѣлаются новыя соображенiя въ пользу общепринятаго въ этомъ отношенiи мнѣнiя, и при чтенiи этихъ изслѣдованiй, непременно чувствуется неотразимое влiянiе этихъ немногихъ строкъ, въ которыхъ высказанъ взглядъ совершенно противоположный, хотъ бы онъ и не были указаны. И все это происходитъ вслѣдствiе увѣренности, что приговоръ произнесенъ знатокомъ дѣла, который не любитъ тратить даромъ словъ и который имѣлъ и вѣроятно теперъ имѣетъ доказательства въ пользу своей мысли. Возьмемъ другой примѣръ. Ученые составители описанiя слав. рукописей Моск. Син. библиотеки въ своихъ разысканiяхъ о древнемъ славянскомъ переводѣ Свящ. Писанiя, согласно съ исправителями и издателями первопечатной библiи въ прошломъ столѣтiи, пришли къ тому заключенiю, что первоначальный переводъ ветхозавѣтныхъ книгъ, совершенный трудами Кирилла и Меодiя, теперъ утраченъ; до настоящаго же времени изъ этого перевода какъ въ рукописяхъ, такъ и въ печатной библiи дошли только немногiе его остатки, а все прочее дошло до насъ въ переводѣ позднѣйшемъ, частiю съ греческаго, частiю съ еврейскаго и латинскаго ²⁾. Между тѣмъ, какъ извѣстно, нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ держатся въ этомъ отношенiи мнѣнiя совершенно противнаго. Такъ не далѣе, какъ въ прошломъ году въ одномъ изслѣдованiи по разсматриваемому вопросу, высказана была мысль, что славянскiй переводъ би-

¹⁾ Хрон. указ. мат. от. ист. Ж. М. Н. Пр. 1834 г., ч. I.

²⁾ Т. I. 1855 г. см. пред. III. и далѣе.

блейскихъ книгъ «по его происхожденію есть плодъ апостольской ревности святыхъ Кирилла и Меѳодія, что онъ получилъ начало въ девятомъ столѣтіи и что языкъ сего перевода въ продолженіи тысячи лѣтъ продолжаетъ быть живымъ въ православной церкви» ¹⁾. Какъ видно изъ приведенной нами выписки, мнѣніе о сохраненіи, въ нашихъ рукописныхъ и въ печатныхъ библейскихъ книгахъ, кирилловскаго перевода Свящ. Писанія высказано здѣсь категорически, безъ всякихъ объясненій и безъ соображенія съ вышеуказаннымъ нами изслѣдованіемъ; но оно высказано съ полною и твердою увѣренностію въ его справедливости и притомъ знатокомъ дѣла. Вотъ почему и вопросъ о происхожденіи сл. перевода Священнаго Писанія, заключающагося въ нашей рукописной и печатной библіи, по нашему мнѣнію теперь не можетъ считаться вполне рѣшеннымъ. По крайней мѣрѣ послѣдующіе изслѣдователи этого перевода не имѣютъ права выпустить изъ виду приведенное нами мнѣніе о его происхожденіи. Возвращаясь къ Шафарыку, замѣтимъ теперь, что тѣмъ больше должно имѣть значенія для науки мнѣніе его о происхожденіи Глаголицы, какъ мнѣніе такого ученаго, который въ полномъ совершенствѣ знаетъ славянскій міръ, который совершенно по праву пользуется титуломъ главы славянскихъ археологовъ и филологовъ, и который по собственному его, вполне справедливому признанію всю жизнь свою и всю свою авторскую дѣятельность посвятилъ на то, чтобы пролить свѣтъ въ темныя области славянскаго языковѣдѣнія и древностей, и притомъ мнѣніе, это обставлено такими критическими розысканіями и соображеніями, какихъ, повидимому, только можно желать. Очень можетъ быть, что новое мнѣніе Шафарика не будетъ принято въ наукѣ, но безъ всякаго сомнѣнія самою постановкою вопроса въ новомъ свѣтѣ, оно подвинетъ его къ окончательному рѣшенію. Очень можетъ быть, что самъ Шафарикъ снова перемѣнитъ свой взглядъ, но за то тѣмъ тверже тогда будутъ убѣжденія въ противномъ, какъ его собственные, такъ и другихъ изслѣдователей.

---

¹⁾ О догм. дост. греч. 70-ти толк. и слав. пер. Свящ. Пис. Приб. къ 3-й кн. Твор. св. отд. за 1838 г.

Въ высшей степени также поучительна та постепенность, съ какою почтенный ветеранъ славянской археологіи приходилъ къ своему настоящему убѣжденію, и тѣ перемѣны, какія онъ дѣлалъ въ своемъ мнѣніи, занимаясь разсматриваемымъ предметомъ. Извѣстно, какъ тяжело отказываться отъ своего собственнаго, даже ошибочнаго убѣжденія въ чемъ бы то ни было, а главное сознаваться въ своихъ ошибкахъ открыто. Но это правило какъ будто вовсе не существуетъ для Шафарика. Такъ еще въ своихъ «Славянскихъ древностяхъ» онъ открыто сознался въ ошибочности своего прежняго мнѣнія о происхожденіи Сарматовъ и спѣшилъ поправить допущенную имъ прежде въ этомъ отношеніи ошибку. Въ 1848 г., послѣ открытія, или точнѣе приведенія въ извѣстность, Паннонскихъ житій Кирилла и Меѳодія, онъ не колебался ни на мгновеніе оставить свое прежнее мнѣніе о годѣ (855) составленія славянскихъ писемъ, основанное на ошибочномъ показаніи сказанія черноризца Храбра и принять новое (862), согласное съ показаніемъ названныхъ памятниковъ. Не мало и другихъ случаевъ, когда Шафарикъ съ благородною откровенностію и съ полнымъ самоотверженіемъ рѣшался самъ, такъ сказать, поднимать на себя руку, сознаваясь въ своихъ ошибкахъ и, хотя бы то въ ущербъ прежнимъ своимъ выводамъ, спѣшилъ дѣлиться съ ученою публикою каждою своею новою мыслию, каждымъ своимъ соображеніемъ. Не мелкое самолюбіе, сознательно, или безсознательно заботящееся о томъ, чтобы во что-то ни стало отстоять свое мнѣніе, не щепетильная заботливость о послѣдовательности своихъ выводовъ и согласіи ихъ съ прежними взглядами, а чистая безкорыстная, доходящая до самоотверженія любовь къ истинѣ и желаніе такъ или иначе но хоть сколько-нибудь поднять завѣсу темнаго, таинственнаго прошедшаго, — вотъ что всегда служило и служить пружиною ученой дѣятельности знаменитаго славяниста. *Una manus nobis vulnus oremque ferat* (Ovid.) писалъ онъ 20 лѣтъ назадъ, исправляя свое прежнее ошибочное мнѣніе о Сарматахъ и желая этимъ, какъ самъ говоритъ, уничтожить вредъ, нанесенный такимъ промахомъ и вывести изъ заблужденія, какъ себя, такъ и другихъ. Теперь понятно,

почему мы не съ цѣлію выставить на видъ противорѣчія между прежними и теперешними выводами его о Глаголицѣ, а съ чувствомъ глубокаго уваженія къ изслѣдователю, любящему истину до самоотверженія, раскрываемъ прежнія сочиненія заслуженнаго славяниста, чтобы бросить взглядъ на его прежнія соображенія по разсматриваемому вопросу.

Первыя изслѣдованія Шафарика по части глагольской письменности совпадаютъ съ новыми открытіями въ ней проф. Григоровича, о которыхъ мы говорили выше, и съ тѣмъ движеніемъ, какое возбуждено было этими открытіями въ области изученія первой эпохи славянской письменности. Оцѣнивши въ полной мѣрѣ важность вновь открытыхъ глагольскихъ памятниковъ, Шафарикъ не замедлилъ подвергнуть этотъ предметъ своему непосредственному разсмотрѣнію и результаты своихъ розысканій сообщилъ въ своей статьѣ подъ заглавіемъ: «Взглядъ на древность глагольской письменности», напечатанной въ Журналѣ Чешскаго Музея въ 1852 г.¹⁾ Въ это время въ своихъ выводахъ о происхожденіи и древности Глаголицы Шафарикъ былъ очень близокъ къ представленному нами выше мнѣнію проф. Срезневскаго. Глаголическіе памятники онъ дѣлилъ на два разряда: болгарскіе—древнѣйшіе отъ X до XII в., и позднѣйшіе—хорватскіе отъ XII в. и далѣе, и Глаголицѣ болгарской отдавалъ старшинство передъ хорватской, признавая такимъ образомъ мѣстомъ происхожденія глаголическаго письма, какъ и нашъ только что названный изслѣдователь, Болгарію. Согласно же съ нимъ рѣшала Шафарикъ вопросъ и объ отношеніи обѣихъ слав. азбукъ. «Сообразивши безпристрастно, писалъ онъ тогда, всѣ свидѣтельства — какъ преданія и исторіи, такъ и характеръ буквъ, правописанія, языка и слога, не можемъ отказаться отъ предположенія, что Глаголица, какъ находимъ ее въ древнѣйшихъ рукописяхъ, хотя и близко подходитъ къ древнѣйшему времени Кириллицы, но *ни въ какомъ случаѣ не древнѣе ея...* напротивъ она есть подражаніе ей...»¹⁾ построена

¹⁾ Въ русс. пер. см. 1-й т. Изв. II. отд. Ак. наукъ, 1852 г. Также Изслѣд. о древ. пам. старослав. лит. 1856 г.

по образцу ея. За новостъ Глаголицы говорить ея правильное развитіе изъ двухъ первоначальныхъ чертъ — кружка и прямой линіи, ... хотя, быть можетъ, большое число буквъ не просто выдуманно, а перенято изъ другой славянской, или не славянской азбуки, болѣе древней». О сравнительной древности рецензій текста священныхъ книгъ — кирилловской и глаголической, Шафарикъ тогда писалъ: «позволяю себѣ думать, что кирилловская рецензія древнѣе глаголической. Въ составѣ глаголической азбуки и въ правописаніи видно подражаніе рукописямъ кирилловскимъ».

Естественно, что при такомъ взглядѣ Шафарика на относительную древность обоихъ славянскихъ алфавитовъ, — мысль проф. Григоровича о старшинствѣ Глаголицы передъ Кириллицей — о существованіи 1-й еще прежде Кирилла и объ изобрѣтеніи послѣдней Мееодіемъ не нашли въ немъ никакого сочувствія. Напротивъ, согласно съ общепринятымъ мнѣніемъ, Шафарикъ въ то время признавалъ за несомнѣнное, что Кириллица изобрѣтена Кирилломъ въ IX вѣкѣ, и въ этомъ случаѣ какъ на неопровержимое свидѣтельство ссылался на показанія Паннонскихъ житій и на сказаніе черноризца Храбра о письменахъ. вмѣстѣ съ тѣмъ Шафарикъ въ указанной нами статьѣ сдѣлалъ соображенія и о лицѣ изобрѣтателя Глаголицы. Въ этомъ случаѣ вниманіе его остановилось на вышеупомянутомъ нами свидѣтельствѣ краткаго, найденнаго Григоровичемъ житія епископа Климента, гдѣ говорится, что послѣдній изобрѣлъ будто бы «другіе знаки письменъ, явственнѣе тѣхъ, которые открыты ученымъ Кирилломъ». Это показаніе объяснялъ тогда Шафарикъ въ смыслѣ изобрѣтенія Климентомъ новыхъ письменъ, именно Глаголицы, и признавалъ его *правдоподобнымъ извѣстіемъ*, хотя и не вполне доказаннымъ фактомъ. «Свидѣтельство житія Климента, писалъ тогда Шафарикъ, позволяетъ догадываться, что изобрѣтателемъ Глаголицы былъ именно Климентъ... Очевидно, что здѣсь жизнеописатель думалъ о Глаголицѣ, такъ какъ третьей особенной азбуки славянской нѣтъ, и всѣ обстоятельства оправдываютъ основательность и правдивость этого преданія... Климентъ, продолжаетъ далѣе Шафарикъ (объясняя побужденія къ изобрѣтенію новой азбуки, тогда какъ славянская азбука уже существовала, т. е. изобрѣтен-

ная Кирилломъ), могъ считать не неумѣстнымъ, чтобы у Болгарь рядомъ съ азбукой обиходной, свѣтской, была и священная, церковная, какъ это было у народовъ восточныхъ... При этомъ онъ (или другой кто изъ учениковъ Меодія — Паумъ, Ангеларь и проч.) могъ воспользоваться и готовою уже азбукою, древнею, найденною имъ у Болгарь».

Другое изслѣдованіе Шафарика о Глаголицѣ было напечатано имъ въ 1853 г., какъ введеніе въ изданное имъ тогда «Собраніе памятниковъ глаголической письменности»¹⁾. Говоря вообще, относительно времени происхожденія Глаголицы, здѣсь Шафарикъ повторилъ свои прежніе выводы, только подкрѣпивъ ихъ новыми филологическими и палеографическими соображеніями. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ частныхъ опредѣленіяхъ мнѣніе его въ это время во многомъ приняло уже другой видъ. Такъ Глаголица хорватская въ правахъ на древность сравнена съ болгарскою и даже первой въ этомъ отношеніи отдано преимущество, съ одной стороны по меньшему числу въ ней буквъ, съ другой по близости ея прямыхъ отвѣсныхъ начертаній къ древнимъ рѣзнымъ надписямъ на камняхъ. Что же касается до изобрѣтенія Глаголицы Климентомъ, то свидѣтельство объ этомъ краткаго его житія, Шафарикъ призналъ съ одной стороны несообразнымъ съ обстоятельствами, съ другой *не заслуживающимъ довѣрія* и причислил его къ разряду такихъ преданій, на какомъ основано мнѣніе объ изобрѣтеніи Глаголицы Иеронимомъ. Въ замѣнъ же прежняго предположенія о лицѣ изобрѣтателя Глаголицы, Шафарикъ теперь предложилъ другое, именно, что болгарская Глаголица могла быть изобрѣтена кѣмъ либо изъ учениковъ Кирилла и Меодія, дѣйствовавшимъ въ духѣ другой школы, называя впрочемъ свою мысль догадкой — не болѣе. Да и вообще второе изслѣдованіе Шафарика о Глаголицѣ, полнѣйшее и основательнѣйшее изъ всѣхъ, писанныхъ какъ имъ, такъ и другими, отличается большею умѣренностію и строгостію въ выводахъ и меньшею рѣшительностію, нежели первое. Перебравъ нѣсколько предположеній о времени, мѣстѣ, и причинахъ происхожденія глагольской азбуки, онъ созналъ невозможность рѣшить всѣ эти во-

¹⁾ Památky Hlaholskeho Pisemnictví. V Praze. 1853.

просы до открытія новыхъ необходимыхъ данныхъ и назвалъ свои выводы только вѣроятными; при этомъ впрочемъ выразилъ увѣренность, что вопросъ о происхожденіи Глаголицы не останется навсегда тайной для науки.

Надежда на осуществленіе этой увѣренности, которую вмѣстѣ съ Шафарикомъ раздѣляли конечно всѣ друзья славянской науки, повидимому, блеснула было съ открытіемъ пражскихъ глагольскихъ отрывковъ. Такъ названы два пергаменныхъ листа, открытые докторомъ Гефлеромъ въ 1855 г. на внутренней сторонѣ переплетной доски одной латинской рукописи XI в. въ библиотекѣ пражской митрополитской капитулы, которые содержатъ въ себѣ нѣсколько церковныхъ пѣсней по греческому обряду (свѣтильны, антифоны и проч.), писанныхъ глагольскими буквами. Но розысканія Шафарика и другихъ ученыхъ, произведенныя на основаніи новаго открытія, не привели къ желанному успѣху. Первая мысль, которая должна была притти по поводу этихъ отрывковъ, судя по ветхости ихъ, была разумѣется та, что они древнѣе рукописи и слѣд. должны принадлежать къ X, а можетъ быть и къ IX вѣку. Такое заключеніе дѣйствительно и сдѣлалъ Шафарикъ, отнеся эти отрывки къ эпохѣ, близкой къ Кириллу и Меѳодію ¹⁾. Но съ другой стороны при отсутствіи въ отрывкахъ года ихъ написанія и при неимѣніи для сравненія другихъ глагольскихъ памятниковъ, современныхъ этой эпохѣ, — трудно было на основаніи указаннаго открытія сдѣлать какія либо общія и рѣшительныя заключенія объ относительной древности той или другой славянской азбуки. Поэтому Шафарикъ, несмотря на признанную имъ отдаленную древность пражскихъ отрывковъ, въ первое время послѣ открытія ихъ, удержался отъ заключенія о старшинствѣ Глаголицы передъ Кириллицей и отдалъ полную справедливость мнѣнію проф. Бодянскаго, когда послѣдній въ своемъ изслѣдованіи о происхожденіи слав. письменъ призналъ, какъ мы выше видѣли, современность происхожденія обѣихъ слав. азбукъ. «Въ газетахъ, писалъ онъ къ нему отъ 28 дек. 1855 г., распространилась ложная молва о томъ, яко бы я

¹⁾ Кратк. изв. о праж. отр. in der Prager Zeitung. 19 Dec. 1855. См. Glag. Frag. p. 18.

Глаголицу считаю уже древнѣе Кириллицы. Въ сущности я ничего положительнаго не знаю о началѣ Глаголицы, хотя и вижу старину ея. Въ Вашей книгѣ (О времени происхожденія славянскихъ письменъ) съ удовольствіемъ замѣтилъ я, что Вы къ обѣимъ имъ равно справедливы, обѣ уважаете, обѣ высоко цѣните. Такъ надобно, такъ прилично намъ дѣйствовать»¹⁾.

Такимъ образомъ Шафарикъ въ первое время послѣ открытія пражскихъ отрывковъ въ своемъ мнѣніи о древности Глаголицы подвинулся впередъ только въ томъ отношеніи, что вмѣстѣ съ г. Бодянскимъ призналъ равноправность обоихъ слав. алфавитовъ и, повидимому, слишкомъ далеко былъ отъ тѣхъ выводовъ, какіе развиты имъ въ этомъ отношеніи въ послѣднемъ его сочиненіи. Взглядъ Шафарика на относительную древность обоихъ слав. алфавитовъ, по видимому, не измѣнился и въ слѣдующемъ 1857 г., когда онъ вмѣстѣ съ Гефлеромъ издалъ ново-открытый глаголическій памятникъ съ разнообразными филологическими и палеографическими примѣчаніями²⁾. Но, говоримъ, только по видимому, потому что въ розысканіяхъ и выводахъ Шафарика теперь уже нельзя было не замѣтить какого-то колебанія, нерѣшительности и нетвердости въ прежнихъ его взглядахъ на Кириллицу. Здѣсь онъ также избѣгаетъ общихъ заключеній о времени происхожденія Глаголицы, по видимому равняетъ ее съ Кириллицей, но съ другой стороны, упоминая о послѣдней, набрасываетъ тѣнь сомнѣнія на вѣковое преданіе объ изобрѣтеніи ея Кирилломъ и придаетъ равносильное съ этимъ преданіемъ значеніе исторически-достовернаго извѣстія свидѣтельству краткаго житія Климента о составленіи имъ другой славянской азбуки, — свидѣтельству, которое прежде, какъ мы выше видѣли, самъ же признавалъ баснословнымъ. Кромѣ того письмо, изобрѣтенное Кирилломъ, Шафарикъ здѣсь называетъ письмомъ *новымъ* — терминъ, который въ настоящемъ случаѣ имѣетъ особенное, многознаменательное значеніе, но кото-

1) Русск. Вѣстн. 1856 г. № 3. Ст. О. М. Бодянского — Новая открытія въ области Глаголицы.

2) Glagolitische Fragmente. Prag. 1857.

рый становится впрочемъ понятнымъ только по прочтеніи послѣдняго, разсматриваемаго нами его сочиненія. Но лучше выпишемъ изъ изслѣдованія Шафарика о пражскихъ отрывковъ относящееся сюда мѣсто, очень замѣчательное, по нашему мнѣнію, въ томъ отношеніи, что въ немъ отлично характеризуется современное состояніе вопроса, о сравнительной древности обоихъ славянскихъ алфавитовъ, въ отношеніи къ возможности или невозможности его рѣшенія.

«Вопросъ объ отчизнѣ и древности пражскихъ отрывковъ, пишетъ Шафарикъ, въ высшей степени интересенъ, но въ то же время онъ составляетъ самую темную и трудную часть нашей задачи. Эта трудность уменьшилась бы значительно, еслибы изъ первыхъ двухъ вѣковъ, слѣдовавшихъ за введеніемъ славянской литургіи у моравскихъ и паннонскихъ Славянъ сохранилось большее число рукописей, въ особенности съ означеніемъ года написанія ихъ... Между тѣмъ даже въ палеографіи кирилловской у насъ нѣтъ критеріума (т. е. для опредѣленія времени происхожденія рукописей безъ означенія года) древнѣе 1056 года — года написанія Остромірова Евангелія. Гораздо въ худшемъ положеніи палеографія рукописей глаголическихъ: самыя древнія между ними не имѣютъ года написанія ихъ, точно также, какъ и рукописи кирилловскія, въ которыхъ встрѣчаются глаголическія буквы; глаголическая псалтырь 1222 г. — единственный памятникъ съ означеніемъ года — теперь не существуетъ. Извѣстная глагольская подпись на греческой грамотѣ 982 г. въ Аѳонскомъ Иверскомъ монастырѣ къ сожалѣнію доселѣ не обнародована, какъ бы слѣдовало, въ вѣрномъ снимкѣ; притомъ же эту подпись до настоящаго времени видѣлъ только одинъ человекъ (архимандритъ Порфирій) въ 1846 г. — свидѣтель достовѣрный, но все-таки свидѣтель не болѣе. Историческія данныя въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ находятся въ настоящее время, также не рѣшаютъ дѣла. Правда у насъ есть исторически-несомнѣнныя свидѣтельства, что Кириллъ изобрѣлъ для Славянъ *новое письмо*, но въ то же время мы имѣемъ другое также *достоверное извѣстіе*, по которому ученикъ и сотрудникъ Кирилла (Климентъ), бывши въ послѣдствіи въ санѣ болгарскаго епископа, составилъ для южныхъ Славянъ, новый яснѣйшій алфавитъ, и

при совершенномъ молчаніи (?) источниковъ о формѣ буквъ того и другаго алфавита, потомство очень легко могло перемѣшать ихъ и перенести названіе отъ одного къ другому тѣмъ больше, что первоначально и тотъ и другой алфавитъ назывался только славянскимъ. И такъ нѣтъ ничего удивительнаго, если славянскіе ученые доселѣ несогласны между собою въ мнѣніяхъ о сравнительной древности и взаимномъ отношеніи обоихъ славянскихъ алфавитовъ. Что до меня касается, я съ своей стороны вновь предпринялъ [пересмотръ спорнаго вопроса, но доселѣ мнѣ не удалось прійти ни къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ; по этому и обнародованіе своихъ новыхъ изслѣдованій я предоставляю будущему времени» ¹⁾).

Въ послѣднихъ словахъ Шафарикъ очевидно разумѣетъ изслѣдованія о Глаголицѣ, заключающіяся въ послѣднемъ его сочиненіи, которое теперь лежитъ передъ нашими глазами; потому что по собственному его отзыву 1-я половина этого сочиненія была имъ написана именно въ теченіи 1856—1857 г., т. е. въ одно время съ изслѣдованіемъ о пражскихъ глагольскихъ отрывкахъ. Соображая это обстоятельство съ загадочнымъ названіемъ *новаго*, усвоеннымъ въ названномъ сейчасъ сочиненіи Шафарика изобрѣтенному св. Кирилломъ славянскому письму, невольно приходишь къ мысли, что еще въ то время въ мнѣніи знаменитаго славяниста о происхожденіи обихъ славянскихъ азбукъ произошелъ радикальный переворотъ: ясно, что, когда писалъ онъ приведенныя нами выше строки, колеблясь сомнѣніями о смѣшеніи потомствомъ названій Кириллицы и Глаголицы и о замѣнѣ ихъ одного другимъ, — факты первобытной эпохи славянской письменности уже представлялись ему совершенно въ другомъ свѣтѣ, нежели какъ это было прежде, т. е. до открытія и въ первое время послѣ открытія пражскихъ отрывковъ. На это обстоятельство мы считали нужнымъ обратить вниманіе для того, чтобы хоть приблизительно уловить тотъ моментъ, когда въ мысляхъ Шафарика образовалось новое теперешнее его мнѣніе о происхожденіи глагольскаго письма и черезъ это самое имѣть возможность судить о причинахъ, которыя произвели перемѣну въ его преж-

¹⁾ Glag. Fragm. Prag. 1857. p. 56—57.

немъ взглядѣ на этотъ предметъ. Въ послѣднемъ отношеніи нельзя не признать, что въ этомъ случаѣ едва ли не главную роль играли пражскіе глагольскіе отрывки, которымъ Шафарикъ, поддавшись увлеченію, придалъ значеніе гораздо большее, нежели какое можетъ быть имъ приписано. Къ тому же безъ сомнѣнія не мало способствовали и тѣ тщательныя розысканія и работы надъ Глаголицей, которымъ въ послѣднее время онъ былъ преданъ съ свойственнымъ ему рвеніемъ, вновь перечитавши, какъ самъ говоритъ, всѣ источники, относящіеся къ его предмету. Взявши во вниманіе это обстоятельство, не трудно понять и то увлеченіе, которымъ проникнуто съ начала до конца послѣднее его сочиненіе. Переходимъ теперь къ изложенію его содержанія.

Разсматриваемое нами сочиненіе Шафарика, состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ изслѣдованій. Въ 1-мъ, какъ замѣчено было уже въ началѣ нашей статьи, онъ вопреки общепринятому мнѣнію доказываетъ, что Кирилль, въ IX вѣкѣ изобрѣлъ не такъ называемую Кириллицу, а Глаголицу, которая сначала распространилась въ Панноніи, а потомъ вмѣстѣ съ учениками славянскихъ апостоловъ перешла въ Болгарію, но по неясности своей, трудности для письма и нерасположенію къ ней Грековъ, въ началѣ X вѣка была оставлена и замѣнена письмомъ греко-славянскимъ, или Кириллицей и что эта послѣдняя есть собственность епископа Климента, извѣстнаго ученика Меѳодія. Во 2-мъ изслѣдованіи Шафарикъ путемъ филологическихъ соображеній, подобно Копитару и опять вопреки своему прежнему мнѣнію, приходитъ къ выводу, что текстъ священныхъ книгъ глагольскаго извода древнѣе и ближе къ первоначальному, чѣмъ текстъ тѣхъ же книгъ извода кирилловскаго, и что мѣстомъ появленія Глаголицы, а вмѣстѣ и родиной древне-славянскаго языка вообще была древняя Паннонія и Македонія, гдѣ преимущественно дѣйствовали св. братья. Второе изслѣдованіе Шафарика по своему содержанію и по собственному взгляду его автора составляетъ восполненіе 1-го и относится къ нему, какъ часть, къ цѣлому. Въ немъ только съ большею подробностію развиты тѣ положенія объ относительной древности и мѣстѣ происхожденія специально глаголическихъ словъ и формъ, которыя (положенія) въ общихъ чер-

тахъ уже изложены въ 1-мъ изслѣдованіи. Такъ какъ мы предположили для себя цѣлю изложить и разсмотрѣть мнѣніе Шафарика собственно о времени происхожденія глагольскаго письма — главную мысль его новаго труда; то это заставляетъ насъ въ нашихъ замѣчаніяхъ имѣть въ виду только 1-е его изслѣдованіе.

По внѣшней формѣ своей оно раздѣлено на нѣсколько отдѣльныхъ положеній, изъ коихъ каждое состоитъ изъ фактическихъ данныхъ, заключаетъ въ себѣ выводъ изъ фактовъ. Всѣхъ положеній 54. По характеру своему, соображенія Шафарика суть частію историческія, частію палеографическія и филологическія. Тонъ ихъ вездѣ положительный: Шафарикъ съ самаго начала своего изслѣдованія объявляетъ, что вдаваться въ полемику онъ не намѣренъ. Несмотря на это, однакожь въ концѣ онъ предлагаетъ рѣшеніе и нѣкоторыхъ возраженій, стараясь объяснить ихъ въ свою пользу.

Исходною точкою изслѣдованія Шафарика служитъ принятый имъ за несомнѣнный, историческій тезисъ, что «у Славянъ, согласно съ фактомъ существованія двухъ алфавитовъ кирилловскаго и глаголическаго, извѣстно и два изобрѣтателя письменъ, изъ коихъ одинъ Кириллъ, по мірскому имени Константинъ, другой Климентъ, епископъ величскій въ Болгаріи († 916)». «Кириллъ, продолжаетъ далѣе Шафарикъ, какъ изобрѣтатель славянскаго письма, извѣстенъ въ исторіи уже давно въ теченіи цѣлаго тысячелѣтія. Что же до Климента, то *древнее* извѣстіе о немъ, какъ объ изобрѣтателѣ другаго славянскаго алфавита, обнародовано только около ста лѣтъ, а получило примѣненіе въ наукѣ назадъ тому не болѣе десяти лѣтъ. Что алфавитъ *теперь* такъ называемый кирилловскій изобрѣтенъ св. Кирилломъ, — это было въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій всегдашнимъ вѣрованіемъ ученыхъ; о глаголическомъ же мнѣнія ихъ были постоянно между собою несогласны и нерѣшительны»... «И такъ, чтобы выйти изъ темнаго лабиринта разнообразныхъ, существующихъ по этому вопросу мнѣній на прямую дорогу и достигнуть цѣли, не блуждая по путямъ окольнымъ, всѣ новыя изслѣдованія нужно оставить въ сторонѣ и искать рѣшенія проблемы въ свидѣтельствахъ первыхъ столѣтій. Изслѣдованія о

происхожденіи и древности глагольскаго письма, произведенныя учеными, каковы: Леваковичъ, Фришъ, Коль (и т. д. исчисляются имена главнѣйшихъ дѣятелей по вопросу о Глаголицѣ до Бодянскаго включительно) во многихъ отношеніяхъ поучительны, но для разрѣшенія нашей задачи большой важности не имѣютъ. Напротивъ эти изслѣдованія скорѣе могутъ только помрачить свѣтлый взглядъ, запутать дѣло и сбить съ прямой дороги. — Единственный путь, которымъ можно достигнуть результатовъ вѣрныхъ и несомнѣнныхъ, — это изученіе самыхъ источниковъ и памятниковъ».

Такова точка зрѣнія Шафарика на взятый имъ для разсмотрѣнія вопросъ, а вмѣстѣ и на всѣ прежнія изслѣдованія, сдѣланныя по этому вопросу учеными. Нельзя не замѣтить, что отзывъ почтеннаго славяниста о бесполезности всего до него писаннаго и при томъ не только о Глаголицѣ, но вмѣстѣ и о Кириллицѣ, не отличается большою умѣренностію, тѣмъ больше, что розысканія предшественниковъ Шафарика, какъ и его собственныя, основаны были также на источникахъ и памятникахъ. Въ особенности какъ-то странно бросается въ глаза взглядъ Шафарика на бесплодность прежнихъ изслѣдованій о Кириллицѣ, которыя, даже въ послѣднихъ своихъ результатахъ, по его мнѣнію не привели будто бы ни къ чему рѣшительному. Если розысканія о Глаголицѣ, при малочисленности и неразработанности ея памятниковъ и при совершенномъ почти отсутствіи историческихъ данныхъ, дѣйствительно представляютъ въ себѣ очень много неопредѣленнаго, смутнаго, запутаннаго, а иногда даже фантастическаго; то этого отзыва ужь никакъ нельзя примѣнить къ изслѣдованіямъ о происхожденіи Кириллицы. Первоначальная эпоха ея какъ въ отношеніи къ богатству историческихъ и палеографическихъ данныхъ, такъ и въ отношеніи къ разработкѣ ихъ, особенно въ послѣднее время, представляетъ совершенно противоположную картину, которая никакимъ образомъ не можетъ идти въ сравненіе съ суммою данныхъ и исторически несомнѣнныхъ выводовъ о началѣ письменности глаголической. Справедливо замѣчаютъ, что ни одна письменность не имѣетъ для своей первой эпохи столь ясной и полной исторически несомнѣнными фактами и выводами исторіи, какъ именно пись-

менность кирилловская, и нужно слишкомъ много новыхъ данныхъ, новыхъ фактовъ, чтобы заподозрить всѣ сдѣланные прежде о началѣ ея изслѣдованія и выводы. Да и въ самыхъ розысканіяхъ о Глаголицѣ, несмотря на ихъ дѣйствительно изумительное разногласіе между собою, — нельзя же сказать, чтобы не было ничего вѣрнаго, примѣнимаго въ наукѣ, какъ это представляетъ Шафарикъ. Доказательство противнаго можно бы указать въ собственномъ его разсматриваемомъ нами сочиненіи, въ которомъ для подтвержденія древности Глаголицы приняты почти буквально очень многія соображенія, сдѣланныя по этому вопросу Добнеромъ, Альтеромъ, Копитаромъ, Григоровичемъ, даже Венелинымъ. Но не въ томъ дѣло. Для насъ всего важнѣе общее основное положеніе Шафарика, принадлежащее собственно ему, о несомнѣнной извѣстности двухъ изобрѣтателей славянскихъ письменъ, которое выражено въ вышеприведенныхъ нами строкахъ. Это положеніе, или этотъ будто бы исторически несомнѣнный фактъ, который по мнѣнію Шафарика доселѣ ускользалъ отъ вниманія ученыхъ, служитъ фундаментомъ, на которомъ построено цѣлое зданіе новыхъ его выводовъ о времени и мѣстѣ происхожденія Глаголицы и о лицѣ ея изобрѣтателя.

Установивши такую точку зрѣнія на предметъ своего изслѣдованія, т. е. какъ будто бы доселѣ въ наукѣ не извѣстно ничего вѣрнаго и рѣшительнаго не только въ отношеніи къ Глаголицѣ, но и къ Кириллицѣ, и имѣя въ виду главное свое положеніе о двухъ изобрѣтателяхъ славянскаго письма, Шафарикъ спрашиваетъ: кому изъ нихъ мы должны приписать одинъ и кому другой алфавитъ? За тѣмъ въ отвѣтъ на этотъ вопросъ выставляетъ слѣдующія три положенія, какъ неопровержимый результатъ изученія источниковъ объ изобрѣтеніи Кирилломъ слав. письма:

1) До Кирилла и Мееодія у Славянъ, и въ особенности южныхъ, для книжнаго письма собственной грамоты не было.

2) Письмена, изобрѣтенныя Кирилломъ, были совершенно новыя (*ganz neue Schrift*), то есть они состояли изъ новыхъ знаковъ, которыя не были ни греческіе, ни еврейскіе, ни латинскіе.

3) Если Кирилль изобрѣлъ алфавитъ, состоявшій изъ совершенно новыхъ знаковъ *и слѣд. теперь такъ называемый глаголическій*; то отсюда само собою слѣдуетъ, что изобрѣтателемъ другаго алфавита, извѣстнаго теперь подъ именемъ Кириллицы; — алфавита греко-славянскаго, въ которомъ преобладаютъ греческіе знаки, не могъ быть никто другой, какъ Климентъ, епископъ величскій.

Изъ этихъ положеній первая два обставлены ссылками на источники, и такъ какъ въ послѣднее время по вопросу о началѣ славянскаго письма вообще и глаголическаго въ частности за исключеніемъ пражскихъ отрывковъ не открыто ничего новаго; то естественно, что доказательства Шафарика основаны на тѣхъ же данныхъ, которыя или имъ самимъ, или другими прежде приводимы были въ пользу выводовъ, совершенно противоположныхъ, но теперь, разумѣется, у Шафарика получили другое примѣненіе и объясненіе. Въ частности: Первое положеніе доказывается ссылкой на свидѣтельство импер. Михаила (въ Пан. жит.) о несуществованіи до Кирилла у Славянъ собственной азбуки и свидѣтельство о томъ же черноризца Храбра въ извѣстномъ его отрывкѣ о письменахъ. Въ пользу втораго положенія, т. е. что Кирилль далъ Славянамъ не готовый уже и не чужой, только приспособленный къ ихъ языку, алфавитъ, какъ наприм. Ульфила, или Коптъ, а изобрѣлъ для нихъ нарочно и совершенно новое письмо, — Шафарикъ приводитъ извѣстныя свидѣтельства объ изобрѣтеніи Кирилломъ слав. письма: — папы Іоанна VIII, неизвѣстнаго сочинителя (современнаго Кириллу) отрывка объ обращеніи Каринтійцевъ, а главное указываетъ на свидѣтельство славянскаго похвальнаго слова Кириллу и Меодію, гдѣ говорится, что они изобрѣли письмена *вновь (изнову)*, а не на постороннемъ (не на туждемъ) основаніи. Третье положеніе Шафарика, за исключеніемъ свидѣтельства краткаго житія Климента, которое впрочемъ не приводится здѣсь, а только предполагается, какъ приведенное и объясненное прежде, оставлено безъ доказательствъ, и имѣетъ силу логическаго вывода изъ предыдущей посылки и изъ общей мысли о двухъ изобрѣтателяхъ славянскаго письма согласно съ фактомъ существованія двухъ слав. алфавитовъ. «Славян-

скихъ алфавитовъ, такъ оканчиваетъ Шафарикъ построенный имъ силлогизмъ, только два и согласно съ этимъ дѣло изобрѣтенія славянскаго письма исторія усвояетъ только двумъ лицамъ: Кириллу и Клименту. И такъ если Кириллъ, какъ доказано, изобрѣлъ алфавитъ новый, глаголическій, то ясно, что другой смѣшанный алфавитъ принадлежитъ Клименту».

Далѣе въ сочиненіи Шафарика слѣдуютъ доказательства и соображенія такъ называемыя посредствующія, — непрямыя. Изъ нихъ одни служатъ къ подтвержденію его новаго мнѣнія о происхожденіи обоихъ славянскихъ алфавитовъ съ точнымъ, или по крайней мѣрѣ приблизительнымъ означеніемъ времени изобрѣтенія ихъ или съ указаніемъ лица изобрѣтателя, т. е. что Глаголица изобрѣтена Кирилломъ въ IX вѣкѣ, а Кириллица — Климентомъ въ началѣ X вѣка; другія служатъ къ подтвержденію мысли о старшинствѣ Глаголицы передъ Кириллицей вообще безъ точнаго означенія времени происхожденія той и другой — мысли, которая естественно вытекаетъ изъ предыдущей какъ слѣдствіе. Главнѣйшія изъ соображеній перваго рода слѣдующія:

1) Римское духовенство порицало и преслѣдовало изобрѣтенныя Кирилломъ письма именно за ихъ новостъ, называя ихъ варварскими, языческими; а такія порицанія не имѣли бы смысла, еслибы эти письма взяты были изъ азбуки греческой или латинской, какъ уже освященной употребленіемъ въ богослуженіи. Съ другой стороны естественно было ожидать, что Кириллъ въ защиту отъ упрековъ станетъ ссылаться на то, что изобрѣтенное имъ письмо вовсе не новое, а взято съ греческаго. Но онъ этого не дѣлаетъ (§ 10 и 11).

2) О епископѣ Климентѣ говорится, что онъ изобрѣлъ другой алфавитъ и именно *для большей ясности* въ чтеніи и письмѣ. Это какъ нельзя болѣе примѣняется къ алфавиту кирилловскому, но отнюдь не къ глаголическому, очень трудному для чтенія и письма (§ 12).

3) Изобрѣтатель Глаголицы былъ искусный оріенталистъ: для своего алфавита онъ взялъ нѣсколько буквъ съ финикійскаго и еврейско-самаританскаго (а, е, і, ч, к, т и проч.), а такимъ оріенталистомъ именно и былъ Константинъ грамма-

тикъ, миссіонеръ къ Хозарамъ, истолкователь надписи на Соломоновой чашѣ и т. д. (§ 13).

4) Общій характеръ и пошибъ глаголическаго письма (круглота буквъ) въ рукописяхъ Глаголицы болгарской (по мнѣнію Шафарика, древнѣйшей) совершенно отвѣчаетъ пошибу греческаго курсива въ рукописяхъ IX—X в. и безъ сомнѣнія образовался подъ его вліяніемъ; а слѣд. и самая Глаголица не могла образоваться позже IX—X вѣка, точно такъ же какъ и образованіе Глаголицы хорватской, судя по угловатой формѣ ея буквъ, напоминающихъ характеръ латинской графики XII—XIII в., должно относиться къ этому времени (§ 17).

5) Новыя названія славянскихъ буквъ доказываютъ, что изобрѣтенная Кирилломъ азбука состояла изъ новыхъ знаковъ: для новыхъ знаковъ нужны были и новыя названія. Съ другой стороны изобрѣтатель письма греко-славянскаго для составленной имъ на основаніи греческаго и слѣд. семитическаго алфавита азбуки не было нужды брать изъ этихъ языковъ самыхъ названій буквъ (альф или алефъ и проч.); ему оставалось только воспользоваться названіями уже готовыми, существовавшими въ азбукѣ глаголической (§ 22).

6) Изобрѣтая новое письмо для Славянъ, не имѣвшихъ собственной азбуки, Кириллъ слѣдовалъ правилу христіанскихъ народовъ востока, чтобы каждый новообращенный народъ для христіанскаго образованія и богослуженія имѣлъ собственное письмо, соответственное свойству его языка. Такъ было у Грековъ, Коптовъ, Эѳіоповъ, Сирійцевъ, Готовъ, Армянъ, Грузинъ и т. д. Напротивъ Климентъ составлялъ свою азбуку (кирилловскую) для Славянъ, которые уже обращены были въ христіанство Греками, жили съ ними въ постоянныхъ сношеніяхъ и были знакомы съ ихъ языкомъ. Вотъ почему онъ и взялъ греческія буквы. Эти послѣднія для Славянъ, которыхъ имѣлъ въ виду Климентъ, были знакомѣе, легче, яснѣе и удобнѣе для чтенія и письма, чѣмъ начертанія глаголическія (§ 23).

7) Побужденіемъ для Климента составить новое письмо могло быть и то, что Глаголица, принесенная учениками Меодія въ Болгарію, послѣ раздѣленія церквей могла послужить

поводомъ къ обвиненію ихъ въ латинствѣ, тѣмъ больше, что въ Константинополѣ послѣ 879 г. (послѣ новаго разрыва съ Римомъ) на дѣятельность славянскихъ апостоловъ смотрѣли съ подозрѣніемъ. Здѣсь Шафарикъ высказываетъ свое согласіе съ мнѣніемъ Копитара, будто бы Кирилль, предпринявши миссію въ Паннонію, отложился отъ греч. патріарха и перенесъ свою дѣятельность въ область западной церкви. Вотъ почему, замѣчаетъ онъ, о жизни Кирилла нѣтъ почти ничего въ византійскихъ источникахъ (§ 30).

8) Съ изобрѣтеннымъ св. Кирилломъ алфавитомъ (глаголическимъ) Болгары могли познакомиться еще прежде, но главнымъ образомъ это произошло послѣ смерти Меѳодія, когда ученики его Гораздъ, Наумъ, Климентъ и проч. были изгнаны изъ Моравіи и переселились въ Болгарію. Сюда они принесли съ собою глаголическія книги и здѣсь продолжали глаголическую письменность. Вотъ почему мы здѣсь находимъ теперь древнѣйшіе памятники и драгоценные остатки глаголическаго письма (Лавра Руссико, Охрида и проч.). Но уже епископъ Климентъ оставилъ Глаголицу и ввелъ въ употребленіе Кириллицу (§ 28).

9) Впрочемъ развитіе Кириллицы въ первое время изобрѣтенія ея, по мнѣнію Шафарика, было незначительно. По крайней мѣрѣ не только седемичисленниковъ—учениковъ Меѳодія, но и преемниковъ ихъ, каковы Іоаннъ Екзархъ, епископъ Константинъ, пресвитеръ Григорій, монахъ Храбръ, царь Симеонъ и проч. — вообще писателей конца IX и первой половины X вѣка, онъ причисляетъ къ писателямъ глаголическимъ. Постепенное отстраненіе Глаголицы и введеніе Кириллицы въ Болгаріи совершилось подъ вліяніемъ Грековъ послѣ покоренія ими болгарскаго царства въ 970 году и въ особенности въ періодъ совершеннаго его упадка въ 1019—1186 г., когда Греки завладѣли Болгаріей вполне. Въ это время греко-славянское письмо одержало совершенную побѣду надъ глаголическимъ. Греческое господство и греческое письмо. Очень важно, что скоро послѣ преобразованія славянскаго алфавита Климентомъ послѣдовало обращеніе Руссовъ Греками. Очень естественно, что у нихъ сдѣлалось господствующимъ письмо новое греко-славянское, а не глаго-

лическое, и чрезъ это развитію Кириллицы, слабому въ своемъ началѣ, данъ новый рѣшительный толчекъ. Въ русскомъ монастырѣ на Аѳонѣ для Россіи, а равно и въ Новгородѣ глаголическія рукописи переписывали Кириллицей. Введеніемъ греко-славянскаго письма въ Болгаріи, Сербіи и преимущественно въ Россіи Византія хотѣла поддержать свое вліяніе на эти земли. Вотъ почему развитіе Глаголицы было задержано, и она осталась только въ областяхъ, подвластныхъ римскому престолу (§ 31, 32 и 34).

10) У западныхъ Славянъ Глаголица введена была сначала самимъ ея изобрѣтателемъ въ Моравіи и Панноніи, потомъ распространилась въ Кроаціи, Далмаціи и т. д. Объ этомъ свидѣтельствуютъ исторія славянскихъ апостоловъ и факты распространенія слав. литургіи. Что письмо въ этихъ земляхъ употреблялось глаголическое, а не кирилловское, это доказываютъ находимые тамъ древнѣйшіе отрывки и остатки, писанные Глаголицей, а не Кириллицей. По свидѣтельству приписки къ глаголической псалтыри Николая Арбскаго (1222 г.), оригиналъ ея былъ писанъ при скалатскомъ архіепископѣ Ѳеодорѣ (880—890). (§ 29.)

11) Но почему азбука, составленная Климентомъ, получила названіе Кириллицы? На этотъ вопросъ Шафарикъ отвѣчаетъ такимъ образомъ: Названіе ничего не доказываетъ: имена перемѣняются и переходятъ часто съ одного предмета на другой. Нынѣшнее употребленіе названій Кириллицы и Глаголицы не древнѣ XVI вѣка. Прежде же Глаголица называлась письмомъ славянскимъ, болгарскимъ, хорватскимъ и т. д. Вмѣстѣ съ этимъ въ древности Глаголица называлась и Кириллицей; такъ названа она въ припискѣ къ списку пророковъ Упия Лихого 1047 г. и именно въ противоположность письму греко-славянскому. А что въ этой припискѣ подъ именемъ Кириллицы разумѣется именно Глаголица, а не греко-славянское письмо, это видно изъ того, что 1) въ одномъ спискѣ пророковъ Упия Лихого встрѣчаются глаголическія буквы — признакъ, что оригиналъ былъ писанъ Глаголицей, 2) въ текстѣ встрѣчаются глаголическія формы, 3) еслибы Упирь Лихой писалъ съ Кириллицы, то замѣтка

его объ этомъ въ припискѣ была бы излишня и не имѣла бы смысла (§ 35 и 18).

Въ доказательство старшинства Глаголицы передъ Кириллицей вообще, у Шафарика приводятся слѣдующія соображенія:

1) Древнѣйшій памятникъ славянскаго письма съ означеніемъ года—писанъ Глаголицей, а не Кириллицей; это именно подпись попа Георгія 982 г. Къ этой же эпохѣ должно отнести пражскіе глагольскіе отрывки, которые могли быть писаны даже во время Венцеслава († 935). Древнѣйшіе памятники кирилловскаго письма не восходятъ далѣе 1047 г. (Русскія монеты в. к. Ярослава, если только онѣ подлинныя, принадлежатъ къ періоду времени 1018—1059 г.) (§ 26.)

2) Есть палимпсесты, которые по изглаженному глагольскому письму покрыты Кириллицей, но на оборотъ нѣтъ такихъ палимпсестовъ, въ которыхъ бы письмо кирилловское было покрыто глагольскимъ (§ 14).

3) Есть кирилловскія рукописи, списанныя съ глагольскихъ оригиналовъ и притомъ въ древнѣйшую эпоху; но на оборотъ нѣтъ списковъ глагольскихъ, снятыхъ съ оригиналовъ кирилловскихъ, по крайней мѣрѣ въ древній періодъ. Дѣйствительность перваго явленія подтверждается признаками несомнѣнными, неопровержимыми; сюда относятся встрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ кирилловскихъ рукописяхъ глаголическія буквы, слова и цѣлыя строки; о томъ же свидѣтельствуетъ употребленіе въ тѣхъ же рукописяхъ специально-глаголическихъ словъ и выраженій, словообразованій, флексій, и преимущественно употребленіе буквенныхъ численныхъ знаковъ по глагольскому счету. Правда, что и въ древнихъ глаголическихъ рукописяхъ встрѣчаются также слова и фразы, писанныя Кириллицей, но это суть глоссы, дополненія и приписки, сдѣланныя въ позднѣйшее время (§ 15—16).

4) Начертанія, общія Кириллицѣ и Глаголицѣ (наприм. ч), въ послѣдней имѣютъ болѣе древнюю форму, которая ближе къ первоначальной. И вообще азбука кирилловская совершеннѣе и полнѣе глаголической: она представляетъ въ себѣ уже шагъ впередъ, дальнѣйшее и позднѣйшее развитіе и

именно на основаніи послѣдней. Кириллъ умеръ слишкомъ рано, чтобы замѣтить и исправить недостатки составленной имъ азбуки (§ 17 и 24).

5) Подобно алфавиту орфографія, грамматика и слогъ рукописей кирилловскихъ гораздо совершеннѣе, чѣмъ въ рукописяхъ глаголическихъ. Въ Кириллицѣ и здѣсь виденъ шагъ впередъ, дальнѣйшее развитіе. Въ глаголическихъ рукописяхъ поражаетъ филолога крайняя темнота слога и множество ошибокъ въ переводѣ, которыя въ кирилловскихъ рукописяхъ гораздо рѣже, что и доказываетъ большую древность глаголическаго текста. О томъ же свидѣтельствуетъ сравнительно большее число оставленныхъ въ глаголическихъ рукописяхъ, безъ перевода греческихъ словъ. Чтобы эти слова введены были глаголитами изъ рукописей кирилловскихъ, это не вѣроятно: глаголиты подчинены были римскому престолу. Напротивъ, если въ кирилловскихъ рукописяхъ грецизмовъ встрѣчается сравнительно менѣе, то это произошло изъ естественнаго стремленія къ исправленію и улучшенію текста (§ 25. Abhandl. II. § 5).

6) Въ рукописяхъ фамиліи глаголической встрѣчается гораздо больше древнихъ славянскихъ словъ и выраженій и древнихъ грамматическихъ формъ — вообще архаизмовъ, и остатковъ первоначальнаго слав. языка, чѣмъ въ рукописяхъ фамиліи кирилловской, не исключая древнѣйшихъ. Вообще памятники глаголическіе по языку представляютъ состояніе церковно-славянской литературы въ томъ видѣ, въ какомъ она была въ первый періодъ, тогда какъ древнѣйшіе памятники кирилловскіе относятся уже ко 2-му ея періоду — къ періоду успѣха и высшаго развитія (§ 20 и 33. Abhandl. II. § 3 и 5).

Всѣ представленныя нами соображенія Шафарика, большею частію подтверждены фактами и указаніями на источники; въ особенности въ этомъ отношеніи замѣчательны его соображенія и выводы филологическіе, развитые и объясненные съ большею подробностію, какъ уже нами замѣчено было, во 2-мъ его разсужденіи. Въ подтвержденіе ихъ тамъ приведено множество филологическихъ данныхъ, которыя безъ сомнѣнія составятъ драгоценное приобрѣтеніе въ области изученія первобытной эпохи не только Глаголицы, но и Кириллицы. Со

многими филологическими выводами Шафарика нельзя не согласиться, хотя собственно въ отношеніи къ вопросу о времени происхожденія и судьбахъ Глаголицы, они и могутъ вести совершенно къ другимъ заключеніямъ и получить совсѣмъ другое объясненіе, нежели какое даетъ имъ Шафарикъ.

Переходя къ разбору новаго мнѣнія Шафарика о происхожденіи Глаголицы, замѣтимъ прежде, что изложенныя нами его соображенія и выводы, въ особенности при первомъ чтеніи, дѣйствуютъ на читателя необыкновенно увлекательно, и мы нарочно передали ихъ въ связи, не прерывая собственными замѣчаніями, чтобы дать нашимъ читателямъ возможность хоть въ нѣкоторой степеніи испытать то впечатлѣніе, которое они производятъ. Это впечатлѣніе поразительно: вы переноситесь вдругъ въ совершенно новый, какой-то волшебный міръ; видите, что всѣ явленія какимъ-то чудомъ измѣняютъ свою форму и принимаютъ совершенно новый видъ: историческія лица и событія передъ вашими глазами переходятъ съ одного мѣста на другое, переставляются изъ одной эпохи въ другую, или получаютъ совсѣмъ другой колоритъ. Вы чувствуете, что, если захотите повѣрить всему тому, что представляется глазамъ вашимъ, вамъ нужно будетъ отказаться отъ убѣжденій, которыя вы прежде считали несомнѣнными и вполне доказанными, и съ которыми вы сроднились съ дѣтства, — и между тѣмъ все-таки вы невольно поддаетесь увлеченію и готовы переимѣнить прежній вашъ взглядъ, прежнія ваши вѣрованія. Чтобы объяснить такое явленіе, такое неотразимое дѣйствіе на читателя, производимое изслѣдованіемъ Шафарика, нужно взять во вниманіе во 1-хъ, то обстоятельство, что это изслѣдованіе писано не къмъ другимъ, а именно Шафарикомъ, и притомъ тономъ положительнымъ, съ полною увѣренностію автора въ правильности, даже въ несомнѣнности сдѣланныхъ имъ выводовъ, — увѣренностію, которая невольно передается и читателю. Далѣе, Шафарикъ начертанной имъ картинѣ придалъ самое выгодное освѣщеніе, удаливъ отъ нея все, что могло бы повредить цѣльности впечатлѣнія и ослабить силу очарованія. Въ послѣднемъ случаѣ мы разумѣемъ тѣ многочисленныя возраженія, которыя соединяются съ вопросомъ о Гла-

голицѣ и тѣ разнообразныя мнѣнія, которыя существуютъ въ наукѣ о ея происхожденіи: изъ тѣхъ и другихъ, какъ уже выше замѣчено было, Шафарикъ беретъ въ разсмотрѣніе только немногія, оставивъ другія всѣ безъ объясненія. При всемъ томъ однакожь предметъ свой онъ разсматриваетъ всесторонне, старается объяснить въ свою пользу всѣ главнѣйшіе факты первой эпохи славянской письменности,—всѣ относящіяся сюда свидѣтельства и памятники и проводитъ мысль свою послѣдовательно, разсматривая ее въ самыхъ отдаленныхъ результатахъ (наприм. относительно распространенія Кириллицы и Глаголицы на Руси) и все это съ свойственнымъ ему искусствомъ и остроуміемъ. Нѣтъ нужды также говорить о томъ, что убѣжденія Шафарика въ высшей степени искренни и безпристрастны и разумѣется истекаютъ вовсе не изъ того источника, изъ какого происходятъ наприм. убѣжденія и соображенія о томъ же доктора Гинцеля, котораго, къ сожалѣнію, мы должны назвать предшественникомъ Шафарика въ его нынѣшнемъ мнѣніи о происхожденіи обоихъ славянскихъ алфавитовъ ¹⁾. Почтенный ветеранъ славянской древности говоритъ, что онъ искалъ одной истины и вѣрнаго убѣжденія для самаго себя и для тѣхъ, кто интересуется знать его мнѣніе,—и мы не имѣемъ никакихъ причинъ не вѣрить его признанію. Вообще съ какой бы стороны мы ни стали разсматривать послѣдній трудъ Шафарика, воздвигнутое имъ зданіе представляется до того красивымъ и изящнымъ, отличается такою гармоніей и соразмѣрностію частей и такъ искусно освѣщено, что намъ кажется даже преступленіемъ, по долгу критика, испытывать его прочность и смотрѣть на него съ темной, неосвѣщенной его стороны: невольно чувствуется какая-то боязнь, чтобы, прикоснувшись къ какой-либо части этого зданія, неосторожно не потрясти его и тѣмъ не нарушить столь привлекательной гармоніи цѣлаго. Но, — по извѣстной латинской пословицѣ, — *amicus Plato, amicus Socrates*,

¹⁾ Гинцель за годъ прежде выхода въ свѣтъ соч. Шаф. доказывалъ въ общихъ чертахъ то же положеніе, какое защищаетъ и Шафарикъ, т. е. что Кирилль изобрѣлъ Глаголицу, а Кириллица составлена Климентомъ. См. *Gesch. der Slawenapostel Cyr. und Meth. von Dr. S. A. Ginzcl. Leitmeritz. 1857. p. 124 и далѣе.*

sed magis amica veritas. Слѣдуя этому мудрому правилу, мы рѣшаемся подойти прямо къ фундаменту съ такимъ художественнымъ совершенствомъ построеннаго зданія, чтобы разсмотрѣть, проченъ ли и на сколько проченъ этотъ фундаментъ?

Въ основаніе новыхъ выводовъ Шафарика о происхожденіи Глаголицы и Кириллицы, какъ мы выше видѣли, положенъ принятый имъ за несомнѣнный историческій тезисъ, что у Славянъ, соотвѣтственно съ фактомъ существованія двухъ алфавитовъ, было и два изобрѣтателя ихъ, изъ коихъ одинъ Кириллъ, а другой Климентъ. Съ этимъ однакожь никакъ нельзя согласиться. Разумѣется, мы ничего не имѣемъ возразить противъ извѣстности, какъ изобрѣтателя славянскаго письма, перваго изъ двухъ названныхъ лицъ, т. е. Кирилла. Историческія данныя, служащія къ подтвержденію этого факта, до того многочисленны, ясны, точны, тверды, опредѣленны и съ такой полнотою обслѣдованы критикой, что всякія сомнѣнія не только въ дѣйствительности самаго факта, но и всѣ другія объясненія его, нежели какія даны ему наукой, можно считать рѣшительно невозможными: намъ по крайней мѣрѣ казалось, что извѣстное сочиненіе проф. Бодянского «О времени происхожденія славянскихъ (кирилловскихъ) письменъ» положить предѣлъ всѣмъ возможнымъ спорамъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ существеннымъ сторонамъ вопроса. Но совсѣмъ другаго характера мысль объ извѣстности въ исторіи другаго изобрѣтателя славянскаго письма, т. е. Климента. Шафарикъ въ началѣ своего, нами разсматриваемаго изслѣдованія говорить, что свидѣтельство объ этомъ сдѣлалось извѣстнымъ только въ недавнее время; мы же съ своей стороны прибавимъ, что это свидѣтельство, кромѣ того, что оно единственное и ничего не имѣетъ для своего подтвержденія, слишкомъ неопредѣленно, не точно, двусмысленнаго характера и притомъ находится въ такомъ памятникѣ, который не удовлетворяетъ требованіямъ исторической критики. Говоря это, мы разумѣемъ вышеупомянутое нами, извѣстное свидѣтельство о Климентѣ, находящееся въ краткомъ житіи его, которое безъ сомнѣнія имѣетъ въ виду и Шафарикъ. Этому свидѣтельству онъ придаетъ однакожь огромную историческую цѣнность, называетъ его извѣстіемъ древнимъ, ста-

вить его въ параллель съ извѣстіями о другомъ изобрѣтателѣ слав. письма Кириллѣ и содержащіяся въ немъ показанія признаетъ до того рѣшительными, что какъ будто даже не считаетъ нужнымъ по этому поводу входить въ какія бы то ни было критическія объясненія. И такъ мы должны здѣсь войти въ нѣкоторыя подробности и разсмотрѣть во 1-хъ историческую цѣнность памятника, въ которомъ находится это свидѣтельство, во 2-хъ подлинный смыслъ самаго свидѣтельства.

Житіи Климента сохранилось два: одно пространное, составленное первоначально ученикомъ Климента и слѣд. въ X вѣкѣ, но потомъ передѣланное болгарскимъ архіепископомъ Теофилактомъ († 1107) и поэтому дошедшее до насъ подъ его именемъ; другое краткое, т. е. то самое, въ которомъ находится разсматриваемое свидѣтельство о Климентѣ, какъ составителѣ втораго слав. алфавита. Первое житіе уже прошло сквозь всѣ испытанія исторической критики и признается памятникомъ—исторически-достовернымъ, хотя и доселѣ не очищено отъ наростовъ, привзошедшихъ въ него при его передѣлкѣ, а можетъ быть и въ послѣдствіи; второе доселѣ еще не подвергнуто никакому критическому анализу и по отсутствію въ немъ очевидныхъ и рѣшительныхъ признаковъ древности и достоверности, ученые смотрятъ на него съ нѣкоторымъ подозрѣніемъ; какъ мы выше видѣли, прежде такъ понималъ этотъ памятникъ и самъ Шафарикъ; по крайней мѣрѣ, сообщаемое имъ извѣстіе о составленіи Климентомъ слав. азбуки онъ признавалъ свидѣтельствомъ недостовернымъ, а самое житіе Климента по отношенію къ другому пространному его житію называлъ житіемъ новѣйшимъ ¹⁾. Но теперь при исчисленіи источниковъ для первой эпохи исторіи славянской письменности, неизвѣстно по какимъ причинамъ, разсматриваемый памятникъ онъ причислилъ къ памятникамъ X вѣка, и даже поставилъ его впереди житія Климента — пространнаго, отдавши ему такимъ образомъ какъ будто преимущество во времени появленія предъ послѣднимъ. Не стѣсняясь однакожь этимъ мнѣніемъ Шафарика, мы постараемся

¹⁾ Расцв. слав. письм. 8,

навести доступныя для насъ критическія справки объ этомъ памятникѣ.

Краткое житіе Климента въ первый разъ было издано, неизвѣстно, по какому списку, въ Москополь въ 1746 г. при службѣ св. седмичисленникамъ, но, по неизвѣстности этого изданія, вовсе не входило въ научныя изслѣдованія. Наконецъ, какъ мы выше видѣли, оно извлечено было изъ забвенія проф. Григоровичемъ, издавшимъ его въ 1847 г. въ Ж. М. Н. Пр. (№ 1.) въ греческомъ подлинникѣ съ русскимъ переводомъ и съ любопытными примѣчаніями, которыя впрочемъ не касаются ни времени происхожденія памятника, ни историческаго достоинства сообщаемыхъ имъ данныхъ. Изданіе это было сдѣлано по греческой рукописи, найденной въ Охридѣ и содержащей въ себѣ греч. синаксарь, или прологъ¹⁾, въ которомъ разсматриваемое житіе помѣщено подъ 27 іюня. Самая рукопись принадлежитъ, по мнѣнію г. Григоровича, къ XIII в., а по мнѣнію Миклошича, къ XIII или къ началу XIV. За тѣмъ житіе Климента было вновь перепечатано Шафарикомъ въ его «Памятникахъ глаголической письменности» (1853), но также безъ критическихъ розысканій. И такъ для опредѣленія времени происхожденія и исторической цѣнности разсматриваемаго памятника, намъ остается руководствоваться его общимъ характеромъ и содержаниемъ; но ни то, ни другое не говоритъ въ его пользу. По своему характеру житіе Климента проложное, что доказывается съ одной стороны мѣстомъ его нахождения въ рукописи, содержащей въ себѣ прологъ, съ другой его краткостію, составомъ, манерой и пріемами изложенія и проч. Названію — *проложное* мы придаемъ особенное значеніе, особый вѣсъ, потому что всѣ почти проложныя житія (говоримъ о греческихъ прологахъ) составлены на основаніи полныхъ четьминейныхъ житій, представляютъ ихъ сокращеніе, а слѣд. во 1-хъ онѣ относятся къ источникамъ второстепеннымъ, во 2-хъ, такъ какъ греческія Четьи-Минеи въ полномъ ихъ составѣ, соотвѣтствующемъ прологамъ, получили происхожденіе въ X в.

---

¹⁾ Синаксарь и прологъ суть названія одного и того же сочиненія. Изъ нихъ 1-е принято въ греч. церк. литературѣ, 2-е въ славянской. Славянское названіе пролога (предисловія) произошло отъ 1-го слова, которымъ начинается это сочиненіе въ подлинникѣ.

(Метафрасть), то и извлеченія изъ нихъ, т. е. житія проложныя, и самыя пролога не могли явиться ранѣе XI—XII в. ¹⁾. Впрочемъ между греческими прологами не встрѣчается даже и такихъ, которые бы принадлежали къ этой эпохѣ: древнѣйшіе рукописные греч. пролога не восходятъ далѣе XIII в. Само собою разумѣется, что при такомъ положеніи дѣла, проложныя житія, какъ сочиненія позднѣйшія, въ историческомъ отношеніи представляютъ источникъ самый смутный, которымъ можно пользоваться только съ большою осторожностію. Для доказательства возьмемъ примѣръ ближе и припомнимъ здѣсь показанія нашихъ славянскихъ проложныхъ житій Кирилла и Меѳодія, которыя имѣли совершенно одинаковое происхожденіе съ проложными житіями греческими, т. е. основаны на пространныхъ (пан.) житіяхъ Кир. и Меѳ. Въ житіи Кирилла говорится напр., что онъ, будучи въ Моравіи, молитвою умертвилъ какого-то еретика Замврія, что послѣ этого онъ поставленъ епископомъ въ какой-то Канаонъ градъ, составилъ для жителей его слав. азбуку и тамъ скончался и погребенъ. О Каонъ или Канаонъ градъ и Замврій (Амврій изъ панн. жит. Кир.) говорится также и въ проложномъ житіи Меѳодія, который также будто бы посланъ былъ сюда епископомъ. Такими же историческими несообразностями наполнены большею частію и многія проложныя житія греческія, а поэтому и причисляются обыкновенно къ историческимъ источникамъ во 1-хъ позднѣйшимъ, во 2-хъ болѣе нежели сомнительнымъ. То же самое невольно приходитъ на мысль и при вопросѣ объ историческомъ достоинствѣ проложнаго житія Климента; разсмотрѣніе же его содержанія окончательно приводитъ къ этому выводу.

Проложное житіе Климента, какъ и большая часть другихъ греческихъ проложныхъ житій, составлено именно послѣ и на основаніи его житія пространнаго, о которомъ мы говорили выше. На это указываетъ самъ авторъ его, когда говорить: «съ

---

¹⁾ Мы разумѣемъ тотъ разрядъ греч. синаксарей или прологовъ, къ которому принадлежитъ рукопись, гдѣ найдено житіе Климента и который извѣстенъ у насъ на слав.; синаксари краткіе, святцы или менологіи явились гораздо ранѣе, напр. менод. Василія Македонянина.

самими же отцами и наставниками онъ (Климентъ) выдержалъ гоненія во время насильнаго преобладанія еретиковъ, о чемъ пространная ихъ исторія рассказываетъ». Ясно, что въ послѣднихъ словахъ разумѣется именно пространное житіе Климента, гдѣ съ особенною подробностію рассказывается о гоненіяхъ, которымъ въ послѣдніе годы своей жизни въ Моравіи подвергался Меѳодій, а потомъ послѣ его смерти ученики его; подъ еретиками же разумѣется Вихингъ съ его сообщниками, изгнавшими учениковъ Меѳодія послѣ его кончины изъ его паствы, о чемъ также съ подробностію передается въ пространномъ житіи Климента. Далѣе, по многимъ причинамъ, въ разсмотрѣніе которыхъ входитъ здѣсь не мѣсто, должно думать, что авторъ краткаго житія Климента пользовался пространнымъ его житіемъ не въ первоначальномъ его видѣ, а въ томъ, въ какомъ оно дошло до насъ, т. е. въ греческой передѣлкѣ Теофилакта ¹⁾. Отсюда естественно придти къ слѣдующимъ заключеніямъ: во 1-хъ проложное, т. е. краткое житіе Климента, по характеру своего происхожденія должно быть отнесено къ источникамъ славянской исторіи второстепеннымъ, а не перво-степеннымъ, къ какимъ относить его Шафарикъ, потому что авторъ этого житія, сообщаемыя имъ свѣдѣнія бралъ изъ вторыхъ или точнѣе изъ третьихъ рукъ; 2) эпоху происхожденія его должно отодвинуть изъ X в. въ XII, т. е. ко времени послѣ кончины Теофилакта, или по крайней мѣрѣ къ послѣднимъ годамъ его жизни. Прибавимъ къ этому, что на позднѣйшее происхожденіе разсматриваемаго памятника указываетъ очень многое въ его содержаніи; напр. о трудахъ и сочиненіяхъ Климента, сохранившихся до времени жизни автора житія, онъ говоритъ какъ о памятникахъ давно минувшаго, замѣчая, что въ мнѣніи народа они считались наравнѣ съ твореніями Мои-

---

¹⁾ По очень основательнымъ соображеніямъ проф. Бодянского (въ кн. О происх. сл. пис. 10) пространное житіе Климента первоначально написано на славянскомъ, а потомъ уже переведено на греческій. Мы съ своей стороны думаемъ, что оно не просто переведено, но вмѣстѣ передѣлано и распространено, и что то и другое сдѣлано Теофилактомъ, почему этотъ памятникъ и приписывается ему въ заглавіи. Теперь очень естественно, что неизвѣстный Грекъ составитель проложнаго греч. житія пользовался не славянскимъ оригиналомъ пространнаго житія, а греч. переводомъ его, или точнѣе его передѣлкою.

сея ¹⁾). А такой взглядъ народа на творенія Климента, само собою разумѣется, могъ образоваться уже спустя долго, можетъ быть, спустя два или болѣе столѣтій послѣ его кончины.

Но гораздо больше не въ пользу историческаго достоинства разсматриваемаго памятника говорить вовсе неисторическій характеръ заключающихся въ немъ данныхъ. Въ этомъ отношеніи онъ, какъ нельзя больше, напоминаетъ вышеупомянутыя нами проложныя житія Кирилла и Меѳодія. Сочинитель краткаго житія Климента, какъ видно, имѣлъ въ виду такихъ читателей, у которыхъ было подъ руками житіе пространное, и, не желая повторять общеизвѣстнаго, очень не многое внесъ въ свое сочиненіе изъ послѣдняго памятника, стараясь напротивъ даже дополнить его собственными соображеніями и объясненіями. Но за то какія это дополненія? Съ самого начала онъ говоритъ о происхожденіи Климента отъ древнихъ Мисовъ и поэтому поводу разсуждаетъ объ исторіи ихъ, начиная съ Александра Македонскаго, за тѣмъ тономъ похвальныхъ словъ, т. е. общими мѣстами, говоритъ о благочестивомъ воспитаніи Климента, о его добродѣтеляхъ, апостольскихъ подвигахъ и трудахъ въ обращеніи Болгарь, о его служеніи епископомъ и т. д. И во всемъ этомъ сколько анахронизмовъ и историческихъ несообразностей? Въ доказательство укажемъ нѣсколько примѣровъ: Въ разсматриваемомъ житіи говорится на примѣръ: 1) что при возведеніи Меѳодія папою Адрианомъ въ санъ архіепископа Моравіи и *Бомаріи*, Климентъ также *возведенъ былъ на епископскій престолъ* и именно *всего Иллирика и бомарскаго народа*, что въ отношеніи къ Меѳодію *онъ былъ епископомъ-суффраганомъ* и *проводилъ жизнь въ Лихнидонѣ, городѣ Иллировѣ* (§ 6—8); 2) Клименту приписывается *крещеніе бомарскаго царя Бориса и сына (?) его Михаила* (§ 12); 3) Климентъ же признается главнымъ дѣятелемъ въ обращеніи болгарскаго народа вообще (§ 17); 4) переводъ Свящ. Писанія приписывается одному Кириллу (§ 2) и притомъ говорится опредѣленно, будто оно переведено на мѣстное болгарское нарѣчіе и т. д. Подобнаго рода показанія, которыя противорѣчатъ всѣмъ лучшимъ источникамъ и которыхъ можно бы

¹⁾ По изд. Григ. § 9 и 10.

было привести гораздо больше, надѣмся, достаточно доказываютъ, въ какомъ смутномъ видѣ представлялась эпоха автору житія и на сколько этотъ памятникъ заслуживаетъ довѣрія историка. Разумѣется, мы вовсе этимъ не хотимъ сказать, чтобы разсматриваемый памятникъ былъ совершенно бесполезенъ для славянской исторіи въ первую ея эпоху, напротивъ, тамъ, гдѣ авторъ его сообщаетъ свѣдѣнія, заимствованныя имъ изъ живаго преданія, напр. о воздвигнутыхъ Климентомъ монастыряхъ и церквахъ, о его сочиненіяхъ, писанныхъ имъ собственноручно и сохранившихся до времени написанія житія, о гробѣ св. угодника и т. п., показанія его безъ сомнѣнія заслуживаютъ полного нашего вниманія. Но собственно историческая часть памятника, касающаяся обстоятельствъ жизни святаго и соприкосновенныхъ съ нимъ лицъ, лишена всякаго интереса: такъ обезображены и извращены въ ней факты, давно уже принятые въ наукѣ и подтверждаемые несомнѣнными свидѣтельствами древности! Разумѣется, все это подтверждаетъ вмѣстѣ прежде высказанную нами мысль о позднѣйшемъ происхожденіи памятника, когда напр. имена Бориса и Михаила, принадлежащія, какъ извѣстно одному и тому же лицу, въ народномъ преданіи, которымъ пользовался авторъ, успѣли олицетвориться въ двѣ отдѣльныя личности.

И можно ли, спросимъ мы теперь, подобнаго рода памятникъ выдавать за современный эпохѣ и единственно на его основаніи епископу Клименту давать наравнѣ съ Кирилломъ титуло изобрѣтателя одного изъ славянскихъ алфавитовъ, — какого бы то ни было кирилловскаго, или глаголическаго? Намъ кажется, что историкъ не имѣлъ бы на это права даже въ томъ случаѣ, еслибы въ разсматриваемомъ памятникѣ говорилось ясно и опредѣленно, что не Кирилль, а Климентъ, ученикъ его, изобрѣлъ греко-славянское письмо, или что вслѣдъ за изобрѣтателемъ славянскаго алфавита—глаголическаго, явился другой изобрѣтатель Климентъ, который и составилъ азбуку, вошедшую въ послѣдствіи въ употребленіе у большинства славянскихъ народовъ и несправедливо получившую у потомства названіе Кириллицы. Ничего подобнаго однакожь въ краткомъ житіи Климента не находимъ. Приводимъ здѣсь въ подлинныхъ словахъ это знаменитое свидѣтельство, на которомъ основы-

вается Шафарикъ, въ переводѣ Григоровича: «Онъ (Климентъ) изобрѣлъ также знаки другіе письменъ для большей ясности, отличные отъ тѣхъ, которые изобрѣлъ мудрый Кириллъ» (§ 16), или какъ переводятъ другіе: «Климентъ остроумно придумалъ, или составилъ другіе знаки письменъ яснѣе тѣхъ, или кромѣ тѣхъ, которые...» и т. д. Но по нашему мнѣнію, какъ бы мы ни стали переводить приведенное свидѣтельство и какого бы ни давали ему объясненія, признавъ его подлиннымъ и несомнѣннымъ показаніемъ очевидца, — все-таки, не поддавшись особому увлеченію и желанію во что бы то ни стало дать епископу Клименту титулъ изобрѣтателя одной изъ двухъ славянскихъ азбукъ, — нѣтъ никакой возможности согласиться, что здѣсь идетъ рѣчь объ изобрѣтеніи новой цѣльной славянской азбуки. Потому-то и попытки нѣкоторыхъ ученыхъ, явившіяся, какъ мы выше видѣли, тотчасъ же по обнародованіи краткаго житія Климента — приписать ему, на основаніи этого житія составленіе одного изъ славянскихъ алфавитовъ, именно Глаголицы, встрѣтило въ наукѣ сильный отпоръ, и тогда же противъ этой мысли сдѣланы были очень основательныя соображенія, которыя сохраняютъ полное свое значеніе и въ настоящее время въ отношеніи къ разсматриваемому сочиненію Шафарика, именно: 1) тогда указывали на пространное житіе Климента, въ которомъ, несмотря на подробное изложеніе его жизни, ни слова не говорится объ изобрѣтеніи имъ какого бы то ни было алфавита, нѣтъ даже на что-либо подобное никакого намека. 2) Ссылались на сказаніе о письменахъ черноризца Храбра, который говоритъ только объ одномъ славянскомъ алфавитѣ и объ одномъ его изобрѣтателѣ, именно о св. Кириллѣ, и ничего — о Климентѣ, несмотря на то, что послѣдній былъ его современникомъ. 3) Указывали на отсутствіе для Климента побужденій къ этому дѣлу и на то обстоятельство, что Климентъ, ученикъ Кирилла и читатель его заслугъ, безъ сомнѣнія не захотѣлъ бы помрачать славу своего учителя и оскорблять память его отстраненіемъ составленнаго имъ алфавита и введеніемъ новаго. 4) Выставляли на видъ, что для подтвержденія мысли о Климентѣ, какъ объ изобрѣтателѣ слав. письменъ, нѣтъ ничего въ источникахъ, какъ современныхъ, такъ и позднѣйшихъ. 5) Въ частности противъ мнѣнія о Климентѣ, какъ изобрѣтателѣ глаголическаго

письма, указывали на отсутствіе всякихъ слѣдовъ Глаголицы въ собственныхъ его сочиненіяхъ ¹⁾. Въмѣстѣ съ этимъ разсматриваемому свидѣтельству дано было учеными и надлежащее объясненіе, именно на основаніи его за Климентомъ признана была часть исправленій и дополненій, сдѣланныхъ имъ во внѣшнемъ составѣ греко-славянскаго кирилловскаго алфавита и въ славянскомъ правописаніи, что подтверждено сравненіемъ этого свидѣтельства съ соотвѣтствующимъ свидѣтельствомъ Храбра. Это объясненіе (если только оно нужно), по нашему мнѣнію, и должно остаться за вышеприведеннымъ показаніемъ Климентова біографа, тѣмъ больше, что оно находится въ полной гармоніи съ постепеннымъ образованіемъ греко-славянскаго кирилловскаго алфавита и съ свидѣтельствомъ объ этомъ памятниковъ. Но объ этомъ мы должны сказать подробнѣе.

Въ разсматриваемомъ своемъ сочиненіи Шафарикъ говоритъ, что Кириллъ скончался слишкомъ рано, чтобы замѣтить и исправить недостатки изобрѣтеннаго имъ алфавита, и поэтому послѣ его кончины открылась нужда въ новой славянской азбукѣ. Оставляя въ сторонѣ самый выводъ, мы во всей силѣ принимаемъ положеніе, которое служить для него основой. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что процессъ образованія славянской кирилловской азбуки слѣдовалъ тому же закону постепенности, какъ и процессъ образованія алфавитовъ другихъ народовъ, напр. алфавита греческаго и латинскаго и что эта азбука не вдругъ достигла той полноты въ своемъ составѣ и того совершенства, въ какомъ мы видимъ ее по сохранившимся памятникамъ. Извѣстно, что въ Остроміровомъ евангеліи насчитывается до 46 знаковъ; между тѣмъ по ясному свидѣтельству Храбра св. Кириллъ къ 24-мъ буквамъ греческаго алфавита новыхъ, собственно славянскихъ начертаній прибавилъ только 14-ть и такимъ образомъ всѣхъ начертаній, введенныхъ Кирилломъ было 38. Но и этой цифры принимать въ точномъ смыслѣ мы не имѣемъ права ²⁾. Новыхъ начертаній при первомъ

¹⁾ См. Срезнев. Древн. письма славянскія; О времени происхожденія слав. письменъ — Бодянскаго; Пред. къ собранію глаг. пам. — Шафарика; также Палаузова, Въкъ болг. ц. Симеона и проч.

²⁾ Сказаніе Храбра дошло до насъ въ позднѣйшихъ спискахъ (не старѣе XIV в.), въ которыхъ, какъ общая цифра принятыхъ Кирилломъ начертаній,

появленіи кирилловской азбуки могло быть и больше и меньше 14-ти; а равно и вообще цифра изобрѣтенныхъ Кирилломъ зна-
ковъ могла быть и больше и меньше той, которая указана
Храбромъ. Мы хотимъ сказать, что вопреки мнѣнію Шафарика
(§ 8) ¹⁾ даже самъ Кириллъ образовалъ свою, оставленную имъ
потомству азбуку, не вдругъ, а постепенно измѣнялъ и допол-
нялъ ее сообразно съ обстоятельствами. Такъ, прежде всего,
составляя свою азбуку въ Константинополь, и не бывши знако-
мымъ съ западными славянскими нарѣчіями, гдѣ предстояла ему
апостольская дѣятельность, онъ безъ сомнѣнія долженъ былъ
примѣнить ее (азбуку) къ звукамъ того нарѣчія, на которомъ
говорилъ самъ. За тѣмъ съ переходомъ своимъ въ Моравію и
потомъ въ Паннонію, естественно долженъ былъ въ прежде со-
ставленной имъ азбукѣ сдѣлать измѣненія, дополненія, а мо-
жетъ быть и сокращенія примѣнительно къ требованіямъ мѣст-
наго народнаго говора. Съ другой стороны естественно пред-
полагать, что съ приливомъ, по мѣрѣ распространенія христі-
янства и развитія письменности, новыхъ идей и новыхъ словъ,
въ особенности взятыхъ съ чужихъ языковъ, фонетическій со-
ставъ славянскаго языка быстро измѣнялся и расширялся, предъ-
ставляя такимъ образомъ первымъ славянскимъ писателямъ но-

такъ и наименованіе ихъ, исчисленіе, порядокъ, распредѣленіе на два разряда и
проч. не одинаковы (Срав. Сказ. черн. Хр. по изд. Новикова, Калайд., Бодян-
скаго, Срезневскаго, Палаузова и проч.). Это даетъ намъ право предполагать,
что каждый переписчикъ Храброва сказанія при исчисленіи знаковъ кириллов-
ской азбуки имѣлъ въ виду только то славянское нарѣчіе, на которыхъ писалъ
и вообще наличный, современный ему составъ слав. алфавита. Другихъ же дан-
ныхъ для рѣшенія вопроса, сколько именно буквъ было въ первоначальномъ
кирилловскомъ алфавитѣ мы не имѣемъ, потому что рукописей, современныхъ
Кириллу, которыя здѣсь могли бы рѣшить все дѣло, у насъ нѣтъ. И такъ остае-
ся руководствоваться рукописями позднѣйшими; но всякій согласится, что
алфавитъ, составленный напр. на основаніи Остромирова Евангелія, Святосла-
вова Сборника, или супр. рукописи представляетъ внѣшній составъ славянской
азбуки не первоначальный, а приспособленной уже къ извѣстному славянскому
нарѣчію и притомъ въ томъ видѣ, въ какомъ эта азбука была въ XI вѣкѣ.

¹⁾ Въ Паннонскомъ житіи Кирилла говорится, что онъ составилъ славян-
скую азбуку вдругъ (абіе), по божественному вдохновенію -- на что ссылается
Шафарикъ. Но очевидно этого показанія принимать нельзя. На постепенность
образованія св. Кирилломъ слав. азбуки повидимому указываетъ и Іоаннъ ек-
зархъ, когда говоритъ, что Конст. философъ много труды прія, строя письмена
словенскихъ книгъ. См. прологъ къ перев. богосл. Іоан. Дам.

вья требованія, уже независимо отъ условій мѣстности; а отсюда опять потребность перемѣнъ и дополненій въ первоначальномъ составѣ и самой азбуки. Но гораздо въ большей степени открылась эта потребность, когда литературная дѣятельность первыхъ славянскихъ писателей перенесена была на новую почву — съ запада на востокъ. Мы разумѣемъ извѣстный фактъ переселенія учениковъ Кирилла и Меѳодія изъ Моравіи въ Болгарію и письменные труды ихъ подъ покровительствомъ болгарскаго царя Симеона. При томъ различіи, какое тогда уже существовало между славянскими нарѣчіями западной и восточной семьи, даже безъ всякихъ историческихъ указаній мы должны принять, что славянская азбука, какъ образовавшаяся и развивавшаяся прежде подъ вліаніемъ западно-славянскаго нарѣчія, теперь должна была претерпѣть въ своемъ составѣ новыя перемѣны. Но къ счастью тутъ нѣтъ болѣе мѣста предположеніямъ: мы имѣемъ объ этомъ прямое и ясное свидѣтельство черноризца Храбра, одного изъ ближайшихъ преемниковъ трудовъ славянскихъ апостоловъ. Онъ говоритъ, что въ его время явились люди, которые, стали *вновь построить и повторять*, т. е. исправлять и дополнять алфавитъ, устроенный св. Кирилломъ, и что это даже возбудило неудовольствіе въ современникахъ Храбра, отъ которыхъ онъ и защищаетъ этихъ нововводителей. Въ чемъ именно состояли эти нововведенія въ кирилловской азбукѣ, о которыхъ говоритъ Храбръ, по недостатку данныхъ, рѣшить нѣтъ никакой возможности; замѣтимъ однакожъ, что упомянутыя исправленія безъ сомнѣнія относились не къ одному только правописанію ¹⁾, а вмѣстѣ и къ измѣненію самаго

1) Нѣкоторые думаютъ, что Храбръ въ разсматриваемомъ мѣстѣ говоритъ не объ исправленіи слав. азбуки, а объ исправленіи преемниками Кирилла славянскаго перевода свящ. книгъ. Противъ такого толкованія замѣтимъ: 1) Храбръ говоритъ объ исправленіяхъ, сдѣланныхъ *въ дѣль* Кирилла, а переводъ свящ. писанія былъ совершенъ св. Меѳодіемъ, Кирилломъ же онъ былъ только начатъ; слѣд. при упомянутомъ толкованіи ни ропотъ современниковъ Храбра, отстаивавшихъ достоинство Кириллова *устроенія* противъ нововводителей, ни защита послѣднихъ Храбромъ не имѣли бы смысла. 2) Нововводителей, т. е. исправителей Храбръ защищаетъ такимъ же тономъ, какимъ предъ этимъ защищалъ самаго Кирилла отъ упрека, почему онъ къ 27-мъ буквамъ слав. алфавита прибавилъ 14, а не больше и не меньше; ясно видно, что какъ тамъ, такъ и здѣсь Храбръ говоритъ объ устроеніи и исправленіи азбуки, а не о чемъ-либо дру-

состава азбуки и къ введенію въ нее знаковъ новыхъ дополнительныхъ, которыхъ прежде не было, напр. нѣкоторыхъ новыхъ знаковъ, буквы *щ* (вм. шт.), которой, какъ извѣстно, нѣтъ въ супрасльской рукописи, принадлежащей къ памятникамъ древне-западной редакціи, можетъ быть новыхъ знаковъ численныхъ и т. под. Во всякомъ случаѣ свидѣтельство Храбра о сдѣланныхъ послѣ Кирилла въ его азбукѣ исправленіяхъ чрезвычайно важно, но для насъ въ настоящемъ случаѣ оно въ особенности важно по тому близкому отношенію, въ какомъ находится къ разсматриваемому свидѣтельству климентова біографа. Въ самомъ дѣлѣ, въ сказаніи Храбра говорится объ исправленіяхъ и дополненіяхъ сдѣланныхъ въ его время въ азбукѣ, изобрѣтенной Кирилломъ и виновниковъ этихъ исправленій онъ защищаетъ отъ несправедливыхъ упрековъ со стороны современниковъ; а о Климентѣ біографъ его именно говоритъ, что онъ къ кирилловскому алфавиту прибавилъ какіе-то новые знаки, отличные или кромѣ тѣхъ, которые изобрѣтены Кирилломъ. Какъ же тутъ не придти къ мысли, что Храбръ въ разсматриваемомъ мѣстѣ своего сказанія беретъ подъ свою защиту именно Климента и подобныхъ ему нововводителей и бывши, по общепринятому мнѣнію его современниковъ, а можетъ быть и на дѣлѣ близкимъ къ нему чело-вѣкомъ по этому собственно и не называетъ его по имени?

Но дѣйствительно ли вѣрно принятое нами объясненіе разсматриваемаго свидѣтельства климентова біографа и не вѣрнѣ ли объясненіе этого свидѣтельства, представленное Шафарикомъ, который думаетъ видѣть въ немъ извѣстіе объ изобрѣтеніи Климентомъ цѣльной славянской азбука, а не о дополненіи только ея отдѣльными знаками? Если недостаточно всего вышесказаннаго въ пользу этого объясненія, мы попытаемся сдѣлать новыя дополнительные въ этомъ отношеніи замѣчанія. Вся сила вопроса здѣсь заключается конечно въ правильномъ истолкованіи греческихъ словъ: *ἐσφίσατο*, и *χαρακτήρας*

гомъ. 3) Такому толкованію противорѣчитъ отношеніе разсматриваемаго мѣста къ предыдущему и послѣдующему и цѣлая идея сочиненія. Но за чѣмъ тутъ Храбръ упоминаетъ объ Акилѣ и Симмахѣ? По нашему мнѣнію это неточность въ приведеніи примѣра — не больше.

ἑτέρους γραμμάτων ¹⁾). Первому слову Шафарикъ даетъ значеніе: изобрѣлъ, составилъ, послѣднимъ тремъ — другой (въ смыслѣ второй, zweites) алфавитъ, и всей фразѣ даетъ слѣдующій смыслъ: «Климентъ для большей ясности въ чтеніи и письмѣ остроумно составилъ для Славянъ второй алфавитъ, содержащій другіе знаки буквъ (или собственно звуковъ), отличные отъ изобрѣтенныхъ Кирилломъ ²⁾). Такъ будто бы говорится въ краткомъ житіи Климента. Но съ перваго же взгляда видно, что подобное толкованіе слишкомъ произвольно; потому что во 1-хъ, слово ἐσοφίσατο, понимаемое въ точномъ смыслѣ, значить *вымыслилъ, придумалъ, умудрился*, а отнюдь не изобрѣлъ: для обозначенія акта изобрѣтенія буквъ и тѣмъ болѣе — азбуки въ полномъ видѣ — цѣльной на греческомъ языкѣ употребляется слово—ἐξέειπεν, какъ и дѣйствительно употреблено это выраженіе о Кириллѣ въ послѣдней половинѣ разсматриваемаго свидѣтельства, а равно и въ пространномъ житіи Климента. Во 2-хъ въ разсматриваемомъ показаніи краткаго Климентова житія идетъ рѣчь не о цѣломъ алфавитѣ, а только о *другихъ знакахъ*, фигурахъ буквъ; подъ словомъ же *другіе* (ἑτέρους) можно разумѣть здѣсь 2, 3, 4, положимъ 10, вообще нѣсколько знаковъ, а отнюдь не всѣ знаки; потому что прилагательное ἕτερος означаетъ не только *одинъ изъ двухъ*, или *иной, отличный отъ прежняго*, какъ принято понимать это слово въ отношеніи къ разсматриваемой фразѣ, но въ средневѣковомъ греческомъ языкѣ оно часто употреблялось въ значеніи: *одинъ изъ нѣсколькихъ, одинъ изъ многихъ, нѣкоторый*. Въ послѣднемъ значеніи прилагательное ἕτερος перешло и въ нашъ древне-славянскій языкъ. Мы разумѣемъ извѣстное ославянившееся слово: *етеръ, етера, етери* и т. д., вм. *нѣкій, нѣкая, нѣкоторый, нѣкоторая*, напр. въ Сбор. Свят. *етеръ человекъ, етера жена*, вм. *нѣкоторый человекъ, нѣкая жена* ³⁾). Далѣе, какъ Шафарикъ, такъ и его предшественники прилагательное ἑτέρους обыкновен-

¹⁾ Для ясности приводимъ разсматриваемое извѣстіе въ полномъ видѣ: ἐσοφίσατο δὲ καὶ χαρακτήρας ἑτέρους γραμμάτων πρὸς τὸ σαφέστερον, ἣ οὐκ ἐξείπεν ὁ σοφὸς Κύριλλος.

²⁾ Abhandl. 1. § 12. слич. прим. Также Glag. Fragm. p. 57.

³⁾ Слов. сл. яз. А. Х. Востокова. 1859 г. Сиб.

но относили къ слову *χαρακτήρας*. Въ Охридскомъ списокѣ житія Климента, изданномъ Григоровичемъ и потомъ Шафарикомъ, дѣйствительно это такъ, т. е. прилагательное *ἕτερος* согласовано съ словомъ *χαρακτήρας*; но въ списокѣ, по которому изданъ этотъ памятникъ въ Москополь въ 1746 г., прилагательное *ἕτερος* согласовано не съ предыдущимъ словомъ *χαρακτήρας*, а съ послѣдующимъ *γραμμάτων* (*χαρακτήρας ἕτερον γραμμάτων*)¹⁾ и намъ кажется, что послѣднее чтеніе правильнѣе. Иначе, зачѣмъ же спросимъ мы, вопреки греческому синтаксису опредѣлительное *ἕτερος* поставлено не впереди, а позади опредѣляемаго — *χαρακτήρας*? Во всякомъ случаѣ чтеніе москопольскаго изданія заслуживаетъ полнаго вниманія комментаторовъ разсматриваемаго свидѣтельства, по крайней мѣрѣ настолько же, какъ и чтеніе охридскаго списка, изданнаго Григоровичемъ. Наконецъ, слово *χαρακτήρας γραμμάτων*, принято переводить словомъ знаки, фигуры письменъ; но намъ кажется, что понимая слово *χαρακτήρ* въ болѣе точномъ смыслѣ, съ такимъ же, или даже гораздо съ большимъ правомъ можно давать ему значеніе — *формы, вѣншній видъ письменъ, — въ смыслъ почерка, пошиба*. За вѣрность такого толкованія слова *χαρακτήρας* говорить то обстоятельство, что если принимать его въ общепринятомъ значеніи — *знаки, фигуры*, то оно оказывается совершенно лишнимъ, ненужнымъ, т. е. еслибы авторъ житія говорилъ здѣсь объ изобрѣтеніи собственно знаковъ письменъ или буквъ, нѣсколькихъ ли то, или всѣхъ, тогда для него довольно было бы употребить одно слово — *γράματα*, какъ это и дѣйствительно мы видимъ у другихъ писателей, когда говорятъ они собственно объ изобрѣтеніи знаковъ алфавита. Излишество слова *χαρακτήρας* въ смыслѣ *знаки* при существительномъ *γραμμάτων* — письменъ, буквъ признаетъ самъ Шафарикъ, объясняя это послѣднее слово — словомъ звуки²⁾, что разумѣется совершенно произвольно.

Взявши во вниманіе вышензложенныя соображенія, намъ кажется, знаменитое извѣстіе краткаго житія Климента можно перевести и объяснить такимъ образомъ: 1) Климентъ придумъ

1) Этотъ замѣчательный вариантъ москопольскаго изданія приведенъ у Григоровича.

2) Сл. прим. къ § 12.

малъ (пожалуй—изобрѣлъ) также знаки нѣкоторыхъ письменъ (или, слѣдуя охридскому списку: нѣкоторые знаки—нѣсколько знаковъ письменъ) яснѣ тѣхъ (знаковъ), — или кромѣ тѣхъ, отличныя отъ тѣхъ, которыя изобрѣтены мудрымъ Кирилломъ. 2) Принимая слово *характеръ* въ болѣе точномъ смыслѣ:—Климентъ, для большаго удобства въ письмѣ (прѣдъ то *σαφῆστερον* — собственно для ясности), придумалъ также, или ввелъ въ употребленіе другой видъ письменъ, — другія формы, фигуры (въ смыслѣ почерка, пошиба), отличныя отъ тѣхъ, или кромѣ тѣхъ, которыя изобрѣтены мудрымъ Кирилломъ, — т. е. Климентъ ввелъ въ употребленіе, — первый началъ писать другимъ почеркомъ, пошибомъ, отличнымъ отъ того, который изобрѣтенъ—введенъ въ употребленіе Кирилломъ¹⁾. И вотъ все, что, по нашему мнѣнію, можно извлечь для исторіи славянской палеографіи изъ извѣстія о Климентѣ, передаваемого въ его краткомъ житіи, если только это извѣстіе не принадлежитъ

1) Принимая послѣднее объясненіе, подъ введеннымъ въ употребленіе новымъ почеркомъ можно разумѣть не только полууставъ, о чемъ пожалуй біографу не стоило бы и упоминать, тѣмъ болѣе, что полууставъ не многимъ чѣмъ отличается отъ устава; но даже скоропись, которая въ отношеніи къ первымъ двумъ почеркамъ представляетъ уже отличія рѣзкія, долженствовавшія обратить вниманіе современниковъ. Но вѣроятно ли, чтобы славянская скоропись могла быть введена въ такую древнюю эпоху? По нашему мнѣнію невѣроятнаго тутъ ничего нѣтъ. У насъ въ Россіи собственно книжная скоропись образовалась въ концѣ XV вѣка, хотя въ актахъ и грамотахъ мы видимъ ее еще въ XII и XIII вѣкѣ. Что же до южныхъ Славянъ, то у нихъ скоропись въ книгахъ, является гораздо ранѣе, а скоропись въ официальныхъ и дипломатическихъ актахъ восходитъ до самой глубокой древности и притомъ уже въ совершенно развитой и правильной формѣ. Такъ между снимками съ аеонскихъ славянскихъ актовъ, сдѣланными г. Севастьяновымъ, мы видѣли одинъ хрисовуа 1113 года, писанный такою скорописью, каковую въ нашихъ русскихъ актахъ видимъ уже въ половинѣ XVI вѣка, и скоропись другаго хрисовуа 1182 г. походить на ту скоропись, какаѣ у насъ въ Россіи употреблялась въ концѣ XVI и въ XVII вѣкѣ. Что же до актовъ XIV вѣка, находящихся въ томъ же собраніи г. Севастьянова, то почеркъ ихъ совершенно одинаковъ съ нашимъ почеркомъ конца XVII вѣка, или даже съ почеркомъ такъ называемымъ петровскимъ. При такомъ положеніи дѣла естественно предполагать, что скоропись у южныхъ Славянъ въ первоначальномъ своемъ видѣ могла образоваться еще въ началѣ X вѣка, т. е. въ эпоху Климента. Это предположеніе можетъ быть подтверждено еще тѣмъ соображеніемъ, что въ эту именно эпоху скоропись введена въ общее употребленіе (въ небогослужебныхъ книгахъ) и у Грековъ. Примѣръ ихъ могъ легко подѣйствовать и на Славянъ.

къ разряду тѣхъ, по которымъ Климентъ будто-бы былъ епископомъ еще при жизни Меѳодія и *крестилъ Михаила, сына Бориса*, — т. е. къ разряду извѣстій положительно ложныхъ. Какое изъ двухъ представленныхъ нами объясненій этого извѣстія ближе къ истинѣ, предоставляемъ рѣшить другимъ, хотя намъ и кажется, что первое объясненіе, т. е., что здѣсь говорится о перемѣнахъ, произведенныхъ Климентомъ собственно въ наличномъ составѣ кирилловскаго алфавита и въ формѣ нѣкоторыхъ буквъ, болѣе вѣроятно. Впрочемъ что до насъ касается, для насъ важно собственно то обстоятельство, что въ разсмотрѣнномъ извѣстіи нѣтъ ничего ни о цѣломъ новомъ алфавитѣ, изобрѣтенномъ будто-бы Климентомъ, ни о немъ самомъ, какъ объ изобрѣтателѣ алфавита, Кириллицы ли-то, или Глаголицы все равно. Дѣятельность Климента могла имѣть нѣкоторое отношеніе къ кирилловской азбукѣ, — къ внѣшнему ли составу ея, (т. е. къ нѣкоторымъ начертаніямъ, или къ общему виду ея, палеографическому характеру, почерку) но на основаніи разсмотрѣннаго свидѣтельства (а другихъ нѣтъ), онъ отнюдь не можетъ быть признанъ ея изобрѣтателемъ, а равно и изобрѣтателемъ славянскаго алфавита вообще — какого бы то ни было.

И такъ вопреки разсмотрѣнному историческому тезису, выставленному Шафарикомъ, будто-бы исторія, соотвѣтственно съ фактомъ существованія у Славянъ двухъ алфавитовъ передаетъ намъ извѣстіе и о двухъ изобрѣтателяхъ ихъ, — мы, надѣмся, въ правѣ теперь сказать, что исторія ничего подобнаго намъ не говоритъ. Голосъ ея, если угодно, и слышится нѣсколько въ пользу этой мысли, но при ближайшемъ вниманіи къ нему, онъ принимаетъ совершенно другой тонъ. Что же однако дѣйствительно говоритъ исторія въ отвѣтъ на заданный Шафарикомъ вопросъ, т. е. о числѣ употреблявшихся у Славянъ алфавитовъ и ихъ изобрѣтателяхъ? По нашему крайнему разумѣнію, сообразно съ современными существующими историческими и палеографическими данными и основанными на нихъ результатами современныхъ изслѣдованій, на этотъ вопросъ исторія должна отвѣчать такимъ образомъ: у Славянъ во времена язычества вмѣсто буквъ употреблялись черты и рѣзы (Храбрь, Дитмаръ и проч.), можетъ

быть имѣвшій много общаго съ сѣверными рунами; но о формѣ этихъ письменъ, а равно о числѣ, значеніи ихъ и проч., неизвѣстно ничего вѣрнаго. Потомъ, по мѣрѣ обращенія въ христіанство, Славяне стали писать буквами, заимствованными изъ другихъ языковъ (Храбръ), а именно: Славяне восточные, обращенные въ христіанство Греками,—буквами греческими, а западные, обращенные въ христіанство миссіонерами западной церкви—буквами латинскими¹). Памятниковъ перваго письма до насъ не дошло; памятникомъ же втораго письма служатъ такъ называемые Фрейзингенскіе отрывки X—XI вѣка, изданныя Кёппеномъ, доказывающіе въ то же время, что у западныхъ Славянъ, латинская азбука была въ употребленіи даже долго спустя и послѣ изобрѣтенія Кириллицы. Наконецъ въ IX вѣкѣ, именно съ 862 г. (Бодян.) у Славянъ является собственная азбука, такъ называемая Кириллица, изобрѣтенная ближайшимъ образомъ для моравскихъ Славянъ (Пан. жит.). Она была основана на азбукѣ греческой, дополненной новыми знаками примѣнительно къ звукамъ, не существующимъ на греческомъ языкѣ (Храбръ). Эта новая азбука быстро распространилась между Славянами, какъ западными, такъ и восточными, но само собою разумѣется, что она получила свое окончательное образованіе, какъ мы видимъ ее по сохранившимся древнимъ памятникамъ, не вдругъ, а развивалась и совершенствовалась постепенно. Мѣстныя условія, развитіе славянскаго языка, и другія причины требовали перемѣнъ въ алфавитѣ, начертанномъ первымъ его изобрѣтателемъ. Отсюда исправленія, дополненія, сокращенія, вообще измѣненія во внѣшнемъ составѣ его, а можетъ быть и въ самой формѣ славянскихъ буквъ, въ ихъ характерѣ, пошибѣ, почеркѣ письма (Храбръ и кратк. жит. Климента). Очень можетъ быть, что къ числу исправителей и дополнителей, вообще преобразователей кирилловскаго алфавита принадлежалъ и епископъ Климентъ, ученикъ Меѳодія. По крайней мѣрѣ на это есть указаніе въ одномъ позднѣйшемъ памятникѣ (кратк. жит. Клим.). Между тѣмъ еще въ древнѣйшую эпоху славянской письмен-

¹) Сл. свидѣтельство, привед. у Кеппена въ Собр. слов. пам. вѣдъ Россіи. 1827 г. стр. 57.

ности, на ряду съ новоизобрѣтеннымъ греко-славянскимъ письмомъ у Славянъ, мы видимъ другую азбуку глаголическую, съ XIII вѣка введенную официально въ употребленіе въ бого-служебной практикѣ западныхъ Славянъ, и на ряду съ письменностію кирилловскою письменность глаголическую. Но при огромномъ и быстромъ развитіи письменности кирилловской еще въ первый ея періодъ, письменность глаголическая до XIII вѣка (да и послѣ этого времени), имѣла развитіе самое ограниченное. По крайней мѣрѣ изъ указаннаго періода мы не имѣемъ ни одного писаннаго глаголицей славянскаго оригинальнаго сочиненія, не имѣемъ даже на что либо подобное никакихъ историческихъ указаній. Изъ переводныхъ же сочиненій въ глаголической палеографіи до XIII в. существуетъ почти одно Евангеліе (въ нѣсколькихъ спискахъ) и потомъ нѣсколько отрывковъ изъ твореній отеческихъ (Глаголита Клоца) и изъ церковныхъ пѣсней (Пражскіе глаг. листы). Впрочемъ по сохранившимся памятникамъ глаголическимъ и кирилловскимъ видимъ, что въ древнѣйшую разсматриваемую эпоху обѣ эти письменности находились во взаимномъ другъ къ другу соприкосновеніи и отношеніи—въ отношеніи взаимодѣйствія и имѣли одна на другую вліяніе. Объ этомъ свидѣтельствуютъ встрѣчающіяся въ древнихъ кирилловскихъ рукописяхъ отдѣльныя буквы и слова и даже цѣлыя строки, писанныя Глаголицей и наоборотъ, писанныя Кириллицей отдѣльныя слова и приписки, встрѣчающіяся въ рукописяхъ глаголическихъ. Когда и гдѣ въ первый разъ явилась Глаголица, на эти вопросы, — по рѣшительному отсутствію всякихъ историческихъ указаній,—исторія отвѣчать не можетъ, и всѣ попытки ученыхъ опредѣлить хоть приблизительно время происхожденія загадочнаго письма доселѣ оказывались безуспѣшными. Но судя по филологическимъ даннымъ, извлеченнымъ изъ глаголическихъ памятниковъ (изслѣд. Копит., Шаф., Микл.) происхожденіе ея должно быть современно или по крайней мѣрѣ близко ко времени происхожденія Кириллицы; а мѣста перваго появленія и дальнѣйшаго развитія Глаголицы тѣже филологическія данныя и нѣкоторыя историческія соображенія (Добров., Прейсъ) заставляютъ искать у западныхъ Славянъ.

На вопросъ объ изобрѣтателяхъ славянскихъ алфавитовъ исторія отвѣчаетъ такимъ образомъ. Кирилловскій, т. е. греко-славянскій алфавитъ по яснымъ и несомнѣннымъ свидѣтельствамъ древности принадлежитъ Кириллу (Добров., Шафар., Бодян. и проч.), хоть нѣкоторые и приписывали его и другимъ, напр. Меѳодію (Копит., Григоров.), Клименту (Шафар. въ настоящее время), вообще Грекамъ послѣ кончины Меѳодія (Добнеръ) и проч. Что же до Глаголицы, то изобрѣтатель ея, равно какъ и первый, начавшій писать славянскія книги греческими буквами и латинской абecedой, доселѣ неизвѣстенъ. Преданіе очень долго, еще начиная съ XIII вѣка, приписывало изобрѣтеніе Глаголицы Иерониму, но не выдержало критики. За тѣмъ нѣкоторые ученые старались приписать эту азбуку св. Кириллу (Добнеръ, Копитаръ, Григоровичъ и въ настоящее время Шафарикъ), епископу Клименту (Шафарикъ и другіе), космографу Этику (Копитаръ и докторъ Перцъ—младшій) и проч. Другіе ученые, не касаясь вопроса о лицѣ изобрѣтателя Глаголицы, приписывали ее западному славянскому духовенству (Добров. и Прейсъ), болгарскимъ сектантамъ — Богомиламъ (Срез.), иные наконецъ производили Глаголицу отъ письменъ этрусскихъ (Венелингъ) отъ сѣверныхъ, или оботриттскихъ рунь (Я. Гриммъ и Ганушъ) и т. п. Но всѣ эти попытки такъ или иначе открыть виновника загадочнаго письма оказались неудачными и имѣютъ значеніе предположеній, догадокъ, а отнюдь не несомнѣнныхъ фактовъ науки. И такъ если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія строго исторической, то должно признать, что изобрѣтатель славянскаго письма, и именно алфавита греко-славянскаго, извѣстенъ въ исторіи только одинъ—Кириллъ философъ. Если же мы дѣйствительные, несомнѣнные факты, добытые путемъ строго-научныхъ изслѣдованій, станемъ перемѣшивать и ставить наравнѣ съ предположеніями и догадками ученыхъ, высказанными по тому или другому поводу и основанными на сомнительныхъ показаніяхъ позднѣйшихъ источниковъ, то должны будемъ дать титуло изобрѣтателя, кромѣ Кирилла не одному только Клименту, какъ это дѣлаетъ Шафарикъ, но и еще тремъ лицамъ, именно Иерониму, Этику и Меѳодію, потому что, судя по исторической цѣнности извѣстій, на основаніи

которыхъ нѣкоторые приписывали этимъ лицамъ изобрѣтеніе той или другой славянской азбуки, всѣ они имѣютъ право на имя изобрѣтателей славянскаго письма не только одинаковыя съ Климентомъ, но иные изъ нихъ, напр. Меодій, имѣютъ на это права гораздо большія, нежели Климентъ. Само собою разумѣется, что въ такомъ случаѣ у насъ будетъ не два только изобрѣтателя славянскихъ писемъ, а пять, положимъ соотвѣтственно съ пятью извѣстными намъ изъ исторіи способами выраженія славянскихъ звуковъ, — и потомъ еще, если угодно, нѣсколько изобрѣтателей неизвѣстныхъ по имени, т. е. неизвѣстный Добнеровскій Грекъ, составившій послѣ кончины славянскихъ апостоловъ Кириллицу, неизвѣстный западно-славянскій священникъ Добровскаго, составившій Глаголицу и т. д. Можно теперь судить, на сколько прочны и тверды и на сколько логически вѣрны историческія основы первой посылки построеннаго Шафарикомъ силлогизма для подтвержденія его новаго мнѣнія о происхожденіи славянскихъ алфавитовъ.

Всѣ изложенные нами факты появленія и происхожденія славянскихъ алфавитовъ, а равно и цифру ихъ изобрѣтателей, Шафарикъ понимаетъ совершенно иначе, и поэтому вслѣдъ за первымъ рассмотрѣннымъ нами тезисомъ, выставляетъ и, какъ мы видѣли, другой, — именно, что изъ двухъ названныхъ имъ изобрѣтателей славянскихъ алфавитовъ — глаголитскій алфавитъ долженъ быть приписанъ Кириллу, — чтобы сказать послѣ въ заключеніи силлогизма, что слѣд. кирилловскій алфавитъ изобрѣтенъ не кѣмъ либо другимъ, какъ Климентомъ, потому что другихъ изобрѣтателей славянскаго письма не было. Но этотъ второй тезисъ, вмѣстѣ съ представленными въ пользу его доказательствами и соображеніями, мы должны выписать буквально въ собственныхъ выраженіяхъ Шафарика.

«Письмо, изобрѣтенное Кирилломъ, говоритъ онъ, было совершенно новое, т. е. оно состояло изъ новыхъ знаковъ, которые не были ни греческіе, ни еврейскіе, ни латинскіе, а слѣд. это письмо было глаголическое» (§ 6). «Справедливость этого положенія, т. е. что Кириллъ далъ Славянамъ не готовый уже, чужой алфавитъ, только приспособивши его къ славянскому языку, какъ это сдѣлали Ульфила, или Коптъ для

своихъ языковъ, но что онъ составилъ, т. е. изобрѣлъ для Славянъ алфавитъ совершенно новый, т. е. состоявшій изъ новыхъ знаковъ и притомъ нарочно и, какъ выражается его біографъ, по вдохновенію отъ Бога — подобно первымъ изобрѣтателямъ алфавита, — это положеніе (продолжаетъ Шафарикъ) въ сущности хоть и не ясно доказывается всѣми древними, относящимися сюда свидѣтельствами; но нѣтъ недостатка и въ такихъ свидѣтельствахъ, которыми подтверждается это ясно, опредѣленно. Между ними важнѣйшее находится въ похвальному слову Константину и Меѳодію (у Бодянского стр. 48). Тамъ о Кириллѣ и Меѳодіи сказано: *не на тоужемъ основани свое дѣло полагающа, нъ изнова писмена възобразьша и свѣршиста въ языкъ новъ....* т. е. устроивъ свое дѣло не на чужомъ—постороннемъ основаніи, но вымышляя письма вновъ, они совершили ихъ въ новомъ языкѣ. Яснѣе опредѣленнѣе и рѣшительнѣй этого свидѣтельства ничего не можетъ быть. Ближе къ нему подходитъ свидѣтельство неизвѣстнаго Каринтіяца: *noviter inventis slavini literis*, потомъ свидѣтельство Папы Іоанна VIII: *litteras sclaviniscas a Constantino philosopho repertas.... jure laudamus*. И это говорятъ не отдаленные позднѣйшіе писатели, а близкіе, хорошо знавшіе дѣло современники, отчасти очевидцы» (§ 8).

Приступая къ разбору втораго основнаго положенія Шафарика, нельзя не замѣтить, что не только мысль объ изобрѣтеніи Кирилломъ Глаголицы, но даже и приведенныя Шафарикомъ въ пользу ея соображенія, хоть онѣ и обставлены новыми данными, въ сущности своей ни больше ни меньше, какъ тѣ же добнеровскіе. Добнеръ и его послѣдователи говорили: буквы глаголическія не сходны ни съ какими другими; кирилловскія же, за исключеніемъ 7-ми буквъ, взятыхъ изъ Глаголицы, суть не что иное, какъ греческія. Поэтому, еслибы кирилловская азбука была составлена Кирилломъ въ IX в., то изобрѣтеніемъ *новымъ* прослыть не могла бы, а равно и самъ Кириллъ не получилъ бы имени изобрѣтателя *новаго* алфавита. Слѣд. Кириллъ изобрѣлъ азбуку глагольскую. Такое сходство выводовъ Шафарика въ развитіи его мнѣнія объ изобрѣтенной Кирилломъ азбукѣ съ выводами Добнера, разумѣется, нисколько не удивительно: одинаковое мнѣніе, одина-

ковый взглядъ на тобы то ни было, естественно влечетъ за собою и одинаковыя посылки и доказательства. Но за то, надѣмся, не будетъ также странно, если и мы въ свою очередь, тобы ослабить силу и твердость разсматриваемаго положенія Шафарика, рѣшаемся прежде всего противопоставить ему и развить тѣ возраженія, которыя были выставлены противъ добнеровскаго мнѣнія Добровскимъ и его послѣдователями и которыя, прибавимъ, привели было въ совершенное забвеніе оригинальный взглядъ Добнера на происхожденіе какъ Кириллицы, такъ и Глаголицы. И такъ на 2-й тезисъ Шафарика мы отвѣчаемъ: изобрѣтенный Кирилломъ греко-славянскій алфавитъ могъ получить отъ современниковъ и потомковъ—(т. е. въ относящихся сюда свидѣтельствахъ) названіе новаго, а равно и самъ Кирилль титло изобрѣтателя—совершенно по праву, потому что: 1) прежде Кирилла у Славянъ своей грамоты не было, что, какъ мы видѣли, признаетъ и Шафарикъ. 2) Кирилль далъ имъ собственный алфавитъ, далъ имъ способъ выразать на бумагѣ звуки своего языка, примѣнивши къ нему греческую азбуку, чего и естественно было ожидать отъ Грека. Ужели вслѣдствіе этого одного Кирилль не могъ получить отъ потомства прозванія изобрѣтателя, составителя, творца славянской азбуки, и ужели эта азбука не могла прослыть у современниковъ новою, прежде не существовавшею? Какъ извѣстно Кирилль для составленной имъ славянской азбуки употребилъ не одни греческія буквы, а прибавилъ къ нимъ, по свидѣтельству Храбра, 14 начертаній новыхъ, примѣнительно къ свойствамъ славянскаго языка. Ужели и это не давало права изобрѣтенной имъ азбукѣ на названіе *новой*, а самому ему на титло изобрѣтателя? Ульфила образовалъ свою азбуку изъ германскихъ рунъ и греческихъ буквъ, и однакожь готская азбука считается его изобрѣтеніемъ и конечно для современниковъ Ульфила была новостію? Коптъ примѣнилъ къ своему алфавиту почти одни только греческія буквы, и однакожь онъ считается его изобрѣтателемъ? Почему, же по мнѣнію Шафарика, Кирилль, тобы заслужить отъ современниковъ названіе изобрѣтателя новой азбуки, долженъ былъ дѣйствовать не какъ Ульфила или Коптъ, и всѣ буквы славянской азбуки изобрѣтать вновь? Кирилль въ от-

ношеніи къ славянской азбукѣ и безъ этого сдѣлалъ гораздо больше, нежели послѣдніе два изобрѣтателя. 3) Храбръ говоритъ, что прежде Кирилла употребляли Славяне буквы греческія и латинскія, которыми выражали звуки своего языка съ большимъ трудомъ (нуждахуся). Не имѣли ли права современники Кирилла по этому одному, т. е. по отношенію къ употреблявшимся до него у Славянъ алфавитамъ, составленную и вновь введенную имъ въ употребленіе азбуку называть новою, тѣмъ болѣе, что она совершенно приспособлена была къ свойствамъ славянскаго языка и заключала въ себѣ 14 новыхъ знаковъ? 4) Въ дѣлѣ, совершенномъ Кирилломъ и Меѳодіемъ, для Славянъ и вообще для современниковъ важно было не столько изобрѣтеніе азбуки, сколько сдѣланное изъ нея употребленіе. вмѣстѣ съ азбукой братья дали Славянамъ на собственномъ ихъ языкѣ Священное писаніе, богослужебныя книги, творенія отеческія, можетъ быть, собственныя произведенія, образовали множество учениковъ и сотрудниковъ, продолжавшихъ ихъ дѣло, — однимъ словомъ солунскіе братья были основателями, творцами, образователями не только азбуки Славянъ, но и литературы ихъ, были просвѣтителями. Вотъ почему, и потомъ по особенной продолжительности своей дѣятельности, изобрѣвателемъ славянской грамоты у Славянъ и не Славянъ какъ современниковъ, такъ и потомковъ, считался не только Кириллъ, но и Меѳодій¹⁾. А при такомъ положеніи дѣла, какое право имѣетъ историкъ отнимать это титуло у Кирилла и давать ему его, а равно и азбукѣ его названіе новой, только на томъ условіи, если онъ изобрѣлъ письмо совершенно новое, не похожее ни на какое другое?

Взглянемъ теперь на дѣло съ другой стороны. Шафарикъ говоритъ, что о новости изобрѣтеннаго Кирилломъ алфавита есть хоть и не ясныя указанія *во всѣхъ* древнихъ относящихся сюда свидѣтельствахъ. Но въ этомъ никакъ нельзя съ нимъ согласиться: если взять въ разсмотрѣніе латинскіе источники, составляющіе, какъ извѣстно, главный капиталъ матеріаловъ для

---

¹⁾ См. Похв. слово Кир. и Мее.; Слав. службу обоеимъ слав. апос., Апост. XII в. у Григ., и проч. изъ лат. пис.; неизв. Зальцб. 873 г., актъ Сплет. соб. 925 г. Берн. Кременст. и т. д.

исторіи Кирилла и Меѳодія; то изъ писателей, современныхъ Кириллу, изобрѣтенное имъ письмо называется *новымъ*, или собственно *вновь изобрѣтеннымъ*, (*literis noviter inventis*) только у одного, именно у неизвѣстнаго Зальбуржца, или Каринтійца, на котораго Шафарикъ и ссылается, и потомъ изъ позднѣйшихъ источниковъ—въ легендѣ о св. Людмилѣ. Во всѣхъ же другихъ свидѣтельствахъ (а всѣхъ ихъ изъ одной древнѣйшей эпохи—отъ IX до XII в.—проф. Бодянской насчитываетъ до 22) какъ латинскихъ, такъ равно и греческихъ и славянскихъ, изобрѣтенное Кирилломъ письмо называется, или, — какъ это въ большей части относящихся сюда случаевъ, — письмомъ *славянскимъ*, или просто письмомъ безъ всякихъ эпитетовъ, иногда письмомъ *болгарскимъ*, *хорватскимъ*, *рускимъ*, даже *готскимъ* и т. д., и разумѣется нигдѣ—глаголическимъ. Можно теперь судить, на сколько вѣрно положеніе Шафарика, будто-бы, по свидѣтельству всѣхъ источниковъ, это письмо было совершенно новое. Но станемъ на его точку зрѣнія и согласимся, что не въ одномъ и не въ двухъ, а во всѣхъ древнихъ свидѣтельствахъ кириллова азбука называется *новою*. Ужели подобное названіе мы должны бы были принимать буквально въ полномъ его объемѣ, и ужели оно давало бы намъ право заключать, что изобрѣтенныя Кирилломъ начертанія не имѣли ничего общаго, не были похожи ни на какія другія и кириллова азбука не была основана ни на какой другой, какъ напр. коптская и готская? Если это такъ, вѣдь въ такомъ случаѣ названіе *новаго*, т. е. новаго въ полномъ смыслѣ этого слова, нельзя дать ни одному изъ существующихъ алфавитовъ, какъ индоевропейской, такъ и семитической семьи. Каждый изъ нихъ на чемъ-нибудь да основанъ и въ каждомъ изъ нихъ, достигшемъ хоть какого-нибудь совершенства, непременно содержится вкладъ изъ алфавитовъ, ему предшествовавшихъ — изъ одного, или нѣсколькихъ. Не приводимъ примѣровъ, потому что ихъ слишкомъ много, и въ такомъ случаѣ мы должны бы были повторить исторію образованія всѣхъ до одного алфавитовъ.

Но этого мало; названіе *новаго*, понимаемое въ смыслѣ Шафарика, неприменимо и къ самому алфавиту глаголиче-

скому, а поэтому и способъ заключенія, употребляемый Шафарикомъ, будто-бы изъ названія *новый*, непременно слѣдуетъ — алфавитъ *глаголическій* не можетъ быть признанъ вѣрнымъ. Положимъ, что въ цѣломъ своемъ составѣ этотъ алфавитъ не похожъ ни на греческій, ни на латинскій, ни на еврейскій; но въ частности въ немъ есть буквы и латинскія, и греческія, и восточныхъ алфавитовъ. Самъ Шафарикъ въ разсматриваемомъ своемъ сочиненіи инья глагольскія начертанія производитъ изъ азбуки финикійской и еврейско-самаританской, другія изъ греческой и латинской, инья изъ древне-галльской, эіопской и т. п. Если же взять во вниманіе прежнія его изслѣдованія¹⁾, а тѣмъ болѣе розысканія по тому же предмету другихъ ученыхъ; то откроется, что въ сущности мы не имѣемъ права назвать новымъ почти ни одного глагольскаго начертанія, потому что, судя по упомянутымъ изслѣдованіямъ, каждое изъ нихъ взято изъ алфавитовъ или восточныхъ, или европейскихъ, или изъ сѣверныхъ рунъ. Въ особенности, при вопросѣ о степени новости и самобытности глагольскихъ начертаній нельзя не вспомнить о многочисленныхъ изслѣдованіяхъ, въ которыхъ глаголитская азбука производится именно изъ послѣдняго источника — мнѣніе, — котораго держится, какъ извѣстно, и знаменитый германскій филологъ Я. Гриммъ. Изъ новѣйшихъ изслѣдованій по этому предмету не можемъ не указать на сближенія глаголическихъ начертаній съ руническими знаками, сдѣланныя Докторомъ Ганушомъ²⁾. Читая подобныя изслѣдованія,

¹⁾ См. Собр. Глаг. Пам.

²⁾ Zur slavischen Runen-Frage mit besonderer Rücksicht auf die obotritischen Runen-Alterthümer sowie auf die Glagolica und Cyrillica. См. Archiv für Oesterreich. Geschichts-Quell. Band XVIII. I. 1857. Всѣ глагольскія и нѣкоторыя изъ кирилловскихъ начертаній Ганушъ объясняетъ изъ оботритскихъ и отчасти пальмирскихъ рунъ, съ примѣненіемъ ихъ къ алфавиту семитическому. Многія изъ этихъ объясненій очень удачны, другія нѣтъ, въ особенности, гдѣ авторъ старается объяснить глаголическія начертанія въ связи съ кирилловскими буквами, заимствованными съ дипломатическою точностію изъ греческаго алфавита. Намъ кажется, что сравнивать послѣднія (т. е. кирилловскія, взятая съ греческаго) начертанія съ семитическими или древне-греческими, а тѣмъ болѣе съ рунами — трудъ совершенно напрасный: источникъ этихъ начертаній очевиденъ — т. е. современная Кириллу греческая азбука. Ганушъ думалъ, что какъ Глаголица, такъ и Кириллица дошла до насъ не въ первоначальной формѣ, а въ позд-

невольно приходишь къ мысли, что въ глаголическихъ начертаніяхъ, а равно и въ названіяхъ ихъ (на что такъ же сильно настаиваетъ Шафарикъ) очень не много новаго, по крайней мѣрѣ не многимъ чѣмъ больше, какъ и въ азбукѣ кирилловской. Положимъ въ изслѣдованіи Гануша, какъ и въ трудахъ его предшественниковъ много объясненій произвольныхъ, натяжекъ, невѣрностей; но нельзя же сказать, чтобы въ нихъ было все положительно—ложно и нисколько не приложимо къ объясненію глагольской азбуки. Если же ученымъ доселѣ не удалось придти въ этомъ отношеніи къ положительно-вѣрнымъ и удовлетворительнымъ результатамъ, и Глаголица доселѣ пользуется репутацией и названіемъ *загадочнаго письма не похожаго ни на одинъ изъ существующихъ алфавитовъ*; то это показываетъ только несовершенство сдѣланныхъ объ этомъ розысканій, а отнюдь не то, чтобы она была дѣйствительно азбукою въ полномъ смыслѣ новою, самобытною, неимѣющею ничего общаго съ другими. Согласиться съ подобною мыслію, значило бы войти въ про-

---

вѣншей. Но въ отношеніи къ Кириллицѣ этого нельзя ничѣмъ доказать. Напротивъ, судя по тому рѣшительному сходству, какое имѣютъ кирилловскія буквы (въ древн. рук.) съ греческими буквами VIII—IX в. мы имѣемъ право заключать, что древне-кирилловскія рукописи представляютъ намъ Кириллицу въ томъ самомъ видѣ, какой она имѣла при самомъ ея изобрѣтеніи. Вотъ почему сближеніе Глаголицы съ какимъ бы то ни было алфавитомъ должно происходить отдѣльно отъ Кириллицы, за исключеніемъ разумѣется тѣхъ случаевъ, гдѣ въ обихъ азбукахъ начертанія одни и тѣже. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ общаго источника для той и другой азбуки искать было бы странно. Гораздо интереснѣе въ изслѣдованіи Гануша сравненіе названій славянскихъ буквъ съ названіями рунъ и древнихъ готскихъ и англо-саксонскихъ буквъ—вопросъ, который доселѣ не былъ подвергнутъ почти никакому изслѣдованію. Тѣхъ слав. названій, въ которыхъ Ганушъ находитъ сходство съ названіемъ буквъ упомянутыхъ трехъ алфавитовъ—14. Общій результатъ, къ какому онъ въ этомъ отношеніи приходитъ, слѣдующій: «Имена слав. буквъ—большею частію одного происхожденія съ именами сѣверныхъ и другихъ рунъ и съ именами готскихъ буквъ, такъ что Глаголицу и Кириллицу въ этомъ отношеніи можно разсматривать какъ моментъ обще-европейскаго процесса въ происхожденіи алфавитовъ въ первую эпоху христіанства Европы». На Кирилла Ганушъ смотритъ не какъ на изобрѣтателя, а какъ на одного изъ образователей и распространителей слав. алфавита, который былъ результатомъ развитія, можетъ быть, цѣлыхъ столѣтій. Въ извѣстномъ отношеніи это разумѣется вѣрно, т. е. когда возьмемъ во вниманіе, что Славяне писали греч. буквами еще прежде Кирилла, и что послѣ него его алфавитъ подвергался исправленіямъ.

тиворѣчіе съ исторіей образованія всѣхъ существующихъ алфавитовъ, потому что всѣ они, какъ уже замѣчено было выше, какъ по начертаніямъ, такъ и по именамъ ихъ, находятся другъ съ другомъ во взаимномъ сродствѣ. «Начертанія и имена ихъ, говоритъ Я. Гриммъ, въ алфавитахъ еврейскомъ, греческомъ, руническомъ, славянскомъ, ирійскомъ частію заимствованы ими другъ у друга, частію измѣнены только въ своей формѣ». Естественно ли думать послѣ этого, чтобы одинъ алфавитъ глаголическій составлялъ собою исключеніе изъ общаго правила? Прибавимъ къ сказанному, о происхожденіи глаголическихъ начертаній, что признающіе старшинство Кириллицы передъ Глаголицей, имѣютъ полное право нѣсколько знаковъ послѣдней общихъ у нея съ первою, — считать заимствованными изъ алфавита кирилловскаго. Что же послѣ всего этого остается у Глаголицы новаго, собственнаго, не заимствованнаго ни откуда, а принадлежащаго уму и воображенію перваго или первыхъ ея составителей? Нѣсколько отдѣльныхъ начертаній?... Но этого нельзя отнять и у Кириллицы, а слѣд. и нельзя не признать (съ точки зрѣнія современниковъ) ни за нею самое названія новой азбуки, ни за составителемъ ея титла изобрѣтателя.

И такъ, послѣ всего сказаннаго и при множествѣ историческихъ и палеографическихъ данныхъ въ пользу общепринятаго мнѣнія объ изобрѣтеніи Кирилломъ Кириллицы, равно какъ и при отсутствіи въ источникахъ даже намекъ на изобрѣтеніе имъ Глаголицы, — не въ правѣ ли мы названіе *новый*, какое дѣйствительно въ нѣкоторыхъ свидѣльствахъ придается изобрѣтенному Кирилломъ алфавиту, понимать въ томъ смыслѣ, въ какомъ доселѣ принимаемо было это слово и въ какомъ оно употребляется въ большей части случаевъ? Въдъ сочиненіе мы называемъ *новымъ*, даже если оно въ сущности не заключаетъ въ себѣ ничего новаго, а представляетъ компиляцію изъ другихъ? Мнѣніе мы называемъ *новымъ*, даже если оно имѣетъ самую длинную родословную? Такъ по нашему мнѣнію должно понимать и приведенное Шафарикомъ выраженіе Зальбуржца: *noviter inventis literis*. Фраза—вновь изобрѣтенныя письмена—здѣсь значитъ: письмена вновь приѣзженныя, приспособленныя къ славянскому языку, или еще

вѣрше—съ точки зрѣнія Зальбуржца— письма вновь, недавно введенныя въ употребленіе, распространенныя, примѣненныя къ богослуженію вмѣсто прежде употреблявшихся Славянами, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, латинскихъ буквъ. Тоже самое означаетъ фраза — *новыя письма*, употребленная, относительно кирилловской азбуки, сочинителемъ латинской легенды о Людмилѣ, и перешедшая отсель буквально въ нѣкоторые другіе позднѣйшіе источники. Въ отношеніи къ свидѣтельству Зальбуржца—единственному изъ современныхъ, гдѣ какъ-будто есть указаніе на *новость* кирилловой азбуки, замѣтимъ въ добавокъ, что оно принадлежитъ къ числу свидѣтельствъ самыхъ неточныхъ, неопредѣленныхъ: Зальбуржецъ, не смотря на то, что былъ современникомъ Кирилла и Меодія, даже не зналъ, кто именно изъ братьевъ составилъ явившуюся въ Панноніи славянскую азбуку, и изобрѣтателемъ ее считали не Кирилла, а брата его Меодія. Ясно отсюда, какъ обстоятельно зналъ дѣло этотъ свидѣтель и можно ли придавать значеніе въ его свидѣтельствѣ каждому отдѣльному слову. Соображая мѣстопребываніе Зальбуржца, цѣль его сочиненія и свѣдѣнія его о лицѣ изобрѣтателя славянскаго алфавита, можно думать, что онъ не видалъ даже ни одной буквы его. Да ему и не нужно было это. Для него важно было не изобрѣтеніе слав. письменъ, а примѣненіе ихъ къ введенному въ Панноніи славянскому богослуженію вмѣсто латинскаго, а главное то, что вслѣдствіе этого обстоятельства паннонская архіепископія отошла отъ зальбуржской митрополіи въ непосредственное вѣдѣніе папскаго престола, противъ чего онъ и протестовалъ въ своемъ сочиненіи, имѣвшемъ кажется значеніе официального протеста къ папѣ или къ баварскому королю.

Не будемъ разбирать другихъ выражений приводимыхъ Шафарикомъ изъ источниковъ въ пользу его мысли о новости и самобытномъ происхожденіи кирилловскихъ начертаній. Это было бы слишкомъ неприятно даже, потому что подобныя напр. фразы приводимыя Шафарикомъ изъ Паннонскихъ житій—*вскорѣ же е ему Богъ яви, его же (письменъ) небл испрѣва было*¹⁾, или выраженіе *изобрѣлъ* (собств. нашолъ)

¹⁾ См. прим. къ § 8.

въ буллѣ папы Іоанна VIII, не доказываютъ ровно ничего. Но мы не имѣемъ права пройти молчаніемъ свидѣтельство, которое Шафарикъ беретъ изъ славянскаго похвальнаго слова Кириллу и Меѳодію, т. е. *не на тужемъ основании свое дѣло полагающа, нъ изнова писмена вображъша...* Нельзя не согласиться, что это свидѣтельство какъ-будто дѣйствительно говоритъ въ пользу мысли Шафарика объ отсутствіи въ изобрѣтенной Кирилломъ азбукѣ всякихъ постороннихъ элементовъ, чему видимъ совершенно противное въ греко-славянскомъ алфавитѣ съ перваго же взгляда. Авторъ похв. слова какъ будто даже намѣренно употребилъ приведенную фразу, имѣя въ виду отстранить всякое недоразумѣніе, могущее явиться у потомства относительно характера изобрѣтеннаго Кирилломъ письма, и поэтому замѣтилъ, что это письмо образовано не на постороннемъ основаніи, т. е. не на греческомъ, латинскомъ, или еврейскомъ алфавитѣ, а изобрѣтено, начертано вновь—*изнову*. Далѣе, приведенное свидѣтельство, по древности и происхожденію памятника, изъ котораго заимствовано, повидимому, должно имѣть огромный вѣсъ, потому что упомянутое похвальное слово, въ которомъ оно находится, по общепринятому мнѣнію ¹⁾, признается произведеніемъ Климента, епископа Величскаго; а Климентъ, какъ современникъ славянскихъ апостоловъ и ученикъ ихъ, не могъ же не знать, или ошибиться въ обозначеніи характера составленной Кирилломъ славянской азбуки. Понятно теперь, почему Шафарикъ, доказывая свою мысль о новости и самобытности кирилловскихъ буквъ, преимущественно основывается на свидѣтельствѣ похвальнаго слова, замѣчая при этомъ, что «яснѣе, опредѣленнѣе и рѣшительнѣе этого свидѣтельства ничего не можетъ быть.» Все это налагаетъ на насъ обязанность приводимый Шафарикомъ доводъ разобрать подробно и рассмотреть какъ самое свидѣтельство—въ его связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, такъ и памятникъ, въ которомъ оно заключается, тѣмъ больше, что онъ доселѣ не только не изданъ, но и достаточно не изслѣдованъ.

¹⁾ Г. Ундольскаго, Шаф., Бол., преосв. Филар., Палаузова и проч.

Похвальное слово Кириллу и Меѳодію сдѣлалось извѣстнымъ недавно, именно въ 1848 г. Оно открыто извѣстнымъ знатокомъ нашей древней славянской письменности В. М. Ундольскимъ, и въ напечатанномъ имъ тогда спискѣ открытыхъ имъ же словъ и житій Климента, неизвѣстно по какимъ причинамъ, причислено къ его твореніямъ ¹⁾. Тоже самое было сдѣлано и Шафарикомъ въ его статьѣ: «Разцвѣтъ слав. письменности» ²⁾. Въ послѣдствіи другими изслѣдователями славянской старины въ пользу принадлежности этого слова Клименту представлены были нѣкоторыя, хоть и не вполне рѣшительныя основанія и соображенія, и оно окончательно было признано въ наукѣ сочиненіемъ Климента, а слѣд. памятникомъ, современнымъ эпохѣ славянскихъ апостоловъ. Вотъ почему Шафарикъ въ разсматриваемомъ нами сочиненіи, при исчисленіи источниковъ исторіи Кирилла и Меѳодія, не только «похвалу Кирилу учителю словенску», но и похвальное слово обоимъ славянскимъ апостоламъ причисляетъ къ памятникамъ IX вѣка. (§ 5). Съ такимъ взглядомъ на происхожденіе разсматриваемаго памятника и вообще съ общепринятымъ о немъ мнѣніемъ согласиться однакожь очень трудно. Такъ прежде всего принадлежность Клименту похвальнаго слова обоимъ славянскимъ апостоламъ очень сомнительна, потому что во 1-хъ, тогда какъ похвала одному Кириллу приписывается Клименту въ самомъ заглавіи, похвальное слово обоимъ братьямъ по заглавію не приписывается ему ни въ одномъ спискѣ, начиная съ древнѣйшаго XIII вѣка, (Усп. соб.). Далѣе, исходя изъ той мысли, что Паннонскія житія Кирилла и Меѳодія принадлежатъ Клименту, естественно придти къ заключенію, что похвальное слово одному и тому же автору съ этими житіями приписано быть не можетъ; такъ какъ между Паннонскими житіями и похвальнымъ словомъ есть противорѣчія, напр. сочинитель Паннонскихъ житій, по общепринятому мнѣнію, былъ Паннонецъ, и жилъ и писалъ въ Панноніи, а сочинитель похвальнаго слова жилъ въ странѣ

¹⁾ См. пред. къ Славяно-русс. соч. въ перг. сб. Царскаго. Чт. общ. ист. 1848 г. № 7.

²⁾ Чт. общ. *ibidem*.

Славянъ восточныхъ,—въ Болгаріи, а можетъ быть даже въ Россіи, потому что о Панноніи и Моравіи говоритъ какъ о такихъ странахъ, которыя лежатъ отъ его мѣстопробыванія на западъ ¹⁾. Еще: годъ смерти Меѳодія въ Паннонскомъ его житіи выставленъ—6393 (885), а въ разсматриваемомъ похвальномъ словѣ—во всѣхъ извѣстныхъ намъ спискахъ (въ 4-хъ) кончина Меѳодія означена 6394 (886)—мъ годомъ. Съ другой стороны сходство въ выраженіяхъ, оборотахъ и цѣлыхъ фразахъ, дѣйствительно замѣчаемое между житіями и похвальнымъ словомъ, по нашему мнѣнію, должно вести не къ мысли о принадлежности этихъ памятниковъ одному и тому же автору и въ частности къ заключенію о принадлежности похвального слова Клименту, а къ результату совершенно противоположному; потому что это сходство простирается до такой степени, что уже не можетъ быть объясняемо одною лишь привычкою автора употреблять свои любимые слова и обороты. Напротивъ, встрѣчая въ похвальномъ словѣ не только отдѣльныя слова и выраженія, но и цѣлыя строки, перешедшія въ него изъ Паннонскихъ житій, мы имѣемъ право заключить, что авторъ похвального слова, при написаніи его, пользовался житіями какъ матеріаломъ; и даже болѣе, во время написанія слова держалъ ихъ у себя передъ глазами—выписывалъ изъ нихъ. А такой способъ сочиненія можно ли приписать одному и тому же автору, а тѣмъ болѣе Клименту, который былъ ученикомъ, постояннымъ сопутникомъ и сотрудникомъ славянскихъ апостоловъ и слѣд. зналъ жизнь ихъ во всѣхъ подробностяхъ. Можно ли предполагать, чтобы онъ для восхваленія своихъ учителей въ похвальномъ словѣ сталъ пользоваться и притомъ въ такой степени посторонними, а тѣмъ болѣе своими собственными сочиненіями, и выписывать изъ нихъ цѣлыя фразы?

Послѣднее обстоятельство, т. е. отношеніе похвального слова къ Паннонскимъ житіямъ, какъ позднѣйшаго сочиненія къ матеріалу, приводитъ вмѣстѣ къ заключенію, что похваль-

¹⁾ «Ти чисто церкви и свѣтообразно жито прѣдста въ западныхъ же странахъ Паноньствѣхъ и Моравьскихъ странахъ яко солнци възсиявша и т. д. (по соб. списку XIII в.).

ное слово источникомъ исторіи Кирилла и Меѳодія самостоятельнымъ, первостепеннымъ, содержащимъ свѣдѣнія, взятая изъ первыхъ рукъ, источникомъ, современнымъ эпохѣ, признано быть не можетъ. Въ самомъ дѣлѣ, сличая это слово съ Паннонскими житіями, нельзя не убѣдиться, что оно сначала до конца основано на этихъ житіяхъ. Заключающіяся въ немъ историческія свѣдѣнія частію, какъ замѣчено было уже, заимствованы отсюда и переданы буквально, частію въ видѣ перифраза, а всего чаще составляютъ риторическую амплификацію того, что тамъ изложено кратко. Очень можетъ быть, что авторъ слова пользовался также славянскою службою Кириллу, но эта служба въ исторической своей части также основана на Паннонскихъ житіяхъ, а поэтому въ сравненіи съ ними къ общей суммѣ свѣдѣній о славянскихъ апостолахъ, за исключеніемъ вышеуказанной разности въ показаніи года кончины Меѳодія, похвальное ихъ слово не прибавляетъ ровно ничего. Читая слово, ясно видишь, что авторъ самъ ни по собственнымъ наблюденіямъ, ни по живымъ преданіямъ ничего не зналъ о солунскихъ братьяхъ и знакомъ былъ съ ихъ жизнію только по ихъ житіямъ. А при такомъ положеніи дѣла, можно ли его признавать за современника эпохѣ, а тѣмъ болѣе приписывать разсматриваемое слово Клименту? Напротивъ скорѣе можно придти къ заключенію, что авторъ слова жилъ уже спустя долго послѣ Климента и, можетъ быть, отдѣленъ былъ отъ него цѣлымъ столѣтіемъ,— а можетъ быть и болѣе, вообще жилъ тогда, когда даже для изображенія общезвѣстныхъ современникамъ подвиговъ слав. апостоловъ нужно было прибѣгать къ письменнымъ источникамъ и когда преданія о нихъ приняли уже смутный видъ. Отъ того въ похвальномъ словѣ много историческихъ промаховъ, неточностей, напр. самое изобрѣтеніе славянскихъ письменъ, авторъ приписываетъ не одному Кириллу, но обоимъ братьямъ вмѣстѣ, а равно и вообще многіе подвиги, принадлежащіе славянскимъ апостоламъ отдѣльно, приписываетъ обоимъ имъ вмѣстѣ, или представляетъ въ преувеличенномъ видѣ.

Чтобы отказаться отъ пріятной увѣренности въ принадлежности разсматриваемаго похвальнаго слова совре-

меннику слав. апостоловъ, а тѣмъ болѣе челоуѣку, близко знавшему ихъ, каковъ былъ Климентъ, стоитъ только сравнить этотъ памятникъ съ какимъ либо однороднымъ съ нимъ памятникомъ, который дѣйствительно писанъ современникомъ, напр. хоть съ славянскимъ же похвальнымъ словомъ московскому митрополиту Кипріану, писаннымъ Григоріемъ Цамблакомъ. Какая огромная разница! Въ послѣднемъ мы слышимъ голосъ современника, который лично зналъ восхваляемаго имъ героя и говорилъ лично же знавшимъ его слушателямъ; въ первомъ напротивъ скорѣ слышенъ голосъ отдаленнаго потомка, который съ восхваляемыми имъ лицами былъ знакомъ по письменнымъ памятникамъ, а слушатели его не имѣли свѣдѣній даже о славнѣйшихъ подвигахъ солунскихъ братьевъ. Отъ этого, въ похвальномъ словѣ Кипріану вмѣсто общаго обзорѣнія его жизни, которая и безъ того была извѣстна слушателямъ слова, находимъ его характеристику и потомъ драгоценныя частныя біографическія замѣтки; напротивъ въ похвальномъ словѣ Кириллу и Меѳодію вмѣсто частныхъ историческихъ указаній находимъ обзорѣніе главнѣйшихъ фактовъ ихъ жизни, вмѣсто живой характеристики общія мѣста, вмѣсто подробнаго развитія самыхъ фактовъ — однѣ численныя указанія, цифры ¹⁾, или изложеніе подвиговъ славянскихъ апостоловъ въ преувеличенномъ видѣ — гиперболическія сравненія, уподобленія!.. Напр. съ самаго начала, говоря о лингвистическихъ свѣдѣніяхъ Кирилла, проповѣдникъ приписываетъ ему апостольскій даръ языковъ, а говоря о Меѳодіѣ въ санѣ вельможи, сравниваетъ его съ Соломономъ, Самсономъ, Гедеономъ и т. д.; говоря объ апостольскихъ подвигахъ обоихъ солунскихъ братьевъ, сравниваетъ ихъ съ Моисеемъ и Аарономъ и потомъ съ Авраамомъ, ставя впрочемъ ихъ выше послѣдняго, потому что Авраамъ пропо-

---

¹⁾ Замѣчательно, что въ похвальное слово перешли всѣ почти численныя указанія, находящіяся въ Пани. житіяхъ и притомъ, съ исключеніемъ года кончины Меѳодія, точно въ томъ же видѣ. Къ чему эти численныя указанія въ словѣ, если бы оно было писано дѣйствительно современникомъ? За чѣмъ напр. указаніе года кончины Меѳодія, если проповѣдникъ говорилъ слово такимъ слушателямъ (по мнѣнію Шаф. въ IX в.), которые знали его лично и у которыхъ годъ его кончины сохранялся въ живой памяти?

вѣдывалъ вѣру своему племени, а Кириллъ и Меѳодій просвѣтили вѣрою народъ чужой (сл. слав. службу Кир. и обоимъ слав. ап.), и притомъ народъ, стоявшій такъ низко, что онъ не умѣлъ отличить правой руки отъ лѣвой. вмѣстѣ съ этимъ постоянно повторяется, что Кириллъ и Меѳодій съ своею проповѣдью, подобно апостоламъ, обошли весь мѣръ, всю вселенную, были и на востокѣ, и на западѣ, и на сѣверѣ, и на югѣ, боролись со всѣми еретиками, перевели на славянскій языкъ весь церковный законъ и проч. и проч. Вообще, ultra—риторическій характеръ слова ясенъ съ перваго же взгляда: сейчасъ видно, что ораторъ, не зная дѣйствительныхъ фактовъ, или зная ихъ только въ общемъ очеркѣ, хотѣлъ восхваляемымъ имъ подвижникамъ, дѣйствительно совершившимъ великое дѣло, приписать всѣ возможныя добродѣтели, всѣ возможныя совершенства. И вотъ изъ какого памятника взялъ Шафарикъ приводимое имъ свидѣтельство, которое признаетъ не только яснымъ, но даже точнымъ и рѣшительнымъ!

Все, сказанное нами о похвальномъ словѣ а равно и объ отношеніи его къ Паннонскимъ житіямъ Кирилла и Меѳодія, разумѣется, не трудно было бы подтвердить выписками изъ самыхъ памятниковъ; но это завлекло бы насъ слишкомъ далеко и заставило бы войти въ мелочныя критическія розысканія. И такъ избавляя отъ нихъ читателей, которые, если угодно, могутъ провѣрить наши выводы по самымъ памятникамъ, — имѣющимъ скоро выйти въ свѣтъ, благодаря неутомимымъ трудамъ, по изданію остатковъ древней славянской письменности, проф. Бодянскаго, — поспѣшимъ установить на разсматриваемое свидѣтельство собственную, по нашему мнѣнію болѣе вѣрную, точку зрѣнія. Если это свидѣтельство находится въ памятникѣ позднѣйшемъ, а не современномъ эпохѣ, если авторъ этого памятника самъ не имѣлъ свѣдѣній о сообщаемыхъ имъ фактахъ, а основывался на письменныхъ источникахъ, и притомъ преувеличивалъ ихъ показанія, наконецъ если въ словѣ много историческихъ неточностей, промаховъ, выражений гиперболическихъ, то понимать находящіяся въ приведенномъ Шафарикомъ свидѣтельствѣ показанія съ буквальною точностію, придавать вѣсь каждому взятому изъ него слову, каждому выраженію, вообще давать ему значеніе

извѣстія, принадлежащаго *современнику, очевидцу, близко знакомому съ дѣломъ*, — изслѣдователь не имѣеть никакого права. Какъ мы видѣли, ни тотъ ни другой, ни третій атрибутъ свидѣтельства не выдерживаютъ критики. Далѣе, если похвальное слово въ своихъ историческихъ показаніяхъ сначала до конца основано на Паннонскихъ житіяхъ, то разясненія и настоящаго смысла разныхъ встрѣчающихся въ немъ неточныхъ и преувеличенныхъ показаній, а слѣд. и показанія о характерѣ устроенной Кирилломъ азбуки, мы должны искать въ источникѣ изъ котораго заимствованы эти показанія, т. е. въ Паннонскихъ житіяхъ. Въ послѣднихъ же, какъ извѣстно, объ отношеніи изобрѣтенныхъ Кирилломъ начертаній къ какимъ бы то ни было другимъ, не говорится ничего. Съ другой стороны извѣстіе похвальнаго слова о новости кирилловскихъ письменъ, какъ мы видѣли, не находитъ подтвержденія въ другихъ относящихся сюда свидѣтельствахъ. Вотъ почему мы имѣемъ право заключить, что приводимая Шафарикомъ фраза — *не на туземномъ основаніи...* имѣеть свой источникъ не въ дѣйствительности, а въ фантазіи оратора и должна быть объясняема не чѣмъ либо другимъ, какъ общимъ характеромъ слова, изукрашеннаго, какъ мы видѣли, всѣми возможными атрибутами восточнаго витійства, а слѣд. при рѣшеніи вопроса о характерѣ изобрѣтеннаго Кирилломъ письма быть принята во вниманіе не можетъ.

Послѣднее заключеніе оказывается вѣрнымъ, если мы взглянемъ на дѣло съ другой стороны, именно со стороны дѣйствительнаго отношенія первой половины приведеннаго Шафарикомъ свидѣтельства къ разсматриваемому вопросу. Мы хотимъ сказать, что самая мысль, будто бы фраза — *не на туземномъ основаніи свое дѣло полагающа* — относится именно къ способу изобрѣтенія Кирилломъ письменъ, а не къ чему-либо другому, очень сомнительна. Чтобы убѣдиться въ этомъ, прочтемъ разсматриваемое свидѣтельство въ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, а не въ отрывочномъ видѣ, какъ оно приведено у Шафарика. Продолжая восхвалять подвиги Кирилла и Меодія въ обращеніи Славянъ, проповѣдникъ говоритъ: «...Бесквѣрънѣи и мирнѣи Христовнѣи слоужбѣ слоужѣ и проповѣдателя явистася, апостоломъ соупружника, на то же дѣло избрана

крѣсть съмыслно на рамоу своею въсприимъша, вѣсю вѣселе-
ноую обидоста, исплняюща оучениемъ та мѣста, въ нихъ они
не постояша (т. е. въ которыхъ они — апостолы не были) ли
оудѣлженіемъ поуги, ли за оумноженіе инѣхъ странъ ближ-
нихъ, въ нихъ же рашѣдъшеся, яко лоуча солнечныя свѣтъмъ
богоразоумнымъ просвѣтиша вѣсь миръ. По тѣмъ же стопамъ
и си ходяща (т. е. по стопамъ апостоловъ) и того же духа на-
поена отъ бога, томоуже словеси быста проповѣдника и но-
вая апостола, *не на тоужемъ основаніи свое дѣло полагаю-
ща, нѣ изнова письмена вобразъша и свѣршиста въ языкѣ
новѣ*; послѣ же вѣсиявѣша яко оутрняя звѣзда отъ слнца свѣтъ
приемлющи свѣтлѣйши вѣсѣхъ является и якоже наяти и дѣла-
теле въ виноградъ понесъше и тяготу дне и варъ съ пришедшими
11 часъ равнѣмъ (т. е. съ апостолами) съподоблени быша мѣ-
дѣ божии благодати, тако извольши въ послѣднии вѣкъ томоу
же дѣлоу явити сия новая проповѣдника и свѣтильника вѣсеи
вѣселенѣи, яже подвигомъ добрымъ и вѣрою крѣпко препо-
ясавѣша чрѣсла своя, проидоста, яко солнце тьмная мѣста сто-
пами своими, просвѣщающа вѣсякоу мѣглоу поганьскоую, ду-
ховнымъ огнемъ поपालюща и еретичскоую, непощадища
душа своя ни пощадища телесе своего, нѣ вѣсѣгда готови суца
за правоую вѣроу сластно испити Христовоу чашу...»¹⁾ и т. д.

Теперь, чтобы правильно понять и объяснить значеніе словъ—
не на тоужемъ основаніи..., по нашему мнѣнію, нужно рѣ-
шить вопросъ, что разумѣтъ проповѣдникъ подѣ словами
свое дѣло, т. е. какое дѣло, какой именно подвигъ въ дѣятель-
ности славянскихъ апостоловъ? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ
Шафарикъ и всѣ, раздѣляющіе его мнѣніе, безъ сомнѣнія ска-
жутъ, что здѣсь — подѣ словомъ *дѣло* нужно разумѣтъ дѣло
изобрѣтенія письмень. Такъ это дѣйствительно и представляет-
ся, если разсматриваемую фразу читать въ томъ видѣ, какъ она
приведена у Шафарика, — т. е. внѣ связи съ предыдущимъ. Но
не думаемъ, чтобы можно было такъ понимать эту фразу, если
разсматривать ее въ связи съ предыдущимъ, и вообще если чи-

¹⁾ Выписанное нами мѣсто изъ похв. слова приведено по древнѣйшему его
списку (XIII в.) принадлежащему Моск. Усп. собору. Приносимъ нашу благодар-
ность В. М. Ундольскому за доставленіе намъ копіи съ этого списка.

тать разсматриваемое свидѣтельство въ томъ видѣ, какъ оно приведено нами. Напротивъ, соображая предыдущее и послѣдующее, естественно придешь къ заключенію, что проповѣдникъ здѣсь разумѣетъ не *дѣло* изобрѣтенія письменъ, а вообще дѣло проповѣди, дѣло обращенія Славянъ въ христіанство, дѣло апостольскаго служенія Кирилла и Меѳодія; потому что всякій согласится, что въ цѣломъ приведенномъ нами отрывкѣ говорится именно объ этомъ, а не о другомъ о чемъ, о составленіи же слав. апостолами азбуки сказано лишь случайно, мимоходомъ.—Съ другой стороны въ пользу [нами сдѣланнаго] объясненія говорить и то, что это *дѣло* въ приведенной Шафарикомъ фразѣ приписывается обоимъ братьямъ, а составленіе слав. азбуки, принадлежало, какъ извѣстно, одному Кириллу. Положимъ, что въ такомъ случаѣ въ словахъ проповѣдника — не на тужемъ основаніи—будетъ новая историческая неточность, такъ какъ христіанство было у Славянъ и прежде Кирилла и Меѳодія; но мы должны помнить, что читаемъ похвальное слово, а не историческое изслѣдованіе и притомъ слово, въ которомъ сильно преобладаетъ элементъ риторическій, а отъ такого памятника исторической точности ожидать нельзя. Притомъ же отрицая въ дѣлѣ обращенія Славянъ участіе другихъ проповѣдниковъ, сочинитель слова, кажется, имѣлъ въ виду то выше объясненное имъ обстоятельство, что въ странахъ, гдѣ проповѣдывали Кириллъ и Меѳодій, ни однимъ изъ 12-ти апостоловъ евангеліе проповѣдано не было и слѣд. ими не положено было здѣсь даже основанія того дѣла, которое совершили солунскіе братья, вполне заслужившіе названіе новыхъ апостоловъ.

Итакъ что же остается въ пользу мысли Шафарика въ разсматриваемомъ свидѣтельствѣ, если фразу — не на *тужемъ основаніи* мы отнесемъ, не къ послѣдующему, гдѣ говорится о составленіи славянской азбуки, а къ предыдущему, гдѣ говорится объ обращеніи Славянъ въ христіанство и вообще станемъ понимать эту фразу сообразно съ смысломъ и главнымъ содержаніемъ цѣлаго отрывка? Одно выраженіе: *изнова*?... Но объ настоящемъ значеніи этого выраженія въ памятникахъ нами уже было очень много говорено выше. Поэтому, не считая нужнымъ повторять вышесказаннаго, замѣ-

тимъ только, что выраженіе — *изнова*, находящееся въ разсматриваемомъ свидѣтельствѣ, сообразно съ общимъ характеромъ памятника, нужно понимать какъ одно изъ чисто-риторическихъ упражненій, которыхъ такъ много разсыано въ словѣ.

Сообразивши все сказанное нами по поводу разсмотрѣннаго свидѣтельства, а равно и памятника, въ которомъ оно находится, естественно придти къ заключенію, что Шафарикъ, думая основать мысль свою о новости и самобытности происхожденія изобрѣтенныхъ Кирилломъ начертаній главнымъ образомъ на этомъ свидѣтельствѣ, кажется, не имѣлъ подъ руками похвальнаго слова въ полномъ видѣ¹⁾, а читалъ только отрывки изъ него, помѣщенные въ сочиненіи г. Бодянскаго «О времени происхожденія славянскихъ письменъ», которое и цитуетъ въ своемъ изслѣдованіи. Иначе трудно понять, какимъ образомъ знаменитый славянистъ, съ его всегда вѣрнымъ критическимъ тактомъ, могъ рѣшиться придать этому свидѣтельству такой огромный вѣсъ и объяснить его въ свою пользу.

Намъ однакожь могутъ возразить: положимъ названіе *новаго*, которое въ нѣкоторыхъ памятникахъ дѣйствительно усвоится изобрѣтенному св. Кирилломъ алфавиту, не даетъ изслѣдователю права разумѣть подъ этимъ алфавитомъ алфавитъ глаголическій; но съ другой стороны въ этихъ свидѣтельствахъ такъ же не говорится прямо и ясно, чтобы этотъ алфавитъ былъ алфавитъ греко-славянскій, т. е. тотъ, который мы обыкновенно называемъ кирилловскимъ, а слѣд. и вопросъ: какая именно азбука изобрѣтена Кирилломъ, — долженъ быть рѣшенъ на другихъ основаніяхъ. Все это какъ нельзя больше справедливо: дѣйствительно всѣ почти свидѣтельства, въ которыхъ говорится объ изобрѣтеніи Кирилломъ славянской азбуки большею частію неопредѣленны и неточны, и это по очень простой причинѣ: люди, которымъ принадлежатъ эти свидѣтельства, и въ особенности современники, писали о дѣлѣ общеизвѣстномъ, и потому распространяться объ отличитель-

¹⁾ Списки похв. слова главнымъ образомъ находятся въ нашихъ библіотекахъ.

ныхъ признакахъ изобрѣтенной Кирилломъ азбуки, считали излишнимъ. Отъ того-то, если основываться на этихъ свидѣтельствахъ, и въ частности на названіяхъ, которыя усвояются въ нихъ составленной Кирилломъ азбукѣ, особенно гдѣ она называется просто письмомъ, безъ всякихъ эпитетовъ; то изобрѣтателю Кириллицы можно приписать какую угодно азбуку, напр. хоть армянскую, грузинскую, или еще лучше готскую, потому что Силетскій соборъ (925 г.) изобрѣтенныя Кирилломъ письма называютъ именно готскими. Справедливо также и то, что рѣшенія разсматриваемаго вопроса должно искать не въ современныхъ свидѣтельствахъ напр. хоть папы Іоанна VIII, гдѣ говорится объ этомъ прямо, а въ историческихъ указаніяхъ непрямыхъ, въ соображеніяхъ посредствующихъ. Но въ томъ то и дѣло, что эти посредствующія соображенія рѣшаютъ дѣло въ пользу Кириллицы, а не въ пользу Глаголицы. Приводить и развивать ихъ здѣсь было бы не у мѣста, хоть взглянуть на вопросъ съ указанной точки зрѣнія было бы и любопытно въ высшей степени. Притомъ же нѣкоторыя изъ этихъ соображеній мы надѣемся разсмотрѣть далѣе, при разборѣ частныхъ соображеній Шафарика объ изобрѣтеніи Кирилломъ Глаголицы. Теперь же замѣтимъ, что изслѣдователю, который защищаетъ общепринятое мнѣніе объ изобрѣтенной Кирилломъ азбукѣ, въ историческихъ данныхъ и соображеніяхъ посредствующихъ—непрямыхъ²⁶ даже нѣтъ никакой нужды: для этой цѣли у насъ есть прямое и ясное свидѣтельство, которое какъ-будто нарочно оставлено намъ древностію, чтобы не дать слишкомъ развиться спорному вопросу; читатели угадали конечно, что мы разумѣемъ въ этомъ случаѣ извѣстное сказаніе о письменахъ, принадлежащее черноризцу Храбру. Приводимъ его, чтобы окончательно рѣшить вопросъ, совершенно неожиданно вновь сдѣлавшійся спорнымъ.

.. «Человѣколюбець Богъ, строяй вся и не оставляяй чловѣча рода безъ разоума, но вся къ разоумоу приводяи и къ спасенію помиловавъ родъ словѣньскъ, посла имъ святаго Константина философа, нарицаемаго Кирилла, мужа правдына и истиньна. И сѣи сътвори имъ 30 письменъ и 8, два оубо по чиноу грѣчьскыхъ письменъ, два же по словѣньстѣй рѣчи. (Отъ прѣваго же наченъ по грѣчьскоу: они оубо алфа, а сѣи

азъ, отъ аза начять обое. И якоже они подобльшеса жи-
довскимъ писменемъ сътвориша, тако и съи грѣчьскимъ....)

Се же суть словньская письмена, яже подобна суть грѣчьскимъ письменемъ: а, в, г, д, (исчисляются начертанія (24), взятая Кирилломъ изъ греческой азбуки), а четырнадцатъ по словньску языку сия суть: б, ж, и т. д. (исчисляются буквы, изобрѣтенныя самимъ Кирилломъ для звуковъ, несуществующихъ въ греческомъ)....

Сказавши далѣе о прибавленіи Греками къ 24-мъ буквамъ своей азбуки двогласныхъ и численныхъ знаковъ, вслѣдствіе чего полное число греческихъ начертаній достигло цифры 38, Храбръ замѣчаетъ: *тѣмъ же тому подобно и въ тѣхъ образъ створи* святой Кириллъ 3 и 8 письменъ, т. е. и Кириллъ подобно Грекамъ помѣстилъ въ своей азбукѣ нѣкоторыя буквы собственно для численнаго употребленія¹⁾, отъ чего и вышло всѣхъ 38 буквъ.

Последнее замѣчаніе Храбра направлено противъ упрековъ Кириллу со стороны современниковъ, почему онъ изобрѣлъ 38 буквъ, а не менѣе, какъ это было у Грековъ, у которыхъ собственно 24 буквы. За тѣмъ Храбръ защищаетъ Кирилла противъ мнѣнія *трелзычниковъ*, будто бы христіанское богослуженіе должно быть совершаемо только на трехъ языкахъ и по этому поводу говорить объ образованіи языковъ вообще и въ частности о постепенномъ образованіи греческой азбуки, на основаніи финикійской. Здѣсь Храбръ подробно распространяется о томъ, что греческая азбука составлена нѣсколькими лицами и въ теченіе многихъ лѣтъ, а священное писаніе переведено на греческій языкъ 70 переводчиками, и этимъ обстоятельствомъ пользуется, чтобы выставить на видъ заслуги и преимущества Кирилла. «Словномъ, говоритъ онъ, единъ святой Константинъ, нарицаемый Кириллъ, и письмена

¹⁾ Кириллъ взялъ изъ греч. азбуки численные знаки, не имѣющіе тамъ никакого другаго значенія и употребленія, для цифръ: 6, 90 и 900. Въ разсматриваемомъ мѣстѣ Храбръ называетъ именно эти знаки, изъ которыхъ два послѣдніе на слав. въ послѣдствіи замѣнены буквами џ и ѡ. Но кромѣ этихъ численныхъ знаковъ, Кириллъ взялъ для той же цели изъ греч. азбуки нѣсколько начертаній (именно для цифръ: 8, 9, 6, 400, 700, 800), имѣющихъ тамъ, кромѣ численнаго употребленія, также значеніе звуковое. Въ разсматриваемомъ мѣстѣ, Храбръ очевидно разумѣетъ какъ гъ, такъ и другіе знаки.

нынѣ створи и кнѣигы прѣложи въ малѣхъ лѣтѣхъ; они же Еллини многи многими лѣты—7 ихъ (изобрѣтателей греч. алфавита) письмена оустроиша, а 70 прѣложение (т. е. перевело сваящ. писаніе). Тѣмъ же словѣньская письмена сваятъиша суть и чьстьиѣиша, сваятъ бо мужъ створиль я есть, а грѣчьска Еллини погани». Далѣе у Храбра идетъ рѣчь объ измѣненіяхъ въ славянскомъ алфавитѣ, сдѣланныхъ послѣ Кирилла, именно тутъ слѣдуетъ то мѣсто, о которомъ мы говорили выше.

Что можетъ быть, — скажемъ теперь въ свою очередь и мы подобно Шафаріку, — яснѣе, опредѣленнѣе и рѣшительнѣе этого свидѣтельства въ пользу общепринятаго мнѣнія объ изобрѣтенной Кирилломъ азбукѣ? Храбръ былъ современникомъ учениковъ Кирилла и Меѳодія, потому что, по собственнымъ словамъ его, въ его время были еще живы тѣ, которые видѣли славянскихъ апостоловъ, и слѣд. онъ могъ хорошо знать тотъ способъ и тѣ средства, которыми пользовался Кириллъ при устроеніи слав. азбуки, что, разумѣется, даетъ его свидѣтельству огромный вѣсъ. Съ другой стороны разсказъ Храбра совершенно ясенъ, точенъ, чуждъ всякихъ двусмысленностей, преувеличеній и проч., и ошибиться въ настоящемъ значеніи показаній Храбра, равно какъ и дать имъ какое-либо другое объясненіе, казалось, бы невозможно. Ясно, что Храбръ говоритъ о происхожденіи и устроеніи славянскихъ буквѣ, т. е. начертаній, а не чего либо другаго: ясно, что по словамъ Храбра большая часть изъ этихъ начертаній заимствована изъ греческой азбуки, а не то, чтобы всѣ славянскія начертанія были придуманы, составлены вновь; ясно что, Храбръ, превознося Кирилла на счетъ его предшественниковъ, именно изобрѣтателей греческаго алфавита, хвалитъ его не за изобрѣтеніе новой азбуки, а за то, что онъ одинъ и азбукѣ устроилъ. Далѣе, чтобы повѣрить показанія Храбра, мы дѣлаемъ справку, вѣрно ли онъ исчисляетъ письмена, взятыя Кирилломъ съ греческаго, а равно и начертанія, придуманныя имъ вновь, или взятыя изъ другихъ источниковъ, — и оказывается, что исчисленіе Храбра вѣрно. Наконецъ, чтобы убѣдиться окончательно въ истинѣ храброва показанія о томъ, что большая часть знаковъ кирилловой аз-

буки, заимствована ея изобрѣтателемъ изъ греческой азбуки—устроена *по чину и подобію греческихъ письменъ*, — мы раскрываемъ греческія рукописи половины IX вѣка и чтоже? Употреблявшіяся въ это время въ греческой графикѣ начертанія оказываются до такой степени сходными съ соответствующими имъ славянскими, какъ мы видимъ ихъ въ древнѣйшихъ рукописяхъ, или наоборотъ славянскія буквы до того оказываются сходными съ греческими своими оригиналами, что, не вникая въ смыслъ и содержаніе написаннаго, греческую рукопись (IX в.) можно легко принять за славянскую, и наоборотъ. Ужели и послѣ всего этого, спросимъ мы опять, есть какая-нибудь возможность приписать Кириллу не Кириллицу, а другую, какую бы то ни было азбуку, хоть напр. Глаголицу? И однакожь разсматриваемое сочиненіе Шафарика служить доказательствомъ совершенно противнаго. Само собою разумѣется, что приведенное нами извѣстіе Храбра, какъ прямо идущее противъ мысли Шафарика, должно было въ его изслѣдованіи получить объясненіе. Это объясненіе мы дѣйствительно и находимъ.

«Возраженіе, представляемое сказаніемъ Храбра, говоритъ Шафарикъ, очень важно. Храбръ свидѣтель древній, временъ Симеона (прежде 828 г.) когда были еще живы люди, лично знавшіе Кирилла и Меодія, слѣд. очевидцы. Но слова Храбра нужно понимать совсѣмъ иначе. *Важно* (?) уже и то, что Троицко-лаврскій списокъ Храброва сказанія, въ которомъ (спискѣ) читается прибавка объ очевидцахъ, есть копія съ глаголическаго оригинала, вѣроятно уже очень давно зашедшаго въ Россію (см. указаніе А. В. Горскаго у Срезневскаго въ Ж. мин. просв. 1848 г.). Притомъ же Храбръ, если мы будемъ понимать его слова правильно, утверждаетъ ясно, что 1) Константинъ при устроеніи своего *новаго* алфавита держался порядка (чинъ—огдо) греческой азбуки. 2) По словамъ Храбра, Константинъ изобрѣлъ буквы какъ для тѣхъ звуковъ, которые встрѣчаются въ греческомъ языкѣ, такъ равно и для звуковъ, составляющихъ принадлежность собственно языка славянскаго, и послѣдніе размѣстилъ по приличнымъ мѣстамъ. Выраженіе—*подобіе* нужно понимать здѣсь въ переносномъ смыслѣ и относить не къ греческимъ начертаніямъ, а къ гре-

ческимъ звукамъ. У Грековъ слово *γράφω*, у Нѣмцевъ *der Buchstabe* употребляется вмѣсто звука, напр. буква мягкая, твердая и т. п. Такъ и на всѣхъ языкахъ. И такъ, Храбръ говоритъ здѣсь о подобіи греческихъ звуковъ. 3) Храбръ замѣчаетъ, что греческія буквы изобрѣтены язычниками, а славянскія святымъ мужемъ Кирилломъ. Это замѣчаніе очень важно, потому что оно можетъ быть отнесено единственно только къ глаголической азбукѣ, какъ состоящей изъ совершенно *новыхъ* (?) знаковъ. 4) Храбръ говоритъ, что греческій алфавитъ, состоящій всего только изъ 24-хъ буквъ (съ тремя численными знаками изъ 27), образованъ былъ въ теченіе долгаго времени, съ большимъ трудомъ и не однимъ, а нѣсколькими лицами; славянскій же алфавитъ, состоящій изъ 38 знаковъ, изобрѣтенъ въ короткое время и притомъ однимъ Кирилломъ. Еслибы послѣдній взялъ уже готовыя греческія буквы, то сравненіе было бы нелѣпостью, а похвала безсмыслиемъ» (§ 36).

Такъ объясняетъ Шафарикъ главное возраженіе противъ своего мнѣнія о происхожденіи славянскихъ алфавитовъ, возраженіе, которое на самомъ дѣлѣ уничтожаетъ всѣ его доводы. Нельзя не согласиться, что это объясненіе въ высшей степени остроумно, но за то больше о немъ сказать рѣшительно нечего. Крайняя произвольность его бросается въ глаза съ перваго же взгляда, такъ что какъ то странно даже это и доказывать. Такъ прежде всего, объясненіе Шафарика противорѣчитъ идеѣ, мысли и цѣли цѣлаго сочиненія Храбра. Послѣдній въ своемъ сказаніи вообще, равно какъ и въ разсматриваемомъ мѣстѣ въ частности, разсуждаетъ не о звукахъ греческаго и славянскаго языковъ, а о греческихъ и славянскихъ начертаніяхъ, и слѣд. словомъ *подобіе* обозначаетъ не взаимное отношеніе греческихъ звуковъ къ славянскимъ, а отношеніе другъ къ другу славянскихъ и греческихъ письменъ—начертаній, которыми выражаются эти звуки. Предположить, будто бы Храбръ имѣетъ въ виду 'греческіе и славянскіе звуки, а не начертанія, значило бы навязать ему слишкомъ отвлеченный, вовсе не свойственный эпохѣ взглядъ на предметъ: нужно представить Храбра филологомъ, по крайней мѣрѣ грамматистомъ. Да такое предположеніе и невозможно:

Храбръ какъ въ отношеніи къ греческимъ, такъ и въ отношеніи къ славянскимъ письменамъ говоритъ не просто о происхожденіи, а объ образованіи, объ устроеніи ихъ. «*Кириллъ устроилъ, створилъ слав. письма;*» «Епихарій 3 письма обрѣте;» «Симонидъ приложи двѣ письма.» Такъ говоритъ Храбръ. Теперь замѣните въ приведенныхъ нами и подобныхъ выраженіяхъ Храбра слово: «письмена» словомъ: «звуки», и выйдетъ несообразность. Тогда придется согласиться, что Кириллъ устраивалъ, сотворилъ, изобрѣталъ не письма славянскія, а звуки, что, разумѣется, отъ него нисколько не зависѣло. Точно также и Кадмъ, Епихармъ, Симонидъ и проч. устраивали не греческія письма, а звуки. Вообще при замѣнѣ въ сказаніи Храбра слова «письмена», словомъ звуки,— это сказаніе представитъ образецъ бессмыслицы всѣхъ временъ.

Но Шафарикъ конечно имѣетъ въ виду, что Храбръ подъ словомъ письма разумѣетъ *звуки*, собственно тамъ, гдѣ говоритъ о подобіи нѣкоторыхъ славянскихъ письменъ греческимъ, т. е. въ фразѣ: се же суть словѣнская письма подобна суть греческимъ письменемъ... и т. д. Согласимся на это, хоть такое исключеніе въ употребленіи Храбромъ слово *письмена*, а равно и въ пониманіи его собственно только въ этомъ мѣстѣ противорѣчитъ и предыдущему, и послѣдующему, и цѣлой идеѣ храброва сказанія. Въ такомъ случаѣ приведенную фразу мы должны перевести такъ: «вотъ славянскіе звуки, которые подобны звукамъ греческимъ: а, в, и т. д. или такъ: вотъ славянскія письма, которыя подобны греческимъ звукамъ.» Послѣднее толкованіе очевидно идетъ въ пользу Шафарика; но за то если принять его, будетъ ли хоть какое нибудь соотвѣтствіе между 1-ю и 2-ю половиною приведенной фразы? И что за мысль сравнивать, уподоблять письма одного языка звукамъ другаго, т. е. сравнивать предметы совершенно разнородные? И къ чему послужило бы такое сравненіе? Вотъ почему, если ужъ въ разсматриваемой фразѣ нужно разумѣть подъ словомъ письма не начертанія, а звуки, то такое толкованіе нужно принять въ обоихъ случаяхъ, т. е. и въ послѣдней и въ первой половинѣ фразы. Но тогда выйдетъ новая несообразность: Храбръ

въ слѣдъ за приведенной фразой исчисляеть самыя письмена, которыя подобны греческимъ письменамъ, и между ними называется около 5-ти такихъ, которыя какъ въ кирилловской азбукѣ, такъ и въ глагольской, имѣютъ только значеніе цифръ, вовсе не имѣя значенія звуковаго. И слѣд. усвоивши слову письмена значеніе *звука*, въ обоихъ случаяхъ мы должны будемъ понять Храбра такъ, будто бы Кириллъ для соотвѣтствія 24-мъ звукамъ греческой азбуки устроилъ или изобрѣлъ въ слав. азбукѣ нѣсколько такихъ звуковъ, которые въ немъ никогда не существовали. Прибавимъ ко всему этому, что находящееся у Храбра въ разсматриваемомъ мѣстѣ исчисленіе славянскихъ письменъ сильно не благоприятствуетъ мнѣнію Шафарика и съ другой стороны: между 38-ю славянскими начертаніями Храбръ называетъ нѣсколько такихъ (*о, пси, пси, юсы*, и проч.), которыя составляютъ лишь принадлежность Кириллицы и никогда не существовали въ Глаголицѣ, по крайней мѣрѣ въ древнѣйшій ея періодъ. Это обстоятельство у Шафарика совершенно выпущено изъ виду, между тѣмъ какъ, взявши его во вниманіе, утверждать, что Храбръ въ своемъ сказаніи разумѣетъ письмена глаголическія, а не кирилловскія, рѣшительно невозможно. Можно конечно противъ этого возразить, что упомянутое перечисленіе дошло до насъ не въ подлинномъ видѣ, и уже въ послѣдствіи примѣнено къ Кириллицѣ; но это еще нужно доказать. Справедливо, что исчисленіе славянскихъ буквъ въ разныхъ спискахъ Храброва сказанія представляетъ значительныя разности, что и служить доказательствомъ позднѣйшихъ измѣненій и дополненій, внесенныхъ въ текстъ первоначальной его редакціи переписчиками; но замѣчательно, что вышеисчисленные нами буквы, составляющія исключительную принадлежность Кириллицы, всѣ, или большая часть ихъ, поименованы во всѣхъ спискахъ, начиная съ древнѣйшаго (1348 г.), и даже, что особенно важно, въ списокъ Троицкомъ, снятомъ съ глагольскаго оригинала.

Теперь мы должны сказать о томъ объясненіи, какое Шафарикъ даетъ слову *чинг*. По его мнѣнію Храбръ въ приведенной выше фразѣ: «сотворилъ имъ 30 письменъ и 8, ова оубо по чиноу гръчьскихъ письменъ, оваже словѣнъстви

рѣчи»— и далѣе въ слѣдующемъ за тѣмъ исчисленіи буквъ, говоритъ будто бы о порядкѣ, въ какомъ размѣстилъ Кирилль буквы своей азбуки. Но соображая смыслъ всей этой фразы съ слѣдующею за тѣмъ: «се же суть словѣнская письмена, яже подобна суть грѣчскимъ письменемъ: *α, β, γ,*» и т. д., сейчасъ видишь, что здѣсь рѣчь идетъ не о порядкѣ въ какомъ размѣщены были начертанія кирилловой азбуки, о чемъ бы и не стоило говорить Храбру, а объ ихъ формѣ, внѣшнемъ видѣ, устройствѣ и отношеніи формы большей части изъ нихъ къ письменамъ греческимъ. Значеніе слова *по чину* должно опредѣляться изъ фразы: *яже подобна суть...* и изъ сказуемаго— *сотворилъ*, которое при толкованіи, данномъ этому слову Шафарикомъ, рѣшительно не будетъ имѣть смысла. Между тѣмъ примите слово *по чину* въ значеніи— *по формѣ, по образу, по устройству*, — и смыслъ всей фразы будетъ совершенно ясенъ. Съ другой стороны объясненіе Шафарика не выдерживаетъ критики и въ другомъ отношеніи: слова Храбра тогда будутъ рѣшительно непримѣнимы ни къ глагольской азбукѣ, ни къ кирилловской; потому что, какъ извѣстно, ни та, ни другая азбука въ порядкѣ и размѣщеніи буквъ греческому алфавиту вполнѣ не слѣдуетъ.

По мнѣнію Шафарика, Храбръ будто бы даетъ разумѣть, что Кирилль изобрѣлъ Глаголицу, а не Кириллицу,—въ томъ мѣстѣ своего сказанія, гдѣ онъ превозноситъ Кирилла на счетъ его предшественниковъ — изобрѣтателей алфавита греческаго. Но, какъ мы выше видѣли, слова Храбра въ указанномъ мѣстѣ имѣютъ полный логическій смыслъ и въ томъ случаѣ, если видѣть въ нихъ Кириллицу, а не Глаголицу, и чтобы открыть этотъ смыслъ, заставлятъ Храбра подразумѣвать въ этомъ мѣстѣ Глаголицу, а не Кириллицу,— рѣшительно нѣтъ никакой нужды. Храбръ говоритъ, что греческія письмена изобрѣтены въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ и притомъ нѣсколькими лицами, изъ коихъ однимъ введено 16-ть буквъ, взятыхъ съ финикійскаго, другимъ 3, третьимъ 2, четвертымъ еще 2 и т. д. Переводъ свящ. писанія на греч. языкъ, продолжаетъ Храбръ, такъ же сдѣланъ былъ не однимъ лицомъ, а 70-ю переводчиками. Между тѣмъ Кирилль одинъ— и перевелъ священное писаніе на славянскій языкъ, и азбуку

устроилъ и при томъ все это въ «малѣхъ лѣтѣхъ». Ужели въ этой параллели, проводимой Храбромъ между Кирилломъ и его предшественниками, трудившимися на одинаковомъ съ нимъ поприщѣ, не будетъ смысла, если мы подь изобрѣтенною Кирилломъ азбукою будемъ разумѣть Кириллицу? Скорости въ устроении цѣлой азбуки и въ дѣлѣ перевода священнаго писанія развѣ недостаточно, чтобы оставить за Храбромъ право восхвалять Кирилла на счетъ образователей греческаго алфавита и переводчиковъ греческой библіи? Кириллъ же къ тому, по словамъ самого Храбра, изобрѣлъ 14-ть знаковъ, собственно по славянской рѣчи! Ужели и этого мало, чтобы съ точки зрѣнія Храбра отдать изобрѣтателю славянскаго алфавита пальму первенства напр. передъ Кадмомъ, Симонидомъ, Епихармомъ, которые только продолжали дѣло своихъ предшественниковъ, оставивъ его неоконченнымъ? Согласимся, что похвала, воздаваемая Храбромъ Кириллу будетъ имѣть еще больше смысла, если мы предположимъ, что Храбръ подь изобрѣтенною Кирилломъ азбукою разумѣлъ алфавитъ совершенно новый, состоявшій изъ начертаній, ни откуда не заимствованныхъ, но, какъ выше было объяснено, думать такъ препятствуютъ намъ другія показанія самого же Храбра. При томъ же, какъ мы выше видѣли, требованіямъ азбуки *совершенно новой* неудовлетворяетъ самая Глаголица, и слѣд. съ точки зрѣнія Шафарика даже и въ такомъ случаѣ смыслъ храбровой похвалы Кириллу увеличится очень не многимъ.

Не знаемъ, говорить ли о другихъ пунктахъ объясненія, какое даетъ Шафарикъ сказанію Храбра. Они такъ же произвольны, какъ и нами разсмотрѣнные. Мы напр. рѣшительно не понимаемъ, почему Шафарикъ видитъ намекъ на Глаголицу въ томъ обстоятельстве, что изобрѣтатели греческаго алфавита называются Еллинами, а изобрѣтатель слав. азбуки святымъ мужемъ, тѣмъ больше, что въ большей части списковъ храброва сказанія, названія *Еллены*, даже вовсе нѣтъ, и слѣд. это названіе дано изобрѣтателямъ греч. алфавита не самимъ Храбромъ, а переписчиками его сказанія. Да если даже оно и существовало въ первоначальной редакціи сказанія, то по смыслу всего разсматриваемаго мѣста ясно, что сочинитель его этому названію не придавалъ ровно никакого

значенія. Столько же мало въ пользу Шафарика говорить и то обстоятельство, что Троицкій списокъ храброва сказанія снятъ съ глаголитскаго оригинала. Произвести чрезъ это Храбра изъ Кириллитовъ въ Глаголиты, какъ этого хочетъ Шафарикъ, изслѣдователь не имѣетъ никакого права: Троицкій списокъ къ счастію не единственный. Кромѣ него у насъ извѣстно до 5-ти другихъ списковъ, изъ которыхъ многіе древнѣе Троицкаго и одинъ относится къ 1-й половинѣ XIV вѣка. Между тѣмъ ни въ одномъ изъ этихъ списковъ слѣдовъ Глаголицы не видно. И такъ, при несравненно большемъ числѣ списковъ храброва сказанія — чисто кирилловскихъ, Троицкій списокъ доказываетъ вовсе не то, будто бы самое сказаніе храброво имѣло глагольское происхожденіе и самъ Храбръ писалъ Глаголицей, (а слѣд. о Глаголицѣ), а только то, что неизвѣстно когда и гдѣ храброво сказаніе было переписано съ Кириллицы Глаголицей, потомъ этотъ списокъ попалъ въ Россію и вновь переписанъ Кириллицей. — Слѣд. все дѣло здѣсь объясняется просто случайностію.

Разсмотрѣвши основные историческіе тезисы Шафарика въ пользу его новаго мнѣнія о происхожденіи славянскихъ алфавитовъ, а равно и тѣ свидѣтельства, которыя служатъ для нихъ основою, мы, надѣемся, имѣемъ теперь право этимъ тезисамъ противопоставить свои собственные, совершенно имъ противоположныя; именно: 1) Изъ исторіи мы знаемъ только одного, а не двухъ ине нѣсколькихъ изобрѣтателей славянскаго письма. 2) Еп. Климентъ изобрѣтателемъ славянскаго алфавита какого бы то ни было, Кириллицы, или Глаголицы, не былъ, хоть его дѣятельность къ послѣдующему образованію одного изъ славянскихъ алфавитовъ, именно греко-славянскаго и имѣла какое-то отношеніе. 3) Св. Кириллъ долженъ быть признанъ изобрѣтателемъ Кириллицы т. е. письма греко-славянскаго, и попытка Шафарика приписать ему Глаголицу не выдерживаетъ критики. 4) Храбръ въ своемъ сказаніи «о письменахъ» пишетъ о происхожденіи письма греко-славянскаго, — кирилловскаго, а не глаголитскаго.

А. Викторовъ.

ПОВѢСТЬ О САВВѢ ГРУДЦЫНѢ.¹⁾

*Повѣсть зѣло пречюдна и удивленію достойна, иже бысть
ирѣхъ ради нашихъ гоненіе Россійскаго государства на хри-
стіаны отъ безбожнаго еретика Гришки Розстриги От-
репьева, і еже содѣяся во граде Казани нѣкоего купца Оома
Грудцына о сынѣ его Савве.*

Въ лѣто отъ сотворенія мира 7114 бысть во градѣ велицѣмъ
Устюзе нѣкто мужъ славенъ и богатъ зѣло именемъ и про-
слытіемъ Оома Грудцынъ Усовъ. Видѣвъ бо гоненіе и мятежъ
великіи на христіаны въ россійскомъ государстве и во многихъ
градѣхъ, абіе оставляетъ великіи градъ Устюгъ и преселяется
въ понизовныя, въ славныи градъ Казань, зане въ понизовныхъ
градѣхъ не бысть Литвы злочестивыя. И живяше той Оома
зъ женою своею во градѣ Казани даже до лѣтъ благочестиваго
царя и великаго князя Михайла Феодоровича всеа Россіи,
имѣяжъ у себя той Оома сына едиnorodна, именемъ Савву,
двунадесятилѣта возрастомъ. Обычай же имѣя той Оома куплю
дѣяти, отъѣзжая внизъ Волгою рекою, овогда къ Соли Кам-
скія, овогда въ Астрахань, а иногда за Хвалынское море въ
Шахову область отъѣзжая, куплю творяше; тому же и сына
своего Савву поучаше и нелѣпно такому дѣлу прилежати
повелѣваше, дабы по смерти ево наслѣдникъ былъ имѣнію его.
По нѣкоемъ же времени восхотѣ той Оома отплыти на куплю въ

¹⁾ По рукописи первой половины XVIII вѣка, принадлежащей Е. Д. Фили-
монову, въ 4 л. г.

Шахову область и обычные струги съ товаромъ къ плаванію устроившу, сыну же своему устроилъ суды со обычными товарами, повелѣваетъ плыти къ Соли Камской и тамо купеческому дѣлу со всякимъ опасеніемъ прилежати повелѣваше. И абіе обычное цѣлованіе подаде женѣ и сыну своему, пути касается; малыи же дни помѣдивъ, и сынъ его на устроенныхъ судѣхъ по повелѣнію отца своего къ Соли Камской плаваніе творити начинаетъ. Достигшу же ему Усолского града Орла, и абіе приставааетъ ко берегу и по повелѣнію отца своего у нѣкогого нарочита челоувѣка въ гостинницѣ обитати приставааетъ. Гостинникъ же той і жена его, помня любовь и милость отца его, не мало прилежаніе и всяко благодѣаніе творяху ему, і яко о сынѣ своемъ всякое попеченіе и милость імаху о немъ; онъже пребысть въ гостинницѣ оной не мало время. Въ томъ градѣ Орлѣ бысть нѣкто мещанинъ града того іменемъ і прослытіемъ Бажень вторыи и уже бо престарѣвся въ лѣтѣхъ і знаемъ бяше во многихъ градѣхъ благодѣанію ради житія его, понеже бѣ і богатъ зѣло; і по премногу знаемъ и дружень бѣ саввину отцу Ѳомѣ Грудцыну. Увидѣвъже Бажень вторыи, яко исъ Казани Ѳомы Грудцына сынъ его во градѣ ихъ обрѣтается и помысливъ себѣ, яко отецъ его со мною многую любовь и дружбу імаше; азъже нынѣ презрѣхъ его, въ домъ мой да обитаетъ со мною отъ трапезы моя. И сіе помысливъ, усмотря нѣкогда того Савву, путемъ грядуща, и призвавъ его начать глаголати: «Друже Савво! или не вѣси, яко отецъ твой со мною многую любовь імать; тыжъ почто презрѣлъ еси мене и не присталъ еси въ дому моемъ обитати? Нынѣ убо не преслушай мене: прійди, обитай въ дому моемъ, да питаемся отъ общей трапезы моя; азъ убо за любовь отца твоего вселюбезно, яко сына, приѣмлю тя». Савва же, слышавъ таковыя отъ мужа глаголы, вельми радость (sic!), яко отъ таковаго славнаго мужа пріятъ хочетъ быти и ниско поклоненіе творить предъ нимъ, немедленно отъ гостинника онаго отходитъ въ домъ мужа того Бажена втораго и живяше во всякомъ благоденствіи, радуяся. Тойже Бажень вторыи, старъ сый, імѣя у себя жену третьимъ бракомъ новоприведенну, дѣвою пояту сущу. Ненавидя же добра, роду челоувѣческому супостать діаволь, видя мужа того добродѣтельное житіе, и хотя возмутити домъ

его, и абіе уязвляеть жену его на юношу оного къ скверному смѣшенію блуда и непрестанно уловляше юного лєстьными словесы къ паденію блудному: вѣсть бо женское естество уловляти младыхъ къ любодѣянію, и тако той Савва лєстію жены тоя, пачеже рещи, отъ діавола запячь бысть, падеся въ сеть любодѣянія, зъ женою оною ненасытно творяше блудъ и безвременно въ ономъ съскверномъ дѣлѣ пребывая съ нею, ниже воскресныи день, ниже праздники помняше; но забываше страхъ божіи и часъ смертныи: всегда бо въ калѣ блуда, яко свинія, валяющєся и въ такомъ ненасытномъ блуженіи многое время яко скоть пребывая.

Нѣкогда же приспѣвшу празднику вознесенія Господа нашего Иисуса Христа, въ навечери же праздника Бажєнь вторыи поимъ съ собою юношу оного Савву, поидошадо святыя церкви къ вечернему пѣнію и по отпушеніи вечерни паки придоша въ домъ свой и по обычной вечери возлегоша каждый на ложи своя, благодаряще Бога. Внегдаже благолюбивый онъ мужъ Бажєнь вторыи заспавъ крѣпко, жена же его, діаволомъ подстрѣкаема, воставъ тайно съ ложа своего і пришедъ къ постели юноши онаго и разбудивъ его, понуждаше къ скверному блудному смѣшенію. Онъже, аще і младъ сый, но яко нѣкоемъ стрѣлою страха божія уязвленъ бысть, убояся суда божія, помышляше въ себѣ: како въ таковыи въ господственныи день такое скверное дѣло сотворити імамъ? И сіе помысливъ, начать съ клятвою отрицатися отъ нея, глаголя, яко не хочу всеконѣчно погубити душу свою и въ таковыи превеликіи праздникъ осквернити тѣло мое. Она же ненасытно распалашєся похотію блуда, неослабно нудяше его ово ласканіємъ, ово і прещеніємъ нѣкимъ. угрожая ему, дабы ісполнилъ желаніе ея. И много труждышися, увѣщєвая его; но никакоже возможе приклонити его къ воли своей: божественная нѣкая сила помогашє ему. Видѣвъ же лукавая та жена, яко не возможе привлєци юношу къ воли своей, абіе зѣлною яростію на юношу распалився, яко лютая змія востенавъ, отыде отъ ложа его, помышляше волшебными зеліи опоити его и неотложно злое свое намѣреніе совершати хотя, и елико замысливъ, сіе і сотвори. Внегдаже начаша клєпати ко утреннему пѣнію и благо-

любивый же онъ мужъ Бажень вторый скоро воста отъ ложа своего, возбудиже юношу одного Савву, и поидоша на славословіе божіе ко утрени. И отслушавши со вниманіемъ и страхомъ божіимъ и придоша въ домъ свой; и егдаже приспѣ время божественной литургіи, поидоша паки съ радостію до святыя церкви на славословіе божіе. Проклятажъ оная жена тшателно устроивши на юношу волшебное зѣліе, и яко змія хотяше ядъ свой ізблевати на него. По отпущеніи же божественныя литургіи Бажень вторый и Савва изыдоша ісь церкви, хотяше ітъти въ домъ свой; воевода же града того, пригласивъ одного мужа Бажена втораго, да объдаеть съ нимъ, спросилъ же о юношѣ ономъ: чей есть сынъ и откуда? Онъ же повѣдаеть, яко ісь Казани, Омы Грудцына сынъ. Воевода же приглашаетъ і юношу одного въ домъ свой, зане добръ знаючи его отца. Они же, бывше въ дому его и по обычаю общія трапезы причастившеса, съ радостію возвратившеса въ домъ свой. Баженьже вторый повелѣ принести отъ вина мало, да испіють въ домъ своемъ, чести ради господственнаго одного праздника, ничтоже бо свѣды лукаваго умышленія жены своея. Она же, яко ехидна злая, скрываетъ злобу въ сердцы своемъ и подпадаетъ лестію ко юноши оному. Принесенуже бывшу вину, наливаетъ абіе чашу и подноситъ мужу своему; онъже, іспивъ, благодаря Бога, и потомъ наливаетъ, сама іспивъ, и абіе наливаетъ одного отравнаго уготованнаго зелія и подноситъ юноши оному Савве. Онъ же іспивъ, ни мало помысливъ, ниже убоявся лукавства жены оныя, чаяше, яко никоего же зла мыслить на него и безъ всякаго размышленія выпиваетъ оное зѣліе. И се начать яко нѣкіи огонь горѣти въ сердцы его; онъ же помышляя, глаголя въ сердцы въ себѣ, яко много различныхъ питей въ дому отца моего и никогда же таковаго питія не іспихъ, якоже нынѣ. И егдаже іспивъ питія одного, начать сердцемъ тужити и скорбѣти по женѣ оной; она же, яко лютая лвица, яростно поглядаше на него и ни мало привѣтство являше къ нему, і начать мужу своему на юношу одного клеветати и нелѣпная словеса глаголати и повелѣваше ізгнати ізъ дому своего. Богобоязливый же онъ мужъ, аще і желѣя въ сердцы своемъ по юноши, обаче уловенъ бысть женскою лестію, повелѣваетъ юноши изыти ізъ дому своего, сказуя ему вины нѣкія.

Юноша же той съ великою жалостію и тугою сердца отходитъ изъ дому его, тужа и сѣтуя о лукавой женѣ оной. И прииде паки въ домъ гостинника онаго, идѣже первѣе обиташе. Онъ же вопрошаетъ его, каковы ради вины изыде изъ дому Баженова. Онъ же сказуя имъ, яко самъ не восхотѣ жити у нихъ, зане гладно ми есть, сердцемъ же скорбя и неутѣшно сѣтуя по женѣ оной; и начать отъ великія туги красота лица его увядати и плоть его истончеватися. Видѣвше гостинникъ юношу сѣтующа и скорбяща зѣло, недоумѣвашеся, что бо ему бысть. Бысть же во градѣ томъ нѣкто волхвъ, чарованіемъ своимъ сказуя, кому какова скорбь приключитца, онъ же узнавая или ожити, или умрети. Гостинникъ же и жена его, благоразумни суще, не мало попеченія о юношѣ имяху и призываютъ тайно волхва онаго, какова скорбь приключися юноши. Волхвъ же оный, посмотривъ въ волшебные свои книги, сказуеть истинну, яко некоторые скорби не имать юноша въ себѣ, токмо тужить по женѣ Бажена втораго, яко въ блудное смѣшеніе падеся съ нею; нынѣ же остуженъ бысть отъ нея и, по ней тужая, сокрушаетца. Гостинникъ же и жена его, таковая слышавше отъ волхва, и не яше вѣры, зане Бажень благочестивъ баше и бояся Бога, и ни во чтоже дѣло сіе вмѣниша. Савва же, непрестанно тужа и скорбя о проклятой женѣ оной, и день отъ дне отъ тоя туги истончи плоть свою, яко бы нѣкто великою скорбію болѣ. И нѣкогда же той Савва изыде единъ за градъ на поле отъ великаго унынія и скорби прогулятися, и идяше единъ по полю и никого же за собою или предъ собою видяше, и ничтоже ино помышляше, но токмо сѣтуя и скорбя о разлученіи своемъ отъ жены оныя. И помысливъ во умѣ своемъ такову злую мысль, глаголя: «егда бы кто отъ чловѣкъ или самъ діаволь сотворилъ мнѣ сіе, еже бы паки совокупитися мнѣ съ женою оною, азъ бы послужилъ діаволу». И такову мысль помысливъ, аки бы ума изступилъ, идяше единъ и мало пошедъ, слышевъ за собою гласъ, зовущъ его именемъ; онъ же, обрашя, зреть за собою юношу, борзо текуща, въ нарочитѣ одѣяніи: помахающе рукою ему, пождати себя повелѣваше; онъ же ожидая юношу онаго къ себѣ. Пришедъ же къ Саввѣ юноша той, паче же реши супостатъ діаволь, иже непрестанно рыщетъ, ища по-

гибели человѣческія, пришедше же къ Саввѣ и по обычаю поклоншеса между собою. Рече же пришедый отрокъ къ Саввѣ, глаголя: «Брате Савва! что убо, яко чуждъ, бѣгаеши отъ мене? азъ бо давно ожидахъ тя къ себѣ, да каковы пришелъ ко мнѣ и родственную любовь имѣлъ со мною. Азъ убо вѣмъ давно, яко отъ рода Грудцыныхъ Усовыхъ изъ града Казани; о мнѣ аще хочещи увѣдати, и азъ тогожъ рода, отъ града великаго Устюга; здѣ давно пребываю, ради конской покупки, и убо по плотскому рожденію брата мы съ тобою: и нынѣ убо, братъ и другъ, и не отлучайся отъ мене: азъ бо всякое вспоможеніе радъ во всемъ чинить тебѣ». Савва же, слышавъ отъ мнимаго брата своего, паче же рещи отъ бѣса, таковыя глаголы, вельми возрадовася, яко въ таковой дальней и незнаемой странѣ, сродника себѣ обрѣте и любезно цѣловастася, поидоша оба вкупѣ по пустыни оной. Пошедъ же Савва съ нимъ, рече бѣсъ къ Саввѣ: «Брате Савва! какую скорбь имаши въ себѣ, яко вельми исчезе юношеская красота твоя?» Онъ же, всяко лукавнуя, сказываше ему, нѣкую быти великую скорбь въ себѣ. Бѣсъ же, ослабився, рече ему: «Что убо скрываеши отъ мене? азъ бо вѣмъ скорбь твою; но что ми даси, азъ помогу скорби твоей?» Савважъ рече: «Аще убо вѣдаеши истинную скорбь, якоже имамъ въ себѣ, то пойму вѣру тебѣ, яко можещи помощи». Бѣсъ же рече ему: «Ты бо, скорбя, сокрушаешися сердцемъ своимъ по женѣ Бажена втораго, зане отлученъ еси отъ любви ея; но что ми даси? азъ помогу скорби твоей и учиню тя съ нею по прежнему въ любви ея». Савва же рече: «Азъ убо, елико имамъ здѣ товаровъ и богатства отца моего и съ прибытками все отдаю тебѣ, токмо сотвори по прежнему любовь имѣти съ женою оною». Бѣсъ же ту усумнѣвся, рече ему: «Что убо искушаеши мя? азъ бо вѣмъ, яко отецъ твой много богатства имать, ты же не вѣсили, яко отецъ мой седмерицею богатея отца твоего и что ми будетъ въ товарехъ твоихъ? Но даждь ми на ся рукописаніе мало нѣкое и азъ исполню желаніе твое». Юноша же радъ бысть, помышляя въ себѣ, яко богатство отца моего цѣло будетъ, азъ же дамъ ему писаніе, что ми велитъ написать,—а не вѣдый, въ какову пагубу хочеть впасти, ещежъ и писати совершенно ниже что умѣя. Оле безумія оною юно-

ши! како уловленъ бысть женскою лестію и того ради въ какову погибель снисходить! Егда же изрече бѣсъ къ юношѣ словеса сія, онъ же съ радостію общася дати писаніе. Мнимый же братъ, паче же рещи бѣсъ, скоро возьмъ изъ очпага чернила и хартію, даетъ юноши и повелѣваетъ ему немедленно написати писаніе. Той же юноша Савва еще несовершенно умѣяше писати и, елико бѣсъ сказываше ему, тожь и писаше, не слагая, и таковымъ писаніемъ отрекся Христа, истиннаго Бога, и предадеся въ служеніе діаволу. Написавъ же таковое богоотметное писаніе, отдаетъ діаволу, мнимому своему брату, и тако поидоша во градъ Орель. Вопросивъ же Савва бѣса, глаголя: «Повѣждь ми, брате! гдѣ обитаеши, да увѣмъ домъ твой». Бѣсъ же, возсмѣявся, рече ему: «Азь убо особого дому не имѣю; но, гдѣ прилучитца, тамо и ночую; аще ли же хочещи видѣтися со мною часто, то ищи мя на конской площади: азь бо, якоже рѣхъ ти, здѣ живу ради конскихъ покупокъ; но азь и самъ не облѣнюся постити тебя, нынѣ же иди къ лавки Бажена втораго; вѣмъ бо, яко съ радостію призоветъ тя въ домъ свой жити». Савва же по глаголу брата своего діавола радостно тече къ лавкѣ Бажена втораго. Егда же Бажень, видѣвъ Савву, усердно пріемша его къ себѣ: «Господине Савво! кую злобу сотворихъ азь тебѣ, и почто изшелъ еси изъ дому моего? Протчее убо молю тя, пріиди паки обитати въ домъ мой; азь убо за любовь отца твоего, яко присному своему сыну, радъ бѣхъ тебѣ всеусердно». Савва же, егда услышавъ отъ Бажена таковыя глаголы, неизреченною радостію возрадовася и скоро потече въ домъ Бажена втораго. И егда пришедъ юноша, жена же его видѣ: діаволомъ подстрѣкаема, радостно встрѣтаетъ его и всякимъ ласканіемъ привѣтствоваше ему, и лобызаше его. Юноша же уловленъ бысть женскою лестію, паче діаволомъ, паки запинается въ сѣти блуда съ проклятою оною женою, ниже празниковъ, ниже страха божія помняше, поне ненасытно безпрестани съ нею въ калѣ блуда валяся.

По мнозѣ же времени абие входитъ въ пресловущій градъ Казань матери Саввиной, яко сынъ ея живетъ неисправное и непорядочное житіе и, елико было съ нимъ отеческихъ товаровъ, все изнурилъ въ блудъ и піанствѣ. Мати же его, та-

ковая о сынѣ своемъ слыша, зѣло огорчися и пишетъ къ нему писаніе, дабы онъ оттуду возвратился ко граду Казани въ домъ отца своего. Егдаже прииде къ нему писаніе, онъ же, прочитавъ, посмѣялся, ни во чтоже вмѣнивъ. Она же паки посылаетъ къ нему второе писаніе: ово моленіемъ молить, овожъ клятвами заклинаетъ его, дабы немедленно ѣхаль оттуду въ городъ Казань. Савва же ни мало внять матернюю моленію и клятву ни во чтоже вмѣняше, токмо въ страсти блуда упражняшеся. По нѣкоемъ жѣ времени поемлетъ бѣсъ Савву и поидоша оба за градъ Орель на поле; изшедшимъ же имъ изъ града, глаголетъ бѣсъ къ Саввѣ: «Брате Савво! всѣ ли, кто есмь азъ? ты убо мниши мя, совершенно быти отъ рода Грудцыныхъ, но несть тако. Нынѣ убо за любовь твою повѣмъ ти всю истинну; ты же не бойся, ниже устыдися зватися братомъ тебѣ: азъ убо совершенно улюбивъ тя въ братство себѣ; но аще хощеша о мнѣ вѣдати: азъ убо сынъ царевъ; пойдѣмъ же протчѣе, да покажу ти славу и могутство отца моего». И сіе глаголя, приведе его въ пусто мѣсто на нѣкій холмъ и показа ему въ нѣкоемъ раздоліи градъ вельми славенъ: стѣны, и покровы, и помосты отъ злата чиста блистаяся. И рече ему: «Сей есть градъ и твореніе отца моего; но идемъ убо и поклонимся купно отцу моему и великою честію почтенъ будѣши отъ него». И сія изглагола бѣсъ, отдаетъ Саввѣ богоотметное оно письмо. Оле безумія отрока! вѣдый бо, яко которое царство прилежитъ близости къ московскому государству; но все обладаемо бѣ царемъ московскимъ: аще бы тогда вообразилъ на себя образъ честнаго креста, вся бо сія мечты дѣвольскія яко сень погибли. Но на подлежащее возвратимся. Егда же придоша оба къ привиденному ¹⁾ оному граду, и приближився имъ ко вратамъ града, стретаютъ ихъ юноши темнообразніи, ризами и поясы украшенныи златыми, и, со тщаніемъ покланяющеся, честь воздаютъ сыну цареву, паче же рещи, бѣсу, такожде и Савве покланяющеся. Вшедшимъ же имъ во дворъ царевъ, паки стретаютъ иніи юноши, ризами блистающеся паче первыхъ, такожде и покланяющеся имъ. Егдаже внидоша въ полаты ца-

¹⁾ Въ рукописи: *приведенному*.

ревы, абіе другіи юноши стрѣтають ихъ, другъ друга честію и одѣяніемъ превосходяще, воздающе достойную честь сыну цареву и Саввѣ. Вшедъ же бѣсъ въ полату, глаголя: «Брате Савво! пожди мя здѣ мало: азъ убо шедъ, возвѣщу о тебѣ отцу моему и введу тя къ нему; егда же будеши предъ нимъ, ничтоже размышляяй или бояйся, подаждь ему писаніе свое». И сіе рекль, поиде во внутренніе полаты, оставль Савву одинаго и, помѣдивъ тамо мало, приходитъ къ Саввѣ и, поемъ, вводитъ его предъ лице князя тмы. Той же сѣдѣше на престолѣ висоцѣ, каменіемъ драгимъ и златомъ преукрашенъ, но самъ же той славою великою и одѣяніемъ блистая; окрестъ же престола его зрять Савво множество юношей крылатыхъ стоящихъ, лица же ихъ овыхъ синіи, иные же яко смола черные. Пришедъ же Савва предъ царя оного, падъ на землю, поклонися ему; вопроси же его царь, глаголя: «Откуда пришелъ еси сѣмо? и что есть дѣло твое?» Безумный же онъ юноша подноситъ ему богоотметное свое писаніе, глаголя, яко придохъ, великій царю, послужити тебѣ. Древній же змій сатана, приемъ писаніе и, прочетъ его, къ темнообразнымъ своимъ воинамъ рече: «Аще ли прииму отрока сего? Но не вѣмъ, крѣпокъ ли будетъ мнѣ или нѣтъ?» И призвавъ же сына своего, а саввина мнимаго брата, и глаголя ему: «Иди протчее, обѣдуй съ братомъ своимъ». И тако оба поклонишася царю и изыдоша въ преднюю полату, наченше обѣдати: неизреченные и благовонные яди приношаху има такоже и питіе, яко дивитися Саввѣ, глаголя: яко никогда же въ дому отца моего такихъ ядей вкушахъ или питія испихъ. По ядѣніи же поемлетъ бѣсъ Савву и поидоша съ двора царева изъ города. Вопрошаетъ же Савва брата своего бѣса, глаголя: «Что убо, брате, яко видѣхъ у отца твоего окрестъ престола его много юнощъ крылатыхъ стоящихъ?» Бѣсъ же, улыбаяся, рече ему: «Или не вѣси, яко мнози языцы служатъ отцу моему: Индіи, Перси и иніи мнози? Ты же не дивися сему и не сумнѣвайся братомъ звати мя себѣ: азъ да буду тебѣ меншіи братъ, токмо, елико реку ти, во всемъ буди послушенъ мнѣ; азъ же радъ всякого добродѣйства чинити тебѣ». Савва же во всемъ обѣщася послушенъ быти ему и тако увѣришася, придоша паки во градъ Орель:

и оставль бѣсъ Савву, отходить; Савва же паки приде въ домъ Баженовъ и пребываше въ прежнемъ своемъ скаредномъ дѣлѣ.

И въ тожь время приде въ Казань изъ Персиды со многими прибытками отецъ Саввинъ Ѳома Грудцынъ и, якоже лѣпо, обычное цѣлованіе подаде женѣ своей, вопрошаетъ ю о сынѣ своемъ: живъ ли есть? Она же повѣдуетъ ему, яко отъ многихъ слышу о немъ, по отшествіи твоёмъ въ Персиду, онъ же отъиде къ Соликамской и оттуду во градъ Орель, тамо и донынѣ живеть житіе неудобное: все богатство наше, яко же глаголють, изнури въ пійнствѣ и блудѣ; азъ же много писахъ къ нему о семъ, дабы оттуду возвратился въ домъ нашъ; онъ же ни одинаго отвѣта подаде ми; но и донынѣ тамо пребываетъ: живъ ли или нѣтъ, о томъ не вѣмъ. Ѳома же, таковая глаголы слышавъ отъ жены своей, зѣло смутися умомъ своимъ и скоро съѣдъ, написавъ епистолю къ Саввѣ съ моленіемъ, дабы безъ всякаго замедленія оттуду ѣхаль, во градъ Казань (да вижу, чадо, красоту лица твоего) ¹⁾. Савва же, таковое писаніе приемъ и прочеть е, ни во что же вмѣнивъ, ниже помысливъ ѣхати ко отцу своему; но токмо упражняся въ ненасытномъ блуженіи. Видѣвъ же Ѳома, яко ничтоже успѣваетъ писаніе ево, и абіе повелѣваетъ готовить подобныя струги съ товаромъ и пути касается ко граду Орлу по ²⁾ Камѣ. «Самъ пойму сына своего въ домъ мой». Бѣсъ же, егда увѣде, яко отецъ саввинъ путешествіе творить ко граду Орлу, хотя пояти Савву въ Казань, и абіе глаголетъ Саввѣ: «Брате Савво! доколѣ здѣ во единомъ маломъ градѣ жити будетъ? идемъ убо во иные грады и погуляемъ и паки сюда возвратимся». Савва же ни мало отречеса, но глаголя ему: «Добрѣ, брате! глаголеши: идемъ; но пожди убо мало, азъ бо возму отъ богатства моего нѣколько пенезей на путь». Бѣсъ же, возбраня ему о семъ, глаголя: «Не видѣлъ ли еси славы отца моего и не вѣси, яко вездѣ села его есть? да идѣже придемъ, тамо и денегъ у насъ будетъ и елико потребно». И тако поидоша отъ града

¹⁾ Эта фраза заключена въ скобки въ самой рукописи.

²⁾ Въ рукописи: до.

Орла, никимъ вѣдомы, ниже той самъ Бажень второй, ни жена его увѣдавъ о отшествіи саввиномъ. Бѣсъ же и Савва объ едину ночь отъ града Орла объявишася на рекъ Волгъ, во градъ, нарицаемомъ Козмодемьянскомъ, разстояніемъ имѣюща 804 версты. И глаголетъ бѣсъ Саввѣ: «Аще кто тя увидитъ здѣ и спроситъ, откуда пришелъ еси, ты же рцы: «отъ града Орла въ третію недѣлю приидохомъ до здѣ». Савва же, елико заповѣда ему бѣсъ, тако и сказываше. И пребываше въ Козмодемьянску нѣколико дней, и абіе бѣсъ паки поемлетъ Савву и объ едину ночь изъ Козмодемьянску приидоша на рѣку Оку, въ село, нарицаемое Павловъ перевозъ. И бывшимъ имъ тамо въ день четвертка, въ тойже день въ селѣ ономъ торгъ бываетъ. Ходящимъ имъ по торгу, узрѣвъ Савва нѣкоего престарѣла нища мужа стояща, рубищами гнусными одѣянна, и зря на Савву прилежно и вельми плачуща. Савва же мало отлучися отъ бѣса и притече ко старцу, хотя увѣдати вины плача его. Пришедшу же ему ко старцу и рече: «Кая ти, отче, печаль есть, яко неутѣшно тако плачеша?» Нищій же онъ, святой старецъ, глаголетъ ему: «Плачу, чадо, о погибели души твоей; не вѣси бо, яко погубилъ душу твою, волею предался еси діаволу. Вѣси ли, чадо, съ кѣмъ нынѣ ходиши и его же братомъ себѣ нарицаеша? Но сей не человекъ, но діаволь есть: ходитъ съ тобою и доводитъ тя до пропасти адскія». Егда же изрече старецъ ко юноши глаголы сія, обозрѣвся Савва на мнимаго брата своего, паче же рещи, на бѣса; онъ же, издалеча стоя и грозя на Савву, зубы сворими скрежеташе нанъ. Юноша же, скоро оставль святаго онаго старца, прииде къ бѣсу паки. Діаволь же вельми начать поносити его и глаголати: «Чесо ради съ таковымъ душегубцемъ сообщился еси? и не знаеша ли сего лукаваго старца, яко многихъ погубляетъ? на тебѣ же видѣвъ одѣяніе нарочито, и глаголы лестныя припустивъ къ тебѣ, хотя отлучити тя отъ людей и удавомъ удавити тя, и обрати съ тебѣ одѣяніе твое. Нынѣ убо, аще оставлю тя одного, то вскорѣ погибнеша безъ мене». И сія изрекъ, со гнѣвомъ поемлетъ Савву оттуду и приходитъ съ нимъ во градъ, нарицаемый Шуйскъ, и тамо пребывая не мало время.

Тома же Грудцынъ Усовъ, пришедъ во градъ Орель, вопрошаетъ о сынѣ своемъ и никтоже можаше повѣдати ему о немъ: вси бо видяху его, яко предъ его прїѣздомъ сынъ его во градъ хождаше, всѣми видимъ; а идѣже внезапно скрыся никтоже вѣсть. Ови глаголаху, яко убоясь пришествїя твоего, зане здѣ изнурилъ богатство твое, и сего ради скрыся, Паче же всѣхъ Бажень второй и жена его дивяшеса, глаголаху: яко юноша спаше съ ними, заутраже пошедъ нѣкуды, мы же ожидахомъ его обѣдати; онъ же отъ того часу никакъ нигдѣ же явился во градъ нашемъ; а идѣже скрыся, ни азъ, ни жена моя о семъ не вѣмы. Тома же, многими слезами обливаясь, живя, ожидая сына своего и, не мало пождавъ тщею надеждою, возвратися въ домъ свой и возвѣщаетъ нерадостный случай женѣ своей и оба вкупѣ сѣтуя и скорбяща о лишенїи сына своего. И въ такомъ сѣтованїи Тома несколько время поживе, ко Господу отъиде; жена его вдовою оставши сущи.

Бѣсъ же и Савва живяше во градъ Шуйскъ. Во время же то благочестивый и великій государь царь и великій князь Михаилъ Феодоровичъ всея Россїи возжела послать воинство свое противъ короля полскаго во градъ Смоленскъ и по его царскому указу по всей Россїи набираху новобраныхъ солдатъ. Во градъ же Шую ради солдацкаго набору присланъ съ Москвы столникъ Тимошей Воронцовъ и новобраныхъ солдатъ по вся дни воинскому артикулу учаше. Бѣсъ же и Савва приходяше, смотряху ученїя ихъ. Рече же бѣсъ къ Саввѣ: «Брате Савво! хочещи ли послужити царю, да напишемся и мы съ тобою въ солдаты?» Савва же рече: «Добрѣ, брате, глаголеши; послужимъ». И тако написашася въ солдаты и наченше купно на ученїе ходити. Бѣсъ же въ воинскомъ ученїи такову премудрость дарова ему, яко и старыхъ воиновъ и начальниковъ въ наученїи превосходитъ. Самъ же бѣсъ, яко слуга Саввѣ, хождаше за нимъ и оружіе ношаше. Егда же изъ Шуй новобраныхъ солдатъ приведоша къ Москвѣ и отдала ихъ въ наученїе нѣкому нѣмецкому полковнику, той же полковникъ, егда прїиде видѣти новобраныхъ солдатъ на ученїи, и се видитъ юношу млада, во ученїи же воинскомъ зѣло благочинна и урядно поступающа, и ни малого порока

во всемъ артикулѣ имѣюща и многихъ старыхъ воиновъ и начальниковъ во ученіи превосходяща, и вельми удивися остроумію его. Призвавъ же его къ себѣ, вопрошаетъ рода его; онъ же сказуетъ ему всю истинну. Полковникъ же возлюбилъ Савву вельми и, назвавъ его сыномъ себѣ, дадежь ему съ главы своя шляпу, съ драгоцѣннымъ каменіемъ устроенну сущу, и абіе вручаетъ ему три роты новобраныхъ солдатъ, да вмѣсто его устрояетъ и учитъ той Савва. Бѣсъ же тайно припаде къ Саввѣ и рече ему: «Брате Савво! егда ти недостатокъ будетъ, чимъ работныхъ людей жаловать, повѣжда ми: азъ бо принесу ти, елико потребно денегъ будетъ, дабы въ командѣ твоей роптанія и жалобы не было на тебя». И тако у того Саввы вси солдаты во всякой тишинѣ и покоѣ пребываху, въ протчихъ же ротахъ молва и мятежъ непрестанно, яко отъ глада и наготы, непожалованы, помираху; у Саввы же во всякой тишинѣ и благоденствіи солдаты пребываху и вси дивляхуся остроумію его. По нѣкоемъже случаю явственнѣо учинися о семъ и самому царю и въ тоже время на Москвѣ не малу власть имѣя шуринъ царевъ, бояринъ Семень Лукьяновичъ Стрѣшневъ ¹⁾). Увѣдавъ про оного юношу Савву, повелѣваетъ онаго привести предъ себя и рече ему: «Хощеши ли, юноша, да приму тя въ домъ мой и чести не малыя сподоблю тя?» Онъ же, поклонився ему, и рече: «Есть бо, владыко, мой братъ у мене; вопрошу убо его: ащели повелить ми, то съ радостію послужити готовъ». Бояринъ же, ни мало возбранивъ ему о семъ и отпустивъ его: «да спросить, рече, брата своего.» Савва же, пришедъ, повѣда мнимому своему брату бѣсу. Бѣсъ же съ радостію рече ему: «Почто убо хощеши презрѣти царскую милость, и служити хощеши холопу его? ты убо нынѣ и самъ въ томъ же порядкѣ устроенъ и уже бо и самому царю знаемъ учинился еси. Но убо не буди тако; но да послужимъ царю: егда бо царь увѣсть вѣрнѣю твою службу, тогда и чиномъ возвышенъ будеши отъ него». По повелѣнію жъ цареву вси новобраные солдаты розданы по стрелецкимъ полкамъ вдополику. Тойже Савва поставленъ на Устретенкѣ въ Земля-

---

¹⁾ Въ рукописи: *Стрежневъ*.

номъ городѣ, въ Зиминѣ приказѣ въ дому стрелецкаго сотника именемъ Іакова Талова. Сотникъ же и жена благочестивѣи и благонаравнии суще, видаше бо саввино остроуміе, зѣло почитаху его. Полки же на Москвѣ во всякой готовности къ пошествію бяху. Во единъ же отъ дней приде бѣсъ къ Саввѣ и рече ему: «Брате Савво! пойдемъ прежде полковъ въ Смоленскъ и видимъ, что творять Поляки и како градъ укрѣпляютъ». И обѣ едину ночь съ Москвы въ Смоленску ставше и пребываше въ немъ три дни, никимъ же видимы. Они же, всѣ видѣвше и созирающе, како Поляки градъ укрѣпляютъ: на приступныхъ мѣстехъ всякіе грматы поставляху. Въ четвертый же день бѣсъ объяви себя и Савву въ Смоленску Полякомъ. Егда же Поляки узрѣвше ихъ, вельми возмязошася, начаша гнати по нихъ, хотяше уловити ихъ; бѣсъ же и Савва скоро избѣгоша изъ града и прибѣгоша къ рѣкѣ Днѣпру, и абіе разступися имъ вода и преидоша рѣку оную, яко посуху. Поляки же, много стрѣляюще по нихъ, и никакоже вредиша ихъ. Поляки же удивляхуся, глаголюще: яко бѣсове суть, во образѣ чловѣческомъ придоша и бывше во градѣ нашемъ. Савва же и бѣсъ паки приидоша къ Москвѣ и ставше паки у тогожъ сотника Іакова Талова. И егда же по указу царскому поидоша съ Москвы полки подъ Смоленскъ, тогда и той Савва въ полкахъ съ братомъ своимъ поидоша. Надъ всѣми же полками бояринъ бысть Ѳеодоръ Іоанновичъ Шеинъ. На пути же бѣсъ къ Саввѣ рече: «Брате Савво! егда убо будемъ подъ Смоленскомъ, тогда отъ полковъ Поляковъ выѣдетъ единъ исполинъ на поединокъ и станетъ звати противника себѣ; ты же не убойся ничесоже, изъеди противу его: азъ убо, вѣдая, глаголю ти, яко ты поразиши его. На другій же день паки отъ Поляковъ выѣдетъ другій исполинъ на поединокъ, ты же изъиди паки и противу сего: вѣмъ бо, яко и того поразиши. Въ третій же день выѣдетъ изъ Смоленска третій поединшикъ; ты же, ничтоже бояйся, и противу того выѣдъ; но и того поразиши, самъ же уязвленъ будеши отъ него: азъ же язву твою скоро уврачую». И тако увѣщавъ его, придоша подъ градъ Смоленскъ и ставше въ подобномъ мѣстѣ. По глаголу же бѣсовскому высланъ бысть изъ града нѣкій воинъ, страшень зѣло: на конѣ ска-

каше изъ смоленскихъ полковъ, искавшие себѣ изъ московскихъ полковъ противника, ждаше и никтоже бо смѣяше изыти противу его. Савва же, объявляя въ полкахъ, глаголя: «Аще бы мнѣ былъ воинскій конь, и азъ бы изшелъ на брань противо сего непріятеля царского.» Друзіи же его, слышавше сія скоро о немъ боляринау возвѣстиша. Боляринъ же повелѣ Савву привести предъ себя и повелѣ ему коня нарочита дати и оружіе, мнѣвъ, яко скоро погибнути имать юноша отъ таковаго страшнаго исполина. Савва же по глаголу брата своего бѣса, ничтоже размышляя и бояся, выѣзжаетъ противо полковъ онога богатыря и, скоро сразивше его, приводитъ его и съ конемъ въ полки московскіе и отъ всѣхъ похваляемъ бѣ. Бѣсъ же, ѣздя по немъ, служа ему и оружіе за нимъ нося. Во второй же день паки изъ Смоленска выѣзжаетъ и противу его тойже Савва и того вскорѣ поражаетъ; вси же удивляхуся храбрости его; боляринъ же разгнѣваясь на Савву, но скрываше злобу въ сердца своемъ. Въ третій же день еще выѣзжаетъ изъ града Смоленска нѣкій славный воинъ паче первыхъ, такожь ища и позывая противника себѣ. Савва же, аще и убоаяся ѣхати противо такова страшнова воина, обаче по словеси бѣсовскому немедленно выѣзжаетъ и противо того. Но абіе Полякъ той, яростно наступивъ, уязви Савву копіемъ въ лѣвое стегно. Савва же исправися, нападаетъ на онога Поляка и убиваетъ его, и съ конемъ въ полки своя приведе, не малъ же зазоръ Смольяномъ наведе, все же російское воинство во удивленіе приведе. Потомъ же нача изъ града выласки выходити и войско съ войскомъ сошедшеся, свалнымъ боемъ битися. Идъже Савва съ братомъ своимъ съ которого крыла воеваху, тамо Поляки отъ нихъ невозбранно бѣжаху, тыль показующе. Бесчисленно бо много Поляковъ побиваху, сами же ни отъ кого вредимы бяху. Слышавъ же боляринъ о храбрости юноши онога, и уже не могъ скрыти тайного гнѣва въ сердца своемъ, абіе призываетъ Савву къ шатру и глаголетъ ему: «Повѣждь ми, юноша: какова еси роду и чій еси сынъ». Онъ же повѣда ему истинну: яко изъ Казани, Ѡмы Грудцына Усова сынъ. Боляринъ же начатъ всякими нелѣпными словесы поносити его и глаголати: «Кая ти нужда въ таковой смертный случай приходитъ? Азъ

убо знаю отца и сродниковъ твоихъ, яко бесчисленное богатство имуть; тыже отъ какова гоненія или скудости, оставя родителей своихъ, сѣмо пришелъ еси? Обаче глаголю ти: ни мало здѣ медли; но иди въ домъ къ родителемъ своимъ и тамо во благодѣньствіи съ родители твоими пребывай; аще ли преслушаеши мене и услышу о тебѣ, яко здѣ имаши пребывать, безъ всякаго милосердія здѣ имаши погибнути, главу бо твою велю скоро отъяти отъ тебе.» Сія же боляринъ къ юноши изрекъ и съ яростію отъиде отъ него; юноша же со мною печалію отходитъ отъ него. Отшедшимъ же имъ отъ шатра, рече бѣсъ къ Саввѣ: «Что убо тако печалуешися о семь? Аще неугодна служба наша явися здѣ, то идемъ паки къ Москвѣ, тамо да пребываемъ». И тако вскорѣ отъидоша изъ Смоленска къ Москвѣ и приставше обитати въ домъ того же сотника. Бѣсъ же днемъ пребываше съ Саввою, къ нощи же отхождаше во своя адскія жилища, идѣже искони обычай окаяннымъ пребывать. Не малуже времени минувшу, абіе разболѣвся Савва и бѣ болѣзнь его тяжка зѣло, яко быти ему близъ смерти. Жена же сотника оного, благоразумна сущи, бояся Бога, всяко попеченіе и прилѣжаніе о Саввѣ имущи, и глаголаше ему многажды, дабы повелѣ призвати іереа и исповѣдати грѣхи своя и причаститися святыхъ таинъ: «да не како, рече, въ таковой тяжкой скорби внезапно безъ покаянія умреши». Савва же о семь отрицаяся, яко аще рече, и тяжко болю, но нѣсть ми сія болѣзнь къ смерти. И день отъ дня болѣзнь его тяжчае бяше. Жена же оная не отступно притужаше Саввѣ, да исповѣдается: и убо оттого рече, не имаши умрети. И едва принужденъ бѣ Савва боголюбивою оною женою, повелѣваетъ призвати къ себѣ іереа. Жена же оная вскорѣ посылаетъ ко храму святаго Николая, что въ Грачахъ, и повелѣваетъ призвати тоя церкви іереа. Іерей же, ни мало замедливъ, притече къ болящему: бѣ бо іерей той лѣты совершенъ сый, мужъ искусенъ и богобоязливъ. Пришедъ же, нача молитвы покаянные глаголати, яко же обычай. И егда же всѣмъ людемъ изъ храма изшедшимъ, іерей же начатъ болного исповѣдывати, и се внезапно зрѣтъ больный во храмъ той вшедшихъ толпу велию бѣсовъ. Мнимый же его братъ, наче же рещи, бѣсъ прииде съ нимъ

же и уже не въ человѣческомъ образѣ, но въ существенномъ своемъ звѣровидномъ, и, ставъ создади бѣсовскія толпы, вельми на Савву яряся и зубы скрежетая, показуя ему богоотметное оное писаніе, яже даде ему Савва у града Орла. И глаголя бѣсъ къ болящему: «Зриши ли, клятвopеступниче: что есть сіе? не ты ли писалъ еси? или мниши, яко покаяніемъ симъ избудеши отъ насъ? ни убо; не мни того: азъ убо со всею силою моею подвигнуся на тя.» Сія убо и иная неподобная бѣсомъ глаголющимъ, больной же, зря очевидно ихъ, и ово ужасеся, овоже надѣяся яко на силу божію и до конца все подробно исповѣда іерею оному. Іерей же той, аще мужъ и святъ, обаче убоися страха оното, зане людей никого же во храмъ кромѣ болнаго видѣ, толпу же велику слыша отъ бѣсовскія оныя силы и съ нуждою великою исповѣда больного отъиде въ домъ свой, никому же сія повѣдавъ. По исповѣди же оной нападе на Савву духъ нечистый и начать немилостивно мучити Савву: ово о стѣну бія, ово о мость съ одра пометая его, ово храпленіемъ и пѣною давяше и всякими различными томленіи мучаше его. Боголюбивый же той мужъ вышешепоманутой сотникъ и съ благонравною своею женою, видящи на юноше таковое незапное томленіе отъ діавола и нешносное мученіе, вельми жалѣючи, и стѣняхуся сердца своими по юноши; но никако ему помощи могущи. Бѣсъ же, день отъ дне на больного лютѣ нападая, мучаше его, и всѣмъ предстоящимъ ту отъ мученія его не малъ ужасъ находящъ. Господинъ же дому, яко видѣ на юноши таковую необычную вещь, паче же и зная, яко юноша той вѣдомъ и самому царю храбрости ради своя, и помышляше съ женою своею, да како бы возвѣстити о семъ царю. Бѣ же и сродница нѣкая у нихъ въ домѣ царстемъ. И сія помысливши, посылаетъ немедленно жену свою ко оной сродницѣ своей, повелѣвая ей, да вся подробну о семъ возвѣстити цареви: «да не како, рече, юноша оный въ такомъ зломъ случаѣ умретъ, а они истязани будутъ отъ царя за неизвѣщеніе». Жена же его, ни мало помедлѣвъ, абіе тече къ сродницѣ и вся повелѣнная ей отъ мужа ¹⁾

¹⁾ Напечатанное курсивомъ внесено изъ другаго списка въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рукопись г. Филимонова испорчена.

по ряду сказа. Сродница же она, слыша таковыя глаголы, умилися душею *ово* по юношѣ, паче же скорбаше *о сродницахъ* своихъ, да не како и въ правду *отъ такового* случая бѣду примутъ. И ни мало помедливъ, скоро тече отъ дому своего до палатъ *царевыхъ*. И възвѣщаетъ о семь ближнимъ сигклитомъ царскимъ, и не въ долгъ часъ внушается и самому царю. Царь же, слыша о юношѣ, таковое свое милосердіе изливаетъ нань, глаголя предстоящимъ предъ нимъ сигклитомъ: да, егда бываетъ измѣненіе повседневное карауломъ, повелѣваетъ посылати въ домъ сотника онаго, идѣ же больной онъ юноша лежитъ, по два караульщика: «да надзирають, рече, опасно юношу онаго, да, отъ бѣсовскаго мученія обезумѣвъ, во огонь или въ воду ввержетца». Самъ же благочестивый царь посылаетъ ^{къ} болящему юноши повседневную пищу, и елико здравъ больный явитца, повелѣваетъ възвѣстити себѣ. И сему тако бывшу, *болный же* не мало время въ таковомъ бѣсовскомъ мученіи пребысть. Бысть же Юля мѣсяца въ первый день юноша оный необычно отъ бѣса умученъ и абіе, заснавъ мало, яко бы на явѣ, нача глаголати, изливая слезы изъ очей *своихъ*, сице рече: «О всемилостивая госпоже, царица *Богородице!* помилуй, Владычице! помилуй! не солгу бо, всецарице, не солгу; но исполню, елико обѣщаюся ти. Домашні же и снабдѣвающіи воины, таковыя глаголы отъ больнаго слышаще, удивишася, глаголюще, яко нѣкое видѣніе видить. Егда же болный отъ сна възбнувъ, приступи къ нему сотникъ и рече: «Повѣждь ми, господине Савво: что таковыя глаголы со слезами и къ кому рекль еси?» Онъ же паки начатъ омывати лице свое слезами, глаголя: Видѣхъ, рече, ко одру моемупришедшу жену свѣтольпну и неизреченною свѣтлостію сіяющую, носящу же ризу багрянну, съ нею же и два мужа нѣкія, сѣдинами украшены: единъ убо во одеждѣ архіерейстѣй, другій же апостольское одѣяніе имущъ: и не мню инѣхъ токмо жену быти пресвятую Богородицу, мужей же единаго наперстника господня, апостола Іоанна Богослова, втораго неусыпнаго стража града нашего, Москвы преславнаго во іерарсѣхъ архіерея Божія, Петра Митрополита, ихъ же подобія образъ знаю. И рече ми святольпная оная жена: Что ти есть Савво? и чесо ради тако скорбиши? Азь же рѣхъ ей: «Скорблю, владычице, яко

прогнѣвахъ Сына твоего и Бога моего и тебя, заступницу рода человѣческаго, и за сіе бѣсъ люте мучить мя.» Она же, ослабився, рече ми: «Что убо мниши: како ти избыти отъ скорби сія и како ти выручити рукописаніе твое изъ ада?» Азь же рекъ ей: «Не могу, Владычице! не могу, аще не помощію Сына твоего и твоею всеильною милостію.» Она же рече ми: «Азь убо умолю Сына своего и Бога моего; токмо единъ мой глаголь исполни; аще избавлю тя отъ бѣды сея, хочещи ли монахъ быти?» Азь же тыя молебныя глаголы со слезами глаголахъ ей во снѣ, яже и вы слышасте; она же паки рече ми: «Слыши, Савво: егда убо приспѣтъ праздникъ явленія моего образа, иже въ Казани, ты же приди во храмъ мой, яже на площади у ветошнаго ряду, и азь предъ всѣмъ народомъ чудо явлю на тебѣ.» И сія рече, невидима бысть. Сія же слышавъ сотникъ и приставльшія воины отъ Саввы изглаголанная, вельми почудишася. И нача сотникъ и жена его помышляти, како бы о семъ видѣніи возвѣстити самому царю, и умыслиша послати по сродницу свою, дабы она возвѣстила о семъ въ царевы палаты и возвѣщаетъ ближнимъ сигклитомъ. Они же немедленно внушаютъ царю о бывшемъ видѣніи саввиномъ. Егда же слышавъ царь, вельми почудися. И начаша ожидати праздника онаго и егда же приспѣ время Юля 8 числа, бысть праздникъ пресвятыя Богородицы Казанскія: повелѣваетъ же царь болящего онаго Савву до церкви привести. Бысть же въ день той ходеніе крестное изъ соборныя церкви Успенія пресвятыя Богородицы; въ томъ же ходу былъ и самъ царь. И егда же начаша божественную литоргію пѣти, принесену же бывшу и болящему оному Саввѣ и положенъ внѣ церкви на коврѣ. Егда бо начаша пѣти херувимскую пѣснь, и се внезапно бысть гласъ съ небеси, яко громъ велій возгремѣ: «Савво! возстани; что бо медлиши? и приди въ церковь мою и здравъ буди и къ тому не согрѣшай!» И абіе спаде отъ верху церкви богоотметное оно писаніе саввино, все заглажено, яко никогда же писано предъ всѣмъ народомъ. Царь же, видѣвъ сіе чудо, вельми подивися; больной же той Савва, вскочивъ съ ковра, яко же никогда же болѣвъ, и притече скоро во церковь, паде предъ образомъ пресвятыя Богородицы, нача со слезами глаголати: «О

преблагословенная Мати господня, заступнице и молебнице о душахъ нашихъ къ сыну своему и Богу! избави мя адскія пропасти! азъ же вскорѣ исполню обѣщаніе свое.» Сія же слышавъ великій государь, царь и великій князь Михайлъ Федоровичъ всеа Россіи повелѣ призвати къ себѣ оного Савву и спросивъ его о бывшемъ видѣніи; онъ же повѣда вся по ряду и показавъ ему писаніе свое. Царь же подивися тому зѣло, божію милосердію и несказанному чудеси. Егда же отпѣша божественную литургію, поиде Савва въ домъ сотника Іакова Талова, яко никогда же болѣвъ. Сотникъ же той и жена его, видѣвъ надъ нимъ милосердіе божіе, благодаривъ Бога и пречистую его Богоматерь.

Потомъ же Савва, раздавъ все имѣніе свое, елико имѣяше, убогимъ; самъ же иде въ монастырь Чуда архистратига Михаила, идѣ же лежатъ мощи святителя божія Алексѣя митрополита, иже зовется Чудовъ, и воспріявъ иноческій чинъ, и нача ту жить въ постѣ и молитвахъ, непрестанно моляся Господеву о согрѣшеніи своемъ. Въ монастырѣ же ономъ поживе лѣта довольна, ко Господу отъиде въ вѣчный покой, идѣ же святіи пребываютъ. Буди же Вседержителя Бога слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПРѢНІЕ ЛИТОВСКАГО ПРОТОПОПА ЛАВРЕНТІЯ ЗИЗАНІЯ СЪ ИГУМЕНОМЪ ИЛЕЮ И СПРАВЩИКОМЪ ГРИГОРІЕМЪ ПО ПОВОДУ ИСПРАВЛЕНІЯ СОСТАВЛЕННАГО ЛАВРЕНТІЕМЪ КАТИХИЗИСА 1).

В лѣто 7135 Февраля въ 18 ден по указу государя святѣйшого кир Филарета, патриарха московског і всеа Руси, Богоявленскому игумену, что на Москвѣ, из ветошного ряду

---

1) По рукописи второй половины XVII вѣка, писанной скорописью.

Ильѣ да Гришке от книжные справки велено говорит с коретцким протопопом из Литвы с Лавреньтеем Зизани о исправленных статьях из книги Оглашения, которою он из Литвы привез своего слогу, и билъ челомъ государю святѣйшему патриарху, чтобъ еѣ изправити; а именована книга Оглашение. И государь святѣйшій кир Филарет, патриархъ московскіі і всеа Руси, преименова Бесѣдословіе, понеж Оглашение есть книга Кирила, архиепископа Иеросалимско-го, новокрещающимся во Иеросалиме: ино едином именем многим книгам быти нелѣпо. Исправя, государь святѣйшій патриархъ велѣл еѣ протопопу Лаврентию отдат, а о тѣх статьях, которые в ней несходны с рускими и греческими переводы о божествѣ і воплощеніи, и о страсти господни и о всяком дѣйствѣ христіанског закона, а велено поговорити любовным обычаем и смиреніем нрава; а говорити нам велено с ним на государеве казенном дворѣ в нижней полате перед государевым боярином князем Иваном Борисовичем Черкасским, да перед дьяком думным Федоромъ Лихачевымъ.

Первая справка. Написано у Лаврентея протопопа воспрос: Отець убо боли Сына и Духа Святаго есть, понеже от него оба имут божество; а во отвѣте глаголет: Отець Сына Духа Святаго равных себѣ собра. И о том отвѣте игумен Ильѣ Лаврентию рече: велѣл де тебя допрошат государь святѣйшій патриархъ Филарет московскіі і всеа Русіі. Писано у тебя в отвѣте: Отець Сына и Духа святаго равных себѣ собра, от которог богословія взято? Понеже аще Отець Сына и Духа Святаго собра: то откуда собра? мы собрания святыя Троица не глаголем: вѣруем бо, яко одинакупна есть святая Троица, тако и исповѣдем.

Лаврентей тоѣ рѣчи отпирался и рѣклъ: Покажите ми писмо мое, а я тово не писывал. И как писмо ево показали ему, и он сказалъ: То де перевотчик погрешил, а не я; я де писал: Отець Сына і Духа Святаго изведе, а не собра. И князь Иван Борисович спросил Лаврентея: По литовскому де языку как вы говорите: собра? И Лаврентіі сказал тож и по литовскому языку собра. И потом спросил: А изведе как? И Лаврентей сказал: по нашему и изведе. И мы ему: А хотя и изведе, ино и то о Святей единосущней Троицѣ не богословно, по-

неже купно Святая Троица, а ни един единого не последи, ни преже ни изведе, ни собра.

Мыж паки рѣхом ему: У тебяз в книге, Лаврентие, воспрос: Чимъ убо разньствует един от другаго божия составъ, сїи рѣч лица? Твой отвѣтъ написан: Отець разделенъ есть от Сына и Духа Святаго изволением. А вси богословцы исповѣдают во Святѣй Троицѣ едину волю и мы тако вѣруем вси православниі християне. И Лаврентей рече: И я так вѣрую едину во Троицѣ волю, а то все от перевотчика, а я де таковы рѣчи не писал: укрой Боже всякого православнаго так писати. Да у Лаврентеяж протопопа в книге его писано было о страсти хрестове. Сказывает: Сама плот умре и погребена бѣ, по соединению же лица, еже есть состава, Богъ умре и погребен бѣ, понеже образ слова во плоти бысть, еже умре; по истинному рождению божества слово сниде с небеси, не плот; по роженїи же чловѣчества плот умре, не слово; а по соединенїи лица, еже есть состава, и слово умре и погребено бѣ.

И мы ему про то рекли: Ино так ты, Лаврентие, и божеству с плотїю страдати глаголеши? Онъ же рече: Тако глаголю, понеже по соединению состава страдала плот, страдало и божество. Мы же к нему рекли: А не глаголи, Лаврентие, сего, еже с плотїю страдати божеству; сие убо Ариї и прочїи еретицы глаголют, насже, православных християн, да сохранил Господь Богъ от таковаго злаго начинанїя. Лаврентей рече: А то вѣм: сего вы не разумѣете, что есть по составу соединенїе и тѣм соединенїем страдати глаголю божеству и чловѣчеству. Мы же по ревности вѣры съ яростию глаголахом: Сего ли мы не разумѣемъ по составу соединенїя Превѣчное Слово божїе на послѣдок времен воплотися от пресвятыя Дѣвы Марїи и тѣма стекшемася двема естествома и родися един состав Христос и то есть по составу соединенїе Бога и чловѣка, сїи рѣчь, во едином составѣ совершен Богъ и совершен чловѣкъ. Такли глаголем? толи по составу соединенїе? Лаврентїи рече: Тако есть; сего ради и пострада Богъ с плотїю, понѣже во едином бѣ составе. Мы же паки глаголахом ему: Не пострада Богъ с плотїю, но пострада Богъ плотїю. Лаврентїи рече: Не пишет ли тако, что Богъ родися, Богъ на земли явися, Богъ со чловѣки поживе, Богъ пострада,

Богъ погребен бысть, Богъ воскресе? Мы же рекохом ему: Пишет не тако, якож ты глаголеши; не просто пишет: родися, родибоя первие от Отца, иже прежде всѣхъ вѣк, яко же от солнца свѣтъ; тоиж паки в лѣта от чистыя Дѣвы родися плотію, и со чловѣки поживе плотію, и пострада плотію, и погребеса плотію, а воскресе божеством. Аще Богъ пострада и погребеса, кто же во адъ сниде и оттуду праведныхъ душа от руки диявола свободить? и кто смерть разруши и диявола связа? Ты бо глаголеши: Богъ пострада. Аще Богъ пострада, то все божество пострада: пострадали (sic!) Сынъ, пострада Отецъ и Духъ Святыи: неразлучно бо есть божество Святыя Троица. Вѣдай, яко невозможно есть с плотію страдати Богу, но плотію, обожена бо плотію страдати Богъ насъ и нашего ради спасения изволил есть.

Лаврентіи рече: Да что же? или разлучилося, вы мните, тогда божество от соединения по составу, егда Христосъ страсть претерпѣ? Бога ради не смущайтесь і вѣдайте истинну, еже неотлучно было божество от плоти, егда Христосъ пострада.

Мы же паки вещахом ему: Мы утвержени есмы на основаніи божественныхъ словесъ апостолскаго учения і богоносныхъ отецъ, а смущатися намъ не откуды: всегда церковъ божия внушаетъ намъ и учитъ, что плотію Богъ пострада, а божествомъ безстрастенъ пребысть и неотступенъ, непрелогаемъ бо воплотися от чистыя Дѣвы Маріи неизреченно, и есть неописанъ по церковному гласу: глаголетъ бо ся: во гробѣ плотцкии во аде же со душею яко Богъ, в рай же с разбойникомъ и на престолѣхъ съ Христе со Отцемъ и Духомъ, вся исполняя неописанныи.

Лаврентіи рече: Да аще неотступно было божество, то уже и пострадало по составу плоти. Мы же паки рекохомъ ему: Не пострада божество и страдати невмѣстно есть божеству. Видишили, яко неописано есть божество и Троица неразлучна Богъ нашъ? Рцы ми: аще желѣзо будетъ во огни разженно, и егда бываетъ, аки огонь; ты что о немъ глаголеши: два ли естества тогда бываетъ во единомъ составѣ или едино?

Лаврентіи рече: Всѣ вѣмы, что два естества тогда быти могутъ: едино огненное, другоежъ желѣзное. Мы же паки рѣ-

хом ему: Егда бьет ковач желѣзо, стражет ли огонь от ковачева бнениа? Мы же рѣхом: А от ково страдати Богу? Лаврентіи рече: Богъ страдал по составу соединения плоти. Мы же паки рѣхом: Како убо Богъ страдал по составу соединения плоти, а огонь не стражет по составу соединения желѣза? или крѣпчайши есть Творца твар? Богъ убо всѣхъ творецъ есть, огонь же твар, яко и прочая зданія.

Лаврентей к тому ничтоже рече, а как он в книге ту статью прочитал, как Богъ плотию пострадал и он еѣ похвалил и потомъ о той статьѣ противных речей никаких не было.

Да тутже у Лаврентея в книгѣ вопросъ: Всѣ ли убо во аде во едином мѣсте пребываютъ крещеніи и некрещеніи? И глаголетъ отвѣтъ Лаврентіевъ: Православныхъ христіан души, которые с покояніемъ умерши в первомъ аде суть, а под ними в другомъ мѣсте суть некрещеныхъ душа. И мы тотъ отвѣтъ переменили, для того что православнымъ христіаномъ то и надежда вся, что послѣднимъ покаяніемъ от ада і всѣхъ вѣчныхъ мукъ свободу получаютъ. И написали от святыхъ и божественныхъ писаніи, какъ намъ государь святѣйшіи кир Филаретъ, патриархъ московскіи і всеа Русіи, велѣдъ, что православныхъ христіанъ покаявшихся души во аде не бываютъ сведени.

И игуменъ Илія спросилъ: Чье ино преданіе, Лаврентіе, проповѣдуешь? Лаврентей рече: Что я ино проповѣдую? Мыжъ паки рѣхомъ к нему о отшедшихъ душахъ, иже во всякомъ небреженіи препроводиша житіе свое. Мыжъ рѣхомъ ему: Мы глаголемъ о отшедшихъ душахъ: с чистымъ и истиннымъ покояніемъ не сходятъ во адъ, а во аде сошедшимъ душамъ бесъ покаянія нѣсть исповѣданія по пророческому реченію: во аде же кто исповѣсть ти ся, Господи?

Лаврентей рече: Прямо у насъ в Литвѣ про васъ говоритъ князь: увидиши де, Лаврентіе, какъ московскіе люди о душахъ своихъ мудрствуютъ, а и не вѣдаютъ, что о нихъ истинна. И князь Иванъ Борисовичъ спросилъ протопопа Лаврентія: Кой князь то говоритъ? И Лаврентіи имя сказалъ, только мы в то время того имени не вняли, потому нѣсть об немъ слова намъ ни едино. Мы же рѣхомъ ему: Что намъ разумѣти умыслы своими? Писали о томъ до насъ Иванъ Златоустыи и Афонасіи Александрійскіи и Домаскинъ Иванъ и прочіи святіи отцы вси, что с чистымъ по-

коюнимъ преставшихся душа православныхъ христіянъ отходятъ въ мѣста свѣтла, въ руцѣ божіи, идежъ Богъ вѣсть. Лаврентіи рече: Да како виидетъ душа въ мѣста свѣтла, которая живъ въ скверне всякой и страстнѣй нечистотѣ и предъ концемъ покаився, а опитемиі не исправитъ? Таковыхъ душа въ адъ сводятся и объ нихъ после церковъ молитъ и потомъ отъ ада свободятся. О томъ пишетъ і въ треоди цвѣтної въ молитвахъ на пятдесятный денъ о еже во аде держимыхъ свободилъ еси примати великихъ подовая имъ надежу ослобление держимымъ.

Мы же рѣхомъ: Се ослобление держимымъ во аде, а не изведеіе изъ ада глаголетъ молитва, да найдешъ и то слово въ сей же молитвѣ, что въ ней писано есть въ сей всесовершенный и спасительный праздникъ, сїи рѣчь сошествія ради Святаго Духа, утешенія и ослабленія бываетъ во аде душамъ грѣшнымъ, но непокаявшимся, а покаившихся душа всегда суть въ веселіи и радости неизреченнѣй пребываютъ. А что глаголеши: церковъ молитъ, ино всѣ мы о томъ вѣдаемъ, что церковъ молитъ о всѣхъ сущихъ на земли и о отшедшихъ душахъ въ адъ, аще и безъ покаивнїя, да по ней малу получаютъ отраду на время оно, въ неже принесетца о нихъ приношеніе Богу; и о тѣхъ церковъ молитъ, которые і въ свете сущи, иже съ покаивнїемъ отъидоша житїя сего; и о святыхъ всѣхъ церковъ молитъ, да не точію о святыхъ всѣхъ, но и о самой пречистой Богородице ты самъ, престолу божію предстои, глаголеши по прочихъ всѣхъ чинѣхъ апостолъ и пророкъ: Изрядно прстѣй, преблагословенней Владычицѣ нашей Богородице и присно Дѣвѣ Марїи.

Лаврентіи рече: Почестъ церковъ святымъ приноситъ, а не умоляетъ. Мыжъ рѣхомъ: Чемъ почестъ приноситъ? не моленїемъ ли и поминанїемъ праведныхъ душа, но о томъ потомъ речемъ; скажи намъ нынѣ то едино: гдѣ есть писано, что православныхъ христіанъ, покаившихся, душа въ адъ сводятъ? Лаврентіи рече: Въ треоди цвѣтної. И мы рѣхомъ: А то писано въ треоди о малемъ утѣшенїи въ аде душамъ непокаявшимся, а покаившиися душа всегда въ утѣшенїи сущи. А тебѣ спрашиваемъ не о томъ, что утѣшеніе и ослабленіе мало душамъ въ адѣ бываетъ, но о томъ дай отвѣтъ: гдѣ писано, что покаившихся православныхъ душа въ адъ сводятъ?

Лаврентіи рече: Вамъ что о томъ мнѣтца, гдѣ душа покаив-

шихся, которая во многих грѣсѣхъ жившая? Мыж паки рѣхом ему: Не мнимъ, но право вѣруем і во истинну исповѣдуемъ, яко Богъ есть кающихся: самъ Господь о Іюде предатель своем рече: добро было Іюде, аще бы ся покаялся. Видиши ли? Аще бы ся Іюда покаялся, не бы во аде был и аще бы ся покаявшихся грѣшныхъ душа во адъ бы сходили, не бы Господь Іюде рѣклъ: добро было Іюде; во адѣ коему быти добру? И паки Господь пророкомъ глагола: помянутца Богу вся согрешенія его, вонъже день аще обратится ко мнѣ. Лаврентіи рече: Никако нельзя челоувѣку, не исполня епитемии, внити в рай. Мыж рѣхомъ ему: Страдание Господня исполнение епитемии кающимся душамъ грѣшнымъ, понеже покаянна омовение есть греха, еже по крещеніи кающимся душамъ во исходехъ своихъ, еже от телеси; имже совершенное очищения тѣло и кровъ христова; да что много и многословити намъ о томъ? Скажи намъ о разбойницѣ, иже при страсти господни распятому: праведнымъ или грѣшнымъ его нарицаеши, егда бысть в жизни своей? Лаврентіи рече: Яве есть, яко злодѣй той был. Мыж ему рѣхомъ: Да гдѣ душа взята его по исповѣданіи, во аде или в раю? Лаврентіи, о томъ не мало помывлив, рече: А то нынѣ дошел ты меня, а потомъ и я тебя дойду. Мыж к нему рѣхомъ: Доходи, а мы от тебя не бежимъ, гонити хотимъ; а которое слово правдою само себя изяснит, тому паче і вѣровати подобает.

В книжеж, у Лаврентія написанъ вопросъ: Како сие разумѣти имамъ о существѣ божіи? І в отвѣте написано: Оба существа свое имутъ: Сынъ рождениемъ, а Духъ Святой исхождениемъ.

И игуменъ Ілия спросилъ у Лаврентія: Для чево ты, Лаврентіе, во своемъ отвѣте нарицаеши: оба существа свое имутъ, Сынъ и Духъ Святой? И такъ по твоему будетъ во святей Троицѣ три существа?—И Лаврентіи тое рѣчи отпирался, а говорилъ: То де перевотчикъ написалъ, а у меня де было написано: оба существа свои имутъ, а не существа.

И мы о томъ рекли: Можетъ такъ быти, что во она мѣсто аз поставитъ перевотчикъ. И князю Івану Борисовичю молвили мы, что единымъ словцомъ азбучнымъ ересъ о божествѣ вводится, буде у Лаврентія написано: оба существа свое имутъ—ино добро такъ; а будетъ написано: оба существа, ино противно

Божеству, потому что существо едино, а существа не едино знаменует многа, толко мы языка полского не разумѣем и для того мы остерегамся, чтобы нам прямо с переводчикова писма поставит, а переводчик остерегайся, чтобы он прямо съ языка на язык перевел. И государевъ боярин князь Иван Борисович да думной дьяк Федор Лихачев тетрадку Лаврентьева переводу взяв, посмотрели і видели, что написано: оба существа, а не существо. И Лаврентий о том клятвами клялся, что он не писывал: оба существа, но существо писал.

Да мыж молвили Лаврентію, что надобно въ божественныхъ титлах писания тонкостию ума разсматривати, чтобы вмѣсто лица не написат образа і вмѣсто образа лица, потому что лица в Троицѣ три, а образ един и сего ради имя лице свойство во Троицѣ являет, а образ существо едино в Троицѣ.

И Лаврентіи молвил: Есть разнь между лица и существа. И потомъ Лаврентіи от грамотики почел говорити олфографіею: Есть де иная разнь в писменах между образа и образов, инде де надобно оник маленькоі, а инде де болшой. И мы ему отказали: Та, Лаврентіе, дѣцкая рѣчь учащихся буквам, что писменами разумѣти единство и множество, а мы ныне не о такомъ дѣле упраздняемся. И Лаврентіи к тому ничтож отвѣщал.

В Лаврентьевѣж книге написано: Мочно де человекъ крестити і не во освещеней водѣ.

Игуменъ Илія сказал ему: У нас де про такое дѣло в божественныхъ правилех не обрѣтается, что не во освященной водѣ крестит человекъ и по милости божиі вездѣ в рустей землѣ крещают освященною водою; о том нечво для и бесѣды простирати и новый обычей вводить: мы не приемлемъ.

Лаврентіи рече: У вас де грѣческихъ правилъ нѣтъ. Мыж рѣхом ему: Всѣхъ греческихъ старыхъ переводовъ добрыхъ правила у нас есть, а новыхъ переводовъ греческаго языка і всякихъ книгъ не приемлем, потому что Греки ныне живут в теснотахъ великихъ между невѣрными и по своихъ воляхъ печатати имъ книгъ своихъ не умѣт, и для того вводятъ иныя вѣры в переводы греческаго языка, что хотят; и намъ такихъ новыхъ переводовъ греческаго языка не надобны, хотя что и есть в нихъ от новаго обычая напечатано и мы тотъ новый ввод

не приемлемъ. И Лаврентіі рече: То де и мы новых переводов книгъ греческаго языка не приемлем же: искажены де по странамъ.

Да у Лаврентеяж в книгѣ, как убогая жена в сокровищное хранилище ввергла двѣ лѣптѣ: ино у него вмѣсто двухъ лѣптей написано два хлѣба. Да у негож в книгѣ, как Господь Богъ явися Моисею в купинѣ, и у него написано во пнѣ, гдѣ рещи: в купинѣ.

И как игумен Илья спросил у Лаврентія про тѣ имена: для чего он их переменял, а написал за лѣпти хлѣбы, а за купину пень? И Лаврентіі, розсмеявся, молвил: Я де купину купиною пишу, а не пнем, а лепти лѣптами, а не хлѣбами; вы де вѣдаете, что купина.

И мы ему рекли: Вѣдаем сербским языкомъ купина, а по рускїи кустъ. И потом учал говорить, чтобы де я толко вѣдал, и я бы де свою книгу подал всю на словенскомъ языке государю святейшему патриарху, а то де много перевотчикъ не так поставил.

И потом игумен Илья, востав с книгою, и реклъ ему: Да уж то де ты, Лаврентіе, и не кручинся: для того тѣ статьи тебѣ и объявлены, которые были в твои книгѣ не прямо написаны, и тѣ всѣ статьи государь святейшии кир Филарет, патриархъ московскїи і всеа Русїи, самъ исправил и, исправя, нам велѣл напечатати и, напечатав, тебѣ отдати. И говоря ту рѣчь, книгу ему отдал. И Лаврентій книгу взял чесно и целовалъ любезно и говорилъ: Спаси Богъ государя святейшего Филарета, патриарха московскаго і всеа Русїи, что он, великїи государь, наше прошение исполнил.

И потом, обычными поклоненїи совершив бесѣду, разошся.

На завтрьеж Февраля въ 19 денъ велѣл государь святейшии кир Филарет, патриархъ московскїи і всеа Русїи, игумену Илие да Гришке от книжные sprawy быти у протопопа Лаврентія на подворьѣ и говорити с нимъ о тойж книгѣ Бесѣдословіи.

Как мы к нему приѣхали и первие спросил нас: Как вы называете и что именуете вѣру свою? І мы ему отвѣщали: Вѣру нарицаемъ христову, преданную намъ святыми апостолами его и утверженную святыми отцы, иже на седми святыхъ все-

ленских соборех сошедшихся. Протопоп рече: Ино то стала вѣра Христова; как же ты ее назовеш от своего лица? егда кто тя спросит: что твоя вѣра? и ты ему как ея наречешь? Мыж отвѣщаемъ ему сице: Отвѣщаемъ: вѣра есть о Бозѣ несумнѣнное вѣданіе и исповѣданіе о немъ безстрастное. Протопоп, подумавъ много, рѣклъ: Что есть безстрастное исповѣданіе, невѣдою: страсти именуемыя есть похоти. Мыж отвѣщаемъ ему: Не о похотѣхъ тутъ слово, но о безстрастїи, смѣръчъ безъ страха исповѣдати Бога, не боятисъ судей страшныхъ, ни мучителей лютои, ни мукъ всякихъ прещенїа, но всяко со дерзновенїемъ многимъ исповѣдати того, яко вси мученицы святїи. Протопоп рече: Прямо такъ добро.

Потомъ спросили мы у протопопа: Лаврентїе! такли ты исповѣдаеши, что Отецъ начало всему божеству, смѣ рѣчь Сыну и Духу Святому? Лаврентїи рече: Такъ я исповѣдаю: Отецъ есть начало всему божеству. Мыж рѣхомъ ему: Отецъ ни отъ когожъ? Лаврентїи тожъ рече: Отецъ ни отъ кого же. Мы паки рѣхомъ: Ни самъ отъ себе? Лаврентїи тожъ по насъ рече: Ни самъ отъ себе. Мы паки рѣхомъ къ нему: Тожъ і во Ивановѣ книзѣ Домаскина глаголетъ во всѣмъ ево словѣ: Отецъ ни отъ когожъ начало иматъ, ни самъ отъ себе; а в твоей книзѣ в отвѣтѣ твоѣмъ писано есть: Отецъ самъ отъ себе и бытіе свое и божество отъ себе же иматъ. Аще самъ отъ себе Отецъ, ино будетъ пачало себѣ; да тойжъ Отецъ паки будетъ другое начало Сыну и Духу Святому; и такъ будетъ два начала в божествѣ: первое начало Отецъ самъ отъ себе, другое Сыну и Духу Святому. И протопоп рече: Тутъ де я виноватъ есть, проступилъ: прямо де Отецъ ни отъ когожъ начало иматъ.

У протопопажъ Лаврентїа написанъ вопросъ: Первіе ли Отецъ бысть и паки Сынъ и Духъ Святой? І во отвѣтѣ писано: Единымъ часомъ прежде вѣкъ бысть три лица. И мы ему рекли: Аще единемъ часомъ прежде вѣкъ три лица, то во временехъ начало Святѣй Троицѣ глаголеши быти, понежъ прежде вѣкъ чesy являеши. Внемли себѣ право о семъ, яко Троице есть безначалное естество и существо, а еже прежъ вѣкъ божественная писанїа намъ не являетъ никакихъ временъ, ни лѣтъ, ни дней, ни ношей, ни часовъ: ты же в какомъ во единемъ часѣ прежде вѣкъ три лица быти глаголешъ? Протопопъ Лаврентїи

рече: Вижу, честнѣйшій отче, что мнѣ спроставалосѧ, і вы Бога ради простите. Да у Лаврентіяж в книгѣ о божествѣ написано так: Отець Сына роди, какъ рождает орел орла и сокол сокола. И мы ему о том говорили, что тот приклад худ и к божеству зело нелѣпотен. И Лаврентіи рече: Худа нѣтъ: не дѣло к дѣлу приложено, но естество къ естеству. И мы ему рекли: А то то и худо, что естество къ естеству прилагаеши, а не по подобію его. Протопоп рече: Да како и какво по подобію? Мыж паки рѣхомъ ему: Подобія убо божию естеству нѣсть в человѣцѣ, а вмещения ради разумнаго нам есть прилагаема во святых писаниих от солнца, луна, отъ огня светъ и прочая таковых, а птицы орла и сокола для того нелѣпо есть прилогати тут къ рождению Сына, еже от Отца, понеж сокол и орел супружество имут и птица лѣпое похотѣніе имут, яйца рожденные имут, на нихже многое время самка сѣдит и болит, и потом яйцо плод выколупит или болтуномъ изчезнет, и сего ради к божественному естеству от сих ничтож прилагаемо: неизреченно бо есть.

У Лаврентіяж протопопа в книгѣ ево написанъ вопросъ: Како едино лице от другаго разделимо бывает? В отвѣте написано, что Отець Сыну и Духу Святому даде или приобщилъ им все то, елико в себѣ имать. И мы ему учили говорити: Сие слово пристойтъ, идежъ бываетъ бесѣда о смотреніи вочеловѣчения слово божія, еже даде или приобщилъ челоуѣческому естеству, а не естеству божества Святыя единосущныя Троица. Лаврентіи рече: Да вѣдаете, яко Отець есть начало всему божеству и что иматъ Отецъ, тож и Сыну і Духу Святому даде имѣти и приобщаетъ их во всемъ, что иматъ Отець.

И потомъ учили мы ему говорити: Зело, Лаврентіе, смѣло дерзаеши многоглаголати о божествѣ Святыя Троица; или мнишися паче богословцовъ древнихъ достигнути глубину крайнего богословія? Лаврентіи рече: Да кая вина, что иматъ Отець, то все даде Сыну і Духу Святому и приобщаетъ их во всемъ, еже иматъ самъ? Мыж паки ему рѣхомъ: Слыши Лаврентіе: сказоваешися христианинъ и мы християне есмы и по сему нарицанию нашему и твоему о божествѣ Святыя Троица и о вочеловѣченіи Присносущнаго Слова прѣнюю быти нелѣпо есть; аще ли ж пренію быти в насъ, то ужъ нѣкая разнь

имать быти в нас и требует исправления. Лаврентіи рече: Ей християнин есть (sic!) вѣры греческия, яко ж і вы, а не иные никоторыя; а что глаголю Отець Сыну і Духу Святому даде или приобщил им все то, елико имат, и мнѣ видится то не вина, потому что имат Отець сему приобщает и Сына и Духа Святаго. Мыж рѣхом: Не приобщает, ни дает, но все купно имат Святыя безначалныя и живоначалныя Троица: едино бо царство і власть и господство, едино хотѣние, и сила, і владычество. Лаврентіи рече: Да как тог дѣйства не описати, чѣм разделяется едино божество в три лица и который состав от коего что имат и како имат? Мы рѣхом: Много о том правовѣрніи богословцы не писали и нам паче искати не подобает. Протопопъ рече: Да как не объявит ипостаси Святыя Троица? Мы паки рѣхом: Являем то, что правовѣрніи богословцы нам явиша, еже от Отца Сынъ и Духъ Святыи яко ото источника двѣ реки исходяща, или яко от корене богорастныя цвѣты. Лаврентіи рече: Так то и я помню; толко то приложено умнаго ради выразумения, а не троичнаго существа явление. Мыж рѣхом: І все приложения, а не существа явление, обаче приложение приложения ближайши к разумѣнию нашему бывает и яснѣйши на вмещение подывает, яко писание являет три составы, три лица, три имена. Протопопъ рече: Да како имате ипостасная свойства? Мыж паки рѣхом: Разумѣти имамъ ипостасная свойства: нерождение, рождение и изхождение: Отцу убо нерождение; а Сыну рождение, Духу Святому изхождение. Протопопъ рече: Чтож имат Отець и что Сынъ и что Духъ Святыи? Мыж паки рѣхом: А то имат Отець нерождение, а Сынъ рождение, Духъ Святыи изхождение. Протопопъ рече: Да како иног ничегож имут? Мы паки рѣхом: А ино что имут, то все обще имут: волю, и хотение, и силу, и славу, и престол, и седение, и честь, и поклонение, і всякое хваление: все суть обще Святая Троица. Протопопъ Лаврентіи, наживнов главою, и ничтож къ тому вѣща.

У Лаврентеяж в книге вопрос: Судъ божи кол краты бысть? во ответе написано: Четверократен есть божи судъ.

Мы убо рѣхом ему: Какіе четыре суды божиа возвѣщаеши? Святаяж писания вѣщают намъ два пришествія христова на землю, а един судъ страшный, егда во второе и страш-

ное пришествие свое воздасть комуждо по дѣлом его. Протопоп рече: А то Содому и Гомору судил есть Богъ. Мыж рѣхом: Не судил, но судити имат, понеж рече Господь к Моисею, яко вопль содомскій и гоморскій умножися ко мнѣ и греси их велицы зело, сошед убо, да вижу. А не рече: да сужу, рекша, смирю. Протопоп рече: А егда душа от тѣла разлучится, не суд ли ей отъ Бога изыдет, гдѣ ей быти повелит? Мыж рѣхом: Прямо ты глаголеши, гдѣ ей быти повелит, и сие есть повеление, а не суд: суд бо един всѣмъ общъ будет, о немже вещаетъ Матфеи: егда придетъ Сынъ человѣчскій во славе своей і вси святіи и ангели с ним, тогда сядетъ на престоле славы своея и прочая. И Лаврентіи о томъ рекль: Мнѣ де такъ спростовалося, і вы де Бога ради простите.

И потомъ Лаврентіи рече: Како де вы разумѣете о младенцахъ, которые родятся отъ вѣрныхъ человѣкъ: что они нарекутся? вѣрники сутъ или невѣрники?

Мыж рехомъ ему: Отъ вѣрныхъ родителей вѣрники сутъ младенцы, а не отъ вѣрныхъ родителей не сутъ вѣрники. Лаврентіи рече: Да како вы нарицаете вѣрна быти младенца некрещенова? не смущаетеся: понеж не крестится, не иматъ вѣренъ быти. Мы паки рѣхомъ: Прямо глаголемъ, а не смущаемся: по естеству бо младенецъ и до крещенія вѣренъ есть, отъ вѣрныхъ родителей родившійся, а отъ невѣрныхъ родителей невѣренъ есть. Лаврентіи, повертевъ головою, рече: Никако не возможно быти вѣрну младенцу некрещену, аще и отъ вѣрныхъ родителей родившійся. Мыж къ нему паки рѣхомъ: Вѣмы, яко реченно есть: аще не родится кто водою и духомъ не внидетъ во царство небесное; сего ради крещеніе человѣку именуемо есть второе рожденіе; аще и родится, а не крестится, неуродившійся родится, понеж аще не крещенъ и родившійся ничтожъ сый: роди бо ся въ небытія, а не въ бытія. Некрещенныи бо, аще і веренъ, но не сый въ лицѣ святыхъ; егдажъ крестится, тогда въ лицѣ святыхъ причисловается; сего ради богословъ Григоріи три роженія намъ рекль: первое, ежъ отъ плоти, плотское роженіе; и паки второе купелию духовною, и паки обоимъ, ежъ есть духу и плоти нерозтлеваемое совокупленіе, общее всѣмъ воскресеніе. Лаврентіи рече: Ино богословъ первое роженіе отъ плоти рекъ, а вѣрна младенца до крещенія не нарицаетъ. Мы

рѣхомъ: Наричалъ бы богословъ, аще бы слово о томъ настояло: не прися много і не буди сопротивен дѣломъ своимъ. Лаврентіи рече: Коимъ дѣломъ своимъ противлюся азъ? Мы рѣхомъ: Симъ дѣломъ своимъ противишися. Егда родится младенецъ и первіе пришедъ иереи, і входъ его молитвою освятитъ; ты сие дѣйствуеши: ты еси иереи. И паки именованіе его отъ святыхъ избранныхъ божіихъ дастся и знаменіемъ живоноснаго креста оградится; невѣрныхъ жъ младенецъ отъ всего сего удаляютъ родители ихъ. Лаврентіи рече: Да сынъ божій не наречется, аще не крестится: како можетъ вѣренъ быти младенецъ не крещеный, аще и отъ вѣрныхъ родителей будетъ? Мыжъ паки рѣхомъ ему: Въмъ, яко всыновленіе божіе купелию рождается всякъ человекъ, а сынъ вѣрный и до купели нарещися можетъ: мнози бо вѣрніи родители постятся и молятся чадородія своего ради і вѣрою прошеніе свое получитьі сподобляются, и сего ради сынъ вѣры можетъ нарещися вѣрныхъ ради родителей своихъ, или по прозрѣнію божію, яко же къ Еремію рече Господь: прежде, неже изыдеши отъ матере своея, освятихъ тя и пророка во языки дахъ тя. Видишили: Прежде изшествія отъ матере своея младенца не точию вѣрна, но и свята сотвори Богъ. Предтеча убо Иоанъ, и той, во утробѣ матерни възыгравъ, поклонися Христу; тажъ и многъ во святыхъ обретаемъ, иже во утробахъ матернихъ освящени суть. Лаврентіи рече: Да то вы о святыхъ глаголете: ихже суть святи родители, свята и чада ихъ. Мы паки рѣхомъ ему. О святыхъ и о вѣрныхъ глаголемъ и о невѣрныхъ. Помни и ты свое слово, еже реклъ еси: ихже суть святи родители, свята и чада ихъ; тожъ и о вѣрныхъ рцы: вѣрни суть родители, вѣрна и чада ихъ. Да чтоже і многословити намъ о томъ? Егда убо два родятся младенца во единое время отъ вѣрна родителя суща и отъ невѣрна другое: како о нихъ судиши: равнили оба или единъ другаго лучши нѣчимъ есть? Лаврентіи рече: Вѣдомо то і всѣмъ, что вѣрныи младенецъ лучши, а отъ невѣрнова чеву ждати? Мы паки рѣхомъ: Се и ты вѣрново младенца вѣрнымъ нарицаеші, а невѣрнаго невѣрнымъ: почто с нами пришися? Лаврентіи потомъ ни что глагола къ намъ о томъ.

Потомъ рѣхомъ ему: Что, Лаврентіе, въ твоей книгѣ о божествѣ и о существѣ его писано вопросы и отвѣты дерзосно

зело и смѣло? А егда о челоуѣце вопрос: Что есть челоуѣкъ? Тогда глаголеши во отвѣте: Непостижна сия вѣщь. Ино тако будет уничижено божество пред челоуѣчеством. Лаврентіі рече: И что мнѣ спроставалос; простите, Бога ради. Мы паки рѣхом: Иную ты притчу о челоуѣце реклъ, душу и плот, как орел со свиньею связаны. Ино в наших обычаех греческих книгъ таковыя бесѣды о челоуѣце не ведутся; а мнит ся нам: тѣ простыя прилоги иманы из книги Езопа, франского мудреца, басносллагателя. Лавренти рече: Знаю я езопову книгу и читал, толко то не из езоповы книги. Мы рѣхом: Ино изыной коей, тоиж подобной.

И потом того дни разыдохомся. На утрѣиж двадесятого дни паки к нему приидохомъ. Рече Лаврентіе: Много понудихся и книгу едва не всю проидохъ: зело добра и мудра, а иное, мнит ми ся, кабы не всѣ с моего переводу писано, кабы иное переступлено. Мыж рѣхом ему: Переступили, что нам велѣл государь святейшиі кир Филарет, патриархъ московскіі і всеа Русіі, что было у тебя в книге написано о крузех небесных и о планитах, и о зодіях, и о затмѣніи солнца, о грое и о молніи, и о тресновеніи, и о шибеніи, и о перунѣ, о комитах и о прочих звездах, потому что тѣ статьи из книги острологіи, а та книга острология взята от волхвов елленских и от идолослужителей, ино туту в книгѣ к нашему правовѣрью несходна. Лаврентіі рече: Чесо ради несходна? Я звѣздъ не писал, ни кола, ни счастья, ни рожения челоуѣческаго, ни по звездам правления житію нашему: толко яз написал вѣдомости ради, чтобы челоуѣкъ вѣдал, яко то есть твар божія, а то и мы о том не мудръствуемъ, чтобы звездам правитися житію нашему. Мыж ему рѣхом: Да чесож ради ты, вѣдомости ради, писал, а из книги острологіи ложныя речи, имена звездам выбирал, а иные речи от своего умышления прилогал и не прямо объявлял? Лаврентіі рече: Что яз не прямо объявлял и ложныя рѣчи, имена звездам выбирал? Мыж рѣхом: А коя правда сказываеш: облака, надувшися сходятся и ударяются и от того бывает, яко от камени і желѣза, гром и огонь? и звѣзды называеш животными зверми, яж на тверди небесней? Лаврентіі рече: Да как по вашему писат о звездах? Мы паки рѣхом: Мы пишем і вѣруем, како Моисей написа: и сотвори Богъ двѣ светила ве-

ликія и звезды и постави их Богъ на тверди небесней, яко светити по земли і владеті днем и нощію, и розлучити между свѣтом и между нощію, а животными и зверями не рек Моисей. Лаврентіи рече: Да как светила шествия творят? Мыж рехом: По повеленію божию ангели служат, твар водаще. Писано бо есть во втором законіи: оних, рече Моисей, постави предѣлы языком по числу ангель божиих; тако и о твари тѣмъж ангелы служити повелѣ: ангели, рече, гром, ангели молніею, ангели дождей, ангели снѣгом, ангели мразом, ангели вѣтром и прочая. Лаврентіи рече: Волен Богъ да государь святейшии Филаретъ, патриархъ московскіи і всеа Руси; аз ему, государю, о томъ и бити челом приѣхал, чтобы мнѣ недоумение мое исправил, а то я и самъ вѣдою, что в книге моей и не дѣла много писано.

Да переменили мы в твоей книге реч: Отче наш, иже еси на небесех! да освятится имя твое. И так у тебя есть і во многих мѣстех книги твоя, а имя божиа не освящается, но освящает.

Лаврентіи рече: Будущего времени являет реч, как и прочая в молитве сей, прошения: да освятится, да придет, да будетъ. Мыж рѣхом: Рѣч толко желателнаг образа может и настоящего времени не отступити; аще бы не желателнаго образа была рѣч сия, то бы не прилагался к ней слог: добро да аз; было бы: освятится, придет, будет, а коли уж с предлогом рѣчь: да освятится, да придет, да будет; то являет желание и моление к дающему лицу, а простую рѣчь изъяснительную. Лаврентіи рече: По греческому языку так говорится, что освятится имя твое. Кто у вас умѣет по греческии? Мыж рѣхом ему: Умѣем по греческии столко, что не дадим ни у каковы рѣчи никакова слога ни убавити, ни приложити. Да есть у государя нашего царя і великого князя Михаила Федоровича всеа Русіи перевотчики греческого языка и грамоте умѣютъ и псалмы в церкви говорят, і они говорят: да святится, а не освятится, аги асѣито, а не: ина аги асѣито. Да что нам о том и многословити? Долго, уже тому осмое столѣт идет, как на руской языкъ греческая грамота переложена и часто на Руси бывають греческого языка вилосоубы, а не слыхано ни от ково, чтобы кто говорил: да освятится; да и

у вас во всей Полшѣ и Литвѣ которые словенскимъ языкомъ говорятъ, да святится имя твое: говорятъ, а не: освятится. Да у вас же много печатныхъ книгъ выходитъ и ни в которой друкарне не бывало: да освятится; вездѣ: да святится имя твое. Лаврентіи рече: Мнѣ то повиделоса, что то одна рѣчь: освятится, или: да святится; і в том я виноват.

Паки к нему рѣхом: В твоейж книгѣ было написано, в тойж молитве: Отче наш, сказываеш, что Господь Богъ рождением своимъ царь есть; но не до всѣми ниже во всѣхъ благодатию своею царства есть. Лаврентіи рече: Так глаголю, понеж злыми Богъ не царствует, но благими. Мыж к нему рѣхом: Ктож злыми царствует? Лаврентіи рече: Злобы начальник злыми царствует. Мы паки рѣхом: Злобе ли начальника творца твари нарицаеші? Лаврентіи рече: Не творца злоначальника глаголю быти, но царя, над злыми царствовавши. Мы паки рѣхом: Аще не творец, то ни царь есть, понеже и не царствует ничем; но точию злобе начальникъ, злобою точию царствует, а не тварью: зло бо не суть кое естество, ниж сотворено бѣ, но произволение токмо; а человекы сотворени сунт от Бога кромѣ злобы і всякия нечистоты, произволением же своимъ быша злы. Но царствует ими един Богъ, тойж и творец, иже и благими царствует. Глаголет бо еуглисть Матѳей во сто шестом на десятъ зачале еуглия своего: дастъ ми ся всяка власть на небеси и на земли; то уж всѣм и надо всѣми единъ есть царь Господь нашъ Иисусъ Христосъ. Аще не Господь злыми царствует, да кто ихъ привлечит от нечестія во благочестія, яко волхвы звездою, или яко Павла апостола от хулника во благовѣсника христова еуглия и прочая? Лаврентіи рече: Самовластиемъ человекъ обращается к добродѣтелямъ, якоже и злобамъ, имже почтенъ бысть исперва Адамъ от Бога. Мыж паки рѣхомъ ему: Прямо разумей, да и прочиі о тебѣ укрепляются, а не падаютъ же. Лаврентіи рече: Да какож? Или не тако есть? Мыж рѣхомъ: Прямо не такъ; но се такъ: падаетъ человекъ самовластиемъ, востаетъ жъ властію и исправлениемъ божіимъ. Зри о семъ, како Адамъ самовластиемъ падая, Господь же убо прииде възскати и обрѣт, якож овча на рамо взя, ко Отцу принесе и ко своему хотѣнью. Се възска Господь, се изправи; таж и о всей вселеней Давидъ гла-

голет: Господь воцарися, ибо исправи вселенную, яже не подвижится. Отчего исправи Господь вселенную всю? Не во идолство ли самовластием падшуюся? Отселе да навькнеши, яко царствуетъ всѣми Господь един: Ельлины, і Юдѣими, и бѣсами, и противными по словеси присвоения, рекше, исправления. Лаврентіи рече: Добро такъ. Яз рад покарятися, для тог сьуды и приѣхал, да лутчѣ навькну отъ вашег преподобия.

Паки рѣхом ему: Да мыже у тебя в книге переменили указ, что ты написал. Сказываеш: Мошно есть крестити во обстояніи бываемым: і диякону, и клирику, и иноку, и мирянину, аще гдѣ попа не будет. Лаврентіи рече: Писал яз таковыя рѣчи, понеж, аще гдѣ не прилучится священника, может крестити человекѣ диякон, и клирик, и инок, и мирскій человекѣ. Мы же к нему паки рѣхом: Тогда ли во обстояніи глаголеши, егда прилучится коему граду во осаде быти? Он же рече: То откуда тогдаимут священницы быти? входу і выходу не бывает тогда. Мыж паки рѣхом: Да кои град бывает ли таков, ідеж были дияконии клирики, а попа не было бы? Лаврентіи рече: Много тогобывает на земли. Мыж паки рѣхом: А егда гдѣ попа нѣтъ, а диякону и клирику како тут быти? И крещению какому тут быти? Понеж, аще попа не будет, ниже вѣрніи тут могут быти; а гдѣ вѣрных нѣтъ, ни крещения тут бывает во обстояніи и не во обстояніи: вѣрным бо без попа не точию креститися, но ни родитися, ни умрети лѣпо есть; сего ради не смущайся, ни смущай. Размысли себѣ, како мошно мирянину крестити іли иноку? миро святое и елей гдѣ возмет и како помажет і откуда тѣломъ христовым и честною ег кровию причастити крещающагося имат? Аще бо гдѣ попа нѣсть, то ни литоргия божественная будет: вся бо сия крещению послѣдуетъ. Лаврентіи рече: Яз то написал не собою; до меня написано есть в правилех Августина епископа да Никифора, патриарха Царяграда. Мыж ему паки рѣхом: Никифора, патриарха Царяграда, правила знаем, яже сут изложены о церковных счинениях двадесят и три иже с ним святых отецъ, а тово правила в них нѣтъ, о коем ты нам сказываеш; да быти не лѣзъ. А егда бы то было в никифоровых правилех, было бы то і во иных святых отецъ правилех. Лаврентіи рече: А яз сказываю, что и в августиновых пра-

вилехъ есть. Мы паки рѣхомъ: Августина мы знаемъ, а правилъ его и прочихъ списаней в греческихъ переводахъ нѣтъ, потому что писание его искажено от латынскихъ мудрецовъ на свои еретическіи обычаи. Лаврентіи рече: Да Августинъ православенъ былъ епископъ иппонскаго града и много писание его положено есть. Мы же рѣхомъ: Вѣмы Августаина, что онъ православенъ былъ и потомъ христовы вѣры отверглься и едва Амвросиемъ, медиаланскимъ епископомъ, паки направленъ бысть, потомъ же и до смерти своея Августинъ в покаянии житіе свое скончалъ, а уже писание и заповедей, и ученей и посланей никакихъ не писалъ, потому что таковымъ учить отцы не повелеваютъ. Лаврентіи рече: Прямо было такъ, что отступалъ Августинъ христіянскіе вѣры и паки направленъ бысть Амвросиемъ, епископомъ медиаланскимъ; толко есть ево словеса і в мелетіеве книгѣ, архіепископа Константина града. Паки мы ему рѣхомъ: Аще і в книгѣ мелетіеве есть словеса августинова, ино для того есть, что Мелетій ту книгу писалъ Латинномъ о исхожденіи Духа Святаго и опресноцехъ и о прочихъ латынскихъ обычаехъ, и тѣмъ Августиномъ обличалъ ихъ, потомъ что его нарицають себѣ учителя. И Мелетій, не прославляя учения августинова, писалъ; но латынскую ересь тѣмъ обличалъ; а у насъ его учения нѣсть, а хоть гдѣ и обрящется и мы не приемлемъ для того, что латынскаго обычаея учения его; есть у нихъ и другой толковникъ, Еронимъ зовомъ; такоже его писанія не приемлемъ, потому что многія книги греческія по латынскому обычаю исказили. Лаврентіи рече: Вѣдаемъ Иеронима, а писание его и мы не приемлемъ же.

Мыжъ рѣхомъ: Ты, Лаврентіе, сказаваешися вѣры греческія, и глаголатъ греческіи разумѣши, и книги греческія почитаеши: чесо ради правиломъ греческія вѣры не послѣдуеши? Лаврентіи рече: В каковомъ греческія вѣры правилѣ азъ не послѣдую? Мы паки рѣхомъ: Прилагаеши новой ввѣдъ в никифоровы правила, чевѣ в нихъ не бывало; а, мы мнимъ, тотъ ввѣдъ у тебя быти от латынскаго обычаея. Сказываеши, что простому человѣку или иному мошно есть младенца или каковаго человѣка крестити. Глаголетъ бо ся шестаго собора правило 59: Хотящимъ сподобитися божественнаго просвѣщенія къ соборнамъ церквамъ приходити повелеваемъ і в нихъ таковой даръ

пріимати; а еж в церквѣцах, в домѣхъ сущих, детей или кого крестити—сие правило отрицает. И паки тридесят девятое правило святыхъ апостолѣ глаголет: Нес достоіно презвитеру или дѣякону без повеленія епископа своего ни людей связовати, еже есть отлучати, или умножити, или умалити епетимію, сїи речъ запрещеніе, или ино что таковое творити, аще не будет дано им от епископа о том писаніе. Колми паче не подобает и крестити имѣ, а о простом иноке или о мирскомъ человекѣ что много и глаголати? Отнюд не имат сего быти, что мирянину или простому иноку крестити. Лаврентіи рече: Да есть в никифоровыхъ правилех. Мыж рѣхом: У нас в греческихъ переводахъ нѣтъ в никифоровыхъ правилех, не что будет у вас есть ново введено? и мы тѣхъ новыхъ вводовъ не приемлемъ. Лаврентіи рече: У вас греческихъ правилъ нѣтъ. Мыж рѣхом: Да откуда у нас правила есть? Лаврентіи рече: Да гдѣ у вас взялися греческія правила? Мыж паки рѣхом: Киприян, митрополит киевскїи і всеа Русїи, егда приде ис Константина града на рускую митрополию, и тогда с собою привезъ правильныя книги христіанскаго закона греческаго языка правила и перевелъ на словенскїи языкъ и божїею милостию пребывают и донныне без всякихъ смутовъ и прикладовъ новыхъ вводовъ; да многія книги греческаго языка есть у нас старыхъ переводовъ, а ныне к намъ которые книги входятъ печатныя греческагожъ языка и будетъ сойдутца с старыми переводами и мы ихъ приемлемъ и любимъ; а будетъ что в нихъ приложено ново и мы тѣхъ не приемлемъ, хотя они и греческимъ языкомъ тиснуты, потому что Греки живут ныне в великихъ теснотахъ в неверныхъ странахъ и печатати имъ по своему обычею невозможно. Лаврентіи рече: И мы новыхъ переводовъ греческаго языка книгъ не приемлемъ же; а то я почаялъ правда, что в никифоровыхъ правилехъ написано; а ныне слышу, что у васъ того нѣтъ, ино и азъ того не приемлю: простите меня, Бога ради. А азъ для того сюды и приѣхалъ, чтобы мнѣ от васъ здѣся лутчая наука прїяти, а вѣдою и самъ, что в моей книгѣ много было и не дѣла писано; того ради азъ и билъ челомъ православному государю и святѣйшему кирѣ Филарету, патриарху московскому і всеа Русїи. Потомъ паки рѣхомъ ему: Скажи намъ, Лаврентіе, что тебѣ еще с нами о сей книгѣ договорити? есть ли рѣчь тебѣ к намъ или нѣтъ?

Лаврентіі рече: Всегда рад яз с вами бесѣдовати и лутче избирати, а книгу яз государского жалованья всю проходил и прилѣжно потрудихся при вас и без вас, и много просвещения души моей обрѣте и дивлюся великой премудрости православнаго государя святейшего кир Филарета, патрарха московского і всеа Руси: каков разум, каков смыслъ, какову великую Богом дарованную премудрость имат в себѣ! как онъ, государь, тол великую книгу в невеликое время учинил! Во истинну Богъ дѣйствует в немъ. І взяв книгу к персем своим прикладывалъ я, руками обнимал и любезно всюду ея целовал.

И потом прощение друг другу со игуменом Илиею давше, и разыдошася с миромъ.

СКАЗКА ОБЪ УРУСЛАНЪ ЗАЛАЗАРЕВИЧЪ.¹⁾

Сказаніе о некоемъ славномъ богатыре Уруслане Залазаревиче.

Бысть некіи царь Киркоус Киркоданович да у него бысть дядя князь Залазар Залазаревичъ, а у князя Залазара бысть сынъ Урусланъ Залазаревич. И какъ будетъ Урусланъ десети лѣтъ, выдетъ на улицу: і ково возметъ за руку, и у тово руку

¹⁾ Рукопись, по которой напечатана предлагаемая сказка объ Урусланѣ Залазаревичѣ, сообщена намъ извѣстнымъ знатокомъ нашей древней письменности и собирателемъ ея памятниковъ В. М. Ундольскимъ. Она значится въ его библіотекѣ подъ № 930 и составляла прежде часть большаго сборника повѣстей, изъ котораго въ библіотекѣ г. Ундольскаго находятся двѣ повѣсти о царѣ Михаилѣ. Троицкая исторія и др. Весь сборникъ принадлежалъ некогда Каріону Истомину, какъ видно изъ слѣдующей приписки на оборотъ послѣдняго листа Сказанія объ Урусланѣ: *Сия книга, глаголемая собрание исторіевъ вознесенскаго дѣвеча монастыря монахини Любви Степановой, которую подарилъ Чюдова монастыря монахъ іерей Каріонъ Истоминъ.* Немногія рукописи XVII вѣка сохранили намъ въ такой свѣжести полноту эпического разсказа и чистоту народнаго языка, какъ тексты Истоминскаго сборника.

вырвет; а ково возметь за ногу, тому ногу выломит. И пришли ко царю Киркоусу на двор князи, и бояре, и гости силные бити челомъ на князя Залазаря и сына ег Уруслана. И пришел дядя княз Залазар Залазоревичъ передъ царя Киркоуса и царь Киркоусъ промолвилъ дяде своему, князю Залазарю: О дядя, княз Залазар! почто на твоег сына князи, и бояре, и гости силные мнѣ бьютъ челомъ и говорятъ такъ: Любо де в царстве нас держи или Уруслана держи, а намъ и дѣтемъ нашимъ от уруслановы обиды прожит не мочно. Роспустит мнѣ князей, и бояр, і гостей: ино царство пусто будет; а выслат Уруслана вон из царства, ино царю жал Уруслана и отца ево, князя Залазаря, а своего дядю, прогневит. А вельѣзь царь князю Залазарю скоро к себѣ быт, и княз Залазар тот часъ ко царю Киркоусу пришол и ударил ему челомъ ниско. И царь Киркоус Киркодановичъ учал говорит дяде своему, князю Залазарю: Приходят ко мнѣ князи, и бояре, и гости силные всего моего царства и бьют мнѣ челомъ на сына твоег на Уруслана: играет де негораздо съ их детми; ково де ухватить за руку, у тог руку вырветъ, а ково ухватит за ногу, тому ногу выломит; и тѣ мнѣ князи, и бояре, и гости силные говорятъ такъ: Любо де в царстве нас держи или Уруслана держи, а намъ и дѣтемъ нашимъ от уруслановы обиды прожит немочно у тебя в царстве. Ино, дядюшка княз Залазар, не пригоже для одново человека роспустит царство; и ты, дядюшка княз Залазар, помысли о своей да и о моей голове, какъ бы прожити в царстве своемъ было мочно. И княз Залазар закручинился и домой пришол добре невесел. І вышел встречати противъ ег сынъ ево Урусланъ и говорит так: Батюшка, государь княз Залазар! доселева ты, государь, от царя прихаживал весел и радостень, а ныне домой пришол еси не въсель; нечто не по тебѣ, государь, у царя честь была? али не по тебѣ царь слово молвил? али, государь, идет рат на великог царя Киркоуса? И будет толко, государь, не по тебѣ у царя честь была, или будет царь не по тебѣ слово молвил: и ты, государь, повеселися со мною и своими дворяны; а будет, государь, на царя Киркоуса и на тебя, отца моего, рат идет: и ты, государь, о томъ не кручинся: тѣмъ могу яз царю и тобѣ, отцу своему, послужити. И княз Залазар молвил сыну

своему: Веселитися мнѣ о томъ не о чемъ; людемъ Богъ даетъ дѣти при животѣ потеха, а после живота поминокъ, а ты, сынъ, мнѣ при животѣ не потѣха, лице еси мнѣ великая кручина, а после живота своег мнѣ от тебя и по готову поминка не будет. Били на тебя челомъ царю Киркоусу князи, и бояре, и гости сильные, і все царство ег: играешъ де съ их детми, не гораздо шүтишъ: ково за руку ухватишъ, и ты руку вырвешъ; а ково де за ногу ухватишъ, и ты ногу выломишъ; и за то тебя царь велѣл вон выслати из царства. И Уруслан молвил такъ: О томъ, государь батюшка, ни о чем не тужи; об одномъ я тужу, что у меня по моей мысли коня нѣтъ. А как Урусланъ будет двунатцети лѣтъ, ино никаковъ кон подняти ег не может. И молвил Урусланъ Залазорович отцу своему, князю Залазарю: О том, государь батюшка, ни о чемъ не тужи; кол государь меня царь из царства велит вонъ выбити, а к себѣ меня в службу не примет, и ты, государь батюшка, княз Залазар, вели поставити полату каменную блиско моря на высокомъ мѣсте да вели мнѣ внести в полату седло да узду тесмянную да саблю булатную, и яз, государь, в полате одинъ учну жит, а выное, государь, время яз царю Киркоусу пригожуся: учнет меня царь и самъ в службу приимати, и тогда яз не похочю. Ино княз Залазар учинился тому слову рад добре, что сынъ ево Уруслан из царства киркоусова хочеть вон выѣхат и тот час княз Залазар послал мастеров каменщиковъ и велѣл тот час поставити каменную полату. И мастера часа тог словомъ да дѣломъ великою силою Уруслану Залазоровичю поставили каменную полату. И тот часъ княз Залазар отпускает сына своего Уруслана і велѣл ево проводит х каменной полате. И какъ Уруслана проводили, и Урусланъ всѣхъ тѣх отпустилъ, которые ег провожали х каменной полате, а у себя Урусланъ не оставил ни единого челоуѣка, остался одинъ в каменной полате, а с собою оставил единог челоуѣка и велѣл себѣ в полату внести седло да узду да саблю. И учал Урусланъ ис полаты гуляти по лукоморю и по тихим по заводамъ учал стреляти в гуси и в лебеди, тем ся учал кормитца. И учнет Уруслан тянути лукъ, как орда заочаетца, а стрелит, ино какъ ис тучи сильной громъ грянетъ, а по чему стрелить, того не грешит. И нае-

хал Уруслан на поле дорогу добре пробита, и учал Урусланъ стеречи, какая то дорога добре пробита, какие люди тою дорогою ездилн. Ажно ис поля к Уруслану едет человекъ: кон под нимъ сив, тегиллй зелен и какъ не добхав до Уруслана и до ег каменной полаты, и с коня сшол долой, а самъ, пришотчи, Уруслану ударил челомъ ниско, а промолвил так: Дай де Богъ здравие государю нашему, Уруслану Залазоревичу! И Уруслан молвит: Почему ты меня, брате, знаеш, что зовешъ меня, брате, имянем? какой еси человекъ? А яз тебя не знаю. И человекъ молвит такъ: Какъ де мнѣ тебя, государя своег, не знати? Яз де, господине, отца твоего, князя Залазаря, сторож, старой конюх, сивой кон, алые тебенки, сыдавной саадак, крепкой лукъ, гораздой стрелец, в полку богатыр; а стерегу де, господине, отца твоег стада тритцет лѣтъ; а на всякой год приѣзжаю к отцу твоему, по однова на год, челомъ ударити. И Урусланъ промолвилъ: Какъ де тебя, брате, имянемъ зовут? Зовут де, государь, меня Ивашкомъ. И Урусланъ молвит такъ: Брате Ивашко! много де на меня бѣд бывало, а такова де на меня беда не бывала: царь меня Киркоус избесчестил; в службу меня к себѣ не принял, а отецъ меня, княз Залазар, по государеву слову вон выслалъ из царства. И я о томъ ни о чем не тужу, а об одномъ тужу, что нѣтъ у меня по моей мысли коня и не могу нигде такова коня добыт, которой бы кон меня поднял. А отецъ мой, княз Залазар, розсылал по многимъ городамъ и по розным дальным землямъ, а нигде не мог добыт такова коня. Ивашко, старой конюх, молвил: Господине Урусланъ Залазоревич! есть, господине, в отцове стаде жеребец третьимъ лѣтомъ, а тот жеребецъ еще молод, а ни у какова ещо человекка в руках он не бывал, а тебѣ он, чаю, по мысли будет. И Урусланъ молвил: Брате Ивашко, старой конюх! будет у тебя в стаде есть такой жеребецъ, и ты его мнѣ достави, а яз покамѣста живѣ, и я тебѣ другъ буду. А Ивашко, старой конюх, молвил: Господине Урусланъ Залазоревич! яз отца твоего, князя Залазаря, добра к себѣ не забыл; а отецъ твой меня пожаловал, и яз ныне и тобѣ послужу: доставлю яз тобѣ того жеребца. Натрияж, Богъ дастъ, и я тебе все стадо пригоню: и будет тот жеребецъ возможешъ самъ поймати и ты ег поймай, а бу-

дет он по твоей мысли; а будет, господине, тог жеребца поймати не можешь самъ, ино тебѣ тог жеребца не видат, поймат его нѣкому: ещо он ни у какова человекѣ в руках не бывал. И Урусланъ молвилъ: Брате Ивашко, старой конюх! велит ли Богъ на конѣ ездит: и которог ты мнѣ жеребца сказывает, и у меня тот жеребець будет; а будет мое согрешение пред Богомъ будет велико, а тог жеребца аз достати не могу и в том божия воля, уж мнѣ Богъ не велѣлъ на конѣ ездить. И Ивашко, старой конюх, молвит: Сидиж, государь Урусланъ, во своей каменной полате, да смотри в поле в великой лугъ: какъ к воде стадо погоню и какъ за передстрел перед стадом побежить наперед к воде жеребець кар, и ты стани на дороге блиско воды да тово стереги, какъ жеребець, пив воду, да воротитца от воды назад и тебе ево тут ухватит; а не ухватишь тут, какъ жеребець от воды назад пойдет, и тебѣ ево не видат. И Урусланъ слову тому добре рад учинился, что ему старой конюх Ивашко хочет жеребца пригнат. И учал Урусланъ в своей каменной полате сидет, и учал смотрит на большой лугъ на поле: и сонъ его неймет, и стреляти не пошел. И как будет о туж пору на завтра, ажно в поле учинился великой стукъ необычной и копатъ встала великая; и посмотрит Уруслан на великой лух: ажно ис поля старой конюхъ стадо гонит, а наперед перед стадомъ бежить жеребець великъ добре. И Урусланъ взял узду тесмяную, окована златомъ, удила булатные и пошел ис полаты да стад на берегу, куда жеребець пробежал и как жеребець, пивъ вод, да воротился назад, и Урусланъ ухватил жеребца за шею да ударил по бедрамъ, и жеребець пал на окарачки. И Уруслан молвит: Дурная де ты кляча, кому на тебѣ ездити, аж не намъ богатыремъ? И положил Урусланъ на жеребца узду тесмяную и повел ево х каменной своей полате, а жеребець величеством мало не с полатаю равен. И удачи Урусланъ жеребцу не вѣдает, и дал Урусланъ жеребцу имя доброй конь, вещей Арашъ; и емлет Уруслан седло черкасское и положил на своег доброго коня, вещега Араша, и подруги подтянул по своему обычею, поехалъ Урусланъ на своемъ вещемъ Араше потешатися в чистое поле. И наехал Урусланъ в поле рат велику добре и учал Урусланъ отвѣдыват своег доброго коня надежнаго, вѣ-

щего Араша, и хочет отвечат плеча своег богатырского и самъ учалъ рад быть. И учал себѣ Урусланъ думати, что рат добре велика, и самъ не вѣдает, какие люди в рати той і напустив Уруслан на великую рат, немного думавъ никоторыми думы. И какъ приезжает к рати блиско, ажно из рати к нему богатыр с копьем скачет, а не чаючи, что к Уруслану скачют. И Уруслан опознал, что та рат великог царя Киркоуса Киркодановича, а которой богатыр прискакал к нему с копьемъ, и то Уруслану отецъ его Залазар. И Урусланъ отца своег опознал и с коня своег Уруслан сщол долой и пришотчи, ударил челомъ отцу, князю Залазарю. И как княз Залазар сына своег увидел и опознал ег, также с коня долой сщол. И Уруслан учал говорити князю Залазарю: Что, господине батюшка, в сей рати делаешь? И княз Залазар молвит сыну своему: Та рат Киркоуса царя, а мы вышли на бой против Данила князя Бѣлово, а тот княз Данило Бѣлой пришел с ратью, похвалися, на царя Киркоуса да на нас, богатырей его, а говорит такъ: Царя де Киркоуса в полонъ возму и 12 богатырей ег, а царство ег поплению, а злато и сребро на вьюки поемлю, а кони де борзые стада погоню. И Уруслан молвил: О том, государь батюшка, не кручиня: тѣмъ могу царю Киркоусу и тебѣ отцу послужити, рат княз данилову побью, а самово княз Данила живово ко царю приведу. И княз Залазар молвил: Сынъ еси Уруслан! ещо еси молодец молод, ратного дѣла тебѣ не в обычеи. И Уруслан молвит: Батюшка государь! не учи ты гоголя по воде плавати, такъ не учи ты нас богатырей ездити на ратные дѣла, скол скоро поеду яз служити царю Киркоусу, и тобѣ, отцу своему; а того болши хочетца мнѣ попытати плеча своег и отвѣдати своег доброго коня, вещего Араша. А не имею, государь батюшко, у себя копья; дай мнѣ свое булатное копье. И княз Залазар благословляет сына своего Уруслана и отпускает ег на рат великую и дает ему свое булатное копье. И Уруслан ударил челом отцу своему и благословился у нег ѣхати на ратное дѣло да поехал Уруслан на рат княз Данила Бѣлово. Ажно в поле Урусланъ наехал великую рат княз Данила Бѣлово: ни на которую сторону не мошно ея объѣхати и окомъ обозрити. И напустил Уруслан на своем добромъ

конѣ, на вѣщѣмъ Араше, не мног думал, никоторыми думами, и свиснул богатырскимъ голосомъ и, сколко рати побил, здвое тово от голоса коней, попадаючи, померло. И увидел княз Данило Бѣлой свою погибел, что похвалѣ его Богъ не пособил, и Уруслан рат всю побил немилостиво; и княз Данило Бѣлой побежал: кон под ним сив, кутас на нем червчат. И Уруслан то увидел, что княз Данило побежал, и Уруслан напустил за князем Данилом вѣщим своим Арашемъ, и княз Данила сугнал и хочет его из лука застрелити. И не похотел, взмолился Уруслану: Господине Уруслан Залазоревич! не предай мнѣ смерти, дай живот, отпусти меня живово, а яз тебѣ и до смерти друг буду: а пришел яз на царя Киркоуса и на отца твоег, не вѣдаючи тебя; мнѣ не (де?) сказали, что тебя давно в животѣ нет, а от сѣх, господине, мѣсть, покамѣста я жив буду, и яз на царя Киркоуса и на отца твоег, на князя Залазаря, зла никоторог не учну думати. И Уруслан князю Данилу повѣрил, а молвил так княз Данилу: Впред пойдешъ на Киркоуса царя и на отца моего, князя Залазаря, а яз буду жив, и ты не чай себѣ живота, не чай отпуску: пощады тебѣ от меня не будет. И какъ Урусланъ рат княз данилову побил, а самово княз Данила к души привел, да отпустил, и самъ Уруслан приехал к царю Киркоусу челомъ ударити і к отцу своему, князю Залазарю. И царь Киркоус добре возрадовался о приезде урусланове, чаючи того царь, что Уруслан приѣхал служить ему. И учал царь Уруслана дарити многими царскими дары, и учал царь Киркоус Уруслану говорити: Брате Урусланъ! сколко еси рад тому, что еси моего лиха не попаметовал: рат еси княз данилову побил, а княз Данила Бѣлово к души привел да отпустил. А здвое рат еси приезду твоему, занеже еси перед тобою виноват, что еси тебя обесчестил, из царства выслал; а нынеча, брате, послужи мнѣ, а яз рад тебя жаловат до исходу души своей и дам тебѣ до половины царства своего в державу. И Урусланъ молвил: Государь царь Киркоус Киркоданович! которой доброй челоувѣкъ лихому не мститца? а то, государь, мнѣ не от тебя: по грехомъ моим твоя царская опала пришла ко мнѣ. А которой, государь, богатыр в своем отчестве не честен? а гдѣ ни буди, тут я государю своему слуга буду. Царь же Киркоус добре

закручинился об отъезде урусланове и учел на отъезде Уруслана дарити многими дары. И Урусланже у царя даровъ ни-чево не возмет, а говорить Урусланъ: Государь царь! одно взяти: любо корыстоватися или богатырем слыти. И Урусланъ ударил челомъ царю Киркоусу и отцу своему князю Залазарю и садитца на свой доброй кон, вешей Аращъ, и поехал из царства киркоусова в чистое поле в далнюю землю.

И едет Уруслан много дней, а никакова признаку не может добхати и въезжает Урусланъ на высокое шаломя, ажно лежит рат велика побита. И Урусланъ выѣхал среди побоища и кликнул богатырскимъ голосомъ двжды; а какъ въ третие кликнул, ино ему на побоище человѣкъ промолвилъ: Дай де Богъ здравие государю моему, Уруслану Залазоровичю и чево ты, господине Урусланъ, кличешъ? И Уруслан молвил: Ключю, брате, о том, какой то богатыр сию рат побил и какая та рат? коей вѣры? И человек промолвил на побоище: То де, господине, рат. Феодула змея, а бил ту рат княз Иван, храброй русской богатыр; а уже княз Иван Феодула змея тѣх ратей мног побивает, а хочет де у него княз Иван поняти доч ево, красную царевну. И Уруслан молвил: Скажи мнѣ, брате: гдѣ русково богатыря княз Ивана наехати. И человѣкъ молвил на побоище: Руской богатыр на девятом шаломяни. И поехал Уруслан искати князя Ивана, русково богатыря, и изъеде шаломя и другое и изъезжает на третее шаломя, ажно лежит другая рат побита тоей сильнее. И Урусланъ въезжает среди побоища да кликнул богатырскимъ голосомъ двжды. И какъ Уруслан на побоище кликнул втретие и с побоища ему человѣкъ промолвил: Что, господине Уруслан, кличешъ? И Уруслан молвил: Скажи мнѣ, брате: хто сию рат бил и которая та рат вѣры? И человѣкъ на побоище молвил: То, господине, рат Феодула змея, бил ту рат княз Иванъ, русской богатыр. И Уруслан молвил: Да гдѣ мне русково богатыря наехат? И человѣкъ молвил: Отселе, господине, княз Иван, русской богатыр, на третьемъ шаломяни. И Урусланъ поехал великою ступью съезжати русково богатыря, а хочетца Уруслану попытатися с первымъ рускимъ богатырем, отвѣдати плеча своего богатырсково и доброго своег коня, вещь Араша. И въезжает Урусланъ на третее шаломя: тут шатер стоит в чистомъ поле,

а на шатре маковица краснаго золота аравитцкаго, а у шатра ходит конь встреножен. И Уруслан приехал блиско шатра, а у шатра никого нѣтъ. А Уруслан сшел с коня долой, а конь свой вещей Араш поставил у шатра со княз ивановымъ конемъ вмѣсте; и посмотрил Урусланъ в шатер: и в шатре богатыр спитъ, а уснул добре крепко. И Уруслан своег коня встреножил, а самъ вшел в шатер, а богатыря не побудилъ, да лег себѣ в шатре опочиват и уснул добре крепко да учал спати долго. И пробудился княз Иван, русской богатыр, и посмотрил на Уруслана, а самъ ужаснулся и вышел из шатра вон: ажно кон ходит встреножен великъ добре, а княз иванова коня прочь отбил. И емлет княз Иван свой вострой меч и хочеть Уруслану головы отсѣчь, а се во умѣ своемъ помыслил: убити мнѣ сонново челоувѣка не честь мнѣ, богатырю, будет. Да и то себе размышляетъ: Тот челоувѣкъ приѣхал в шатер, а яз спал, и токоб он меня хотел убити, воля ему была, и он бы меня убил сонново, и он меня сонново не убил, дал мнѣ живот. А се учал Уруслана будити: Пробудися, брате! Какой еси челоувѣкъ: царь ли, или царевич, или княз, или богатыр сильной? Спишь добре крѣпко. И Уруслан пробудился и, вставъ, молвил князю Ивану: Поди, принеси мнѣ воды умытися. И княз Иван молвит: Не пригоже мнѣ тебѣ вода носит: яз княжой сынъ. И Уруслан молвилъ: И ты дай мнѣ чару золоту: в своем шатре дома, а яз у тебя гость. И княз Иван Уруслану дал чару золоту и Уруслан молвилъ: Коли ты мнѣ дал чару золоту, то ты мнѣ дал воды умытися. И Уруслан, умывся, сел на кон свой, на вѣщево Араша, а княз Иван селъ на свой доброй конь да поехал против Уруслана. И Уруслан съезжаючися молвил: Боже милостив! всемъ еси меня потешил, потеж меня темъ, чтоб ни к одному челоувѣку железомъ копыя не оборотилися. И какъ съехался Уруслан со княз Иваном в чистомъ поле, и ударил Урусланъ князя Ивана копьемъ противъ сердца тупымъ концом и свалил ег с коня на землю, а доброй кон уруслановъ, вещей Арашъ у княз Ивана наступил на пансырское ожерелье конытомъ. И Уруслану князя Ивана жал убити и молвил Уруслан: Брате княз Иван! животал хошь или смерти? занеже, брате, что промеж нами недружбы никакие не бывало, а захотелисмы с тобою потешитися и мы потешилися и плеча своего

испытали и добрых коней отведали. И княз Иван молвит: Господине Урусланъ! не дай мнѣ смерти, дай мнѣ живот: не хочу умерети. И Уруслан скочи со княз Ивана да ударил ему ниско челомъ, а самъ ему молвит: Буди, господине, мне княз Иван болшей братъ. И княз Иван молвит: Не пригоже мнѣ, господине Уруслан, быти над тобою болшим братомъ; буди ты мнѣ болшой брат. И Уруслан Залазоревич тут ныне побратовся и поцеловалися, и учаль Урусланъ роспрашивати князя Ивана, русково богатыря: Скажи ты мнѣ, брате: какие ты рати билъ? И княз Иван молвил: Брате, господине Урусланъ Залазоревичъ! уже я третей год рати побиваю, а та рат Θεодула змея: добиваюся у Θεодула змея дочери ег, красные царевны, а много яз у него рати побил. И Уруслан молвил: Да какъ ты не можеш самово Θεодула змея достати? И княз Иван молвит: Конь под нимъ бур, Кутас зеленъ, и утекает у меня на озеро, поверхъ воды как сокол летит. И Уруслан молвил: Ино, брате, у меня Θεодулу змею утеч немочно, а яз ещо коня своег вешего Араша не вѣдаю удачи его. И спросил Уруслан у княз Ивана: В которое время с ратью Θεодул змей выходит? И княз Иван молвит: Господине Урусланъ! с ратью Θεодул змей выходит, какъ солнце взойдет на утренной зорѣ. И какъ на утре будет на солнечном всходу вышел Θεодул змей с ратью, и Уруслан сѣлъ на свой доброй кон и вооружился в ратное оружие и приказывает брату своему князю Ивану: Сколко де, брате, чаеш рати бит, а тог болши смотри, чтоб не ушел Θεодул змей; как он побежит, такъ мнѣ скажи: яз еще ево не знаю; и толко он нынеча убежит, Θεодул змей, и нам ево не добыт, а тебѣ красной царевны не видати. И какъ пособил Богъ Уруслану, побили с половину рати и Θεодул змей побежал, и Уруслан издалече усмотрил и по указу опознал его кон Θεодулов, Кутас зелен: и Уруслан погонился за Θεодуломъ змеемъ на своемъ вешем Араше, а молвил Уруслан: Брате де мой, доброй кон, вешей Арашъ! служи ты мнѣ ту службу первую: не упусти ты мнѣ недруга брата моего княз Ивана, занеж есми с нимъ впервые познался. И вешей Арашъ молвит: Господине де Урусланъ! тебя, государя своег, блюдус, а тот кон, что под Θεодуломъ змеем, мнѣ болшой брат, а оба есми кони от водяных коней приращение наше,

а нынеча тебѣ, государю своему, послужу, толко не уполошейся: скачи на озеро, не бояся. Уруслан же добре учинился тому слову весел и напустил своег доброго коня за Θεодулом змеем. И какъ прискакал блиско, и Θεодул змей на озеро побежал, кон под нимъ какъ сокол полетел. И Уруслан пустил своег вещег Араша на озеро, и доброй кон, вещей Араш по озеру, поверхъ воды, какъ сокол полетел, что по мосту скачетъ. И какъ угонил Уруслан Θεодула змея и бурой кон молвит, которой под Θεодулом змеем, своему брату урусланову коню, вещему Арашу: Брате мой Араш! вѣдаеш и самъ, что я тебѣ большой брат, а ты хош чти уруслановы, что за мною гонишься; а яз чти хочю великому царю, Θεодулу змею. Арашъ де вещей молвит: Брате мой, бурой кон! ты хошъ чти Θεодулу змею не надолго, до тѣх меств, покаместъ Θεодула змея достанет урусланова рука, и яз своим государемъ векъ коротати хочю. И как де Θεодул змей утек в каменные ворота городовые, и по божию веленью Урусланъ Θεодула достал по шелому и розсѣкъ ево на двое до седла и бурово коня пересѣкъ на двоежъ. И поѣхал Уруслан на царев двор и услышела царица, Θεодулова жена, и ег доч, красная царевна, что Θεодула змея в животе не стало, и вышли вон из высокой полаты и с своею дочерью против Уруслана и учели бити челом: Господине Урусланъ Залазоревичь! какова мы тебя слухом слышели, такова и в очи тебя видимъ; о том тебѣ, государь, челом бьем, чтобы мы полянками не слыли, а царство все божие да твое, и без тово красная царевна перед тобою. И пошел Уруслан с царвною в полату в каменную, а по брата своег по княз Ивана, русково богатыря, послал скорые гонцы. И какъ приѣхал брат ево княз Иван, русской богатыр, и Урусланъ часа того словом да делом велѣлъ свадьбу играти и дал Уруслан красную царвну, Θεодулову доч, за княз Ивана, русково богатыря, за муж за брата своего. И какъ пришел княз Иван от венчанья и легли спат на первой ночи и Уруслан пришел к полате и учал слушати, что имут про него говорити. И брат ег княз Иванъ, русской богатыр, лежачи, молвит: Душечка моя, свет красная царевна! доставал есми тебя мног лихомъ и добром и не умел тебя достати; и Богъ мнѣ дал брата Уруслана Залазо-

ревича: тот тебя мнѣ доставил и дал тебя за меня за муж; и скажи ты мнѣ правду: естли тебя гдѣ краше, а брата моего удалѣ. И царевна молвит: Государь княз Иван, русской богатыр! чемъ я красна и хороша? Есть, господине, в поле качуют две царевны, а нетъ у них ни отца, ни матери, один у них дятка стар человекъ и у тех царевенъ краше меня девки, которые на руки воду подают; а брата твоего есть удалѣ Уруслана—Ивашком зовут белая поляница, индейского царя сторож: стережет он на индейскомъ рубеже семь лѣтъ украины, а никаков человекъ мимо ево не проедет. И Уруслану то добре досадно, что невеска его, княз иванова жена, похвалила Ивашка, белую поляницу. И учал Урусланъ думать на своемъ великомъ разуме один: царевенъ искати поехат, или доезжати Ивашка, белую поляницу, поехати, или поехати к отцу да к матери челомъ ударити? Поѣхати мнѣ царевенъ искати или Ивашка, белую поляницу, искати—и мнѣ з баткомъ да с маткою долго не видатца; а отецъ мой и мати моя при старости были, какъ я от них поехал. И здумал Урусланъ, поехал к отцу да к матери челом ударити, а царевны де у меня и Ивашко, белая поляница, и вперед не уйдут. И какъ Урусланъ приехал в царство киркоусово, ажно царство киркоусово пусто, одва одново человекъ нашол. И учал того человекъ Урусланъ роспрашиват: Гдѣ, брате, царь Киркоус Киркодановичъ делся и отецъ мой княз Залазар и ево дванадесят богатырей? И человекъ Уруслану сказал: Уж тому третей год идетъ, какъ княз Данило Бѣлой приходил, царя киркоусово все царство вывоевал, а самово царя Киркоуса и дядю князя Залазара и 12 богатырей к себѣ в полон взял, а людей в царстве высекъ, а злато и сребро на вьюках повез, а кони борзые стада погонил. И Урусланъ тут заплакал а се молвил себе: Не дай де Богъ десяти добро никакову иноземцу и веры няти; то де мнѣ учинилос от своего ума, что яз неверному вѣры понял, а того княз Данила жива отпустил. И поехал Урусланъ на своем добромъ конѣ, вещемъ Араше, во княз данилово княжение Бѣлово и приезжает к городу, ажно противъ ево идет человекъ стар и учал Урусланъ тог человекъ роспрашивати: Скажи мнѣ, брате: дома ли княз Данило Бѣлой і не в отъезде ли где? Дома, господине, нынеча; княз Данило

не бывал нигдѣ от тех мѣстъ, какъ воевал царство киркоусово, а самово царя Киркоуса и дядю ево князя Залазаря и 12 богатырей привел к себѣ, да посадил их в темницу, да взимал у всех у них очи. И услышел тот Уруслан и проследзлся и пустил своег доброго коня в чистое поле, а самъ Урусланъ молвил доброму коню: Как ты мнѣ, доброй кон, будешъ надобет, и яз тебя кликну богатырскимъ голосомъ и ты ко мнѣ буди часа того. И пришел Уруслан в город, никто ег не позна за простова человекѣ мѣсто, и пришел к темнице и учал говорити Уруслан тюремным сторожемъ: Господине сторожи! пустите вы меня в темницу царю Киркоусу челомъ ударити. И сторожи ево к царю Киркоусу пустили за простова человекѣ мѣсто, а не чаючи ево, что Уруслан. И пришедчи Уруслан в темницу и ударил челом царю Киркоусу и молвит Урусланъ: Дай Богъ здравие государю моему, царю Киркоусу и дяде его князю Залазарю и 12 богатыремъ ег. И царю Киркоусу, сидя в темнице, учинилос то слово добре в досаду, а молвил царь Киркоус: Брате Уруслан! не смейся ты царю Киркоусу и дяде ег князю Залазарю и 12 богатыремъ моим: коли яз царь Киркоус был на своемъ царстве и яз пошлой царь был, а дядя мой княз Залазар пошлой княз был и 12 богатырей моих пошлые были богатыри и многие люди розных царствъ служили мнѣ; а нынеча, брате, то нам дал Богъ за грех, потоле де Богъ нам велел жит. И Урусланъ молвит: Яз тебѣ, государю всему, не насмехаюся и твоему дяде, князю Залазарю и 12 богатыремъ твоимъ; а яз, государь, старой твой слуга, дяди твоего князя Залазаря сынъ, а имя мое Урусланецъ, а приехал есми тебѣ, государю царю, челом ударити и богатыремъ твоим. И царь Киркоус молвит: Брате де Уруслан! пред тобою виноват в том, что еси тебя за твою проступку из царства своег вонъ выслал, а ты, брате, виноват мнѣ в том: коли княз Данило Бѣлой у тебя был в руках и ты ево отпустил жива, а ему неверному веры понял, а смерти ему не дал и за то, брате, нынеча мы у нег беду терпимъ; а се еси передо мною в том виноват, что еси позабыл свою вѣру, а старог еси государя покинул: а нынеча, брате, время уже миновалос: приближаемся блиско смерти, не пособити никому. И Уруслан молвит: Государь царь

Киркоус того ты моего лиха не помни, а нынеча яз тебѣ, государю, рад служить головою своею: в которомъ мѣсте мой супостат? И отецъ урусланов княз Залазар молвит сыну своему Уруслану: Господине ты мой сынъ Урусланъ Залазаревич! толко захошѣ послужити великому царю Киркоусу Киркодановичю и мнѣ, отцу своему, и царевым богатырем, поди ты: есть на море Зеленой Царь, огненной щит, пламенное копье. А тог царя не может никакой богатыр достати; а ты силою силен, мочно тебѣ того царя достати. И ты привези намъ того царя свежую печень и горячую кровь; и мы тою печеню и кровью помажем очи великому царю Киркоусу и намъ, богатыремъ ево, и мы все прозрим; а впред ты начнеш силнымъ богатыремъ слыти. И Уруслан о томъ закручинился для того, что он ещо молодец молод и многих ордь ещо мало знает; а та ему служба наказана великая, что ему с тое службы живому не съѣхати. И учал Уруслан молитися всемилостивому Спасу, а самъ пошел от темницы, молча, проч к своему доброму коню, вещему Драшу. И слышали сторожи тюремные то слово и хотѣли Уруслана поимати: и Урусланъ ударил одново по уху да у двунатцети сторожей голов позбил. И княз Данило Бѣлой ис полаты самъ усмотрил и хотел за Урусланом погнатися, и Уруслан молвил: Не гонися за ветромъ; и поѣхал Уруслан из княз данилова княжения Бѣлово, а самъ, едучи, раздумывает на великом своемъ разуме, гдѣ достат Зеленог Царя: ни в которой земли слухом не слыхано. И поехал Уруслан в далные земли и сам не вѣдает, куды ѣхат. И наѣхал Уруслан, в поле стоит дуб краковистъ велик добре, стоит середи поля: со всѣ стороны ни откуду лѣсу нѣтъ, а около тог дуба мног дорог пробито, а ежено перед нимъ недавно. И Урусланъ учал мыслити на своемъ умѣ: откуды тѣ дороги пробиты и которой земли и какие тою дорогою люди ездили. И учал Уруслан тѣ дороги розѣезжати, и учал дивитися, что стоит дуб велик ис пустоши, а дороги окола дуба все лежат. И стал Урусланъ под дубом, притуляс и учал стечечи, кто тѣ дороги пробил. И какъ будет тогож дни въ поддни, ажно летит великое стадо птиц хохотуней, да учили около дуба садитися кругом; посидев немного, да сошли з дуба на землю да учили изметоватися красными девицы. И

Уруслан, стоячи, ужаснулся, а се молвил себе: По ся мѣсть де я никакова человекѣка не уполошевался; а самъ напустил на них вещь своего Араша, доброго коня. И девки все взлетели птицами на дуб, и Уруслан ухватил девку, и девка учала изметоватися всякими зверми, и всякою птицою, и всякою гадиною. И Уруслан держить еѣ крепко и, как девка всем переметалас и не могла ничем перекинутися, и девка молвит Уруслану: Чего, государь, хочеш у меня, что держишь меня крепко? И Уруслан молвит: Девка! у вас крыле, вы летаете по многимъ землям и по многимъ царствам; скажите мнѣ: слышали ли есте на море Зеленог Царя, вогненног щита, пламенного копья, а ездит он на осмероногомъ конѣ? И девка молвит: Господине Уруслан! есть Зеленой Царь, да никаков человекѣкъ не может живѣ его видети. И Уруслан молвит: Девка! того ты мнѣ не сказывай: не поставишь ты меня в царстве Зеленог Царя часа тог, тобѣ живой не быти и отпуску себѣ не чай от меня. И девка молвит: Господине Уруслан! до Зеленого Царя далеко: одному ехати от сѣхъ мѣсть 12 мѣсяцовъ, и яз того часу поставлю у Зеленог Царя, толко меня не издержи ты, отпусти. И Урусланъ молвит: Девка! как ты меня поставишь у Зеленог Царя, тот часъ тебя отпущу, не издержу. И девка молвит: Господине Урусланъ! коли ты так говоришь, і ты зажмурся, а яз тебя посѣставлю у Зеленог Царя в царстве. И Урусланъ зажмурился да ступил трижды на своемъ добромъ конѣ, вешемъ Араше, и девка молвит: Господине Уруслан! прозри. Ажно Уруслан стал на чистом поле под царством Зеленого Царя, и Уруслану ни на ум не взойдет, что девка отпустит—ино назад не быти, дороги не познати. И Урусланъ молвил: Девка! убьет меня Зеленой Царь, ино готова тебѣ простыня; а буду жив, и ты поставь меня во княз данилово княжение Бѣлово. И приковал Уруслан девку у стремени у доброго своего коня, а самъ Урусланъ пошел к царству Зеленого Царя и наехал побоище добре велико, а давно бито: а среди побоища лежит голова человекѣская добре велика, а добре давно бита. И приехал Урусланъ, стал над головою, а говорит: Голова де была доброго человекѣка. И голова промолвит: Брате де Уруслан Залазоревиц! твоей голове також лежат. И Уруслан молвит: На то, господине, яз приехал:

любо голова сложит, любо Зеленого Царя сложит, горячей крови и свежей печени. До тово де, господине, не долго, что тебе голова своя положит, толко яз тебя не научю. И учал Урусланъ перед головою бити челом, чтоб ево научил. И голова молвит: Есть де подо мною меч таков, что оприч того меча никаково железо не имет и огонь того Зеленого Царя не имет же; а тот мечъ одинъ ево имет. И яз с тѣм мечом поехал против Зеленого Царя, а чаел есми убити тем мечем Зеленог Царя; и тот Зеленой Царь выехал противъ меня на осмероногом конѣ с вогненным щитомъ и с пламенным копьем, да, не допускаючи меня к собѣ, зжег и яз, летячи с коня, тот меч подкинул под себя на землю и тот меч лежит и ныне подо, мною. А тот Зеленой Царь приезжает ко мнѣ всемъ своимъ царством, а не может он испод меня тог меча достати; а тобѣб яз дал тот мячъ (sic!) и тебѣ ево не убитиж, потому что он выезжает на осмероногомъ конѣ с вогненным щитомъ, с пламенным копьем, и он тебя, к собѣ не допуская, созжет: ино убити того Зеленог Царя хитростью. И голова молвит: Господине Уруслане! поедез ты к городу и какъ тебя ис полаты увидит Зеленой Царь, такъ он не утерпит, выедит он против тебя, потому что он знает богатырей по поездке, а своих людей знает он по поездкеж. А выедет он против тебя на осмероногом конѣ с вогненным щитомъ, с пламеннымъ копьемъ: таков у него обычей держит, а без того он не ездит ни на один часъ; и ты, брате Урусланъ, издаличе усмотри его да с коня долой слез, да удар ему челомъ ниско до земли. И Уруслан говаривал, на дѣло едучи: чтоб ни к одному человекѣ желѣзомъ копыя не оборотилися; а нынеча Уруслану с коня велят слезть да челомъ ударити велят до земли. И голова молвит: Брате Уруслан! хто на коне живет, тот и под конем: что тебѣ лутчи умерети или живу быти лутче? Толды бы ты смерти себѣ чаел, колиб тебѣ вести не было: как я приехал безвѣстной и яз погиб; а меня сильнее и удадѣ не было. А нынеча ты о чемъ о том тужиш, как бы, брате, недруга не излѣсти? Господине голова человекѣка доброгго! ударив мнѣ царю челомъ, что мнѣ молвит? И голова молвит: Господине Уруслан! ударивъ челомъ Зеленому Царю так молвь: Господине великий царь! человекъ есми русин, приехал из далные земли, ис киркоусова царства

послужити тебѣ, Зеленому великому Царю: что, господине, слава твоя велика по всемъ землям; а нигде есми такова государя не наехал. И царь твоему слову учинитца рад и подастъ тебѣ руку и примет тебя в службу, и ты учнешь ему служити. И ты, служачи ему, да спрости ег в розговоркѣ про меня; мольва царю: что в поле белеютца многие кости человѣческіе, а промеж ими кажетца голова добре велика, а бутто ты меня и не видал; и о том о всемъ скажет он тебѣ про меня Царь Зеленой и про меч мой, и ты тогда похвалися меч мой привезти и, какъ приедеш ко мне, и яз тебя тогда научю. И Уруслан сел на свой доброй кон да поехал к городу. И Зеленой Царь усмотрил Уруслана и сел на свой на осмероногой кон да взял свое пламенное копье и вогненной щит, да напустил на Уруслана. И Уруслан по наказу опозна его по огненному щиту, по пламенному копью и по осмерононому коню и шол Уруслан с коня долой да ударил челом Зеленому Царю ниско до земли, а молвил: Дай Богъ здравне великому Зеленому Царю! И Зеленой Царь спросил Уруслана: Какой еси, брате, человѣкъ и которой земли? Какъ тебя зовут именем? А кон у себя имѣешь доброй. И Урусланъ молвил: Господине великий царь! человѣкъ есми русин, а ежду из далные земли, ис киркоусова царства, а зовут меня Урусланомъ Залазореви-чемъ; а поехал есми, слышечи твою великую славу: что ты, государь, славен по всей земли, и по многимъ царствам слава твоя; а се многие царства поимал еси своею удачею: и яз, государь, приехал послужити тебѣ. И Зеленой Царь добре учинился рад приезду урусланову и подал ему руку и принял Уруслана к себѣ в службу. И учел Царь Зеленой говорит: Брате Урусланъ! много в моем царстве богатырей и удалых людей и мнѣ то ништо не дорого, а дорого мнѣ, что еси далные земли приехал на мое имя послужит мнѣ. И поехал царь с Урусланом в чистое поле тешитися и велѣлъ царь Уруслану перед собою стреляти гуси и лебеди и утица. И Уруслан лукъ потянул: ино какъ сильная орда закачаетца; а стрелит, аки сильной громъ грянет; а, по чему стрелит, того не грешит. Царь добре рад, что Уруслан удал, стрелят гораздъ и силою силен: нет такова человѣка и во всем его царстве. И приехал Царь Зеленой с Урусланомъ в город,

учал Уруслана дарити многими царскими дарами, и Уруслан не емлет, что взят даров у царя. И учал Урусланъ у Царя Зеленого дары имати, блюдяся, чтоб Зеленой Царь не догадался, что Урусланъ приехал к нему служит лестью. И учал Зеленой Царь Уруслана любит и жаловат лутчи всех чело-вѣкъ; и учал царь с Урусланомъ всякую розговорку говорит. И вшол царь в каменную полату, и учал Урусланъ смотрит ис полаты на чистое поле, гдѣ побоище лежит и голова бо-гатырская, и молвит Уруслан: Господине великий царь! много с тобою яз по полю ежю и ис полаты смотрю на великой луг; а не смѣю тебя, государя своег, спросит, какие на том поле лежат чело-вѣчские кости, а промеж ими лежит голова добре велика. И Зеленой Царь молвит: Господине Уруслан! то яз бивал многие рати и многие богатыри дотолева, коли я не славен был; а нынеча тому уже 30 лѣтъ минуло, какъ на меня не смеют никаков богатыр похвалитца, какъ я тог богатыря убил, чью ты голову сказываеш среди побоища лежит. У того богатыря был меч таковъ, что было достати ему меня и моево живота темъ мечемъ: и яз ево до себя не допустил да зжегъ ег огненным щитом, пламенным копьем и с коня ево сшиб долой; и тот богатыр слетел на землю и тот свой меч подкинул под себя в землю; и тот меч и по ся местъ под темъ богатыремъ лежит, и яз тово меча достоваю много лет, а не могу всемъ царством своимъ достати. А нынеча, брате, толко хто мнѣ тот меч достанеть, и яз за тог доч свою, царевну красную, дамъ да половину своег царства и всег своего имения. И Уруслан молвит: Господине великий царь! какой то богатыр был стол сильной? Людно царство твое и многие у тебя богатыри служат, а не можешъ ты тог меча достати. И Зеленой Царь молвит: Брате Уруслан! чемъ божия дѣла переставишь? И Уруслан молвит: Господине царю! И нынеча толко хто тот меч достанет, и тому чело-вѣку мочно велику честь воздати? И Зеленой Царь молвит: Брате Уру-сланъ! будетъ тебѣ мочно тот мяч достати, не изменю слова своего: дам за тебя дочер свою, красную царевну, и полцар-ства своего и всего имения половину. И Урусланъ молвит: Господине великий царь! яз тому рад послужити: хотя мнѣ голова своя положити, а тебѣ, великому царю, послужу; а

еду меча достават. И приехал Урусланъ к богатырской голове и, сшед с коня, ударил челомъ перед головою ниско до земли, а молвил Уруслан: Господине богатыр! по твоему есми наказу похвалился меч к царю привести; а не принесу меча, и мнѣ живу не быть. Голова с меча скатилас и меч стал наруже. И Урусланъ взял мечъ за тупой конец и ударил челом головѣ до земли, а молвил Уруслан: Господине богатыр! научи ты меня, чем еси ялся научит. И голова молвит: Брате Уруслан! коли ты меч достал, а царя тебѣ мочно достати, толко не уполошейся, а вдругоряд не секи; а устрашися и тобѣ самому живу не быть. Какъ тебя царь ис полаты увидит, что мечъ везешь, и он против тебя самъ выедет и встретит тебя среди царског двора своег; и ты как будеш среди царског двора, и ты меч повези на плече, к собѣ вострым концомъ не оборачивай: вострым концем держи от себя проч. И хотя царь и блиско к тебѣ приступит, и ты меч держи на плече, не сноси, а жди времени, какъ к тебѣ царь приступит блиско і пойдет с тобою в ряд, и ты меч подыми да ткни царя под шею однава да гораздо. И Урусланъ поехал к городу, а меч повез на плече. И Зеленой Царь увидел ис полаты, что Уруслан меч везеть: царь на своем месте не усидел, вышел ис полаты вон против Уруслана и рад добре, что Уруслан меч достал. И какъ Урусланъ взошел на царевъ двор, царь приступил к Оруслану блиско и, как царь с Орусланом изверстался вмѣсте, и Уруслан поднял меч да тля царя по шее і розсѣкъ ево на двое. И Зеленой Царь, летячи на землю, молвил: Господине Уруслан! ткни вдругоряд. И Уруслан молвил: Двожды богатыри не секут. И стеклися на Уруслана царевы богатыри и хотѣли Уруслана убити. И Уруслан молвит: Господине богатыр! сѣчь мнѣ вас тѣмъ мечем, которымъ мечем яз царя убил, и мнѣ царева честь потерять. И ухватил Уруслан одново богатыря и убил ево до смерти да тѣмъ многих богатырей побил. И видят царевы богатыри, что со Урусланом битися нелзя и оне все Уруслану учили бити челомъ в службу. И Уруслан молвил: Брате! не царствоват я к вамъ пришол, приехал есми для своег дѣла. И вспорол Уруслан у Зеленого Царя могучюю груд и емлет в вощаночку кров горячую и вымает свежую печен и обертел

в шириночку и положил в саадак, и вышел Урусланъ из царства Зеленого Царя вонъ. И пришел к своему доброму коню, вещему Арашу, и учал девку откавыват; а самъ учал говорит: Девка! постав ты меня во княз данилово княжение Бѣлово часа тог. И девка молвит: Господине Уруслан! поставлю яз тебя под темъ же дубомъ, под которым яз тебя взяла. И девка молвит: Господине Уруслан! зажмурся. А вещей Арашъ трижды ступил и девка молвит: Господине Уруслан! прозри. И Уруслан прозрил: ажно стал под темже дубом, под которым его девка взяла. И стал Уруслан добре рад и девку от стремени откавал да отпустил на волю. И девка полетела птицею хохотунею; а сама девка молвит: Не дай Богъ вперед под темъ дубомъ бевати, хотя векъ не играти. И Урусланъ поехал на своем вещем Араше во княз данилово княжение Бѣлово, где царь Киркоус без очей сидит в темнице и дядя ег княз Залазар и 12 богатырей его. И приехал Уруслан к темнице к царю Киркоусу и дал ему Уруслан свежую печен и горячую кровь Зеленог Царя и пошел Уруслан от темницы проч. И в то время сказали сторожи князю Данилу Бѣлому, что Уруслан приехал к царю Киркоусу, а сторожи не смѣють ни один приступитьсися. И княз Данило Бѣлой хотел побежат от Уруслана, и Уруслан молвит князю Данилу: Уже ты от меня бегивал и душу еси мнѣ свою даывал да и тут еси слово преступил; а яз тобѣ поверил, а смерти яз тобѣ не дал: отпустил тебя жива; а нынеча тобѣ у меня живота не будет за твое преступление и за ложное шерстование и бежати тобѣ от меня нѣкуды. И поймал Уруслан княз Данила Бѣлово и привел ево живово ко царю Киркоусу, и царь Киркоус, поднявъ Данила князя Бѣлово, да ушиб о землю до смерти; а сам царь Киркоус и дядя ег княз Залазар и 12 богатырей его помазали себѣ кровью очи и печенью Зеленог Царя, и онѣ прозрили: всѣ стали волной свѣтъ видети. И Уруслан молвит: Государь, великии царь Киркоусъ! виноват был я пред тобою, что еси наперед сего княз Данила живово отпустил, а поверил еси ево душе; а нынеча яз пред тобою справился: княз Данила привел к тебѣ живово, а вас еси всех отпустил. И царь Киркоус всех своих сыскал, которые с ним были в полону, а княз данилова царства людей, которые ему гру-

били, всех велел смертною казнью казнити и розными муками велѣлъ мучити; а иных, которых добрых родов, велел для славы оставити у себя в царстве, велѣлъ служить, а по княз даниловым городомъ розсажал своих людей. И оттоле царь Киркоус пошел на свое царство добре радостен, и устроил царство свое лутчи старово и учал царь Киркоус на своем царстве жити безмятежно. А Уруслан ударил челом царю Киркоусу і отцу своему, князю Залазарю, и самъ поехалъ в чистое поле козаковат. И едучи Уруслан, вспаметовал дву красных царевенъ, которых хвалила ему невѣска ево княз иванова жена, русково богатыря; и поехал Уруслан в дальные земли доезжати тех царевенъ. И ехал Уруслан мног дней и приехал Уруслан к той орде, гдѣ живут красные царевны, и увидел Урусланъ в поле шатер бел, маковицы красново золота аравитцког и приезжает Уруслан к шатру: у шатра ходит стар человекъ. И Урусланъ по указу догадался, что тѣ царевны, которых царевенъ хвалила невѣска ег княз иванова жена. И Уруслан спшел с коня. И старой человекъ пришел и Уруслану ударил челомъ, а молвил: Скажи мнѣ, господине: какъ тебѣ имя. И Уруслан сказал: Будет слышал есми Уруслана Залазоревича? И старой человекъ молвит: Слышал есми, господине, про тебя, что еси удал. И молвит Уруслан: Поди ты, скажи про меня, старой человекъ, краснымъ царевнам. И старой человекъ сказалъ краснымъ царевнам, и царицы обѣ вышли из шатра и ударили челомъ Уруслану, и учили бити челом, чтоб с ними в шатер бесѣдовати пошел. И Уруслан челобитье их принял и пошел с ними въ шатер бесѣдовати. И царевны учили Уруслана потчивати. И какъ тешился и пошел опочиват, а с собою взял на опочив красную царевну болшую сестру. И, лежа, Уруслан говорит: Душечка моя, красная царевна! ехал есми из дальные земли, ис киркоусова царства для вас собя не жаловал, коня есми своег не щадил: скажи мнѣ правду: естли гдѣ вас, царевенъ, краше, а меня, Уруслана, удалѣе? И царевна, лежачи, молвит: Господине Уруслан Залазоревич! что мы за красны и хороши? Есть, господине, у индейского царя доч, красная царевна: ино, господине, та красна и хороша; а мы еѣ обѣ нас в ногу несудны. А тебя, господине, Уруслана,

есть удалѣе: Ивашком зовут белая поляница, индейского царя сторож. И Уруслану то слово учинилос добре в досаду, что царевна похулила Уруслана, а Ивашка, бѣлую поляницу, похвалила. И той царевне Уруслан сшиб голову и подкинул под крават да взял себѣ другую царевну, меншую сестру, да с собою положил еѣ на постелю. И Уруслан той царевне говорит: Душечка еси моя, милая красная царевна! скажи мнѣ в правду: естли где тебя краше, а меня, Уруслана, удалѣе? И царевна молвит: Господине Уруслан! чѣмъ я красна и хороша? Есть, господине, у индейского царя доч, красная царевна: нет такие красавицы и во всей подсолнечной земли; а мы обе нас сестры и в ногу ей несудны. А есть, господине, Ивашком зовут, белая поляница, индейского царя сторож; тот, господине, силен; а ты, господине, удалже: обѣих вас Богъ вѣдает, которой из вас удалѣе будет. И Уруслану то слово полюбилося и с той царевны головы не сшиб, оставил еѣ живое. И встал Уруслан с постели своей да оседлал своего доброг коня, вещего Араша, да поехал в чистое поле доезжати Ивашка, бѣлую поляницу. И ехал Уруслан много дней и наехал—на индейскомъ рубежѣ человекъ спит на коне, подперся копьем, кон под нимъ ворон, великъ добре. И приехал Уруслан к нему блиско, а человекъ спит, не подвинетца с мѣста. И Уруслан подѣхал блиско и уткнул ево копьем глухимъ концем, и человекъ на конѣ пробудился и проглянул, а се спросил: Господине! кто ты еси? какой человекъ, что, с коня не слая, спиш? Ивашко молвит: Нечто еси не слышал Ивашка, бѣлово поляницу? А яз де на индейскомъ рубеже стерегу украину семъ лет, а никаков человекъ іные земли мимо меня не проѣзживалъ, а ныне было есми по твоему счастью уснул и тыб проехал мимо меня к индейскому царю в царство и царь бы тебя спросил, по которой ты дороге ехал, и тыб царю сказал, что ехал мимо меня, а ничем не вреженъ: и царь бы тебя пожаловал и был бы тебѣ великиі подарокъ и воздал бы тебѣ великую честь. А нынеча ты меня розбудил, и ты от меня не можешъ жив быти: живово мнѣ тебя отпустити—и мнѣ честь свою потерять. И Уруслан молвит: Брате Ивашко! оба мы ещо в божие руке: кому ещо над кем Богъ пособит, а яз, брате, не розбивати хожу, ни красть ежду: ска-

зали мнѣ про тебя, что ты удал, и яз тебя смотрит приехал. И Ивашко молвит: Хто меня увидит, тотъ не может жив быть. И Уруслан молвит: Брате Ивашко! не хвалися: ешо то дѣло весити: любо ты умреш, любо яз умру. И Ивашко молвит: Да ништо мнѣ такова слова не говаривал грубна, а ты против меня говоришъ; и скажи мнѣ, какъ тебя зовут имянем и какие ты орды челоуѣкъ таков прыток приехал ко мнѣ и хош меня проглотити? Челоуѣкъ еси крестьянин, а ежду из далные земли, ис киркоусова царства, а имя мнѣ Уруслан Залазоревиц. И Ивашко, белая поляница, молвит: Слыхал еси про тебя, да два богатыря в поле не живут. И выехал Ивашко в чистое поле со Урусланом битися, и Уруслан подтянул у своего доброг коня подпруги по своему обычею и напустил с копьем против Ивашка, бѣлог поляницу. И Урусланъ молвил, едучи на ратное дело: Боже милостив! Спасъ, челоуѣколюбец! милостив еси, Господи, і долготерпелив: потеш меня, чтоб ни к одному челоуѣку копье железом не оборотилися. И какъ Урусланъ приехал к Ивашку да сшиб ево с коня долой на землю, ударив ево копьемъ глухим концем, а доброй конь уруслановъ, вещей Араш у Ивашка наступил копытом на пансырское ожерелье, и Урусланъ молвит: Брате Ивашко! не убил бы еси тебя: за то тебя убью, что тобою девки хвалятца. И проколл его копьем, и тут ему смерть скончалъ: похвалбъ его Богъ не пособил. И как Уруслан убил Ивашка, белую поляницу, и самъ учал думати: взяти мнѣ ивашков кон или ратное оружие, и мнѣ розбойником прослыти. И не взял Уруслан тог погрому ничего и поехал Уруслан во царство к индейскому царю и пришол, где сам индейской царь царствует. И приехал, бьет челом индейскому царю в службу. И царь индейской с радостию Уруслана приимает и учал ево любити, и учал ево многими царскими дары дарити. А ни во всемъ индейскомъ царстве нѣтъ такова челоуѣка лицомъ красна, ни доротством, ни храбростию, ни силою. А однем царь индейской хвалитца Ивашком, белою поляницею. И учал индейской царь Уруслана роспрашивати: Скажи мнѣ, брате: по которой дороге ехал еси? И Уруслан сказал, что ехал по той дороге, гдѣ стоял Ивашко, бѣлая поляница. И царь Уруслана спросил: Видел ли еси, едучи мимо, сторожа моего?

Яз, господине, не знаючи, убил его за ег похвалбу до смерти. И царь о Ивашке учинился добре печален и учал Уруслана тог болши тешити и розпотешати. И Уруслан с царем учал ездити в чистое поле и наехал озеро, а се Уруслан спросил царя: Что, господине, во царстве твоємъ за озеро и какое в нем угодые и какая у тебя в немъ потеха? И царь заплакал, а самъ молвит: Брате! потеха у меня во царстве людей добрых не оставила, всех перевела и хочет меня извести: выходит, брате, ис тово озера чюдо о трех головах, а емлет у меня на всякой день по человѣку, а завтра взяти ему доч моя, красная царевна. И Уруслан молвил: Да не избретца, господине, таков человѣкъ в царстве, кому с тем чюдомъ битися? И царь молвит: Брате Уруслан! что было богатырей и удалых людей, и чюдо тѣхъ всех богатырей прибил, а полцарства выел. И Уруслан молвит: Господине великии царь! могу я за тебя, за государя, живот свой на смерть дати: я иду с чюдом битися. И царь молвит: Брате Урусланъ! и без тово у меня в царстве добрых людей не осталос, а ещо мнѣ тебя потерять? И Урусланъ молвит: Господине великии царю! на то яз народился, что мнѣ за вас, за государей своих, голова своя складывати. И царь молвит: Брате де Урусланъ! Коли ты мнѣ ту службу служиши здорово и жив будеш, и яз дамъ за тебя доч свою, красную царевну, и полцарства своего. И повели царевну к озеру, чюду на съеденья. И Уруслан сел на свой доброй конь да поехал за царевною, а, хто царевну провожал, те всѣ воротилис назад. И Уруслан приехал к царевне да сщол с коня долой. И царевна молвит: Брате де молодець! поеди проч от меня: тебѣ мнѣ не пособит; а себя мнѣ пуши погубит. И Уруслан молвит: Девка! не бойся; молися Богу да смотри на озеро: какъ учнут волны являтися, и ты меня побуди. И Урусланъ уснул крепко. И какъ на озере учели волны являтися, и царевна побудила Уруслана; и Урусланъ не пробудитца, спит добре крепко. И какъ в другорят учили на озере волны являтися болши того, и царевна побудила Уруслана, и Урусланъ добре спит крепко, не пробудитца. И как в третие почели на озере волны являтися, тог болши: чюдовы головы почели являтися, и царевна, вынев нож урусланов, да поколола Уруслана в стег-

но, чтоб Урусланъ услышелъ и оттогоб пробудился. И Урусланъ пробудился и толко успел на кон съѣсти, и чудо кликнул богатырскимъ голосом. А Уруслан кликнулже богатырскимъ голосом и от обѣих богатырскихъ голосов земля потрясся, и царевна исполошилася и пала ничь на землю. И Уруслан не успел того молвит, чтоб ни к одному челоуѣку железомъ копыя не оборотилися, и учал Уруслан с чудомъ битися и копыя у них приломалися и ызымалися за руки: и чудо побежалъ в озеро, а Урусланъ с нимже пошел, а ни одинъ с коня не свалился. И какъ Уруслан и чудо потопли оба на дно озера и то видел царь и вси людие в царстве, и заплакали горко, а сами говорят: Уже де чудо и Уруслана убил и топерво уже наше и царство пусто будет. А нечаючи тог, что Уруслан в озере живъ будет. И пособил Богъ Уруслану Залазоревичу чудо убити: снял ему мечем все три головы да, какъ Уруслан чудо в озере убил, и после того в озере нашел на дне камен. И вышел Урусланъ из озера и царь с царвеною и со всеми людми Уруслана встречают и учили Уруслану бити челомъ. А тот камен, что Уруслан из озера с собою вынес, что нашел на днѣ, ажно камень добре дорогъ и во всемъ индейском царстве такова камени нѣтъ, и цены ему никто не может уставити. И царь индейской учал радоватися, а сам молвит: Дал де Богъ Уруслана Залазоревица; тот де царство мое и меня от чюда оборонил; тепера де мы лиходея своег избыли: поживем мы топерво бескручинно. И велѣлъ индейской царь свадьбу играти и дал доч свою, красную царвну, за Уруслана за муж. И какъ Урусланъ пришол с царвеною от венчанья да легъ спати на первую ноч, и учал Урусланъ спрашиват царвны: Душечка моя милая, красная царевна, дочь индейского царя! яз для тебя ехал из далныя земли, из далново царства, живот свой складывал, а коня своег не жаловал, а себя не щадил. А нынеча скажи мнѣ правду: есть ли гдѣ тебя краше, а меня, Уруслана, удалее? И царевна молвит: Чем я, господине, красна и хороша? Есть, господине, на море солнечной город имянем, а в томъ городе царствует царевна, а служащие у нее все девки, и та царевна в семь седмериц краше меня; а яз не судна тѣмъ девкамъ, которые у нее служат, красотою и хорошством.

А ты, государь, убил Зеленог Царя, огненного щита, пламенного копья, да тыж убил Ивашка, белую поляницу, да в озере чудо о трех головах убил, да тыж убил Θεодула змея и тебя сильнее и удалѣе нигде нет. И спал с нею Уруслан первую ноч да встал от постели своей да тот ей камен дал, которой с собою из озера вынес. И молвит Уруслан: Душечка де еси моя, милая красная царевна! родитца у тебя после меня сынъ, и ты тот камен на руку ему взложи; а родитца у тебя доч, и ты ей в том камени серги доспей. I садитца Уруслан на свой доброй кон, на вешей Арашъ, да поехал солнечног города доезжати, гдѣ царевна царствует. И приехал Уруслан на море, ажно стоит город добре красен на высокой горе, и по указу Урусланъ догадался, что тот город. И приехал поконецъ мосту и свиснул богатырским голосомъ, и вышли противъ Уруслана девки добре красны: платьѣ на них добре хорошо, а у всякой девки подол сажен великим жемчугомъ да з драгимъ каменемъ, и учили Уруслану бити челом i учили говорит: Царь ли ты, господине, или царевич, или княз, или богатыр сильной, и ты, господине, поди к государыне нашей х красной царевне. И Урусланъ поехалъ в город х красной царевне. И вышла встречати Уруслана красная царевна и ударила ниско челомъ Уруслану и, взявъ его за руку, и повела в каменную полату и учили пити и ясти и тѣшитца. I тешився, Уруслан легъ с царевною опочиват; и, лежа, Урусланъ учал говорит: Душечка де еси моя милая, красная царевна дѣвица! есть ли де тебя краше, а меня удалѣе? И царевна молвит: Господине Уруслан! коли ты Зеленог Царя и Θεодула змея и Ивашка, бѣлую поляницу, и в озере чудо о трех головах убил и тебя сильнее и удалее нигдѣ нет, а меня краше и хорошее нигдеж нѣтъ. И учал Урусланъ в солнечном городе жит с тою царевною много лѣтъ. И какъ Уруслан с тою царевною поспит мѣсяць времени, i он обезсилеет: учнет тянути свой доброй крѣпкой лук, и он не может и от петел отвести; и учнет Уруслан тужит добре о своей старой силе. И какъ Уруслан не поспит с царевною месец времени, и он учнет тянути лукъ по старому. А пошлую свою венчалную жену Уруслан и забыл. И после Уруслана родился у жены его, индейского царя дочери, от его урусла-

нова плоду сынъ и дали имя ему Урусланъ Урусланович. И учал Уруслан расти божіимъ повелениемъ борзо, по томужъ, какъ отецъ ево рос, Уруслан Залазорович. И какъ будетъ Урусланъ о двунатцети лѣтъ и захотел он потешитца царскою потехою, чти над собою царскиеж похотел: и которыхъ добрыхъ родовъ царские дети и великихъ князей не учили над Урусланомъ чти держати и учили ево зватъ вылеткомъ і учили говоритъ Уруслану: Что ты за царевъ сынъ, что с нами не гораздо шутишь? а ты у себя и отца не знаешь. И Уруслану Уруслановичю то слово учинилося добре в досаду и пришол Уруслан к матери своей, добре невесел и учаль говорити матери своей: Скажи мнѣ, госпожа моя мати: какова яз отца сынъ и гдѣ отецъ мой? А меня тѣмъ многие люди безчестят и мнѣ в соромех не мошно лица своегъ показат. И Уруслану молвить мати ево: В томъ ты, сынъ мой, не кручинся: отца ты сынъ доброво; отецъ у тебя былъ русской богатыр, а приехал из далние земли, ис киркоусова царства; а имя ему Уруслан Залазорович; а отецъ твой Уруслан убил Зеленого Царя да Феодула змея, да онже убил Ивашка, бѣлую поляницу, да в озере чюдо о трехъ головахъ убил, а меня от смерти отнял. А отецъ было мой, индейской царь, выдал меня тому чюду на съеденье і тотъ камен, которой яз тебе на руку дала, отецъ твой вынес из озера. И Уруслан Урусланович молвит: Да где нынеча, мати, отецъ мой Уруслан? а яз ещо ево не знаю, а хочетца мнѣ ево в очи увидет. И мати сказала: Сынъ мой Урусланъ Урусланович! отецъ твой Урусланъ венчался да одну ноч начевал со мною да поехал искати солнечного города, где красная царевна царствует. И розослал Уруслан по дѣдиным стадамъ конскимъ, индейского царя, и выбрал себѣ доброгъ коня по своей мысли, и оседлал егъ і подпруги подтянул по своему обычею, и остегнул на себя саадак и саблю крымскогъ делца и взял Уруслан свое булатное копые и селъ на своего доброгъ коня и поехал искати солнечного города. И какъ приехал Уруслан к солнечному городу и стал поконецъ мосту і свиснул богатырскимъ голосом, и в то время отецъ ево Уруслан Залазорович исполошелся и сам молвит царевне: Не простой то чловѣкъъ крикнул, свиснул доброю силой богатыр. И садитца Уруслан на своегъ доброгъ коня,

вещег Араша і поехал ис солнечново города против богатыря к мосту: ажно поконец мосту стоит паробочек молод добре. И Уруслан напустил на коне против паробочка с копьем, а паробчик напустил против Уруслана, отца своего, с копьемже и съехались оба богатыри вмѣсто. И паробчик Уруслана ударил, отца своего, копьем тупым концем и вышиб ево из седла: мало Уруслан с коня не упал, удержался за седельную луку, и поехали богатыри вдругорят вмѣсто съезжаться. И Уруслан паробчика сшиб копьемъ тупымъ концем с коня на землю, а доброй кон уруслановъ, вещей Арашъ, у паробчика наступил на пансырское ожерелье. И Уруслану паробчика убити до смерти жал, что ещо паробчикъ молод добре, а паробчикъ в сердцах под Урусланом рвет у него копье булатное и ухватился за копье добре крепко, и у паробчика рука обголилас. И Уруслан у паробчика увидел тот камен, которой Уруслан из озера вынес, какъ чюда убил. И по тому каменю Уруслан опознал сына своего и скочил Урусланъ с коня долой и учал паробчика спрашиват: Скажи мнѣ, брате: какой ты человекъ? таков ты молод, а поехал козаковат рано. И паробчик молвит: Какъ мнѣ тебѣ сказатися? По подобию есми человекъ, а и самъ не знаю, какова есми отца сынъ яз; а сказывает мнѣ мати моя, индейского царя доч, красная царевна, что прозвали меня отца моего імянемъ уруслановым; а тот де отецъ мой Уруслан был русской богатыр, а спал де с маткою моею одну ночь да поехалъ проч; а какъ я родился после отца своего, и тому 12 лѣтъ минуло. И Урусланъ Залазоревичъ то слово помыслил, а се паробчику: Сынъ мой Уруслан! а яз твой отецъ Урусланъ Залазоревич; а яз тебя опознал по камени: какъ ты за мое копье хватился и у тебя рука оголилас, и яз тот каменъ усмотрил у тебя на руке; а тот камен я из озера вынес, как я убил чюдо о трех головах: и какъ я поехал гуляти от матери твоей, и яз, поедучи, матери твоей приказал: родитца после меня сынъ, и ты тот камен на руку ему взложи; а родитца у тебя дочъ, и ты ей в том камени серги доспей. И Богъ дал мнѣ тебя, доброво сына. И учал говорит Уруслан Урусланович отцу своему Уруслану Залазоревичю: Господине ты мой отецъ! пригоже ли ты такъ делаеш? покинул еси ты законную жену

свою, а живеш не з законною женою? И Уруслан Залазоревичъ молвитъ: Сынъ де еси Уруслан! в том де еси виноват, да всякой человекъ хочет потешиться молодостию, да всяко время бывает до поры; а ныне мнѣ то все ненадобно и вперед того дѣлати не хочю. И покинул Уруслан свою незаконную жену да ис того царства выехал вон с сыномъ своимъ Урусланомъ во царство к индейскому царю, к своей законной женѣ. И какъ Урусланъ приехал к индейскому царю, и царь индейской учинился рад добре приезду урусланову. И учал царь Уруслана дарити своими царскими дарами, и дал индейской царь Уруслану Залазоревичю половину царства своег индейской земли и всег своег имени половину дал в державу. И учал Уруслан жити во царстве индейского царя безмятежно своею законною женою, а незаконную жену свою покинул в солнечномъ городе. И подклонил Уруслан под свою руку к индейскому царству многие города и многие царства, царей, и королей, и сильных богатырей, и удалых людей своимъ богатырствомъ. А сынъ ег Уруслан Урусланович, ударив челом дедушку своему, индейскому царю, и отцу своему, Уруслану Залазоревичю, и матери своей, да поехал в чистое поле гуляти козаковати на отцове урусланове на добромъ конѣ, на вещемъ Араше,—искати царей и королей, и сильных богатырей, и удалых людей. И захотѣлъ отвѣдати плеча своего богатырсково и захотел прославитца во многие орды своею удачею, а отцомъ своимъ жити не похотель. Захотел свою честь получитьи и славу захотел свою пустити во многие орды. Ныне і присно и во веки вѣкомъ. Аминь.

РУССКІЙ РАСКОЛЬ СТАРООБРЯДСТВА,

разсматриваемый въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и гражданственности въ XVII вѣкъ и въ первой половинѣ XVIII.

А. ШАПОВА. Казань, 1859 г.

Расколъ старообрядства составляетъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій въ исторіи русскаго просвѣщенія. И въ означенномъ сочиненіи не мало сдѣлано для разъясненія этого явленія. Рукописи Соловецкой бібліотеки и Казанской духовной академіи, которыми г. Шаповъ воспользовался въ своемъ изслѣдованіи, даютъ его книгѣ значеніе серьезнаго труда. Притомъ въ его сочиненіи въ первый разъ печатно высказанъ не близорукій, но вполне разумный взглядъ на расколъ старообрядства, взглядъ, который конечно не будетъ новостью для передовыхъ людей въ наукѣ русской исторіи и литературы. Недостатокъ же въ сочиненіи г. Шапова мы находимъ въ томъ, что онъ хотѣлъ объяснить расколъ старообрядства изъ однихъ только современныхъ расколу явленій, или, по крайней мѣрѣ, изъ очень ближайшихъ къ его появленію. Такое, не совсѣмъ историческое объясненіе оставило мѣсто для многихъ вопросовъ, на которые мы не получимъ удовлетворительнаго отвѣта въ его сочиненіи. Совершенно справедливо то, что одною изъ причинъ раскола было невѣжество и безграмотность христіанскихъ учителей, современныхъ ему, но почему именно въ этотъ моментъ почувствовали ихъ несостоятельность, а не прежде? почему въ это время начали ихъ кри-

тиковать и анализировать? Образовантѣ ли они были прежде или почему нибудь до сихъ поръ не обращали вниманія на ихъ невѣжество? Если до раскола большинство христіанскихъ учителей было образовантѣ, то могло ли оно разучиться до безграмотности, еслибъ въ этихъ учителяхъ была постоянная нужда снизу, еслибы народъ постоянно подталкивалъ ихъ? Одною лѣнью невозможно объяснить неохоту этихъ учителей къ грамотности и собственному просвѣщенію, тогда какъ отъ того они могли бы имѣть и нравственное вліяніе и матеріальную выгоду. Такое рѣшительное невѣжество не иначе можно объяснить, какъ отсутствіемъ практики у учителей. Никакою снисходительностью взрослыхъ учениковъ нельзя объяснить того, чтобы они терпѣли долгое время учителей совершенно невѣжественныхъ. Ясно, что существованіе подобныхъ учителей необъяснимо изъ современныхъ только расколу явленій, изъ которыхъ мы не объяснимъ себѣ удовлетворительно ни народнаго сознанія современнаго расколу, ни современной ему и раскольнической литературы, ни современныхъ расколу религіозно-эстетическихъ потребностей народа.

Христіанское просвѣщеніе, начавшееся въ Россіи сверху, не могло идти слишкомъ быстро. Изъ разсказовъ лѣтописцевъ о христіанскомъ просвѣщеніи нашихъ древнихъ князей и бояръ мы не можемъ заключать о томъ же къ народной массѣ. Ростъ русскаго народа вообще медлененъ. Физическая сила, съ помощію которой началось у насъ вводиться христіанское просвѣщеніе, совершенно противорѣчитъ быстрому его распространенію въ народѣ. Какъ только лѣтописецъ, провозгласившій введеніе христіанскаго просвѣщенія въ Россіи, коснется отношенія массы къ этому новому просвѣщенію, народъ у него непременно является на сторонѣ своего языческаго просвѣтителя-вохва, а не христіанскаго учителя, котораго сторону принимаютъ только лучшіе люди — меньшинство. Замѣтимъ, что лѣтописецъ по этому поводу касается массы городской, передовой въ народѣ. Изъ сказаній о большомъ количествѣ храмовъ въ нѣсколькихъ, большихъ древне-русскихъ городахъ ничего мы не можемъ заключить о томъ же относительно нашего громаднаго отечества, относительно сельскаго народонаселенія, разбросаннаго по лѣсамъ, тогда какъ въ XVI и XVII вѣкѣ былъ большой недостатокъ храмовъ для народа, что ясно видно изъ сочиненія г. Шапова (365—380 стр.). Далѣе по жалобѣ нашихъ древнихъ христіанскихъ проповѣдниковъ о лѣнивомъ хожденіи народа въ храмъ, проповѣдниковъ, жившихъ въ большихъ городахъ, не можемъ же мы заключить того, чтобы большинство, жившее въ болѣе дикихъ и пустынныхъ мѣстахъ, прилежно

посѣщало храмы. О томъ, что народъ долго спустя послѣ введенія христіянства продолжаетъ жить по язычески, мы постоянно слышимъ жалобы нашего древняго духовенства, но притомъ опять таки жившаго большею частію въ мѣстахъ болѣе населенныхъ, болѣе образованныхъ. Посланія нашего древняго духовенства о томъ же предметѣ были направлены большею частію въ болѣе важные пункты нашей древней Руси. А если мы не слышимъ подобныхъ жалобъ изъ другихъ частей Россіи, то не можемъ же мы заключать изъ этого о томъ, что тамъ болѣе успѣшно шло христіянское просвѣщеніе. Позднѣйшіе же лѣтописцы христіянскаго образованія массы народной, отцы стоглаваго собора, свидѣтельствуютъ, что по селамъ и погостамъ современной имъ Россіи господствовало язычество ¹⁾). Такимъ образомъ до самаго раскола старообрядства массы русскаго народа жили еще языческимъ образованіемъ. Расколъ же старообрядства составляетъ тотъ моментъ въ развитіи русскаго народа, когда массы народныя сознали потребность христіянскаго просвѣщенія, сами начали требовать его. Въ это время жители сель и слободъ, услыхавъ о какомъ нибудь свѣдущемъ учителѣ, тысячами бѣжали къ нему. Таково напримѣръ извѣстіе о расколоучителѣ Капитонѣ. Игнатій, м. тобольскій, пишетъ о Доміантѣ, что «собрашася къ нему мнози отъ поселянъ, еже есть слобожанъ, аки къ пустынику и мужи и жены и дѣти, яко тысяча и семсотъ» (III посл.). Что не безъ этой цѣли народъ бѣжалъ къ расколоучителямъ видно изъ того, что о Капитонѣ говорится: «потому мнози ученицы бяху». Народныя массы дѣйствительно искали себѣ въ это время христіянскихъ учителей. Рассказывается, что, на пути отъ Вологды къ Каргополю, жилъ «аки учитель нѣкій, волхвъ и чародѣй, примысля себѣ имя пустытника и нѣщци поселяне изъ домовъ своихъ изшедше, послѣдоваша ему.» (245 стр.)

Не смотря на то, что со введенія христіянства въ Россію до раскола старообрядства прошло нѣсколько вѣковъ, однако масса русскаго народа, современная расколу, находилась на первоначальной степени обученія христіянскому просвѣщенію. Подобно первенствующимъ христіянамъ русскіе люди, «какъ гладные приходили въ церковь Божію съ жадностью духовнаго назиданія и наущенія», «любили зѣло любезно послушать» (400 стр.). Въ расколѣ старообрядства способъ просвѣщенія не столько—школа и книга, сколько проповѣдь и бесѣда. Любовь къ просвѣщенію выражалась въ дѣтской привязанности къ буквѣ, въ вѣрѣ чернилу.

---

¹⁾ Стоглавъ гл. 41.

Пока христіанскаго образованія требовали только лучшіе люди, учителей хорошихъ для нихъ было достаточно, но когда массы народныхъ потребовали себѣ учителей христіанскихъ, то оказалось, что частію ихъ было мало для народа (380—386 стр.) или, если и достаточно въ иныхъ мѣстахъ, то большинство ихъ совершенно не соответствовало характеру учителей. «Рѣдко кто изъ духовнаго чина, жаловался Дмитрій Ростовскій, знаетъ порядокъ библейской исторіи, что когда происходило. Одинъ игуменъ спрашивалъ меня, когда жилъ Ілія пророкъ по рождествѣ ли Христовомъ или послѣ рождества Христова? и еще: Маккавеи жили послѣ апостоловъ? ибо учитель ихъ Елеазаръ предъ мучителемъ приводилъ слова апостольскія и евангельскія, какъ напечатано въ прологѣ московскомъ въ 1 день августа? И много слышалъ я другихъ смѣшныхъ рѣчей между духовнымъ чиномъ. Напримѣръ слѣдующее: которымъ ножемъ св. Петръ отсѣкъ Малхово ухо, тѣмъ въ послѣдствіи св. Ілія перерѣзалъ жрецовъ вааловыхъ (Древ. р. вивл., ч. XVII, стр. 87). Тотъ же Дмитрій Ростовскій во время своего путешествія въ 1702 году зашелъ въ церковь и спросилъ попа: «гдѣ суть животворящія Христовы тайны. Попъ же ничего словеси познати можаше. Егда же единъ отъ со мною бывшихъ искусныхъ іереевъ (говоритъ онъ) рече къ нему: «гдѣ запасъ?» Тогда онъ показалъ святыя дары (ibid.). До того мало образованы были христіанскіе учителя, современные расколу, что въ XVII вѣкѣ «даже нѣкоторые честные протопопы, по словамъ преподобнаго Діонисія, служаще въ святыхъ церквахъ, по священнымъ книгамъ чтуще и поюще, не добръ разумѣли глаголемое и читанное» (Ркп. Сол. биб. № 897). А потому во время службы они не рѣдко произносили безсмыслицу, наприм. въ главѣ пяти молитвъ, которыя произносятся священникомъ во время проскомидіи, священники XVII вѣка, читали молитву надъ *виномъ хотящимъ служити* (192 стр. Шап.). Но мало того, что эти учителя не умѣли понимать читаннаго, они не умѣли иногда даже и читать. «Даже между честными протопопами и архимандритами, по словамъ старца Арсенія Глухаго, много было такихъ, кои едва азбуцѣ умѣли и ничимъ же разнствовали отъ невѣжды и поселянина» (68 стр.). Отцы собора 1667 года говорили, что въ священство поставлялись сельскіе невѣжды. Самъ строгій Никонъ требовалъ отъ большинства духовныхъ учителей только знанія грамоты. Книга г. Шапова наполнена множествомъ примѣровъ и выписокъ по этому предмету. Понятно, что учителя съ такимъ образованіемъ не могли удовлетворить народа, требовавшаго рассказовъ, объясненій, толкованій христіанскаго ученія. «Іерея не учатъ, а люди невѣжествуютъ; іереи слова Божія не про-

повѣдуютъ», говоритъ Дмитрій Ростовскій (Сочин. св. Димитрія, II, 389). Духовный регламентъ говоритъ о духовенствѣ XVIII в.: «По-неже мало есть, противо толикаго Россійскія церкви многоградія таковыхъ пресвитерей, которые бы наизустъ могли проповѣдывать догматы и законы Св. Писанія» и т. д. (П. С. З. т. VI. стр. 321). Отъ подобныхъ учителей не возможно ожидать любви къ своему занятію. И дѣйствительно духовенство дѣлилось даже исполнять церковныя службы, такъ что, если кто хотѣлъ читать пропускаемое ими въ службѣ, они запрещали, гнали отъ себя тѣхъ, которые обращались къ нимъ съ своими требованіями, или же потворствовали незаконнымъ требованіямъ: вѣнчали не по христіанскому обычаю (180—181 стр.), занимались чернокнижествомъ, волшебствомъ, какъ лестнымъ народу, чтобы сколько нибудь имѣть на него вліяніе. Въ посланіи Филарета Никитича въ Ниж. Новгородъ говорится, что «дьячекъ держитъ у себя книги не добрыя, ересныя, да приговоры.., рафли, тетради гадательныя». (Архив. т. III, гл. VI, прим. CLXXVI). Нравственная, домашняя жизнь этихъ учителей, которая особенно важна для учениковъ—дѣтей, была совершенно безотраднa. Народъ забылъ къ такимъ учителямъ уваженіе, безчестилъ, а иногда и билъ ихъ. Правда, являлись нѣкоторые ученые и нравственные пастыри, но для цѣлаго народа, который хотѣлъ учиться, ихъ было слишкомъ мало. Но даже и эти, болѣе просвѣщенные учителя, не понимали потребностей народа, не знали педагогическаго способа обученія дѣтей. Одно чтеніе безъ объясненія, безъ руководства неудобно для дѣтей. Книги, ими издаваемая, были не по понятіямъ народа. «Обѣд душевный и вечера душевная люботруднаго и мудраго мужа Симеона Полоцкаго и тая простѣйшимъ людямъ за высоту словесъ тяжка бысть слышати и грубымъ разумомъ не внимательна, а Божественнаго Златоуста бесѣды его и нравоученіе на Евангеліе и на Павлова посланія и на дѣянія святыхъ апостолъ зѣло не разумительно, неточію слышашимъ, но ичущимъ, вельми бо препросты страны сея жители, въ ней же ми обитати, не точію отъ мирянъ, но и отъ священникъ. иностраннымъ языкомъ та Златоустаго писанія нарицаху». (Оп. Рум. муз. стр. 632.) О томъ же говоритъ и духовный регламентъ. Наконецъ, когда расколъ побудилъ къ заведенію училищъ, то частію ихъ вначалѣ было недостаточно, а въ особенности же они не отвѣчали современной потребности, такъ что до 1701 года, даже въ славяно-греко-латинской академіи не учили богословію. А между тѣмъ для народа нужно было много учителей, учителей, знавшихъ христіанское образованіе. Медленно распространялись училища и въ XVIII вѣкѣ. Платонъ Любарскій говоритъ объ архіепископѣ казан-

скомъ Гавріилѣ (1735—1738 г.): «Сказываютъ объ немъ, что какъ къ содержацію семинаріи и ученыхъ дюдѣй, такъ и къ строенію по введенному въ нынѣшнее время примѣру всякихъ въ епархіи своей зданій не имѣлъ склонности, почему и все до него такимъ образомъ заведенное уничтожить велѣлъ, хотя бы то и великой суммы стоило, вмѣняя въ добродѣтель все прежде въ Россіи не бывалое истреблять безъ остатку». (Истор. каз. іерар. Ркп. каз. дух. акад.) Но и въ заводимыхъ семинаріяхъ богословіе преподавалось не вездѣ. «Въ нихъ весь курсъ ученія, говоритъ г. Шаповъ, большею частію ограничивался букваремъ славянской, латинской и греческой грамматики, да какими нибудь латинскими, риторическими и пѣтическими экзерциціями и оккупациями *de loco, de pane, de calceis*» и т. п. (439). Съ половины XVIII вѣка введенное богословіе преподавалось на латинскомъ языкѣ, по системѣ западныхъ схоластическихъ богослововъ. А между тѣмъ массы русскаго народа всегда отличались противочувствіемъ католичеству. Никонъ окружалъ себя учеными съ юга, въ чемъ упрекалъ его и Нероновъ (86 стр.). Книги, которыя заимствовали для образованія, были западныя, католическія. Аввакумъ въ отвѣтномъ посланіи къ Андрею Плещееву говоритъ о книгахъ, пріобрѣтенныхъ Никономъ и переводимыхъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича: «Нынѣ расколы творятъ книги еретическія отъ римлянъ, отъ парижанъ, отъ венетовъ, прочее умолчу до времени» (93 стр.). Такимъ образомъ кромѣ схоластицизма, неестественности, которая несносна ученику ребенку, средства для образованія были заимствованы съ запада, къ которому была непреодолимая антипатія.

И такъ христіанскіе учителя, современные расколу, не умѣли и не могли удовлетворить потребности народа, требовавшаго просвѣщенія. Но нисколько не заглохла отъ того въ народѣ жажда къ христіанскому просвѣщенію. Еще въ язычествѣ русскій народъ привыкъ обходиться безъ особеннаго сословія религіозныхъ учителей — безъ жрецовъ. И на этотъ разъ онъ рѣшается учиться у всякаго, кто бы только зналъ что нибудь, кто бы хотѣлъ научать его. Нашлись люди, хотя и не съ большими, но все же съ какими нибудь свѣдѣніями. Нашлись грамотные, вполне воспользовавшіеся грамотностью, сколько отъ нихъ зависѣло, много прочитавшіе, много помнившіе изъ прочитаннаго. Таковы были образованнѣйшіе люди того времени, — справщики книгъ, писаря. И дѣйствительно расколу учителями явились справщики книгъ, бывшіе при патриархѣ Іосифѣ, какъ Аввакумъ, Нероновъ, Логгинъ, Никита, изъ писарей Никита во Владимірѣ, Козма Прокофьевъ въ Каргополѣ. Являлись между расколу учителями и такіе, которые искусны были въ логику, философію и богословію,

какъ Вавила, ученикъ Капитона. «Андрей Денисовъ грамматическому и риторическому разуму учился, Семень грамматику, риторику, пиитику и часть философіи довольно изучилъ». Между расколоучителями были люди, одаренные большими талантами, такъ Исаія, ученикъ Аввакума. Притомъ у раскольниковъ учителей была сильная любовь къ своему занятію. Патріархъ Іоакимъ говоритъ, что у нихъ была страсть къ учительству. «Козьма Прокофьевъ, по словамъ Денисова, вся къ себѣ народы паче магнита привлекалъ, понеже всѣмъ, приходящимъ къ нему, сладокъ и полезенъ быше совѣтникъ и наставитель». (Виногр. Росс., л. 106. об. 160.) Изъ множества приведенныхъ въ этомъ родѣ въ книгѣ г. Шапова примѣровъ мы выписали только одинъ. Расколоучители не только не отказывали приходящимъ въ словъ, но даже сами старались проникать въ дома для ученія, путешествовали по Россіи, какъ миссіонеры, таковъ былъ Андрей Денисовъ и многіе его ученики. Для распространенія раскола они не щадили ни чести, ни имѣнія, ни самой жизни. (Пол. изв. о раск., ч. I, стр. 83.) Эти расколоучители при сообщеніи истинъ умѣли приравниться къ способностямъ людей простыхъ, темныхъ. «Сочиненія Денисовыхъ, говоритъ г. Шаповъ, по своему тону и направленію, не могли не имѣть сильнаго вліянія на необразованныхъ, особенно неразсудительныхъ и легкомысленныхъ читателей. Насыщенно-восторженный тонъ, цвѣтистая, образная, иногда дѣйствительно не лишенная нѣкоторой красоты и изящности рѣчь, чрезвычайно ловкая поддѣлка и обиліе хитросплетенныхъ доказательствъ, все это сильно дѣйствовало на умы и сердца неразсудительныхъ читателей» (319). Объ сочиненіяхъ Аввакума, г. Шаповъ говоритъ, что они «приходились по вкусу простому народу, написаны были простонароднымъ, мужицкимъ и отчасти шутливымъ языкомъ». (317 стр.) Сообразно съ дѣтскимъ характеромъ развитія народа предметами раскольниковъ бесѣдъ и рѣчей было: наступленіе послѣднихъ временъ, близость кончины міра, пришествіе антихриста, второе пришествіе Христова, страшный судъ, которымъ сильнѣе всего греческіе миссіонеры поддѣйствовали на язычника Владиміра. Сообразно съ дѣтскимъ состояніемъ народа, литература раскольническая была толковательная, объяснительная, излагалась въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, загадокъ и рѣшеній ихъ. Правда, предметы этихъ вопросовъ и загадокъ были иногда очень пусты, мелочны, но все-таки они выходили изъ любознательности, все же это не отрицаніе знанія, не сосредоточеніе въ мелочахъ практической жизни, не апатія, не застой умственный. Расколоучители чужеземнымъ пользовались не католическимъ, а лютеранскимъ. Вавила, ученикъ Капитона, былъ лютерскія вѣры (Вин. Р., л. 135).

Таковы были нѣкоторые расколоучители въ Сибири. Объ Аврааміи, Яковѣ, Лепихинѣ и друг. Игнатій, м. тобольскій говоритъ: «Суть проклятіи лютере: чтеніе священнаго писанія все злѣ и растлѣнныя толкуютъ, и якоже кальвини и лютере вся церковная преданія отмиѣтають, мяшесе сами собою, не іереи суще, крестятъ дѣтей, явственнѣ еретицы—кальвини и лютере суть». (1 посл., Пр. соб. 1855, 1 кн. стр. 27, III посл., стр. 61.) Во многихъ сектахъ раскола старообрядства играютъ большую роль идеи протестантизма, хотя иногда и превратно понятыя. Вообще говоря, протестантизмъ болѣе пришелся по духу русскаго народа, соединившись съ преданіемъ языческимъ объ отсутствіи жрецовъ въ р. языческой религіи и дружескию принятыи въ древнѣйшія русскія ереси стригольниковъ, жидовствующихъ. Расколоучители заботились о распространеніи своихъ идей посредствомъ книгъ. Они снабжали книгами всѣхъ желающихъ. Скиты ихъ имѣли искусныхъ писцовъ. Они продавали книги на ярмаркахъ. Раскольническіе миссіонеры ходили съ котомками, наполненными книжками и тетрадами. «Не точію въ селѣхъ и во градѣхъ, говоритъ п. Іоакимъ, но и въ самомъ царствующемъ градѣ Москвѣ, чрезъ ихъ ложная и прелестная словеса и писанія простой и ихъ прелести не могуцій познати многъ народъ прельщали яко словеса, тако и злоудавными лестными писаніи». «Раскольническія книги такъ сильно распространялись и такъ вредны были для народа, говоритъ г. Шаповъ, что въ 1724 году указомъ свят. Синода предписано было духовнымъ управителямъ объявлять раскольническія рукописныя книги». (321 стр., 1 примѣч.) Результатомъ всего этого была удивительная быстрота, съ которою распространялся расколъ. Едва ли кто нибудь станетъ отрицать послѣ того, что расколъ способствовалъ по крайней мѣрѣ распространенію грамотности въ русскомъ народѣ, не далъ заглохнуть въ немъ любви къ просвѣщенію.

Отвѣчая народнымъ потребностямъ, раскольническая литература отразила въ себѣ жизнь массы, ея внутреннее развитіе, ея симпатіи и антипатіи. Мы уже упомянули о томъ, что въ раскольнической литературѣ выразилась антипатія къ католичеству. Излишнимъ считаемъ говорить, что въ ней выразилась антипатія къ духовенству. Для русскаго, народа привыкшаго къ свободной жизни въ язычествѣ, воспитаннаго въ вольности во время усобицъ, въ потворствѣ князей и царей, отвыкшаго во время самозванцевъ нести государственныя повинности, возмущавшагося при указахъ, стѣснявшихъ его свободу, для такого народа тяжело было нести расходы постоянныхъ войнъ при Михаилѣ Теодоровичѣ, вступившемъ на престолъ, когда въ казнѣ не было денегъ. Естественно, что такому народу не могло нравиться

усиленіе монархической власти при Алексѣѣ Михайловичѣ, и особенно при Петрѣ. Не легко было время для народа послѣ подушной переписи, когда чиновники собирали деньги *сильно*, вмѣсто 38 по 54 копѣйки, и наживали себѣ отъ сбора по 2000 р. Не могло не быть тяжело для народа, когда каждый годъ для постройки Петербурга приходило до 40,000 человекъ, когда этотъ народъ долженъ былъ собираться изъ дальнихъ мѣстъ, когда для постройки Азова гнали народъ изъ противоположнаго конца Россіи и народъ этотъ часто не возвращался совсѣмъ домой; когда нужно было приводить въ исполненіе такія огромныя предпріятія, какъ прорытіе Ладожскаго канала. Это было время, когда, по словамъ Посошкова, безъ взятокъ ничего нельзя было сдѣлать въ судѣ, когда прикащики грабили крестьянъ, забирали у крестьянъ что имъ вздумается, а за жалобу сажали въ тюрьму и заставляли выкупаться (Дополн. къ Ак. III, № 65), когда губернаторы, тѣшась изъ пушекъ, губили при этомъ человекъ по 15ти (Додошен. м. Сильвестра свят. Сил., рук. к. А., III. 525 стр.), когда пашни господскихъ крестьянъ оставались незасѣянными отъ недостатка сѣмянъ, когда господа издѣвались надъ крестьянскими женами и дочерьми, выбивали у женки ребенка, топили крестьянъ въ водѣ, отдавали ихъ чиновнику вмѣсто взятки. Еще ужаснѣе было для народа время Бироновщины, когда ставили крестьянъ голыми ногами въ снѣгъ, били палками по пятамъ, пытали. Всего яснѣе видна тяжесть этого времени изъ того, что нѣкоторые предавали себя самосожженію отъ присылаемыхъ командъ, отъ ихъ грабительства и раззоренія (П. С. З., т. XV, стр. 233). Подобно первенствующимъ христіянамъ, ожидавшимъ пришествія антихриста во время страшныхъ гоненій противъ нихъ, раскольники въ своей литературѣ отразили тяжесть государственной жизни въ образѣ антихриста. Въ своихъ сочиненіяхъ они пріурочивали пришествіе антихриста къ 1666 году царствованія Алексѣя Михайловича. Вотъ какъ говорится въ раскольническихъ сочиненіяхъ противъ усиленія самодержавія Петромъ Великимъ, противъ тяжкой для народа по своимъ послѣдствіямъ переписи: «Мы, смотряще недремательнымъ окомъ познаваемъ, яко отъ лѣта по числу 1666му конецъ пріяша пророчествія, а совершенное же всея злобы исполненіе исполнися на Петрѣ, егда исполнися число звѣря 1666 лѣтъ, въ то лѣто царь Алексѣй Михайловичъ съ Никономъ отступи отъ св. православныя вѣры, а послѣ его въ третьихъ восцарствова на престолѣ всея Русіи сынъ его первородный Петръ, и нача превозноситься паче всѣхъ глаголемыхъ боговъ, сирѣчь помазанниковъ, и нача величаться и славиться предъ всѣми, гоня и муча православныхъ христіянъ и распроставляя свою новую вѣру, и церковь по всей Россіи въ 1700 году воз-

обнови; уничтожи патриаршество, дабы ему единому властвовать, не имѣя равнаго себѣ, дабы кромѣ его никакихъ дѣлъ не творили, но имѣли бы его единого превысочайшею главою, судіею всей церкви, пріялъ на себя титулу патриаршескую, и именовася отецъ отечества и глава церкви російскія и бысть самовластенъ, не имѣя никого себѣ въ равенствѣ, восхитивъ на себя не точію царскую, но и патриаршую власть, и нача себя величати и славити, возвышаяся на всяка возобновленія. Въ 1700 году собра весь свой поганый синклитъ въ первый день генваря мѣсяца и постави храмъ идолу ветхоримскому, Янусу, и предъ всѣмъ народомъ нача творити чудеса, подъ видомъ фавмазіи и вси воскликнуша ему единогласно: вивать, вивать новый годъ! отъ того дни разосла своя указы во всю Русію, повеле праздновати новое лѣто, разрушая законную св. отецъ клятву, иже на первомъ вселенскомъ соборѣ положенную праздновати новое лѣто въ первый день сентября мѣсяца, разрушая сію законную клятву, и при томъ своемъ янусовскомъ собраніи поздравленіе пріялъ за императора Августѣйшаго, сирѣчь надъ всѣми обладателя. Оле, благоразумная чада, вонмите здѣ, коему ежегодно празднуете новый годъ? Всѣ господніи лѣта истреблени, а сатанины извѣщены, во истинну исполнися здѣсь тайнозрительное откровеніе и власть перваго звѣря всю творити предъ нимъ, и творяше землю и вся живущая на ней, да поклонятся ему. Удалятися и бѣгати подобаетъ намъ во антихристово время отъ еретическихъ жертвъ, понеже въ откровеніи Іоанна Богослова, во главѣ 12, писано, яко церковь побѣжитъ въ пустыню, вѣрніи христіане, истинніи раби христовы побѣжатъ въ горы и вертепы, и спасутся. Понеже Петръ нача гонити и лстыти и искореняти останокъ въ Русіи православную вѣру, своя новыя умыслы уставляя, нова законоположенія полагая, по духовному и по гражданскому расположенію состави многіе регламенты и разосла многія указы во всю Русію съ великимъ угроженіемъ о непремѣнномъ исполненіи оныхъ, и устави Сенатъ, и самъ бысть надъ ними главою и судьею главнѣйшимъ: тако нача той глаголемый богъ паче мѣры возвышати, учини описаніе народное, и счисляя вся мужеска пола и женска, старыхъ и младенцевъ, живыхъ и мертвыхъ, и облагая ихъ данми веліими, не точію на живыхъ, но и на мертвыхъ таково тиранство учини, съ мертвыхъ дани вытребова. Егдаже той императоръ или монархъ, сирѣчь единоначальникъ или единовластитель народное описаніе учини, называя то ревизіею или исчисленіемъ душъ человѣческихъ, которыя пріяли его за императора и за единовластнаго правителя, мы отъ Христа Спаса научихомся законъ и заповѣди Его сохранятьи и вѣру святую блюсти, и таковому

лжехристу въ послушество отдатися не хошемъ и въ книги его законопреступныя писатися съ нечестивыми никогда не будемъ да и хотящимъ спастися никому не совѣтуемъ: творите съ нами что хотите: ибо есмь христіане единого исповѣданія у 7 вселенскихъ соборовъ св. отецъ, и св. страдалцевъ соловецкой обители, пострадавшихъ за древнее благочестіе: того исповѣданія и мы держимся и въ книги ваши законопреступныя гражданскія, въ силу указа вашего императора и его законоположеній ревизіи, не пишемся: ибо мы отъ крещенія записаны есмь въ книги животныя у Царя Небеснаго; понеже видимъ во Святомъ Писаніи, яко прежде бывшіе въ Русіи благочестивіи цари Иванъ Васильевичъ, Ѳеодоръ Ивановичъ и Михаилъ Ѳеодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ, бывшій въ благочестіи до Никона патріарха, яко сіи вси народнаго исчисленія отъ мала до велика мужеска пола и женска, живыхъ и мертвыхъ и всего общечеловѣчества не творили, и оставляли то въ судьбу правительства всемогущаго Бога. Зрите челоуѣцы и вонмите и разсмотрите по святому писанію, въ кѣихъ лѣтѣхъ жительствоуемъ и кто нынѣ обладаетъ вами: ибо духъ петровъ царствуетъ во всѣхъ до скончанія вѣка, якоже свидѣтельствуетъ книга: кабинетъ Петра Великаго: ибо духъ государей русскихъ, есть духъ Петра великаго. Петръ Великій, восхищая на себя славу сына превъсочайшаго, именовася Петръ Первый, и прочіи по немъ такожде именуются, и паки именовася божествомъ Русіи, якоже свидѣтельствуетъ книга: кабинетъ Петра: онъ богъ твой, онъ богъ твой, о Россія! Намъ же православнымъ христіанамъ подобаетъ всеусердно держатися отеческаго наказанія. Подобаетъ намъ жизнь препровождати въ безмолвіи и въ пустыняхъ, яко Господь чрезъ Іеремію пророка взываетъ: изыдите, изыдите люди моя, изъ Вавилона». (Раск. ркп. «Челобитн. или истор. Петр. Вел.», Спис. Сол. б.) Кромъ того въ раскольнической литературѣ появлялись демократическія подметныя письма противъ монархической власти и имперіи. (П. С. З. № 4678.) «Въ раскольническихъ стихахъ и сочиненіяхъ, говоритъ г. Щаповъ, не рѣдко встрѣчаются жалобы на неправоту судей, на притѣсненія, принимаемыя народомъ, какъ на прямыя признаки господства антихростова» (526 стр.). Младенчески простой, не изнѣженной, не привыкшей къ роскоши массъ русскаго народа не могло нравиться неразумное заимствованіе внѣшностей отъ запада, когда щеголяли стрижкой волосъ, покроемъ платья, украшали дома обнаженными божествами классической древности, въ постъ готовы были «за курочку душу промѣнять», давали балы въ 500 р., тратили въ годъ на столъ по 14,000 р. занимались соблазнительными стишками. Раскольническая литература отразила народную

антипатію ко всему этому, облекая это опять таки въ образъ антихриста. «Седмоглавыи змій, читаемъ въ одной раскольнической рукописи XVIII вѣка, наводитъ иностранные обычаи, дабы отлучить отъ Бога и отвести во дно адово. Присмотрися, возлюбленне: вси бо христіане одѣются одѣяніемъ страннымъ и необычнымъ: мужи и жены и дѣвицы. Аще хожемъ благочестіе и вѣру содержати непоколебиму, вся иностранные обычаи, сирѣчь, взоры, глаголы, хожденіе, одѣяніе и прочая вся неподобная христіанамъ отринемъ. Зрите, православніи сущіи душелюбцы, егда исполнится осьмая тысящи 290 лѣтъ, тогда будетъ въ людѣхъ великое невоздержаніе, и плѣнятся обычаи невѣдніемъ разсужденія, и начнется въ христіанѣхъ иностранное любленіе, еже есть: глаголы, взоры, хожденіе, одѣяніе, о горе!» (Собр. раз. раск. ст., ркп. каз. ак.) Ясно отсюда, что раскольническая литература живо отражала въ себѣ антипатіи народа, чего мы не найдемъ въ литературѣ духовенства.

Совершенно справедливо то, что духовная рукописная литература XVI и XVII вѣка заключала въ себѣ статьи, которыя или благопріятствовали развитію раскола или цѣликомъ въ послѣдствіи вошли въ составъ его ученія. Но эта же самая апокрифическая литература, полная недѣлностей, была въ употребленіи у насъ еще въ XIII вѣкѣ и ранѣе ¹⁾. Какимъ же образомъ могло случиться то, что послѣ столькихъ вѣковъ — въ XVII вѣкѣ не только не почувствовалась несостоятельность такой литературы, но даже ощутилась большая въ ней потребность? Неужели въ продолженіи столькихъ вѣковъ не было никакого прогресса въ христіанскомъ просвѣщеніи Россіи? Прогрессъ можетъ быть объясненъ только тѣмъ, что до XVII вѣка христіанской апокрифической литературой (иной удобной для чтенія мы мало насчитаемъ) пользовалось меньшинство, а въ XVII вѣкѣ большинство. Этимъ же объясняется и то, что пользовавшіеся апокрифическою литературою до раскола не составляли особенной секты. Понятно, что апокрифическою литературою народъ пользовался не потому, что въ ней было много лжи, а потому, что она соответствовала характеру его развитія. Любовь къ апокрифической литературѣ могла быть у людей стоявшихъ на степени дѣтскаго развитія въ христіанскомъ просвѣщеніи, которые не только не могли понимать теоріи, сухой морали, но у которыхъ при чтеніи простыхъ разсказовъ евангельскихъ поминутно являлись вопросы, для которыхъ простой историческій разсказъ безъ всякаго вымысла былъ неудовлетворителенъ. «Умъ русскаго сектанта простолюдина (говорить

1) Пыпина, Древн. Русск. литерат. Отеч. Зап. 1857 г. ноябрь.

г. Шаповъ) не имѣвшій твердой точки опоры положительныхъ, точныхъ знаній христіанства, во тмѣ заблужденія, не управляемый авторитетомъ церковной власти, между тѣмъ, хотя безотчетно, смутно сознававшій потребность истины, успокоивался на такихъ мысляхъ, какія самъ выдумывалъ въ слѣпотѣ заблужденія, принимая ихъ за настоящую истину». (278 стр.) Вообще говоря, апокрифическая литература носитъ на себѣ характеръ сказочный, который нельзя объяснить, принимая въ основу одно христіанское просвѣщеніе, который можетъ быть удовлетворительно объясненъ изъ языческаго развитія русскаго народа. Сказочный характеръ апокрифической литературы виденъ изъ перечисленія апокрифическихъ статей, сохранившагося въ сборникѣ Соловецкой бібліотеки XVII вѣка: «сѣставленіи мистіи псалмы, грядите вси вѣрніи, другіе грядете кресту твоему въдруждешуся на земли, Адамъ, о Еносѣ что былъ на пятомъ небеси и исписалъ 300 книгъ, Ламеховы книги, патріарси, Сявова молитва, Адамъ завѣтъ, Моисіевъ завѣтъ, Асенеень, Елдадь, Молдадь, Соломани псалмы, Ильино обавленіе, Исаино видѣніе, Іаковля повѣсть, апостольстїи обходи, что приходили къ граду, обрѣтоша челоуѣка орюща волю и просиша хлѣба, онъ же иде въ градъ хлѣба ради, апостоли же безъ него взоравше ниву и насѣявше и приидъ съ хлѣбы и обрѣте ишеницу зрѣлу; Варнавино посланіе, Петрово обавленіе, Павлово дѣяніе лжею складено, Павлово обавленіе, Евангеліе отъ Варнавы, Евангеліе отъ Ѳомы, Иорахманехъ, Зосимохождение, паралипомены что орла слали въ Вавилонъ съ грамотою къ Еремию пророку. Суть же и ина многа отъ жесловесникъ сложена, еже есть сіе, Івана богослова въспросы еже на Елеонстѣй горѣ, Аврама праотца въспросы, того же Івана богослова въспросы къ Господу; еже рече къ нему Господь: слыши приведеный Іване Вареоломѣви въспросы къ Богородицы, како роди Христа. Епистоля о недѣле, о дрѣве крестнемъ лжею списано, что Христа въ попы ставили, и что Христось плугомъ ораль, еже Еремия попь болгарскій изолгалъ, былъ въ навѣхъ навѣрзилошкому; Петрово житіе въ пустыни 52 лѣта и хоженіе Петрово по вознесеніи Господни, что Христа отрочатемъ продавалъ и архистратиха Михаила крести, и что рабы по суху ходили; Дѣтство Христово, Хоженіе Богородици по мукамъ; о Адамовѣ лѣтъ что семь церквъ въ немъ седѣло; Павлово хоженіе по мукамъ, имена ангеломъ, о службѣ тайнъ Христовъ что опоздять служити обѣдню, врата небесная затворяются, и ангели попа кленуть; и еже съ Христомъ діаволе прѣніе, о пустынищѣ о Макаріе римъстемъ, что три черныци нашли его, что двадцать поприщъ отъ него рай; о Соломанѣ цари и о китоврасе притчи, басни и кошуны все лгано, не бывалъ китоврскъ на земли, но

едлиньстїи еѳлосоѳи ввели; Авгарево посланїе на шеѳ носятъ неразумнїи; о двюнадесяти іаковличахъ, глаголемая лѣствица. Суть же и о мученицехъ словеса криво складена, а не тако, якоже истинна ихъ писана въ чтениехъ и въ минѣяхъ и въ пролозѣхъ,—Георгіево мученїе, рекше отъ Дадїана царя мученъ, Никитино мученїе, нарицающе его сына Максимѣянова царева, иже бѣ самъ мучилъ, все же то лгано, вся же суть та прилогъ обличаетъ; и Евпатїево мученїе, что седьмыжди умре и оживе, Климента анкїрського мученїе, и инѣхъ многихъ; единою убо вси свѣтїи спасени умроша, по многихъ мукахъ, ли мечемъ посѣчени, ли копїемъ прободени, ли ножемъ заклани, ту конецъ приаша; многажъ и иная сложена чтенїя ложная, Давидови пѣсни, Соѳонїино обавленїе; о Василїе кесарїскомъ, и о Иване златоусте і о Григорїе богосълове, въспросы и отвѣты о всемъ лгано; о всей твари чтенїе, куръ стоитъ въ мори, 300 ангелъ солнце воротятъ; о двюнадесяти пятницахъ споръ Тарсѣя жидовина съ Елеерїемъ; слово Меѳодїа епископа паторимскаго, отъ начатка и до кончины, въ немъ же писанъ Мунтъ сынъ Ноевъ, и три лѣта земли горѣти, что запечатани цари Александромъ царемъ Макидонскимъ; Гогъ и Магогъ, и Исакъ сонъ видѣ столпъ посреди двора, архангелъ Михаилъ Аврама возносилъ на небо, и далъ ему видѣти что дѣютъ и судилъ имъ, но лгано суть: не бывало того; и кануновъ много лживыхъ, и молитвы составивая лживыя отъ трясавицы, Еремїа попа болгарскаго басни, глаголетъ бо окаянный, сядящу святому отцу Сисѣнїю на горѣ синаїстѣй, и видѣ семь жонъ исходящи отъ моря и ангела Сихаїла именуеть, и иная изыдоша семь ангелъ, семь свѣщъ деръжаще, семь ножевъ острящи, карастар о (70) имянъ Богу все то еретици списали. Суть же между божественными писанинми ложная писанинна насѣена отъ еретикъ, на пакость невѣждамъ, попомъ и дїакономъ лстивые сборники сельскыи, худыи манаканунци по молитвенникомъ у неразсудныхъ поповъ; лживыя молитвы о трясавицахъ, о нежитехъ и о недузехъ, и грамоты трясавьскыя пишуть на просѳирахъ и на яблоцехъ болѣсти ради, все убо то невѣжди дѣютъ, и деръжатъ у себя отъ отецъ и прадѣвъ, и въ томъ безумнїи гинуть. А се есть мудрованїе тѣхъ, ими же себѣ отлучаютъ о Бога, и приводятъ къ бѣсовомъ въ пагубу и погибають: книга Мартолой рекше острслогъ, остроумїа землемѣрїа, чаровникъ въ нихъ же суть, 12, вся главизны стихи двюнадесяти опромѣтныхъ лицъ звѣринъ и птицъ, еже есть тѣло свое хранить мертво, и лѣтаеть орломъ и ястребомъ, и враномъ, и дятломъ, и совою, рыщуть лютымъ звѣремъ, и вепремъ дикимъ, и волкомъ, лѣтаеть змїемъ, рысью и медвѣдемъ, есть громникъ, молън-

никъ, мѣсяць окружится, колядникъ, метанія, сонникъ, волховникъ, волхвующе птицами, и звѣрьми, еже есть се, стѣнотрѣскъ, ухозвонъ, вранограй, куроубликъ, окомигъ, огонь-бучить, песь-выеть, мышепискъ, мышъ порѣты-изгрызеть, жаба вокоче, кошка вокоче, мышца подражатъ, сонъ страшень, слѣпца-страцеть, изгорить нѣчто, огонь пищить, искра изъ огня, кошка мявкаетъ, падеть человекъ, свѣща угаснетъ, конь ржетъ, валъ на валъ, птичникъ различныхъ птицъ, пчела, рыбы, трава шумить, дѣво, съ дѣвкѣ листъ шумить, сорока пощекочеть, дятель жона, волкъ выеть, гость приѣдетъ, стѣношелкъ, полатничикъ, волхвованія разноличная, путникъ книгъ и въ нихъ же есть писано о стрѣчахъ и коби всяческая еретическая о часѣхъ о злыхъ и о добрыхъ, еже есть Богомъ отречено, днѣхъ о лунныхъ; что въ первый день луны небеснаго мѣсяца Адамъ созданъ бысть еретики написано, а не въ первый день луны сотвори Господь Богъ Адама, понеже сотвори Богъ солнце и мѣсяць и звѣзды небесныя, Адама сотвори Богъ въ пятый день; како хочещи навѣгласе въ единъ день рождение адамле съ луною исповѣдати почто неразумне вѣруеши еретическымъ лжамъ, а оставя Божіе писание, на лжу убо писаше всю, днѣи луны. Такожъ и прочая коби, еже суть книги еретическая, звѣздочтець, звѣздъ, и другій звѣздочтець, ему же имя стоднець, въ нихъ же безумніи людие вѣрующе волхвуютъ, ищуще днѣи рожденій своихъ, саномъ полученія, урока-житія, и бѣдныхъ напастей, и различныхъ смертей, и казней, и въ службахъ и въ купляхъ и въ ремеслѣхъ, ищутъ своимъ безумиемъ, а оставя Божію помощь, и призывать бѣсовъ на помощь, а невѣдуше Божіихъ судьбъ». (Сбор. Солов. библ. № 913.) Изъ этого перечисленія апокрифическихъ сочиненій ясно видно, что въ этой литературѣ участвовало младенческое воображеніе. Желаніе въ исторіи имѣть сказку возможно только для младенческаго воображенія, развитаго на счетъ другихъ способностей. Но кромѣ сказочности апокрифическая литература не лишена и дѣйствительной поэзіи. Эта потребность поэзіи въ христіанской литературѣ не могла зародиться въ русскомъ народѣ отъ русскихъ древнехристіанскихъ учителей, которые не питали и не развивали поэтическаго чувства въ народѣ, въ сочиненіяхъ которыхъ ничего не было поэтическаго. Для примѣра поэтическихъ образовъ въ апокрифической литературѣ мы выпишемъ толковыя притчи, помѣщенныя въ сочиненіи г. Шапова: «Стоитъ гора на двѣ холмѣхъ, среди горы кладезь глубока, на верху горы лежатъ два камня самоцвѣтные, а надъ ними два лютые льва. Толкъ: гора—человекъ на двѣхъ ногахъ стоитъ, а каменіе очи ясныя, а львы лютые—брови черныя, а кладезь—гортань и чрево». «В. Стоитъ древо злато, а

на немъ листовіе золотое, подъ тѣмъ дровомъ стоитъ лоханя; прилетаетъ голубь, листовіе шиплетъ, да мечетъ въ лоханю: лоханя не полна и листовіе не убываетъ. То древо золото—небо, а листовіе—люди, а голубь—смерть, а лоханя—земля». «Стоитъ градъ, а въ градѣ гора стоитъ на четырехъ холмѣхъ, а верху горы поле чистое, а на поляхъ цвѣты прекрасныя, а около ихъ пчелы ярныя. Толкъ: Градъ—изба, а гора—столъ, а поле—скатерть, а цвѣты—яди различныя, а пчелы люди». Или: «въ тепломъ царствѣ стоитъ пещера каменная, а въ пещерѣ лютый змій лежитъ, а какъ бываетъ въ царствѣ томъ стужа, змій сокручинится и начнетъ у него изъ рта пламень огненный исходити и изъ ушей кудрявъ дымъ метатися, а изъ очей искры сыплотся. Толкъ: теплое царство изба, а пещера каменная печь кирпичная, а змій дрова горятъ изутра до вечера». «Вопросъ: святѣи два, десять жателѣй, угобзися нива и сотвори три коблы. Толкъ: четыре Евангелиста, двенадцать апостоловъ, три коблы троица Отець, Сынъ и Св. Духъ. Или еще: рябъ пощичить, зоветъ дѣти, ихже не родилъ. Толкъ: во второе христово пришествіе вострубятъ ангели и возстанутъ мертвіи отъ гробовъ». (Сбор. Сол. библ. № 923.) Мы не можемъ отказать этимъ притчамъ въ поэтической картинности, хотя выборъ сравненій въ нихъ ограниченъ слишкомъ ребяческимъ, слишкомъ необширнымъ знаніемъ предметовъ, хотя сравненія эти иногда очень странны. Кромѣ того въ апокрифической литературѣ былъ такой матеріалъ, въ которомъ живы были вѣрованія чисто языческой религіи. Между апокрифическими сочиненіями упоминается *колядникъ*, самымъ своимъ названіемъ ясно указывающій на содержаніе, заимствованное изъ языческой религіи; о *китоврасе притчи*, съ именемъ котораго соединяется языческое представленіе объ обращеніи людей въ животныхъ, *чаровникъ въ нихъ же суть 12, вся главизны стихи двоюнадесяти опромѣтныхъ лицъ звѣринъ и птицъ иже суть тѣло свое хранятъ мертво и летаетъ орломъ и астребомъ и враномъ и дятломъ и совою, рыщутъ лютымъ звѣремъ и вепремъ дикимъ и волкомъ* (какъ говорится о Всеславѣ въ Словѣ о полку Игоревѣ), *летаетъ змиемъ, рысію и медвѣдемъ*. Какъ праздникъ въ честь Коледы былъ еще въ силѣ у людей, современныхъ расколу, такъ и вѣра въ превращеніе людей. Въ 50 прим. XII гл. 1 кн. своего свода лѣтописей, Татищевъ, по поводу Геродотовыхъ извѣстій о превращеніяхъ Невровъ, замѣчаетъ: «У насъ многіе и не весьма глупые, но отъ неученія суевѣрствомъ обладаемые, сему твердо вѣрятъ. Я не весьма давно отъ одного знаменитаго, но неразумнаго дворянина слышалъ, якобы онъ самъ нѣсколько времени въ медвѣдя превращался, что слышаніе довольно вѣрили... Одна баба тоже о себѣ

сказала, что въ сороку и дымъ превращалась и оная съ пытки въ томъ винилась». Въ апокрифической литературѣ упоминается также сочиненіе: «*Еремия попа болмарскаго басни, млаолетъ бо окаанный: сдѣящу святому отцу Сисльнїю на горе Синаистѣй и видѣ семь жонъ исходящи отъ моря*». Ясно, что въ этомъ сочиненіи сохранилась языческая вѣра въ морскихъ дѣвъ, русалокъ. Соответственно степени народнаго развитія, требованію котораго удовлетворяла апокрифическая литература, она наполнена матеріаломъ двоевѣрнымъ, переходнымъ отъ язычества къ христіанству. Такъ въ ней упоминается о Перунѣ, какъ объ ангелѣ грома (Рук. сол. 6., № 925), говорится о томъ, что «Давидъ ся женить, Адамъ въ сватѣхъ» (ibid.), точно также какъ въ сербской поэзіи въ пѣснѣ о женитьбѣ мѣсяца, новозавѣтные святые представляются играющими роль при свадебномъ обрядѣ. Въ самой жизни старообрядцевъ замѣчается поэтическая элементъ, соответствующій младенчеству христіанству. Старообрядцы старались сохранить древнехристіанскій аскетизмъ, въ которомъ было много пустынно-поэтическаго, который былъ такимъ сильнымъ средствомъ для введенія христіанства въ Россіи и который въ это время совершенно палъ, потому что въ монастыряхъ только и занимались, что вареньемъ пива и куреньемъ вина (А. Арх. Эк. т. IV, № 328), ѣли мясо (ibid. III, № 285), принимали къ себѣ свободно женщинъ (ibid. IV, № 116) и выходили на разбой (ibid., № 202). Воображеніе раскольниковъ представляло себѣ иные монастыри. Ихъ воображеніе, настроенное чтеніемъ разсказовъ патерика Синайскаго о поэтической жизни аскетовъ, подталкивало ихъ самихъ къ такой жизни. И мы дѣйствительно находимъ у нихъ, хотя и наружное, подражаніе тому. Игнатій, митрополитъ тобольскій, разсказываетъ слѣдующій случай: «Въ пути нѣкоемъ отъ града, именуемаго Вологды, къ Каргополю, къ морю, акибы учитель нѣкій, врагъ божій, волхвъ и чародѣй, примысли себѣ пустытника имя. И нѣцыи поселяне, изъ домовъ своихъ изшедше, послѣдоваша ему, яко мяху въ добродѣтельхъ изрядному... Нѣкій же человекъ отъ града Вологды, отягченъ сый многими грѣхи и вшедъ въ совѣсть свою кающеся предъ Богомъ и положи обѣтъ Господеви Богу, во еже пожити въ чистотѣ и ити въ пустынныя мѣста, яко да, въ безмолвіи поживъ, получить отъ Бога прощеніе грѣховъ. Слышавъ же о оной пустыни, како у того пустытника людіе собравшеся живутъ, восхотѣ тамо поити. Пришедшу же ему ко оному, иже мяшеся пустытникъ быти, молитъ его да поведить ему при себѣ жити въ пустыни, якоже и прочимъ. Онъ

1) Сербскія пѣсни 1. т. Вилины цѣни.

же глагола ему: брате любимый, добръ пришелъ еси бѣгая въ пустыню: нынѣ бо убо на земли нѣсть церкви Божія, вси бо уклонившася и непотребни быша: понеже бо въ церквахъ поютъ и чтутъ по новому, а у насъ еще здѣсь милость Божія покрываетъ, новости никакой не приемлемъ и крестимся по преданію блаж. Феодорита: ты же добръ сотворилъ еси, избѣжавъ отъ антихриста. Той же умиленный чловѣкъ, слышавъ сіе, рече ему: азъ, честный отче, молю тя, да наставиши мя на путь спасенія: и сего ради слышахъ житіе твое по Бозѣ, придохъ къ святыни твоей по Бозѣ, во еже спастися. Отвѣщавъ же той пустычникъ: чадо, рече, доброе, подобаетъ тебѣ прежде постомъ искутиться, да не яси, ниже піеши дни нѣкія, дондеже намъ извѣститъ о тебѣ Господь Богъ и тогда ты примемъ съ радостію. Онъ же общася вся повелѣнная имъ безъ сумнѣнія творити, своего ради душевнаго спасенія. Пустычникъ же повелѣ его ввести во внутреннюю едину отъ келій своихъ храмину, еже баше присовокуплена къ келіи его, идеже самъ живаше и скверная своя мольбища творяше» (3-е посл., Прав. собесѣдн. стр. 116—118). Этотъ рассказъ живо напоминаетъ намъ рассказы патерика Синайскаго, гдѣ точно также раскаявшіеся грѣшники обращаются къ старцамъ пустынножителямъ за совѣтами, какъ загладить свои грѣхи. Этотъ рассказъ тѣмъ болѣе сходенъ съ рассказами патерика Синайскаго, что какъ тутъ, такъ и тамъ видно сектанство. Патерикъ Синайскій рассказываетъ о пустычникахъ, изъ которыхъ одни принадлежали къ православной церкви, другіе держались аріанства, о томъ, какъ одни худятъ другіхъ, превозносятъ своихъ. Самый образъ обращенія, тонъ грѣшника и старца имѣютъ своими типами повѣствованія патерика Синайскаго. Эту то любовь къ пустынности, къ которой Русскіе, крившіеся постоянно въ лѣсахъ, привыкли еще въ язычествѣ, раскольники старались ввести у себя. Постоянное передвиженіе съ одного мѣста на другое, приливы изъ одного мѣста въ другое, это кочеваніе составляетъ характеристическую черту нашей древнѣйшей исторіи. Извѣстно, что въ жизни бродячей много поэзіи — постоянная встрѣча новыхъ лицъ, предметовъ, много неожиданныхъ впечатлѣній, а тѣмъ болѣе въ жизни странствующаго проповѣдника, а у старообрядцевъ образовалась секта странниковъ, которые въ бродяжничествѣ полагали христіанскій спасительный подвигъ (255 стр.).

Въ расколъ старообрядства яснымъ образомъ сказалась потребность русскаго народа относительно искусства. Русскій народъ не чуждъ былъ этой потребности еще во времена языческія. Правда, потребности эти были слишкомъ дѣтскія; правда, они ограничивались только лепетомъ религіознаго искусства, но все же онѣ были, онѣ

требовали себѣ удовлетворенія. И на этотъ разъ онѣ не далеко ушли отъ языческихъ потребностей и въ это время онѣ были религиозныя, наивныя, очень мало развились, сравнительно съ требованіями въ язычествѣ. Русскій народъ еще въ язычествѣ привыкъ къ великолѣпію своихъ божествъ, статуи которыхъ онѣ украшали драгоценными металлами. А русскіе храмы казались раскольникамъ не храмами, а конскими стоялищами. (Благод. слов. п. Іоакима.) Недостатокъ великолѣпія въ русскихъ храмахъ XVII вѣка и потребность въ немъ понималъ и Никонъ, который вводилъ великолѣпіе въ священныхъ одѣянїяхъ и утваряхъ. (Шушеринъ, Рук. Сол. биб. № 235.) Даже въ XVIII вѣкѣ Димитрій Ростовскій находилъ въ церквахъ сосудъ съ дарами «зѣло гнусный, а тайны божественны въ небреженїи». (Др. р. вивлюе. ч. XVI, стр. 86, 87). А между тѣмъ потребность церковнаго великолѣпія въ народѣ была очень сильна, такъ что когда на Вѣткѣ была построена новая церковь Покровская и великолѣпно украшена по старинному: то «на толику убо славу новоосвященныя церкви, пишетъ Иванъ Алексѣевъ въ исторїи о Вѣткѣ, вси народи со всѣхъ странъ радости исполнишася, на юже отовсюду приходяще людіе, оставляху дома и въ толикій путь труды прїимаху. Господіе честные о зданїяхъ вознерадиша, и госпожи честнїи течаху на оное жительство; дѣвы отхождаху родителей своихъ... Откуда безчисленными народы наполнися вѣтковское жительство и аки градъ великъ въ населенїяхъ тѣхъ явися». (Пол. Истор. изв. о раск. ч. III, стр. 8.) Изъ этого примѣра ясно открывается потребность великолѣпія у людей того времени. Неудовлетворенные въ этой потребности раскольники заботились о ней въ своихъ часовняхъ и молеельняхъ. Входящему въ ихъ часовню открывался богатый иконостасъ, украшенный старинными, часто *драгоценными* иконами, десятки горящихъ лампадъ и сотни возженныхъ свѣчъ сіяли, по выраженїю раскольниковъ, «какъ лице Божіе». (272 стр.) Конечно, требованіе отъ искусства блеска металла и блеска свѣчъ (еще до сихъ поръ такъ сильно сохранныя въ русскомъ народѣ), вмѣсто изящества, требованіе очень дѣтское. Это требованіе не болѣе, какъ первыя проявленїя требованїй искусства. Но одно уже отвращеніе отъ безобразїа, неряшества, стремленіе къ чистотѣ, благообразїю *пс*казываетъ потребность искусства. Русскіе люди въ язычествѣ не чужды были изображенїю своихъ боговъ въ статуяхъ. Между своими богами они имѣли чернубоговъ. Какъ дѣлалъ... они разставлялись съ разрушенїемъ статуй своихъ боговъ, какъ будто вмѣстѣ съ статуями гнѣло все ихъ старое. Только что промѣнявши статуи своихъ языческихъ божествъ, только что освоившись съ темными христіанскими изображенїями живописи визан-

тійской, изображеніями, которыя по своей мрачности и таинственности, можетъ быть, пришлось по ихъ фантазіи, не могли они тотчасъ же снова мѣнять ихъ на ясныя свѣтлыя изображенія. Такъ пишетъ Игнатій, митрополитъ тобольскій, о Капитонѣ: «Видѣвъ же діаволь готова его суца ко пріятію козней его, вложи ему помысль, яко не подобааетъ новописаннымъ иконамъ поклоняться: аще бы Спаса Христа или Пресвятяя Богородицы, или святыхъ; но точью какого ветхаго письма и стараго и зачадѣлаго аки бы издревле писаны: и егда въ домъ гдѣ вхождаше, аще видяше икону новописану и сіяющую новописаніемъ, тогда никакоже не поклоняшеса той святой иконѣ». (3-е посл. Пр. соб. 1855. 2 кн.) Привыкнувши къ статуетному изображенію своихъ божествъ, въ которомъ раздѣльно представлялась каждая часть тѣла статуи и не находя этого въ мало искусной живописи, русскіе раскольники непремѣнно требовали подписанія обозначающаго что изображено. Тотъ же Капитонъ «егда бы видѣлъ Пресвятую Богородицу на иконѣ написанную, аще и подписаніе имѣющую Мати Божія: рудъ же младенца превѣчнаго Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа не написана: тогда и той иконѣ не поклоняшеса» (ibid.). Въ изображеніяхъ церковныхъ господствовалъ символизмъ, соотвѣтствующій младенчеству состоянію христіанства. Въ символической живописи въ соотвѣтствіе апокрифической литературѣ участвовала свобода фантазіи, такъ что Іоанна изображали со львомъ, а Марка съ орломъ, что исправилъ Никонъ. Раскольники же, наполняя скиты свои образами, имѣли школы иконописцевъ для приготовленія иконъ въ раскольническомъ духѣ и снабжали ими всѣхъ кого бы то ни было (288). По словамъ митрополита Евгенія живописцы ихъ были искусны (*Словарь* объ Андрѣ Денисовѣ). «Для большаго распространенія раскола раскольники всѣхъ сектъ привозили иногда на ярмарки предметы, относящіяся къ расколу, какъ наприм. старыя книги, лубочныя картины и т. д., и тутъ продавали» (289). Въ обрядахъ своей старины русскій народъ очень любитъ драматическія сцены, которыя представляются въ играхъ и которыя особенно сохранились до сихъ поръ въ свадебныхъ обрядахъ, въ которыхъ разыгрываются цѣлыя напередъ заученныя сцены. И посламъ Владиміра понравился драматизмъ христіанскаго богослуженія въ Византіи. Раскольнической любви дотолковать о предметахъ религиозныхъ, драматической формѣ апокрифической ихъ литературы, соотвѣтствовала любовь ихъ къ тому же въ богослуженіи. А между тѣмъ духовенство не удовлетворяло этой ихъ потребности. Во многихъ погостахъ новгородскихъ «церкви стояли безъ пѣнія пусты», или «дворы поповы были пусты». Въ означенномъ сочиненіи

представляется множество примѣровъ того, что въ разныхъ мѣстахъ Россіи не было богослуженія «скудости ради іереевъ», «за умаленіе іереевъ» (382, 383). Иногда по лѣности священники не хотѣли служить даже въ праздники. Такъ въ 1659 году «видимо учинилось святѣйшему п. Іосифу, во владимірскомъ уѣздѣ, въ ярополческой волости у церквей поповъ по осьми и по шести и по четыре и по три и по два и что тѣ попы на свѣтлой недѣли служатъ [въ одно свѣтлое воскресенье, а въ понедѣльникъ свѣтлыя недѣли и во всю недѣлю и во всѣ владычныя праздники и въ богородичныя праздники службы не бываетъ]». (А. А. Э. IV, № 326.) А иногда если и совершалось богослуженіе, то лица занимали не свои роли. «Священники лѣнились служить, и вмѣсто нихъ дьяконы, дьячки или пономари, подобно безпоповцамъ, совершали такія службы, которыхъ, по церковному уставу, никто, кромѣ священника, не долженъ совершать или читали въ послѣдованіяхъ такія молитвы, которыя также непременно самъ священникъ долженъ былъ читать и по лѣности не читалъ». (Дополн. къ акт. истор. V, стр. 469.) Была также небрежность въ дѣйствиіи, такъ что, какъ видно изъ постановленій собора 1651 г., дьячки стояли лицомъ не къ царскимъ дверямъ, а назадъ или на сторону или какъ пѣвцы пѣли, псаломщики читали, дьяконы говорили эктеньи, а священники возгласы не выслушивая и не дожидаясь другъ друга, вси въ одинъ голосъ», о чемъ говорить и духовный регламентъ. Такимъ образомъ не было раздѣльности въ совершеніи богослуженія и любимая сторона его теряла свое значеніе. Иногда же совершали послѣднюю часть богослуженія безъ первой: обѣдни служили безъ часовъ. (Акт. археогр. экспед. т. III, № 264.) Самое богослуженіе нарушалось безпорядкомъ. «А пономари по церквамъ молодые безъ женъ, да такожде по церквамъ поповы, купно же и мирскихъ людей дѣти, во время святыхъ службъ въ алтарѣ безчинствуютъ; и во время же святаго пѣнія ходятъ по церквамъ шпыни съ безстрашіемъ, человекъ по десятку и больше, и отъ нихъ въ церквахъ великая смута и мятежъ и въ церквахъ овогда бранятся, овогда и дерутся; а иніи полагающе пелену на блюдѣхъ и свѣчи и собирають, рекущу на созиданіе церквамъ; а иніи же творятся малюмни, а потомъ ихъ видятъ цѣлоумныхъ; а иніи ходятъ въ образѣ пустынноическомъ и въ одеждахъ черныхъ и въ веригахъ, растрепавъ власы; а иніи во время святаго пѣнія въ церквахъ ползають, пискъ творяще, великъ соблазнъ полагають въ простыхъ человекѣхъ». (А. А. Э. т. III, № 264.) Или еще разсказывается, что «нѣкоторые протопопы и попы начинали вечерни и заутрени *безъ ризъ*, а по церквамъ во время божественнаго пѣнія въ вечерню, въ заутреню и ли-

тургию ходили иноки и прокураты съ образами и съ блюдами и съ пеленами и всякихъ чиновъ люди милостыни просили и отъ ихъ крику и писку православнымъ христїанамъ божественнаго пѣнія и чтенія не слышно было, да тѣмъ въ церкви Божїи приходили аки разбойники съ палками, а подъ тѣми палками были у нихъ копѣйца железныя и бывала у нихъ межъ себя драка до крови и лая смрадная». (А. А. Э. т. IV. № 321.) И такимъ образомъ самые совершители богослуженія являлись безъ ризъ; оставляя свою роль, смѣялись, и наконецъ самое служеніе нарушалось беспорядками и криками. Раскольники же учредили у себя ничѣмъ не нарушаемый порядокъ. «Въ ихъ скитахъ были иноки чинно одѣтые въ древне монашеское одѣяніе, съ степенно суровымъ видомъ, низко кланяющіеся, впереди иноки, старики покрытые сѣдинами, не рѣдко уважаемые ими схимники... въ алтарѣ іерей или наставникъ дѣйствовалъ смиренно, стройно, степенно... сотни иноковъ по правую и по лѣвую сторону стояли степенно, на вытяжку, всѣ съ четками въ рукахъ, дряхлые старцы впереди ихъ съ костылями, всѣ въ бородахъ; никто во время службы съ мѣста на мѣсто не переходилъ, по сторонамъ и назадъ не оглядывался, другъ съ другомъ не разговаривалъ и тѣмъ болѣе не смѣялся, взоръ всѣхъ обращенъ былъ наиболѣе къ землѣ. Служба совершалась по Іосифовскому уставу безъ малѣйшаго опущенія. Все общество молящихся крестилось, одинъ въ одинъ и въ одно время тихимъ, полнымъ и неспѣшнымъ двупрестнымъ крестнымъ знаменіемъ, съ усиленнымъ удареніемъ на чель, на раменахъ, и на чреслахъ, съ возведеніемъ очей горѣ, поклоны или метанія тоже клали одинъ въ одинъ, и въ одно время, стройно, чинно, правильно. Богослуженіе продолжалось 4 и 5 часовъ сряду» (272 и 273). А между тѣмъ въ православныхъ храмахъ являлись священнодѣйствовать пьяные! (А. И. т. V, № 75.) Какъ видимъ, драматизмъ этотъ былъ религіозный, однообразный, болѣе мрачный, но все же была любовь къ нему. —

Русскій народъ, какъ и всѣ славянскіе, издавна отличался пѣвучестью. Покидая свои языческія религіозныя пѣсни, русскій народъ не могъ не требовать замѣны имъ отъ новой религіи. Не разъ уже было говорено, что напѣвъ русскихъ народныхъ пѣсень отличается грустнымъ, меланхолическимъ характеромъ. Не могъ не требовать себѣ удовлетворенія въ этомъ отношеніи русскій народъ. Въ раскольникахъ, болѣе чѣмъ въ другихъ людяхъ, сохранилась эта потребность. Но въ русской церкви мало можно было найти удовлетворенія такому требованію. Часто церкви стояли пусты, какъ описывается, безъ пѣнія, иногда стояли

безъ пѣнія по десяти лѣтъ. (А. И. т. IV, № 37.) Какъ мы видѣли, иногда негдѣ было пѣть, иногда не кому. А если и пѣли, то по скору (Акт. А. Э. III, № 264), тогда какъ русскій народъ въ народномъ своемъ пѣніи любилъ медленные, продолжительные напѣвы. Церковное пѣніе было нестройное не въ голосъ, врознь. Въ 1601 году новгородскій митрополитъ Макарій писалъ тихвинскаго монастыря архимандриту Юсифу, что «поютъ и говорятъ не единогласно; православные христіяне, въ церковь пришедъ, во время святаго пѣнія въ церквахъ стоятъ не смирно, межъ собою говорятъ и смѣются». (А. И., т. IV, № 151.) И въ соборномъ уложеніи 1651 года, что «на Москвѣ и въ городѣхъ и уѣздѣхъ, въ соборныхъ церквахъ и монастыряхъ и въ приходскихъ церквахъ, ввелось отъ небреженія многогласное пѣніе, поютъ и говорятъ голоса въ два, и три, и въ четыре». (А. А. Э., т. IV, № 327.) Понималъ этотъ недостатокъ Никонъ. Но мы воспользуемся выпискою объ этомъ изъ книги г. Щапова: «такъ онъ (Никонъ) не могъ равнодушно видѣть, въ какомъ упадкѣ находилось въ церкви русской богослужбное пѣніе, которое начало упадать въ Россіи со временъ монгольскаго ига. Привывши къ знаменному или столповому церковному напѣву и исполняя его весьма неисправно и небрежно, церковно-служители наши до патріарха Никона почти совершенно забыли и оставили то древнее ангело-подобное пѣніе, изрядное осмогласіе и трисоставное сладкогласованіе и самое красное демественное пѣніе, какое, послѣ болгарскаго и простаго демественнаго напѣва, вновь ввелъ въ церковь русскую Ярославъ Великій, и совершали пѣніе Божіе зъло по скору. Патріархъ Никонъ, зная изъ примѣровъ церковной исторіи, что развивалось же въ восточной церкви богослужбное пѣніе, что святые отцы съ IV по VIII вѣкъ не считали грѣхомъ слагать новыя духовныя пѣсни, исправлять древнее пѣніе, — началъ смѣло вводить въ русской церкви новое благогласное пѣснопѣніе, исправляя и возстановляя, что было лучшаго изъ древняго пѣнія. Еще будучи митрополитомъ новгородскимъ, онъ, по словамъ жизнеописателя его, «первѣе повелѣ въ соборной церкви греческое и кіевское пѣніе пѣти... и превеліе имѣ прилежаніе до пѣнія, и на славу прибравъ крилосы предивными пѣвчими и гласы преизбранными, пѣніе одушевленное, паче органа бездушнаго и такого пѣнія, якоже у него, ни у кого не бывало» (житіе Ник., Шуш., ркп. сол. библ. № 235. л. 11). Но съ одной стороны онъ, какъ единственный человѣкъ, не могъ много сдѣлать при отсутствіи эстетическихъ потребностей въ духовенствѣ, съ другой стороны онъ, любившій разныя напѣвы (въ его житіи), посылая учиться партесному пѣнію (Ундол. въ № 3. Чтен. общ. ист.

1846) не могъ отвѣчать потребности пѣнія съ характеромъ національнымъ. Такого именно пѣнія хотѣли раскольники. Въ ихъ скитахъ «на правомъ и на лѣвомъ клиросахъ по десятку, по два и болѣе многогласныхъ пѣвцовъ чинно, тихо болѣею частию *протяжно заунывно* пѣли церковныя пѣсни по старинному столповому напѣву» (Шап. 272). Любовь раскольниковъ къ пѣнію простиралась до того, что они старались даже служебное чтеніе приспособлять къ пѣнію. Вотъ какъ говорить объ этомъ г. Шаповъ: «Часовенная или монастырская служба раскольниковъ невольно завлекала, плѣняла простое вѣрующее сердце русскихъ простолюдиновъ своимъ вѣшнимъ обрядовымъ благолѣпьемъ, сладостью тихаго, стариннаго столповаго пѣнія, иногда заунывнаго, проникнутаго чувствомъ покаянной грусти, и пріятностью внятнаго, раздѣльнаго, нѣсколько даже на распѣвъ совершаемаго чтенія» (стр. 380). Здѣсь мы снова видимъ неспособность понимать болѣе искусственное, болѣе художественное пѣніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ потребность пѣнія, жажду упиваться имъ, хотя это жажда къ пѣнію колыбельному: и до сихъ поръ въ деревенской церкви, особенно подале отъ большаго города вы услышите напѣвъ, напоминающій мотивы народной пѣсни, особенно гдѣ принимаютъ участіе въ пѣніи сами крестьяне.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ оговориться, что мы имѣли въ виду нашу статью только познакомить читателей съ книгою г. Шапова и намекнуть на одинъ изъ существенныхъ ея недостатковъ.

ИВАНЪ НЕКРАСОВЪ.

ПОВѢСТЬ О ЧЮДЕСИ ПРЕЧИСТЫЯ БОГОРОДИЦЫ, О ГРАДѢ МУРОМѢ И О ЕПИСКОПѢ ЕГО, КАКО ПРИДЕ НА РЕЗАНЬ.¹⁾

Слышахъ убо нѣкия глаголющихъ древняя сказанія о граде Муроме, яко в прежня лѣта бысть не на томъ мѣсте созданъ, идѣже нынѣ есть, но бѣяше нѣгде в той же области, отстояниже имѣя не мало отъ нынѣшняго града. Сказаніе же о немъ сице: яко преславенъ градъ бѣше в російстей земли во дни древняя, многимъ же лѣтомъ прешедшимъ разорис нѣкако и запустѣ и потомъ по многихъ лѣтахъ пренесенъ бысть на ино мѣсто в край тояже области и поставленъ бысть, идѣже нынѣ есть. Егда же бысть в Києве і во всей росіі (и) держава превеликого князя и святаго равно апостоломъ владимера і в негда ему дѣти в содержание градовъ, предасть сынови своему, реку же святому Борису, в ростовстей области град Ростовъ, и сынови своему, реку же святому Глѣбу, градъ Муромъ и с тѣхъ градовъ бысть по христѣ страданія многа и, якоже бысть на ею, познана бысть отъ вѣрныхъ и прославися во святыхъ церквахъ и бѣяху в тѣхъ церквахъ одержанія ихъ епископїи; нарицахуся ти епископїи домовни святыхъ страсотерпецъ Бориса и Глѣба. Потомъ же два князя от того сродства святаго превеликаго князя Владимера, присная сущая себе братія, начаша державствовать болши і вящи во граде Муромѣ и иниже в Резани. В коликаже времена бысть во граде Муроме епископъ праведенъ імянемъ Василей. Сегоже добраго житія не терпя врагъ, иже древнимъ душамъ работникъ, нача на ны спону творити, яко да при-

¹⁾ По рукописи конца XVII вѣка.

лучна его блудному дѣлу сотворить; и воображается въ дѣвицу і показуя себе ис храмины епископа, овогда во оконце выгладая, иногдаж ¹⁾ преходъ творя ис храмины его. Видевше же се, многъ народъ соблазнися, такожь і велможи приидоша ко епископу в домъ і видевше сия вражия соблажнения, да сея ради вины ізгонятъ изъ епископли. Епископъже Василей, примъ ікону образа божия и превечнаго написано младенчески і пречистая богородица, на нюже імѣя надежу спасения своего о всячемъ уготованіи своемъ, и поиде изъ епископиі изъ града Муромъ і проводиша же до реки, нарицаемыя Оки и хотяху ему дати отплыты судно малое. Епископъже Василей и (sic) стоя на брезѣ со образомъ пречистыя богородица, на нейже воображен на рудѣ превѣчный младенецъ господь нашъ Исусъ Христосъ і свѣтъ миру, снемже с себе епископъ мантию свою святителскую и простре на воду і вступи на ню, нося божиі богородичный образъ. Абиже бысть чудо дивно і преславно зело: і промысломъ божиимъ и неизреченными его судьбами і пречистыя богородица милостию і молениемъ несен бысть духомъ бурнымъ со образомъ. Оле чудо! яко не по водѣ несенъ бысть, но противу струямъ речнымъ, отнюдуже течаше река. Повѣдаху же о семъ, яко се бысть в трети часть дни и тогожъ дни в девятый часть дни примчанъ бысть божиею благодію и пречистыя богородицы нѣвкое место, еже ныне зовомо старая Резань: ту бо тогда пребываху князи резанстїи. Князьже Ольгъ резанскїи стрѣте его со кресты і тако пребысть муромская епископия в Резани; нарицается же и поднесъ борисоглѣбская, обдержания ради града Муромъ святымъ Глѣбомъ. По сихъ же паки прият бысть Муромъ от резанскихъ епископъ; самиже ктому в Муромъ не возвратишася і до нынѣ, і нарицахуся епископи преже резанстїи и потомъ муромстїи. Егда же посещения ради во градъ Муромъ епископи приходъ творяху, тогда нарицахусъ преже муромстїи и потомъ резанстїи. Чюдесная же та ікона, иже епископъ принесе, и до нынѣ в Резани есть: онъ бо вѣроу уповаая на ню, сияже милостию удиви, иже хсть безъ порока явити своего раба и се великое чудо сотвори: иже бо во едину шесть часовъ примчанъ бысть вверхъ по рѣцѣ множае двусотъ поприщъ! О пречистая дѣво владычице і милости божия! кїи языкъ исповѣсть твоя чюдеса или кїи смыслъ по достоянию возможеть похвалити твоя благодѣяния, како молиши сына своего со отцемъ и святымъ духомъ о нашихъ согрѣшениихъ! Се бо слышимъ: не отъ самого зрака твоего, но образа твоего написаннаго кїи силы сотвори. И повѣсть сїю и не вѣмъ, како написати,

¹⁾ Въ рукописи: *і когдаж*.

понеже оттуду уже многа лѣта преідоша, і азъ о семъ нѣ добръ свѣде і боюся, да не явлюся о семъ глаголіи ложная: яко же слышахъ, сице і написахъ. Аще же нечто і не до конца свѣде и написахъ, но имейі в помощь іспрославляющую владычицу всѣхъ богоматерь, еяже достоитъ всему христіянству безпрестани почитати і молити, да избавитъ ны отъ наветъ вражіихъ всегда і нынѣ і присно і во вѣки вѣкомъ аминь.

РУССКАЯ ЛЕГЕНДА XVII ВѢКА О ОБРАЗѢ БОГОРОДИЦЫ. ¹⁾

В новоторжскомъ уѣздѣ пустыня есть, нареченная Каменка. В той пустыни церковь пресвятыя богородицы. Во время же разорения московскаго от безбожныхъ Ляховъ нашествіе бысть и на сию пустыню, въ нейже токмо живый инокъ единъ и пресвитеръ. Ляхъ же нѣкий приіде в церковь пресвятыя богородицы, ведый съ собою жену нѣкую отъ плѣна рускаго. Пресвитеръже церкви тоя, видя сие, убояся Ляха, бѣжа во олтарь, скрыся подъ святую трапезу, якоже о себѣ послѣди повѣствова. Тойже окаянный безбожный Ляхъ вииде со дерзновениемъ во святыи олтарь и дерзнувъ сняти со престола образъ пресвятыя богородицы и изнесе изъ олтаря во церковь, поверже на землю и богомерзское проклятое безстудное дѣло з женою оною на образъ томъ содѣя. Пресвитерже, зря сие, сѣдя подъ святою трапезою, умилно слезы испусти, плачеса, глаголя: «О пресвятая дѣво богородице! почто еси попустила сему окаянному псу святую свою церковь осквернити и толнокое безстудство на образѣ твоёмъ содѣяти? како его, о госпоже! не погубиши?» Тогда гласъ бысть отъ образа: «О презвитере! сей безстудный пещъ за своя дѣянннн злѣ погибнетъ; тебѣже глаголю, яко не толико ми содѣя безстудство сей иноязычникъ, якоже ты: понеже безстрашиемъ приходиши в церковь мою и без боязни приступивши ко святому жертвеннику в вечеру упиваешися до пняна, а з утра служиши святую литоргию и стоя

---

¹⁾ По рукописи XVII вѣка, графа А. С. Уварова, № 555 (Царскаго № 440).

предъ симъ моимъ образомъ, отрыгаеши оный гнусный пьянствен-
ный свой духъ, и лице мое симъ зѣло омерзиль еси паче сего по-
ганина: онъ бо невѣдениемъ сотвори и за сие погибнетъ; ты же,
вѣдая, согрѣшаеши. Глаголю ти: престани отселе такова дѣла». И тако
гласъ той преста. Ляхъ же гонимъ бысть силою божию, отбѣже; пре-
свитеръ же воста, во благихъ поживе вся дни живота своего.

СКАЗАНИЕ О ИНДѢЙСКОМЪ ЦАРСТВѢ. ¹⁾

Послание Греческаго царя Мануила во Индійскую землю.

Царь Мануилъ греческия земли посла послы своя во индійскую
землю ко царю Ивану индѣйскому і посла к нему дары великия і
повелѣ его вопрошати ѿ велицѣй е(го) силъ і о чудесѣхъ индѣй-
ския земли. Царь же Иванъ приялъ многия і великия дары с любовию
і послы стали спрашивать о его силъ і о его чудесѣхъ земли его
индѣйския і рече имъ царь Иванъ индѣянинъ: дружелюбцы! скажите
своему царю Мануилу: аще хоцещи вѣдати всѣхъ силъ моихъ і вся
чюдеса моего индѣскаго царства і ты продай свое царство грече-
ское да купи бумага да приедь в мое царство индѣйское с своими
книжники, и я дамъ списати чюдеса индѣйской земли і не мочи тебѣ
списати моего царства і до исхода души своея. Да еще ему рцете
отъ меня: царь де Мануилъ греческий! приедь во индѣйскую землю
и послужи мнѣ вѣрою і правдою, і я учиню тебя слугою себѣ в
другихъ или в третьихъ и ты будещи выше своего царства седемъ
седмичею і будеть тебѣ писати мое царство своимъ царствомъ на
бумаге, і ты со всѣми своими книжники не можещи списать, за-
неже нелзѣ тебѣ списати мое царство индѣйское: азъ есмь до ѿ-
бѣда попѣ, а после обѣда есмь царь над тремя тысящи короли, а
поборникъ есмь православной христовѣ вѣре, а царства моего ітъ-
ти во едину страну 12 лѣтъ, а в другую страну не вестъ сколько:
идѣже небо з землею соткнулося, потамѣсть мое царство сконча-
ся. Да скажете своему царю Мануилу ѿ чудесѣхъ индѣйския зем-
ли: Есть у меня в одной странѣ живутъ люди немья, а в другой

¹⁾ По рукописи конца XVII вѣка.

странѣ люди рогатыя¹⁾, а иныя люди травоадцы, а иные люди десети сажень высота их, а иные люди половина человекѣка, а другая пса; а иные люди 6 рукъ имѣють; а иные люди в волосахъ рты ихъ і очи; а иные люди вверхъ рты ихъ. Есть у меня люди бледные: единъ ударитца въ полкъ на 1000 человекѣкъ; да родятся в моемъ царствѣ звѣри слоны, древодоры²⁾ і водятся у насъ велбуды і каркодилы звѣри, лютые, і киторасы звѣри: головы человекѣчи, власы женскія і зверки скамалдры, которы во огни скачють, а не згарають, а на что онѣ прогнѣваются, на человекѣка іли на древо, помочитца по сердцу і згорить от мочи его тот час. Есть у меня птица, всякое желѣзо костыми своими протираетъ. Есть у меня птица, імя ей нагавинъ: шиваетъ гнѣздо на пятнадцати древесахъ. Есть у меня птица гараеитъ: шиваетъ гнездо на новъ мѣсяцъ і сходитъ огнь с небесе і самое гнѣздо сожигаетъ, і в томъ огни і сама згараетъ, толко останется единъ пепелъ і в томъ пепелу зарождается червь і возрастетъ і опернатѣетъ и потомъ таже птица бываетъ. А среди моего царства течетъ река Геденъ³⁾, а течетъ та река із раю и в той рекѣ емлють люди моего царства камень драгое, імя камению драгому сапфиръ, ізмарагда, сердоликъ, аспидъже стоитъ а арадъ камень аки огнь палящъ, есть всѣму камению царъ, імя ему еирсаламъ: всю ночь свѣтитъ, аки уголь горящій. А нѣтъ в моемъ царствѣ ни татя, ни разбойника, ни завидливаго человекѣка, занеже всѣмъ земля моя изошбилна. Есть у меня палата серебряная, покрыта златомъ и внутри украшена каменіемъ драгимъ і жемчугомъ, аки небо звѣздами. А иная у насъ палата сдѣлана в чистомъ злате, в нейже осмь столповъ отъ чистова злата, а толщина в столпѣ по три сажени, а высота осми сажень, а на всѣхъ столпѣхъ по камени по драгому: в нощи свѣтится, аки огнь горящій, а в день аки злато сияетъ. А в палате у меня огнь не горитъ: вмѣсто огня камень свѣтитъ; ащели огнь свѣтится в кадилехъ но из древа мир негниющаго і тѣмъ миромъ проклажаемся і тѣлеса своя мажемъ, ино не скоро старѣемся и очи не болятъ. Есть у меня палата серебряная на златыхъ столпѣхъ, а на столпѣ по два камени великихъ, аки карчаги, і тѣ каменія свѣтятся, аки горятъ в нощи, а в день аки злато сияетъ; а в той палатѣ самъ обѣдаю, а со мною обѣдаютъ 100 царей, 10 патриарховъ, 12 митрополитовъ, 40 епископъ, 100 дьяконовъ, 50 крылошан, 300 королей, 3 князей, а поварню у меня строятъ, ѣсть

1) Въ другомъ спискѣ: *ропатыя*.

2) Въ другомъ спискѣ: *драмодаре*.

3) Въ др. сд.: *Едемъ*.

припасают два царя, два короля, а перцу у меня исходит в столѣ, за обѣдом і за уженою по 4 бочки. А жену у себя имѣю лѣпу паче всѣх, а з женою совокупаюся по дважды в мѣсяце, по тому чтобъ племя не вилико... было да родно. І нѣсть в моемъ царствѣ никакова гаду, ни ужа, ни жабы, а каковъ гадъ в нашу землю прійдетъ і на тот часъ і умрет. Есть у меня море песочное, в немже нѣсть воды, но единъ песокъ; аки море колыбаецца, и николиже не стоит на одномъ мѣсте і отколе ветръ не потянет, оттоле и поидеть на трицать верстъ; і того моря никаковъ человекъ не проидет никакимъ хитростями, а за тѣм моремъ не вѣдает никаковъ человекъ, что есть тамо: потому что нѣсть конца ему, а противъ того моря река течет пескомъ без воды: три дни калыбается, а на четвертой день стоит тиха; четвертой день минется і она разливаецца по тѣмъ мѣстамъ. Есть у меня горы пустыя і с тѣх гор течет река невелика под землею, а на едино время раступаетца земля над тою водою, із нея выносить единъ песокъ. А иная рѣка течет въ болшия море, а на устьѣ тое рѣки живутъ люди моего царства, а кормят своихъ дѣтей і сами ядятъ сырую рыбу, а ловят тое рыбу — сами ныряютъ по три дни. А за тою рѣкою есть горы пустыя і с тѣх гор пылает огонь по многимъ мѣстамъ и в томъ огни живутъ черви, а без огня имъ нелзя ни часу быти, а тѣ черви нити із себя пускаютъ, ино чище вашего шелку, и тѣ нити емлютъ наши жены и шьютъ намъ рубахи, і какъ тѣ рубахи ізрудаются, ино ихъ в водѣ не моютъ, но в тотъ огонь мечютъ і во огни они не згараютъ, но будутъ чище злата. А коли пойду к нарочитому мѣсту, ино предо мною несутъ единъ крестъ древяной, на немже написано распятие господне, а посторонъ честнаго креста несутъ блюдо великое золотое, а на немъ единая земля написана і, на ту землю зря, поминаемъ смертнѣй часъ от земли есми создани богомъ и паки в ту же землю поидемъ; а по другую страну тогоже креста несутъ другое блюдо, золотоеже; а на немъ камень драгой і великій жемчугъ, и на тотъ камень смотрятъ, величается се наше государство. Идутъ предо мною три проповѣдника і возглашаютъ великимъ гласомъ; единъ возопиетъ: сей есть царь царемъ и государь государемъ; второй возопиетъ великимъ і умилнымъ гласомъ, яко от земли есми сотворены і в ту землю поидемъ. Дворъ я у себя имѣю с утра день ітти і до вечера ехать во единую страну, а в томъ моемъ дворѣ есть палаты древяныя, і каменныя, і серебряныя, і золотыя. Ещеже имѣю у себя полату серебряную, покрыта золотомъ, внутри украшена жемчугомъ и различными писмами от начала мира і до сего дни; ещеже дощину у себя имѣю от древа негниющаго, імя тому древу сарпалама: на огни не горитъ, на водѣ не

нетъ, в земли не гниет. Ещеж во дворѣ моемъ многие рѣки, і озе-
ра, і источники і овощи различныя: умъ человѣческій не можетъ
ізреши. Вратаже моя правая, веревя от камня драгаго самѣира, дру-
гая веревя слововыхъ зубовъ, кровля же врат моихъ змиевыхъ розей;
вратаже моя золотыя і з драгимъ каменіемъ і жемчюгомъ; да на моихъ
же вратѣхъ ісписаны чудеса от Адама і до сего дни. Да еще стоятъ
среди моего двора 40 столповъ серебряныхъ, позолочаныхъ, а во вся-
комъ столпѣ вковано по 40 колець, а у всякова колца привязано по
40 коней, а на тѣхъ коняхъ ѣздить со мною на всякую потѣху і за
мой столъ садятся тѣ люди, цари, і князя і короли, оприче патриар-
ховъ і митрополитовъ, і епископовъ, і всего причета црковнаго.
Какоже ты, царь Мануйлъ греческій, можешь списать царство ин-
дѣйское?» Потомъ отпусти послы его честно, нынѣ і присно і во
вѣки вѣкомъ. Аминь.

ЗАГОВОРЫ НА ОРУЖІЕ¹⁾.

I. Господи! оружіе на діавола крестъ твой далъ еси намъ: трепещеть бо и трясется не могій възрати на силу его, яко мертвыя воз-
ставляетъ и смерть упраздни, сево рады кланяемся кресту твоему....

Молитва Господа нашего Иисуса Христа отъ стрѣлъ и пушечныхъ ядеръ и всякихъ пулекъ и всякаго оружія и побойца.

Господи благословы!

Во имя Отца и Сина и Святаго Духа! и взииде на гору господню Господа нашего Иисуса Христа со мною, рабомъ божіимъ, им-
рекъ, и святаго пророка предтечи и крестителя господня Іоанна, молитвами святаго Николая Чудотворца, заступѣте мене отъ стрѣлъ и пулекъ и пушечныхъ ядеръ: стойте и не ходите ко мнѣ рабу божію, имрекъ, и моихъ товаришовъ въ заговорномъ оружіи пятисотъ трид-
цать человѣкъ, молитвами святыхъ апостолъ и молитвами святыхъ отецъ запрещаю вамъ стрелкамъ, и пищальнымъ пулкамъ, и пушеч-

¹⁾ Предлагаемые заговоры заимствованы нами изъ рукописи Е. Д. Филимонова, писанной въ 1769—1774 г. въ Харьковѣ. Къ сожалѣнію эта рукопись, сохранив-
шая нѣкоторые произведенія устной народной словесности, писана весьма небрежно и сильно пострадала отъ времени; нѣкоторые листы ея утрачены, дру-
гіе полуистлѣли; чернила во многихъ мѣстахъ выцвѣли.

нымъ ядрамъ и всякому оружію я, рабъ божій, имрекъ, и моихъ товаришовъ пятисотъ тридцать человекъ всѣми святыми молитвами и апостолами, архангелами и ангелами, Михаиломъ, Гаврииломъ и со всею небесною силою, и со всѣми преподобными отцами, и святыми священномучениками, которые за Христа кровь свою проливали, святой Тихонъ . . . .¹⁾ всякаго супостата; святіе четыре апостола Іоанъ, Матфей, Марко, Лука помолитесь за меня Господу Богу раба божія, имрекъ, и моихъ товаришовъ въ заговорномъ оружіи пятисотъ (тридцать?) человекъ. Слава во имя господне, Господа нашего Иисуса Христа повергни Господь вороговъ моихъ и супостатовъ въ окіянь море и подъ бѣлой камень, и каково въ замкахъ сидѣти крѣпко, таково би било слово христово крѣпко на рабъ божѣмъ, имрекъ, и моихъ товаришовъ въ заговорномъ оружіи пятисотъ тридцать человекъ: коли ти мои недруги изо дна моря ключи достануть, тогда мене, раба божія, имрекъ, и моихъ товаришовъ въ заговорномъ оружіи пятисотъ тридцать человекъ избранныхъ достануть. Да не доставать тѣмъ моимъ злимъ недругомъ изо дна моря ключовъ и мене раба божія, имрекъ, не доставать и товаришовъ моихъ въ заговорномъ оружіи, не образить никакимъ ратнымъ оружіемъ: како . . . . не выходитъ, такжебъ стрѣлкою, и пищальнымъ пулкамъ, и пушечнымъ ядрамъ не выходитъ, нехайже . . . . идутъ мимо мене. Я рабъ божій, имрекъ, и моихъ товаришовъ въ заговорномъ оружіи пятисотъ тридцать человекъ, всегда нинѣ и прѣсно и во вѣки вѣковъ аминь.

II. Во имя Отца и Сина и Святаго Духа! есть море каменное; на томъ морѣ стоитъ каменный столпъ и на томъ столпѣ стоитъ каменной мужъ: висота его отъ земли до небеси, широта его отъ востока до западу, а той мужъ заблетъ заповѣди божія, воюеть своимъ посухомъ желѣзнимъ, и всякому желѣзу и окладу, булату синему и красному, и стреламъ простимъ, и всякому оружію желѣзному, и стреламъ, и пищальнымъ пулкамъ свинцовымъ и оловянымъ, серебрянымъ, мѣднымъ и желѣзнымъ, и каменнымъ и пушечнымъ ядрамъ желѣзнымъ и всякому пушечному ядру, ни таблю стѣчною, ни ножемъ разить, ни копіемъ колоть, никакимъ оружіемъ не рушить мене, раба божія, имрекъ, и моихъ товаришовъ оружіе (sic!) пятисотъ тридцать человекъ, не образить мене никакимъ ратнымъ оружіемъ и какъ сковороднича ушима своими воротить за сковороду, такъ би воротилось отъ мене, раба божія, имрекъ, и моихъ товаришовъ въ заговорномъ оружіи пятисотъ тридцать человекъ по той же заповѣди

¹⁾ Точками обозначены мѣста неразобранныя.

всякому желѣзу з...ды своей матери земли, а древо въ лѣсъ, а періе въ птицу, а птица въ небо, а клей во свою мать рыбу, а рыба въ море отъ мене раба божія, имрекъ, и моихъ товаришовъ въ заговорномъ оружіи пятисотъ тридцать человекъ; и буде платя мое крѣпчайше шамина, и панцыря, и ковчега булатные, всегда нинѣ и прѣсно и во вѣки вѣковъ аминь.

III. Азъ рабъ божій, имрекъ, и моихъ товаришовъ иду, на ратный бой, далеко, противъ нератныхъ людей, своихъ злихъ супостатовъ; нератніе люди идутъ противъ мене раба божія, имрекъ, и моихъ товаришовъ пятисотъ тридцать человекъ и несутъ крестъ господень, на немъ же распятъ бысть Іисусъ Христосъ, истинной богъ нашъ..... божество совершается и господство совокупляется, то идутъ на мене, раба божія, имрекъ, холми и земли; и якъ широта земли и висота до неба такъ бы летѣли стрѣли и пищальные пулки и пушечныя ядра отъ мене раба божія, имрекъ, и товаришовъ моихъ пятисотъ тридцать человекъ, во вѣки вѣковъ аминь.

IV. О пресвятая госпоже Богородице, матка христова! укрой ризою своею святою отъ неба и до земли мене самага и коня мого и кто при мнѣ есть; отжени непріятеля отъ мене, и учини порохъ водою, а пулю вѣтромъ отъ мене раба божія, имрекъ, ангеле христови на соблюденіе мнѣ отъ Бога съ небеси дай мнѣ..... прылежно молюся: ти мя днесь сохрани и просвѣти отъ всякія присподи и ко всякому дѣянію и на путь спасенія направи. Аминь.

ПРИМЪЧАНІЕ ЛОМОНОСОВА НА СКАЗАННУЮ О СУМАРКОВѢ ФРАЗУ:

Quand un tel parallèle désigne deux génies créateurs.

Génie Créateur перевелъ въ свои трагедіи изъ французскихъ стихотворцевъ все, что ни есть хорошево, съ великимъ множествомъ несносныхъ погрѣшностей въ російскомъ языкѣ; и оныя шивалъ еще гаже своими мыслями и словами. *Génie Créateur!* стихосложеніе принялъ сперва развращенное отъ Третьяковскаго и на присланныя изъ Фрейберга сродныя нашему языку и свойственныя написалъ ругательную эпиграмму. Однако послѣ имъ же послѣдовалъ

и писалъ понимъ всё свои трагедіи и другіе стихи. *Génie Créateur!* Дѣйствіямъ училъ Мелиссино; а онъ только вздорилъ и всегда представлялъ въ комедіяхъ комедіи. *Génie Créateur!* Директорство Россійскаго театра велъ такъ чиновно, что за многія мечтательныя его неудовольствія и неистовыя наглости лишенъ полной прежней команды. *Génie Créateur!* Сколько ни жилился летать одами, выбирая изъ другихъ Россійскихъ сочиненій слова и мысли, и хотя ихъ превысить; однако толь же счастливъ былъ какъ Икаръ. *Génie Créateur!* Новое изобрѣтеніе выдумалъ пчелку и посылалъ ее на медъ на стрѣлку, чтобы потомъ жалила подъячихъ. Изрядной нашелъ способъ въ крапиву исп...няться! *Génie Créateur!* Сочинялъ любовныя пѣсни и тѣмъ весьма счастливъ: для того что вся молодѣжь, то есть пажи, коллежскіе юнкеры, кадеты и гвардіи капралы такъ ему послѣдуютъ, что онъ передъ многими изъ нихъ самъ на ученика ихъ походить. *Génie Créateur!*

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА ПЛЕМЯННИКА Н. И. НОВИКОВА КЪ А. И. ТУРГЕНЕВУ¹⁾.

Исполняя пріятной долгъ благодарности за состраданіе къ симъ несчастнымъ, я вновь обращаюсь къ вамъ съ убѣдительнѣйшею просьбою принять живѣйшее въ семь чудесно-несчастномъ семействѣ участіе. Безъ вашего теперь содѣйствія они изгонятся изъ дому и бѣдная дѣвушка, лишенная всего, съ двумя страдальцами должна будетъ искать пристанища въ домахъ чуждыхъ.

Все, случившееся съ покойнымъ Николаемъ Ивановичемъ, извѣстно, можетъ быть, правительству болѣе, нежели его дочери. По возвращеніи его Императоромъ Павломъ, онъ не хотѣлъ никакого вознагражденія, дабы оправдать себя и Государя своего отъ клеветы и ложныхъ заключеній, и, удалясь въ маленькое свое имѣніе, не представлялъ быть другомъ челоувѣчества. Новыя испытанія, чрезъ болѣзнь

---

¹⁾ Письмо, отрывокъ котораго мы печатаемъ по имѣющейся у насъ копія, писано, вѣроятно, въ одно время съ извѣстною запискою Карамзина о Новиковѣ.

дѣтей его постигшія, и устройство маленькаго и въ отсутствіе его разстроеннаго имѣнія требовали займа; онъ занялъ 10,000 руб. серебромъ, не составлявшіе тогда болѣе 35000 ассигнаціями, они вскорѣ обратились въ долгъ сорокатысячной. И отсюда началось разстройство дѣлъ его совершенно; такимъ образомъ оставшійся на немъ долгъ превышаетъ не много 100 т. рублей. Въ 1812 году онъ одинъ не оставлялъ своего дома, былъ блюстителемъ спокойствія окрестныхъ обитателей, защитникомъ челоуѣчества: ибо онъ платилъ крестьянамъ по рублю за каждаго живаго плѣннаго;—содержалъ приводимыхъ къ нему;—пользовалъ больныхъ и раненыхъ, а по изгнаніи непріятеля всѣхъ ихъ препроводилъ къ показавшимся обратно полиціямъ и московскому коменданту, — не ища никакой награды. Челоуѣкъ примѣрно добродѣтельный, переносившій страданія свои при совершенномъ спокойствіи духа, во всѣхъ случаяхъ былъ твердъ и полезенъ своимъ ближнимъ; исполненный вѣры, преступилъ черту міра суетъ: долженъ ли онъ быть забытъ его послѣдователями, истинными христіанами? Ради самого Христа, призовите на помощь его несчастнаго семейства всѣхъ, кого можете, и оставьте ему пристанище при гробѣ ихъ почтеннѣйшаго родителя, прахъ коего конечно поищутъ многіе, обращенные на путь истины. Государь милосердъ, богобоязливъ и сострадателенъ; онъ не отречется отъ искупленія оставленныхъ страдальцевъ; нужно только довести до свѣдѣнія Его.

ПИСЬМО Н. И. НОВИКОВА¹⁾.

Умѣдлалъ я, любезный другъ и Милостивый Государь василій васильевичъ, отвѣтомъ на писмо ваше, благодарностію за трудъ вашъ въ списаніи 2 ч. Жизни Г-жи Гюнь и увѣдомленіемъ о полученіи обратно 4 вѣка исторіи еретиковъ: что все нынѣ исполняя, прошу благосклоннаго извиненія въ медлѣнности моей: которая и по худому здоровью и по безпрестаннымъ хлопотамъ случилась.—Нынѣ

---

¹⁾ Списано буквально съ подлинника, находившагося въ древнехранилищѣ М. П. Погодина.

посылаю къ вамъ 5 вѣкъ сей Исторіи; ваши рѣчи прошу потерпѣть у меня были онѣ уже списаны, но брали списывать кое кто, а теперь не могу и отыскать, принужденъ въ другой разъ списывать. Третью часть Жизни Г-жи Пюнь и бѣлую бумагу, прошу пожаловать прислать, теперь нашолся еще писецъ, такъ я отдамъ ее переписывать. Не забудьте о *семейственныхъ картинахъ*: дѣти все ко мнѣ пристають объ ней. Еще маленькая прозѣба, которую прошу постараться исполнить: она есть слѣдующая: покойной Иванъ Ивановичъ Голиковъ, взялъ у меня нѣсколько Экз. *Дѣяній Петра вел.* съ тѣмъ что бы за нихъ отдать *дополненіемъ*, что онъ и прежде дѣлывалъ. Сіе случилось прежде отъѣзда моего въ деревню, а потомъ что случилось вамъ извѣстно. Сколько онъ взялъ Экз. и сколько я долженъ былъ получить, сего теперь не помню и справиться непочемъ: но я за все очень доволенъ (буду), ежели Егоръ Ивановичъ сдѣлаетъ одолженіе, дастъ мнѣ одинъ экземпляръ всѣхъ томовъ *Дополненія*, сколько ихъ было напечатано. Я бы хотѣлъ имѣть у себя сей увражъ полнымъ, въ память двухъ покойниковъ Героя и Автора, котораго я всегда любилъ. Дѣяній 12 томовъ у меня отъ разоренной моей библіотеки уцѣлѣли въ деревнѣ. Ежели Егоръ Ивановичъ согласится сдѣлать сіе одолженіе, то прошу переплетенной отдать вручителю: ибо я отдамъ переплестъ въ одинакой переплестъ съ *Дѣяніями*: а ежели не согласится, такъ етому дѣлу такъ и быть.

Прости Люб. др. желаю вамъ добраго здоровья и всѣхъ благъ, въ милости Господней. Есмь навсегда съ искреннею любовію, дружествомъ и почтеніемъ

вашимъ вѣрнымъ и покорнымъ слугою Н. Новиковъ.

13 Ноября 1806.

БИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ О РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ XVIII ВѢКА.

М. И. ВЕРЕВКИНЪ.

Въ Словарѣ свѣтскихъ писателей митрополита Евгенія (т. 1, стр. 73 — 74) сказано, что М. И. Веревкинъ былъ съ 1758 по

1761 г. директоромъ казанской гимназіи, съ 1782 г. корреспондентомъ Академіи Наукъ, скончался 21 марта 1795 года въ вотчинѣ своей клинскаго уѣзда, въ селѣ Михайловѣ; въ молодости сочинялъ стихи, помѣщавшіеся въ журналъ: «Полезное Увеселеніе», потомъ написалъ комедію: «Такъ и должно», имѣвшую въ свое время весьма значительный успѣхъ; но преимущественно извѣстенъ переводами многотомныхъ сочиненій съ французскаго и нѣмецкаго языковъ». Печатаемъ здѣсь бумаги, касающіяся его литературныхъ трудовъ.— Въ 1792 году Веревкинъ подалъ на имя Государыни слѣдующее всеподданнѣйшее прошеніе:

Всеправосуднѣйшая Государыня!

1-е. Въ 1763-мъ, всемилостивѣйше твоимъ указомъ кабинету предписано за переводы иностранныхъ книгъ, которыя щедротою твоею обращались всегда въ пользу мою, выдавать мнѣ жалованья по 750 рублевъ по смерти моею.

2-е. Въ 1776 по благоизволенію твоему же, Государыня! опредѣленъ я къ статскимъ дѣламъ съ прибавкою къ жалованію по чину, изъ прежняго по 450 рублей, достальныхъ же со удержаніемъ въ казнѣ.

3-е. Въ слѣдовавшее затѣмъ до днесь междовреміе, по Твоей же волѣ святой, печаталися произведенія пера моего на счетъ кабинета въ казенныхъ только двухъ типографіяхъ: сначала университетской, послѣ же училища горнаго, которыя во чтѣ становилося имъ всякаго моего труда тисненіе—по подаваемымъ въ кабинетъ счетамъ получали деньги, мнѣ же отпускали книги натурою, и я, ихъ продавая оптомъ, выручалъ тысячи по двѣ, болѣе или менѣе на годъ, по соразмѣрностямъ съ количествами оныхъ.... Тако проводилъ я прежде и послѣ уже моей отставки, послѣдовавшей въ 1781-мъ, 16 лѣтъ даваемыми мнѣ изъ прежняго моего жалованья 450 рублями, расплачиваяся съ займодавцами моими.

4-е. Въ нынѣшнемъ февралѣ сія послѣдняя милость Твоя, единое и все пропитаніе мое составлявшая, отнялася у меня. Обнищаль всесовершенно; я и семейство мое разсѣянно ищемъ уже нынѣ хлѣба насущнаго по челоуѣколюбцамъ.... Ты, Государыня! одному Богу развѣ уступаешь въ челоуѣколюбіи и милосердіи.

5-е. Къ тебѣ единой и вопіеть безгрѣшный предъ тобою старикъ, полстолѣтія на служеніе тебѣ и предкамъ твоимъ всѣ силы истощавшій: взыщи единожды уже тобою въ 1763-мъ дарованнымъ жалованьемъ по 750 рублевъ на годъ; повели удержанныя части онаго чрезъ шестнадцать лѣтъ ему выдать, да очистится отъ всѣхъ своихъ долговъ; ушедри возвращеніемъ въ первобытное его, десни-

цею твое устроенное въ 1763-мъ, состояніе — и во убогой своей о сорокъ душахъ деревенькѣ подышеть еще сколько-нибудь на свѣтъ самъ, издавая въ печать въ казенной какой-либо типографіи, безъ обремененія казны твоей, элементарныя только и тому подобныя сочиненія, слава и боготворя великое имя твое.

Всеправосуднѣйшая Государыня!
Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій *Михаилъ Веревкинъ*.

(Прошеніе было сложено въ четвертку, съ надписью на оборотѣ: «Божественная правосудица! въ послѣдній на всю жизнь мою разъ о себѣ лично утруждаю: удостой прочтенія»).

При дѣлѣ хранится еще другое подобное же прошеніе Веревкина, которое также приводимъ сполна:

Великая Самодержица!

Указомъ кабинету, за подписаніемъ руки вашей, въ 1763-мъ повелѣно выдавать мнѣ по 750 рублей на годъ по смерть мою.

Таковымъ же въ 1776-мъ опредѣленъ я къ статскимъ дѣламъ съ прибавкою къ жалованію по чинамъ моимъ изъ вышесказанныхъ 750-ти по 450-ти ежегодно.

Въ 1781-мъ за болѣзною отставленъ. Съ того времени до днесь получая изъ того вѣчно-пожалованнаго мнѣ пенсіона 750-ти только по 450-ти, на старости моей съ немалымъ семействомъ нуждаюсь даже дневною пищею; ибо и сіи 450 удерживаются у меня, по моему же прошенію, въ московскомъ счетномъ казначействѣ на уплату долговъ моихъ.

Подъ скиптромъ твоимъ, Государыня! всякая душа тобою прирѣйна; призри и на меня, пятьдесятъ лѣтъ тебѣ собственно и высокимъ предкамъ твоимъ ревностно и безпорочно служившаго. Слово твое непреложно; повели исполняться по первоупомянутому именно обо мнѣ въ 763-мъ указу твоему: выдавать мнѣ отнынь и удерживаемая со дня отставки моей изъ вѣчно-пожалованнаго онаго мнѣ пенсіона по 300 рублей ежегодно по смерть мою!

Великая Самодержица!

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій *Михаилъ Веревкинъ*.

Вслѣдствіе этихъ прошеній была составлена слѣдующая

*Записка о пансіонѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника
Веревкина.*

«Въ 1763-мъ и 1764-мъ годахъ Ваше Императорское Величество высочайше повелѣтъ соизволили быть ему въ вѣдомствѣ кабинета,

для перевода съ иностранныхъ языковъ книгъ съ жалованьемъ по 750 р. въ годъ, которымъ и пользовался онъ по 1776-й годъ, а въ семь году опредѣленъ былъ въ Новгородъ въ намѣстническое правленіе совѣтникомъ, гдѣ къ окладному его жалованью 600 рублямъ по высочайшему соизволенію прибавлено изъ числа получаемыхъ изъ кабинета 150 рублей, что и сдѣлало тѣже прежде получаемые имъ 750 рублей. Послѣ того вскорѣ прибавлено еще изъ кабинета по 300 рублей, что и составило кабинетскихъ 450, да окладныхъ 600, а всего 1050 рублей. Потомъ опредѣленъ въ гражданскую палату предсѣдателемъ, а по сему мѣсту съ жалованьемъ по 840 рублей, а съ означенными 450 получалъ онъ 1290 р. Наконецъ въ 1781-мъ году уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника безъ жалованья; остались же при немъ только кабинетскіе 450 рублей, но какъ оныя обращены были на уплату долговъ его, то и содержалъ онъ себя переводомъ книгъ, которыя тогда же высочайше повелѣно было печатать на счетъ казны изъ кабинета. Въ 1792-мъ году сіе книгъ печатаніе высочайшимъ повелѣніемъ воспрещено; симъ самымъ доходъ его отъ переводовъ книгъ совсѣмъ пресекался. А хотя отпускаются ему изъ кабинета помянутые по 450 рублей въ годъ; но какъ выше явствуетъ, что обращены оныя на уплату долговъ его, которые претендаты его и получаютъ изъ счетныхъ казначействъ уже сами погодно, то и остался онъ теперь въ старости лѣтъ своихъ и съ семействомъ безъ малѣйшаго дохода. Просить изъ высочайшаго милосердія на малой остатокъ дней его дать ему насущной хлѣбъ въ пропитаніе».

Кромѣ того, при письмѣ С. Стрекалова отъ 25 ноября 1792 г. къ Г. Р. Державину препровождены, вѣроятно,—для доклада Государынѣ, выписка изъ дѣлъ кабинета, о производимой оттуда пенсіи статскому совѣтнику Вережкину и подробная вѣдомость о сочиненіяхъ его и переводахъ, печатанныхъ на счетъ кабинета. «Выписка» въ началѣ сообщаетъ уже извѣстныя намъ свѣдѣнія; выписываемая ея окончаніе: «За сочиненіе же и переводы его г. дѣйств. статскаго совѣтника Вережкина, на счетъ кабинета печатанныя, заплачено денегъ съ того 1776 года по нынѣшній 1792-й годъ, въ типографіи: Московскаго университета — 42,855 р. 62 к., горнаго училища — 23,501 р. 93¹/₂ к.; а всего 66,357 р. 55¹/₂ к. И какъ сія сумма плачена въ тѣ типографіи по требованіямъ оныхъ, а не ему г. Вережкину выдавана, то и неизвѣстно въ кабинетѣ, какими онъ выгодами отъ помянутыхъ типографій пользовался. Сверхъ сего въ типографіи горнаго училища въ нынѣшнемъ году напечатано его книгъ на 4311 р. 23³/₄ к., да въ типографіи академіи наукъ печатается

книга подъ заглавіемъ: «Картина Оттоманской имперіи»; во что-жь оная обойдется еще неизвѣстно. Но платежъ сихъ послѣднихъ денегъ, по силѣ именныхъ Ея Императорскаго Величества высочайшихъ указовъ сего 1792 года февраля 27 и 28 числѣ остановленъ впредь до воспослѣдованія на оное особаго высочайшаго повелѣнія».

При «выпискѣ» приложены въ копіяхъ:

а) Высочайшій указъ отъ 17 октября 1763 года: «указали мы пожалованному отъ насъ въ вѣчную отъ всѣхъ дѣлъ отставку коллежскому совѣтнику Михайлѣ Веревкину быть въ вѣдомствѣ нашего кабинета у переводу книгъ съ иностранныхъ на російской языкъ, а для бѣдности его выдать ему нынѣ изъ онаго кабинета въ награжденіе 300 рублей; когда же данную ему книгу переведеть и тотъ его переводъ опробованъ будетъ, то и жалованье по чину коллежскаго совѣтника производить ему».

б) Высочайшій указъ отъ 23 генваря 1764 г. о производствѣ Веревкину жалованья по чину изъ комнатной суммы.

в) Высочайшее повелѣніе, объявленное дѣйств. тайн. совѣтникомъ Олсуфьевымъ отъ 11 августа 1776 г. о производствѣ Веревкину, опредѣленному къ дѣламъ въ Новгородской губерніи, додавать къ новому его жалованью 150 рублей изъ комнатной суммы на годъ.

г) Записка императрицы къ Олсуфьеву отъ 25 октября 1776 года: «Адамъ Васильевичъ! Колл. Совѣтн. Веревкину изъ прежней пенсіи выдавайте по триста рублей; да и книги, которыя переводить или сочинять онъ будетъ—печатали бы на коштъ кабинета, какъ сіе и было ему предъ симъ позволено».

е) Записка императрицы С. Ф. Стрекалову отъ 27 февраля 1792 года «Степанъ Ѳедоровичъ! прикажите выправиться по кабинету во что въ прошломъ году стали(о) печатаніе переводы(овъ) Веревкина, и до указа болѣе не давайте на оныя ни едину копѣйку изъ кабинетной суммы».

ф) «1792 года февраля въ 28 дней, Ея Императорское Величество высочайше указать соизволила: чтобы впредь ни въ какихъ типографіяхъ какъ сочиненій, такъ и переводовъ, безъ особливаго Ея Величества повелѣнія, а притомъ и безъ увѣдомленія отъ кабинета на счетъ онаго не печатать; а позволила Ея Величество печатать сочиненія и переводы г. коллежскаго совѣтника Петрова. На подлинномъ подписано: Степанъ Стрекаловъ».

ВЪ ДОМОСТЬ.

Именнымъ Ея Императорскаго Величества высочайшимъ указомъ за собственноручнымъ подписаніемъ 1776 года октября въ 25 день повелѣно: сочиненія и переводы г. дѣйств. стат. сов. Михайла Ивановича Веревкина печатать на счетъ кабинета. Въслѣдствіе чего напечатано въ типографіяхъ нижесписанныхъ книгъ, и за оныя отпущено изъ кабинета въ тѣ типографіи по требованіямъ ихъ денегъ, а именно:

Въ которой типографіи и какія книги печатаны.	Типографіи требоваги.	Въ какое время изъ кабинета заплачено.
Въ Типографіи Московскаго Императорскаго Университета:		
1776 г.		
Сюллиевыхъ записокъ,		
9-го тома	501 р. 39 ¹ / ₄ к.	1776 марта 17.
10-го »	414 р. 47 к.	— ноября 10.
1777.		
За напечатаніе переводовъ	380 р. 84 ¹ / ₄ к.	1777 октября 23.
1779.		
Всеобщаго повѣствованія о путешествіяхъ,		
2-го тома	597 р. 6 ¹ / ₄ к.	1779 декабря 17.
4-го »	572 р. 15 к.	1782 февраля 17.
1780.		
Описаніе Екатерининскимъ водамъ, 1 книга	155 р. 87 ¹ / ₂ к.	1780 декабря 22.
1782.		
Сказаніе о мореплаваніи, 1-й части	445 р.	1782 іюля 13.
1783.		
2-й части	} 3185 р. 13 ¹ / ₂ к.	1783 генваря 26.
О странствіяхъ, 1-й и 2-й		
3-й	1874 р. 80 к.	— марта 31.
4-й	1818 р. 45 к.	— іюня 30.
5-й и 6-й	2939 р. 61 к.	— декабря 11.
1784.		
7, 8 и 9-й	3779 р. 25 к.	1784 апрѣля 26.
10 и 11-й	2680 р. 99 к.	— декабря 30.

1785.				
12-й	1287 р.		1785 января 12.	
13 и 14-й	3699 р. 32 к.		— августа 27.	
15-й	2196 р. 91 к.		— октября 25.	
16-й	1557 р. 5 к.		— декабря 16 и	
1786.			1786 декабря 28.	
17-й	1570 р. 66 ¹ / ₂ к.		— мая 28.	
18-й	1320 р. 74 ¹ / ₂ к.			
1787.				
19-й	1665 р. 58 к.	}	1789 февраля 12,	
20-й	1421 р. 16 ¹ / ₂ к.		1791 марта 21,	
21-й	1608 р. 82 к.		апрѣля 29 и мая 8.	
22-й	551 р. 83 ¹ / ₄ к.			
1786.				
О китайцахъ 1-го т.	959 р. 67 ¹ / ₂ к.		1786 декабря 28.	
1-го »	1248 р. 21 ¹ / ₂ к.		— октября 19.	
1787.				
3-й т.	1573 р. 59 ¹ / ₂ к.	}	1789 февраля 12,	
4-й »	940 р. 91 к.		1791 марта 21,	
1788.			апрѣля 29 и мая 8.	
5-й »	949 р. 40 к.			
6-й »	959 р. 71 к.		Итого въ типог. московск. университ. 42,855 р. 62 к.	
Въ типографіи горнаго училища:				
1786.				
Аглинской исторіи,				
1-й томъ	932 р. 13 к.		1786 октября 19.	
2-й »	998 р. 20 к.		— декабря 5.	
1788.				
3-й »	1034 р. 93 к.		1788 июня 17.	
Французской исторіи,				
1-й и 2-й томъ	1870 р. 30 к.		— декабря 29.	
3-й »	1006 р. 95 к.		— ноября 29.	
1789.				
Лермейстера или наставника, 1-й части	722 р. 20 к.		1789 ноября 6.	
1790.				
2-й »	636 р. 22 ¹ / ₂ к.		1790 февраля 25.	
3-й и 4-й »	2510 р. 1 ³ / ₄ к.		— декабря 24.	
1791.				
5-й »	531 р. 16 ¹ / ₄ к.		1791 января 17.	

6-й и на гравировку досокъ . . .	3094 р. 31 ¹ / ₄ к.	— — марта 11.
7, 8 и 9-й . . .	2219 р. 53 к.	— — июля 16.
1790.		
Алкорана, 1-я книга 1791.	994 р. 47 ¹ / ₂ к.	1790 августа 7.
2-я . . .	808 р. 50 к.	1791 июля 16.
1790.		
Исторіи турецкой, 1-го тома	116 р. 68 к.	1790 августа 7.
2-го »	1838 р. 32 ¹ / ₂ к.	— — декабря 7.
1791.		
3-го »	887 р. 90 к.	} 1791 генваря 17.
4-го »	938 р. 36 ¹ / ₄ к.	
Житія философа Кон- фуція, 1 книга съ портретомъ . . .	1361 р. 73 ¹ / ₂ к.	— —

Итого въ типогра-
фію горнаго учили-
ща 23,501 р. 93¹/₂ к.

А всего въ типо-
графіи московскаго
университета и гор-
наго училища . . . 66,357 р. 55¹/₂ к.

Въ оной же типогра-
фіи горнаго училища
сего 1792 года:

Наставника 10 части	752 р. 45 к.	} Платежъ сихъ денегъ остановленъ по силѣ именнаго Ея Импера- торскаго Величества указа, писаннаго и подписаннаго собст- венною Ея Величества рукою сего 1792 года февраля 27 дня (*).
Географическаго сло- варя, 1-й части . . .	726 р. 71 ¹ / ₄ к.	
2-й » . . .	822 р. 85 к.	
3-й » . . .	785 р. 52 ¹ / ₂ к.	
4-й » . . .	616 р. 50 к.	
5-й » . . .	607 р. 20 к.	
	<hr/> 4311 р. 23 ³ / ₄ к.	

(*) Книги, означенныя въ этой вѣдомости, указаны въ словарѣ Евгенія, од-
нако не все; имъ пропущены исторія французская (переводъ сочиненія аббата
Милота, означенъ въ «Росписѣ» Смирдина подъ № 3147) и англійская (того же
автора, у Смирдина подъ № 3179), житіе Конфуціуса (у Смирд. № 3423), пол-

Въ типографіи Императорской академіи наукъ, печатается книга подъ заглавіемъ:

Книга Оттоманской имперіи.

Оная печатается по указу изустно объявленному директору сей академіи, госпожѣ статсъ-дамѣ княгинѣ Екатеринѣ Романовѣ Дашковой, чрезъ г. дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гавріила Романовича Державина.

ная картина Оттоманской имперіи (у Смирд. № 3587) и Записки о Китайцахъ (у Смирд. № 3584). «Роспись» Смирдина еще указываетъ на комедію Веревкина: «Точь въ точь» (Спб. 1785 г.), и на переведенный имъ «Хозяйственной деревенскій календарь» (М. 1794 г.).

О Г Л А В Л Е Н І Е

ВТОРАГО ТОМА.

І. ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

	стр.
Матеріалы для характеристики Карамзина, какъ практическаго философа. <i>Н. П. Лыжина</i>	3
Смоленская легенда о св. Меркуріи. <i>Θ. И. Буслаева</i>	13
Послѣднее мнѣніе Шафарика о Глаголицѣ. <i>І. П. А. Е. Викторовова</i>	67

ІІ. МАТЕРІАЛЫ.

Сказаніе о созданіи великія Божія церкви св. Софіи въ Константинополѣ. Съ предисловіемъ <i>К. К. Герца</i> и <i>Θ. И. Буслаева</i>	3
Русскіе интерлюдіи первой половины XVIII вѣка. Съ предисловіемъ <i>Н. С. Тихонравова</i>	35
Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ	<u>61</u>
Прѣніе литовскаго протопопа Лаврентія Зизанія съ игуменомъ Илією и справщикомъ Григоріемъ по поводу исправленія, составленнаго Лаврентіемъ Катихизиса	80
Сказка объ Урусланѣ Залазаревичѣ. По рукописи XVIII вѣка, сообщенной <i>В. М. Ундольскимъ</i>	<u>100</u>

ІІІ. СМѢСЬ И БИБЛІОГРАФІЯ.

Придворныя проповѣди въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны. <i>Н. А. Попова</i>	1
Повѣсть града Іерусалима. <i>Θ. И. Буслаева</i>	34
<i>Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft</i> . Herausgegeben von Dr. Lazarus und Dr. Steinthal (1859 № 1). <i>А. Л. Дювернуа</i>	44
Сказка о милосердомъ купцѣ	61

	стр.
Стихъ о книгѣ голубиной	64
Повѣсть о Теодорѣ жидовинѣ	69
Разговоръ о дѣтяхъ Адамовыхъ	72
Русскій расколъ старообрядства, разсматриваемый въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и граж- данственности въ XVII вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII. Сочиненіе Щапова. <i>И. С. Некрасова</i>	73
Повѣсть о чудеси Пречистыя Богородицы. о градѣ Муромѣ и о епископѣ его, како приде на Рязань	97
Русская легенда XVII вѣка о образѣ Богородицы	99
Сказаніе о индѣйскомъ царствѣ	103
Примѣчаніе Ломоносова на сказанную о Сумароковѣ фразу: <i>Quand un tel parallèle désigne deux génies créa- teurs.</i>	105
Отрывокъ изъ письма племянника Н. И. Новикова къ А. И. Тургеневу	106
Письмо Н. И. Новикова	107
Биографическія замѣтки о русскихъ писателяхъ XVIII вѣка (М. И. Веревкинъ)	108